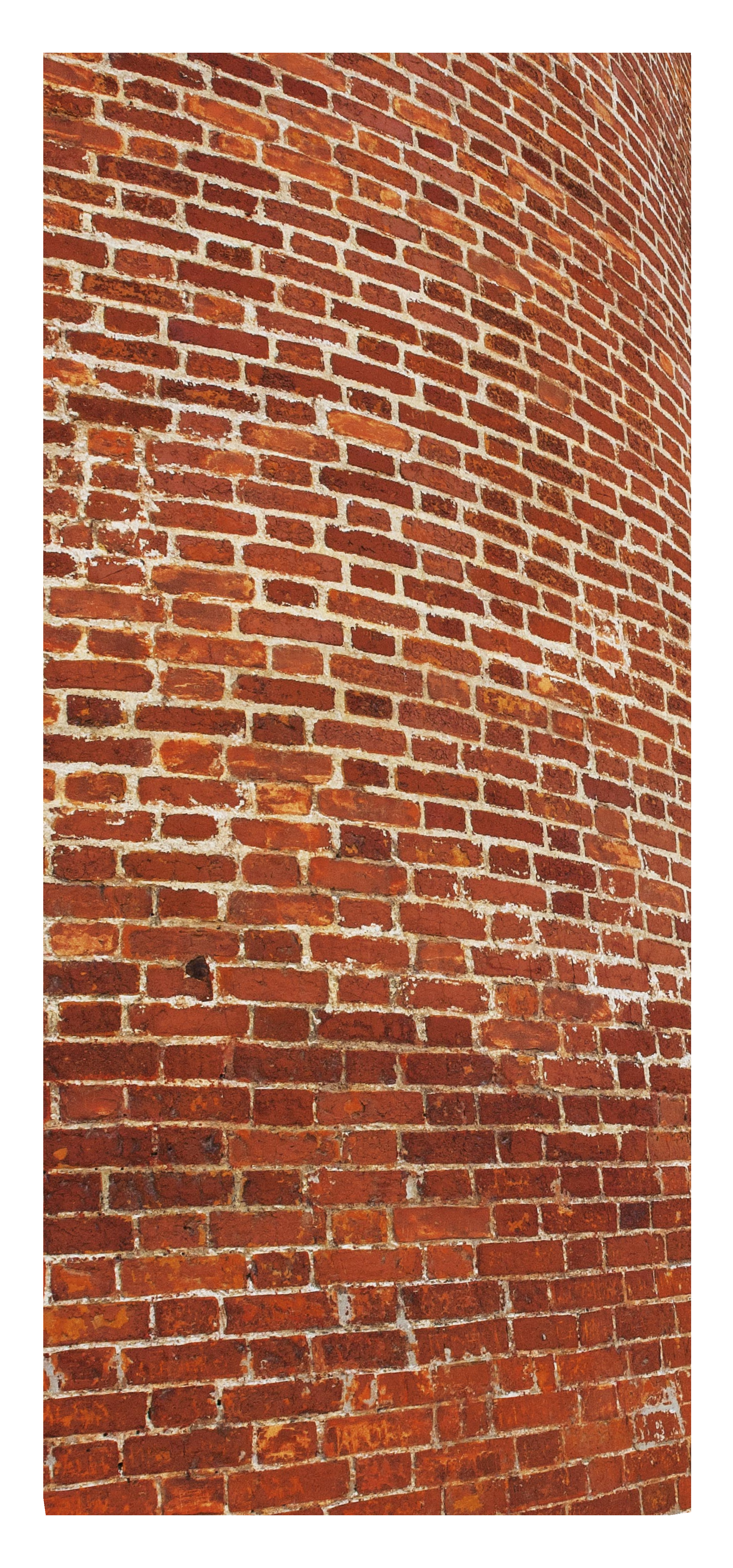
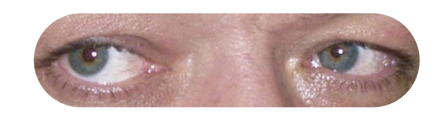
ПАМЯТНИКИ ИСТОРИИ РОССИИ

Чудовища, явленные миру
после пробуждения,
много лучше тех,
что рождены сном разума.

О рязанском кремле

Ликующий XVII век

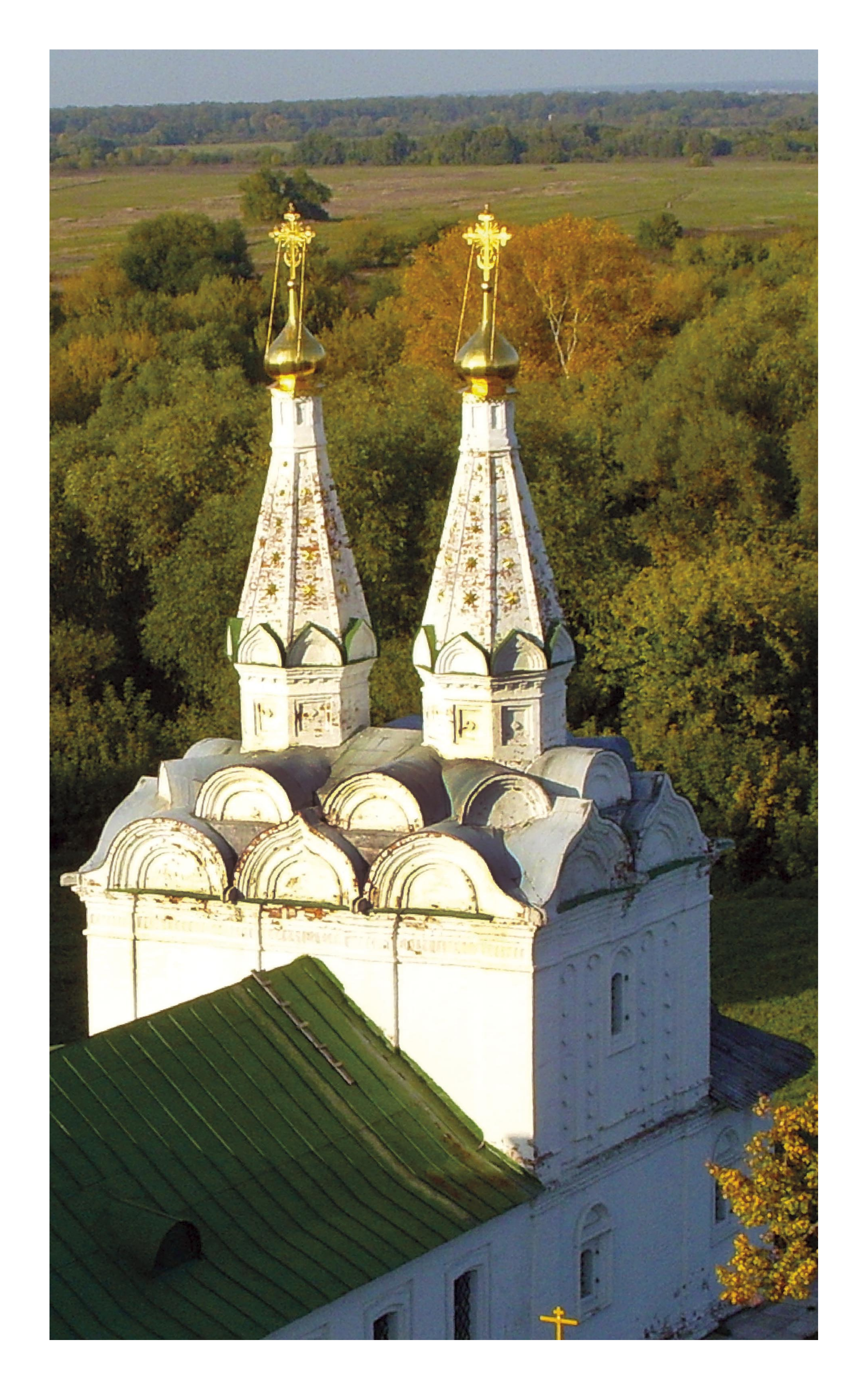

Валентиновка
Памятники исторической мысли
2023

Художник
А.Г. СТРОЙЛО

О рязанском кремле: ликующий XVII век. 2 изд.
Валентиновка: Памятники исторической мысли,
2023. 400 с.
МСКН 978-5-88451-380-8-1

Содержание

Предуведомление

Не совсем лёгкое для улавливания смысла окончание «Фауста» И.В. Гёте наполнено силой зелёного ростка, пробирающегося сквозь каменную россыпь, и за одно это так любимо тевтонцами: палингенесия (Wiederaufgeburt) как свойство характера одинаково близка и немцам, и русским, недаром их наречия так близки морфологически. Из всего семантического богатства используем сейчас одну крошку: «Мысли несбыточные только...»

Alles vergängliche Ist nur ein Gleichnis. Das Unzulängliche – Hier wird's Ereingnis... Das Unbeschreibliche, Hier ist es getan; Das Ewig-Weibliche Zieht uns hinan.	Всё мимолётное Нам лишь мерещится. Мысли несбыточные Только исполнятся... Слово несказанное – Дело исполненное; Девичье, нежное – Как без него?

Апология истории XVII века – вот неосуществимая мечта.

Неосуществимая – потому что на пути много таких преград, одолевать которые и в голову никому не придёт. Первая – А.С. Пушкин, Медный всадник и едва ли не вся историография XIX века, не говоря уж о знании, разлитом в обществе. Правда, когда речь заходит о профессиональных историках – категоричности становится меньше. Большой знаток рубежа XVII–XVIII веков Е.В. Анисимов для возвеличивания Петра Алексеевича не станет порочить старину, она ему временами милее, чем само императорское величие; однако же и он предпочтёт уклонится от ответа на вопрос о значении XVII века и его месте в череде более ранних и поздних столетий – «Ходить бывает склизко по камушкам иным...» Одолеть нельзя – но цель поставить можно.

Подстать цели и средство.

Рязань очень давно перестала быть великим княжеством, это маленький областной город, главной достопримечательностью которого является десантное училище (что крепко роднит его со Псковом). Невеликость и малозаметность имеют много преимуществ, не последнее – про него трудно врать, потому что всё видно, всё вблизи, можно рукой потрогать и своим умом убедиться. То есть средство – внимательный взгляд на нестоличный город с его кремлем, а главные источники – не столько литература и архивные документы, сколько сами здания, архитектурные памятники, не на бегу на морозе за сорок минут увиденные, а изученные пальцем по бумаге, с чашкой чая, изнутри и снаружи, не торопясь, слушая и утомлённых экскурсоводов, и реставраторов, археологов, музейщиков, словом, тех, кто от простой симпатии давно перешёл к любви и хранит верность этим камушкам, деревяшкам и железкам до гробовой доски.

Вот такой для достижения необъятной цели малюсенький инструмент, а в нём главные слова – формообразование, псевдоморфизм, форма и содержание в архитектуре, научность в архитектурной реставрации.

Начнём с последнего. Наука – это создание нового знания. Ценность научной реставрации – достоверное восстановление того, что когда-то было создано как новое. Новое знание о старом вполне возможно, это история. И в истории, и в реставрации

основная задача – достоверность и доказательность: было так, потому – что... Далее следует объяснение, почему мокрый большемерный кирпич на известковом растворе требует толщины шва не менее одного–двух сантиметров, что даёт приращение общей высоты никак не менее десяти процентов по сравнению с суммарной высотой всех рядов кирпичей; или почему нижней границей датировки храма можно считать дату смерти такого-то князя, останки которого захоронены около одного из столпов храма. Сходство между историком и реставратором ещё и в том, что они одинаково приходят в состояние бессильной ярости, когда понимают, что сосед за столиком в провинциальной забегаловке в раннем детстве «где-то в Загорске, в каком-то здоровенном монастыре с мальчишками-приятелями добыл из склепа рядом с Духовской церковью с немалыми страхами чей-то череп и они потом неделю играли им в футбол, а потом он неизвестно куда делся», – когда понимают, что речь вполне могла идти о черепе Ксении Годуновой, единственное, на чём и тот, и другой успокаиваются – максима Н.М. Карамзина о том, что история лучше других наук научает смиряться с несовершенствами современности. Ну разве мальчишки виноваты, что их допустили ковыряться в склепе, что они ничего не знали о Ксении Годуновой, что они любили ещё и футбол, что в монастыре был музей, что серебро из ризницы переплавили, что золото оттуда же отправили в Америку и немножко в музей... Вот ни капельки не виноваты. Но придушить постаревшего футболиста хочется на месте, голыми руками, сразу, ничего не объясняя и нисколечки не сожалея о содеянном, хоть историку, хоть реставратору.

И для представителей обеих профессий щелчком по камертону становится правда: если нота звучит – правда, нет – ложь. Когда после реставрации здание преображается, становится музыкальным, расцветает и открывается, как бутон – значит, реставратор не соврал, значит, получилось, зрение не подвело, талант, оперевшийся на знание и понимание, сработал; когда научное исследование с опорой на предыдущую литературу и новые источники близится к завершению, кусочек картины прошлого высвечивается свечой, и всё, что видно из этого угла, полнее, сложнее, правильнее объясняет всю картину, приходит понимание правды. Иногда понимание становится более важным, чем даже знание, как бы чудовищно это не звучало на первый взгляд, хуже того, знание без понимания может вести ко лжи. Например, одной великих и бесспорных заслуг Петра I считается военная реформа, суть которой сводится к призыву в действующую армию не ежегодного дворянского ополчения, а низших чинов пожизненно под команду так или иначе меняющихся командиров. Неверность этой сути трояка: пики, рожны, топорки, троицкий чеснок, пищали и фузеи, вручённые рекрутам или боевым холопам, сами собой не воюют, нужны офицеры, а их, главных в военном деле, освободил от службы Пётр III, и только при нём закончилась военная реформа, через сорок почти лет после начала при Петре I; регулярные полки в армии появились не при Петре Алексеевиче, а на полвека раньше, и наёмничество от рекрутчины отличается только личной свободой и размером жалованья; сам не понимая того, начав военную реформу, Пётр I раскачивал и разрушал основание своей империи – земля за службу, нет службы – за что давать землю, чем платить? Чинами, уставами и табелями тут не отделаешься, нужны не только церемонии, но и еда каждый день. Процесс занял полтора–два века, и всё это время любое славословие Петра I вынимало кирпичик из фундамента империи. Истинные сведения без общего понимания правды легко могут складываться в окаменевшую, забронзовевшую, «отлитую в камне» ложь.

Так научность в реставрации и истории превращается в синоним правды: было – вот так. Хуже того, не обходится и без философии. Предметом исследования во всех случаях остаётся правда, но подбираться к ней можно с очень разных сторон, лучше – со всех, любыми путями не запрещено. Основы, начала философии приучают к тому, что содержание и форма как-то связаны; продолговатое и округлое по форме может быть огурцом и кнутом, но вряд ли поездом; только форменных характеристик недостаточно для установки пределов предмета, то есть определению, нужны дополнительные сущностные черты, тогда становится ясно, о чём речь. Округлое и продолговатое с колёсами и двигателем – автомобиль. Знание о внешности и внутренности предмета почти всегда позволяет чуть лучше понять предмет. Всё просто. Но не в реставрации и истории.

Содержание реставрации – восстановление формы, даже когда речь идёт о внутренней форме, скажем, о дизайне интерьеров или радиусе паруса свода; предмет реставрации – восстановление правдивой формы. Содержание, то есть смысл, назначение, наполнение старого здания – это люди такого-то времени со своими делами, страстями и не оставляющими следов переживаниями. Понять здание, понять его содержание и

зависящую от этого форму нельзя без понимания наполненности здания жизнью, людьми, процессами, службами, свадьбами и прочей малосерьёзной для наследников чепухой, которые (жизнь и чепуха) на соответствующем технологическом уровне определяли ту самую форму, что требуется восстановить. Если течение времени устроило в церкви склад зерна, её нельзя восстановить, не начав с восстановления сущностного содержания – алтаря с престолом, дьяконником и жертвенником, с Царским местом и отоплением (если было), форма без содержания, то есть предназначения – не восстанавливается. Сказать, что важнее, материальные остатки в виде кусков срубленного кирпича и отёсанных белокаменных глыб в земле поблизости – или понимание, что в апсиде перед Царским местом должен стоять алтарь и куда-то неподалёку надо поместить утварь, невозможно. Здесь правило рычага и коромысла перестаёт работать: поднимаешь одно, поднимается и другое, нашёл и понял – это одно и то же.

После первых подступов к пониманию содержания, смысла здания очень полезной может оказаться и мысль о формообразовании. Когда форма составляет суть содержания, а в случае с архитектурой это именно так, пустячный вопрос приобретает циклопические, вселенские размеры, всё равно что спросить: в чём смысл всего? Простецкая или замысловатая, скучная изощрённостью или совершенная лаконичностью, красивая или отвратительная, изящная или пузатая, синяя или кубическая форма возникает, образовывается как? Уже в нижнем палеолите вопрос о формообразовании как-то решался, дольмены близки к совершенству, позже про конструирование, создание формы можно безошибочно сказать одно: нужны образцы, обласканные и исхоженные своим собственным взглядом не единожды, в разных местах, разных времён, опираясь на примеры, отталкиваясь и следуя им, вырастая благодаря технологиям из примеров собственной земли, из старины, «как отчичи и дедичи делали», а потом и воображение, увидывание, высматривание, придумывание будущего образа заранее. Как это делается – скажет только тот, кто знает, что такое талант или дар божий, откуда его берут и как выращивают. И вот тут нужна ещё самая малость, чтобы подумать дальше: почему церковь, колокольня, жилое здание XVII века именно формой отличается от всего построенного раньше и позже, даже когда автор постройки сознательно стремился воспроизвести, повторить и усилить формы XVII века. Геометрические несовершенства, ручная лепка, презрение к симметрии, человекосоразмерность не отвечают на вопрос о наименовании формы, что равно её постижению. Недостаточно сказать: «...в формах XVII века». Потому что это и формы LXII века (от сотворения мира), и формы XI века (хиджры). Должно быть что-то существенное, пока не уловленное. Худшая попытка – русский стиль. Во-первых, потому что ни одного чисто национального стиля нет, повсюду что-нибудь, да примешано, и слава богу, иначе так всё и застряло бы на этрусках да ахейцах. Во-вторых, ложно-русский стиль портит обедню, и сам не звучит, и другим не даёт, собака на сене.

Что-то в формообразовании XVII века есть такое, что не позволяет его определить, опираясь на только стилистические признаки; про «узорочье» лучше расскажите орнаменталистам Багдада, Нанкина или Севильи, про четверики с октогонами в понятийном аппарате вспоминать неприлично, что-то с углами всегда стоит на чём-то с углами, даже круглая башня; все признаки XVII века, скопом и по отдельности – не втискиваются в одно понятие, выпирают то локтем, то коленкой.

Причина – не в особом упрямстве серединных восьмидесяти лет, не поддающихся охвату умом, а в нехватке знания и понимания истории XVII века, проистекающей из двух причин. Первая – непревзойдённая автореклама самого Петра Алексеевича. Легче всего возвысить себя над уровнем повседневности можно, опираясь на обеими руками на головы тех, кто только что учил тебя плавать – встал на поплавки, новая высота взята: чтобы собственные достижения засияли ярче, нужны не только шутихи, но и мрак позади, серость непроцарапанная, прах, подлежащий отряхиванию с ног и разрушение мира насилия мракобесия над разумом не без удали и веселья, с огоньком, с выдумкой, задорно, так, чтобы к 53 годам (1672–1725 гг.) и управиться, как Ильич, тоже к 53 годам (1870–1924 гг.) сподобившийся не узреть плодов трудов своих. Когда слава бежит впереди дел, даже Вольтер верит, что что-то происходит большое и важное. А уж потом ему вторят сотни и тысячи, от Н.М. Карамзина до А.С. Пушкина. Вторая – дел, начал, попыток, первых шагов, заложений основ – и впрямь было немало, и энтузиазма, и веры в себя, и героизма в бою (кроме Прутского похода), замах был такой, что ударять и не требовалось, это уж потомки потом как-нибудь сами пусть доводят до ума. Впечатлённые замахом, потомки на самом деле неслыханным героизмом за два–три века навер-

стали, что Первому мерещилось, творя невозможное, одолевая и побеждая, за недосугом слишком редко задавая себе вопрос: почему всё время вопреки, через, встречь, напором напролом, сквозь препоны, бьясь, упираясь и ломая хребет миллионами? Почему трава таланта всегда раздвигает камни мостовой? Почему нельзя придти на работу и сделать после чашечки кофе, просто хорошенько подумав?

Ответ есть, но за сто лет никому не понадобился, потому что до того мудрёно, что слишком просто. Соблазнённый за время полуторагодичной заграничной командировки еропейскими прелестями, раздавленный необычностью быта и устройства жизни, так отличной от привычной, Пётр Алексеевич, ничего не смысливший в государственном устройстве ни у себя в стране, ни за рубежом, составил конспекты европейской политической науки, заменил в повседневной практике слово «память» на «промеморию», что свидетельствовало о недюжинной просвещённости, быстренько учинил в стране хаос и Санкт-Петербург. Освальд Шпенглер в начале XX века назвал этот хаос «псевдоморфозом» («Закат Европы»), то есть «ложноформностью». Государственные, общественные, духовные, культурные институты в разных странах из-за близости выполняемых задач похожи, напоминают друг друга. Важное решение государя – надо посоветоваться с Ближней Думой, кругом единомышленников, духовником, референтной личностью, дядями, братьями, судьями, с кем-нибудь. Что в Амьене, что в Суздале. Ратуша – это звучит, а съезжая изба – никак. И бургомистр куда лучше, чем городовой воевода, сменяемый раз в два года. Учреждения отраслевого и территориального управления были повсеместно, сбалансированная система приказов в подмётки не годилась Коллегиям, потому что в приказе за воровство двух рублей били и судили, а в Коллегиях за украденные сотни тысяч могли и на кол посадить, а могли и графством наградить, тут уж как повезёт. В благих намерениях кадетствующего императора не приходится сомневаться, вот только править он был, как и матушка, «не капабель», потому что от своей, растущей из здешних традиций и институтов системы управления и общественно-культурно-государственного устройства он отказался в самой грубой и глупой форме, не удосужившись в её постичь хотя бы в азах, а иноземную напялить на страну не сумел, как ни старался, сколько ни вешал, как ни блажил. Сухой остаток от его суеты скорее скромен, чем заметен: корабли, бороды, образование, буквы и город невиданной красы на болоте за счёт запрета каменного строительства по всей стране. Кому сказать – не поверят! Нельзя строить из камня!

Ложные формы общества и государства на триста лет прицепились к стране, потому что других-то не стало, на это сил хватило. Отраслевое министерство требует штата, бюджета, плана, охраны, целое хозяйство, потом опять же на местах подразделения, переписка, формуляры, очень много «тысяч одних курьеров». В XVII веке всё управленческое звено посчитано С.Б. Веселовским и Н.Ф. Демидовой, больше 15 тысяч не набралось. Пусть источники неполны, пусть исследователь имеет право на ошибку, увеличим в три раза. Полсотни тысяч на двадцать миллионов к концу века. Один на четыреста, а то и на всю тысячу, с учётом растянутости по времени на целый век. Как с Петра I повелось, так ничего не переменилось: для управления нужен не мозг, а зычный голос, это не процесс, а чин.

Псевдоморфоз О. Шпенглера настолько важен, что почти неведом. Поэтому так важны следы форм, имеющих местное происхождение, вырастающих из здешнего климата, истории, строительных и технологических привычек, близких и дальних образцов. В Рязани стараниями подвижников и чудом остались старые строительные формы, и гражданское строительство и храмовое.

По косноязычию своему затрудняемся пока более внятно сформулировать: подробная, доказательная, правдивая реставрация зданий XVII века, как и сами здания, помогают встречному движению: неожиданная, неведомая красота и совершенство старых сооружений – это те правильные формы, до псевдоморфоза возникшие, которых в других местах не видится, не слышится, не чувствуется, они сгинули бесследно, а здесь они возникли с неожиданной стороны, не из архивных бумаг, которые трудно заставить говорить, а прямо из стен, наличников, фундаментов, крыш и так далее. В этих формах наверняка прячется что-то содержательное, важное, полезное для исторических исследований, новая каменная или деревянная книга, которую надо учиться читать. И, с другой стороны, если понимать, что жизнеустройство в XVII веке – это не только ужасы, затюканность и заплёванность, нельзя не придти к выводу, что памятники такого накала эмпатии, такой умелой приветливости и внимания к человеку, не могли быть построены в тухлом сумрачном обществе, алкающем бурмистров, просвещения, фискалов и мини-

стерств. Иными словами, такие и эти здания становятся доказательной базой в деле апологии истории XVII века.

Лозунг И.Э. Грабаря – в жизнь: «Правильно увидеть – это и есть правильно понять, а правильное понимание раскрывает глаза».

Управляя плоскодонкой, держа в руках оба весла, лучше расположиться спиной вперёд по ходу движения, а взглядом отыскать за кормой, где-то вдалеке ориентир, чтобы не терять его из виду – тогда курс точнее и цель ближе. Так и с пониманием истории.

Все эти вопросы и восторги плохо слепляются с научно установленным фактом, что XVII век – это скучная гадость, заполненная скудоумием, мракобесием, пустословием, глупостью нимало не просвещённой, холеро-чумно-соляными беспорядками и беспримерной дремучестью населения, так и не научившегося толком пользоваться лаптями для употребления щей в пищу, и сквозь смрадную гущу всех этих непотребств едва смог пробиться бледный росток славных петровских реформ, после вековых мытарств подданных заново и с нуля начатых внуком Екатерины II. То, что Фёдор Алексеевич и Софья Алексеевна начали, могли и должны были сделать за 30–50 лет, сделано за сто пятьдесят ценой беспримерного псевдоморфоза (о котором автор термина, О. Шпенглер, мог иметь только самое поверхностное представление, но угадал, уловил, как никто, точно), отплевываться от которого продолжали ещё сто–двести лет после «дней Александровых прекрасного начала».

Парламентская демократия (монархическая или республиканская) как сухой политический остаток эпохи Просвещения изжила себя к середине–концу XIX века, поэтому так вопиюще противоестественны и отвратительны прививки ее в виде советов и дум любого извода; а когда есть нужда действительно понять, что происходит и как быть, применяются другие инструменты – от внутреннего политического сыска до социологических заходов в народ и ящиков для челобитных, в которые даже плевать лениво, на худой конец умственные проекты, исходящие от субъектов, ничего не знающих об объектах.

Если не говорить о власти с анархистами, что бессмысленно по определению, то единственная характеристика её, не подлежащая оспариванию и даже обсуждению – иерархичность. Десятник, сотник, тысяцкий; младший лейтенант – генерал армии; бригадир – министр тяжёлой промышленности; чернорабочий, механизатор, мастер, хозяин неизвестной этиологии; раб, надсмотрщик или надзиратель, плантатор; народ – царь, или народ – сидящий спереди; и т. д. Видов отношений сверху вниз немного: попросить, приказать, заставить, наказать за неисполнение, поощрить за повиновение и своевременную уплату налогов. Формирование представлений о том, за что ругать, а за что хвалить – всегда вне собственно иерархии.

Пока мы с этим не согласимся, трудно двигаться дальше. Именно вне любой иерархии. Стоит ли задача построить пирамиду – или задача построить авиастроительную корпорацию, иерархия создаётся и служит выполнению задачи. А формулирование задачи происходит где-то ещё. С пирамидами просто – жреческая каста уловила, что пока строится пирамида, или вавилонская башня, или Первый храм, сложность задачи оправдает и затраты на их содержание, потому что никто больше не объяснит, как важно то, что на самом деле важно, а ведь здесь это важно, потому что важно всегда, и важность непреходяща, потому что обладает немаловажной значимостью. Строить самолёты не так трудно, как пирамиды – но тоже не вдруг. Главное – придумать самолёт. Технологии меняют смыслы, но не создают их. Смыслы создают слова, в том числе ложные. Ложные слова – ложные смыслы. В русском языке нет слова ‘значимость‘, но его употребляют всегда, когда хотят спрятать то обстоятельство, что важным называется то, что совсем, ни капельки не важно; ‘значимость‘ – это кривобокий колченогий недосиноним ‘важности‘, это автосамоубийственное оксюморонство, когда надо спрятать, заболтать мысль, а не показать смысл. Чем выше начальник, тем больше ему нравится слово ‘значимость‘: щеки надуты, а за зубами ничего, кроме воздуха, нет.

Как только иерархия рождает мысль, будто ей доступно формирование смыслов, что ей понятно не только что именно делать, но и как делать – пиши «Пропало», жди беды. Из примеров состоят учебники истории.

В дихотомии «власть и общество» понятие иерархии очень полезно: после его внедрения вопрос удалённости одного от другого становится неважен, ненужен и немного смешон. Голень и голова, плечо и пятка имеют только одну общность – начинаются на букву «г» или «п», приблизить одно к другому в одном организме никак нельзя, только через бесхребетность; дистанция между ними неустранима. Нежелательная, даже пре-

словутая, многообсуждаемая и почти всегда осуждаемая дистанция, оторванность власти от общества – хорошо изобретённый обман, потому что геометрически-математическая измерительная задача про расстояние мешает увидеть, заслоняет главную задачу: государственный менеджмент имеет такую характеристику, как качество. Бывает получше, бывает похуже, иногда случается так, что совсем дрянь, а близко эта дрянь, или далеко – или неважно, или и вовсе наоборот, не так, как привыкли, «чем дальше, тем лучше, поближе к кухне, подальше от начальства». Важно не расстояние от общества до власти, а качество государственного менеджмента, то бишь управления: ум, образование, сообразительность, честность, наличие представлений о добре и зле, широта взгляда, привычка решать, а не мямлить и уворачиваться от ответственности... Словом, качество элиты, совсем необязательно, вопреки семантике этого слова, имеющей отношение к выборам с процедурами голосования. Les élues могут быть и богоизбранные, и вообще возвыситься в иерархии по тысяче причин, ни одна из которых не имеет отношения к избранию и говорению в парламентах. Упрощая до плохого каламбура, можно сказать, что избранным быть необязательно, но вот отборным – непременно. Хорошо структурированная иерархия с правильными дистанциями между составными частями – не недостаток, а достоинство и общества, и власти. Прокламируемая со времён эпохи Просвещения как безусловное благо идея всеобщего равенства несмотря на очевидную абсурдность (неисполнимость) ложна и вредна, потому что уничтожает саму мысль о стратификации и иерархичности любого упорядочивания общества как единственном способе его существования: или все равны, или кто-то повыше, а кто-то пониже, и кто-то идёт туда, куда кто-то показывает, даже если истово верит в равенство свободных братьев, каковое равенство чрезвычайно полезно для организации всеобщих, свободных, равных, бесцензовых, бесполых и т. д. выборов депутатов или сидящих спереди. Ввиду повального распространения этой веры перечить ей не стоит, надо просто научиться пользоваться, как любым другим инструментом формирования иерархии, отдавая себе отчёт в том, что именно этот путь пополнения «элит» несовершенен по определению, ибо *основан на неосновательном* утверждении, будто все люди равны или имеют равные права. Неравенство настолько универсально, что мельчайшая деталь про «права» в той или иной области не имеет значения: какими бы правами ни был наделён поедатель пустых щей, он никогда не сравнится с обладателем мелких бриллиантов, какие бы муки последний ни испытывал от осознания ничтожности их размеров.

Качество государственного управления сильно зависит от качества людей, наполняющих собой так или иначе сформировавшуюся иерархию, даже очень сильно. Пожалуй, можно предположить, что виды иерархии, то есть её институты, менее важны, чем люди, в том смысле, что они (институты) сами по себе ничего не гарантируют, не определяют, не влияют на качество управления так, как персональный состав, изменяя только риторику, лексику и быстротекущую моду на платье, мебель и архитектуру. Перечисленные выше характеристики приличного человека (список коих вопиюще неполон, конечно) настолько важны и редки, что объединить их в одном слое, страте, чине, профессии и так далее может только одно: продолжительность формирования. Совершенно твёрдо можно сказать: за жизнь одного человека нельзя придумать, каким он должен быть, надо, чтобы несколько поколений уже знали это, и чем больше, тем лучше, и надо усердно работать над передачей опыта. Из этого следует, что В.О. Ключевский был всё-таки прав: по-настоящему понимать происходящее мы начинаем только по прошествии трёхсот примерно лет: такой опыт должен быть в голове у управленца, лучше, конечно, на порядок больше. На фоне философских пароходов, поездов, автомобилей и прочих транспортных средств начала XX века в России все рассуждения, сетования, плачи и вопли о «трагической дистанции между обществом и властью» становятся не смешны, а гадки: общество было элиминировано, дистанция пропала вовсе. И именно с тех пор пошли пренаиглубокомысленнейшие рассуждения об «элитах», на сей раз в кавычках, потому что качество без кавычек не воспроизводится путём периодического уничтожения лучших страт, уничтожения с маниакальным упорством, с применениям разных способов, намеренно и «просто так».

Словом, дистанцию между властью и обществом надо не уменьшать или увеличивать, а выстраивать, смирившись с неравенством, формируя иерархию любыми способами, фильтром, входным билетом и попутным ветром для карьерного продвижения сделав просвещённость во всех смыслах: можно ничего не слышать о реформах Солона, но докторскую монографию П.Н. Милюкова надо знать как «Отче наш».

Ни спорить, ни опровергать, ни усовершенствовать, ни полемизировать, потому что кто-то «не понял и не смог» в историографии, не надо; лучше усложнять, смирившись с тем, что мы вряд ли умнее тех, на чьих плечах и костях мы стоим. Разве неэвклидова геометрия порочит Эвклида? Эйнштейн не бранил Галилея и Ньютона, а усложнял их через универсализацию, расширяя сократов круг знания кратно и порядочно. Чтобы намекнуть на направление, в котором можно усложнять понимание истории XVII века, надо натянуть основу ткани, и уже потом поперёк запускать уто́к. Полувековой давности «Очерки истории СССР» (6 том под редакцией А.А. Новосельского и Н.В. Устюгова) подводили в 1955 году итог «золотого века» отечественной историографии, поэтому их можно брать за основу в нижеследующем разделе «История – точная наука: беглые глоссы к наброскам».

* * *

Дальний отзвук петровских реформ – умилительная фраза про то, что единственным европейцем в России является правительство. В этом-то как раз и дело: оселок, камертон, образец, источник смыслов – всё создаётся и находится там, в Россию изредка прилетают крохи с того пиршественного стола, чтобы накормить всех голодающих, а хлеборезка есть только в правительстве. Надо ценить, хранить, изучать и пытаться хотя бы уподобиться. Оно было бы и верно, с одной поправкой – бери всё, чтобы прибавить к своему; но результатом именно петровских усилий стало повсеместное убеждение, что своё – так себе, барахло, то XVII век бунташный, то дремучий, ходит одно мохнорылое население, босомордых днём с огнём не сыскать. А на поверку оказывается, что всё европоподобие правительства только на безопасное воровство и направлено, а дремучее по-прежнему население никак не подходит прекрасному правительству, к сожалению. И по-прежнему как никто не знал, за что убит Авель, так никто и не знает, как переводится слово intelligent.

* * *

Единство формы и содержания – целостное описание предмета. Целое состоит из деталей, и обычно подразумевается, что для того, чтобы разобраться в предмете и докопаться до сути, достаточно разъять вещь на детали (анализ), разглядеть эти детали хорошенько, разложить или расставить их в каком-то порядке, и обратно получить понятное, растолкованное целое (синтез). И это не подлежит опровержению как утверждение, что дважды два = четыре. Всё бы ничего, если бы не частица «-то». В «каком-то порядке». А в каком?

На связь между деталями целого, насколько известно, не очень-то и обращали внимание (хотя нам вовсе ничего не известно про логику как науку, и слово «операнды» скорее подозрительно, чем понятно). Для нас сейчас эта связь интересна только в одном смысле: целое правильно понимаемо и определяемо только при одном расположении деталей, другое расположение даёт другую сумму. Из этого с необходимостью вытекает, что порядок деталей не менее важен, чем детали. В языкознании способ связи между деталями-словами очень сильно отличается в разных языках, прежде всего в том, что касается количества изменяемых частей слова (приставки,суффиксы и окончания), позволяющих сформировать связную речь – от минимизации в английском и французском, до изобилия в венгерском, немецком, русском. Выучить английский язык и понять его прелесть невозможно, не разобравшись в понятии «здравый смысл» – это главная связь между почти неизменными корнями слов: подразумеваемую связь между словами устанавливает только порядок следования слов одного за другим и смысл речи, рождающийся по мере нанизывания слов на ось смысла. Во французском здравый смысл заменён на гармонию: фонетическое несообразие служит достаточным основанием для словотворчества и синтаксических новаций, постепенно создающих язык. Немцам и русским с порядком слов можно сделать всё, что угодно, слова связаны окончаниями как верёвочками, падежи, артикли и предлоги позволяют швырять семантические единицы хоть налево, хоть направо. Вероятно, и этими различиями объясняются невозможности полного перевода с одного языка на другой – из-за эластичных связей и связок между словами, которые и составляют основу своеобразия смыслов – от почти полной свободы

подразумевания до почти отполированной точности, причём развитая морфология языка при виртуозном применении превращает свободу и точность почти в синонимы, или, во всяком случае, применима аналогия с двойной фрезой для сращивания пластей – выемка в одной соответствует выступу в другой половине, свобода невозможна без точности и наоборот.

Это долгое отступление в филологию понадобилось только для того, чтобы обратить внимание на незаметную, невидимую важность связей и связок между деталями, определяющую в конечном счёте суть предмета: надо не только разъять «алгеброй гармонию», то есть рассмотреть детали до всех подробностях, но и вглядеться в то, чего не видно, а от него-то и зависит уловление смысла целого, зависит синтез. Сила магнита не видна, не ощутима глазами, ни при стягивании, ни при отталкивании, но она несомненна. Земное притяжение неприметно, но обойти его нельзя, даже в невесомости (разнонаправленные силы уравновешиваются). Всматривание в главное, напоминающее витание между семантикой, семиотикой, этимологией, синтаксисом, связками и отсутствующими, но подразумеваемыми связями – напоминает архитектурное творчество, суть которого также неуловима, как эфемерная, но твердокаменная связь между словами, и начинается с нарочитой бессмыслицы – форма скрывает, прячет в себе содержание, а в архитектуре всё вообще *содержание содержится* в форме, **форма** и есть **содержание** архитектуры, кроме формы, внешней и внутренней, экстерьера и интерьера, в архитектуре ничего и нет. Сопромат, расчёт масс, тектоника, перекрытия, коммуникации, водоотвод и привод, пропорции, несущие грунты и плавуны – третьестепенные пустяки по сравнению с формой. Если форма не образовалась – её не заменит никакая инженерная ловкость.

В формообразовании уже в XIX веке, при Николае I, научились видеть детали, на которые можно разъять древнерусскую архитектуру, за целый век их так освоили, что на первый взгляд парландовский Спас на Крови и султановский собор в Петергофе почти неотличимы от какого-нибудь Троицкого собора в Подольце. Но «набитый» взгляд не затруднится с вынесением суждения, где XVII век, а где на двести лет позже. В качестве объяснения суждения в лучшем случае предлагаются разные специалитеты вроде «общей сухости силуэта» («сделайте пожиже»), «гипертрофированной правильности пропорций» («правильности пропорций лучше быть недокормленной») или «переизобилия в целом верных деталей» («сандрики эти ваши, бегунцы с рундуками...»); но это всё «противные» определения: «не это, а, напротив того...» – а что же именно расположилось напротив – вот уже двести лет как неизвестно; то есть точно известно, что что-то стоит, но назвать словом эту тёмную зыбкую глыбу из мягкой глины, вынуть её из холодного тумана пока никому не удавалось, ни в истории архитектуры, ни в архитектуре истории. И оттолкнуться не от чего, и прислониться не к чему: нет романики, готики, барокко, классицизма, романтизма, рококко, модернизма, конструктивизма, далее везде – а что есть?

Решить задачу или предложить универсальное объяснение, в чём же тут дело – не удастся. Наша цель в малом: присмотреться, во-первых, к деталям, и во-вторых, к связям между ними, к приставкам, суффиксам и окончаниям, « les liaisons », может быть, в них прячется понимание древнерусской архитектуры?

* * *

В рамках парламентаризма как одной из систем обратной связи в управленческих комплексах нет возможности решать группы задач, охватываемых понятием «справедливость» – это всё равно что управлять повозкой, сидя на облучке с палкой в руках, длина которой тридцать метров, направление верное, но до загривка ни один импульс не доходит. Справедливость не может быть общей и вообще, она принципиально грешит конкретикой, недоимки по податям надо списать не классу, не сословию, не области или уезду, не деревне или сельскому сходу, а этому одному человеку, мне, потому что мне больно до невыносимости и даже до соседа мне дела нет, моя трясовица трясёт пуще прочих всех, это надо решить, а на конституцию мне плевать, как раньше не читал, так и впредь не стану, право без правоприменения гроша ломаного не стоит – за морем телушка полушка... и т. д. Когда к петиционной (челобитенной) системе выстроен соответствующий административный аппарат (приказы и приказные судьи), то и мысли о парламенте никому не приходят в голову не потому что третье сословие убого и бессловесно, а потому что нужды в нём нет, потребности. С восстановлением порушенной спра-

ведливости так или иначе справляются челобитные и приказы, большие государственные вопросы решаются или тем, кому положено (военачальниками, посланниками, ближними боярами, дьяками с приписью и пр.), и слава Богу, не на базаре же их толпой решать, или Земскими соборами, сформированными не по квотам, цензам или прочим признакам выборщиков, а по единственно возможному – достоин представитель, или нет, всем же известно, кто где чего стоит на самом деле. А для вопросов, касающихся совести, есть церковь, и как приходской поп для решения местных вопросов и увещевания заблудших, и как институция, ведущая начало от Царя Славы и уже потому вхожая в любые чертоги, и потому и способная, и обязанная увещевать не местных пьяниц, а самодержцев (правда, и среди последних случались любители выпить). Порой от увещеваний по разным причинам (то молодость государя, то малоразумие, а то и вовсе безумие) переходили к устройству самых важных основ общества и государства, как митрополиты Пётр, Феогност, Алексей, Макарий и Филипп, как патриархи Иов, Гермоген, Филарет, Никон.

Тогда получается, что стыдливое невысказанное, а иной раз и высказанное (П.Я. Чаадаев) сожаление о жалкой судьбе России, не выпестовавшей в своей истории такого важного инструмента общественной жизни, как парламент, а с запозданием получившей его от иноземных образцов, есть сожаление неверное и устыдительное не для страны или народа, а для автора. Даже небезупречный Николай II тянул сколько мог с введением парламента и подобия конституции не потому что был упрямец и ретроград, а потому что презирал и говорильню, и говорунов, а юридическое ничтожество любой конституции, как и любой и каждой словесной конструкции, зависящей от воплощения в жизнь (а вовсе не от букв, написанных в тексте), было ему не только очевидно, но и противно как этическая несуразица и содержательная бессмыслица, будто болото на горе или костёр на дне моря – во-первых, невозможно, во-вторых, зачем?

Просвещение не нуждается в апологии, всякая попытка защитить от нападок обижает его невежеством нападающего. Не стоит полемизировать с Вольтером, Дидро, Д'Аламбером, Руссо, Кантом и другими. На этих ристалищах ничего, кроме позора, не сыскать.

И всё же. Просвещение не закончилось Французской революцией и не привело к ней. Но Французская революция была после эпохи Просвещения и в общем смысле Просвещение должно продолжаться бесконечно, А.С. Пушкин тоже просветитель, как и А. Эйнштейн или Ч. Чаплин. У Просвещения могут быть те плоды, на которые оно не рассчитывало, не предполагало и не несёт ответственности: корова тоже производит не только молоко, хотя смысл и ценность её существования – только молоко.

Руководствуясь недоказанным, но и небезынтересным соображением, что большие эпохи (формации, цивилизации, культуры и прочие наименования крупных историко-географических явлений) отличаются друг от друга среди прочего и разностью способов организации несправедливости (от признания разумности рабства или феодального земельного права до приёмов перераспределения прибавочной стоимости в зависимости от обладания средствами производства или технологиями), попробуем установить, есть ли связь между Просвещением и парламентской демократией как одним из инструментов высокотехнологичного способа организации несправедливости разных общественных и государственных устройств.

Парламенты и городские советы как институты появились гораздо раньше эпохи Просвещения, но только в XIX веке они вошли в моду как системная альтернатива замшелой политической организации феодально-монархического общества вследствие секуляризации урбанистического сознания, что не только декларировалось просветителями как цель, но и было результатом их усилий. Религиозная санкция всех институтов и смыслов феодально-монархического общества пропала, а новое смыслообразование стало возможно и необходимо только в области научного знания, причём как раз в тех отраслях знания, где достижения просветителей легко могли быть подменены вразумительными для публики упрощениями – в области конструирования удобопонимаемых общественных институтов. Собственность на землю – такая же бессмыслица, как собственность на людей или средства производства, это результат некритического отношения к дару убеждения. Собственность существует только в сознании: ещё никому не удалось с утратой сознания в результате смерти прихватить с собой ни песчинку, ни пирамиду; они остались, а право собственности улетучилось вместе с душой. Хитрость в способе организации несправедливости в античном мире – убедить раба, что он раб, потом крестьянина, потом ремесленника, потом война, потом сенатора и т. п. в справедливости и разумности жизнеустройства – и дело сделано. То же с вассалом и сюзереном, со сво-

бодными и несвободными крестьянами, с «воздухом города», который делает свободным. С промышленным способом организации несправедливости, который никуда не делся и в XX, и в XXI веках (просто географически замаскировался) ровно то же самое: под каким бы то ни было идеологическим соусом отобрать у производителя больше, чем ему заплачено за его работу. Было и раньше, но в XIX веке выкристаллизовалось и предстало в окончательном виде: Государство – это всё. Это хозяйство, управление, война, образование, наука, досуг, всё с ведома, под рукой и с разрешения государства, и без него невозможно ничто, вплоть до жизни. Самостоятельно, самостийно, своим умом и работой – нельзя, только из-под, с ведома и под надзором. Для такого способа организации несправедливости надо оторвать всё общество свободных равнобратьев от государства, сделать дистанцию непреодолимой, и тут ничего лучше парламентского представительства и придумать нельзя. Здесь надо в оправдание (в котором они не нуждаются) просветителям сказать, что они не могли учитывать количественный фактор. Придумать, сделать и утвердить кантональное устройство можно только в относительно компактном и небольшом по численности, обозримом из одной точки обществе. Одно дело – представлять интересы двух тысяч человек, и совсем другое – двухсот тысяч. Первое – мыслимо, некоторые директора больших школ знают к Новому году всех своих детей в лицо, все 60 классов по 30 человек; второе – анекдотично по определению. Как это связано с побочными эффектами эпохи Просвещения? Ответ ясен: сложить два двузначных числа много проще, чем складывать два вовьмизначных. Верёвки на фонарях ждали не только аристократов, но и попов, победа над церковью была так же желанна, как над дворянами и королем. «Раздавив гадину», революционеры оказались в луже и тут же стали хлопать вокруг себя руками по земле, пытаясь нащупать якоря, стенки и пределы на переворачивающейся с ног на голову земле: «... всё дозволено?».

Выдернуто из практики и забыто едва ли не главное: отобрав функцию смыслообразования у церкви, только научное знание может её заместить, только в этой области могут продолжать воспроизводиться старые и образовываться новые смыслы. Государство же, любое и каждое, всерьёз полагает, что производство смыслов только ему и по плечу, только оно может, а следовательно, и должно, просто обязано заботиться о пастве, организовывать везде всем всё всегда, в каждой дырочке.

Просветители бы и сами посмеялись над идеей представлять интересы сотен тысяч людей в парламенте одним человеком, умственные способности которого никто не думал проверять. Никто же в самом деле не думает, будто в парламентах что-то решается; они могут выполнять разные полезные задачи, главная из которых – как раз убедить публику, что они что-то решают, в то время как невидимые миру непоименованные силы думают точно так же, время от времени попадая то в яблочко, то впросак.

В середине 80-х годов XX века в Иностранке лежала книга крупнейшего бельгийского историка Ролана Мортье (1920–2015) «Дидро в Германии» (PUF, 1954), а в ней жила малоприметная фраза «...по отношению к движению, которое воплощало в себе все ценности современной эпохи», то есть к Просвещению. Книга до середины 80-х годов лежала неразрезанной. Из-за дороговизны, сложности и иных причин в типографии отпечатанные листы сфальцевали (сложили), подобрали (от первого печатного листа к пятнадцатому по порядку, один на другой, начиная с последнего, в стопку), шитвом собрали на марлевую основу корешка, сделали переплётную крышку на гильзе (полукартонное утолщение круглёного корешка), вставили блок в крышку, так и не обрезав блок с трёх сторон, то есть в полуготовой книге перелистнуть страницу с шестой на восьмую нельзя, они обе внутри сфальцованного листа. Из заученной фразы, перевод которой стал ясен спустя годы после заучивания, следует, что все ценности современности воплощены в эпохе Просвещения (изменён только порядок слов). Сложная работа по перечислению ценностей современности редко выполняется, но во всех попытках без исключения присутствует «демократия», «свобода», «равноправие», «законосообразие» (то есть следование тем или иным ответвлениям римского права), изредка вспоминается братство, как правило, в связи со стихами Ф. Шиллера и Девятой симфонией Л. ван Бетховена. Таинственным, непостижимым, чудесным, чтобы не сказать «сказочным» образом все ценности современности сконцентрировались и собрались в парламентаризме как средоточии всего – тут и народовластие, и равноправие, и свободы, даже братство. Так случайным образом тупо заученная фраза про toutes les valeurs de l'époque de la modernité оказалась тогда несущей больше смысла, чем прямое, переводное значение. Надо просто перевернуть вектор: не из эпохи Просвещения в современность, а из современности вспять – и средоточие станет явственным. Вся современная жизнь

оказалась так или иначе связанной с парламентаризмом, законами и их исполнением (надо следить), тратой собранных через налоги денег, принятием решений об обороне, решением вопросов о судьбоносных бюджетах и вкручивании лампочки в подъездах государственного жилья – всё вообще как-то сталкивается, упирается, касается, проходит через или по касательной через парламент. Кажется, если его вынуть из государственной системы, – всё обрушится. Но нет, были случаи, когда ширменный характер говорильни выходил на первый план, ширма оставалась, а болтовни не было – все войны; появились даже языковые оскюморонные формулы – «провести решение через нижнюю палату» (решение-то есть, надо только облечь в форму законности).

Не самые сложные логические построения типа «if – then» не позволяют не заметить: даже если мы не можем нащупать в самой эпохе Просвещения прикреплённый к ней канат, ведущий в будущее, не можем схватиться за этот канат правой рукой и, не отпуская его, пройти через все эпохи, разделяющие Просвещение и современность, сомневаться в его существовании не приходится; несовременность, отсталость, ветхость, дремучесть, серость непроцарапанная – всё это и что-то такое же неупомянутое и есть непросвещённость, а чтобы стать современным, достаточно научиться правильно жонглировать словами. Создать образ важнее, чем создать то, что отражено в образе. Голограмма завода с дымами дешевле и лучше, чем завод с продукцией. Когда Проблема поднята в парламенте, то она уже и решена, хватит второго чтения, переходим к следующей. А ведь это греческое слово имеет простой однозначный перевод: проблема – это задача, и ничего больше. Её не надо поднимать, опускать, обсуждать, допускать и ещё десяток других глаголов, надо только решать. Задачу – решить. Некие высшие смыслы, которые якобы появляются в переводах – не просто затеняют основной смысл первоначального понятия, они его отменяют. Задача существует для того, чтобы её решить, а проблема – для того, чтобы её обдумать, обсудить, поделиться, мучиться ею, забыть и т. д., но решать её не надо, она не для этого. И лучшее место для обсуждения проблем – парламент, где все ценности « de l'époque de la modernité » живут десятилетиями и веками, животрепещут и перевоплощаются одна за другой, чем изобильнее проблематика, тем ярче эмблематика, хорошо работающий парламент очень красив, могуч, ярок, убедителен, красноречив; вот она, «демократия» as is, in situ. Что является плодом существования любой управленческой инстанции? Редкий знаток ответит: решения задач, желательно, но необязательно правильные. Какое отношение имеют ко всем задачам депутаты как универсальные специалисты, имеющие за плечами свои профессиональные опыты, пусть выдающиеся? Никакого. Они могут только удивляться, за что же всё-таки страна платит им деньги.

* * *

Отчего реставраторов не ставят никогда под знак охраны авторского права ©? Знак охраны стоит на полдороге к вершинной глупости победившего пролетариата, табличке «Памятник архитектуры. Подлежит охране как всенародное достояние». Повесивший прокукарекал, а там хоть и не рассветай. Если «подлежит», так «охраняй»! Знак охраны не есть охрана. Кто-нибудь видел на Иване Великом табличку «Подлежит охране»? Потому что на самом деле охраняют. Но утешением для авторов знак © служить вполне может: на дело их ума и рук повесили бумажный замочек, можно быть спокойным, никто не возьмёт без спроса. Общая отвычка от здравого смысла заставляет даже умных по определению людей – учёных и научных сотрудников – подчиняться директивной глупости и писать на своих рефератах диссертаций «На правах рукописи». Помилуйте, да какие же у рукописи права? Права на что? Рукопись бессловесна и бесправна, как любой клочок или стопка бумаги, чистой, запечатанной или исписанной. Достаточно того, что на рукописи есть имя автора. Но с начальством лучше не связываться, сказали «Надо!», значит, надо. Чуть-чуть подальше подумать недосуг. Причин всего две: начальство уверено, что это некий признак научности, автор полагает, что объяснить что бы то ни было начальству невозможно, поскольку оно не владеет аппаратом понимания, не досталось при делёжке. Что переменится, если не писать на автореферате «На правах рукописи»? Ничего. Совсем. Ещё раз: у рукописи нет прав, никаких, ни одного. И знак © не обозначает ничего, он не является ни признаком авторства, ни охранным знаком, ничем. Но даже его не дают реставраторам.

Это потому, что...

1) Задача реставратора – восстановить, то есть по возможности скопировать преждесозданное, это часть профессиональных обязанностей; спустя века или тысячелетия реставратор обязан скопировать (то есть понять, присвоить, забрать) идею автора и торжественно повторить успех автора; в огромном большинстве случаев имя первого автора неизвестно, оттого и имя второго как-то... стеснительно кажется указывать. И совершенно напрасно. Строить легче, чем восстанавливать, а в случае с архитектурой сложность только возрастает: надо не просто влезть в шкуру автора, надо влезть в его время, в его технологию, в его психологию и состояние здоровья, и (самое главное) надо удержать собственное понимание красоты, использовать, но зачеркнуть столетние накопленные опыты, восстанавливая не свою форму, а его, первую, ту самую, хотя и мог бы, кажется, развернуться: «Вот тут-то у Дионисия колористика-то того... прихрамывает слегка, не грех и поправить, он бы и сам так поправил, да, может, это и не он, а сыновья писали». Это не просто авторство, это авторство в квадрате, и восстановитель заслуживает почёта не меньше, а вдвое против известного или неведомого первого автора. Если творчество – это созидание того, чего раньше не было, то реставратор тут как раз подходит под определение: тридцать лет назад не было, а теперь есть. Опять. То, что было совсем раньше, но его не было вот только что. «Сон про несон не есть не сон...» Отчего-то творчество историка признаётся творчеством в полном смысле, а реставратора – пока нет. А ведь и тот, и другой оживляют людей и предметы прошлого, переносят их в настоящее, выясняя, как оно было на самом деле; не считая извести и топора, здесь их навыки тождественны;

2) Американцы, конечно, умудрились перенести копию Парфенона в свою землю, и удивляются, отчего это копия не соответствует оригиналу, ведь дюйм в дюйм делали; в целом этот опыт свидетельствует только о широте кармана и узости лба (забыли скопировать небо, кубокилометры окружения, речь, историю, розу ветров, таверну поблизости, вкус рыбы и вина и исповедание именно такой веры, и именно такое общественное устройство). Вообще же задача скопировать то, над чем трудятся реставраторы – более чем необычна, редко приходит в голову, оттого и запрещать не стоит, и охранять не надо. Кроме того, есть вещи, которые не только можно, но и нужно копировать. Колесо не обязательно изобретать заново, его лучше позаимствовать, но аркбутан не появился в России не потому что его никто не видел, а потому что не было в нём нужды.

Если историю растворить в логике, а потом в другом сосуде логику растворить в истории, получатся два ядовитых, вредных для здоровья раствора. В первом случае берём прекрасный, прозрачный концентрат логики, смешиваем с водой и понемногу, по лезвию ножа добавляем истории, пока не начнёт мутнеть. Было Азовское сидение, или не было – не важно, главное, чтобы прозрачность со всех сторон сохранялась, всё было понятно и доступно уразумению в рамках предложенной обществоведческой схемы. Во втором случае берём факты, которые под рукой, желательно все, складываем в кучу и потом пытаемся нанизать на хоть какую-то логику понимания, потому куча оказывается бесконечной и бездонной, словно яма, чем больше роешь, тем лучше понимаешь, как мало знаешь. Слить два раствора в один сосуд нельзя, погибнет и логика, и история, приходится выбирать или качаться, то туда, то сюда. Как правило, в научном младенчестве выучиваются уважительно относится к фактам, опираться на источники, размер выводов чем скромнее, тем точнее, намёк всегда предпочтительнее вердикта («умный поймёт, дураку не объяснишь»), процесс всегда так увлекателен, что результат не очень-то и важен (и нужен: больше всех знают архивисты и публикаторы, но они никому не говорят об этом, копят, наверное). Ближе к пенсии большинство научных сотрудников перестают быть молодыми, соблазн обобщений и глубоких проникновений прогнать не так-то уже легко, благоговение перед источником сменяется чутьём и поток правильных генерализирующих глупостей становится неудержимым, в расплавленном граните памятников не выживает никакая органика. Казалось бы, мысль, не требующая даже шестой пяди во лбу: если государство становится становым хребтом истории каждой страны, если оно – это средоточие бытия всех во все времена, то аверс с портретами государей (и -рств) не может не иметь реверса с портретом вытоптанной почвы, на которой выросли эти государи (и -рства), res publica всегда превращается в rex publica, чем крупнее рекс, тем мельче публика – не успевает вырасти. Мысль, примитивная, как коромысло: чтобы выше поднять длинное государственное плечо, надо сильнее опускать, давить на народное. Историк, доросший до идеи возвеличения государства, уже заготовил нитку с иголкой, чтобы пришивать эполеты придворного историографа. Путь в карамзины никому не заказан. Должность всегда связана с жалованием. Никакие приставки, суффиксы и окончания не отменят корня слова: государь

пожалел, сжалился, снизошёл до пожалования милостью своей. И никто не стесняется этой жалкой роли, позабывая о размерах того, кто жалует. Это только один, не самый смешной пример выхода на обобщения и генерализации.

Как толком соединить эти две субстанции, логику и историю – рецепта нет. Всё, что пришло в голову – добавлять понемногу того и другого, смотреть, как получается и получается ли вообще.

Пока центральной задачей кажется доказательство того, что общественные устройства, основанные на выборах представителей, не являются единственной относительно современной формой организации власти как группы людей, на законном основании распоряжающихся собранными с населения налогами, и доказательство того, что существует генетическая связь между этой формой и эпохой Просвещения.

Просвещение не изобрело представительство, оно только оставило наследникам идею, что люди относительно равны в своих правах, должны быть свободны от прямого или косвенного угнетения (в формах, популярных в то время – рабство, крепостничество), внеэкономическое принуждение почему-то считалось отвратительным, в отличие от экономического, которое безосновательно считалось этически предпочтительным; братство оставалось как интенция, всерьёз на эту лирику никто не собирался опираться. Вольнодумство не могло не привести к мысли, будто люди могут измыслить общественное устройство, основанное просто на разуме, разумное устройство, которое можно бесконечно совершенствовать. Собрались, подумали, решили и сделали. В отличие от явно малоосмысленных идей насчёт сеньоров и вассалов, рабов и господ, и прочей средневековой чепухи.

Когда просветителям примерещилось, будто они и впрямь могут «раздавить гадину», они оказались перед бездной, «если Бога нет, то всё дозволено». Отпрянув перед бездной в ужасе, они принялись, держась друг за друга письмами и сочинениями, строить дорогу в будущее из подручного материала, которым оказался только собственный рассудок. Так появились на свет многие теории, некоторые без должной критики, силой вещей и по закону ветхости поныне принимаются едва ли не за единственно возможные и законные. Конструкция из балансирующих трёх ветвей власти (законодательная, исполнительная, судебная) только очень легкомысленному человеку может показаться элегантной. Коротенький вопрос «как?» превращает первую и третью ветвь в бессильные полупрозрачные крылья: как депутаты и судьи получают средства к существованию? Кто платит? Та единственная ветвь, которая, собственно, и является властью, которая собирает налоги и распоряжается ими, и чем дальше, тем больше. И примерно то же можно сказать про любую часть просветительского наследия: так-то оно так, да чуточку не так, нет, не совсем так, опять нет, совсем не так, да вовсе не так, ровно наоборот. И это первый бесспорный вывод, к которому приходят все исследователи: всё – сложнее, не так просто, богаче, шире, разнообразнее, без схем и правил, если досчитал до девяносто девяти, то вовсе не обязательно следующее число – сто, может быть и сто девять, а девять единиц потерялись навсегда, причём шесть из них когда-то описывались как синие, а три – как жидкие, но при этом всегда квадратные.

Просветителям и их ближайшим последователям мстилось, что религия как главный смыслообразователь и -воспроизводитель может быть заменена вообще во всех областях всесильным разумом, что истина – это то, до чего надо докопаться, найти, открыть, изобрести, придумать, объяснить и так далее. И они оказались правы, действительно, нашли и открыли, а истина опять где-то пропала, дальше надо искать. И, главное, смысл поисков пропадает – зачем, если смысл дан религией безвозмездно, без поисков, только с одним изъяном – как всегда, новенького нет.

Второе (после парламентской демократии) нежданное внебрачное дитя эпохи Просвещения – наука. В области воспроизводства смыслов достаточно просвещения с маленькой буквы, плохо или хорошо, но школы разных уровней могут с этим справиться. А «раздавленная гадина» особенно жестоко мстит там, где её присутствие давало особенно обильные когда-то плоды – в гуманитарном знании. После И.Г. Гердера и его «Писем для поощрения гуманности» критерий прогресса человечества установлен, хотя и не всем известен: хорошо то, что увеличивает количество гуманности в мире, кто бы и как бы эту гуманность не определял, как бы не чувствовал, что именно за этим определением скрывается. Религиозная теория и практика с этой задачей безусловно справлялась (несмотря на известные эксцессы), а вот после XVIII века стало совсем трудно, просветители трудились не зря. Заменить сферу религии могло бы только гуманитарное знание и искусство как его часть (приобретение нового знания возможно не только научными методами,

Л.Н. Толстой знал про жизнь не меньше, чем Д.И. Менделеев), но распухшее после просветителей государство полагает себя в силах производить смыслы самостоятельно, и опасается в гуманитарной науке конкурента. Опасается небезосновательно, расцвет гуманитарных наук неотвратим, как рассвет. Хотя бы только потому, что никто, кроме гуманитариев, не скажет, чем можно заменить опостылевшую двести лет назад парламентскую демократию. «Нет худшей формы правления, чем парламентаризм; но ведь другой-то нет». Вот результат дисгармонизации гуманитарного образования и науки.

Есть страна, которая прекрасно веками живёт без парламентской демократии: из последних четырёх столетий только последние сто лет Россия делает вид, что парламентаризм есть и здесь. А предыдущие три сотни она бежала от депутатов, как от чумы, деньги жалела на эти дорогостоящие представления с плохими актёрами по причине широко распространённого природного здравомыслия.

В самые шаткие времена, в начале XVII века, когда мобилизация всех сил нужна была для сохранения основ не власти, а страны (патриарха Гермогена поляки уморили голодом, сидючи в Кремле, вся страна могла стать польской провинцией под Жигимонтом), собирали Земские соборы «всей земли». И в голову никому не пришло, что надо провести выборы, установить норму представительства, напечатать бюллетени, определить полномочия, дать наказ, сроки инвеституры, порядок отзыва, неподсудность во время говорения и прочую чепуху – созвали повестками лучших людей отовсюду, откуда смогли, чтобы посоветоваться по уже существовавшему решению – собрать пятую, допустим, деньгу на ополчение (20% живота). А что, кто-то не знает в Нижнем Новгороде или Ярославле, кого именно надо послать к собору? В любом сообществе известно, кто чего стоит, и никакими процедурами этого знания не заменить.

Если какого-нибудь французского графа в XV веке спросить, на каком основании ему принадлежит его земля, первые сорок дней он будет пытаться понять вопрос (потом быстро про наследование). Если любого парламентария XXI века спросить, на каком основании он получает зарплату, первые сорок дней он будет пытаться понять вопрос (потом быстро про выборы).

Ни тот, ни другой не поймут, что их спрашивают про другое. Основанием в обоих случаях служит миф, сказка, умственная конструкция, слово, освящённое временем. Земля твоя, потому что ты можешь отпугнуть, не пустить, отогнать других людей, потому что твои предки решили, что эта земля – их, они решили и убедили других и поставили забор и все поверили. Депутат убедил себя и других, что он имеет право голосовать на заседаниях по бюджету от имени своих избирателей, не интересуясь их мнением или спрашивая их, но не давая отчёта; один избиратель при помощи бюллетеня и урны наделял депутата своей одной двухсоттысячной (от округа) воли правом собирать налоги, например. Каким манером? Галочкой, крестиком, жирной точкой можно передать право другому кому-то? Это не более чем знак, чем право на кусок мяса, переданное любимой собаке. Право есть. А мясо где? Сложные формализованные пляски вокруг знаков прячут простую истину: передать можно только кусок мяса. Передать, делегировать, отчуждить право нельзя. Депутат ничего никогда не знает и знать не желает о моём мнении по поводу налогов, и ничего я ему не передавал, даже если голосовал. Это заблуждение, потому что передача невозможна. «Бостонское чаепитие»! «No taxation without votation». Какие чудные! Отдадим голос – и налоги станут разумнее. Да хоть горло себе отрежьте и отдайте депутатам вместе с голосом – не станут.

Постепенно за века и тысячелетия приключился переворот. Люди всё ещё думают, что они зарабатывают сами, своим трудом, что хозяин им платит сполна или недоплачивает, и из зарплаты власть вынимает на свои дела налоги; но так было в те времена, когда слово слово «мытарь» было ещё в ходу, а потом всё перевернулось с ног на голову: заработать на жизнь самому или у хозяина нельзя, весь вообще заработок так или иначе связан с государственной властью, это она оставляет мне из стоимости сделанного мною столько, сколько, по его мнению, потребно для моего выживания. Хозяин и есть власть, а власть и есть хозяин. Ленинское сращивание монополий и государства ушло в прошлое, напротив, государство – это и есть предприятие, самое большое и самое прибыльное. Люди – это нефть, наркотики и оружие в одном стакане. Прибавочная стоимость – это кровопускание из пальца, на худой конец из вены возьмут фунт. Налоги – вот где кровь сосут прямо из жилы, без пробирок, ртом, не регулярно, а не отрываясь. И чем сильнее власть, тем сильнее малокровие, и неважен соус, под которым подаётся блюдо из крови – коммунизм, капитализм, демократия, тоталитаризм, хотькакойизм. «Рассуждайте о чём угодно – только повинуйтесь».

Подробно или бегло пресказывать историю XVII века не стоит: в зависимости от читателя страниц всегда будет или нехватка, или избыток. Если применить метод «меньше минимума», скука будет зевотой рвать рты – кое-что про историю XVII века знают все.

Лучше приведём несколько примеров того, как проявляется «сложность», что именно хорошо бы узнать поподробнее, что именно прятала трёхсотлетняя вера в то, что история России начинается с Петра I, и «где бы мы все были без него».

Вот выдержки из книги «*Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник / Ответственный составитель Г.А. Иванова. М., 2011», в каждой записи так или иначе есть информация по Рязани, (последние числа – адреса в путеводителе по источникам на стр. 653).

Абрамов (Аврамов) Иван
1673–78 под. Переяславль-Рязанск. губ. из. – 7198, 9248

Александров Ефим
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Алексеев Варфоломей
1657–68 дьяк
1657 февр. 28 учинен новичн. окл. 60 руб. – 1809, 1855
1661 окл. 60 руб. – 967
1663 сент. 6 «для терск. службы» учинен окл. 75 руб. – 988, 1011
1665/6 дьяк на Тереке – 6898
Ранее 1667/8 умер – 3493
Землевладение
1663 дек. 10 отказано из его пом. в Рязанск. у. 20 ч. в прожиточн. пом. вдове Аф. Раздеришина – 8405
Родственники
Сыновья:
Алексеев Александр Варфоломеев, дьяк, см.
Алексеев Кирилл Варфоломеев, дьяк, см.

Андреев Яков
1685–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит по воеводск. подписн. челоб. – 5911
1685 сент. – 1691 упом. – 5915, 5773, 5774, 5775

Арбеньев (Арбенев) Петр
1622–34 под. Пр. Б. двц.
1622/3 упом. – 6998
1626–27 окл. 5 руб. – 6161, 6162, 6131
1628 упом. – 5980
1628–30 окл. 6 руб. – 6961, 6087
1631–34 окл. 8 руб. – 5953, 6118, 6045, 6015
1639–54 дьяк
1639 упом. – 3406
1642 мая 15 учинен окл. 60 руб. (из Уст. чтв.) – 1657, 1725, 1762,
1654 окл. 100 руб. – 3990, 3992, 4012
Землевладение
1644 окт. указ об отказе ему в пом. 35 ч. пашни в Рязанск. у. – 8612

Артамонов Андрей
1689 окт. – 1691 переяславль-рязанск. площад. под. – 5773, 5774, 5775

Артемьев Федосей (Федос, Федосий)
1659–85 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1659/60 по грам. из Разр. пр. – 5909, 5911, 5915, 5773, 5774
1673–90 окл. 15 руб. – 7198, 9248, 5909, 5911, 5915, 5773, 5774
С 1681/2 сидит по разбору Лаврентия Денисьева и по выбору переяславль-рязанск. посад. людей – 5909, 5911

Артемьев Филипп
1662–82 дьяк
1662 апр. 3 пожалован в дьяки – 7557
1663 мая 18 учинен окл. 70 руб., пом. окл. 650 ч. – 3470
1664 март дьяк Монаст. пр. – 6447, 6437
1667 «для объявления ц-ча Алексея» приб. к окл. 9 руб., к пом. окл. 80 ч. – 3518, 3639
1673–77 дьяк Монаст. пр. – 3880, 3927
1674 «для объявления ц-ча Федора» приб. к окл. 9 руб. – 1034
1677/8 послан с ден. казной – 3957, 7588

1681/2 дьяк Зем. пр. – 4022
Землевладение
1665 окт. 25 по его сказке имеет куплен. вотч. в Рязанск. у. (20 ч., кр. нет) – 7413

Богданов Василий
1673–78 под. переяславль-рязанск. губ. из. – 7198, 9248

Борисов Иван
1684 окт. переяславль-рязанск. площад. под. – 5909

Борисов Федор
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248
1680–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1680/1 по грам. из Разр. пр. – 5909, 5915, 5773, 5775
1684 окт. окл. 5 руб. – 5909
1688 сент. – 1691 окл. 10 руб., пом. окл. 250 ч. – 5915, 5773, 5774, 5775

Бочин Роман Афанасьев
1668–78 под. Челоб. пр.
1668–73 окл. 5 руб. – 7060, 4556, 6617, 4599, 4644, 7437, 4688, 4734
1673–75 окл. 6 руб. – 7244, 4779
1675/6 мол. под., окл. 8 руб. – 4826
1676/7 под. ср. стат., окл. 8 руб. – 7129
1677–78 стар. под., окл. 15 руб. – 6710, 4912
1682–99 дьяк
1682/3 дьяк «не у дел» – 7272
[1683] окл. 75 руб., пом. окл. 650 ч. – 7020
1684/5 дьяк в Великих Луках – 4061
1685–99 упом. – 4076, 4099, 4110, 4160, 4182, 4235, 4262, 4287, 3719, 4330, 4368, 4391
1699 дьяк Зем. пр. – 2877
Землевладение
1687 нояб. 8 велено отказать выменян. пом. в Курмышск. у. (99 ч.). Обменял на рязанск. пом. (1 ч.) – 8446

Бредихин Мартемьян Семенов
1648–50 дьяк
1648 июня 1 учинен окл. 80 руб., пом. окл. 700 ч. – 3410
1650 нояб. дьяк Пом. пр. – 8884
Землевладение
1650 нояб. 4 имеет вотч. в Костром. у. – 8250
1651 марта 22 отказано пом. в Рязанск. у. – 8252

Булатов Степан
1677/8 под. Переяславль-Рязанск. прик. из., окл. 10 руб. – 9248

Булыгин Роман Степанов
1634–40 дьяк
1634 июль пожалован в дьяки – 3323
1634 авг. 1 учинен окл. 70 руб., пом. окл. 600 ч. – 1367
1635/6–40 окл. 70 руб. – 3358, 3398, 1537, 1566, 1598, 1651, 1674
Землевладение
1632/3 имеет осадн. двор в Переяславле Рязанском, освобожд. от постоя – 8162
1638 имеет пом. в Старорязанск. ст. (101 ч. без осьм., 6 дв. кр., 7 дв. боб., в них 60 чел.) и вотч. в Рязанск. у. «за московск. осадное сидение» его отца и за службу (50 ч., 4 дв. кр. и 2 дв. боб., в них 12 чел.) – 2791, 2975

Васильев Иван
1684 окт. – 1691 сент. переяславль-рязанск. площад. под. – 5909, 5915, 5773, 5774, 5775

Васильев Самойла Васильев (Васильевич)
1683 окт. стар. под. Разб. пр., окл. 30 руб. – 6871
1689 окт. стар. под. Пр. сыскн. дел, окл. 50 руб. – 7349
1699–1704 дьяк
1699 дек. 31 пожалован в дьяки из под. Сыск. пр. – 4417, 3747
1700 назначен к соч. Уложения – 6917
1701–1704 упом. – 4440, 4475
Землевладение
1700 владеет землями в Вологодск., Рязанск. и Тульск. у. (10,5 кр. дв.) – 9351, 9446

Виниус Андрей Андреев (Андреевич)
1677–94 дьяк
1677 пожалован в дьяки из дворян и переводчиков Пос. пр.
Учинен окл. 90 руб., пом. окл. 800 ч. – 3683
1677 назначен дьяком Апт. пр. – 2883
1677/8 жал. «как было в Пос. пр.: окл. 82 руб.; поден. корм 13 алт. 2 днг. на день» (велено вычитать за Болховск. пом. 50 руб.) – 2358
1680 окл. 178 руб. – 7592
1677 – 1685 упом. – 3949, 4001, 4017, 4056, 4073
1680, 1683 дьяк Апт. пр. – 7269, 2940
1684–86 дьяк, «у почтов. дела» – 431, 2957
1686/7 дьяк Апт. пр., жал. 228 руб., дано из доходов Нов. Аптеки – 3914
1686–91 упом. – 4094, 4122, 4156, 4179, 4232, 4280, 4300, 3714
1689–92 дьяк Пос. пр., окл. 160 руб., дано 100 руб. – 2375, 2942
1694 апр. 24 дано 100 руб. «для его скудости» – 1975
1694–[1716] думн. дьяк
1695 марта 24 пожалован в думные дьяки – 4321, 4327
1695 дек. 27 при посылке к гетману Мазепе дано в прик.
50 руб. – 1084
1695 указано писать его выше думн. дьяков В. Посникова и Б. Михайлова, т. к. он «в думн. чин пожалован из моск. дворян» – 2388
1695 думн. дьяк Новг. чтв. – 435
1695–1709 упом. – 4359, 4364, 4385, 4424, 4449, 16, 17, 19, 20, 21
1695–1709 главн. дьяк Сиб. и Артил. пр. – 1, 21
1699 думн. дьяк Пос. пр. – 2943
1700 назначен к составлению Уложения – 6916
1703–04, 1707–13 упом. – 4452, 4461, 4480, 4482, 4484, 4485, 4487, 4489
1708 в Амстердаме – 2944
1709 занимается вопросами переводов технич. литературы (по механике, артиллерии, пиротехнике и др.) – 25
1712 указ Петра I Виниусу переводить «немецкие законы» – 9463
Не позднее 1716 думный дворянин – 7
Не позднее 1716 окт. умер – 6
Землевладение и имущество

1683 июля 12 дано за Троицк. поход из его пом. в вотч. 85 ч.
в Болховск. у. – 9143
1684/5 за болховское имение вычитать не велено, т.к. оно «справлено в вотч.» – 2884
1686–87 имел 38 кр. дв. – 4122, 4156
1687 велено по его челоб. ведать пустым двором в Болхове – 8433
1688 марта 18 отказана куплен. вотч. (332 ч.) в Горетове ст. Московск. у. – 8464
1688 нояб. 14 отказана пуст. (89 ч. с осм.) в Московск. у., «в подмосковн. пом.» – 8551
1689–92 имеет 22 кр. дв. – 4265, 4300
1696 дана дер. (19 дв.) из дворц. земель Белевск. у – 11
1700 по сказке его чел. владеет землей в Пошехонск. (31 дв.), Болховск. (4 дв.), Мещовск. (12 дв.), Белевск. (14 дв.),
Ломовск. (9 дв.), Рязанск. (82 дв.) уездах – 9441
1702 даны 2 дер. (42 дв.) из дворц. земель Перемышльск. у. – 11
1716 окт. после смерти А.А. Виниуса остались 2 дв. в Москве (в Белом и Земляном городе), 22 500 руб. (из них 13 тыс. в долговых записях) – 9461
1716 окт. 5 указ об утверждении в наследственных правах его племянника полковника Л.Д. Порецкого – 6
1719 опись библиотеки А.А. Виниуса (662 тома на разн. языках) – 33
Родственники
Отец Виниус Андрей Денисов, купец, владелец железоделательных заводов, голландец, с 1648 российск. подданый – 2939
Жена Матрена Иванова, «в небытие ее мужа в Москве» (1690), ей дано «на прокорм» 20 руб.– 1265
Сын Матвей, стольник (1698) – 436
Дочь Анна, замужем за Алексеем Калитиным – 32
Сестра Анна Андреевна, замужем за дьяком Андреем Городецким; [вдова] (1717), просит о передаче ей взятого в казну имущества после смерти брата – 9461, 15
Свояченица Авдотья Иванова, 2-я жена Е.И. Украинцева – 8668, 673
Племянница Марья Порецкая, замужем за Ларионом Порецким – 9461
Племянник Порецкий [Ларион Дмитриевич], полковник (1716) – 6

Возницын Артемий (Артем) Богданов
1669/70 под. Новой чтв., не верстан – 4613
1670–79 под. Новг. чтв. (пр.)
1670–74 не верстан – 4656, 7440, 4700, 7236, 4745
1674/5 упом. – 4790
1675/6 окл. 10 руб. – 4836
1677–79 стар. под., окл. 15 руб. – 6674, 4878, 4919, 7516
1682–84 стар. под. Пр. Б. казны
1682 нояб. окл. 30 руб. – 7119
[1683/4] окл. 40 руб. – 6851
1685–1702 дьяк
1685 марта 13 пожалован в дьяки из под. – 4065
1685–86 упом. – 4078, 4130, 3607
1686 «для вечного мира» с Речью Посполитой приб. к окл. 25 руб., к пом. окл. 150 ч. – 3722
1687–91 упом. – 4160, 4184, 4238, 4266, 4305, 4331
1689 «для Троицк. похода» приб. к окл. 25 руб., к пом. окл. 50 ч. (за перехож. ч. 8 руб.) – 3722
1692 июля 2 окл. 100 руб., пом. окл. 800 ч. – 3722
1692–97 дьяк Разр. пр., окл. 100 руб. – 7497, 7469, 5559
1701 февр. 13 – 1702 мая 4 дьяк Разр. пр., на службе в Новгороде и Пскове – 8871, 8870, 9135
Землевладение
1680 дек. отвод пом. из «дикого поля» (в совместном владении с братьями) – 8945
1685–91 владеет 26 кр. дв. – 4065, 4078, 4130, 4162, 4184, 4264, 4305, 4331
1700 по его сказке в Преобр. пр. – имеет пом. и вотч. в Каширск. (30 дв.), Кашинск. (18,5 дв.), Рязанск. (4 дв.), Кинешемск. (13 дв.), Вологодск. (41 дв.) уездах – 9338, 9397
1701 имеет вотч. в пуст. гаворонск. Веневск. у. – 9048
Родственники
Братья Возницыны Прокофий Богданов, под. см. и Федор Богданов, под. см. – 8945

Головин Семен Владимиров
1627 дьяк, окл. с приб. 130 руб., пом. окл. 900 ч. – 3268, 7365
Землевладение
1615 жалован. грам. ему с сыном на суздальск. вотч. (280 ч.) – 8085
1625 дело о возвращении его бегл. кр. из владений в Переяславль-Рязанск. у. – 8085

Гордеев Харитон
1622/3 под. Пр. Б. двц. – 6998
1625 сент. под. с прип. на Рязани – 8584
1626–34 под. Пр. Б. двц.
1626–30 окл. 17 руб. – 6131, 6162, 6161, 6087, 6961
1626–33 пом. окл. 150 ч. – 6131, 6162, 6161, 6087, 6961, 6118, 6045
1631–34 окл. 20 руб. – 6118, 6045, 6015

Гордеев Яков
1681–85 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
1681/2 сидит по разбору и выбору посад. людей – 5909, 5911
1684 окт. не верстан – 5909
1685 сент. упом. – 5911

Григорьев Матвей
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248
1681–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1681/2 по разбору Лаврентия Денисьева и выбору посадск. людей и по грам. из Разр. пр. – 5909, 5911, 5915, 5775
1684 окт. не верстан – 5909
1685 сент. – 1691 упом. – 5911, 5915, 5773, 5774, 5775

Грязев Иван [Кириллов]
1617–31 дьяк

[1617] пожалован в дьяки за «английск. службу», окл. 60 руб., пом. окл. 600 ч. – 42
1617/8 послан в Астрахань с кн. А.М. Львовым. «Ногайск. орду привел в русск. подданство и с крымск. стороны перевел ее на русск.» – 6192
1619 за астраханск. службу приб. к окл. 40 руб., к пом. окл. 100 ч. – 3263
1627 апр. 1 за астраханск. службу велено дать 140 ч. из пом. в вотч. – 6192
1629 мая 15 окл. 120 руб., пом. окл. 800 ч. – 3287
1631 в пос-ве в Данию – 66, 60, 67
1631–34 думн. дьяк
1631/2 велено быть в думн. дьяках на место Ф.Ф. Лихачева – 3291, 7099
1632 думн. дьяк Пос. пр. – 352
1634 упом. – 2080
Землевладение
1628/9 дано пом. с-цо Худышево Рязанск. у. (53 ч.) – 9452
1629 дек. 22 жалов. грам. на его вотч., «что дана за астраханск. службу» во Владимирск. у. По его желанию вложена в Симонов м-рь – 8077
1631 окт. 7 отказн. грам. на с-цо (17 ч.) в Козмодемьянск. у. – 8110
1632 янв. 7 отказн. грам. на землю (33 ч.) в Козмо демь янск. у. – 8111
Родственники
Брат Грязев Мина Кириллов, дьяк см.

Грязев Мина (Миня) [Кириллов]
1633–61 дьяк
1633 авг. пожалован в дьяки, окл. 41 руб. пом. окл. 700 ч. – 3303
1633–36 окл. 85 руб., пом. окл. 800 ч. – 3303, 1531
1635–37 послан с пос-вом в Персию – 94
1637/8 «для кызылбашск. посылки» к окл. приб. 35 руб., 100 ч. – 3303
1641/2 окл. 120 руб. – 1662
1642 на посольск. размене в Валуйках с кн. Андреем Литвиновым-Мосальским – 568
1643 авг. 13 «для кызылбашск. посольск. размены» окл. на 1643/4 выдан вперед – 1637
1652 февр. отпущен из Казани в Москву с женой и детьми – 8291
1657–61 окл. 120 руб., пом. окл. 900 ч. – 3435, 1069, 932
1661 умер – 3435, 932
Землевладение
1638 имеет пом. и вотч. (596 ч., 85 дв., 227 чел.) – 2742, 1111
[1645 – 1697] имеет вотч. в Горетове (5 кр. дв.), Островском
(10 кр. дв.) и Ратуеве (8 кр. дв.) станах Московск. у. – 7027
1649 окт. 5 послушн. на пом. в Каширск. (100 ч.) и Муромск. (по даче 1633/4 – 73 ч.) уездах, и на вотч. в Московск. у. (137 ч.) – 8291
1658 ввозная во владения в Каширск. (172 ч.), Рязанск. (356 ч.
1 ос.), Муромск. (79 ч.), Галицк. (по даче 1629/30 – 252 ч.) уездах – 8240
Родственнки
Брат Грязев Иван Кириллов, думный дьяк см.

Дашковский Максим
1684 окт. – 1685 переяславль-рязанск. площад. под. – 5909

Дашковский (Дашков) Михаил
1677–85 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248, 5909

Денисов Родион
1677–84 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248, 5909

Ермолаев Богдан
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248
1685 сент. под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит по грам. из Разр. пр. – 5911

Ермолаев Иван
1681–85 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1681/2 по грам. из Разр. пр. – 5911
1685 сент. упом. – 5911

Ермолаев Лев [Дмитриев]
1642–61 под. Пом. пр.
[1642]–44 не верстан – 6083, 6809
1645 март – 1648 окл. 1,5 руб. – 9159, 9162, 9164
1648 окл. 2 руб. – 6782
1648–50 окл. 4 руб. – 9166, 9168
1650 нояб. окл. 5 руб. – 6743
1650–52 окл. 6 руб. – 9169, 9170
1652–53 окл. 8 руб. – 6249, 9171
1656/7 под. Моск. стл. – 9173
1656–61 окл. 30 руб. – 9173, 9175, 6999, 9176, 6300, 9179
1656–58 пом. окл. 300 ч. – 9173, 6999
1658 окт. упом. – 6967
1664–88 дьяк
1664 янв. 28 учинен новичн. окл. 70 руб., пом. окл. 650 ч. – 4123, 995
1664 март–апр. дьяк Сиб. пр. – 6434, 6445
1665/6 упом. – 6900
1667 окл. 70 руб., пом. окл. 650 ч. – 3519
1669–78 дьяк Сиб. пр. – 3780, 3811, 3830, 3555, 3925, 3946, 7576
1674 окл. 70 руб. – 1042
1674 окт. 20 «для объявления ц-ча Федора» приб. 9 руб. – 1042
1680/1 дьяк в Новгороде – 7268
1681–83 дьяк Пом. пр. – 4020, 8915
1682 июля 11 окл. 80 руб., пом. окл. 700 ч. – 3591
1684 пом. окл. 80 руб. – 9172
1684 дек. 17 «за службу» дано из пом. в вотч. 162 ч. – 9172
1686–88 упом. – 4085, 4117
1688 апр. 5 пожалован в дворяне по московск. списку – 4117
б/д «в монахах» – 3640
Землевладение
1669 июня 28 грам. об отказе ему в вотч. выменен. поля в Ярославск. у. – 8369
1665 окт. 24 по его сказке имеет пом. в Ярославск. у. (48 дв.,
поселено 3 кр.) и вотч. в Ярославск. (117 ч., 8 дв.) и Рязанск. уездах (17 ч., кр. нет) – 7411
1670 владеет 240 ч. земли (16 дв.) – 7555

1684 владения в Епифанск., Калужск., Каширск., Рязанск. Ярославск. уездах – 9172
1685–88 имеет 33 кр. дв. – 4084, 4117
Родственники
Сын Иван – 8498

Ермолаев Федор
1673–78 под. Переяславль-Рязанск. прик. из., окл. 12 руб. – 7198, 9248

Ефремов Иван
1677–91 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248, 5909, 5915, 5773, 5774, 5775

Живого Антип
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Жуков Семен Леонтьев
1681–99 под. Ряз. стл. Пом. пр.
Сидит с 1681/2 – 9324, 9290
1685/6 под. ср. стат., не верстан – 9328
1685/6 окл. 2 руб. – 9289
1686 март окл. 2,5 руб. – 9290
1687–89 окл. 4 руб. – 4961, 4936
1687/8 упом. – 9300
1689 окт. окл. 5,5 руб. – 9206
1689 нояб. стар. под., окл. 7 руб. – 7344
1691 окт. окл. 8 руб. – 9207
1692 авг. – 1696 окл. 16 руб. – 9316, 9317
1695–96 на службе под Азовом – 9318, 9320, 9324
1696/7 окл. 21 руб. – 9318
1697–99 окл. 22 руб. – 9324, 9214, 9326, 9215
1701–02 дьяк
1701 марта 18 пожалован в дьяки из под. Пом. пр. – 4441, 3749
1702 учинен новичн. окл. 90 руб., пом. окл. 750 ч. – 3749
Землевладение
1696 имеет пом. в Соловск. у. – 8957
1700 по его сказке в Преобр. пр. имеет земли в Соловск.
(9 дв.), Епифанск. (2 дв.), Тульск. (3 дв.), Каширск.
(1 дв.), Владимирск. (1 дв.), Белевск. (5 дв.), переяславльрязанск. (3 дв.), Московск. (1 дв.) уездах – 9372

Злобин Иван
1673/4 под. Переяславль-Рязанск. прик. из., окл. 15 руб. – 7198

Иванов Автоном (Автамон) Иванов (Иванович)
1669–76 под. Пом. пр.
1669/70 не верстан – 4595, 6610а
1670–71 окл. 3 руб. – 9188, 4639
1671 нояб. – 1673 окл. 6 руб. – 7450, 4684
1672 май мол. под. Рязан. стл. Дано в прик. 1 руб. «за его прик. работу» – 9183, 9182
1672 окт. – 1678 окл. 13 руб. – 9200, 9202, 9203, 4908, 4866
1675/6 стар. под. – 7568
1679 нояб. – 1680 окл. 15 руб. – 7513, 9201
1676 июня 3 под. Был под. с приписью в Цивильске. Указано послать в Астрахань – 6203
1684–88 дьяк
1684–87 упом. – 4059, 4074, 4096, 4157
1685 дьяк Пом. пр. – 8980
1686/7 на службе в Рязанск. полку – 4125
1688–1709 думн. дьяк
1688 авг. 29 пожалован в думн. дьяки – 3696, 6913
1689 авг. 3 учинен окл. 250 руб., приб. за Троицк. поход 230 руб. – 3696, 4137
1688–91 упом. – 4171, 4211
1691/2 окл. 480 руб. – 3702
1694–98, 1701–09 упом. – 4319, 4344, 4364, 4385, 4423, 4449, 4462, 4480, 4482, 4484
1703 думн. дьяк Пом. пр. – 3245
1709 нояб. 14 умер: «Сего … дня по воли Божии думн. дьяк господин Иванов от живота своего переселился скоропостижно смертию» – 9139, 4485
Землевладение и имущество
1683 янв. 21 дано за Троицк. поход из его пом. в вотч. 75 ч. в Ярославск. у. – 9154
1684–87 владеет 10 дв. – 4051, 4125
1688 июля 17 спорное дело с дьячком Семеном Строковым о владении пустошью в Ярославск. у. – 8510
1689 дано из дворц. земель с-цо в Костромск. у. – 9
1700 по его сказке в Преобр. пр. – владеет пом. и вотч. в Алексинск., Владимирск., Дмитровск., Елецк., Московск. и Суздальск. уездах (50 дв.) – 9439
1717 февр. перечень имущества А.И. Иванова – пом. и вотч. в 14 уездах (1864 дв.); передано сыновьям 2000, описано в доме 2579 одинарн. золотых червонцев, 49 двойн. золотых; 404 ефимков – 3260
Родственники
Сыновья Николай и Василий посланы в Ревель «к изучению немецк. науки» – 8654
Дочь (1717) – 3260

Иванов Кузьма
1677/8 рязанск. площад. под. – 9248

Иванов Кузьма
1677/8 под. Рязанск. губ. из. – 9248

Иванов Кузьма
1684 окт. – 1685 под. Пр. Сыск. дел, послан по указу из Разб. пр. в Переяславль-Рязанский, окл. 8 руб. – 5909

Иванов Ларион (Илларион) Иванов (Иванович)
1653–62 под. Новой чтв.
1653, 1655/6 упом. – 6239, 6356
1656/7 не верстан – 6366
1657/8 был под Смоленском, а «ныне в Черкасск. городах». – 6380
1657–59 окл. 16 руб. – 6380, 6296, 6314
1658–60 окл. 20 руб. – 6964, 6246, 6337, 6392
1661 окл. 35 руб. Послан гонцом в Польшу. – 6237
[1661/2] окл. 35 руб. За «черкесск. посылки» и 2 гонецкие поездки приб. 5 руб. и учинен пом. окл. 300 ч. – 2219
1662 окл. 40 руб., пом. окл. 300 ч. – 6467
1662/3 послан в Швецию – 6237
1663 послан в Польшу – 7558, 6237

1663–69 дьяк
1663 авг. 2 пожалован в дьяки из под. Новой чтв. – 7558, 6237
1664 февр. 14 учинен окл. 70 руб., пом. окл. 700 ч. – 3473
1664 март дьяк Новой чтв. – 6449
1664 апр. дьяк Пр. Б. двц., ведает Ор. пал. и Ствол. пал. – 6436
1664 март дьяк Ор. пал. и Ствол. пал. – 6449
1669 янв. дьяк Пр. Б. двц. и Ор. пал. – 3781
1669–82 думн. дьяк
1669 окт. 2 пожалован в думн. дьяки – 3808
1670–74 упом. – 3809, 3820, 3857, 3860, 3863, 3867
1674 апр. 7 учинен окл. 250 руб. – 3482
1675 мая 11 утверждена выплата окл. 250 руб. из Уст. чтв. – 1012
1675/6 окл. 300 руб. – 3536
1676 апр. 26 назначен в Уст. чтв. – 1923
1676– июль назначен в Пос., Малор., Вл. и Гал. приказы, «которые ранее ведал А.С. Матвеев» – 6650
1676–80 дьяк Пос. пр. – 2948
1676–82 упом. – 3915, 3940, 3982, 4010
Землевладение
[1665/6] владеет 1 дв. – 6436
1665 окт. 26 владеет вотч. (18 ч., 1 дв.) в Калужск. у., пом. в
Белозерск. (33 ч.) и Романовск. (56 ч.) уездах – 7415
1675 дек. 20 отказана ему с сыном вотч. (55 ч.) в Рязанск. у. – 8425
1676 отвод пом. «из дикого поля» в Черньск. у. – 8971
Родственники
Сын Василий (1675) – 8425, 8426

Иванов Софрон (Сафон, Софон)
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. Сидит с 1677/8 по воев. подп. челоб. – 9248, 5915
1681–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1681/2 по грам. из Пос. пр., по разбору Лаврентия Денисьева и заручн. челоб. рязанских помещ. и вотчинников и по выбору посадск. людей. – 5911, 5909
1682/3 Сидит по грам. из Разр. пр. – 5911, 5909
1684–85 упом. – 5909, 5911
1688 сент. – 1689 окл. 6 руб., пом. окл. 200 ч. – 5915, 5773
1690 сент. – 1691 окл. 11 руб., пом. окл. 250 ч. – 5774, 5775

Ипатьев (Ипатов) Иван
1674–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
1674/5 Сидит по грам. из Разр. пр. – 5909, 5911, 5915, 5773
1680/1 Сидит по заручн. челоб. – 5909, 5911
1684–91 окл. 7 руб. – 5909, 5911, 5915, 5773, 5774, 5775
1685 сент. «ныне в полку у Царева-Борисова» – 5911

Ипатьев Осип
1690 сент. под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит по воев. подп. челоб. – 5774

Ипатьев (Ипатов) Поликарп
1688 сент. – 1691 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит по воев. подп. челоб. – 5915, 5773, 5774, 5775

Исаев Кирилл
1677–91 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248, 5909, 5915, 5773, 5774, 5775

Исаков Иван
1626/7 под. Сыскн. пр. А.В.Измайлова, окл. 15 руб. «Не сидит», на Рязани. – 6160

Калачников (Колачников) Петр
1689 окт. – 1690 переяславль-рязанск. площад. под. – 5773, 5774

Карцев Борис
1689–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит по воеводск. подписн. челоб. – 5773, 5774, 5775

Карцев Василий
1684–91 под. Пр. Сыск. дел. Послан по грам. из Разб. пр. в Переяславль-Рязанский. Сидит по грам. из Сыск. пр. «у сыскн. дел» – 5909, 7474, 5915, 5773, 5774, 5775

Карцев (Карцов) Федор
1688–91 под. Пр. Сыск. дел. Послан в Переяславль-Рязанский. Сидит по воеводск. подписн. челоб. и по грам. из Сыск. пр. «у сыскн. дел» – 5915, 5773, 5774, 5775

Конякин Родион
1681–85 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1680/1 по грам. из Разр. пр. – 5911
1685 сент. окл. 5 руб. – 5911

Косякин Игнатий
1657–87 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1657/8 по грам. из Разр. пр. – 5909, 5911
1673/4 не верстан – 7198
1677/8 окл. 10 руб. – 9248
1684 окт. – 1685 пом. окл. 250 ч. – 5909, 5911
1684 окт. – 1687 окл. 13 руб. – 5909, 5911, 7474

Косякин Родион
1680–87 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1680/1 по грам. из Разр. пр. – 5909
1684 окт. – 1687 окл. 5 руб. – 5909, 7474

Кравцов Трофим
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Кубасов Кузьма
1684 окт. под. Пр. Сыск. дел, окл. 8 руб. Послан по грам. из Разб. пр. в гор. Переяславль-Рязанский – 5909

Леонтьев (Левонтьев) Роман
1689 окт. – 1691 под. Пр. сыск. дел. Сидит по воев. подписн. челоб. в Переяславль-Рязанском «у сыскн. дел» – 5773, 5774, 5775

Макарьев Лев
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Макарьев (Макаров) Яков

1677–91 переяславль-рязанск. площад. под. Сидит по грам. из Пр. Хол. суда – 5909, 5773, 5774
1677/8, 1684–85 упом. – 9248, 5909
1688 сент. «у сыскн. дел» – 5915
1689–91 упом. – 5773, 5774, 5775

Максимов Григорий
1667–89 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1667/8 по грам. из Разр. пр. – 5909, 5915, 5773
1673/4 окл. 10 руб. – 7198
1677–89 окл. 12 руб. – 9248, 5909, 5911, 5915, 5773

Марков Игнатий
1685–89 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1681/2 по разбору Лаврентия Денисьева и выбору посад. людей – 5911, 5915, 5773
1685 сент., 1688–89 упом. – 5911, 5915, 5773

Мартынов Игнатий
1681–84 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1681/2 по разбору и выбору посад. людей – 5909
1684 окт. не верстан – 5909

Матихин Андрей
1690 сент. переяславль-рязанск. площад. под. Пишет «на площади» по грам. из Пр. Хол. суда – 5774

Матюшников Матвей
1690 сент. под. переяславль-рязанск. конюш. из. Сидит по грам. из Кон.пр. – 5774

Матюшников Павел
1673–90 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1673/4 – 5774
1690 сент. окл. 7 руб. – 5774

Метюшников Акинфий
1670–85 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1670/1 по грам. из Разр. пр. и заручн. челоб. посад. людей. – 5909
1684–85 окл. 10 руб. – 5909, 5911
1684–85 на службе, в полках на Козловск. черте – 5911
1685 сент. пом. окл. 250 ч. – 5911

Метюшников (Мятюшников) Василий
1649–85 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1649/50 по грам. из Разр. пр. и Пр. Тайн. дел и по выбору и по заручн. челоб. дух. чину и рязанск. помещиков и вотчинников, и переяславльрязанск. «всяких чинов людей» – 5909, 5911
1659/60 учинен окл. 10 руб. из неокладн. сборов – 5909, 5911
1677/8 окл. 25 руб. – 9248
1684–85 окл. 30 руб., пом. окл. 300 ч. – 5909, 5911
1684 жал. с 1661/2 «не давано» – 5909

Метюшников Матвей
1677–88 под. переяславль-рязанск. площад. под. – 5915, 9248, 5909
1689 окт.–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит по грам. из Кон. пр. – 5773, 5775

Метюшников Павел
1673–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1673/4 по грам. из Разр. пр. и заручн. челоб. – 5909, 5911, 5915
1677–91 окл. 7 руб. – 9248, 5909, 5911, 7474, 5915, 5773, 5775
1684/5 в полку у Царева-Борисова – 5911
1684–85 «у писца в Козлове для землян. валов. письма» – 5911

Метюшников Сергей
1674–89 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1674/5 по грам. из Разр. пр. и заручн. челоб. – 5909, 5911
1684 окт. – 1685 не верстан – 5909, 5911
1685 сент. «ныне в полку у Царева-Борисова» – 5911
1688 сент. – 1689 окт. упом. – 5915, 5773

Микульшин Потап
1677–91 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248, 5909, 5915, 5773, 5774, 5775

Митусов Иван Тимофеев
1614–39 дьяк
1614–15 дьяк в Перми – 2491, 2492, 2493
1615 пятинщик. Был обвинен чердынцами в том, что производил неправильн. раскладку пятинных днг. – 2499, 2501
1618 апр. 29 учинен окл. 80 руб., пом. окл. 700 ч.
1621/2 за астраханск. службу прибавлено 20 руб., 100 ч. – 3274
Ранее 1624 дьяк «у каменн. дела» – 2578
1624/5 окл. 80 руб., пом. окл. 700 ч. – 2587
1627 дьяк «не у дел» – 3282
1628 окл. 100 руб., пом. окл. 800 ч. – 3314
1638/9 постригся и умер – 3315
Землевладение
1627 янв. 25 жалов. грам. за «осадн. сиденье». Из пом. окл. (700 ч.) переведено в вотч. (140 ч.) в Вологодск. у. (перешло 15 ч. 1 осм.). Дана грам., взамен сгоревшей во время пожара в 1625/6 в Чудове м-ре. – 8578
1629 авг. 25 дана ввозн. грам. на пом. (117 ч. с осм.) в Рязанск. у (по док. 1628/9) – 8603
1638 владеет пом. и вотч. (480 ч. с третником, 9 дв., в них 24 чел.) – 2790, 1157

Михайлов Артемий
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Михайлов Иван Поликарпов
1651–74 дьяк
1651 сент. пожалован в дьяки из под. – 7552
1653 сент.–нояб. отправлен на посольск. размену в Валуйки с окольничим кн. Петром Долгоруковым – 446, 626
1654–55 в пос-ве в Австрию с И.И. Баклановским – 40, 2119
1657 в пос-ве в Польшу – 187
1657 окл. 70 руб., пом. окл. 650 ч.; за «посольск. службу»
1654–55 приб. к окл. 15 руб., к пом. окл. 50 ч. – 3458
1660/1 в пос-ве в Польшу. Дан окл. на 2 года (по 70 руб.) и в прик. 300 руб.; по его челоб. приб. 2 сорока соболей (на 200 руб.) – 2431

1664 март–апр. дьяк Малор. пр., Вл. и Гал. чтв. – 6439, 6448
1665–66, 1670 упом. – 6899, 7098
1667 «для объявления ц-ча Алексея» приб. к окл. 9 руб., к пом. окл. 80 ч. – 3458
1670/1 за службу приб. к окл. 12 руб., к пом. окл. 60 ч. – 3458
1671 апр. дьяк Вл. судн. пр. Велено быть на посольск. съезде с польск. послами – 3831
1672/3 окл. 106 руб., пом. окл. 840 ч. – 3498
1674 окл. 115 руб., пом. окл. 920 ч., «для объявления ц-ча Федора» приб. к окл. 9 руб., к пом. окл. 80 ч. – 3623
[1674] умер – 3869
Землевладение
1665 по его сказке имеет пом. в переяславль-рязанск. у. (130 ч., 6 кр. дв.) и вотч. в Угличск. у. (140 ч., 11 дв.) – 7389
1671 владеет 26 кр. дв. – 7562
Родственники
Жена Фетинья – 3007

Михайлов Иван
1684 окт. – 1691 сент. переяславль-рязанск. площад. под. – 5909, 5915, 5773, 5774, 5775

Михин Василий
1688 апр. – 1690 переяславль-рязанск. под. с прип. – 8480, 8566, 8560, 5774

Михин Дмитрий
1685 сент. переяславль-рязанск. площад. под. – 5909

Мутихин Андрей
1685 сент. переяславль-рязанск. площад. под.
Пишет на площади по грам. из Пр. Хол. суда – 5773
1685 сент. упом. – 5909
1688 сент. «у сыскн. дел» – 5915
1689–91 упом. – 5773, 5775

Мутихин Артемий
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Мутихин (Мутахин) Федосей
1681–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1681/2 по грам. из Разр. пр. – 5909, 5911
1684 окт. окл. 7 руб. – 5909
1685 сент. окл. 10 руб., пом. окл. 250 ч. – 5911
1688 сент. – 1691 сент. окл. 15 руб., пом. окл. 250 ч. – 5915,
5773, 5774, 5775

Мутихин Яков
1689 окт. под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит по воеводск. подписн. челоб. – 5773

Наумов Леонтий
1685 сент. переяславль-рязанск. площад. под. – 5909

Невежин Анисим (Аника) Дементьев
1668–80 под. Пом. пр.
1668 окт. – 1673 окл. 5 руб. – 7056, 4552, 4595, 9186, 6610а, 4639, 9199, 9188, 7450, 9200, 4684, 4730
1673 сент. 3 на встрече польск. пос-ва – 7186
1673 окт. – 1680 окл. 7 руб. – 7227, 4774, 9202, 7568, 9203, 6707, 6708, 7513, 9201
1673/4 в посылке на Дон – 4730
1675/6 под. ср. стат. – 7568
1681–1704 дьяк
1681/2 новичн. окл. 75 руб., пом. окл. 650 ч. – 7020, 9156, 8989
1681–87, 1689 дьяк Пом. пр. – 7271, 8925, 8921, 8910, 9066
1683 дек. 9 окл. 80 руб., 650 ч. – 3594
1690 с межевщиком кн. А.М. Гагариным во Владимирск. у. – 9102, 9105
1684–91, 1694/5, 1697–99 упом. – 4058, 4075, 4097, 4125, 4180, 4233, 4261, 4301, 4329, 4368, 3716
1699 дьяк Пом. пр. – 2875
1701, 1704 упом. – 4429, 4466
Землевладение
1684–91 владеет 4 кр. дв. – 4058, 4075, 4097, 4125, 4180, 4233, 4101, 4301
1683 марта 23 дано из пом. в вотч. 130 ч. в Данковск. у. Осталось в пом. 28 ч. 0,5 осм. – 9156
1688 июнь 14 отказано в вотч. выmененных 7 ч. в Рязанск. у. – 8495
Родственники
Сыновья Невежины Герасим Анисимов, дьяк см. и Иван Анисимов, дьяк см.

Невежин Герасим Анисимов
1675–80 под. Пом. пр., окл. 2 руб. – 9202, 9203, 6707, 6708, 7513, 9201
Ранее 1691 под. Цар. мастер. пал. – 4313
1691–1704 дьяк
1691 дек. 4 пожалован в дьяки из под. Цар. мастер. пал. – 4313
1692 февр. 18 новичн. окл. 90 руб., пом. окл. 750 ч. – 3734
1694/5, 1697–99 упом. – 4337, 4374, 4396
1695/6 дьяк Мастер. пал. ц-ны Натальи Алексеевны, окл. 90 руб. праздн. жал. 70 руб. На 1694–95 дано по пол. окл. – 8765
1699 дьяк Мастер. пал. ц-ны Натальи Алексеевны – 2876
1700–1701, 1704 упом. – 4414, 4435, 4471
Землевладение
1700 по его сказке в Преобр. пр., имеет 5 дв. в Рязанск. у. – 9336, 9392
Родственники
Сын Степан, под. с. Тайнинского, за службу отца взят в под. Пос. пр. (1711) – 2463
Отец Невежин Анисим Дементьев, дьяк см.
Брат Невежин Иван Анисимов, дьяк см.
Невежин Иван Анисимов
1672 окт. под. Пом. пр., окл. 6 руб. – 9200
1684–1704 дьяк
1684 окт. 24 пожалован в дьяки из под. – 4063
1684 нояб. 8 окл. 80 руб., пом. окл. 700 ч. – 3606
1684/5 дьяк Цар. Мастер. пал. – 7275
1685 окт. 18 приказано ему разобрать, переписать и раздать по приказам дела Пр. тайн. дел – 6882

1686–98 упом. – 4101, 4129, 4162, 4184, 4237, 4263, 4304, 4331, 4369, 4391, 3721
1699 дьяк Мастер. пал. царицы Прасковьи Федоровны – 2876
1700–1701 дьяк в Киеве – 4409, 4430
1704 упом. – 4467
Землевладение
1681–91 пом. нет – 4129, 4162, 4184, 4237, 4263, 4304
1688 сент. 6 дана жалов. грам. «за службы и для вечного миру» на перевод из пом. (с окл. 850 ч.) в вотч. 170 ч. в Рязанск. у. («не дошли» 102 ч. с ч-ком) – 8547
1700 по его сказке в Преобр. пр., имеет 5 дв. в Рязанск. у. – 9380, 9431
Родственники
Отец Анисим Невежин Дементьев, дьяк см.
Брат Невежин Герасим Анисимов, дьяк см.

Никифоров (Микифоров) Иван
1681–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1681/2153 по грам. из Разр. пр. – 5909, 5915
1684 окт. – 1688 сент. окл. 7 руб. – 5909, 5915
1691 сент. окл. 10 руб. – 5775

Никифоров Михаил
1688 сент. – 1689 окт. переяславль-рязанск. площад. под. – 5915, 5773

Обносимов Савва
1690 сент. под. Пр. сыск. дел, окл. 10 руб. Сидит по грам. того же прик. в Переяславле-Рязанском «у сыскн. дел» – 5774

Обоносимов (Обонисимов) Савва
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248
1684–91 под. Пр. Сыск. дел, сидит в Переяславле-Рязанском у «сыскн. дел»
1684–85, 1688–89 упом. – 5909, 5915, 5773
1691 сент. окл. 10 руб. – 5775

Петров Григорий
1689 окт. под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит по воев. подп. челоб. – 5773

Петров Роман
1643–51 под. Пом. пр.
1643–45 окл. 5 руб. – 6809, 6083, 9159
1646–47 окл. 7 руб. – 9160, 9162
1648 окл. 8 руб. – 6782
1648–51 окл. 10 руб. – 9164, 9166, 6755, 9168, 6743, 9169
1650 нояб. на Рязани «для городов. дела» – 6743

Полуехтов (Полиевктов, Полиехтов, Поливхтов) Панфил
1673–88 под. Пр. Сыск. дел, послан по грам из Разб. пр. в переяславль-рязанск. губ. из. Сидит «у сыскн. дел» – 7198, 9248, 5909, 5915

Полуехтов Степан
1673/4 под. Переяславля-Рязанск. прик. из., не верстан – 7198

Прокофьев Ефим
1655–56 под. Монаст. пр., окл. 10 руб. – 6370, 6321
1658/9 под., послан с грам. к польск. королю. В Польше держали его «полтора года ... в глухой непокрытой каменной башне. ... А когда случитца дождь или снег, ... хоронился под стол» – 2200
1659–63 дьяк
1659 марта 24 учинен новичн. окл. 65 руб. (из Уст. чтв.) – 1895
1659/60 при посылке был дан окл. на год 65 руб. и подмоги соболями «на расход» на 100 руб. – 2467
1660/1 послан с грам. к австрийск. императору. – 2200
1660/1 дано жал. на 2 года, подмоги 60 руб., соболей на 40 руб. – 2202
1660 приб. к окл. 20 руб., к пом. окл. 100 ч. – 2201
1663 мая 4 грам. о назначении дьяком в Свияжск – 8371
Землевладение
1663 мая 9 грам. об отводе ему пом. в Рязанск. у. (75 ч.) – 8378
Родственники
Братья Кузьма и Матвей (1663) – 8377

Протопопов Алексей
1685–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит по воев. подписн. челоб. – 5911, 5915, 5773, 5774, 5775

Протопопов Афанасий
1685 сент. под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит по воев. подписн. челоб. – 5911

Протопопов Григорий
1646–70 под. Пом. пр.
1646 февр. – 1649 окл. 2 руб. – 9160, 6782, 9162, 9164, 9166
1650 март окл. 3 руб. – 9168
1650 нояб. на Рязани «для городов. дела» – 6743
1650/1 окл. 5 руб. – 6743, 9169
1651–53 окл. 10 руб. – 9170, 6249, 9171
1656/7 под. Моск. стл., окл. 22 руб. – 9173
1656–59 окл. 22 руб. – 9173, 9174, 6999, 9175
1658 окт. упом. – 6967
1659 окл. 23 руб. – 6300
1659 окт. окл. 25 руб. – 9176
1660/1 дано в прик. 10 руб. – 9180
1660–68 окл. 28 руб. – 9179, 6465, 9189, 9191
1662/3 дано в прик. 10 руб., «для хл. дороговизны, за его прик. работу» – 9192
1663–67 окл. 28 руб. – 9193, 9195, 6963, 6966, 9197, 9181, 9184
1664–70 пом. окл. 300 ч. – 6963, 6966, 7056, 4552, 4594
1668–69 окл. 30 руб. – 7056, 4552, 4594, 4595
1669/70 окл. 32 руб. – 6610а, 9186
1670–78 дьяк
1670 мая 9 пожалован в дьяки из под. Пом. пр. – 3817, 7562, 4595
1671 янв. 27 учинен новичн. окл. 75 руб., пом. окл. 750 ч. – 3487
1671 апр. дьяк Пом. пр. – 3835
1676/7 дьяк в Киеве – 3935

1677–78 дьяк «не у дел» – 3956, 7587

Протопопов Иван
1675–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1675/6 по грам. из Разр. пр. – 5909, 5911, 5915, 5773, 5774, 5775
1677/8 окл. 7 руб. – 9248
с 1681/2 сидит по разбору и по выбору посад. людей – 5909, 5911
1684 окт. – 1685 сент., 1688 окл. 10 руб., пом. окл. 200 ч. – 5909, 5911, 5915
1685 сент. послан на службу в полк на Белгородск. черту – 5911
1689 окт. окл. 14 руб., пом. окл. 220 ч. – 5773
1690 сент. – 1691 сент. окл. 16 руб., пом. окл. 250 ч. – 5774, 5775

Ратманов Андриан (Андриян, Андреян, Адриан) Григорьев
1679–89 нояб. под. Пом. пр. Сидит с 1679/80. – 9290
1683 окт. окл. 3,5 руб. – 6870, 9204
1684 окт. окл. 4,5 руб. – 9205
1685–78 под. Ряз. стл. – 9328, 9289, 9290, 9304
1685/6 под. ср. стат., окл. 5,5 руб. – 9328
1685–86 стар. под. окл. 7 руб. – 9289, 9290
1687/8 окл. 8,5 руб. – 4959
1687/8 упом. – 9304
1688–89 окл. 9 руб. – 4936, 9206, 7344
1691 окт. окл. 12 руб. – 9207
1692–1718 дьяк
1692 июня 23 пожалован в дьяки из под. Пом. пр. – 4313, 6724
1697–1701 упом. – 4374, 4396, 4435
1705 июня 30 учинен окл. 90 руб., пом. окл. 750 ч. – 3735
1718 упом. – 8909
Землевладение
1700 по сказке в Преобр. пр. владеет землями в Боровск. (2 дв.), Владимирск. (5 дв.), Елецк. (4 дв.), Епифанск. (1 дв.), Каширск. (1 дв.), Кашинск. (3 дв.), Костромск. (21 дв.), Рязанск. (1 дв.), Ряжск. (1 дв.) уездах – 9115, 9436
1703 его жена просит о выдаче ей крепости на лавки в Москве в Стригольн. ряду, доставшиеся ей от первого мужа – 2922
1713 владеет дв. в Москве в Землян. гор. с каменными палатами и загородным дв. под Ново-Спасским м-рем – 8663
Родственники
Жена в 1-м браке за К. Колмыковым – 2922

Резанов (Рязанов) Юрий
1618–23 под. Пос. пр.
1618 дек. дано в прик. 5 руб. – 2013
1619 февр. дано в прик. 4 руб. – 2013, 2016
1619/20 окл. 22 руб., праздн. жал. 10 руб. (на 2 праздн.) – 2014, 2023
1620/1 праздн. жал. 10 руб. (на 2 праздн.) – 2022
1621 дано 20 руб. – 2012
1622/3 выбыл. – 2047

Ремезов Василий Павлов
1661–65 под. Стр. пр.
1661 упом. – 6566
1661–65 окл. 20 руб. – 6276, 6528
1668–73 под. Пр. сб. стр. хл., окл. 20 руб. – 7039, 4543, 6602, 4585, 4629, 4675
1683–96 дьяк
1683 пожалован в дьяки из под. Июня 1 учинен новичн. окл. 80
руб., пом. окл. 700 ч. – 3595
1684–96 упом. – 4058, 4075, 4097, 4125, 4158, 4181, 4282, 4301, 4329, 3774
1695/6 умер – 4351
Землевладение
1684–95 пом. нет – 4058, 4075, 4097, 4125, 4158, 4181, 4282, 4301, 4329
1682/3 ему отведено «место» в Переяславле-Рязанском за городом – 9464

Родионов Анур
1691 сент. переяславль-рязанск. площад. под. – 5775

Родионов Григорий
1674–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1674/5 по подписн. челоб. – 5909, 5915, 5773 С 1681/2 сидит по разбору Лаврентия Денисьева и выбору посад. людей – 5909, 5915
1684 окт. не верстан – 5909
1685, 1688–91 упом. – 5911, 5915, 5773, 5774, 5775

Самарин Степан
1673/4 под. Переяславль-Рязанск. прик. из., не верстан – 7198

Сандырев (Сондырев) Григорий Петров
1656–62 под. Ямск. пр.
1656 окл. 6 руб. – 6252
1658–59 окл. 7 руб. – 6396, 6298
1659/60 окл. 8 руб. – 6336
1662/3 окл. 10 руб. – 6481
1662–65 под. Вл. судн. пр.
1662 авг. упом. – 6573
1663–65 окл. 10 руб. – 6474, 6504, 6535
1665–83 под. Стр. пр.
1665 не верстан – 6528
1668–73 окл. 15 руб. – 4542, 4584, 7040, 6601, 4623, 4674
1673 сент. 3 на встрече польск. пос-ва – 7187
1673/4 окл. 18 руб. – 7224, 4719
1674 авг. 21 учинен пом. окл. 300 ч. – 4719
1674–76 окл. 19 руб. – 4763, 4810
1677–79 окл. 21 руб. – 6696, 4856, 4898, 7525, 7531
1677–83 пом. окл. 400 ч. – 6696, 7531, 6856
1683 сент. окл. 29 руб. – 6856
1683–96 дьяк
1683/4 дьяк Стр. пр. – 7273
1684 авг. окл. 80 руб., пом. окл. 700 ч. – 3605
1685–95 упом. – 4058, 4077, 4100, 4111, 4161, 4183, 4237, 4263, 4304, 4331, 3720
1695/6 умер – 4353
Землевладение
Ранее 1676 покупает вотч. в Себенск. ст. Епифанск. у. – 9053
1680 отвод ему пом. «из дикого поля» – 8940
1684–95 имеет 4 кр. дв. – 4058, 4077, 4100, 4111, 4161, 4183, 4237, 4263, 4304, 4331

1688 апр. 6 отказано пом. в Рязанск. у. (26 ч.), выменяное на пом. в Епифанск. у. (1 дес.) – 8481
Родственники
Сын Сандырев Савва Григорьев, дьяк см.

Сарыков Семен
1677–85 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248, 5909
1688–91 под. Пр. Сыск. дел, сидит по грам из Разб. пр. в переяславль-рязанск. губ. из. Сидит «у сыскн. дел» – 5915, 5773, 5774, 5775

Селезнев Василий
1689 окт. – 1691 сент. переяславль-рязанск. площад. под. – 5773, 5774, 5775

Селезнев Иван
1684 окт.– 1685 сент. переяславль-рязанск. площад. под. – 5909

Селезнев Тимофей
1684 окт. переяславль-рязанск. площад. под. – 5909
1686–91 сент. под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1686/7181 по грам. из Разр. пр. – 5915, 5773, 5774
1688 сент. – 1690 окл. 7 руб. – 5915, 5773, 5774
1691 сент. окл. 10 руб. – 5775

Семенов Иван
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Смирново Григорий
1681–85 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
1681/2 сидит по грам. из Разр. пр. – 5911
1683/4 по грам. из Пр. Хол. суда «велено ему быть у кабальн. книги» – 5911
1685 сент. окл. 7 руб. – 5911

Смирново Яков
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Софронов (Софонов) Кузьма
1684 окт. переяславль-рязанск. площад. под. Пишет на площади по грам. из Пр. Хол. суда – 5909, 5915, 5773, 5774

Степанов Назар
1688 сент. переяславль-рязанск. площад. под. – 5915

Ступин Степан Яковлев
1687–89 под. Малор. пр., окл. 20 руб. – 4993, 4200
1689–99 дьяк
1689 пожалован в дьяки из под. Малор. пр. – 4200
1689 апр. 22 послан на Рязань, в Калугу и в Данков – 4192
1689–96 дьяк Разр. пр., окл. 100 руб. (дается в пр.) – 7497, 7468, 5560
1689–99 упом. – 4243, 4269, 4309, 4371, 4394
1699 марта 15 получил отсрочку в судебн. делах в связи с посылкой на Воронеж и в Азов – 9130
1699 дьяк Разр. пр. – 2873
1699 нояб. 28 «за воровство» бит кнутом и указано сослать «на вечное житье» в Азов с семьей, а пом. и вотч. (в том числе из приданого жены) «отписать на государя» – 9131
1699 дек. 2 по пам. из Преобр. пр. сослан в Азов – 4412
1699 дек. 17 указано «отписать на государя» его поменен. пом. – 9132
[1700] постригся и умер – 3729

Суворов Григорий
1673–78 под. Переяславль-Рязанск. губ. из. – 7198, 9248
1684 окт. – 1689 под. Пр. Сыск. дел. Послан по грам. из Разб. пр. в переяславль-рязанск. губ. из. Сидит «у сыскн. дел» – 5909, 5915, 5773

Суворов Семен
1688 сент. – 1691 под. Пр. Сыск. дел, послан по грам. из Разб. пр. в переяславль-рязанск. губ. из. Сидит «у сыскн. дел» – 5915, 5773, 5774, 5775

Суханов Александр
1684–91 переяславль-рязанск. площад. под.
1684–85 упом. – 5909
1688 сент. «у сыскн. дел» – 5915
1689 окт. – 1690 пишет на площади по грам. из Пр. Хол. суда – 5773, 5774
1691 сент. пишет по воеводск. подписн. челоб. – 5775

Тишин Иван
1684–85 переяславль-рязанск. площад. под. – 5909

Толмачев (Толмачов) Денис
1690 сент. переяславль-рязанск. площад. под. – 5774

Толмачев (Толмачов) Петр
1684–91 переяславль-рязанск. площад. под.
Сидит по грам. из Пр. Хол. суда – 5909, 5773, 5774
1684–85 упом. – 5909
1688 сент. «у сыскн. дел» – 5915
1689–91 упом. – 5773, 5774, 5775

Толмачев (Толмачов) Яков
1684–91 переяславль-рязанск. площад. под.
Сидит по грам. из Пр. Хол. суда – 5909, 5773, 5774
1684–85 упом. – 5909
1688 сент. «у сыскн. дел» – 5915
1689–91 упом. – 5773, 5774, 5775

Тышлыков Иван
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Тюшевский Аврам
1688 сент. под. Пр. сыск. дел. Сидит по воев. подп. челоб. в Переяславле-Рязанском «у сыскн. дел» – 5915

Тюшевский Афанасий
1689 окт. – 1691 под. Пр. сыск. дел. Сидит по грам. того же пр. в Переяславле-Рязанском «у сыскн. дел» – 5773, 5774, 5775

Тюшевский Григорий
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Тюшевский Кузьма
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248
1677–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.

Тюшевский Никита
1684 окт. переяславль-рязанск. площад. под. – 5909
1685–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1685 по воеводск. подписн. челоб. – 5911
1688 сент. упом. – 5915
С 1688/9 сидит по грам. из Разр. пр. – 5773
1689 окт. – 1691 окл. 10 руб., пом. окл. 150 ч. – 5773, 5774, 5775

Тюшевский Федул
1684 окт. – 1691 переяславль-рязанск. площад. под. – 5909, 5774, 5773, 5775

Украинцев Емельян Игнатьев (Игнатьевич)
1661–63 под. Новой чтв.
1661 не верстан – 6467
[1663] окл. 10 руб. – 6551
1663–74 под. Пос. пр.
1662/3 под. ср. стат., дано 25 руб. «для пожарн. разоренья» – 2210
1668 авг. 20 сгорел его дом «на Кулишках», дано на строительство 20 руб. – 2964
1668–71 окл. 25 руб., пом. окл. 250 ч. – 2369, 7033, 4530а, 6593, 4576, 4619, 2283
1668/9 дано взаймы из казны «для домового строения» 40 руб. – 2277
1668/9 праздн. жал. 7,5 руб. (на 3 праздн.) – 2254, 2256, 2258, 2262
1669/70 праздн. жал. 16,5 руб. (на 6 праздн.) – 2255
1670/1 переведен на 3-е подьяческ. место – 2283
1670/1 дано в прик. 8 руб. – 2279
1670/1 праздн. жал. 18,5 руб. (на 7 праздн.) – 2268, 2272, 2275, 2303, 2288, 2292, 2293
1671 приб. к окл. 7 руб. – 2290
1671 авг. праздн. жал. 10 руб. (на 1 праздн) – 1172
1671 сент. окл. 32 руб. – 2297
1671 окт. окл. 40 руб., хл. жал. 40 юф., сол. жал. 8 п. – 2300
1672 апр.–сент. гонец в Польшу – 131
1672 окт. – 1673 июнь в пос-ве в Голландию, Швецию и Данию – 415, 73, 74, 75
1672/3 окл. 40 руб., хл. жал. 40 юф., сол. жал. 7 п. – 2311
1672/3 приб. к окл. 10 руб.; к хл. жал. 10 юф. – 2954
1672/3 праздн. жал. 17 руб. (на 3 праздн.) – 2308
1673–74 окл. 50 руб., пом. окл. 250 ч. – 7234, 4710
1673/4 хл. жал. 50 юф., сол. жал. 8 п. – 2305
1673/4 праздн. жал. 17 руб. (на 3 праздн.) – 2323
1674 окл. 60 руб., пом. окл. 250 ч. – 4754, 2325
1674 сол. жал. 10 п., праздн. жал. 5 руб. (на 1 праздн.) – 2325
1674–81 дьяк
1674 дек. 17 пожалован в дьяки – 2954, 4754
1675–78 дьяк Пос. и Малор. пр. – 3571, 418, 3923, 3943, 4039
1677 янв. 17 окл. 80 руб., пом. окл. 800 ч. – 3662
1677 в пос-ве в Польшу – 207, 140
1678 окт. 25 учинен окл. 120 руб., «как дьяку Апт. пр.» – 2357
1680 в пос-ве в Польшу – 141, 142
1681–1708 думн. дьяк
1681 февр. 27 пожалован в думн. дьяки – 3988, 3611
1681–84 упом. – 3983, 4033, 4036, 4043
1682 нояб. 15 учинен окл. 250 руб., «а иным, ево братье, не в образец» – 3540
1682 за Троицк. поход приб. 60 руб. – 3540
1684 думн. дьяк (на 2-м месте) – 4043
1684 янв. 12 дано «объяри золотной доброй 11 арш. на 99 руб.» – 2953
1684 сент. – 1685 янв. в пос-ве к гетману Ив. Самойловичу – 149
1685/6 окл. «с придачей» 555 руб. – 3704
1686–87 «на службе» – 4108, 4137
1686 «для вечного мира» с Польшей («был при договоре») приб. к окл. 80 руб., «да для того же мира – рядовые придачи» – 3694
1687 думн. дьяк Пос. и Малор. пр. – 7573
1687–88 за участие в Крымск. походе приб. к окл. 50 руб., позднее – еще 75 руб. – 3694
1688 в Большом полку – 4171
1689–91 упом. – 4211, 4284, 4320
1697 апр. 2 указ о назначении его полномочн. послом в Турцию для заключения мирн. договора – 2402
1698 мая 4 дано «для посылки в Царьград» подмоги 600 руб. в приб. к «ефимочн. даче» – 2402
1698 дано на людей и запасы 50 подвод – 2903
1699–1704 упом. – 4385, 4425, 4449, 4462
1699–1700 в пос-ве в Турцию – 276, 277, 246, 247
1707 «в походе» в Польше – 4482
1703 главный судья Провиант. пр. – 18
1704–06 на разграничении южн. рубежей (между Россией, Турцией и Зпорожск. Сечью) – 278, 279
1708 март писал из Львова о беседе с польск. гетманом Синявским – 2983
1708 был «в армии» – 4482
1708 в пос-ве в Венгрию – 46, 47
1708 окт. 12 умер в Венгрии – 4482
Землевладение и имущество
1685 отказана в пом. пуст. в Ростовск. у. – 8846
1683 дано за Троицк. поход из пом в вотч. в Владимирск. и Каширск. уездах – 9142
1687 окт 12 указ о размежев. с соседями его пом. (100 ч.) в Темниковск. у. – 8432
1688 март 16 отказано выменяное пом. (50 ч.) в Темниковск. у. (выменял на свое пом. – 3 ч.) – 8463
1688–89 отказано в вотч. прожит пом. вдовы боярина С.И. Заборовского в Звенигордск у. (912 ч.), отдано за долг в 3000 руб. – 8513, 9460
1688 июня 26 отказано пом. в Шацк. у. (300 ч. порозж. земли) – 8505

1690 пожалованы в вотч. все пом. в Звенигородск. у. – 9456
1696 ноябрь 12 сказка его человека Авраама Большакова о его землевлад. в Каширск. (9 дв), Владимирск. (2 дв.)207, Гороховецк. (6 дв.), Рязанск. (4 дв.), Звенигородск. (34 дв.), Серпуховск. (4 дв), Темниковск. (39 дв.), Арзамасск. (37 дв.), Московск. (4 дв.) уездах. – 9287
1699 обмен пом. в Веневск. у. (5 ч.) на вотч. в Каширск. у. приплатил 500 руб. – 9477
1700 сказка его человека в Преобр. пр. – имеет пом. и вотч. в Каширск. (13 дв.), Рязанск. (4 дв.), Московск. (4 дв.), Звенигородск. (40 дв.), Темниковск. и Шацк. (116 дв.) уездах – 9440
1702–04 за заключен. мирн. договора с Турцией дано в вотч. из дворц. земель 137 дв. в Каширск. у. – 2451
1708 пом. и вотч. 2027 ч. без третника – 8669
1708 ноябр. 18 земли умершего Е.И. Украинцева в Звенигородск. у. (1894 ч.) справлены в вотч. за Г.И. Головкиным – 9138
1708 ноябр. 24 земли умершего Е.И. Украинцева справлены в вотч. за П. Шуваловым – 9138
1713–24 дело о разделе земель между его наследниками – 8665, 8667
1719 окт. 15 приговор Юстиц-Коллегии о разделе пожитков Е.И. Украинцева – 8662, 8675
1724 по выписке из дел Вотч. Коллегии после смерти Е.И. Украинцева остались следующие земельные владения: пом. на Кашире (227 ч.), в Шацке (539 ч.), в Темникове (436 ч.), на Рязани (311 ч.), в Московск. у. (171 ч.); вотч. в Московск. у. (60 ч.), на Рязани (13 ч.), на Кашире (66 ч.) – 8669
Родственники
Женат трижды. Имя первой жены неизвестно.
2-я жена Авдотья Иванова, свояченница думн. дьяка А.А. Виниуса – 8668, 673
3-я жена Устинья, дочь Семена Яковлева Львова, в первом браке за Юрием Осиповым (с 1708 вдова) – 8665, 8668
Дочь Степанида, жена Аф. Пушкина, во втором браке за кн. Яковом Шаховским. Спорное дело о приданом, которое Е.И. Украинцев вместе с дочерью увез со двора Н.Б. Пушкина (1691) – 7318
Пасынок Иван Юрьев Осипов – 8665
Племянники Иван, Емельян, Ульян сопровождают Е. И. Украинцева в поездке в Турцию (1699) – 2904
Двоюродные братья Кирилл (Кирьян) и Гур Родионовичи –8666

Федоров Афанасий
1685 сент. переяславль-рязанск. площад. под. – 5909

Федоров Макар
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Федоров Петр
1690–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1690/1 по грам. из Разр. пр. – 5775
1691 сент. упом. – 5775

Филатов Ипатий (Ипат)
1655–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1655/6 по грам. из Разр. пр. – 5909, 5911, 5915, 5773, 5774, 5775
1655/6 упом. – 5909, 5911
1677–91 сент. окл. 13 руб. – 9248, 5909, 5911, 5915, 5773, 5774, 5775

Хохлов Семен
1650 нояб. под. Пом. пр.
1650 нояб. послан в Рязанск. у. для межевания – 6743
1650–52 не верстан. – 6743, 6249

Чейкин (Чекин) Иван
1679–85 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1679/80 по грам. из Разр. пр. и заручн. челоб. – 5909, 5911
1684 окт. не верстан – 5909
1685 упом. – 5911

Чейкин Иван Меньшой
1684 окт. переяславль-рязанск. площад. под. – 5909

Чейкин (Чекин) Родион
1655–91 сент. под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит с 1655/6 по грам. из Разр. пр. и заручн. челоб. – 5909, 5911, 5915, 5773, 5774, 5775
1673–78 окл. 15 руб. – 7198, 9248
1684 окт. – 1691 сент. окл. 20 руб., пом. окл. 300 ч. – 5909, 5911, 5915, 5773, 5774, 5775

Чепкин Иуда (Юда)
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Чистой (Чистово) Матвей Алмаз Иванов
1655–1704 дьяк
1655 пожалован в дьяки – 7552
1656 авг. 22 по челоб. его дяди Аникея Чистого велено ему быть дьяком в Ярославле – 8288
1657/8 упом. – 3456
1664 дьяк «не у дел» – 6450
1665/6 дьяк в Холмогорах – 6440
1667 дьяк у переписи на Каз. дв. – 6440
1667/8 дьяк (на 1-м дьяческ. месте) – 3495
1668–69 дьяк Костр. чтв. – 3785, 3797
[1670] упом. – 3815
1671 апр. дьяк в Тамбове «у полков. дел» – 3855
1673 дьяк в Н. Новгороде – 3079, 3550, 3887
1675 дьяк в Соловецк. м-ре при переписи монастырск. казны – 3935
1677, 1681 дьяк в Тобольске – 3961, 4028
1683 февр. дьяк «не у дел» – 6887
1684–85 дьяк в Сибири – 4053, 4068
1686/7 упом. – 4116
1687 просит об определении на службу «в город… куда прокормитися» – 3035
1687–89 упом. – 4150, 4173
1688 его челоб. о назначении в Н. Новгород – 3123
1688 отпущен в деревню – 6910
1689–91 дьяк на Алатыре – 4226, 4255
1691/2 велено быть в Ярославле – 4295
1694–99, 1701 дьяк в Астрахани – 3771, 4325, 4350, 4365, 4388, 4427, 4453, 7315
1702–04 упом. – 4427, 4453
Землевладение

1685–87, 1691 владеет 13 дв. – 4053, 4068, 4116, 4150, 4173, 4255
1700 по его сказке в Преобр. пр. имеет земли в Алатырск. (3 дв.), Нижегородск. (3 дв.) и Рязанск. (11 дв.) уездах – 9377, 9429
Родственники
Отец Чистой Иван Иванов, дьяк см.
Брат Чистой Иван Иванов, дьяк см.
Дяди Чистые Аникей Иванов и Назарий Иванов, дьяки см. – 8288

Шубин Дмитрий Григорьев
1624–50 под. Разр. пр.
1624 дек. пол. окл. 2 руб. – 5532
1625 пол. окл. 2 руб., приб. 1 руб. – 5534
1626/7 окл. 6 руб. – 6128
1628/9 окл. 8 руб., приб. 2 руб. – 5528, 6084
1634 март окл. 16 руб. – 5563
1643/4 окл. 20 руб. – 6808
1646/7 окл. 25 руб. – 5570
[1646] стар. под. Моск. стл. – 7166
1647/8 окл. 25 руб., приб. 3 руб. – 5571
1649/50 окл. 28 руб. – 6748
1650–75 дьяк
1650 февр. 21 пожалован в дьяки из под. Разр. пр. – 7549, 4515
1650 дворц. дьяк в Пскове – 4517
1651/2 окл. 70 руб. (из Уст. чтв.) – 774
1552 дьяк в Пскове – 394
1653 сент. окл. 100 руб., дан полностью «для новгородск. и псковск. службы» – 825
1655–57 окл. 100 руб. – 852, 928, 1824, 1869
1657–67 окл. 115 руб., пом. окл. 750 ч. – 3442, 3496
1657 дьяк в Астрахани – 95
1664 март–апр. дьяк Печат. пр. – 6433, 6444
1668–69 дьяк в Новгороде – 3788, 3078, 414
1671 апр. дьяк в Новгороде. Сменен – 3850
1673 дек. дьяк «не у дел», болен – 3885
1674 окл. 115 руб., пом. окл. 750 ч.; «для объявления ц-ча Федора» приб. к окл. 9 руб., к пом. окл. 80 ч. – 3622
1674/5 умер – 3622, 1022
Землевладение
1631 февр. отказано пом. (50 ч.) в Мосальск. у. – 8127
1648 сент. 9 куплена вотч. (70 ч.) из пуст. земель в Ве рейск. у. – 8227
1656 июля 1 куплена вотч. (95 ч.) из пуст. земель в Ве рейск. у., (за 3 ч. по 1 руб.) – 8249
1658 дек. 18 куплена вотч. (100 ч.) в Рязанск. у. – 8317
1665 сент. 27 по сказке владеет вотч. в Можайск. (11 дв.), стаpинн. вотч. в Тверск. (2,5 дв.), вотч. в Рязанск. (8 дв.) и
пом. в Мещевск. (5 дв.) уездах – 7374

Шумовский Матвей
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Яковлев Вакула
1677/8 переяславль-рязанск. площад. под. – 9248

Яковлев Григорий
1690–91 под. Переяславль-Рязанск. прик. из. Сидит по воеводск. подписн. челоб. – 5774, 5775

Яковлев Петр
1670–85 под. Переяславль-Рязанск. прик. из.
Сидит с 1670/1 по грам. из Разр. пр., по разбору и по выбору посад. людей – 5911, 5909, 5915, 5773, 5774
1673/4 не верстан – 7198
1677/8 окл. 10 руб. – 9248
1681/2 упом. – 5909
1684 окт.– 1689 окт. окл. 15 руб., пом. окл. 200 ч. – 5909, 5911,
5915, 5773
1688 сент.– 1689 окт. пом. окл. 200 ч. – 5915, 5773
1690 сент. окл. 17 руб., пом. окл. 250 ч. – 5774
Ярцев Кузьма
1685–91 под. Пр. Сыск. дел, послан по грам из Разб. пр. в переяславль-рязанск. губ. из. Сидит «у сыскн. дел»
1685 сент., 1688 упом. – 5909, 5915
1689 окт. – 1691 окл. 7 руб. – 5773, 5774, 5775

Даже путеводитель по источникам – бездонный колодец знаний, лежащих у самой поверхности воды, без заглядывания ближе ко дну, что требует погружения. Оказывается, только площадных подьячих в разные годы в Рязани было не меньше 57 человек. За первую половину века данных мало, а во второй составлением и оформлением первичных документов для челобитных, купчих крепостей, и прочих «гражданско-правовых» бумаг занимались несколько человек, владевших грамотой, у которых был запас бумаги, перьев, чернил и какое-то подобие стола или стол. Совсем уж «на площади» заниматься писаниной трудно: зимой чернила замерзают, летом то дождь, то ветер, лучше всё-таки примоститься где-то под крышей, хоть под навесом в торговых рядах. А прозвище «площадных», вероятно, они заслужили, потому что их там искали и добывали. Для карьеры столоначальника лучшего начала не придумать, разве что родиться в семье думного дьяка с серебряной ложкой во рту. Довольно очевидно, что для овладения этой профессией недостаточно просто владения грамотой (читать и что-то писать могли почти все), а нужен доступ к специальным навыкам и знаниям, к образцам, шаблонам, формулярам, примерам, болванкам, испорченным копиям, к советам старших и опытных, то есть к какому-то казённому месту, к приказной избе, к воеводскому двору и т. п. Денежным или поместным окладом не всякий подьячий меньшей статьи был вёрстан, у площадного подьячего жалованья и вовсе никакого не было – он кормился от дел. Из этого неминуемо следует, что «дел» и «поминков» (то есть натурального или денежного остатка от принесённого посетителями-просителями) было достаточно для прокорма нескольких человек, в них была нужда – существовала низшая, первичная юридическая практика нотариата. С ещё большей уверенностью можно утверждать, что написанная площадным подьячим бумага после её сочинения подавалась «куда надо», то есть созревшая «в толще и гуще» народа потребность принимала форму челобитной в самом широком смысле слова и попадала в казённую инстанцию для решения той или иной описанной задачи. Все остальные задачи решались как-то иначе, может быть, сотнями и тысячами иных способов, но без казённых инстанций, к государству прибегали при нарушении устоявшегося хода дел, которые при условии уплаты налогов и соблюдения положенных условностей могли быть решены на горизонтальном уровне, в уезде, на посаде, в поместье, в монастыре и так далее, с участием людей, как правило, лично знакомых – крестьянин, староста, приказчик, посадский ремесленник, монастырский служка, помещик с имением в сотню дворов, назначенный на два года воевода в городишке с населением всего-то три тысячи человек. Устоявшееся течение жизни не требовало, как правило, вмешательства государственной власти, только взимание недоимок и ежегодные воинские сборы на засечную черту, то ли для войны, то ли для поддержания порядка. Жизнь страны не полностью контролировалась государством – это самый неожиданный, но неопровержимый вывод из того факта, что в Рязани во второй половине XVII века было по крайней мере 57 площадных подьячих.

Где-то в Рязанском уезде во второй половине XVII века у дьяка Дмитрия Григорьевича Шубина было среди прочего небольшое имение в 8 дворов. Его карьера начиналась в 1624 г. в Разрядном приказе (министерство обороны и военкомат в одном учреждении) с окладом в 2 рубля (прожить на полкопейки в день нельзя, спасало, видимо, кормление от дел); был скор рассудком, за четверть века дорос до дьяка с денежным окладом в 115 рублей, а поместный оклад превысил 800 четей (≈ 400 с лишком гектаров) в разных уездах. Для доживания вдове Афанасия Раздеришина было назначено имение в 20 четей (≈ 10 га, то есть 200 на 500 м): какова бы ни была урожайность любой местной культуры, сколько бы ни было работников, количества плодов с этого участка недостаточно для роскошной жизни, лишь бы ноги не протянуть. Вот шубинские гектары – другое дело, есть где развернуться.

Но рядом с Емельяном Игнатьевичем Украинцевым Д.Г. Шубин – деревенский увалень. Его послужной список при прочтении с включённым воображением потрясает, как Одиссея и Илиада. В 1661 г. (лет в 16–20) он – невёрстанный подьячий в Новой Четверти, а всего через два десятка лет, в 1682 г., он уже думный дьяк, оклад в 250 рублей (позже дойдёт и до 500). Когда Петру I было десять лет, Е.И. Украинцев был уже на вершине служебной лестницы и мало не дотянул до Полтавской битвы. Если каждую строку в его биографии развернуть на два десятка страниц, получится герой, сравнимый с А.С. Грибоедовым и А.С. Горчаковым, достаточно просто найти его место в общей канве истории, опираясь на те лиственничные сваи, которые в своей книге вколотила в землю и в морское дно для новой Венеции Н.Ф. Демидова. И так едва ли не с каждым героем её биографического справочника.

Андрей Виниус. Сначала, опираясь только на данные биографического справочника и бесспорные географические данные (50 душ в 13 крестьянских и бобыльских дворах в таком-то стане такого-то уезда) о карьере, родственниках, пожалованиях, наказаниях и тому подобном, можно шаг за шагом, просто раскрывая и объясняя каждое слово, составить некую первичную, не основанную на литературе личную историю. С каждой географической, понятийной единицей история станет расти день ото дня, обрастая сопоставлениями, перекрестьями и параллелями, надетыми на хронологию. Человек он был настолько крупный и интересный, что самый маленький фактик может стать Золотым ключиком. В 1712 году Пётр I не в личной беседе, а Указом поручил Андрею Андреевичу переводить «немецкие» законы. То есть до сорока своих лет как-то обходился государь без письменных образцов, а теперь, стало быть, «припал к живоносному источнику» не на «языке оригинала», потребовалась точность перевода и правильная передача смыслов. А осталось-то, как мы теперь знаем, на всё про всё, на реформы, установления и устроения всего-то тринадцать годков. И как только раньше обходился – загадка. Когда распухшее летописание А.А. Виниуса исчерпает возможности внутреннего роста – можно ознакомиться с обширной литературой, изумиться её точности, или, наоборот, возмутиться наглостью вранья, и только теперь, зная о самых твёрдых, без подвоха, камушках на переправе, можно приступить к написанию чуть более точной, чем ранее, биографии с географией, этнографией, стратиграфией и прочими заслугами.

Это-то что, самая простая задача. Украинцев, Виниус, Алмаз Иванов и Автоном Иванов – люди и так известные. А тут открываются безбрежные перспективы едва ли не во всех направлениях. Земля, собственность, хозяйство, подати, жалования, поместные и денежные дачи, брачные отношения, наследование и пенсионный возраст, искусство управления и событийная история, ещё десятка два отраслей знания – всё содержится в этих консервах в засушенном для экономии места виде; надо только добавить живой крови, то есть просто воображения и склонности к сопоставлениям, по памяти и по записям – и скрученный в плотную трубочку холст перестанет быть нарисован серыми красками, развернётся и наполнится полным цветом. Одно условие надо соблюсти: помнить, что они все – такие же, как мы, с такими же сердцами, мозгами, привычками, замашками, достоинствами и недостатками, и, главное – нисколечки не глупее нас. Знаний меньше – это да, но только про нашу жизнь, не про ту. А зачем в той жизни сведения про гетеродин, транзистор и сетки триода в звуковой лампе 6Н1П для усиления немодулированного по частоте звука? Зато в сошном письме сегодня не разбирается никто, вообще никто. Был один человек, но давно, лет семьдесят назад, с тех пор – тишина. И страшную обедню никто написать не возьмётся, даже ударить никто правильно не ударит.

Что значит подьячий «сидит по подписной воеводской челобитной» «у сыскных дел» в губной избе? Губная изба – полицейский орган местного самоуправления родом из XVI столетия, от времён Елены Глинской и Ивана ещё не Грозного, занят розыском и решением судебных разбойных и татинных дел, может быть, и розыском беглых крестьян (но тут уверенности нет, этим могли заниматься другие учреждения), сотрудники губной избы пополняли свой состав самостоятельно, из выращенных местных кадров, и, вероятно, специальная, нарочитая пометка, что такой-то сидит в избе по челобитной воеводы (направленной в вышестоящий приказ), свидетельствует об особой ценности или полезности (или иной «нужности») подьячего либо для дела, либо для воеводы. Но главное – внедрение важного специалиста в структуру губной избы потребовало разрешения высшей инстанции, то есть местное самоуправление требует дальнейшего исследования. Что-то утверждать и делать выводы рано, но и просто не обращать внимание на формулу «сидит по подписной воеводской челобитной» неправильно – она попадается не единожды, и не только в Рязани.

Всего-навсего биографический справочник. А читать его, как говаривал Н.И. Павленко, можно как «сыщицкий роман»: всю дорогу ничего не понятно, но к концу закрадываются какие-то подозрения... Стоит перечитать, глядишь, что-то и прояснится – этот мартиролог, как кладбище, прячет всего в двух метрах от поверхности земли целую толпу людей. Про них удалось кое-что выяснить, про кого больше, про кого меньше, кто как служил и до чего дослужился. Уже немало, раньше и того не было, только список с именами и датами, для тех, кто знает, где искать и умеет читать. И в целом понятно, кто каков был, каких степеней достиг, но стоит припомнить, что «всё на самом деле сложнее». Романист, заполучив послужной список Емельяна Украинцева, на тоненькую ниточку правды нанижет много пудов воображения, трижды плеснёт чуточку любовной

линии, не забудет про коварные случайности, нежнейшую душу и алмазный характер – глядишь, родилась новая Одиссея. Оно бы и ничего, но ниточка ценна только тем, что правдива, и она увлекательнее любых фантазий и придумок. Бал нельзя описать, сосредоточившись на зале, костюмах, музыке, дамах и кавалерах, на звоне шпор, улыбках и взглядах: всё это пустяки по сравнению с чувством, вдруг соединившим (bzw не...) несколько пар, а если не рассказать об этом, то всё остальное не нужно, скучно и натужно. Без живого человека и его чувств вся остальная история, политическая, экономическая, военная и пр., останется уделом знатоков, которым эрудиция отворяет почти бескрайние просторы для воображения. Из правдивой ниточки можно сплести образ человека, но только очень крупными мазками, очень импрессионистически: впечатление есть, а подробностей нет, вглядываться неинтересно, ни вблизи, ни на расстоянии; удивился впечатлению – и пошёл дальше, искать следующее.

Совсем уж затруднительно представить себе человека, не так знаменитого, как Емельян Украинцев, какого-нибудь крестьянина или ремесленника, который за всю жизнь даже полфильма не снял, и повести не сочинил, и дом не изваял, и дерево не сажал, а только из лесу возил, где валил, но детей, правда, народил, и немало. Про его чувства, мысли и мир вовсе ничего не известно, никто не потрудился, не описал. Но шансы есть.

Некоторые из его дел записаны, отражены в деловой и личной переписке, которую он вел со своим хозяином, вотчинником; переписка в виде поручений, сообщений, докладов и отчётов (две части, Архив стольника Андрея Ильича Безобразова, М., 2012, 2013). Там отразилось то, чем он был занят почти каждый день, эти производственные и служебные рамки его жизни позволяют иногда предположить, что было внутри рамок, со всею осторожностью. Ничего нового в этой попытке нет, просто источник относительно новый: то есть нашёлся-то он в архивах очень давно, лет тому как полтораста, но он такой муторный, такой трудный для прочтения и тем более интерпретации, что его сто лет готовили к публикации, а когда напечатали, легче не стало, он зубами держит сокрытую в нём информацию. Главный публикатор, А.А. Новосельский, перед войной напечатал книгу про вотчинника и его хозяйство (1929), где наметил пути исследования, но пока эти дорожки не натоптаны. Взгромоздившись на его могучие плечи, приложим руку ко лбу козырьком: нет ли там чего полезного для нас, в путях? Достоинством таких поисков могло бы стать вписывание исследования в широкий контекст параллельных географически и более или менее синхронных процессов, с опорой на понимание главных общественных закономерностей и тенденции. А недостатком таких поисков непременно стало бы узкотемное, не ведущее к широким обобщениям и улучшениям, а равно и уточнениям понимания, малоинтересное копание в скучных подробностях повседневности. Извиняющим, хотя бы отчасти, обстоятельством для выбора в пользу недостатка может, вероятно, служить то, что настолько мелкая, малоговорящая тематика, к тому же замкнутая в пределах одной отрывочной, почти бессловесной биографии, не даёт никакого простора для измышлений и воображений, она убога, но правдива. Да, привёз в ноябре восемь снулых индейских кур и конскую шкуру – и всё. Это очень мало. Зато никуда не приставить вымысел и домысел. Маленькая, но чистая правда.

Посмотрим, нельзя на этом пути чем-то поживиться. Из двух томов публикации документов выберем только то, что относится, например, к Истрату Никитину, в комментариях «дворовому человеку Безобразовых, конюху на московском дворе, затем приказчику в деревне Чубарово; посылался с различными поручениями в вотчины А.И. Безобразова».

№ 22

1669 г. ноября 18–22. – Запись о вывозе белевского хлеба со струга, замерзшего под Мячковым

178-г(о) году ноября в 18 де(нь). Роспис(ь), скол(ь)ко подвод на судно хлеб возит(ь), которое судно заморозил под Мячковым белевец Федор Микитин сын Сидорова. Из дмитровскои д(е)р(е)вни 11 подвод, гавриковских кр(е)стьянских 6 подвод да боярскоя лошед(ь), изс Кан(ь)кова кр(е)стьянских 4 подводы да боярских 7 лошедеи; и всего кр(е)стьянских дмитровских и гавриковских и кон(ь)ковских 21 подвода. Да боярских всево 8 подвод.

И всего кр(е)стьянских и боярских 29 подвод. И с теми подводами послан на судна Влас Федосеев да Ивашка Фомин с товарищи ноября в 19 де(нь). И с судна Власка да Ивашка Фомин привезли ржи 74 чети без четверика.

Ноября в 20 день послан на судно с каменскими кр(е)стьяны Истратка Митин, а с ним десят(ь) подвод. И ноября в 21 де(нь) привез Истратка Микитин с каменскими крестьяны ржи 32 чети без полуосмины. // А каменские кр(е)стьяне на судно под Мячкова ездили одинова. И ноября в 22 де(нь) привезли Влас да Ивашка Фомин з дмитровскими крестьяны да гавриковских три подводы да боярских лошедеи всего 20 подвод. А ржи привезли 40 чети.

Преображенский пр., стб. 1/101/, л.133–133 об.

№ 33

1669 г. декабря 20. – Роспись дворовых людей, живущих на московском дворе

178-г(о) году декабря в 20 де[нь]. Роспис(ь), хто на Москве в [ко]торои избе живет з женами люди и конюховы и паваров. В затнеи избе живет: Авдеи Микитин з женою, Иван Ларивонов з женою, Михаило Антипов з женою, Василеи Тимофеев з женою, Семен Юдин з женою, Григореи Кудрин з жено[ю]. В поваренной избе: Юрас Степанов з женою, Дмитреи Данилов з женою, Андрѣи Тимофеев з женою, конюхов Истрат Микитин з женою, Семен Фомин з женою. В воротнею избу: поваров Елфим Еремеев з женою, Амел(ь)ка Григор(ь)ев з женою, Авдошкина жена, колодник Сен(ь)ка з женою.

Преображенский пр., стб. 1/101/, л.219.

№ 44

1670 г. января 18 – февраля 27. – Роспись овчин, их расходованию и отдаче в выделку

178-г(о) году генворя в 18 де[нь]. Роспись, что овчин: черных 19 овчин, серых 32 овчины, белых 69 овчин, и всего 120 овчин. И ис того числа дано людем: Истрату Микитину 8 овчин сырых, Алфимке 8 овчин, Амел(ь)ке 8 овчин. А за тем отдано в дела овчинником белых 59 овчин, серых 23 овчины, черных 15 овчин, и всего 97 овчин. Да великоденских маленьких 5 овчинок маленьких, шестая маленькая белая, да черных великоденских 2 овчины. // А дат(ь) от дела с полушкою по 3 деньги, а отдавал овчины в дела Истрат Микитин генворя ж в 18 де[нь]. И те овчины из дела взяты февроля в 27 де[нь], а 2 овчины в дела не пошли, черная да белая.

Преображенский пр., стб. 1/101/, л.223–223 об.

№ 433

1669 г. ноября 14. – Сказка И. Микитина об умолоте боярского хлеба в д. Каменке

178-г(о) году ноября в 14 де(нь) сказал Истрат Микитин , что в д(е)р(е)вне Каменке какова хлеба боярскова обмолотил копен и по чему ис копны какова хлеба вымолотил: ржи обмолотил 25 копен, а вымолотил 14 чети 3 четверики, а ис копны приходило ржи по осмине; пшеницы обмолочено 6 копен, а вымолочено 6 четвериков; ечменю обмолочено 11 копен, а вымолочено 6 чети с осминою, а ис копны приходило по осмине; овса обмолочено 34 копны, и вымолочено чистова овса из двацати из осми копен 29 чети; а на невеинои овес обмолотил 6 копен, а вымолотил 15 чети, да с кр(е)стьян собран заемнои хлеб, что даван вза//[им]ы на семе и на емена ржи и еровова хлеба; ржи взял со крестьян чети с полуосмины, овса взято 20 чети, ис тово овса смолото 3 чети, и та мука привезена к Москве.

178-г(о) году ноября в 18 де(нь) послано с Ывашкою Самуиловым воску скат(ь) на свечи 12 гривенок стрел(ь)цу Яковлева приказу Соловцова ; ис тово воску велено соскат(ь) гривен грошевых да гривенку дву денежных, десят(ь) гривенок денежных.

На л. 117 об. запись др. почерком: 178-г(о) году ноября в 14 де(нь)

привез сю роспис(ь) Истратка Микитин.

Преображенский пр., стб. 1/101/, л. 117–117 об.

№ 2 [2 Часть]

1669 г. августа 21. – Роспись старого хлеба, оставшегося в житницах с. Марфино

177-г(о) году августа в 21 де(нь). Роспис(ь), что в житницах старова всякова хлеба: овса семьдесят четвертеи, гречихи 12 чет(и) с четвериком, ечменю 9 чет(и) пят(ь) четвериков, гороху 3 чет(и) с четвериком, овса, что жат в прошлом году на спорнои земли, дватцать чет(и), да 6 пуд 7 гривенок соли расхожеи, да что привез Истрат Микитин, и тои соли 20 пуд на московскои безмен.

Преображенский пр., стб. 1(101), л. 16.

№ 3

1669 г. августа. – Грамотка приказчика М. Тимофеева и старосты С. Климова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Ил(ь)е Абрам(ь)евичю халоп твои Малафеико Тимафеев да старостишко Сидорко Климов челом бьют. Присылал ты, г(о)с(у)д(а)рь, Истрата Микитина переписат(ь), г(о)с(у)д(а)рь, што ржи ужато и сена укошено, и хлеб перемерят(ь), и про старосту сыскат(ь) и зятя старостина роспросит(ь), и што ржи,

г(о)с(у)д(а)рь, ужато и сена укошено. И он Истрат все переписал, и роспи[сь] к тебѣ г(о)с(у)д(а)рю павез и распросным речам роспис(ь) повез. Да Семен Фамин заезжал к нам в Чюбарово, взял трое лашедеи: два кашевых меринов да нагаискова каня пегова. А у нас пакинул рыж[е]ва каня белоногова да чалова каня нагаискова да рыжую кабылу нагаискую. Да с Ыстратом же послали к тебѣ, г(о)с(у)д(а)рь, осмнатцать рыбын. Да паж[ал]уи, г(о)с(у)д(а)рь, прикажи прислат(ь) бумаги. // А еровои, г(о)с(у)д(а)рь, здес(ь) хлеб волою б(о)жию мароз вес(ь) пабил и гарох.

На л. 1 об. запись др. почерком: 178-г(о) году сентября в 1 де(нь) привез сю гр[а]мотку Истратка Микитин.

Преображенский пр., стб. 1(101), л. 1–1 об.

№ 4

1669 г. августа. – Грамотка приказчика боровской вотчины о расследовании злоупотреблений приказчика М. Тимофеева и старосты С. Климова

Слышали, г(о)с(у)д(а)рь Ил(ь)я Абрамьевич, явку, как являл старостин зят(ь) Гр[иш]ка, слышали, г(о)с(у)д(а)рь, тваи крес(ь)яна пяпинския и чюбаровския, ш[то] рож(ь) и авес таскал староста ноч(ь)ю, – я в ту пору как приеду … поля, пришел – ан мешки ставят с рож(ь)ю и с овсом, а не тут же стоят, гдѣ ево хлеб – в ыном месте. А в ту же пору, г(о)с(у)д(а)рь, и дваровые твои люди слышали, как он являл ево зят(ь) Гришка. Деловые твои люди, г(о)с(у)д(а)рь, на пустоши у Миколы пахали, ехал дваровои ч(е)л(о)в(е)к Чекмарев, и ан[и] твои деловые люди спрашивали: што де ты куды едеш(ь)? И он с[ка]зал: еду де я на Папино. А приехал к Сидору и, зят(ь) ево сказывал, хлѣб насыпал. И спрашивали твои дворовые люди, и он сказал: то д[е] я хлеб вез. Да в прошлом, г(о)с(у)д(а)рь, году Иван Федоров хлеб продавал Сидоров папинскои ечмен(ь) и авес продавал и в боровском. И в том я старосты спрашивал, и староста не заперся: посылал продават(ь) свои хлеб, не боярскои. Да в прошлом, г(о)с(у)д(а)рь, году приказал ты Макею хлеб мерет(ь) в Чюбар[о]ве, и он хлеб мерял. И он в ту пору Сидор хлеба утаил шесть четверт[еи], а ведамо то всем твоим дворовым людем. Да зят(ь) же ево сказывал, што он к Велику дни вино сидел, да и выпил. А староста Сидор сказывает, што солоду асталос(ь), а зят(ь) ево сказывал, што солоду не осталос(ь), а другое вино сидел для тебя, г(о)с(у)д(а)рь Ил(ь)я Абрамьевич. Да у тaво ж у старосты четверо лашедеи тяглых да три жеребенка: адин жеребенок трех лет, а другои летошно[и], а третеи нынешнои. Да у таво ж у старосты три каровы да три быка, да летошных две телицы, старых десет(ь) авец, а маладых двое, да свин(ь)я старая да трое парасят сел[е]тки. Смерял я у старосты в житнице авса ш[е]сть четвертеи да ечменю четыре четверти с четвериком, да пшеницы четверть, да кадочка соли не полна, пуда в полтора. Да у нево ж у старости сена сорок капен. Да у таво ж у старосты ржи в капнах ужато дватцет(ь) полтори капн[ы]. Да у Климки кузнеца двое лошедеи да овца адна. у Ивашки Балачеева лошед(ь) да двѣ овцы да маладых двое. у Ил(ь)и Паткова лош[а]д(ь) адна и та храмает да двѣ овцы старых. у Кус(ь)ки Микулаева лошеди нет, да три авцы старых, а маладых нет. у Трафима у Лысов[а] лошеди нет, авца адна. Да у Андрея Телеша лошед(ь) одна трех лет, да адна авца. Д(е)р(е)вни Папина Пан(ь)ка Федоров сидит на четверти, адна у нево лошед(ь) да три авцы старых да трое маладых. У Соловья у Дмитрева две лошеди – одна худа, да две авцы. у Ивана Федорова одна лошед(ь) да три авцы да один маладои. у Лазаря Васильева адна лошед(ь), четыре старых авец, да пятои егнен[о]к. // Да у вдавы у Гладышевы жеребенок трех лет да две авц[ы] да два барашка. у Кандрашки Сафонова две авцы, адин баран, а лошеди нет. у Чюры Юр(ь)ева одна авца с егненком, а лошеди нет. у Харлашки Барисова две лошеди, одна худа, а другая хороша, да сама друга авца. у Антипы Барисова две лошеди, адна худа, да авца сама друга.

Дапрашивал Трафима Лысова про патчерицу ево: што, прикашшик Малафеи взял сильно или дабротою живет у нево? И он Трафим сказал: живет у прикашшика дабравол(ь)но, не осудна она живет у Малафея. И она, г(о)с(у)д(а)рь, жила и у Семена и у Гордея, и у Макея жила, г(о)с(у)д(а)рь, в Марфине . И акраме, г(о)с(у)д(а)рь, вашева жалован(ь)я деватца негде, а м[не] сироте вашему паит(ь) кармит(ь) нечем, за грех за свои залежал и заскорбел.

На л. 2 об. запись др. почерком: 178-г(о) году сентября в 1 де(нь) привез сю роспис(ь) Истратка Микитин.

Преображенский пр., стб. 1(101), л. 2–2 об.

№ 5

1669 г. августа. – Роспись боярского хлеба, сена и заготовленного леса в с. Чубарово

Роспис(ь) хлебу боярскому, што смерел в боярско[и] житницы хлеба. Авса смерял дватцет(ь) четвертеи две четверти пять четвериков, да аржанова солоду смерял девет(ь) четвартеи бѣс четверика, да яшнова солоду смерял четыре четверти с тремя четверики, да четверт(ь) смерял круп грешневых, да талакна смерял три асмины, да авсяных круп смерел три четверики, да сухареи смерял шесть четвериков, да пшена талченова смерял три четверики. Да старои же рожью пасеено на Чюбарове и на пусташах сорок седмь четвер[т]еи с палуасминою. Да на Куз(ь)минскои пусташи пасеено новои рож(ь)ю пят(ь) четвериков, да в Чубарове посеено новои ржи паласмины. А смерял новои ржи пят(ь) четверте[и] пят(ь) четвериков. Да на чюбаровском поле ужато ржи

восемьдесят капен три капны, и тои ржи скирд складен пят(ь)десят копен три капны, а по замалоту тои ржи па асмине ис капны, да ис тои же капны четверик бес полутара кавша. Да тои же ржи чюбаровскои абмалочено тритцат(ь) капен, а вымолочено тои ржи семнатцет(ь) четверте[и] с осминою. Да на Бабкове ржи ужато шестьдесят коп[е]н по пят(ь) копн, а па замалоту тои же ржи ис капны па асмине с получетвериком. А на Куз(ь)минскои пусташи рож(ь) не жата, да палавина ж Куз(ь)минско[и] пусташи не кашена. Да пустош(ь) же Дупки не кашена. А сена в Мачихине укашено четыреста капен, а сметано в девети местах. А в Рабарове и на пусташах сена укошено полтрет(ь)я ста копен. Да лесу я спраши[ва]л и тесу нет ни ц(е)рк(о)внова ни московсков[а]. А лес не сечен на анбар, тол(ь)ко изготовлено скалу, а летошнова скалу нѣт. А бровен тол(ь)ко усечено в Чубарове на избу восемьдесят бревен трехсаженнова. Да набрана кадочка набрана в Чубарове груздеи с осмину. В Чюбарове старова сена три скирда да стог да в гумне скирд да стажек.
На л. 3 об. запись др. почерком: 178-г(о) году сентября в 1 де(нь) привез сю роспис(ь) Истратка Микитин .

Преображенский пр., стб. 1(101), л. 3–3 об.

№ 6

1669 г. августа. – Роспись ржи и сена в д. Марфино

Роспись, в деревни Марфине что ужали ржи: 30 копен три копны, а вымолотили двацеть четвертеи пять осмин. И тое рож(ь) посѣели двацеть четвертеи с осминаю на твою боярскою земл[ю], а носеели земли внов(ь) тебѣ, г(о)с(у)д(а)рь, семнаценть десетин. Да писал ты, г(о)с(у)д(а)рь, ко мнѣ холопу своему, у нас сена старова в Марфине нету, а рож(ь), г(о)с(у)д(а)рь, посѣел за недѣлю да Семене дни, потому, г(о)с(у)д(а)рь, у мене холопа твоево долга рож(ь) твоя боярскоя и не сѣена, зелена была, г(о)с(у)д(а)рь, на поли долга не спѣла. Как почали, г(о)с(у)д(а)рь, рож(ь) жать, и я почал холоп твои и рож(ь) и сѣет(ь) с Преображен(ь)ева дни. И пустоши, г(о)с(у)д(а)рь, твои боярския всѣ покошены, а укосили, г(о)с(у)д(а)рь, сена четыреста копен двацет(ь), а сена, г(о)с(у)д(а)рь, косить бол(ь)ши тово нехде. Да твоеи жа, г(о)с(у)д(а)рь, боя[р]скои ржи посѣели да Точникилевки нажны четверть с полуосминою, а осталось твое, г(о)с(у)д(а)рь, боярскои ржи шесть четвериков.
На л. 4 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Ильги Обрам(ь)евичю.
Запись др. почерком: 178-г(о) году сентября в 1 де(нь) привез сю роспис(ь) Истратка Микитин.

Преображенский пр., стб. 1(101), л. 4–4 об.

№ 7

1669 г. августа. – Роспись крестьянских лошадей и овец в д. Марфино

Роспись, в деревни Марфине что у крес(ь)ян лошедеи: у Микитки Васильева четвера лошедеи; у [С]вирки у Коленка четвера лошедеи; у брата Свиркина у Хомки двое лоше[д]еи, у Кондрата Потапова четвера лошедеи, у Морка Тенков(а) двое лошедеи, у Довытки Дорофѣева лошеть, у Микитки Васильева пятера овец старых, у [С]вирки Холенка ше[с]теря овец старых, у Кондрата Потапова четыре овцы старых, у Морка Тенков(а) овца, у Довытки Дорофѣева четыря овцы старых, у вдовы Оксютки Бурдыкинаи трое овец старых.
На л. 5 об. запись др. почерком: 178-г(о) году сентября в 1 де(нь) привез сю роспис(ь) Истратка Микитин .

Преображенский пр., стб. 1(101), л. 5–5 об.

№ 11

1669 г. сентября ранее 18. – Грамотка приказчика М. Тимофеева и старосты С. Климова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Ил(ь)е Аврамьевичю халоп ваш Малафеика Тимофеев да старостишка Сидорка Климов челом бьют. А от тебя, г(о)с(у)д(а)рь, Истрат Микитин к нам приѣхал з дворовыми люд(ь)ми и грамоту к нам привезли, а пригнали лашедеи дватцат(ь) с лошед(ь)ю. И по твоему, г(о)с(у)д(а)рь, указу лашадеи разобрали и разобрав на украину отпустили с Корнюхаю Микитиным с товарыщи. А Истрата Микитина к тебѣ, г(о)с(у)д(а)рю, отпустили. А что лашедеи, г(о)с(у)д(а)рь, послано на украину и что в Чюбараве аставлено и крестьяном каторыя лошеди даны и каму имены дано, и тому всему, г(о)с(у)д(а)рь, послано с Ыстр[а]том к тебѣ г(о)с(у)д(а)рю роспис(ь). А отпустили на украину с лошед(ь)ми, г(о)с(у)д(а)рь, сентября в 16 де(нь). А хлеб прячем, г(о)с(у)д(а)рь, не даст б(о)г погоды, стаит ненастья. Да послали, г(о)с(у)д(а)рь, с Ыстратом чатырнатцат(ь) рыбин. А тесу, г(о)с(у)д(а)рь, вытесали по се число двесте тесниц з десет(ь)ю тесницами.
На л. 33 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Ил(ь)е Аврамьевичю.
Записи др. почерком: 178-г(о) году сентября в 18 де(нь) привез сю грамотку Истрат Мики[ти]н да под сею грамоткою роспис(ь) лошединую.
Се[н]тября в 27 [день] послано в Кон(ь)ково с плотником с Ываном Сидоровым плотнишнои сн[а]сти: пазник да долото, да скобел(ь) да черта.

Преображенский пр., стб. 1(101), л. 33–33 об.

№ 25

1669 г. ноября 26. – Роспись лошадей, посланных в белевскую вотчину и оставленных в с. Коньково, с. Чубарово и д. Марфино, и запись

О ПОСЫЛКЕ ТУДА ЖЕ ШЕРСТИ

178-г(о) году ноября в 26 де(нь). Роспис(ь), что отпущено с Семеном Фоминым из Марфина в Белев лошедеи: кон(ь) рыжеи лузановскои, кон(ь) каряпегои, кон(ь) рыжеи старои купли, кон(ь) соловои старои купли, кон(ь) рыжеи белоногои, кон(ь) темносерои старои купли, кон(ь) чюбарои старои купли, кон(ь) кареи нагаискои летошнеи купли, кон(ь) серои нагаискои летошнеи купли, кон(ь) гнедои старои купли, санник серои нагаискои, кон(ь) пегои нагаискои летошнеи купли, кон(ь) бурои нагаискои летошнеи купли, кон(ь) чалои летошнеи купли, кабыла савраса нагаиская старои купли, кон(ь) чалои летошнеи купли, жеребец гнедои домашнеи, кон(ь) кареи старои купли. И всего отпущено конеи 18. // Кошевых лошедеи отпущено: мерин гнедои кол(ь)цовскои, мерин саврасои домашнеи, мерин воронои вологоцкои, мерин саврасои воло г(о)ц кои, мерин голубои пушкинскои, мерин гнедои воло г(о)ц кои. И всего кошевых лошедеи отпущено 6 лошедеи. Да пашенных лошедеи отпущено: кабыла бура гордеевои купли, кабыли гнеда домашнея, кабыла каура гордеевои купли, мерин гнедои домашнеи. И всего отпущено пашенных лошедеи 4. Ис Кон(ь)кова отпущено санник серои, жеребец гнедои, что в телеге ходит; да кошевых лошедеи: мерин темносерои володимерскои, мерин бурои казанскои с крестом, мерин голубои люткинскои , мерин голубои мартаковскои . И всего кон(ь)ковских лошедеи отпущено 6 лошедеи. И всего отпущено конеи и кошевых лошедеи и пахотных (с) Семеном Фоминым 34 лошедеи.

А в Чюбарове оставлено: кон(ь) темносерои гармоновскои Малафею Тимофееву для того, что она худа, пашенных лошедеи кабыла голуба нагаиская, кабыла рыжа гармоновская, кабыла савраса нагаиская, кабыла каря домашняя, кабыла мухорта нагаиская, кабыла гнеда оставлена корм возит(ь) животине. И всего в Чюбарове оставлено 7 лошедеи. //

Да в Марфине оставлено конеи и кобыл и жеребят: кон(ь) чалои нагаискои летошнеи купли, кон(ь) темносерои нагаискои летошнеи купли, кон(ь) рыжеи нагаискои старои купли Симону оставлен, жеребец в булане пег домашнеи нагаискои кобылы, жеребец гнедои волог(о)цкои. И всего оставлено 5 конеи. Да кабыл нагаиских: кабыла ворона, кабыла каря, кабыла гнеда, кабыла каря, кабыла гнеда, кабыла рыжа домашнея, кабыла гнеда нагаиская, кабыла сера домашняя, кабыла гнеда нагаиская летошнеи купли, да кабыла гнеда пашенная.

И всего оставлено кабыл 10 лошедеи.

Да нагаиских жеребят оставлено: жеребчик в вороне пег, жеребчик в гнеде пег , жеребчик буланои, жеребчик в булане пег, да кабылка в гнеде пега, жеребчик гнед, да пахатном кабылы кабылка гнеда. И всего жеребят оставлено 7. И всего оставлено конеи и кабыл и жеребят 22 лошеди, оприч(ь) чюбаровских лошедеи.

Да в Кон(ь)кове оставлено лошедеи: конь рыжеи, что дан Ивану Лук(ь)янову, да пахотных лоше[де]и: мерин бурои, мерин гнед, кабыла рыжа, кабыла савраса, кабыла гнеда. // Да с Семеном же Фоминым отпущено в Белев ис Кан(ь)кова шерсти 41 руно, а весу в них пуд. Ис Чюбарова отпущено шерсти 30 рун, а весу в них 33 гривенки. Да пятнатцат(ь) поярков, а весу в них полшесты гривенки. Из Марфина отпущено шерсти 9 поярков, а весу в них 4 гривенки.

На л. 144 об. запись др. почерком: 178-г(о) году ноября в 20 де(нь) привезли сю роспис(ь) Истратка Микитин.

Преображенский пр., стб. 1(101), лл. 143–145 об.

№ 27

1669 г. ноября ранее 29. – Роспись лошадей, отпущенных в с. Чубарово

Тово ж числа отпуще[но] в Чюбарово в Ыстратом Микитиным да с ними ж з деловыми люд(ь)ми с Федулкою Шуняевым с таварыщи канеи и кошевых лошедеи: кон(ь) темносерои гармоновскои, кон(ь) темносерои нагаискои летошнеи купли, кон(ь) каряпегои , кон(ь) чалои нагаискои летошнеи купли, кон(ь) серои нагаискои старои купли, кон(ь) кареи нагаискои летошнеи купли, кон(ь) серои нагаискои летошнеи купли, жеребец нагаискои гнедои старои купли, что в телега[х] ходит, кабыла савраса нагаиская старои купли; кошевых лошедеи в Чюбарово ж отпущено: мерин саврасои домашнеи, мерин саврасои во[ло]гоцкои, мерин гнедои кол(ь)цовскои , мерин голубои пушкинскои .

Преображенский пр., стб. 1(101). л. 26.

Посылка в Чубарово лошадей с Истратом Никитиным произошла до 1669 г. ноября 29.
Более точной даты установить не удалось.

№ 28

1669 г. ноября ранее 29. – Грамотка приказчика М. Тимофеева и старосты С. Климова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Ил(ь)е Аврамьевичю холоп ваш Малафеико Тимофеев да старостишко Сидорко Климов челом бью. Зде, г(о)с(у)д(а)рь, в селе Чюбарове и з деревнями, дал б(о)г, здорово. Да по твоему, г(о)с(у)д(а)рь, указу лошеди в Белев с Семеном Фоминым с таварыщи отпустили. Да по твоему же, г(о)с(у)д(а)рь, указу отпустили мы к тебе г(о)с(у)д(а)рю к Москве людеи твоих Истрата Микитина да Гришку Иванова, а с ними послали росписи, что лошедеи отпустили в Белев и что в Чюбарове и в Марфене осталос(ь), и что в житницах какова хлеба, и что в гумне немолоченова хлеба стоит в скирдах. Да с ними ж, г(о)с(у)д(а)рь, послали овса чистова три четверти да скляницу на вино на церковное. Да вели пожаловат(ь) прислат(ь) нам бумаги, на чем писа[ть], а

бумаги у нас нет. Да учини, г(о)с(у)д(а)рь, указ, что у нас л(ь)ну и поскони, к Москве ли изволиш(ь) прислат(ь) или здеся изволиш(ь) роздат(ь). Да изволил ты, г(о)с(у)д(а)рь, у нас взят(ь) кн(и)ги ужинные и замоло[т]ные и росходные; вели, г(о)с(у)д(а)рь, прислат(ь), чтоб нам чем впред(ь) было поправитца. Да сказывал мне целовал(ь)ник, что на мел(ь)нице сала нет , вели пожалов[ать] прислат(ь) на мел(ь)ницу сала. Да изволил ты нам – сена возит(ь) из Мачихина. И мы, г(о)с(у)д(а)рь, с сево числа по [се]но пошлем. А Макеи Матвеев марфинских кр(е)стьян сена возит(ь) не посылает, а сказал: ка мне де такова указу от бояри[на] нет, что марфинским кр(е)стьяном возит(ь) сено.
На л. 142 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Илье Аврамьевичю.
Записи др. почерком: 178-г(о) году ноября в 29 де(нь) привез сю [грамотку] Истратка Микитин да Гришка Иванов.
Отписат(ь), велет(ь) лен прислат(ь) к Москве. А поскон(ь) велет(ь) роздат(ь) на оброк в Чюбарове, а прясть велет(ь) не по летошнему, не по дватцати аршин – по 30 аршин, и деловым бабам. А на н(ы)нешнеи год доправит(ь) по 10 аршин, которые давали по 20 аршин. А про то сена велет(ь) отписат(ь) имянно, скол(ь)ко сена новог(о) скирдов и стагов, и скол(ь)ко в тех скирдах и в стогах копен в Чюбарове и на пустаашах, и скол(ь)ко старова сена скирдов и стагов, и скол(ь)ко в них копен, и скол(ь)ко попова сена ; и что Нарыжкина сена, будет не отдал, а будет отдал, и есть ли в том сене отпис(ь), а кн(и)ги их списав послат(ь) к ним, а велет(ь) их всему прислат(ь) приходу и росходу написав. А сала на мел(ь)ницу послат(ь), вина церковнова послат(ь), бумаги послат(ь) же.

Преображенский пр., стб. 1(101), л. 142–142 об.

№ 42

1673 г. февраля ранее 19. – Роспись хлеба, посеянного, ужатого и розданного на месячину в боровской вотчине

181-г(о). Роспис(ь), что посеено в Чюбарове и на Бобкове всякого боярского ерового хлеба. Пшеницы посеено 4 чети с полуосминою. Ечменю посеено 12 чети с осминою. Авса посеено чюбаровского 26 чети да куриловского авса посеено 8 чети с осминою. Гороху посеено асмина. Гречи посеено 3 осмины. Семени алленова посеено полосмины. Семени коноплянова посеено осмина. Ярицы посеено осмина.
Роспис(ь), что ужато всякого боярского ерового хлеба в Чюбарове и на Бобкове.
В Чюбарове ужато пшеницы 10 колен 2 хресца, и та пшеница обмолочена вся, а вымолочено 2 чети без получетверика. Ечменю ужато 59 копен 2 хресца, и тот ечмен(ь) обмолочен вес(ь), а вымолочено 22 чети с полуосминою и с получетверком. И того ечменю дано на месечину дворовым людем на месец 2 чети с полуосминою да свин(ь)ям смолото на посыпку осмина, да кормными свин(ь)ями скормлено осмина. Ярицы ужато 2 капны без хресца, и та ярица обмолочена, а вымолочено 3 полуосмины. Гороху умолочено чети с полуосминою. Авса ужато 55 капен, и тот авес обмолочен, а вымолочено чистого авса 23 чети с осминою, да невеинова авса обмолочено 8 чети. И того чистого авса в расходе: как поехали дворовые люди к Москве с мукою, дано на дорогу на две лошеди асмина авса – Михаило Антипов поехал на украину да с ним Ивашко Бабкин, дано на дорогу полосмины авса; // Фил(ь)ке дворовому дано на дорогу, как возил к Москве капусту, полосмины авса; в Чюбарове скормили лошед(ь)ми 5 четвериков, свин(ь)ям смолото на посыпку авса осмина, да кормными свин(ь)ями скормлено осмина, свин(ь)ями же скормлено, да гус(ь)ми и утками 3 осмины по приказу Агафьи Васил(ь)евны . На Бобкове ужато пшеницы 11 капен, и та пшеница обмолочена вся, а вымолочено 3 чети бес полуосмины. Гречи укошено 10 капен, и та греча омолочена вся, а вымолочено 4 чети. Канапел(ь) умолочено чети. Ржи ужато 8 копен, и та рож(ь) обмолочена вся и взята невеиною рож(ь)ю, а вымолочено 6 чети 3 четверика. На месечину роздано невеинои ржи 5 чети с осминою. Староста жил но боярском дворе Исачко Павлов, съел осмину. Свин(ь)ями скормлено 3 четверика. С Курилова взято струговои ржи 30 чети, и тои ржи посеено в Чюбарове 2 чети с осминою, на Бобкове посеено 17 чети с полуосминою.// Сентября в 3 де(нь) дано струговои ржи на месец дворовым людем месечины 2 чети. Ноября в 1 де(нь) дано струговои же ржи дворовым людем на месец месечины к невеинои ржи чети с четвериком, а кому дано, и то в кн(и)гах написано. К Москве смолото на ситную муку 2 чети с четвериком. Да са кр(е)стьян взято заемнои хлеб, что даван на семена: ечменю 2 чети с осминою, авса 2 чети с осминою.
На л. 153 об.: Февраля в 19 де(нь) привез сю роспис(ь) Истрат Микитин .
Февраля в 25 де(нь) досталос(ь) по розделу Андрѣю Ил(ь)ичю меди из бол(ь)шого котла ис пивнова, что с Федором Ил(ь)ичем розделили , пуд 30 гривенок, а железа о нево, что обруч был, 9 г(ривенок).

Белгородский ст., стб. 1100, лл. 153-154 об.

№ 44

1673 г. августа 12. – Хозяйственные записи об ужине, умолоте и расходе хлеба в с. Спасское

181-г(о) августа в 12 де(нь). Роспис(ь), что ужато в Куриловe боярскои ржи 142 капны 2 хресца, а замолот ис копны по осмине. И тои ржи обмолочено 119 копен 2 хресца, а вымолочено чистои ржи 60 чети с осминою и с получетвериком. И тои ржи росход: в Кури-

лове посеено ко 182-му году 37 чети с осминою; на семена дано в Курилове дворовым людем – Гришке конюху 5 четвериков, Аношке конюху дано осмина, Фет(ь)ке Баклышу дано 3 четверика; да на месечину роздано дворовым людем в Курилове 5 чети с полуосминою; да за горшки дано горшешнику полосмины; к Москве смолото 10 чети, и та мука отослана с Серешкою Сергеевым; в Курилове застол(ь)ным людем смолото 7 чети. Да на невеиную рож(ь) обмолочено 23 капны, а вымолочено невеинои ржи 37 чети с осминою, и та рож(ь) невеиная в расходе, как жи[ли] в Курилове плодники вологоцкие. Ис Серпухова привезено струговои ржи 48 чети в куриловскую меру, и тои ржи росход: на Степанову броду посеено 9 чети с полуосминою, в Чюбарово дано Истрату Никитину на семена 30 чети, в Курилове на месечину дворовым людем роздано бес полуосмины 8 чети.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 77.

№ 46

1673 г. сентября 4. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты И. Павлова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холоп твои Истратка Микитин да старостишко Исачко Павлов челом бьют. Здеся, г(о)с(у)д(а)рь, в селе Чюбарове в д(е)р(е)вне Папине сентября в 4 де(нь), дал б(о)г, здорово. Буди, г(о)с(у)д(а)рь, тебе ведомо: Федора Ил(ь)ича прикащик Симон прибавил во двор опчеи земли к жидницам поперег семь сажен, а в длину двенатцать сажен. И я холоп твои Симону говорил, что для чево обчею землю пригораживаеш(ь) к своему двору? И он мне сказал: земля де деленая, а делил Семен Фомин . И я спрашивал дворовых твоих людеи, и дворовые люди сказали, что делил де Семен Фомин. Да мел(ь)ник чюбаровскои хотел на чюбаровскои мел(ь)нице молот(ь) и, взяв веретено в анбаре, поставил на места, а в то время была вода велика, – и пришод де Симан с кр(е)стьяны сам пят ввечеру и то веретено у мел(ь)ника отнели. А в анбар вошли в окно, где вал ходит, а не в двери. Да похваляетца Федора Ил(ь)ича кр(е)стьянин д(е)р(е)вни Папинои Лазорко Васил(ь)ев пожегою, хочет мел(ь)ника и кр(е)стьян твоих выжечь.

На л. 17 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичу.

Запись др. почерком: 182-г(о) году сентября в 24 де(нь) принесли сю грамотку костромские крестьяне.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 17–17 об.

№ 49

1673 г. сентября 6. – Грамотка приказчика И. Ильина и старосты Л. Екимова из с. Спасское

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холоп твои Ивашко Ильин да старостишко Левка Екимов челом бьют. Здеся, г(о)с(у)д(а)рь, в д(е)р(е)вне Курилове и в д(е)р(е)внях сентября в 6 де(нь), дал б(о)г, здорово. Рож(ь), г(о)с(у)д(а)рь, в Курилове всее посеели, а посеено тритцат(ь) семь четвертеи с осминою, да на Степанову броду посеено девет(ь) четвертеи с полуосминою. А еровои хлеб, г(о)с(у)д(а)рь, ещо не вес(ь) пожали, тол(ь)ко авес да греча не пожата. Да писал ты ко мне холопу своему, велел пива сварит(ь), и я холоп твои не мог котла промыслит(ь), варит(ь) не в чем. А мел(ь)ницу ещо не зделали, тол(ь)ко делат(ь) будет на ден(ь) или в силу что на два дни. Плотины – тол(ь)ко б(о)г даст ведро, а плотину мел(ь)ник вымостил пластьем и сваи и крюки против лежня побили. А стоит все ненас(ь)е, как и Куз(ь)ма поехал к Москве, с тех мест. Да приезжал ко мне холопу твоему ис Чюбарова Истрат Микитин и мне сказывал, что приезжал на мел(ь)ницу в д(е)р(е)вню Папино боярина кн(я)зь Ивана Борисовича Репнина приказнои ч(е)л(о)в(е)к села Свитина и на мел(ь)нице мел(ь)нишную снасть всее переписал, и что кр(е)стьян на половину Федору Ил(ь)ичю досталос(ь) и что четвертнои пашни и сенных покосов. А торгует де у Федора Ил(ь)ича ево половину боярин кн(я)зь Иван Борисович Репнин. А как прикащик переписывал на мел(ь)нице, и в то время Истрата де дома не было.

На л. 16 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичу.

Запись др. почерком: 182-г(о) году сентября в 24 де(нь) принесли сю грамотку костромские крестьяне боранники.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 16–16 об.

№ 53

1673 г. сентября ранее 28. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты И. Павлова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ильичю холоп твои Истратка Микитин да старостишко Исачко Павлов челом бьют. Здеся, г(о)с(у)д(а)рь, в селе Чюбарове и в д(е)р(е)вне Папине сентября в …де(нь), дал б(о)г, здорово. Отпустил я холоп твои х тебе г(о)с(у)д(а)рю к Москве деловова ч(е)л(о)в(е)ка Фил(ь)ку да кр(е)стьянина для наполов, да с ними послал я х тебе г(о)с(у)д(а)рю луку четверть, да послал я с сею грамоткаю роспис(ь), что ужато всякова еровова хлеба и по чему ис копны замолот и какова хлеба. Да буди, г(о)с(у)д(а)рь, тебе ведомо: на Микол(ь)скои пустоши сено покосил я холоп твои все, а укосил копен с пят(ь)десят. И к нам в Чюбарово приехал Федор Ильич и то сено хочет возить себе, а нас хочет бить от того сена до смерти. Да на пустоши Долматовои свою половину Федор Ильич покосил, а твою, г(о)с(у)д(а)рь, половину князи Федора Ил(ь)ича лошед(ь)ми вытравили. И я холоп твои Федору Ил(ь)ичю бил челом, и Федор Ильич сказал: и вы бы де в ту пору косили, как люди мои касили, а н(ы)не де хто косит сено. И пустош(ь) Подосинки вытравили ш. Да ржи, г(о)с(у)д(а)рь,

посеел я холоп твои на тебя г(о)с(у)д(а)ря ко 182-му году. В селе Чюбарове посеено ржи 2 чети с осминою да на // пустоши Бобкове посеено 17 чети с полуосминою, и всего посеено ржи 20 чети бес полуосмины. Да рыбы отослал я холоп твои в Курилово х твоему приезду солено[и] семнатцат(ь) щучек да тринатцат(ь) акунеи, да дегел(ь)нова корен(ь)я полосмины, да зори четверик, да земляницы мен(ь)ши получетверика сушенои.
На л. 22 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичу.
Запись др. почерком: 182-г(о) сентября в 28 де(нь) привез сю грамотку Фил(ь)ка деловои ч(е)л(о)в(е)к.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 22–22 об.

№ 59

1673 г. октября 4. – Грамотка приказчика И. Фомина и старосты Л. Екимова из с. Спасское А.В. Безобразовой

Г(о)с(у)д(а)рынѣ Агаф(ь)е Васил(ь)евно[и] холоп ваш Ивашка Фомин да староста Левка Екимов челом бьем. А здѣся на Куриловѣ наебря в 4 де(нь), дал б(о)г зд[а]рова. Да послал я к тебѣ, г(о)с(у)д(а)рина, 10 четвертеи арженои муки да осмина полбенои муки с Алексѣевым с(ы)ном да з дворовоми люд(ь)ми. Да послал я ш холоп ваш с Алек сѣе вым сыном свои аброк, а другои, что с Москвы прислон. А что ты, г(о)с(у)д(а)рина, велѣла у д[в]оровых людѣи аброки имат(ь), и они мнѣ отказали: мы ди принасили сами к баярину оброки, и ди апят(ь) нам оброки отдал. А теперяча, г(о)с(у)д(а)рина, я не вѣдою, повѣзли л(ь) ани аброки или нет, такая у них не примал, и они мнѣ отказали: какоя тебѣ на наших аброков. И ты, г(о)с(у)д(а)рина, изволь самим говорить про оброки. Да пожалюи, г(о)с(у)д(а)рина, сошли застол(ь)ним людем и работником соли, а работников у нас садятца человѣк з дватца[ть]. Да писала ты, г(о)с(у)д(а)рина, велѣла рош(ь) молот(ь), а у нас, г(о)с(у)д(а)рина, ржи нет и месечены нечева риват(ь), тол(ь)ка у нас ржи не молочено капен с пят(ь). Да послал я, г(о)с(у)д(а)рина, с Алексѣевы[м] сыном и з дваровоми людтми 10 кур. Да приежает Истрат и[з] Чюбарова, просит ржи месечены, и мнѣ, г(о)с(у)д(а)рина, риват(ь) нечева, ржи у нас нет. Да пришли, г(о)с(у)д(а)рина, на мел(ь)ницу сала . Да при[ш]ли, г(о)с(у)д(а)рина, бумашки, на чом написат(ь). Да послал я, г(о)с(у)д(а)рина, 3 телѣги московския, // – и ты, г(о)с(у)д(а)рина, вели те телѣги покину[ть] на Москвѣ – да два хумута ременых и з дугами. А лошедям дано на дорогу по полуосмины авса на лошет(ь). Да пишеш(ь) ты, г(о)с(у)д(а)рина, велиш(ь) имат(ь) лапти, и лаптеи имат(ь) мнѣ не но ком: все пошли по меру.
На л. 34 об.: Г(о)с(у)д(а)ринѣ Аг(а)фье Васильевно[и].

Запись др. почерком: 182-г(о) году ноября в 6 де(нь) привез с Курилова Микифорка Алексѣев з дворовыми люд(ь)ми муки арженои 10 чети, 7 чети в один верх, а три чети вровень.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 34-34 об.

№ 62

1673 г. ноября 23. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты И. Павлова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ильичю холоп твои Истратка Никитин да старостишка Исаика Павлов челом бьют. В вотчине твоеи, г(о)с(у)д(а)рь, в Чюбарове ноября по 23 де(нь), дал б(о)г, здорова. Да послал, г(о)с(у)д(а)рь, из Чубароваи с Михаилом Антиповым 13 рун шерсти, а вѣсу у них 19 гривенок, да 15 поярков, вѣсу в них 4 гривенки с лишкам. Сѣна, г(о)с(у)д(а)рь, с пустоши Мачихинои возит(ь) мнѣ холопу твоему нѣ но чем. А Ивану Фомину говорил, штоб велѣл сѣна повозит(ь) с пустоши Мачихинои, и он мне откозал: подвод де у нас нѣт боюсь, г(о)с(у)д(а)рь, штобы не увезли. А дуб, г(о)с(у)д(а)рь, на погреп высечен, а не отвожен.
На л. 58 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ильичю.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 58–58 об.

№ 64

1673 г. ноября. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты И. Павлова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)ранѣ Агаф(ь)е Васил(ь)евно[и] холоп ваш Истратка Никитен да староста Исачка Павлов челом бьем. (В) вашеи воченѣ в селѣ в Чюбаровѣ, дал б(о)г, зд[о]рова. Да взяли от менѣ дву человѣк дѣловых под муку и с лошед(ь)ми на Курилова, а муку вѣсть к Москвѣ к тебѣ г(о)с(у)д(а)рынѣ. Да послал я холоп ваш аброк два холста, да послал я ш холопо ваш гаршок рыбы без д[в]у рыбок дватцет(ь) бол(ь)шеи и малих. Да писала ты, г(о)с(у)д(а)рина, про лон. И льню у нас нет, не радился, и посконѣ, г(о)с(у)д(а)рина, немнога, всево дѣсет(ь) десятков умяли. // А прошлова, г(о)с(у)д(а)рина, месица дворовом людем не дадо[ли], а срок пришол Куз(ь)ма и Дем(ь)ян, а есть рош(ь) белвска, и я холоп ваш тое рош(ь) не [с]мѣю риват(ь) месечены. Да послал 10 лапте[и]. А хрестьяне пошли все в м[и]р, работат(ь) некому.
На л. 35 об.: Г(о)с(у)д(а)ринѣ Агафье Васил(ь)евно[и].

Белгородский ст., стб. 1100, л. 35–35 об.

№ 65

1673 г. ноября. – Грамотка приказчика И. Никитина с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю и г(о)с(у)д(а)рынѣ Агав(ь)е Васил(ь)евнѣ холоп в(а)ш Истратка Микитин челом бьет. Да здеся, г(о)с(у)д(а)ри, в вотчине в(а)шеи в селе

Чюбаровѣ, дал б(о)г, все здорова. Да послал я к вам, г(о)с(у)д(а)ри, деловаго ч(е)л(о)в(е)ка Фил(ь)ку Яковлева, да с крес(ь)янином послоно напол бѣлои капусты, два напола крошива, да с ними же послоно 30 рыбин всякие мелкие, да хрену послоно полчетверика. Да указала ты, г(о)с(у)д(а)рыня, мнѣ холопу своему дават(ь) месечину дворовым людам пополам с ячменѣм, а онѣ просят ячмени против ржи вдвоя. И я холоп твои дал по осминѣ ржи, а в ячмени, что ты, г(о)с(у)д(а)рыня, укажеш(ь). А просят дворовые люди вдвоя. Да били челом на меня холопа в(а)шег(о) дворовые люди, бутто я их поморил. И я их // в Курылова посылал молотит(ь), и онѣ обленилися, молотит(ь) не пошли. Я без в(а)шег(о) г(о)с(у)д(а)рског(о) указу в Чюбарове ржи не смел дат(ь), а н(ы)нѣча в(а)ш г(о)с(у)д(а)рскои указ велено мнѣ дат(ь), и я месечину дал.

На л. 29 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрею Ил(ь)ичю и г(о)с(у)д(а)рыне Агав(ь)е Васил(ь)евнѣ.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 29–29 об.

№ 66

1673 г. ноября. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты И. Павлова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Ондрѣю Ильгичю холоп твои Исстратка Микитин да сстаросста Исачка Павлов челом бьет. В вотчиня, г(о)с(у)д(а)рь, твоеии в селѣ Чюбаровам, дал б(о)г, здорова. А дуб, г(о) с(у) д(а)рь, против твоево пис(ь)ма высек. А из лесу возить нѣким потому, что крес(ь)ян взяли на Курулова на мельницу двора строить. И то, г(о)с(у)д(а)рь, рубили дуб немногими люд(ь)ми, а то всѣ ходет в миру. А мѣсечину дал дворовы[м] людем рож(ь)ю с Куз(ь)мы Дем(ь)яны, а укозала бола дать г(о)с(у)д(а)рина Огав(ь)я Васильевна вдвое ечменю. И я те г(о)с(у)д(а)ря вдвое дать не посмѣл, а давал рожь, коя оссталос(ь) у сѣмен. А Ива[н] Фомин скозал, что ржи у мене нѣту, и я да[л] белевскою р[о]жь.

На л. 46 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Ондрѣю Ильгичю.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 46–46 об.

№ 72

1674 г. января ранее 6. – Грамотка приказчика И. Фомина и старосты И. Никитина из с. Спасское

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холопи твои Ивашко Фомин, Истратка Микитин челом бью. По твоему, г(о)с(у)д(а)рь, указу ис Серпухова из Высоцкого м(о)н(а)ст(ы)ря струговои хлеб , рож(ь) и авес, переверев перевезли на Курилово и всыпали в житницы. Ржи, г(о)с(у)д(а)рь, смерели в орловскую меру в лукошко, что за твоею, г(о)с(у)д(а)рь, печат(ь)ю, 97 лукошек, а семое неполно, а по ка места неполно, и то замечено, а мерено в лукошко всхолмовото немного, розравнивали рукою против росписи, как в росписи написано. А в подчерневскую осмину смерели ржи 58 чети с осминою под хребло. А в куриловскую осмину смерели ржи 59 чети с осминою и с четвериком, а мерено под гребло. Авса смерели в орловскую меру в лукошко 93, три лукошка всхолмовото немного. А в подчерневскую осмину смерели авса 57 чети с полуосминою под гребло. А в куриловскую осмину смерели авса 58 чети с осминою и с четвериком под гребло. Да по твоему ж, г(о)с(у)д(а)рь, указу послали х тебе г(о)с(у)д(а)рю к Москве с люд(ь)ми твоими с Селуяном Матвѣевым с товарыщи орловскую меру лукошко да подчерневскую осмину и куриловскую осмину, и полосмины и четверик и полчетверика. Да с ними ж послали тринатцат(ь) возов сена из Мачехина , а в Чюбарове и в Курилове , а сена осталос(ь) тол(ь)ко что про здешнеи обиход; в Чюбарове осталось триста копен, а в Курилове осталос(ь) триста пят(ь)десят пят(ь) копен. Да с Ывашкою с кузнецем послали две кожи яловечные, да с ними ж послали на шти подводах дуб ис Чюбарова. А письма от тебя г(о)с(у)д(а)ря к нам нет, что на здешних на кр(е)стьянских подводах дуб посылат(ь) к Москве, а сказал нам Селуян Матвеев, что буито ты, г(о)с(у)д(а)рь, изволил. А здеся лес сечь, что ты ука[за]л, и хлеб молотить некому. А х Тимофею Рязанову по твоему указу я холоп твои ездил и ему говорил, и он хател тотчас ехат(ь) к Москве. А люди твои, г(о)с(у)д(а)рь, Тимошка и Аброс(ь)ка к нам приехали, дал б(о)г, здоро[ва] и борзова кабеля привели, и я холоп твои Ивашке псарю отдал именно и велел беречь, что глаза. // И людеи твоих я холоп твои х тебе г(о)с(у)д(а)рю к Москве отпустил, тол(ь)ко ден(ь) отдохнули, да с ними ж послал я холоп твои ларец и к ларцу ключ да 2 бердыша . Да послал я холоп твои под сею грамоткаю росписи ужинные и умолотные ржи и еровому всякому хлебу. А белевских деловых людеи отпустили домои, тол(ь)ко по твоему указу дали им отдохнут(ь) один ден(ь), как хлеб ис Серпухова перевезли и по твоему указу послали на украину винохотца каурова да кареи конь, кон(ь) саврасаи , и отдал именно Гришке конюху, и приказал я холоп твои по твоему указу – велел ему, дорогою едучи, кормит(ь) и беречь, что глаза.

На л. 74 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю.

Белгородский ст., стб. 1100, лл. 74-74 об.

№ 73

1674 г. января ранее 6. – Грамотка приказчика Г. Щербачова, И. Фомина и И. Микитина из с. Спасское

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холопи твои Гришка Щербачов, Ивашко Фомин, Истратка Микитин челом бьют. По твоему, г(о)с(у)д(а)рь, указу ис Серпухова из Высоцкого м(о)н(а)стыря хлеб, рож(ь) и авес, перемерев

в Курилово перевезли и всыпали в житницы. Ржи, г(о)с(у)д(а)рь, смерели в орловскую меру в лукошко девяносто семь лукошек, а семое неполно, а по ка места неполно, и то замечено. А мерена рож(ь) в лукошко всхолмовото немного, розравнивали рукою против росписи, как в росписи написано. А в подчерневскую осмину смерели ржи пят(ь)десят восмь четвертеи с осминою под гребло. А в куриловскую осмину смерели ржи пят(ь)десят деветь четвертеи с осминою и с четвериком под гребло. Авса смерели в орловскую меру в лукошко девяносто три лукошка всхолмовото немного, розравнивали рукою. А в подчерневскую осмину смерели авса пят(ь)десят семь четвертеи с полуосминою под гребло. А в куриловскую осмину смерели авса пят(ь)десят восмь четвертеи с осминою и с четвериком под гребло. Да послали мы холопи твои х тебе г(о)с(у)д(а)рю к Москве с люд(ь)ми с твоими с Селуяном Матвѣевым с товарыщи орловскую меру лукошко, да подчерневскую осмину и куриловскую осмину, и полосмины и четверик и полчетверика, четыре хомута возовые, а ременных хомутов здеся ника[ки]х нет и не бывало, и у дворовых людеи по твоему указу в клетях обыскивали, и хомутов у них нет. Да с люд(ь)м[и] ж послали тринатцат(ь) возов сена из Мачехина , а сена осталось в Чюбарове и на пустошах триста капен, а в Курилове сена по се число и на пустошах 355 копен. Да с люд(ь)ми же послали к Москве две кожи яловечные. А х Тимофею Рязанову по твоему указу ездил и ему говорил, чтоб ехал к Москве, и он хотел ехат(ь) не мешков. А моск[о]вскую осмину с куриловскую осминою спускали, московская осмина в верх, а куриловская осмина пришла всхолмовото немного. А на мел(ь)нице целовал(ь)ника по твоему указу переменил и ящик ему отдал именно. Пожалуи, г(о)с(у)д(а)рь Андрѣи Ил(ь)ич, пришли соли, а здеся соли нет. Извол(ь), г(о)с(у)д(а)рь Андрѣи Ил(ь)ич, ка мне холопу своему отписат(ь), чем кормить в Чюбарове мелкую скатину: куры индеиские и гуси, и утки и свиньи. А которои есть хлеб, ячмен(ь) и авес, и я холоп твои скотине держа[ть] бес т[во]его указу не смею, а с Курилова без указу не дают же. А кормим мекиною, а посыпать нечем, а посыпки на ден(ь) изгодит по четверику. // А сена, г(о)с(у)д(а)рь, послали для того немного, что на Курилово надобна. Иван Фомин сказа[л], что у нево сена куриловского и до масленицы не будет.

На л. 82 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю.

Запись др. почерком: 182-г(о) году генворя в 6 де(нь) привес се грамотки и роспись Ивашка Нечаи .

Белгородский ст., стб. 1100, л. 82-82 об.

№ 81

1674 г. февраля ранее 2. – Грамотка приказчика И. Фомина и старосты Л. Екимова из с. Спасское

Г(о)с(у)д(а)рю Ондрѣю Ильгичю холоп твои Ивашка Фоми[н] да староста Левка Екимов челом бьют. В вотчиня, г(о)с(у)д(а)рь, твоеи в сель цѣ Куриловам на твоем боярском дворѣ, дал б(о)г, все здорова. Да послал к тебѣ г(о)с(у)д(а)рю Гришу Сергѣева з быком. Да писал ты, г(о)с(у) д(а)рь, Ларки спрашивать про берно , и Ларки здѣс(ь) нѣту, уѣхол на украи ну, и мнѣ спросить нѣкова. А шурин ево сказывает: мы ди бревен не важивал(и), и я шурина тут жа послал ево з быком к Москве. И х Тѣмофею я ѣздил, и Тимофѣи поѣхол к Москве, вели ево, г(о)с(у)д(а)рь, искать на Москвѣ. А что мельницу бола , г(о)с(у)д(а)рь, и хдѣ промыла, и мы мельницу по сстарому заслали навозам да соломою до верху и землею зосыполи. Да что ты, г(о)с(у)д(а)рь, писал лес ронить , и у мене лѣсу ронить нѣкому, крес(ь)яне всѣ в миру, априч(ь) трех человѣк марфинских , нѣт никово дома. А ко Истрату я, г(о) с(у) д(а)рь, посылал двожды. Истрат откозал, нѣт никово, сказывает, всѣ в миру. А володимерския у мене уѣхоли не сспрашиваючи Петрушка Дрялои да Нестерка да Ивашка Федоров. Были ль они у тебе, нѣт ли, г(о) с(у)д(а)рь, на дворѣ? А у мене уѣхоли. Я хвотился – на роботу, а их нѣту. А х Дмитрею Хорламовичю ѣздил, ево нѣт дома, вели ево, г(о) с(у)д(а)рь, поискать на Москвѣ. Априч(ь) ево, про сена о ценѣ спросить нѣ у кова, а сѣна, г(о)с(у)д(а)рь, черная , а сѣна четыря скирда. А за потчерневскими мужаками ве лиш(ь) смотрить, а они ходят по деревня[м], побираютца хлѣбам и сѣ нам, а ходя всѣ и поѣдут, насилу днем двожды съѣздеть: лошеди не идут. И я сам за ними хожю и дворовыя люди безпрестанна за ними ходят.

На л. 125 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Ондрѣю Ильгичю .

Запись др. почерком: 182-г(о) февр[ал]я в 2 де(нь) привез сю грамотку Гришка Сергеев.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 125–125 об.

№ 82

1674 г. февраля ранее 19. – Грамотка приказчика И. Фомина и старосты Л. Екимова из с. Спасское

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холоп твои Ивашко Фомин да старостишко Левка Екимов челом бьют. В дому, г(о)с(у)д(а)рь, в сел(ь)це Курилове , дал б(о)г, здарово. Да писал ты, г(о)с(у)д(а)рь, ко мне холопу своему, велел съездит(ь) к Дмитрею Харламовичю к Соиманову . И я по твоем(у), г(о)с(у)д(а)рь, приказу ездил, и Дмитрея Соиманова дома нет – на Москве. А о цене, г(о)с(у)д(а)рь, спросить не у ково. А сено, г(о)с(у)д(а)рь, приказано ему продават(ь), а продает 4 скирда, а скирды, г(о)с(у)д(а)рь, не

равны, в скирду возов пятнатцети, а в ыном и дватцет(ь), а сено, г(о)с(у)д(а)рь, чорное . А што ты, г(о)с(у)д(а)рь, про мел(ь)ницу писа[л], бутто я работников не даю, и кои час мел(ь)ницу попортило, и я тотчас всех и выбил и навозу без мел(ь)ник[а] навозил, и мы тотчас и зделали. Да писал ты, г(о)с(у)д(а)рь, ко мне холопу своему, велел с сеном сметит(ь)ся. И у меня, г(о)с(у)д(а)рь, теперь сена на балоте один скирд. А лошедеи на корму, г(о)с(у)д(а)рь, тапере без дву дватцеть. А соломы еровои, г(о)с(у)д(а)рь, нет, аржанои тол(ь)ко возов з десяток. А в Мачихине , г(о)с(у)д(а)рь, сена всево полтрет(ь)я ски[р]да, а старова, г(о)с(у)д(а)рь, сена нет. А белевския мужики лесу вывезли тол(ь)ко сто 24 бревна. Да писал ты, г(о)с(у)д(а)рь, про записки, что хлеб взят у Воронцова , а хлеба, г(о)с(у)д(а)рь, взято, сказывает Серешка, десет(ь) чети авса да пят(ь) асмин ечменю. А записки, г(о)с(у)д(а)рь, Серешка у себя не сказывает, – записка де была у Ивана Иль[и]на да у Ивана Га[ра]симова . А на мел(ь)нице, г(о)с(у)д(а)рь, таперво помалу нет. Изволиш(ь) ли, г(о)с(у)д(а)рь, ржи своеи чети десяток в закром смолот(ь)? Да пожалуи, г(о)с(у)д(а)рь Андрѣи Ил(ь)ич, пришли бумашки, а писат(ь), г(о)с(у)д(а)рь, нечем.
На л. 151 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю.
Записи др. почерком: 182-г(о) февраля в … де(нь) привез сю грамотку Дениско Игнат(ь)ев. Февраля в 19 де(нь) сказал Истрат Микитин : покинул де он Истрат бревно дубовое леднишное в Воронов[е] у кр(е)стьянина у Степана.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 151–151 об.

№ 84

1674 г. февраля. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты Х. Борисова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холоп твои Истратко Микитин да староста Харламко Барисов челом бьют. В дому твоем, г(о)с(у)д(а)рь, в сел(ь)це Чюбарове , дал б(о)г, здарова. Да писал ты, г(о)с(у)д(а)рь, про бревна про погребныя. И ане, г(о)с(у)д(а)рь, где секли, тут и пакинули. А сказал Хлапок, что где погреб рубили, тут 2 бревна и пакинули, а на дароге, г(о)с(у)д(а)рь, одно бревно пакинули Андрюшка Пан, а пакинул на Сосенском поле , и то берно взял староста кан(ь)ковскои. Да писал ты, г(о)с(у)д(а)рь, про капусту, и мне, г(о)с(у)д(а)рь, капусты прислать не с кем: кр(е)стьяня все в миру. Да писал ты, г(о)с(у)д(а)рь, про сено, что с сеном сметиться. И сена, г(о)с(у)д(а)рь, тапер(ь) в Мачихине полтрет(ь)я скирда, а в Чюбарове, г(о)с(у)д(а)рь, сена нет, а что было у Миколы на Скопенке сена, и то, г(о)с(у)д(а)рь, сено потравил все. А из Мачихина, г(о)с(у)д(а)рь, адну я всял десеть возов, а Иван Фомин взял сена 20 возов. Да писал ты, г(о)с(у)д(а)рь, про бревна про дубовыя, что много л(ь) их высечено. И всево, г(о)с(у)д(а)рь, высечено семьдесят, а в Кан(ь)ково , г(о)с(у)д(а)рь, отвезено дватцет(ь) 4 бревна, а в лесу, г(о)с(у)д(а)рь, тех же бревен, сорок шесть бревен. Да две, г(о)с(у)д(а)рь, лошеди пали: рыжая кабыла гармановская да кабыла голубая . Да принял я у Семена 3 кожи, и ты, г(о)с(у)д(а)рь, куды те кожи изволишь деват(ь), изволиш(ь) ли на украину послат(ь)?
На л. 152 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю.
Запись др. почерком: 182-г(о) февраля в … де(нь) привез сю грамотку Дениско Игнат(ь)ев.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 152–152 об.

№ 87

1674 г. марта ранее 8. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты Х. Борисова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ильичю халоп твои Истратко Микитин да старостишко Харлашко Борисов челом бьют. В дому твоем, г(о)с(у) д(а)рь, в селе Чюбарове , дал б(о)г, все здарово. По твоему, г(о)с(у) д(а)рь, указу в Боровск к воеводе з г(о)с(у)д(а)р(е)вою грамотою ездил и г(о)с(у)д(а)р(е)ву грамоту воеводе поднес. И по тои г(о)с(у)д(а)р(е)вои грамоте воевода в приказе привод кр(е)стьянина твоево д(е)р(е)вни Митинои Левки Тимофеева в записных книгах искал два дни и приводу кр(е)стьянина твоево и в записных приводных книгах и в росписных книгах, как расписывалися воеводы , не сыскал, и о том дал мне халопу твоему великому г(о)с(у)д(а)рю отписку. И я халоп твои тое отписку послал к тебѣ г(о)с(у)д(а)рю к Москве с кр(е)стьянином д(е)р(е)вни Папинои с Ывашкои Павловым. Да извол(ь), г(о)с(у)д(а)рь Андрѣи Ильич, ко мне халопу своему отписат(ь) про месечину, что месечину да[ть]. А строк, г(о)с(у)д(а)рь, прашол десеть недел(ь), и я тебя г(о)с(у)д(а)ря докладвал, и ты, г(о)с(у)д(а)рь, до указу месечины диват(ь) не велел. А ржи, г(о)с(у)д(а)рь, у меня немного, со всех не будет. А у Ивана Фомина про рож(ь) спрашивал, и он Иван Фомин мне сказал: у меня де боярскова указу нет, что ржи дават(ь). // Пожалуи, г(о)с(у)д(а)рь Андрѣи Ильич, пришли к нам льну на сети, а которые сети есть, и те худы, на лето ловит(ь) рыбу нел(ь)зя, а тебе г(о)с(у)д(а)рю будет на мне холопе своем рыбы спрашиват(ь).
На л. 196 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ильичю.
Запись др. почерком: 182-г(о) году марта в 8 де(нь) принес сю грамотку из Чюбарова Ивашко Павлов.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 196–196 об.

№ 90

1674 г. апреля. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты Х. Борисова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холоп твои Истратка Микитин да старостишка Харлашка

Борисов челом бьют. Да послал я холоп твои х тѣбѣ г(о)с(у)д(а)рю сто яиц да кувшин сметаны да сыр. Да писано ко мне холопу в(а)шему собрат(ь90) творогу. И я холоп в(а)ш творогу ни у ково не нашел ни единова ковшика, насилу и сыр собрали. Да указал ты, г(о)с(у)д(а)рь, трицат(ь) вѣршеи сплесть на Курилова . И вѣрши, г(о)с(у)д(а)рь, плести некому потому же, что розбрелися крес(ь)яня все в мир для роди хлѣба, помирают голодною смертию. Да в твоеи, г(о)с(у)д(а)ревои животинѣ волею б(о)жиею три овцы умерли анѣ з голоду, да гус(ь) да бычек летошнои, и в молодых, г(о)с(у)д(а)рь, ягнятах урон есть же. А корму, г(о)с(у)д(а)рь, сена и соломы willстановитца мала. Да нѣ велел ты, г(о)с(у)д(а)рь, в росход пускат(ь) овса. И укажи, г(о)с(у)д(а)рь, чем прокормит(ь) мелкую скотину: гуси и утки и куры. А послан тот скот с Ылюшкиным малым Поткоповым. Да что (с) стрелецким хлебом отвезли мешки, и ты, г(о)с(у)д(а)рь, вели те мешки прислат(ь).

На л. 234 об.: … Г(о)с(у)д(а)рю Андрею Ил(ь)ичю.

Запись др. почерком: 182-го году апреля в На Вологде воевода Федор Александров с(ы)н Тышкевич.

Запись А.И. Безобразова: Папарт(ь) черная утапит(ь) с козьим малаком от чернои казы, подлажит(ь) патаки, держат(ь) взаперти в темном месте двенатцат(ь) сутак.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 234–234 об.

№ 93

1674 г. мая ранее 8. – Грамотка приказчика И. Никитина из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холоп твои Истратка Микитин челом бьет. Здеся, г(о)с(у)д(а)рь, в вотчинѣ твоеи в селе Чюбаровѣ , дал б(о)г, все здорова. Да прислал ты, г(о)с(у)д(а)рь, пят(ь) лошадеи украинских пашенных да шестую кобылу кон(ь)ковскую, что в Кон(ь) ковѣ зимовала, а взяли тое кобылу з жеребенком и жеребенка покинули на дороге, а кобылу привели вся отерта. Да привезли луку четверик неполон да чесноку привѣзли двести дватцет(ь) чесноковиц, а у иных г(о)с(у)д(а)рь крес(ь)ян нет сашников и полиц , а зделат(ь) нечем, а кузнѣцы на Куриловѣ даром не дают. Да преже сего тебѣ г(о)с(у) д(а) рю я холоп твои докладывал об олняном семени, а н(ы)нѣча, г(о)с(у) д(а)рь, у нас семени олнянова [нет], да нѣту г(о)с(у)д(а)рь у нас росады , ни моркови, ни огурешных семен. Да привезли с Москвы л(ь)ну на сети мнѣ холопу твоему дватцет(ь) пят(ь) гривѣнок.

На л. 305 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю.

Записи др. почерком: 182-г(о) маия в 8 де(нь) принес сю грамотку Тимошка да Сысоика.

182-г(о) году мая в 16 де(нь) скал Иван Ларивонов деревни не кажел .

Белгородский ст., стб. 1100, л. 305–305 об.

№ 96

1674 г. мая ранее 23. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты Х. Борисова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холоп твои Истратка Микитин да староста Харлашка Борисов челом бьют. Здеся, г(о)с(у)д(а)рь, в вотчинѣ твоеи в селѣ Чюбаровѣ , дал б(о)г, все здорова. Да послал я х тебѣ, г(о)с(у)д(а)рь, рыбы 30 четыря рыбины, а рыба послана в кринкѣ. Да что, г(о)с(у)д(а)рь, у погреба огороды, и приказнои ч(е)л(о)в(е)к Федора Ил(ь)ича Симан Овдеев тово своево огорода выкинул в околицу с сажен(ь) на ширину поперек, а х твоему г(о)с(у)д(а)р(е)ву огороду на твою землю подвинулся и межу испортил. А я ему говорил, и он меня не послушал, а мужикам велел пахат(ь), – знаи де паши, не слушаи. А мел(ь)нику, г(о)с(у)д(а)рь, сдес(ь), но пашни не делил, и как мел(ь)ник пашню попахал и поскородил , и он н(ы)нѣча пашню поделил, а я тово не вѣдаю. А меня холопа твоег(о) звал, и я бес твоево г(о)с(у)д(а)р(е)ва указу делит(ь) не смею. Да у Ондрюшки Пана отнимают полосмухи, а указывают на Микол(ь)скую землю , – у вас де многа земли и так у Миколы. А он Ондрюшка достался со всею землею. А у них, г(о)с(у) д(а)рь, под солодем три осмухи в усад(ь)бѣ. И мне холопу твоему от тѣбя г(о)с(у)д(а)ря указу нет, и я се не делю у них. А сеет(ь), г(о)с(у) д(а)рь, мы почали на Микол(ь)скои пустоши. Да что был у Ондрюхи Пана с(ы)н дурак, а и он ходил за раками по рекѣ и по грехом утонул, и священник боярина Петра Михаиловича Салтыкова ево погреб, а в похороннои даны ему поруки, – и в том, что ты, г(о)с(у)д(а)рь, укажеш(ь). Да он же Симана посеел // у мел(ь)ника огород вес(ь) коноплями в н(ы)нѣшнои четверг, не оставил и на капусту. А меня, г(о)с(у)д(а)рь, в то число дома не было, был на пустоши у крест(ь)ан. А наговаривают, г(о)с(у)д(а)рь, ево Соловеи на землю с сыном да Лазутка да Кандрашка Софонов .

На л. 267 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрею Ил(ь)ичю.

Запись др. почерком: 182-г(о) маия в 23 де(нь) привез сю грамотку Иван Ильин .

Белгородский ст., стб. 1100, л. 267–267 об.

№ 99

1674 г. мая. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты Х. Борисова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрею Ил(ь)ичю холоп твои Истратка Микитин да староста Харлашка Борисов челом бьют. Да здеся, г(о)с(у)д(а)рь, в вотчинѣ твоеи в селѣ Чюбаровѣ , дал б(о)г, все здорова. Да что, г(о)с(у) д(а)рь, Андрѣи Ил(ь)ич, пригнали твое боярские лошеди с Москвы, и тѣ, г(о)с(у)д(а)рь, лошеди худы и нѣкормлены и в сохе не ходят, а тѣбѣ г(о)с(у)д(а)рю на мне холопе своему роботы

спрашиват(ь), а крес(ь)янские лошеди тако ж не бродят. И в том что ты г(о)с(у)д(а)рь укажеш(ь), а мне холопу твоему от тѣбя г(о)с(у)д(а)ря в том в кручинѣ не быт(ь). Да что, г(о)с(у)д(а)рь, повезли к Москве стрелецкои хлеб , а отвез Давытка Дорофеев , и ты извол(ь), г(о)с(у)д(а)рь, те мешки прислат(ь).
На л. 308 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 308–308 об.

№ 100

1674 г. июня ранее 10. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты Х. Борисова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю халоп твои Истратко Микитин да староста Харламко Борисов челом бьют. В вотчене твоеи в селѣ Чюбарове все, дал б(о)г, здарова. Отпустили к тебѣ г(о)с(у)д(а)рю кр(е)стьянина Юшку Чюрина для дакладу о семенах, об [о]всяных, что в Чюбарове на сѣмена не стал[о], вес(ь) посѣян. А писал ты, г(о)с(у) д(а)рь, к нам преж(ь) сего: чего семен не стенет, и вам бы вз[ять] на Курылове . И я по твоему, г(о)с(у)д(а)рь, указу на Курылово к Ивану Фомину ѣздил для семен, а Иван мнѣ не дал, а ска[зал]: у меня де на Курылове пашни на [посев] много, тол(ь)ко де осѣменит(ь) в куры лов с[кую] пашню. А ечмен(ь), г(о)с(у)д(а)рь, сѣем, а … неким, людеи немного. Кр(е)стеяна всѣ в миру бродят, кормятца. Да послал к тебѣ г(о)с(у)д(а)рю с ним же Чюренком берестен(ь) рыбы. А дваровые люди, г(о)с(у)д(а)рь, мѣсечины просят, а нам дат(ь) нѣчево, хотят брести в мир. Пажалуи, г(о)с(у)д(а)рь, извол(ь) прислат(ь) отпис(ь) стрелецком[у] платежному хлѣбу н(ы)нѣшнему 182-му году. А у нас беспрестанно приѣсжают пушкари и спрашивают отписеи для книжнои справки .
На л. 278 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю.
Записи разными почерками: 182-г(о) году июня в 10 де(нь) принес сю грамотку Юшка Чюренок . Июня в 26 де(нь) послано в Кон(ь)ково 24 лошеди. Оставит(ь) в Кон(ь)кове лошедеи буланопегую, игренею родивоновскую , да каряпегую , да скороглазую .

Белгородский ст., стб. 1100, л. 278–278 об.

№ 101

1674 г. июня 19–22. – Роспись месячины, розданной дворовым людям в боровской вотчине.

182-г(о) июня в 19 де(нь) Ивану Фомину дано полпуда соли, четверик сухареи, четверик муки оржанои люцкои , четверик муки оржанои ситнои . Матюшке дано полпуда соли, полтора четверика сухареи, полтора четверика муки оржанои люцкои, полтора четверика муки оржанои ситнои. Гришке дано полпуда соли, полтора четверика сухареи, полтора четверика муки оржанои люцкои, полтора четверика муки оржанои ситнои. // Аношке дано полпуда соли, четверик сухареи, четверик муки оржанои люцкои, четверик муки оржанои ситнои, Рамашке дано полпуда соли, полтора четверика сухареи, полтора четверика муки оржанои люцкои, полтора четверика муки оржанои ситнои. Андрюшке дано четверик сухареи, четверик муки оржанои люцкои, четверик муки оржанои ситнои да полпуда соли. Ивашке дано полтора четверика сухареи, полтора четверика муки оржанои люцкои, полтора четверика муки оржанои ситнои да полпуда соли. Медведю дано четверик сухареи, четверик муки оржанои люцкои, четверик муки оржанои ситнои да полпуда соли. Вдове Григор(ь)евскои жене дано 10 гривенок соли, полчетверика сухареи, полчетверика муки оржанои люцкои, полчетверика муки оржанои ситнои. Кирюшкинскои жене дано 10 гривенок соли, полчетверика сухареи, полчетверика муки оржанои люцкои, полчетверика муки оржанои ситнои. Серешке дано 10 гривенок соли, четверик сухареи, четверик муки оржанои люцкои, четверик муки оржанои ситнои. Гришке дано 10 гривенок соли, полтора четверика сухареи, полтора четверика муки оржанои люцкои, // полтора четверика муки оржанои ситнои. Гуще дано 10 гривенок соли, четверик сухареи, четверик муки оржанои люцкои, четверик муки оржанои ситнои. Нечаю дано 10 гриенок соли, четверик сухареи, четверик муки оржанои ситнои, четверик муки оржанои люцкои. Пантюшке дано 10 гривенок соли, полтора четверика сухареи, полтора четверика муки оржанои люцкои, полтора четверика муки оржанои ситнои. Сергеевскои жене дано 10 гривенок соли, полтора четверика сухареи, полтора четверика муки оржанои люцкои, полтора четверика муки оржанои ситнои. Степке поляку дано 10 гривенок соли. Евсютке поляку дано 10 гривенок соли. Калинке поляку дано 10 гривенок соли. Илюшке поляку дано 10 гривенок соли. // В Чюбарово дано пуд соли. 182-г(о) году июня в 22 де(нь) дано чюбаровским дворовым людем месечина на месяц. Истратку Микитину дано четверик сухареи, четверик муки оржанои. Гришке Валееву дано полтрет(ь)я четверика муки оржанои, сухареи тож. Ивашке Бабкину – полтрет(ь)я четверика муки оржанои, сухареи тож. Фил(ь)ке дано полосмины муки оржанои, полосмины сухареи. Вдове Валеевскои жене дано четверик сухареи, четверик муки оржанои. Июня в 22 де(нь) взято с чюбаровских з деловых людеи масла коров(ь)я. С Фил(ь)ки взято 14 гривенок и с черепом. Со кр(е)стьян взято 30 гривенок и с черепом. Да ведано соли полпуда . // С чюбаровских кр(е)стьян взято сукно бѣлое сермяжное прошлого году, а мерою в нем , да с них же взято посконного холста с осмухи по 2 аршина. И всего 18 аршин. Да н(ы)нешнего году 182-г(о) взято с них же сукно бѣлое сермяжное, а мерою в нем . // 182-г(о) году июня в … де(нь). Роспис(ь), что посеено в Курилове всякого ерового хлеба

на боярина. Пшеницы посеено куриловскои 8 чети, да бѣлевскои пшеницы посеено чети. Ечменю посеено 13 чети. Полбы посеено 3 чети. Ярицы посеено 3 чети с полуосминою. Гороху посеено 2 чети. // Конопел(ь) посеено чети. Семени алленого посеено три полуосмины. Проса посеено четверик. Авса посеено куриловского 25 чети, да бѣлевского авса посеено 49 чети. Дворовым людем дано на семена всякого ерового хлеба. Серешке Сергееву дано авса три полуосмины. Гришке Сергееву дано авса три полуосмины, Фет(ь)ке Гуще дано авса три полуосми // ны. Ивашке Нечаю дано авса три полуосмины. Аношке Сергееву дано авса три полуосмины. Матюшке конюху дано авса осмина, три четверика ечменю. Рамашке конюху дано осмина авса. Фет(ь)ке Медведю дано осмина авса, авес давал бѣлевскои. Да кр(е)стьяном дано на семена всякого ерового хлеба троецким . Трошке дано осмина авса, полосмины // гречи. Нестерке Куз(ь)мину да Ос(ь)ке дано три осмины авса, полосмины ечменю, полосмины гричи. Кирюшке Федорову дано три осмины овса, полосмины ечменю. Петрушке Федорову дано чети авса куриловского. Вас(ь)ке Артемьеву дано чети авса куриловского, полосмины гречи, полосмины ечменю, четверик ярицы. Ларке Михаилову дано три осмины авса, четверть с полуосминою куриловского, полосмины белевского, полосмины ечменю, полосмины гречи, авес даван бѣлевскои. Евсютке поляку дано три осмины авса куриловского, осмина ечменю, четверик ярицы. Калинке поляку дано три осмины авса куриловского, осмина ечменю, четверик ярицы. Степке поляку дано три осмины авса куриловского, осмина ечменю, полосмины гречи. Илюшке поляку дано три осмины авса куриловского, осмина ечменю, полтора четверика гречи. Федору Казакову дано взаем осмина авса, полосмины ечменю, четверик гречи. Сергею Казакову дано взаем осмина авса, полосмины ечменю, четверик гречи. // Любиму Зенбулатову дано взаем осмина авса, полосмины ечменю, полосмины гречи. Степану Копаневу дано взаем осмина авса, полосмины ечменю, четверик гречи, даван куриловскои авес. // Дениске дано четверть авса, осмина ечменю, четверик гречи. Фет(ь)ке кузнецу дано чети авса, осмина ечменю, четверик гречи. Еремке кузнецу дано чети авса, осмина ечменю, полосмины гречи. Пашке дано чети авса, осмина ечменю. // Марфинским: Давытке дано осмина авса, осмина ечменю. Вдове Бурдыкинскои дано осмина авса, полосмины ечменю. Микитке Васил(ь)еву дано полосмины гречи. Ивашке Маркатову дано четверик гречи. Сорокоумовскои жене дано осмина авса, полосмины ечменю. Роспис(ь), что посеено в селе Чюбарове на боярина всякого ерового хлеба. Пшеницы посеено 5 чети с полуосминою чюбаровскои. // Ечменю посеено 12 чети. Ярицы посеено чети. Авса посеено 23 чети чюбаровского, да что взято у Федора Ильича 5 чети, и тот авес посеен. И всего посеено 28 чети. Конопел(ь) посеено чети. Гороху посеено чети. Семени алленова посеено полосмины куриловского. Гречи посеено 3 чети. Кр(е)стьяном дано на семена всякого ерового хлеба. Харлашке дано осмина авса. Антипке Борисову дано чети ечменю, асмина авса. Илюшке Чюре дано три полуосмины ечменю, осмина авса. // Павлу Федорову дано 7 четвериков ечменю, осмина авса. Ивашке Павлову дано 7 четвериков ечменю, осмина авса. Ивашке Федорову дано 6 четвериков ечменю, осмина авса. Сидору Климову дано осмина ечменю, осмина ав[с]а. Илюшке Подкопову дано четверть ечменю, осмина авса. Андрюшке поляку дано чети авса, чети // ечменю. Дворовым людем дано всякого ерового хлеба. Ивашке Бабкину дано полосмины ечменю. Фил(ь)ке дано полосмины ечменю. Гришке дано полосмины ечменю.

Белгородский ст., стб. 1100, лл. 282–296 (листы перебиты).

№ 103

1674 г. августа не ранее 16. – Грамотка приказчиков И. Ильина, И. Фомина и старосты И. Маркатова из с. Спасское

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холопи твои Ивашко Ил(ь)ин, Ивашко Фомин да старостишко Ивашко Маркатов челом бьют. Здеся, г(о)с(у)д(а)рь, в д(е)р(е)вне Курилове и в д(е)р(е)внях все, дал б(о)г, здорово. И(с) Серпухова запас по твоему указу привезли вес(ь) на Курилово: ржи принето в куриловскую меру сорок семь четвертеи под гребло, а в струговую меру смерено тритцат(ь) шесть четвертеи; муки оржанои принел пят(ь) кулеи, а смерено муки семь четвертеи с осминою в верх; солоду оржанова принел два куля, а смерено солоду две четверти с осминою в верх; яшнова солоду принел два куля, а смерено солоду три четверти, две четверти в верх, а четверть вровно; сухареи принел два куля, а смерено сухареи две четверти в верх. А ездели, г(о)с(у)д(а)рь, по запас в Серпухов Истрат Микитин да Иван Фомин. И по твоему, г(о)с(у)д(а)рь, указу дано в Чюбарово на семена Истрату Никитину струговои ржи тритцат(ь) четвертеи, да на Степанове броду посеено струговои же ржи деветь четвертеи с полуосминою. Да в Курилове, г(о)с(у)д(а)рь, рож(ь) всее пожали, а ужато ржи в Курилове сто дватцат(ь) восмь копен, да за Татарским ужато ржи четыре копны два хресца; и всее ржи ужато на Курилове и за Татарским сто тритцат(ь) две копны два хресца, а та рож(ь) вся с поля свезена и складена в гумне. И молотим тое рож(ь) мы холопи твои на семена. И по первому замолоту рож(ь) не приходит, как при тебе, г(о)с(у)д(а)рь, молотили на замолот пят(ь) копен, а вымолочено пят(ь) осмин, вдругорят

обмолочено пят(ь) копен от пруда, а вымолочено три четверти бес полуосмины, в третие обмолочено пят(ь) копен с сечи от бору, а вымолочено две четверти с полуосминою. А Юр(ь)я Степанов и Куз(ь)ма Хомутов и мел(ь)ник августа в 14 де(нь) приехали, дал б(о)г, здорово и жерновы привезли. И мы холопи твои по твоему указу Амел(ь)ку и Будана к Москве отпустили // августа в 16 де(нь). А в Курилове, г(о)с(у)д(а)рь, с сево числа почели сееть от двора мякоть. А по мужика, г(о)с(у)д(а)рь, ездили, что Семена Стрюкова, и мужик к нам приезжал на Курилово и от нево, г(о)с(у)д(а)рь, пособи нет ничево. Мерин кошевои воронои белоногои занемог, а скорбь еи такая же, что и темносерому коню, козлу, и тот мерин умер. Да послали мы холопи твои в Амел(ь)кою и з Буданом х тебе г(о)с(у)д(а)рю коня мухортова , и тот кон(ь) храмлет. Да приходят к нам холопям твоим троецкие кр(е)стьяня и бьют челом на семена ржи, и мы холопи твои бес твоево указу дават(ь) не смеем. Да пожалуи, г(о)с(у)д(а)рь, извол(ь) нам холопем своим указат(ь), чем нам быт(ь) сытым против своеи брат(ь)и. А коровы твоеи боярскои нет, и мел(ь)ника кормить нечем.
На л. 268 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 268–268 об.

№ 106

1674 г. – Грамотка приказчика И. Никитина и старосты Х. Борисова из с. Чубарово

Г(о)с(у)д(а)рю Андрѣю Ил(ь)ичю холоп твои Истратко Микитин д[а старо]стишко Харлашка Борисов . В дому твоем г(о)с(у)д(а)рь в се[льце Чюба]рове все, дал б(о)г, здарово. Да послал я холоп твои рыбы всякои бол(ь)шеи и мелкои да кувшин сметаны да с крестьян сыр, а другои сыр с аброшнои каровы, что у … Валеева .
На л. 348 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Андрею Ильичю.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 349–348 об.

№ 236 [II Часть]

1670 г. января 12. – Грамотка приказчика М. Дмитриеева из д. Тельчья

Г(о)с(у)д(а)рю Ил(ь)е Аврамьевичю холоп твои Марчка Дмитреев челом бьет. Здеся, г(о)с(у)д(а)рь, в вотчине вашеи в д(е) р(е)в не Тел(ь)чеи з д(е)р(е)внями и в уткине люди и кр(е)стьяне и лошади генворя по 12 де(нь) все, дал б(о)г, здарова. Да писал ты, г(о) с(у) д(а)рь, ко мне холопу своему, велел учинит(ь) приказному Денису Федорову наказан(ь)я; и он Денис, выслушав твою г(о)с(у)д(а)р скою грамоту, не даждався меня холопа твоево, переш(ь) кр(е)стьянского обозу з двора уехал. А староста и выборные сказали, что поехал де наперед вуткина на Богоевлен(ь)ев ден(ь) . А з запасом, г(о)с(у)д(а)рь, выслали с Тел(ь)чеи Ивана Фомина со кр(е)стьяны на другои ден(ь) Богоевлен(ь)ева дни. Да ты ж, г(о)с(у)д(а)рь, писал ко мне холопу своему, велел у прикащика у Дениса Федорова взят(ь) г(о)с(у)д(а)ревы всякие платежныя отписи и грамоты и всякие пис(ь)ма. И платежныя, г(о)с(у)д(а)рь, отписи у старост, а платежных, г(о)с(у)д(а)рь, всяких отписеи розных годов дватцат(ь) девет(ь) отписеи, и те, г(о)с(у)д(а)рь, платежныя отписи перечетчи, я холоп твои отдал опят(ь) старостам. А грамот, г(о)с(у)д(а)рь, взял я холоп твои у Денисоваи жены пят(ь)десят одну грамоту, и те грамоты отдал старосте Мартину Озарову. Да у нее ж взял чатыря челобитных кр(е)стьянских подписных , и те челобитные отдал старосте ж. А Денисова жана сказала, что бол(ь)ши де тово никаких писем нет ни крепостеи; а крепости де, выписи с писцовых и с переписных кн(и)г и всякие пис(ь)ма взял с собою, как поехал к Москве. А сол(ь) я холоп твои по твоему // [у]казу у старосты перевесил всю, а вывесил соли тои, [ч]то в прошлом году привез Истрат Микитин , дватцат(ь) пуд, да расхожеи г(о)с(у)д(а)рь, соли, что преж(ь) тово привез Семен Фомин, тои соли три пуда. А что, г(о)с(у)д(а)рь, у дѣловых людеи вашеи животины на Тел(ь)чеи и в уткине и что у прикащика у Дениса Федорова хлеба и животины и плат(ь)я и что у дѣловых людеи своеи собинннои животины, и тому я холоп твои всему послал к тебе г(о)с(у)д(а)рю росписи с Куз(ь)мою Яковлевым . Да сказывал мне холопу твоему староста Мартин Озаров, что де [кра]ли твои боярские житницы по два поима рожь и овес; а пошол де след на Тел(ь)чею, а х кому де к варатам, тово де, г(о)с(у)д(а)рь, не знать. А замков, г(о)с(у)д(а)рь, у ваших житниц нет не одново. А сена, г(о)с(у)д(а)рь, на Тел(ь)чеи тол(ь)ко полтрет(ь)я амета, а на поли нет ничаво. А хлеба, г(о)с(у)д(а)рь, на Тел(ь)чеи немолоченова полтара скирда, да одон(ь)я ржи, да скирд пшеницы, да скирд гречихи, да одон(ь)я ечменю, да три скирда овса, четвертои почет молатить на невеику лошадем. А скол(ь)ко в тех скирдах копен и по чаму замолот , и я тово холоп твои не ведаю. А во Мценску подвор(ь)я я холоп твои осматривал; и внутри городе на подвор(ь)е дворника нет, изба завалилась и двор вес(ь) обожжен и клети кровли огнили и вород на дворе нет и двер(ь) у клети выломлена, и на посаде другои двор изгорода вся обвалилас(ь), изгороды нет.
На л. 159 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Ил(ь)е Аврамьевичю.
Запись др. почерком: 178-г(о) году генворя в 21 де(нь) привез сю грамотку Куз(ь)ка Хомутов .

Преображенский пр., стб. 1(101), л. 159–159 об.

№ 238

1670 г. января 12. – Грамотка старосты М. Азарова и выборных крестьян из д. Тельчья

Г(о)с(у)д(а)рю Ил(ь)е Аврамьевичю сироты твои старостишка Мартинка Озаров да

выборные кр(е)стьяишка Стен(ь)ка Раманов да Микифорка Фролов да Карпун(ь)ка Онтонов да Фомка Артем(ь)ев с товарищи челом бьют. Здеся, г(о)с(у)д(а)рь, в вотчине вашеи в д(е)р(е)вне Тел(ь)чеи з д(е)р(е)внями генворя по 12 де(нь), дал б(о)г, здарова. Да писал ты, г(о)с(у)д(а)рь, х приказному к Марке Дмитрееву, велел у прикащика у Дениса Федорова хлеб и животы описат(ь), и соль на Тел(ь)чеи велел перевесит(ь), и у дворовых людеи животину велел ты, г(о)с(у)д(а)рь, свою животину переписат(ь) и их собинною животину укозал переписат(ь). И по твоему г(о)с(у)д(а)рскому указу Марка Дмитреев все переписал и сол(ь) перевесил. А соли вывесил, что в прошлом году привез Истрат Микитин , дватцат(ь) пуд, да расхожеи соли вывесил, что привез преж(ь) сево СеменФомин , и тои соли три пуда. А что, г(о)с(у)д(а)рь, аписал Марка у прикащика у Дениса хлеба и животов и плат(ь)я, и тому всему послал Марка к тебе г(о)с(у)д(а)рь росписи. Да по твоему г(о)с(у)д(а)рскому указу приказнои и старосты на нас сирот правет хмелю; и нам сиротам хмелю взят(ь) негде, хмел(ь) у нас сирот не радился. А как, г(о)с(у)д(а)рь, преж(ь) сево хмел(ь) у нас радился, и мы, г(о)с(у)д(а)рь, хмел(ь) на тебя г(о)с(у)д(а)рья плачивали, и о том к тебе г(о)с(у)д(а)рю написывал[и]. А в городех, г(о)с(у)д(а)рь, хмел(ь) дорах, а купит(ь) нам сиротам не на шта. Да здеся, г(о)с(у)д(а)рь, крали ваши житницу рож(ь) с после Николина дни с пятницы // на суботу декабря з десятова числа на первое на десят(ь) число; и след г(о)с(у)д(а)рь, пошол на Тел(ь)чею. А староста пошол тово утра до света для повестки на Тулки да в Брагину ; а как рассвело, и след осмотрели, и след пошол на Тел(ь)чею; а по утру погнали, г(о)с(у)д(а)рь, ваших лошадеи поить, и тот след лошади затаптали; и х кому, г(о)с(у)д(а)рь, тот след пришол, тово не знат(ь). А Дениса Федорова к тебе г(о)с(у)д(а)рю отпустили с Тел(ь)чеи генворя в 6 де(нь). А с Тел(ь)чеи, г(о)с(у)д(а)рь, послали шесть сукон: уОрхипка Обросимова сукно, у Ефимка Наиденова сукно, у Сен(ь)ки Савина сукно, у Род(ь)ки Соболева сукно, у Илюшки Сурина сукно, у Фед(ь)ки Бачарова сукно. Да из уткина , г(о)с(у)д(а)рь, три сукна. Да извол(ь), г(о)с(у)д(а)рь Ил(ь)я Аврамьевич, прислат(ь) замков к житницам и к анбарам. Да извол(ь), г(о)с(у)д(а)рь, прислат(ь) бумаги, а здеся, г(о)с(у)д(а)рь, бумага дорога, десть купет в гривну.

На л. 236 об.: Г(о)с(у)д(а)рю Ил(ь)е Аврамьевичю.

Запись др. почерком: 178-г(о) году генворя в 21 де(нь) привез сю грамотку Куз(ь)ма Хомутов .

Преображенский пр., стб. 1(101), л. 236–236 об.

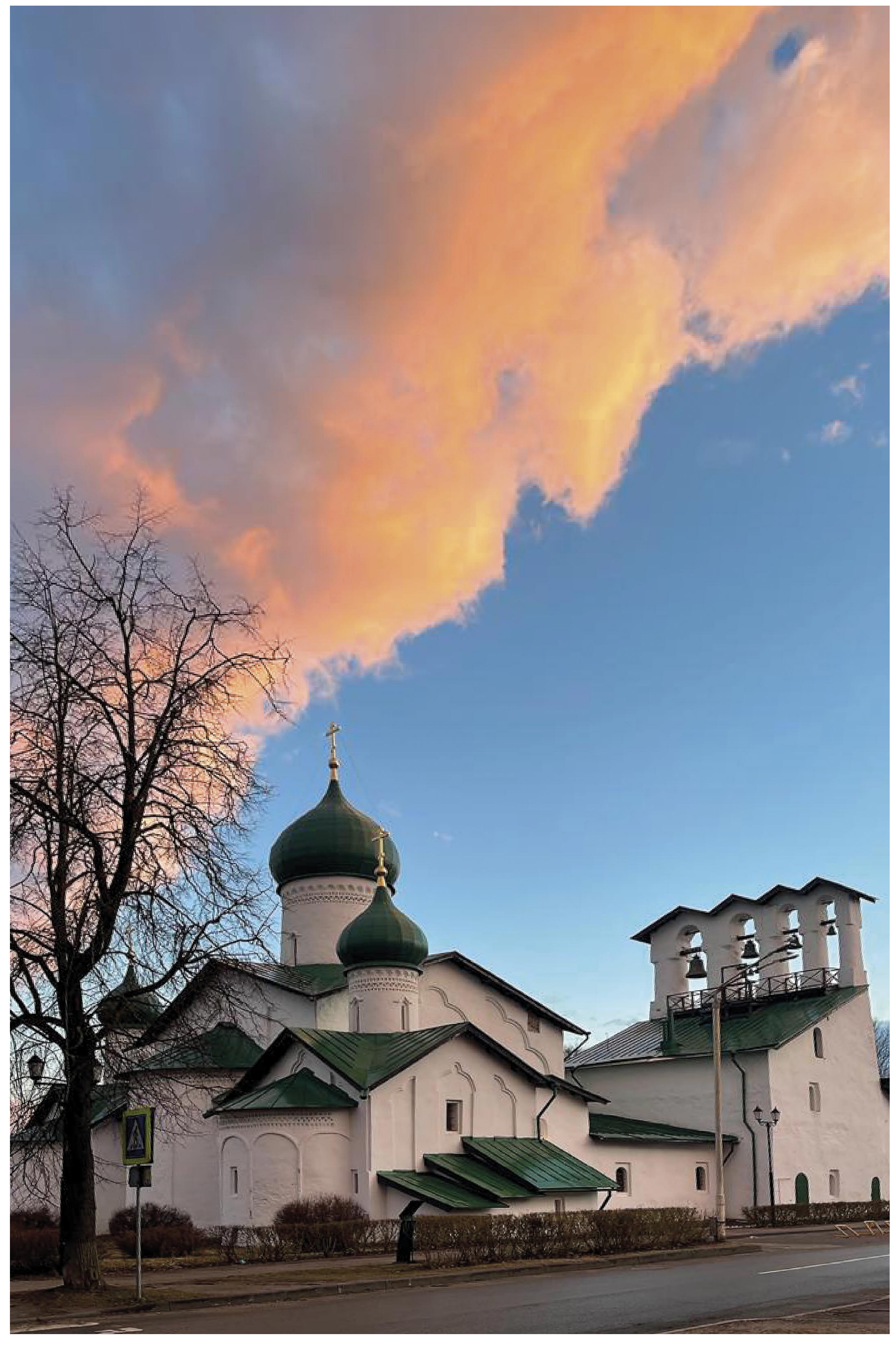
№ 271

1672 г. апреля 5 – 1673 г. февраля 13. – Записи о сборе мельничных денег в украинских деревнях

180-г(о) году апрѣля в 4 де(нь), вынел прикащик Радивон Васильев денег 14 рублев, а вынимал при Марке Дмитреву. Того ж году июня в 1 д(ень) вынели Марка да Родивон из ящика денег три рубли 5 ал(тын). И на тѣ пят(ь) алтын куплено укладу и сала. Того ж году июня в 14 де(нь) вынел Марка прикащик из ящика на мел(ь)ницы 4 рубли при болховитине при Васил(ь)ю Григор(ь)еву, при Иване Петинѣ, при Ефимке Порфен(ь)еве. Того ж году августа в 4 д(ень) вынел Марка денег с Алистратом Никитиным да старостом с Павлам Рама[но]вым 4 рубли 4 гривны. 181-г(о) году наября в 8 де(нь) вынел Родивон да Марка на мел(ь)ницы из ящикав мел(ь)ников с рублем десет(ь) рублев пр[и] Иване Петинѣ, да при Истрату Микитину, да при Степане Мортокове. Пропись. Того ж году июля в 21 де(нь) вынел Марка прикащик из ящика денег в мельников два рубли 20 ал(тын) с гривною при Па[в]ле Раманове. Того ж году вынели денег из ящика Родивон да староста Павел 4 рубли пр(и) Иване Ильинѣ , при [Али]ст[р]ату Никитину. 181-г(о) году февроля в 13 де(нь) вынел Марка денег из ящика да Радивон восмь рублев при Иване Петинѣ, при Мотвѣю конюху. В том же зборе, апричи тѣх, кото // рыя выша сего писаны, полдевята рублев. Соброна полтара рубля, и на тѣ ден(ь)ги куплено на полтара рубля на пят(ь) алтын бочка дегтю, желѣза и укладу, и сала.

Белгородский ст., стб. 1100, л. 43–43 об.

В этих документах так брыжжет всеми соками жизнь Истрата Никитина, конюха и приказчика, что глаза разбегаются. Просто продравшись через непривычные буквы и словесные обороты, можно восстановить и событийную наполненность жизни, и характер (нрав) приказчика Истрата Никитина, и кое-что важное вокруг него. Например, сколько еды он перетаскал стольнику за определённый период, и какой, хороши ли были у него соседи, много ли лошадей, что стоили отдельные предметы и услуги и прочее. С этой стороны нечасто смотрят на крестьянский вопрос в XVII, всё больше про урочные лета да Соборное уложение, про тяготы, недоимки и восстания. И тяготы, и восстания, и сыск беглых – всё, конечно, было, но было и ещё много чего, о чём почти ничего не известно – а оно было главным: беды и невзгоды крепко остаются в памяти, а норма не застревает, протекает почти бесследно.

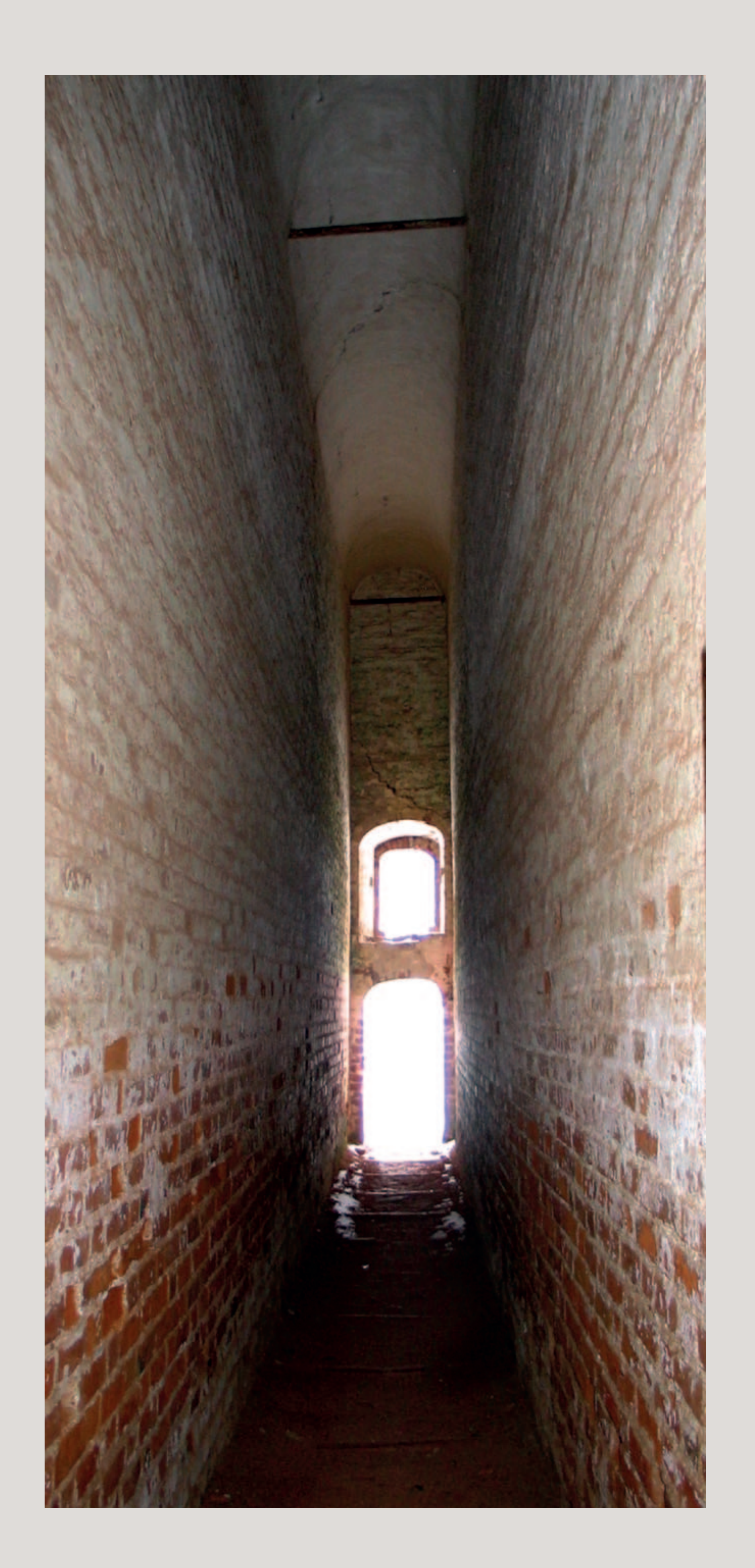

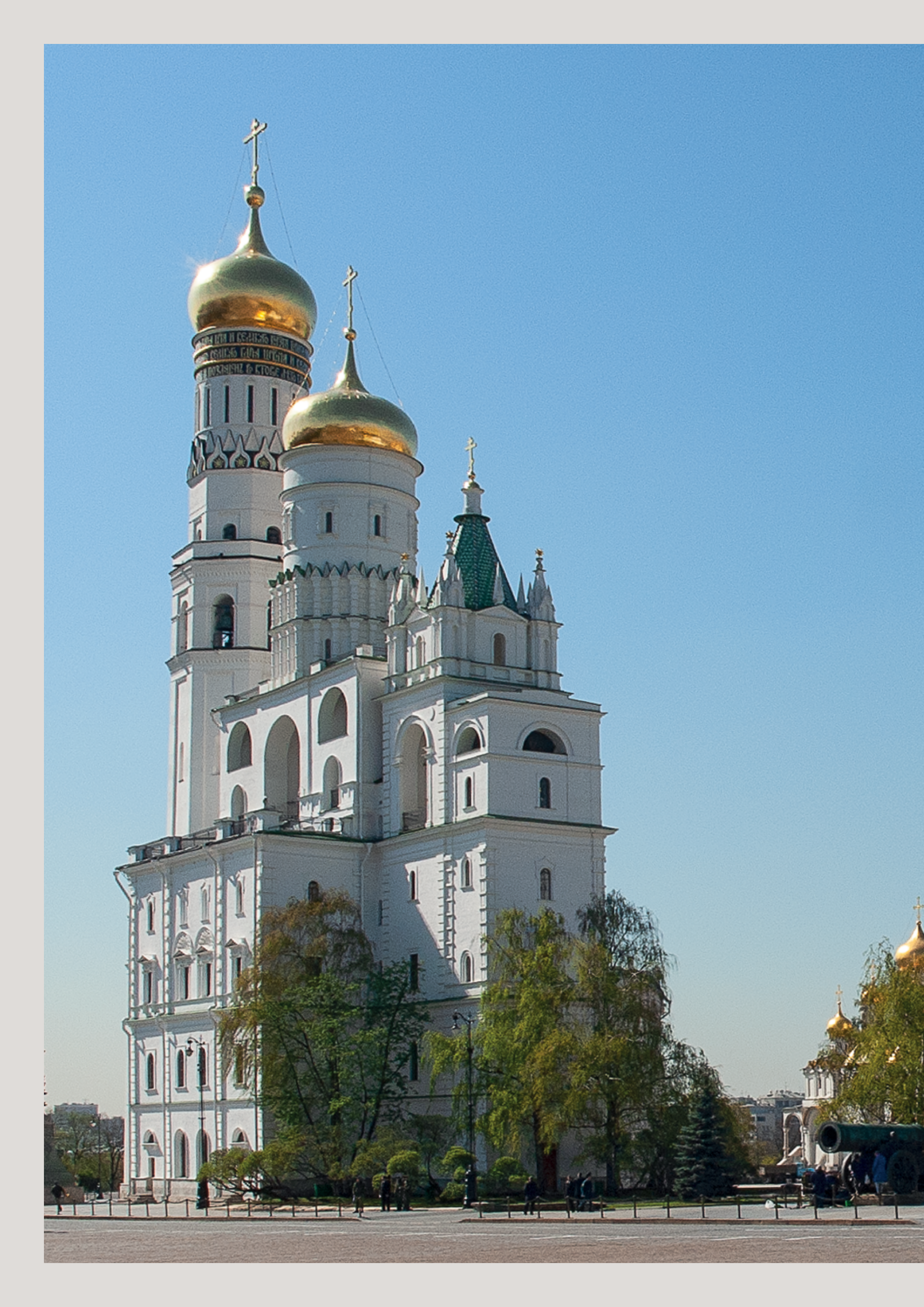
От Пскова до Рязани не так уж далеко. Да и от Калуги. Фото А.Г. Стройло

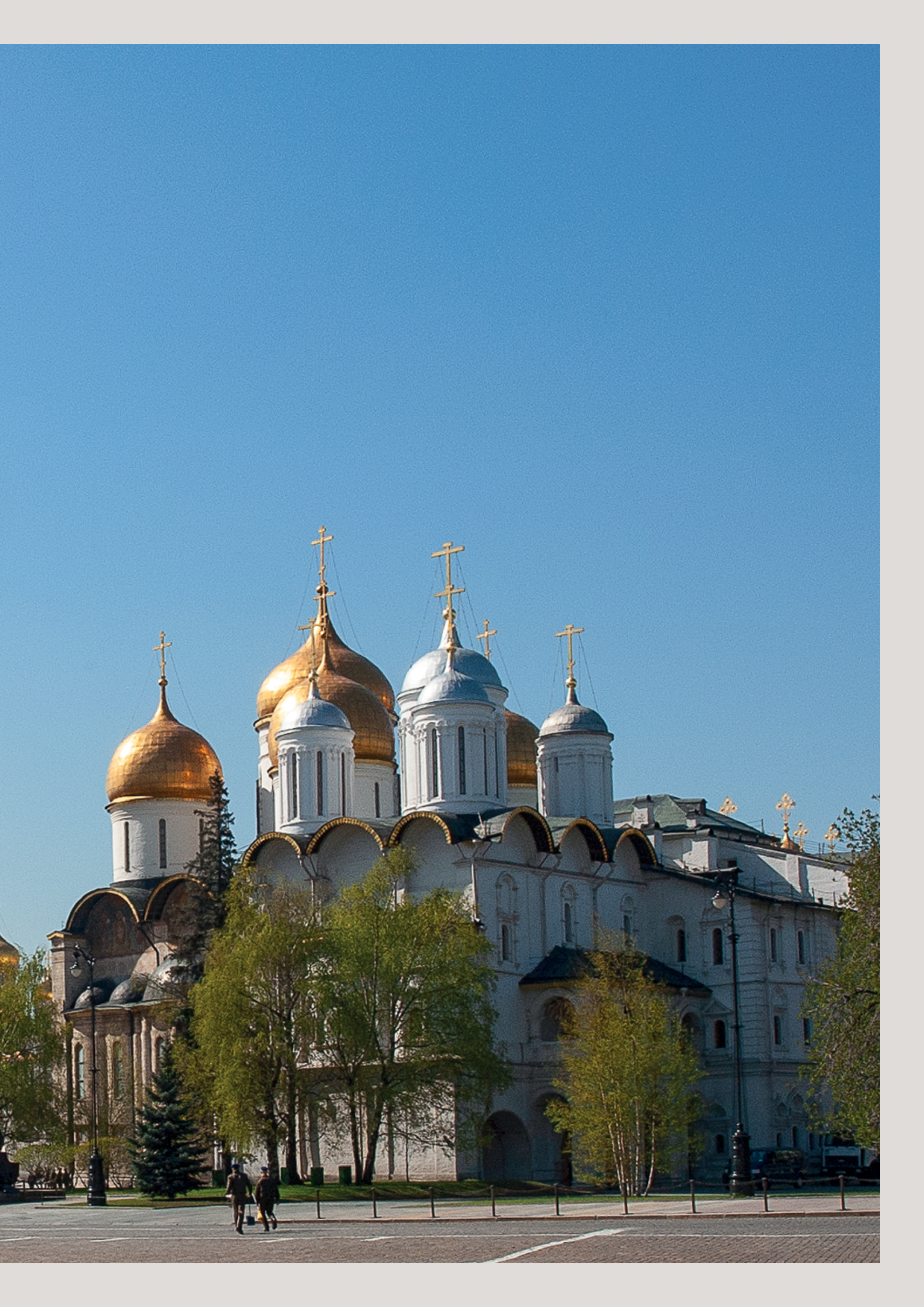

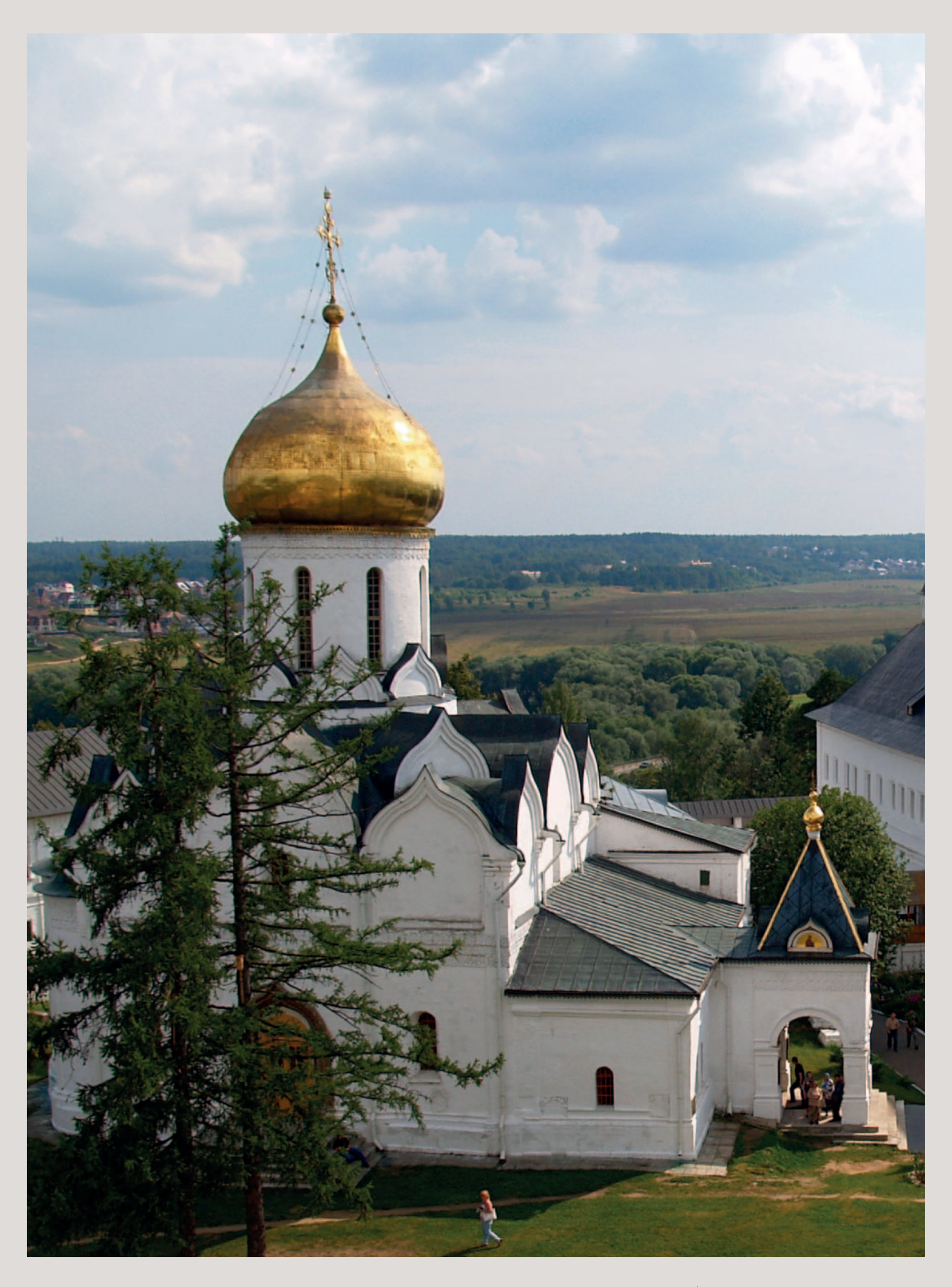
Церковь Воскресения в Исадах на Оке. «Незастёгнутые» связи.

Географическое отступление

Звенигород. Саввин Сторожевский монастырь. Рождественский собор. 1407 г.
Крыльцо на западе пристроено в XVII веке,
верховой переход из палат Алексея Михайловича разрушен позже, вместе с крыльцами самих палат.

Кремль. Грановитая палата (1486 г.) с фрагментом наличника XVII века,
главы Верхоспасского собора (1635 г.), Ризоположенская церковь (1485 г.),
фиксаторы металлических связей и начало аркатуры на углу Успенского собора (1479 г.).

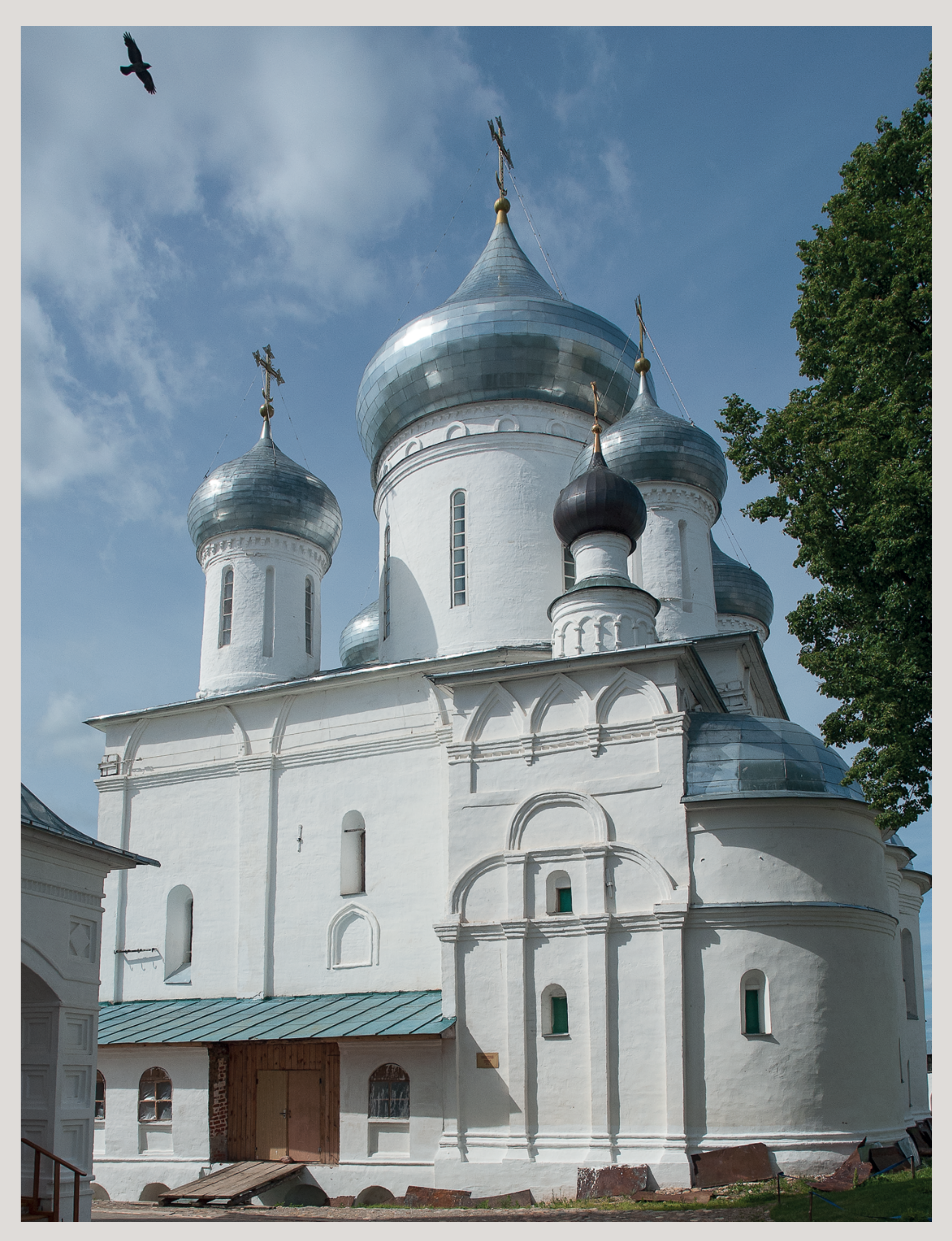

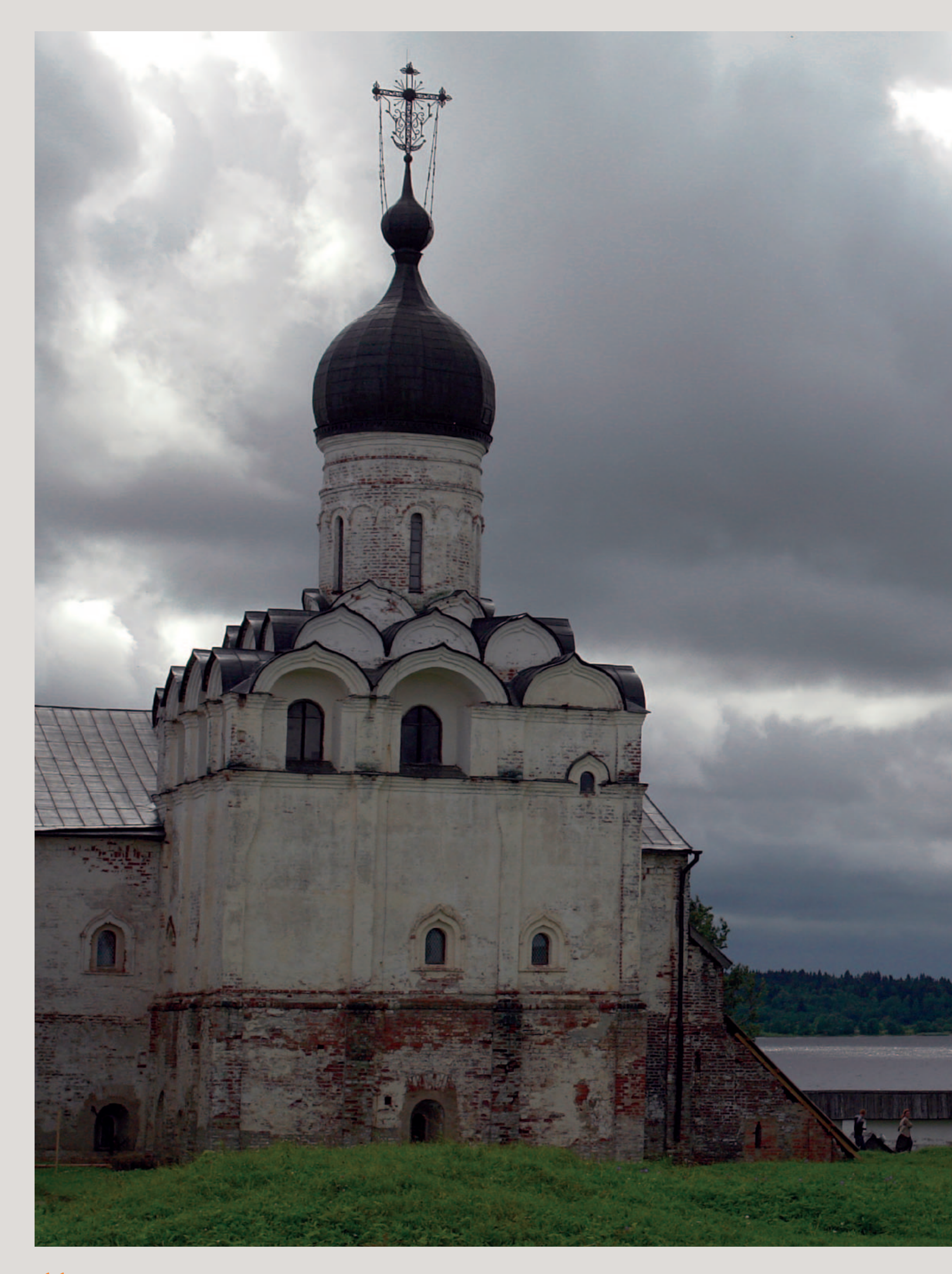
Углич. Великокняжеская Престольная палата (1490 г.) После Стояния на Угре прошло 10 лет.

Кремль. Апсиды Благовещенского собора (1489 г.)

Переславль-Залесский. Никитский монастырь. На переднем плане – надстроенный старый Никитский собор (1528 г.) – ранний пример бережного отношения к недавнему архитектурному наследию со стороны царской администрации, в 1561 г. начавшей строительство нового Никитского собора со сбережением «вознесенского покрытия» под новыми кокошниками. Облик нового собора пока испорчен плоской крышей, гильотинировавшей, буквально «сожравшей» верхушки закомар. Что станется с Благовещенским собором (слева), если там состричь верхушки закомар и прихлопнуть их скатной крышей?

Ферапонтово. Церковь Благовещения (1531 г.)

Старица. Успенский собор (1537 г.), Введенская церковь (1570 г.), колокольня с часовней-усыпальницей (1685 г.) первого патриарха московского Иова (1589–1607 гг.)

Преждебывшее окошко на входе в подцерковье
Успенского собора с решёткой из одной полосы

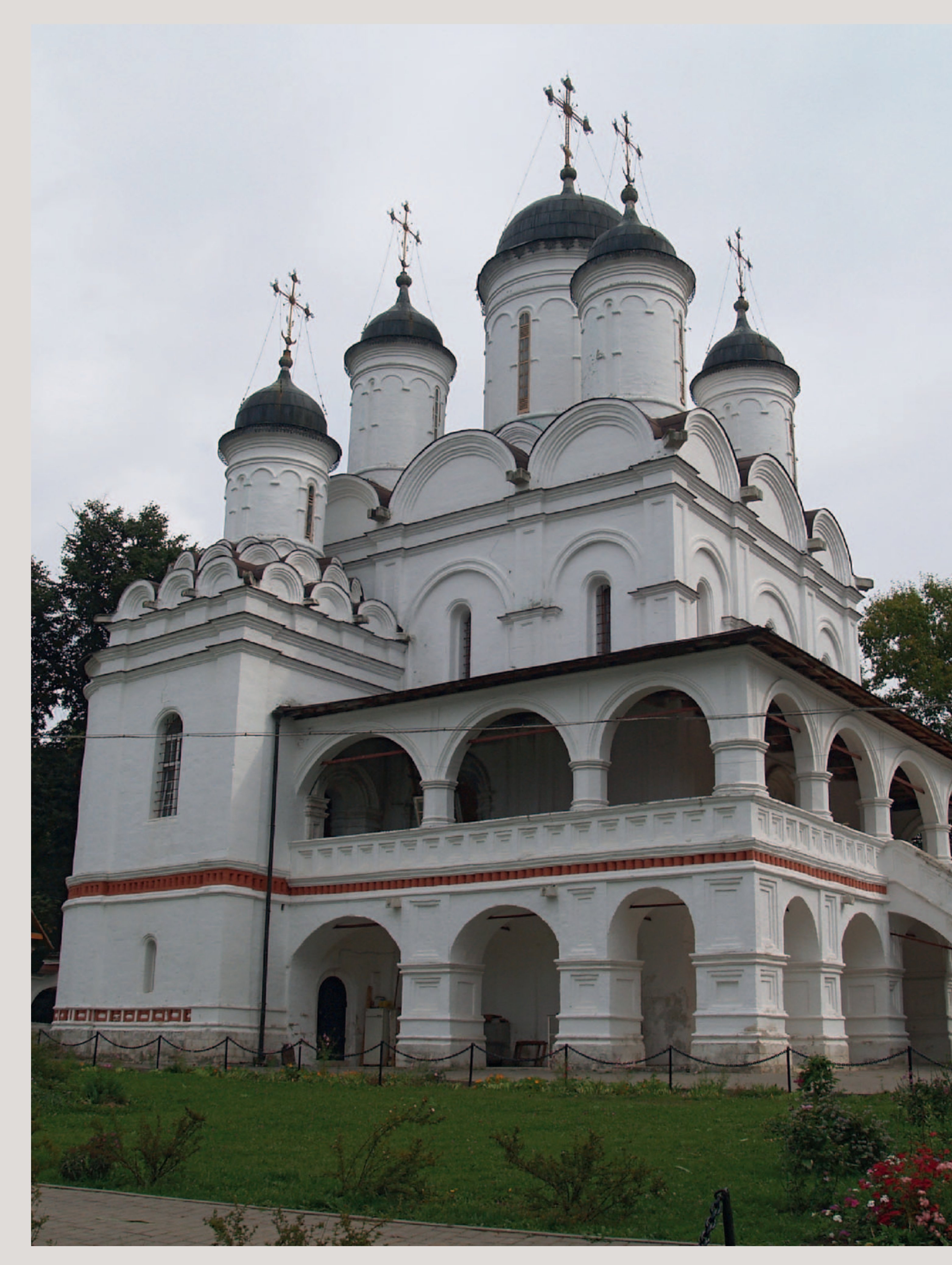
Кириллов. Кирилло-Белозерский монастырь. Надвратная церковь Преображения (1595 г.)

Улейма. Николо-Улейминский монастырь.
Наличник окна апсиды Введенской церкви (1695 гг.)

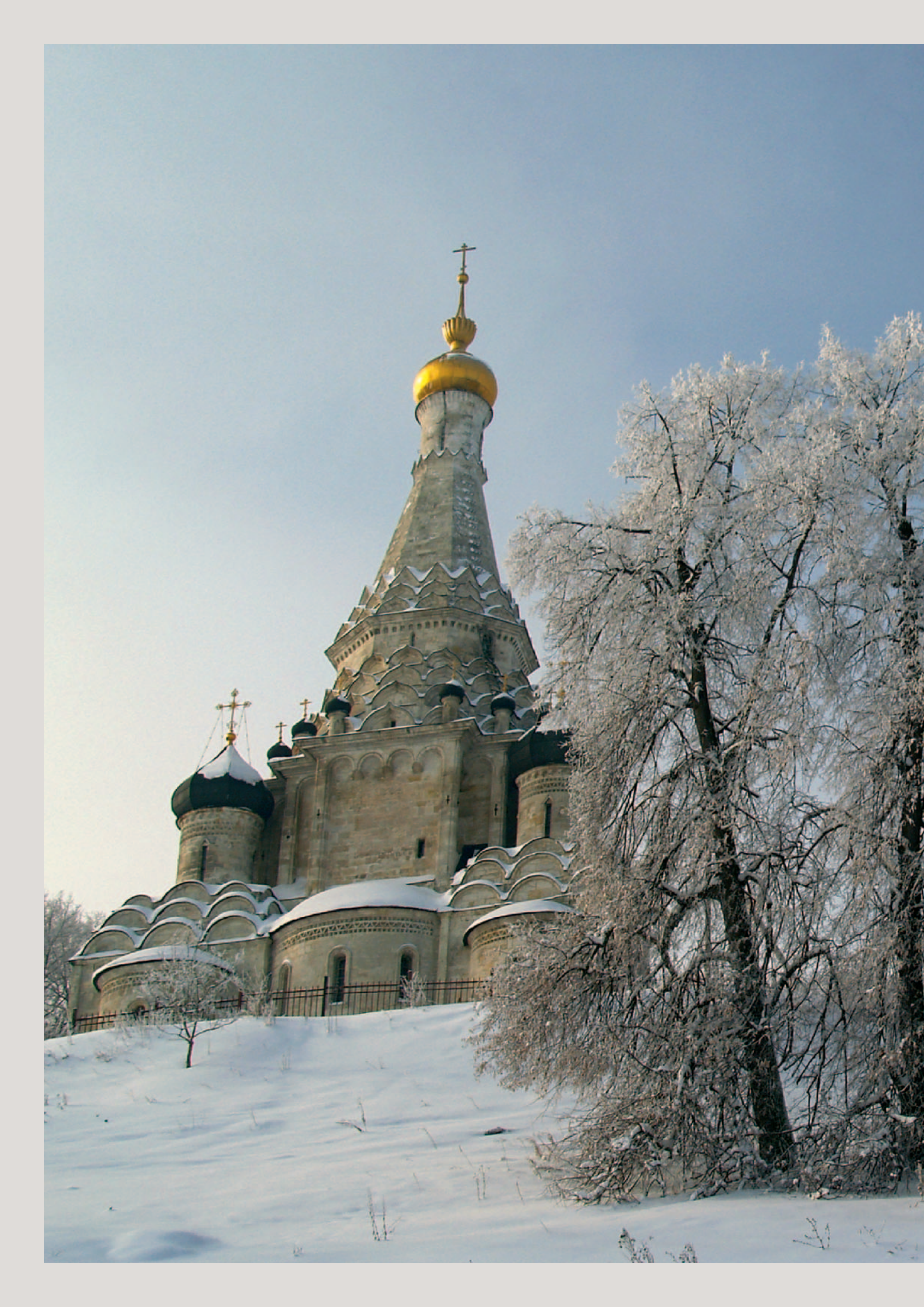
Крыльцо трапезной Введенской церкви (1563 г.)

Большие Вязёмы. Церковь Преображения (1598 г.)

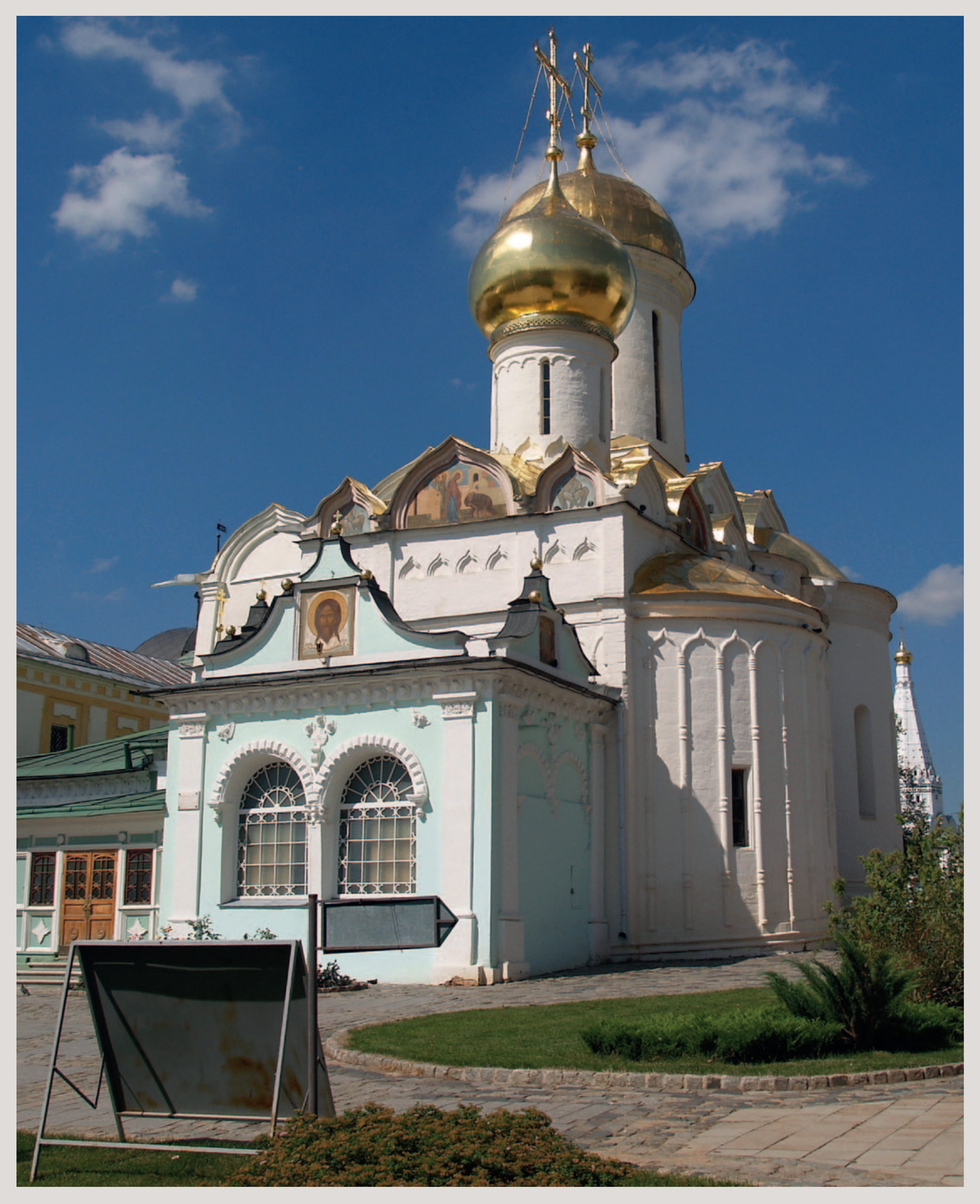
Остров. Церковь Преображения (≈1600 г.)

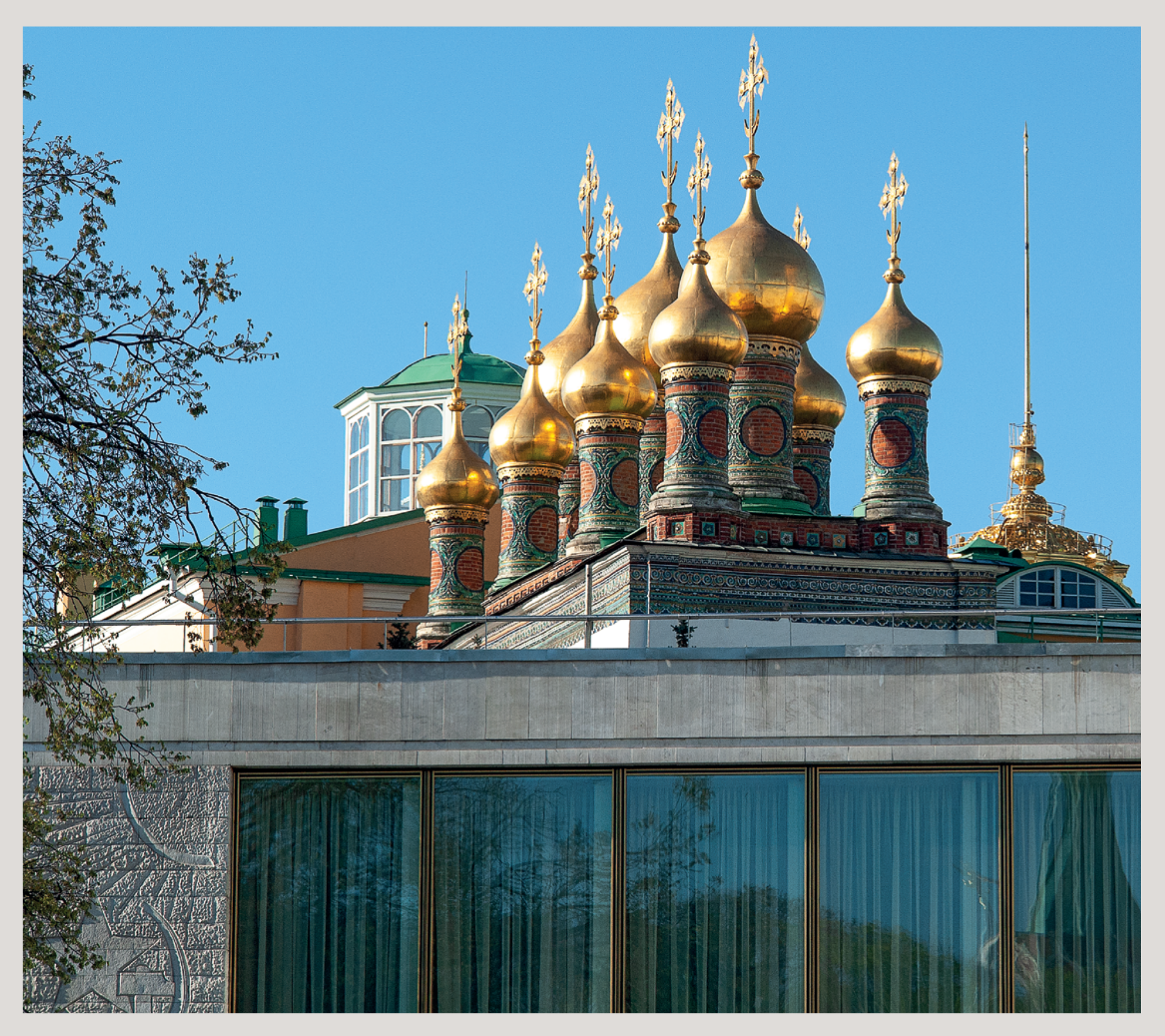

Углич. Алексеевский монастырь. «Дивная» Успенская церковь (1628 г.)

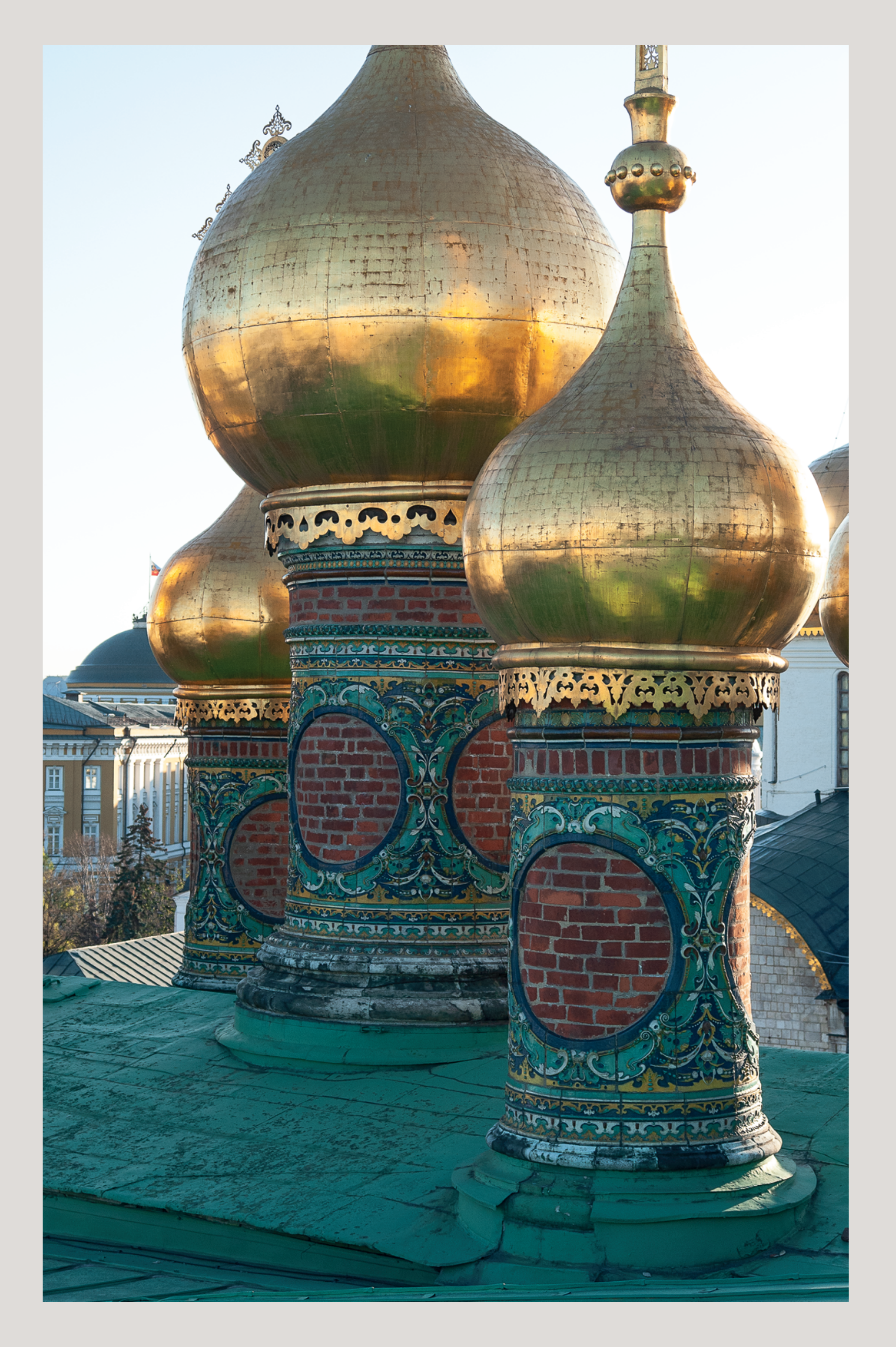

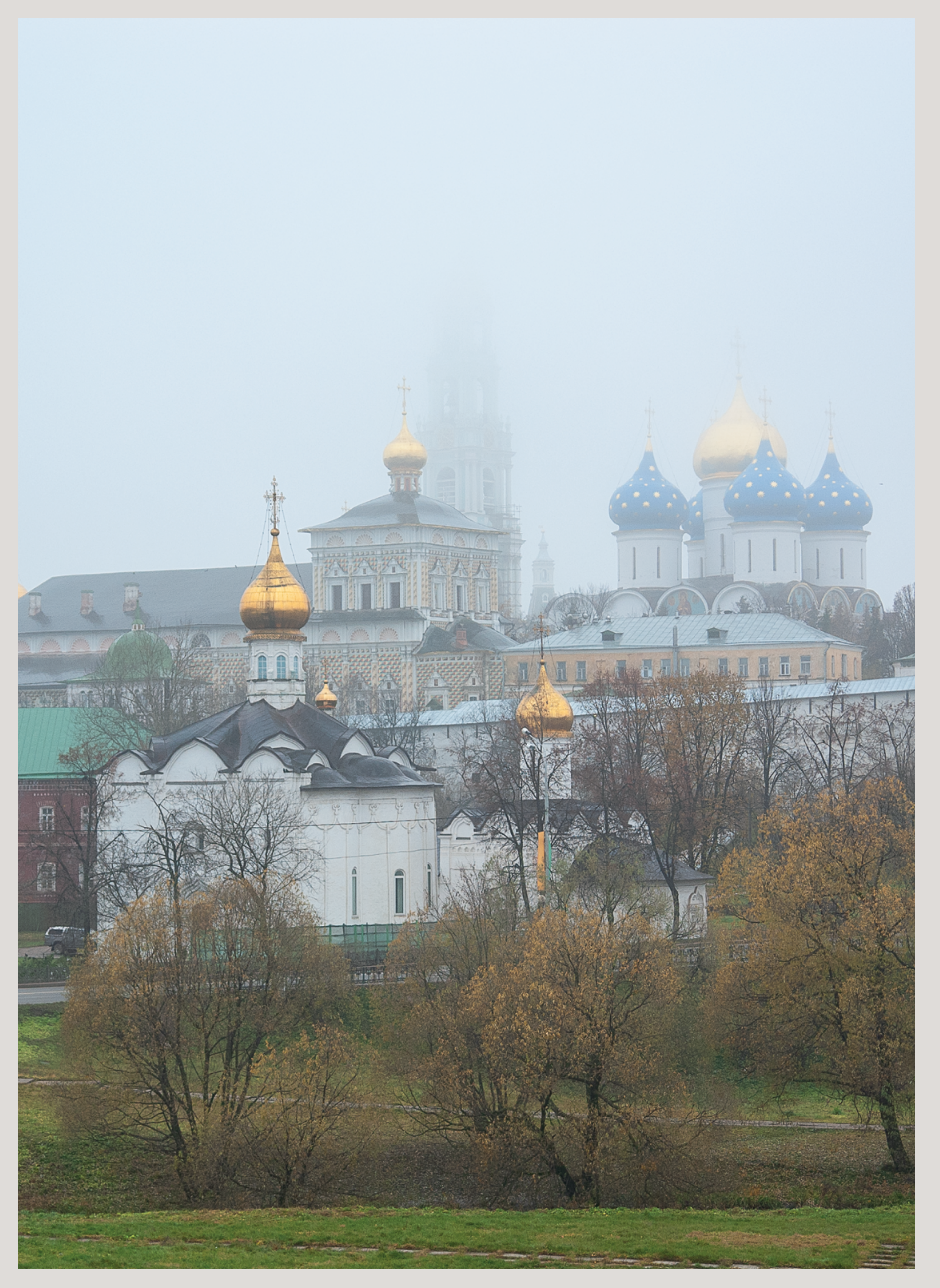
Никоновская церковь (1623 г.) у Троицкого собора в Троице, потом салатовое нечто с голандскими фронтончиками (взамен южного выхода), к нему ещё что-то зеленоватое на фоне чего-то совсем уж жёлтого; и сзади вдалеке шатёр Зосимо-Савватиевской церкви (1637 г.) прилепляется стилистически скорее к Троицкому собору, чем к соседней колокольне, вероятно, потому что нагромождение табуретов привлекает не красотой, а инженеризмом и строительным геройством. Нелепость, недостоинство, неуместность салатово-зелено-жёлтых наслоений прекрасно подчёркивает, усиливает и иллюстрирует изнанка металлического щита с информацией про что-то важное. Никоновская церковь почти на два века отстоит от Троицкой, но звучит как одна и та же нота через две октавы. Поневоле позавидуешь наблюдателям из какого-нибудь 1640 года, когда невнятное слабосильное бормотание салатово-зелёных пристроек ещё не прилепилось, ещё не испачкало звонкую праздничную нарядность Никоновской и Троицкой (1432 г.) церквей.

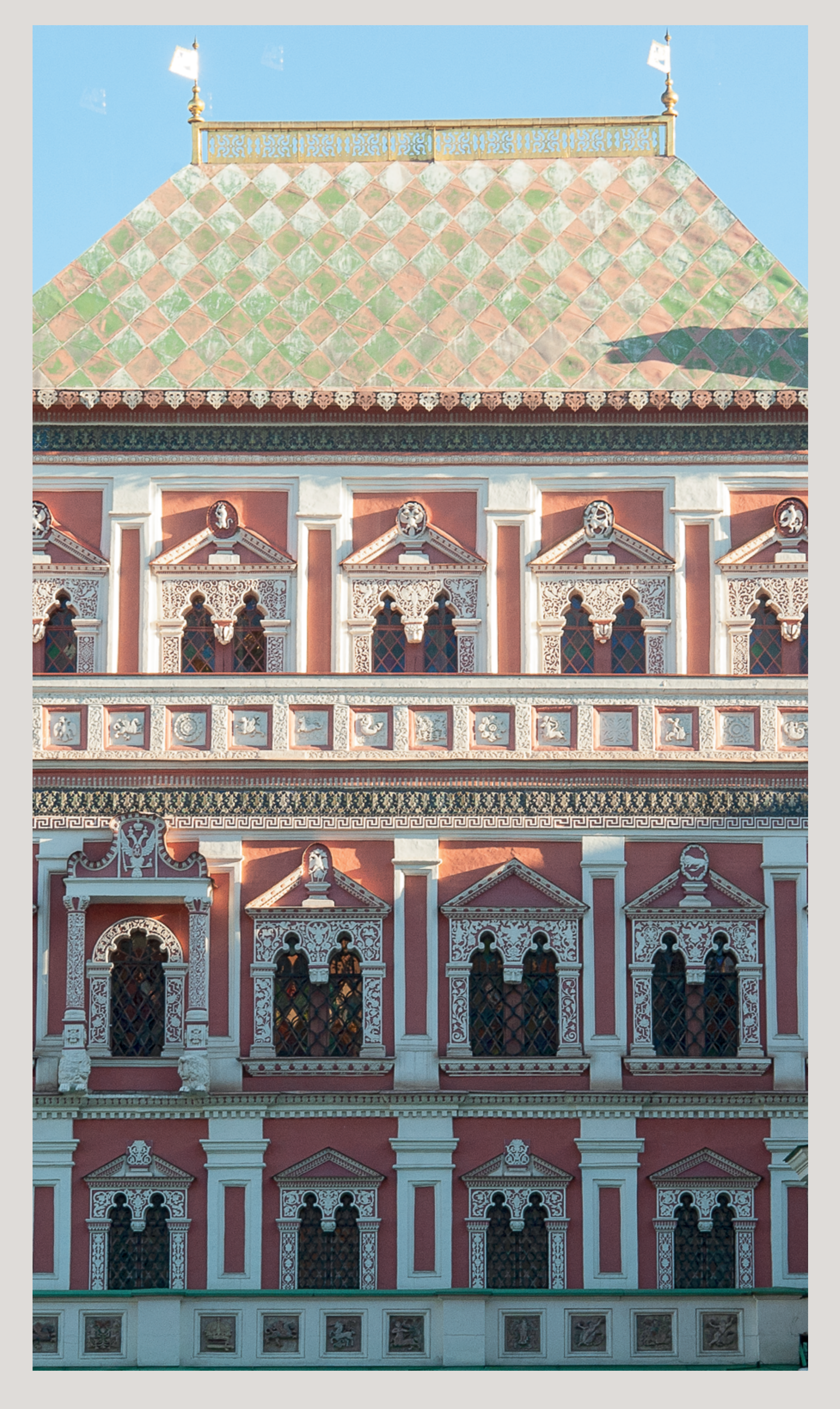
Крайне, трагически, бедственно, горестно неудачное сочетание сооружений и деталей. Отвлекаясь мысленно и временно от блистающего центра – видим четыре сгустка безвкусицы, один другого сильнее угнетающие остатки навыка воспринимать ликование архитектуры: гладкие оконные стёкла гладкой пристройки к гладкому КДСу немного отражают цвет небес, тщательно и умело пряча, а не открывая что-то за портьерами высокоблагородного оттенка (да и изнутри лучше насмерть отгородиться от белого света, отменяя навсегда смысл создания окон как деталей жилых и неживых зданий), золотая игла протыкает атмосферу над жёлтой витиеватостью, оранжерейная беседка деревенского богатея работает световым фонарём над крепким зданием, и, наконец, слева снизу удар могучей колотушкой в огромный барабан: оттиснутое в толстом слое цементного раствора изображение изогнутого ножа и молота со звездой под солнышком с лучами, озаряющими символы военного, крестьянского и промышленного труда, стали настолько привычными за целый почти век, что не позволяют заметить суть. Это примеры, ничем не отличные от первобытных петроглифов, когда на стене пещеры или на камнях будущего моря наносили более или менее умело бытовые или охотничьи сценки, зверей, бегущую добычу или что-то для камланий, упражнений с бубном и заклинаний. Немая, бессловесная, невербализованная почти мышечная радость от осознания связи между трудом и хоть каким благосостоянием выражена при помощи графического мычания и указания пальцем. Все четыре объекта объединяет одно качество – убожество, рождённое примитивной мыслью, вымученное бесталанными попытками «сделать красиво». Главы Верхоспасского собора (1636 г.) в середине – словно Ута, жена маркграфа Эккехарда в Наумбурге, отгораживаются плечом и воротником плаща от сумрачного скульптурного соседа грубой лепки лица, молча сообщая: «Я не тут, я не с ними со всеми, я иная, сама по себе». Их и правда, не отколупнёшь, не свалишь, только одна мыслишка бьётся не переставая: «А зачем здесь? Почему не построить всё, что привиделось, поближе к Сызрани или Копейску, в чистом поле?» Сохранение и сбережение петроглифов бесконечно ценно для иллюстрации тенденции, но велика опасность: если никто не разъясняет дистанцию, пропасть между Верхоспасским собором и более поздними проявлениями строительных талантов, то они безнадёжно портят глаз, приучают к невзрачности, и рано или поздно она от объекта рассматривания сообщается субъекту рассматривания; bidonville – итог тиражирования, а не только нищеты духа, и относительно новенькие, свежеотремонтированные, ухоженные здания рядом с Утой всё равно выглядят как трущобы, сколько самоварного золота в них ни сыпь.

Больше того, эти царственные трущобы ширятся, блистательная плоскость бьёт в глаз, симметрия как заикание от нехватки слов лезет повсюду, железобетонная слабоформенность тренированной мышцей вытесняет усталый бессильный ум, остаётся ослепляющая пустота и громыхающий вакуум, концерт без звука для слепых.

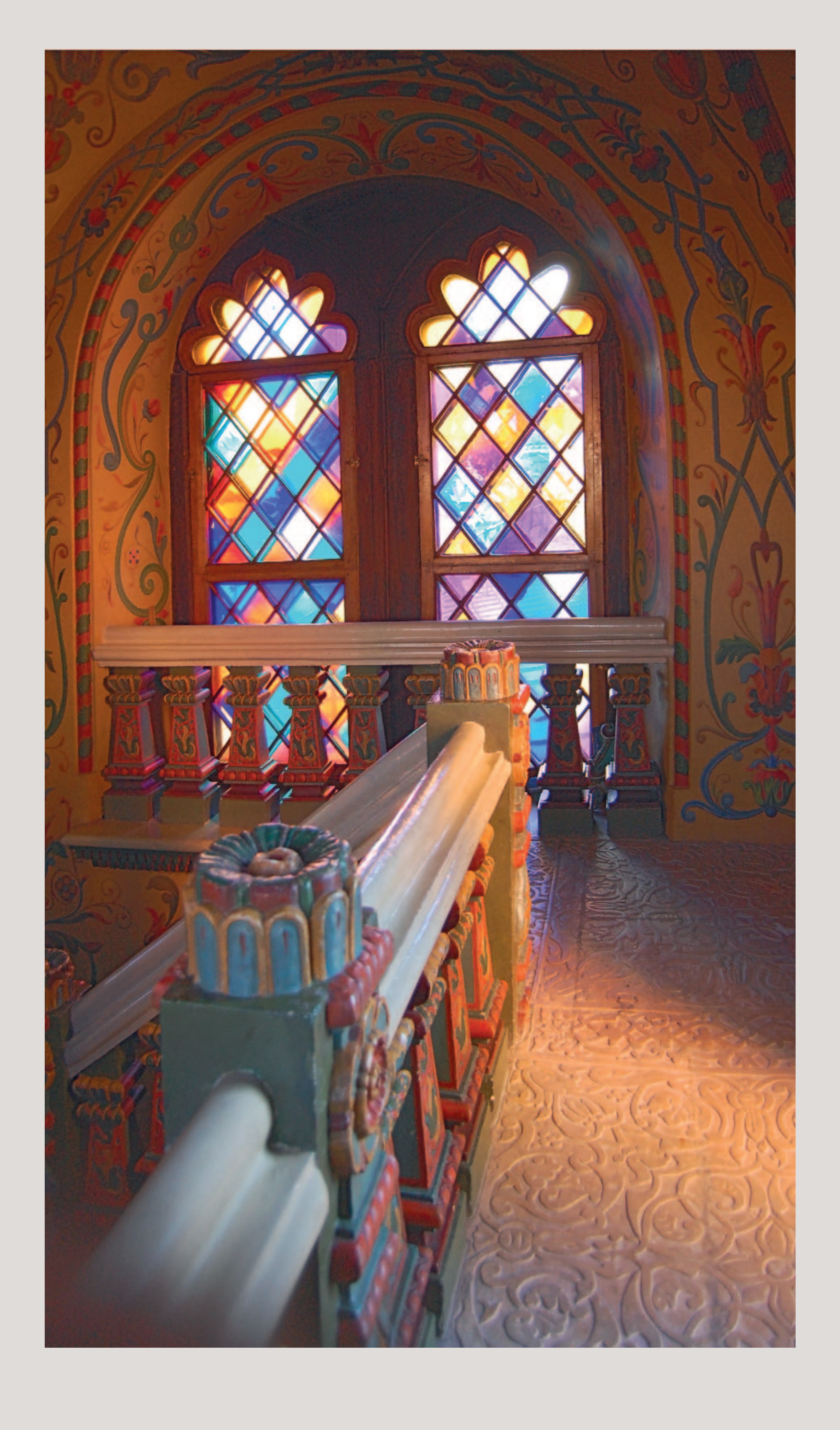

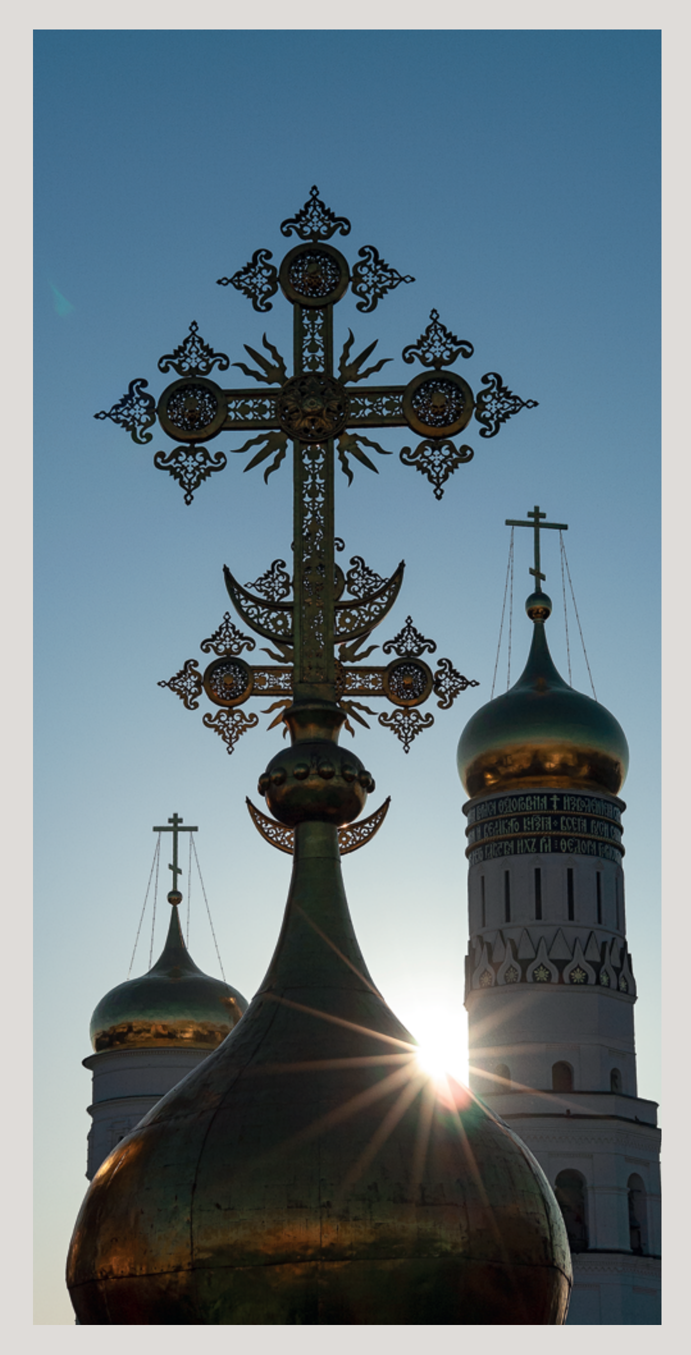

Сергиев Посад. Подол под туманом

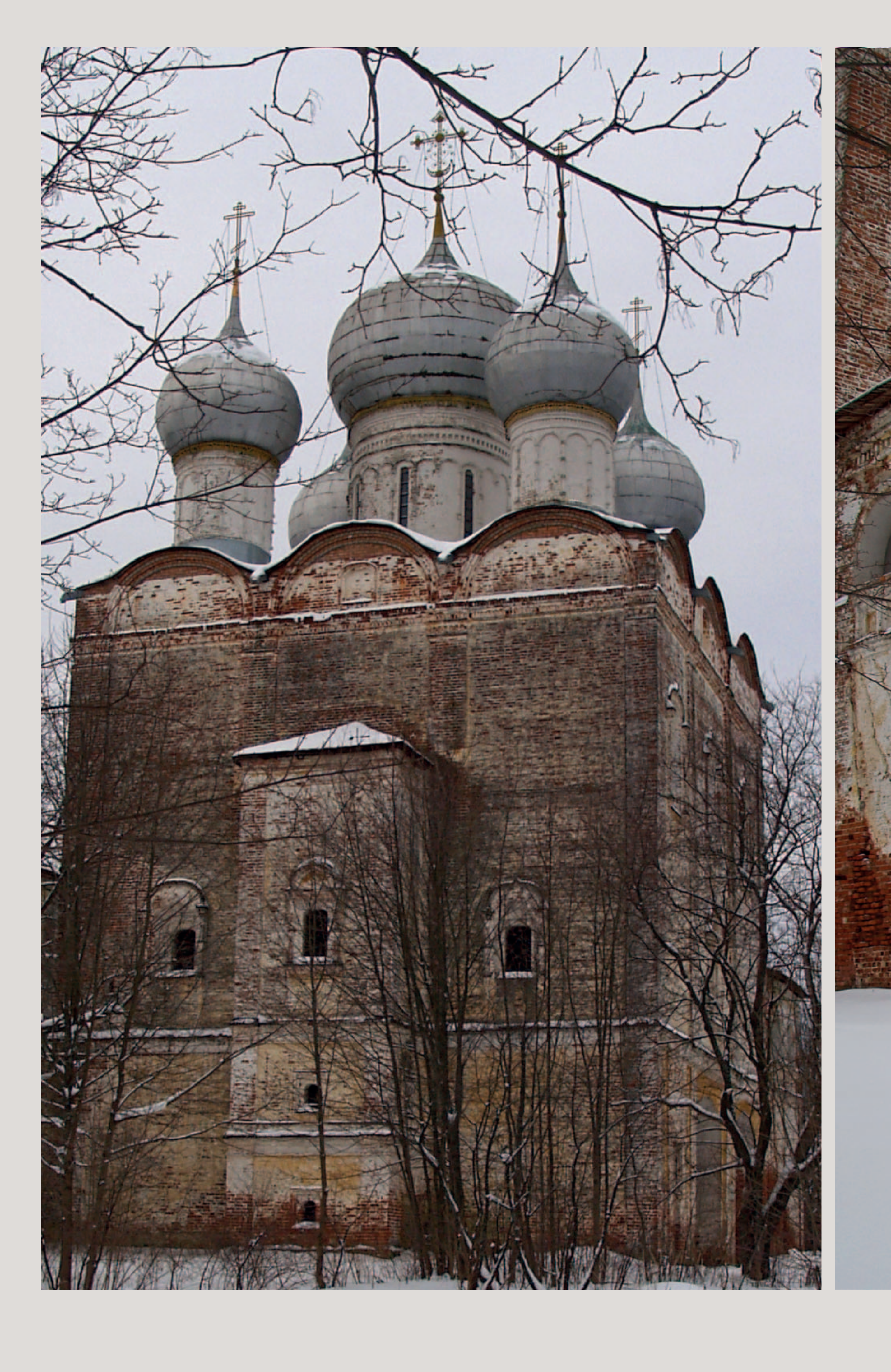
Кремль. Златоверхий теремок. 1637 г.

Полы и ступени в Златоверхом теремке – не для обуви с каблуками с металлическими набойками, –

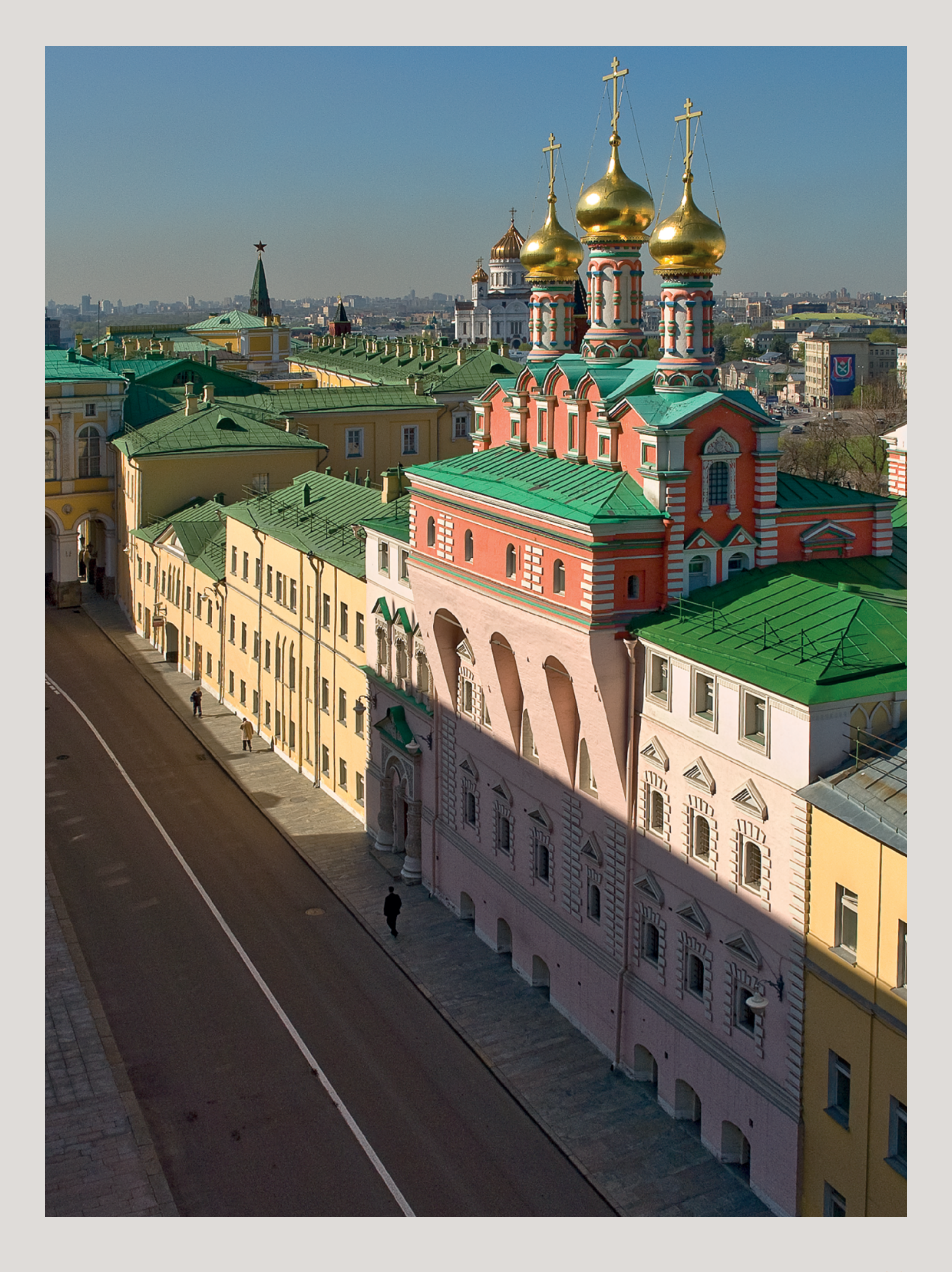

Борисоглебский. Борисоглебский монастырь. Надвратная Сергиевская церковь (1645 г.)

Сени под Спасом в Ростове Великом.

Кремль. Комендантская улица.

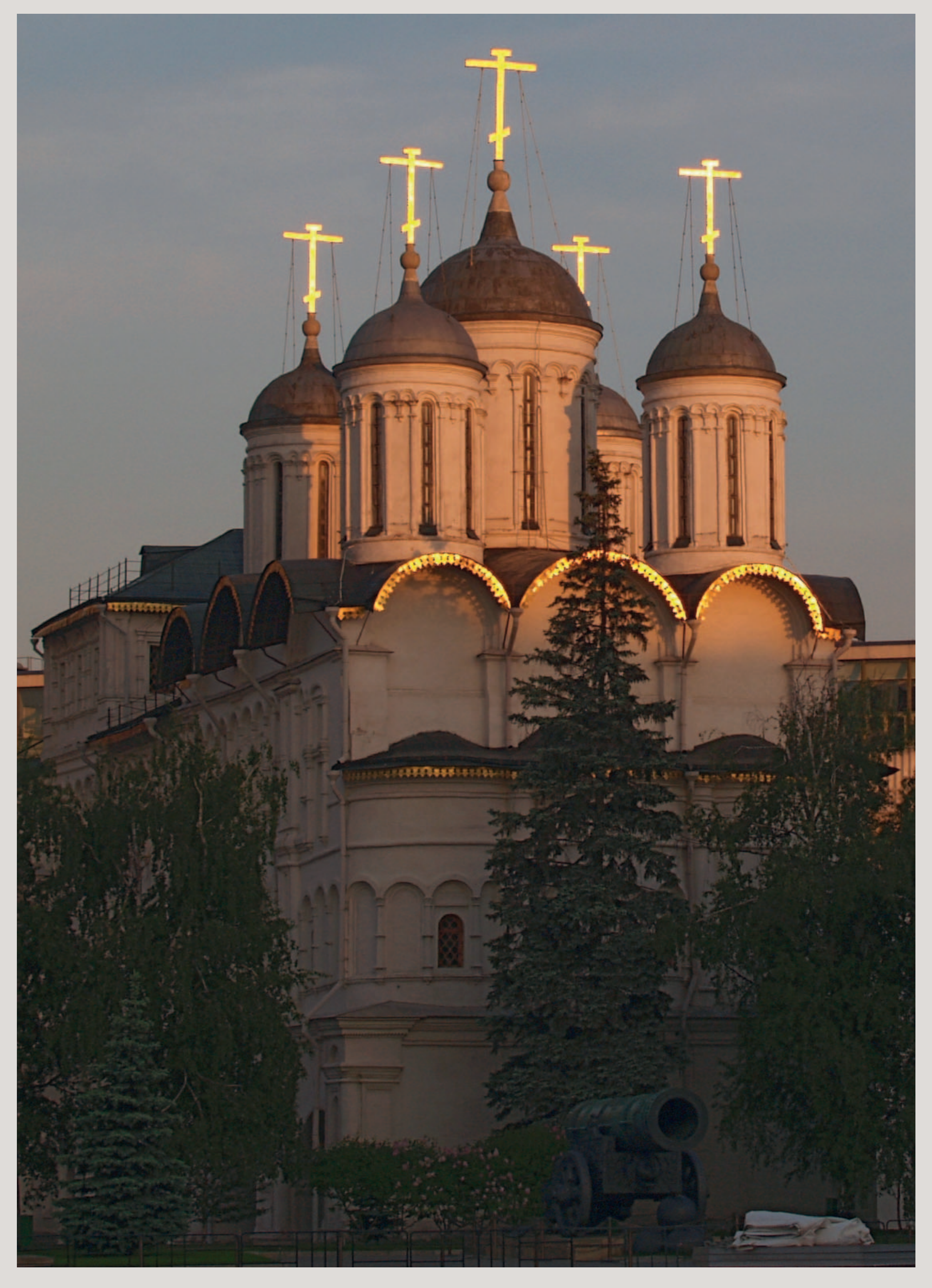

Ярославль. Церковь Иоанна Златоуста. 1654 г. ↑
Сергиев Посад. Троице-Сергиева Лавра. Церковь Зосимы и Савватия Соловецких. 1637 г. →

В Кремле на церкви Двунадесяти Апостолов стоят необычные так называемые Кийские кресты, и как раз на фоне Кремлевского дворца съездов народных депутатов; словно Никон в середине XVII века предвидел, что непрямые, но неопровержимые причинно-следственные связи между Просвещением и народовластием (Алексей Михайлович очень обиделся на англичан не только за снятую голову короля, но и за вероотступничество и гордую осанку простонародья) могут привести к появлению сначала парламентов, потом парламентариев, а вскоре и зданий для них – игрушка-то ведь дорогостоящая, и играть надо всерьёз, жалеть нельзя ни противников, ни сторонников; для Никона – если нельзя сохранить даже следы его попытки разумного устройства общества, то надо озаботиться сбережением хотя бы символов этой попытки, самых важных, но и самых лаконичных, в данном случае православных крестов в семиконечном (считая от основания) исполнении, которые скоро четыре сотни лет говорят тихо, но упорно – равновесие в одной голове установить невозможно, это противоречит естеству человека, нужно балансирование сопоставимых по размеру сил, светской и несветской, а явное якобы разделение властей на законную, делающую и наказывающую за нарушение равновесия – немного наивная конструкция, интересная только как умозрительное упражнение, как плод игр просвещённых умов, про равенство, свободу и братство и прочие нереализуемые в жизни, хотя и прекраснодушные намерения, напоминающие ходьбу к горизонту – вот он, уже виден, жаль, достичь никак не удаётся уже которую тысячу лет. Опыт человечества больше, чем может поместиться в головах парламентариев, партий, председателей и начальников – всех скопом и по отдельности. Хуже того, когда в одной голове помещается и создание смыслов, и их претворение в жизнь – беда неминуема. Планы всегда прекрасны, претворение всегда ужасно. Кто-то со стороны всегда должен то подсказывать, то останавливать меченосную сильную руку, то направлять её на созидание того, что не руки придумывают, а головы. Кто начал – теперь сказать трудно, кто-то, там, далеко, где ещё не было даже Ветхого завета, из ближних вспоминаются митрополиты Пётр, Алексий, Макарий, Филипп, патриархи Иов, Гермоген, Филарет и особенно Никон, который по энергии и отчаяной смелости мысли не уступал ни Вольтеру, ни Ленину. Жаль, что Ферапонтово (место ссылки Никона далеко за Вологдой) никак нельзя сравнить с Фернеем (место отшельничества Вольтера), но фреска Николы Угодника была видна всё-таки Никону! Интересно было бы узнать, из властительного населения Кремля, за прошедшие века, начиная прямо с Петра I, и вплоть до самого Тимашова, хоть кто-нибудь услышал крик этих символов? И уж точно не сенаторам и депутатам внятны эти смыслы – не потому что образования или сметливости недостаёт («править не капабель», поелику ума малого, как писал кн. Б.И. Куракин про вторую супругу Алексея Михайловича), а потому что в одну штанину вставить две ноги можно, но передвигаться сложно – всё жмёт, даже голову, никак не разгуляться, хотя интенции-то есть.

Кремль. Патриаршие палаты с церковью Двунадесяти Апостолов (1635–1656 гг.)

Каргополь. Красная Ляга. 1655 г.
Много поздних ремонтов, но они не в силах испортить силуэт автора и его мысль

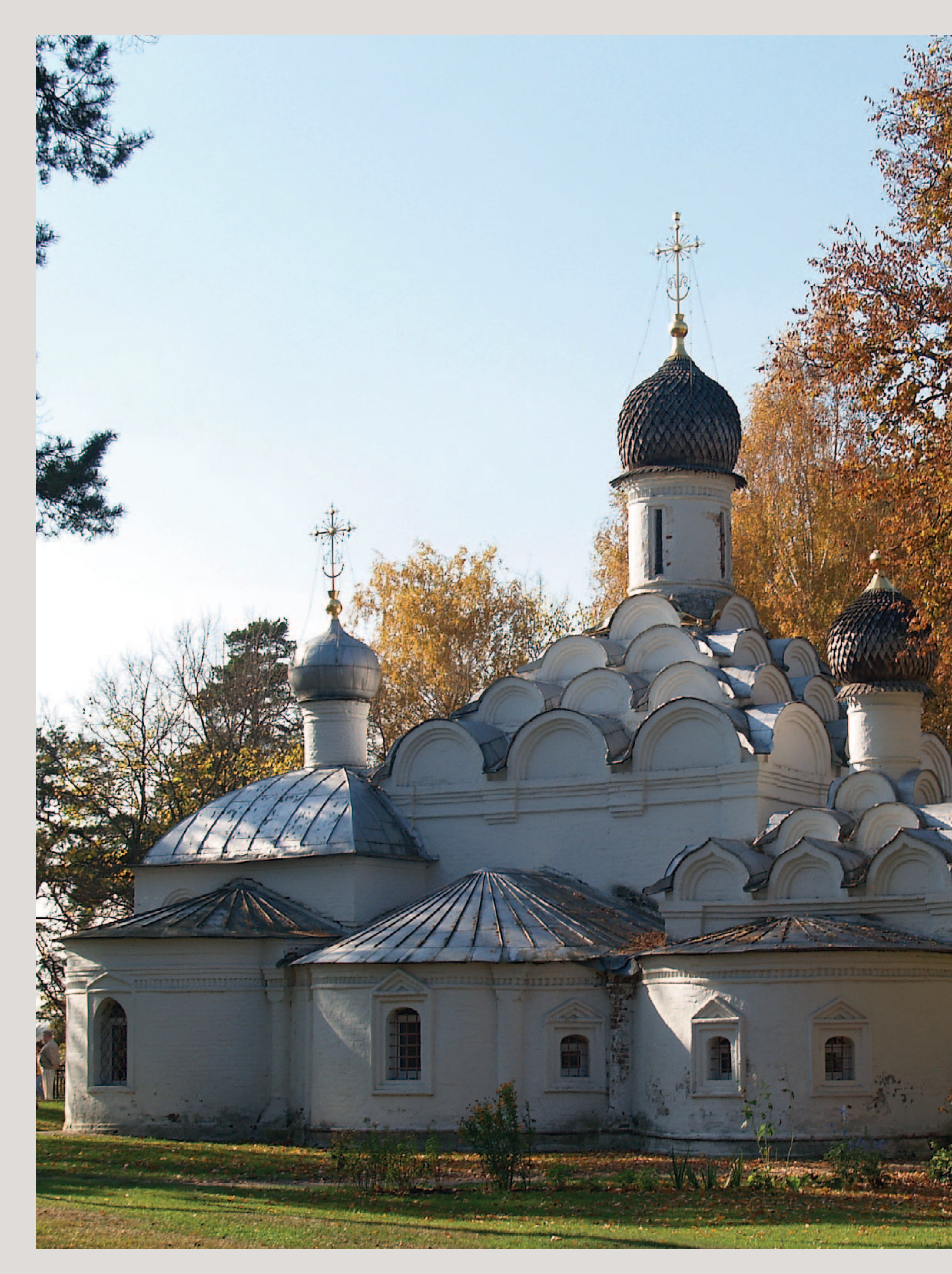
Фаустово. Зосимо-Савватиевская пустынь. Троицкая церковь. 1654 г.
Из шести арок под огромным гульбищем две центральные – самые узкие. Просто – но как работает!

Ярославль. Церковь Гурия, Самона и Авива. 1660 г.

Поярково. Рождественская церковь. 1665 г.

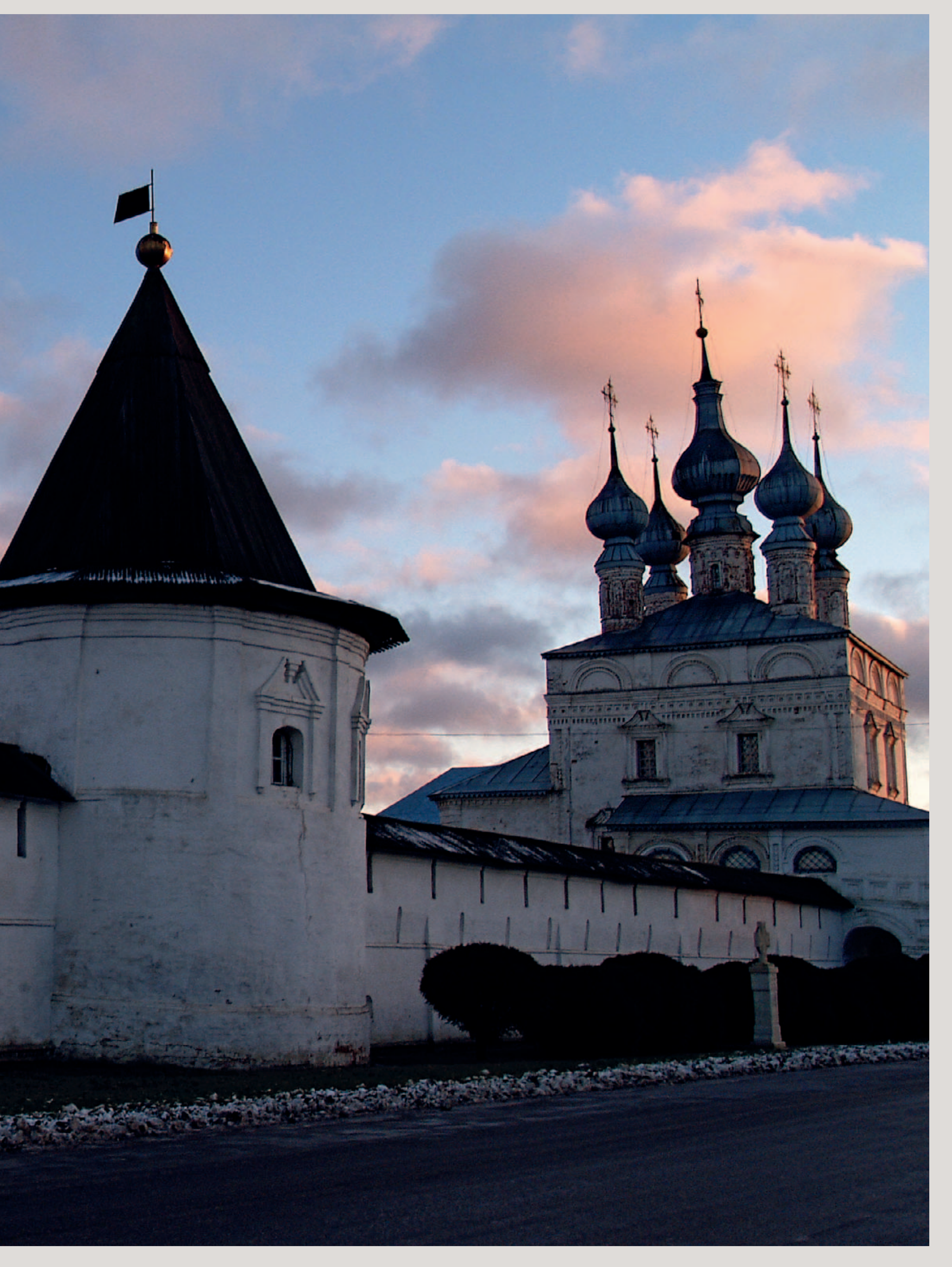

Архангельское. Архангельская церковь. 1667 г.

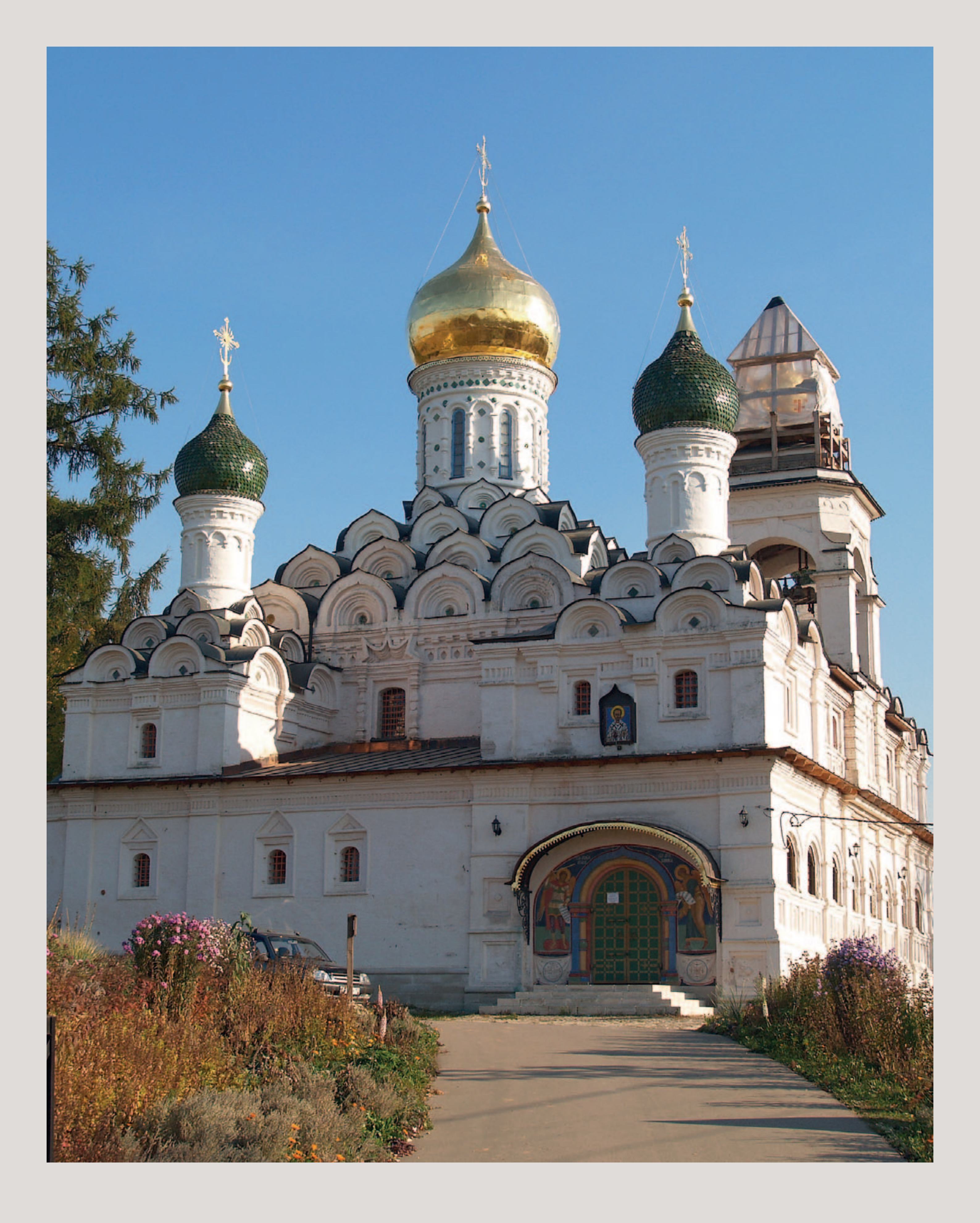

Батюшково. Никольская церковь. 1666 г.

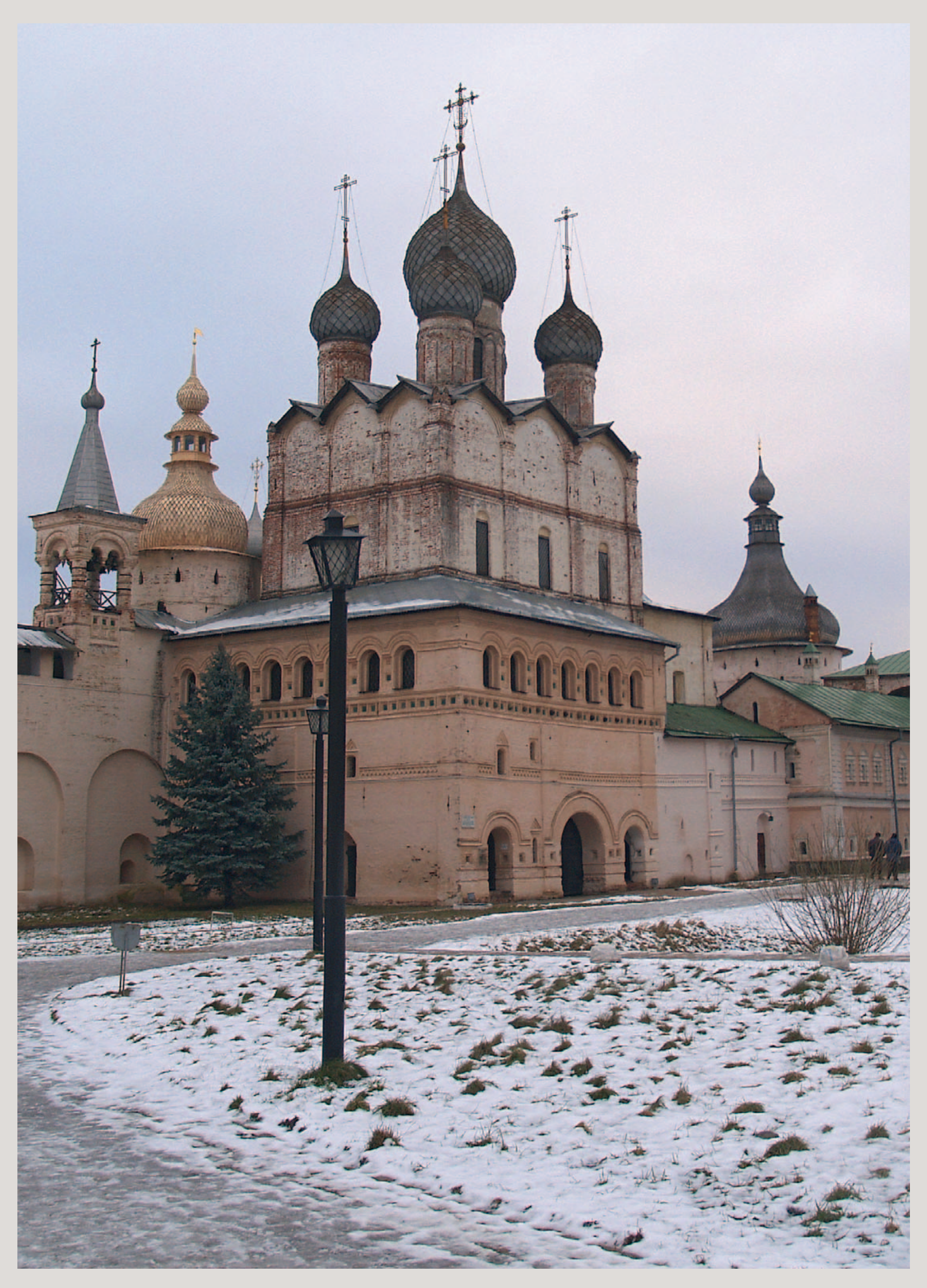

Юрьев-Польский. Надвратная церковь Иоанна Богослова. 1670 г.

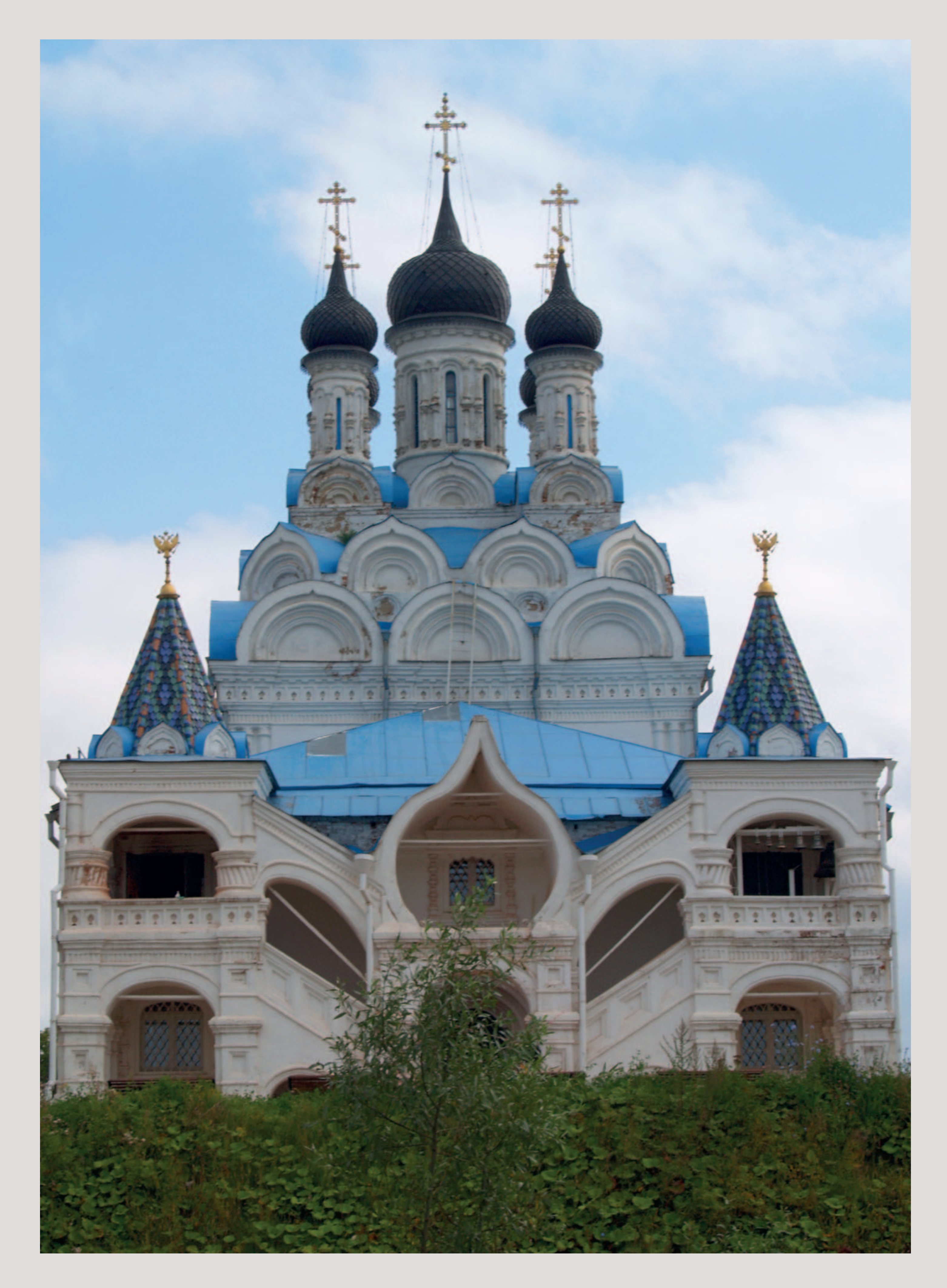
Николо-Урюпино. Никольская церковь. 1667 г.

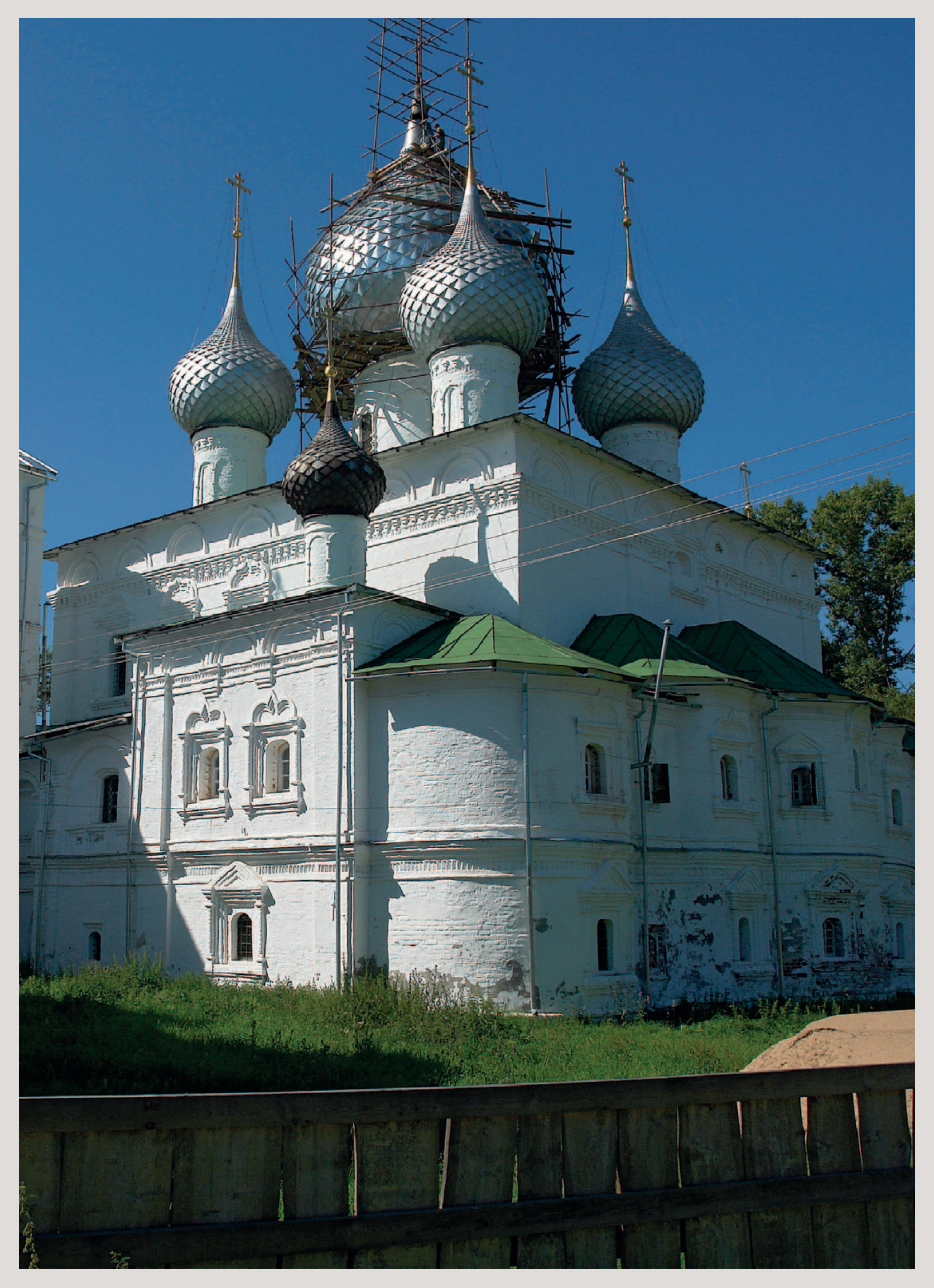
Ростов. Надвратная Воскресенская церковь. 1670 г.
Золотое завершение башни за церковью – деревянный лемех.

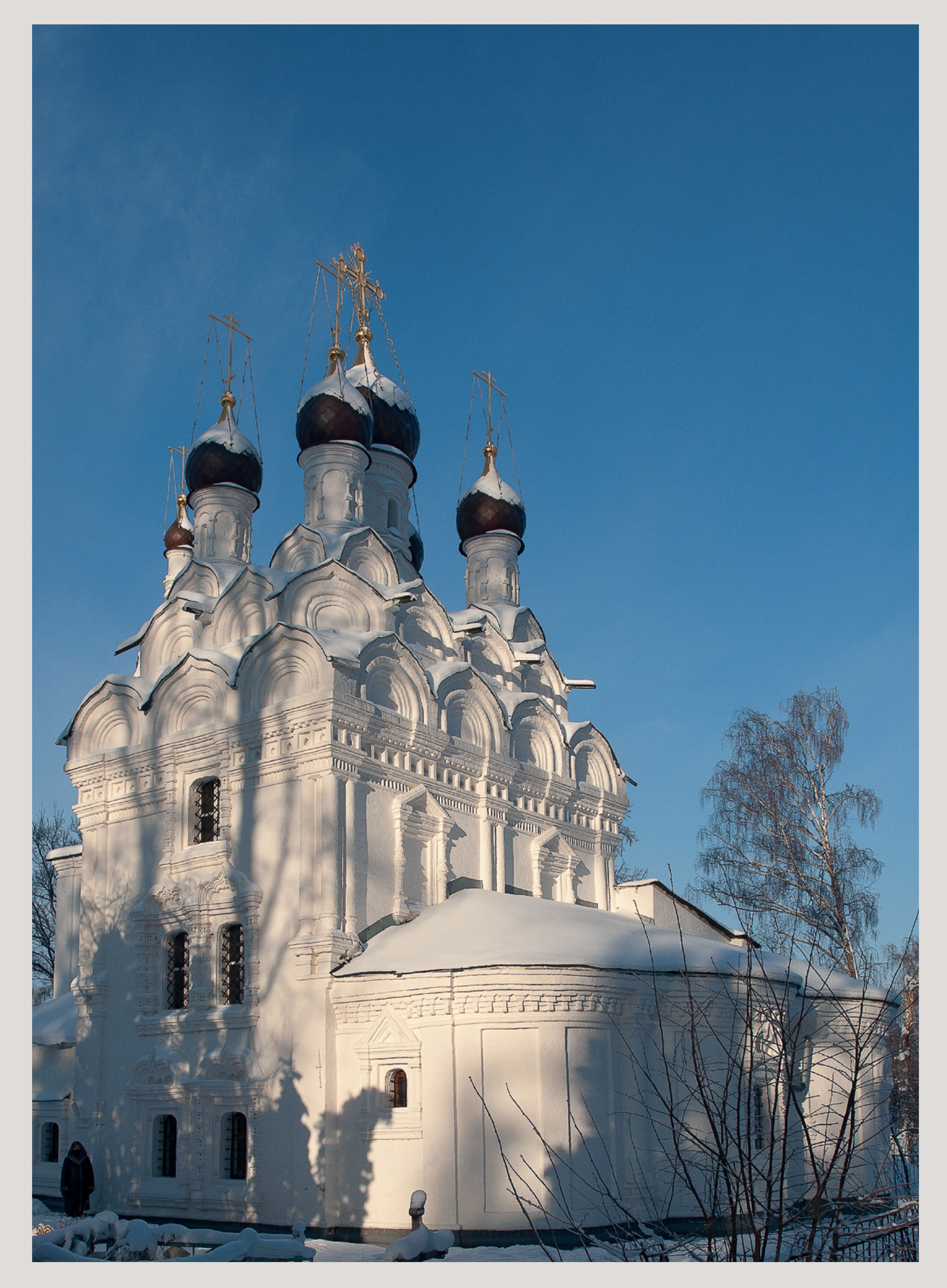
Ярославль. Никола Мокрый. 1672 г. «А всё-таки она падает!». Если сейчас на неё нельзя смотреть, не задохнувшись от восторга, то как же она будет выглядеть, когда найдутся средства на изничтожение плоской крыши и восстановление закомар, а для верхних плоскостей в них найдётся какой-нибудь псковский живописец, новый Дионисий; из согбенной старухи в сером шерстяном платке выпорхнет стройная царь-девица, образуется стан, отвечающий за осанку и стать, переменится высота, всё в облике преобразится. Эжен Виоле лё Дюк всё-таки был прав: даже если бы скатную крышу учинили уже при строительстве, само наличие этих полукружий говорит о намерениях авторов, да и не мог подмастерье каменных дел слепить такую несуразицу, которая явлена нам.

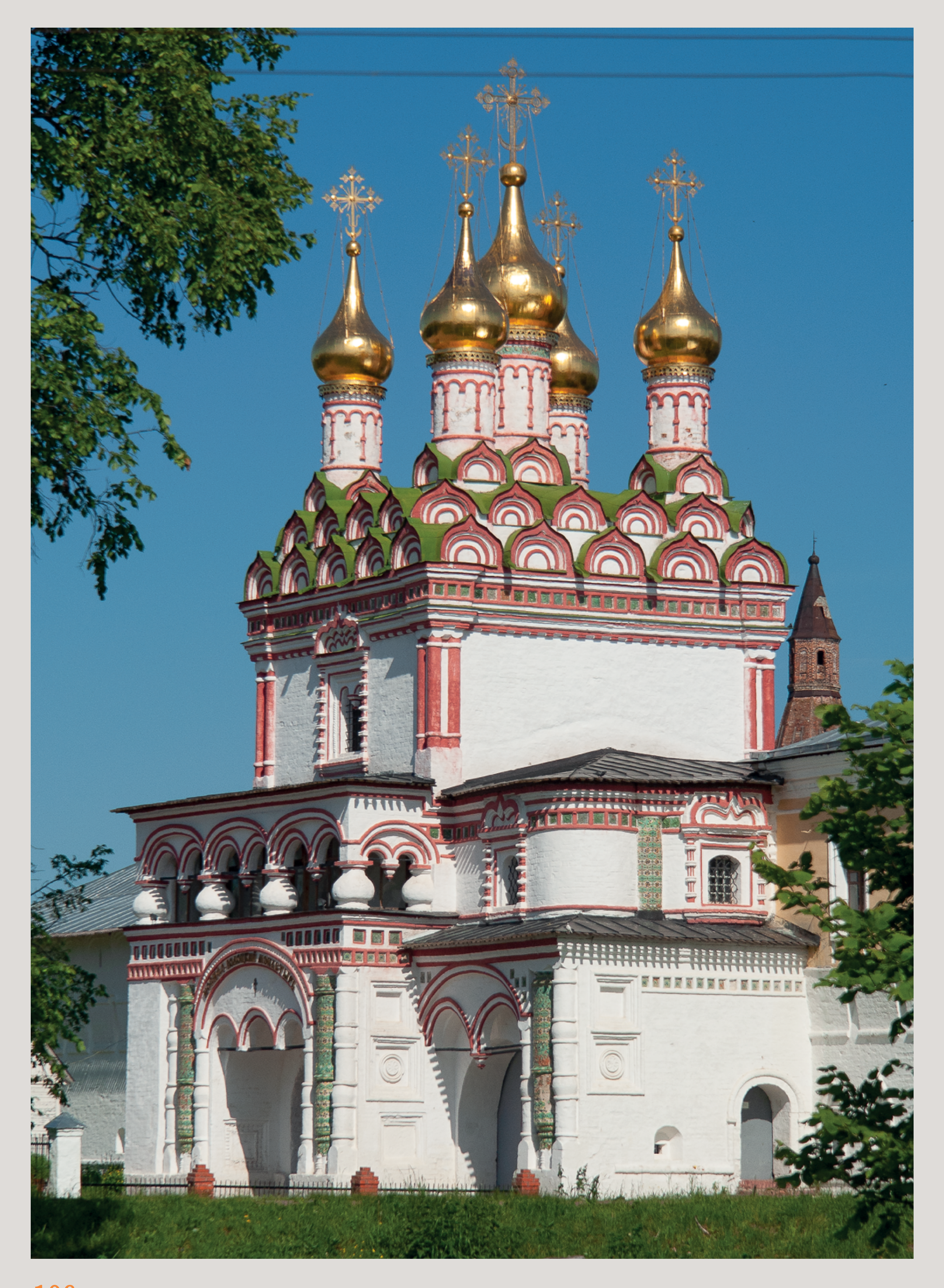
Тайнинское. Благовещенская церковь. 1677 г.

Углич. Воскресенский монастырь. Воскресенский собор. 1677 г.

Комягино. Сергиевская церковь. 1678 г.

Теряево. Иосифо-Волоцкий монастырь. Петропавловская надвратная церковь. 1679 г.

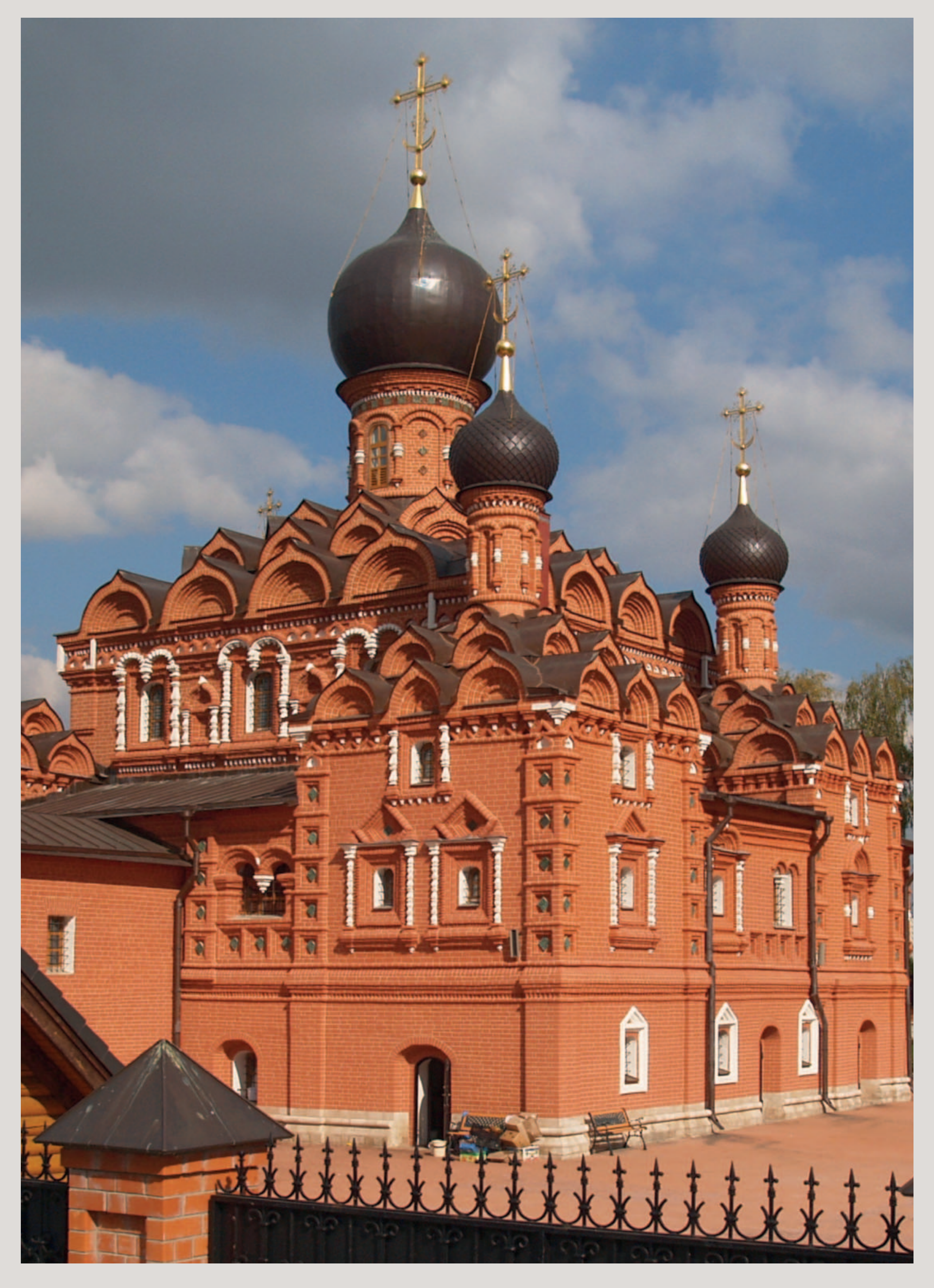
Ростов. Крыльцо. 1680 г.

Борисоглебский. Борисоглебский монастырь. Надвратная Сретенская церковь. 1680 г.

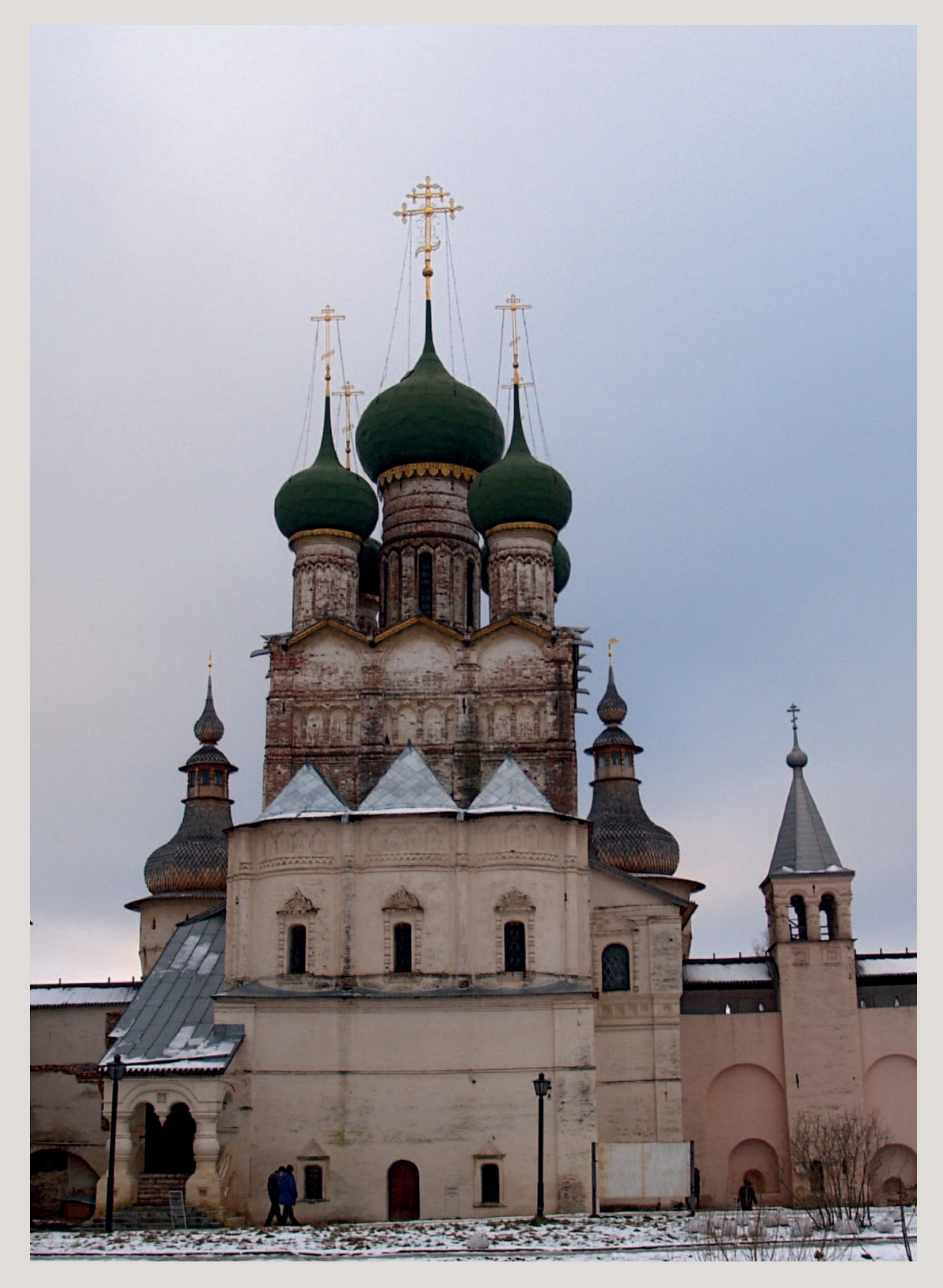

Борисоглебский. Борисоглебский монастырь. Деталь интерьера Сретенской церкви.
На одном углу – девятнадцать видов белокаменного орнамента. Или больше.

Марково. Казанская церковь подворья московского Покровского монастыря. 1680 г.

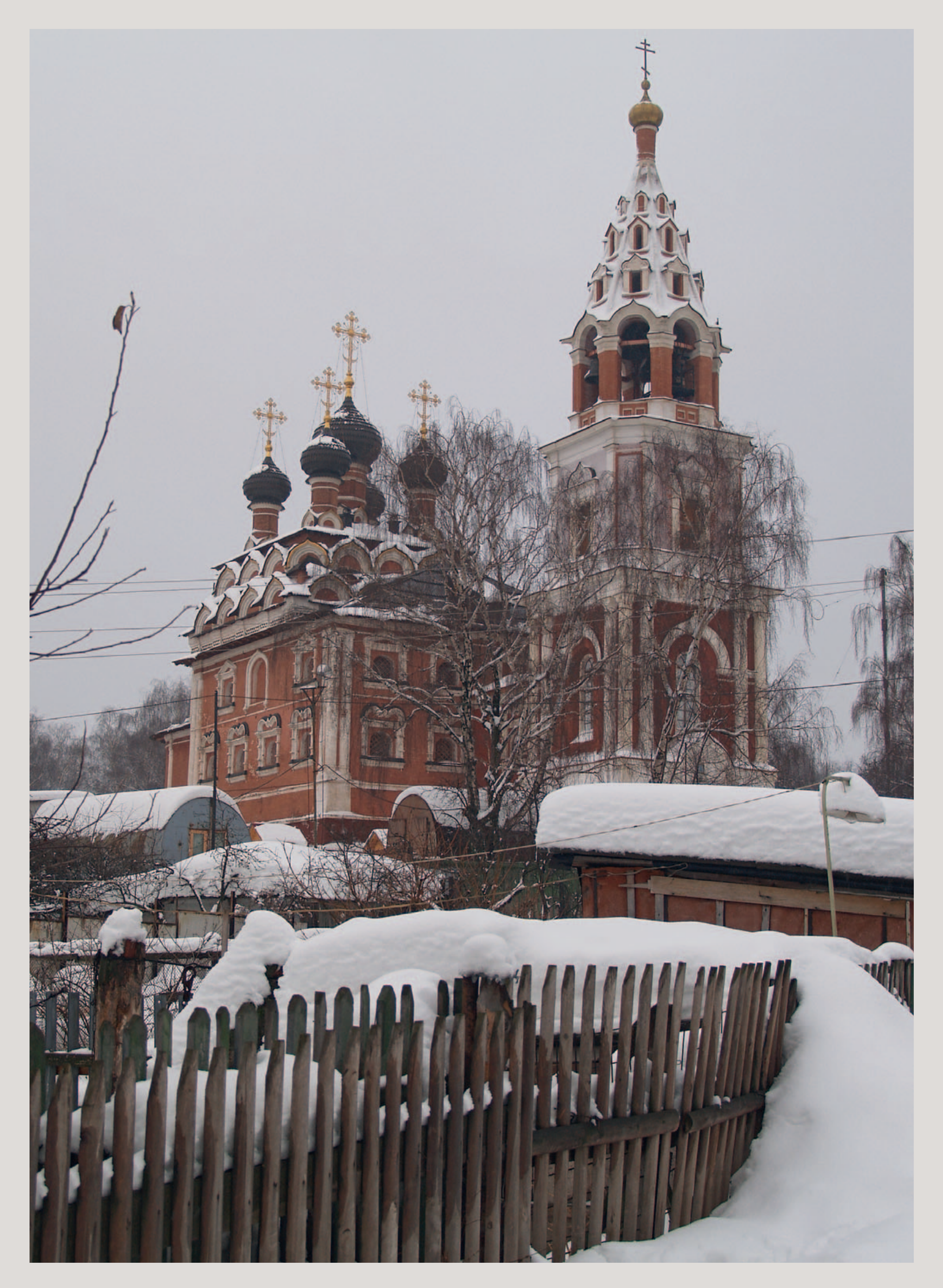

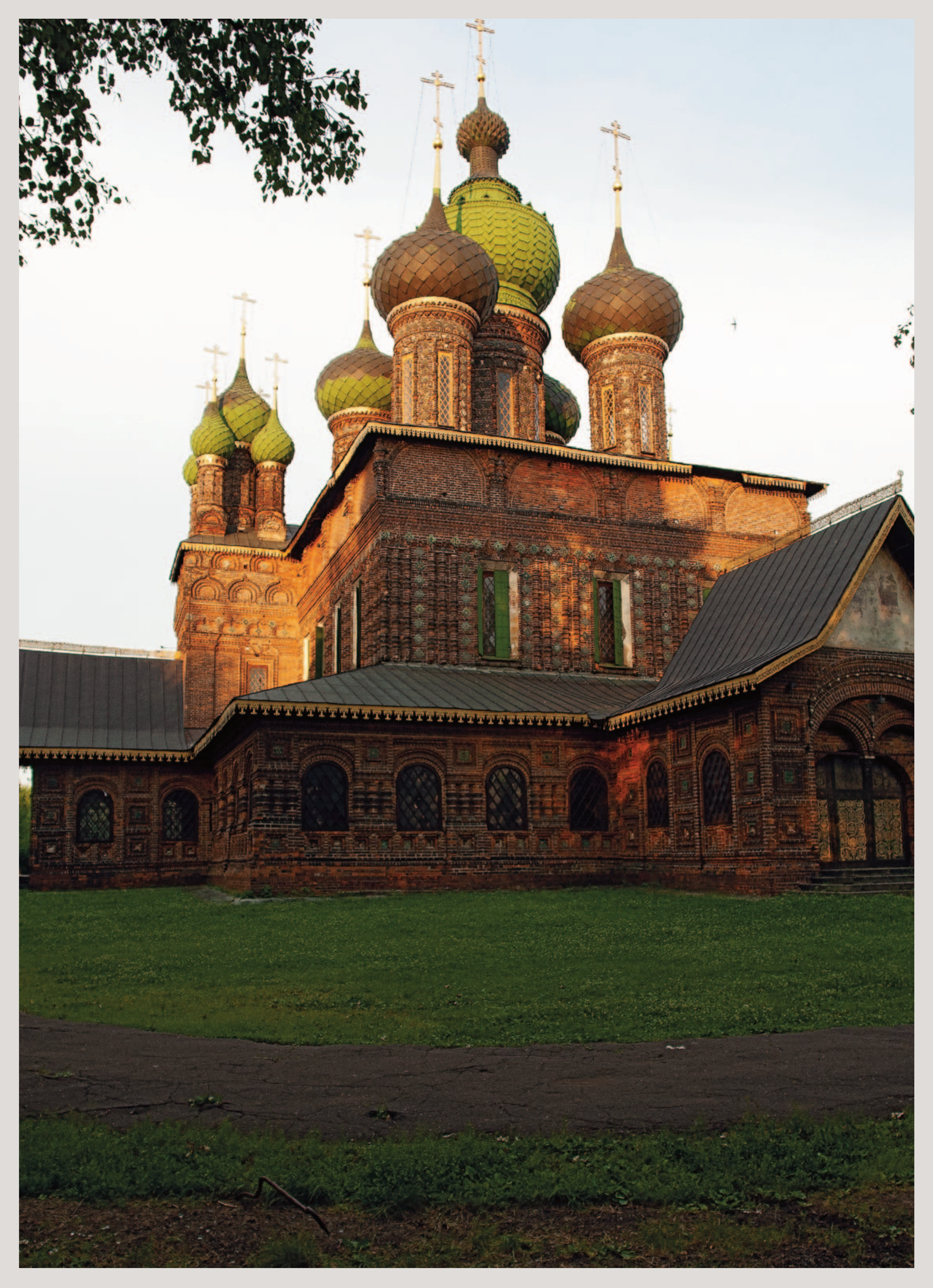
Ростов. Надвратная церковь Иоанна Богослова. 1683 г.

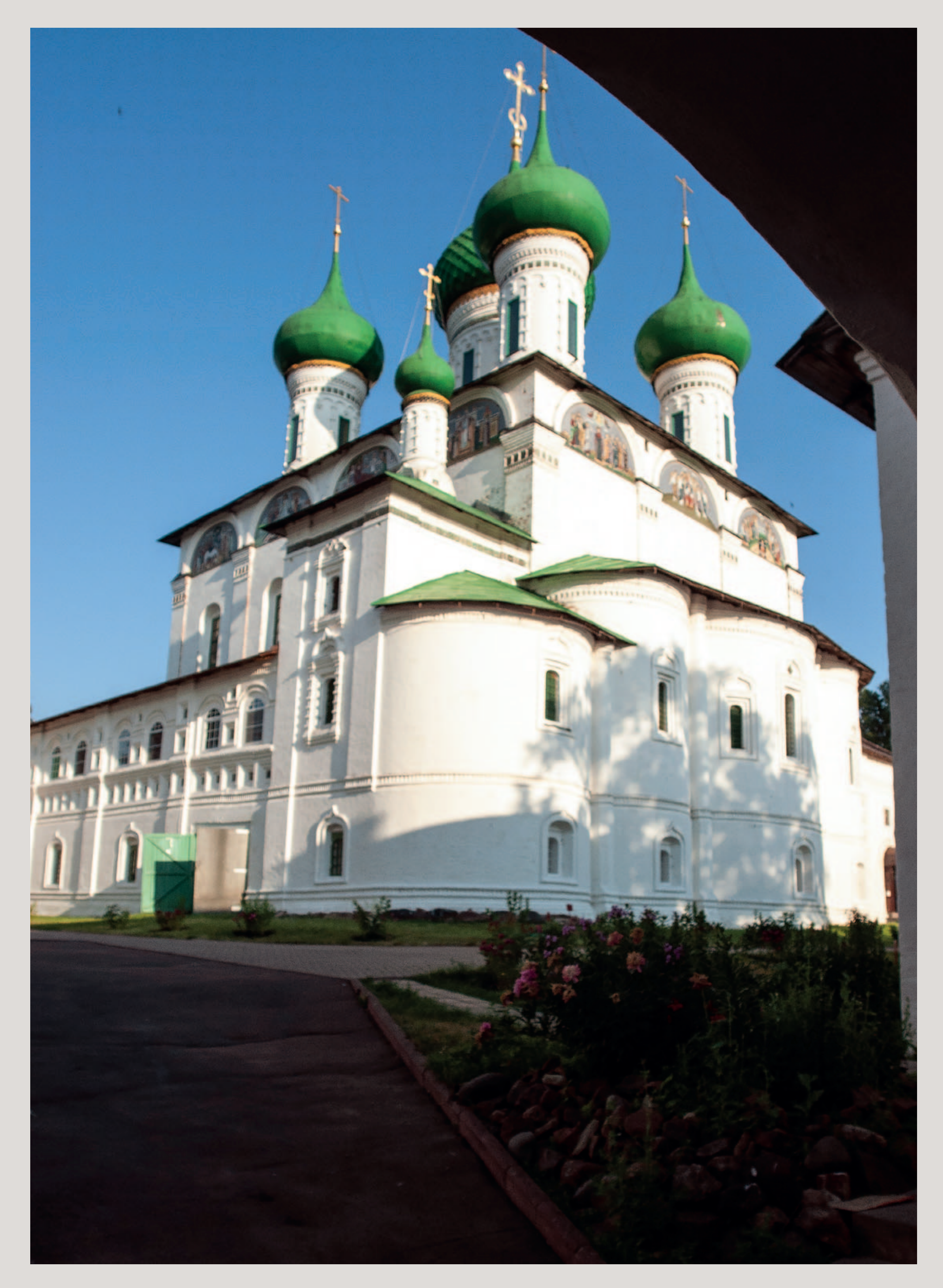

Котельники. Казанская церковь. 1684 г.

Ярославль. Церковь Иоанна Предтечи. 1684 г.

Толгский монастырь. 1688 г.

Аннино. Знаменская церковь. 1690 г.

Калуга. Дом Коробова. 1690 г.
Кремль. Потешный дворец. 1690 г.

Борисоглебский. Борисоглебский монастырь. Церковь Иоанна Предтечи. 1690 г.

Лыткарино. Никольская церковь. 1691 г.

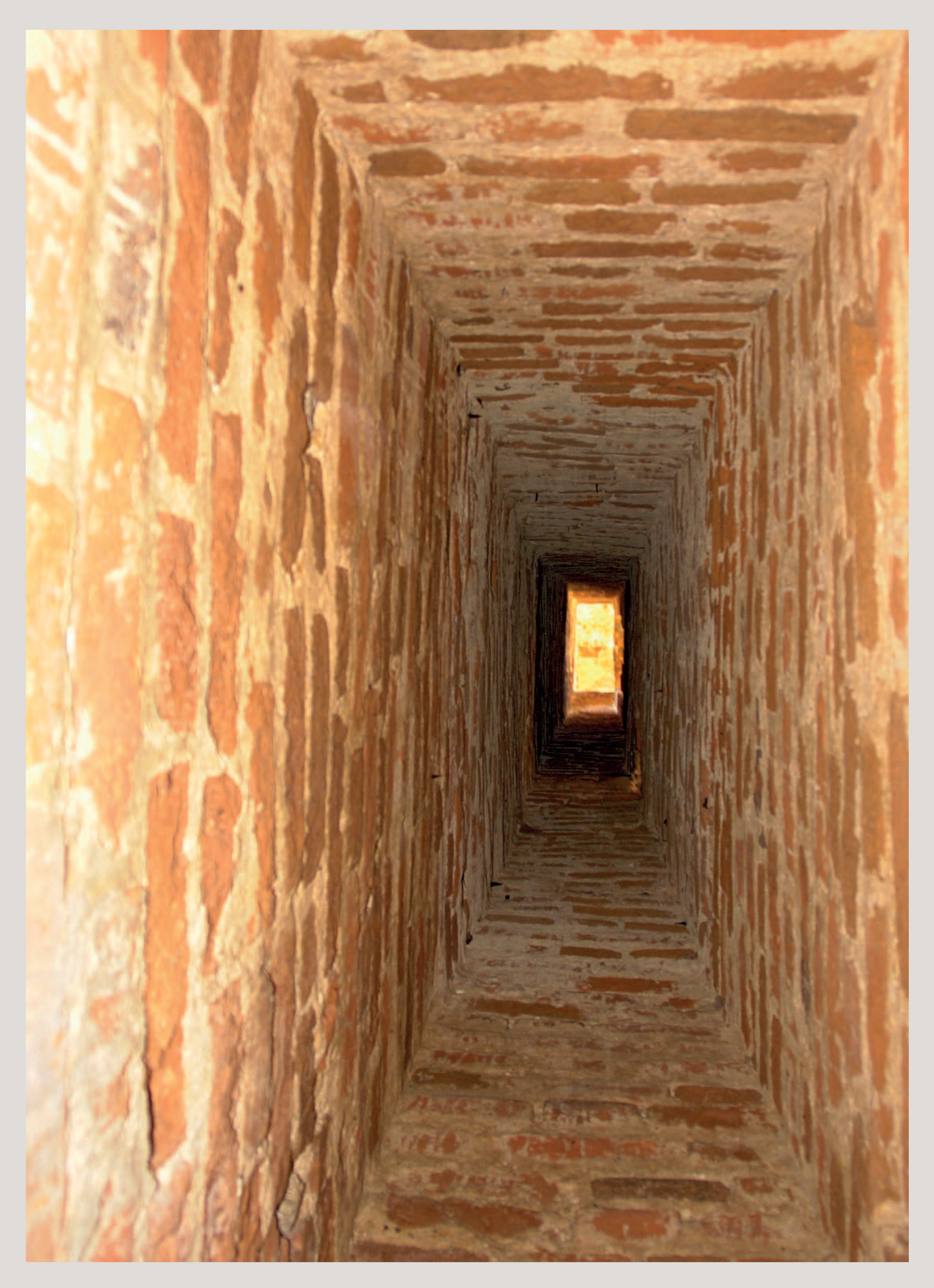
Борисоглебский. Кладка крепостной стены с забутовкой. Вторая половина XVII века

Коломна. Успенский собор (1682 г.) и савёловская колокольня (1692 г.); такая же в Даниловом в Перес

…лавле.

Можайск. Лужецкий Ферапонтов монастырь.
Савёловская колокольня. 1692 г.

Шахта в Алексиевской церкви для (вероятно) очепного звона.

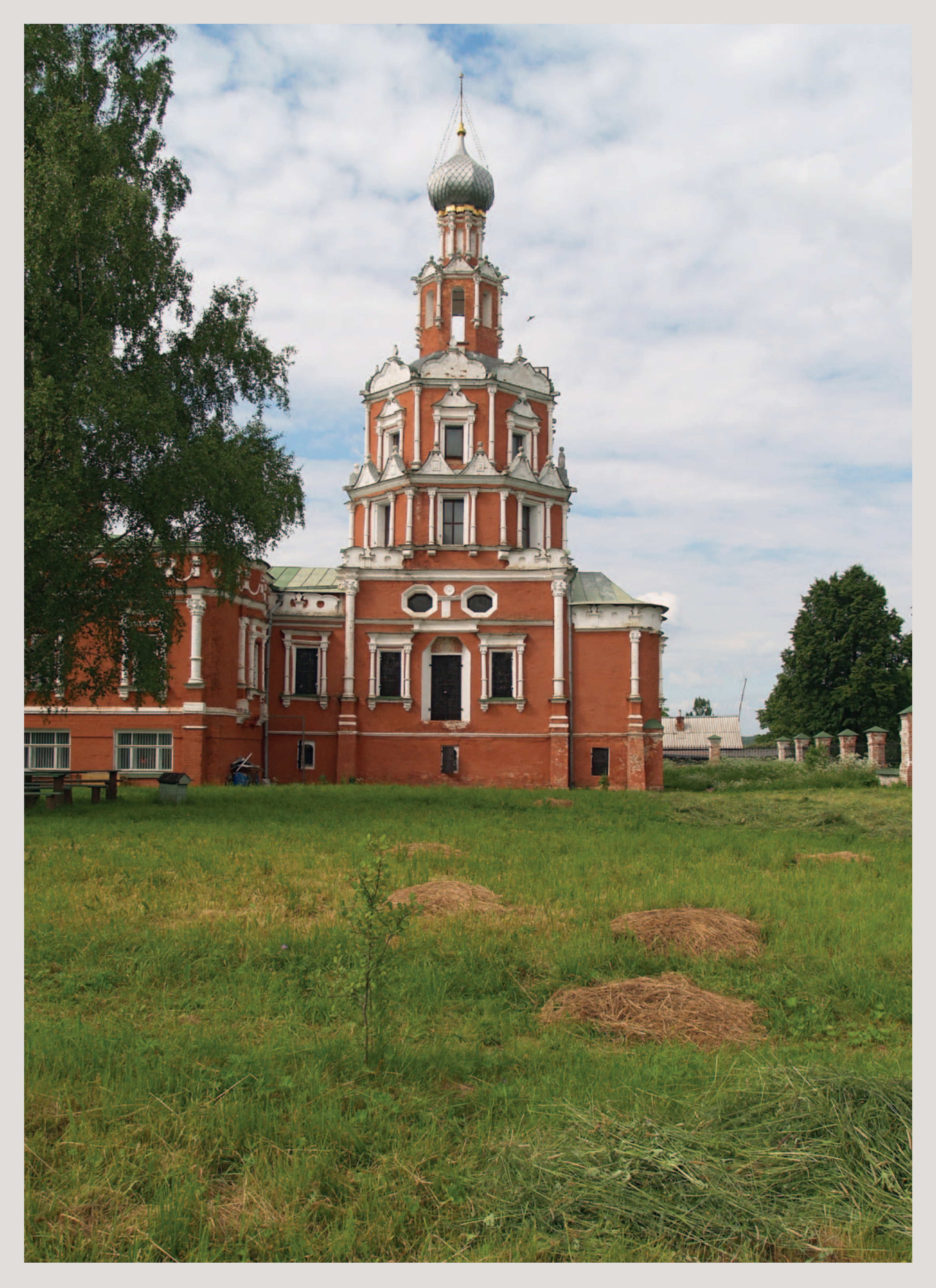

Калужская область. Подкопаево. Алексиевская надвратная церковь иже под колоколы. 1701 г.

Подкопаево. Алексиевская надвратная церковь . Связи в слухах шатра.
Маленькие окошки на севере и на юге

Сафарино. Смоленская церковь. 1694 г.

Бородино. Рождественская церковь без гульбища. 1701 г.

Дубровицы. Знаменская церкровь. 1704 г.

Сенницы. Вознесенская церковь. 1709 г.

Коломна. Церковь Воскресения Словущего. 1716 г.

Про Оку как про Тибр,
или Старая Рязань

Или любая другая река, на берегах которой жизнь то зарождалась и теплилась, то расцветала и давала дивные плоды, то угасала и съёживалась, погибала совсем чуть ли не навсегда, а потом ни с того, ни с сего, вдруг и неожиданно появлялась заново, словно росток не мог не пробиться сквозь слой щебня и крупных камней, как эдельвейс, навсегда привитый на пепельной почве Везувия. Иоганну Готфриду Гердеру, немецкому пастору и философу, было одиннадцать лет, когда Иоганн Иоахим Винкельман написал своё первое сочинение «Мысли о подражании греческим произведениям в живописи и скульптуре» (1755 г.); Гердер превратил латинское слово Ренессанс в греческое Палингенесия, более глубокое и универсальное, на русский трудно переводимое как Везде-Всегда-Возрождение-Жизни. Винкельман стал начинателем всего европейского искусствоведения, сформулировав вопрос о целесообразности подражания античным образцам в ренессансном искусстве. Он писал о том, что родилось, возросло, дало плоды, потом поникло под ударами варваров или от внутренних нестроений – и в той же географии через столетия возродилось, расширилось и дало право в конце концов говорить даже о японском или китайском Возрождении (правда, попозже, к XVII веку). И Россия не убежала от Ренессанса, а лучше сказать Палингенесии: было и полуантичное (с наследоваием традиции от Византии) рождение, почти синхронное рождению германских языков, и апокалиптический потоп, растекшийся на весь мир из Монголии и Маньчжурии, утопивший и могучие ростки в России, и тысячелетние культуры в Китае, мало не дошедший до наследников римских провинций за Вислой; вот уже более ста лет в науке утвердилось мнение, что русский XVII век – это стадиальное повторение, типологически родственное Возрождению с опозданием на два–три века именно из-за потопа в первую очередь.

Старая Рязань – лучшее доказательство этой мысли. Помпеи и Геркуланум не так красноречивы и убедительны, как Старая Рязань: катастрофа, сотворённая геофизическими процессами и невольными ошибками людей, поселившихся в неблагоприятном месте, страшна и трагична без всякой меры страданиям людей, окаменевших в горе и муках; но ни бог, ни судьба, ни природа не умеют показать длань, вонзающую меч в плоть, не озвучивают кровопролитие воплями победы или боли, не имеют оскала вражеского лица, искажённого яростью боя и беспричинной ненависти. Катастрофа Старой Рязани тоже случилась в один день, только небо померкло не от пепла, а от тучи стрел, пожар, подожжённый лавой, так же ужасен, как пожар, зажжённый горящей стрелой или факелом; но у первого нет виновного, а рукой, несущей смерть, всегда управляет чья-то голова и воля. Мир действительно сделан так, что живущее и вправду умрёт, но почему кладбище с одной датой смерти имеет автора? Вот почему Старая Рязань страшнее Геркуланума. Чтобы понять это, нужна самая малость: воображение и привычка употреблять голову не только для еды.

Надо увидеть и остановиться. Что это значит? Вот эта пустота под травой, вот эта кирпичная, кажется, руина высотой метров семь? И самостоятельно, в меру разумения, глазами достроить какой-то собор на её месте, потом жилые и нежилые домики, улицы, лавки, мастерские, торговлю, колодцы, помещения для скота, деревянные звонницы, и вообще московский дворик в поленовском духе, с детьми и погребами, и потом то же зимой, с дымами из труб и сложенными где-то дровами, и опять весна. И на другой день запах пожарищ, впитавшуюся в землю кровь, неестественные позы лежащих тел и тишину. Когда достроится тишина, сколько хватает взгляда, слеза сама покатится из глаз.

Так сделан мир.
Живущее умрёт.

Гомер писал про Трою через шестьсот, кажется, лет после падения города с населением от шести до десяти тысяч. А тут около восьми. Как специалист А. Монгайт крупнее Г. Шлимана, однако же трою можно писать с маленькой буквы, она стала именем нарицательным, а Старую Рязань не то что филологи или историки не сразу найдут на карте, но и археологи не вдруг, через умственную маршрутизацию.

«Булава» (найдена в 2016 году около руин собора) с отверстием под рукоять 1,5–2 см – никак не оружие, даже молоток в плоскости удара имеет не меньше 3 см, а у него древко около 30 см, да и хват для удара поближе к бойку – сантиметрах в 15. Древко для оружия в длину меньше полуметра иметь не может, и тут почти полудюймовая толщина в месте насаживания – совсем несерьёзно, при случайном ударе о камень древко отломится от булавы. Такая толщина годится только для знака власти, что-то вроде скипетра, собственно, изначальное назначение скипетра и есть палка с набалдашником для удара в схватке, только и палка потолще, и набалдашник помассивнее – что такое кусок бронзы примерно 7 на 6 см! Грозить можно, сражаться – вряд ли. Или навершие для знамени, или груз? Но только не колотушка. Тут А.Н. Кирпичников (причисливший ещё в 1966 году такие вещицы родом в основном из Киева к оружию), кажется, маленько погорячился. Но так или иначе – потеряли эту бронзу примерно в 1237 году, когда город в одночасье перестал быть. Может быть, и не в одночасье, а долгими днями Батый воевал стены и деревянные укрепления на них, потом убивал защитников и их семьи, жёг дома; вообще, убить цветущий город так, чтобы не возродился никогда – немало хлопот. Археологи нашли и драгоценные клады, и бытовую и ремесленную утварь (иногда неизвестного назначения) во множестве. Длина стен – 2 км, как у московского кремля.

Одно хорошо. Теперь копать это нашу Трою придётся веками, пока приоткрыто около пяти процентов городища. И слоёв не шестнадцать, поменьше.

Натиски то на Запад, то на Восток – мифы только для нелюбителей смотреть на мир открытыми глазами. Объяснение причин для натиска – простейшее, неоспоримое и неопровержимое: многим кажется, что саблей хлеб добывается проще, чем плугом. И никакая «пассионарность», пере- или недоразвитость чего бы то ни было не имеют никакого значения. Благочестивая или оскаленная маска на лице имеют одну цель – превратить грабительство в доблесть, и Иерусалимское королевство сгинуло в Лете так же бесславно, как Золотая орда, крестоносцы ничем не лучше ногаев, без поживы ни те, ни другие не тронутся с места.

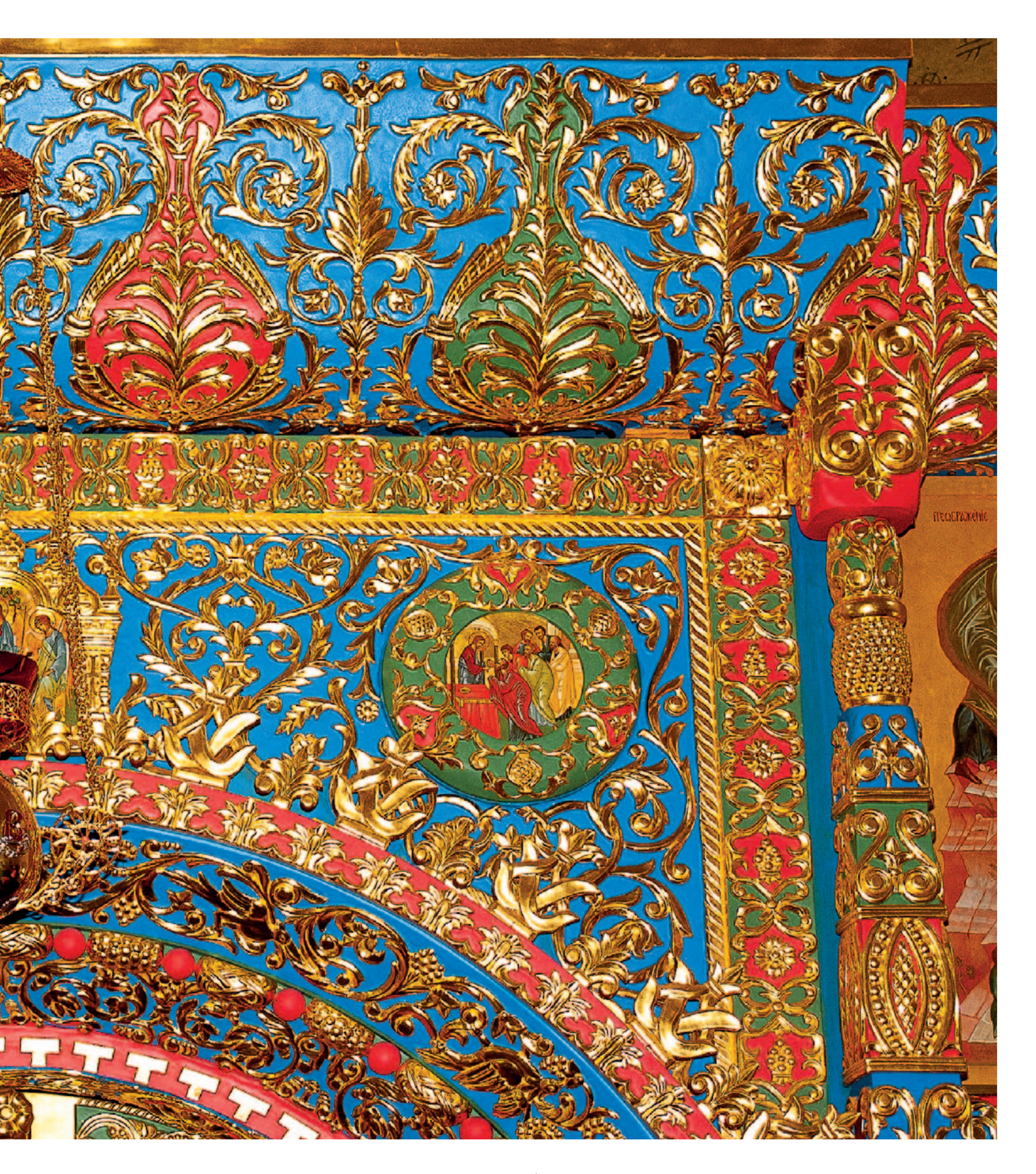
Под Калугой в 1480 году натиск на Запад иссяк, и свобода, как всегда, обернулась необходимостью устроить мир и міръ наново, справедливо, без мучительств.

После Иоанна III Великого минуло ещё сто лет, и в XVII век Россия вступала, имея уже за плечами не только ту старину, которую описывал в начале XVI века Сигизмунд Герберштейн, но и несколько цивилизационных достижений, важность которых и значение которых забыты после ломки Петра I. Это местное самоуправление, начатое реформами Елены Глинской и продолженное молодым (даже юным) Иоанном IV, земскими соборами как продолжительной конституантой (учредительным собранием) и приказно-челобитенной системой как способом организации всенаправленного (и влево-вправо, и вверх-вниз) взаимодействия населения, в которой властные институты формировались вне зависимости от избирательно-представительных структур и процедур, а опирались только на иерархию со всеми мыслимыми и немыслимыми вариантами её (иерархии) формирования. В этом секрет – пока западная Европа возрождалась, гуманизировалась и просвещалась, Россия отряхивалась от неблагообразных ошмётков трёхсотлетнего рабства, она бы и не прочь постигнуть золотое сечение внутри

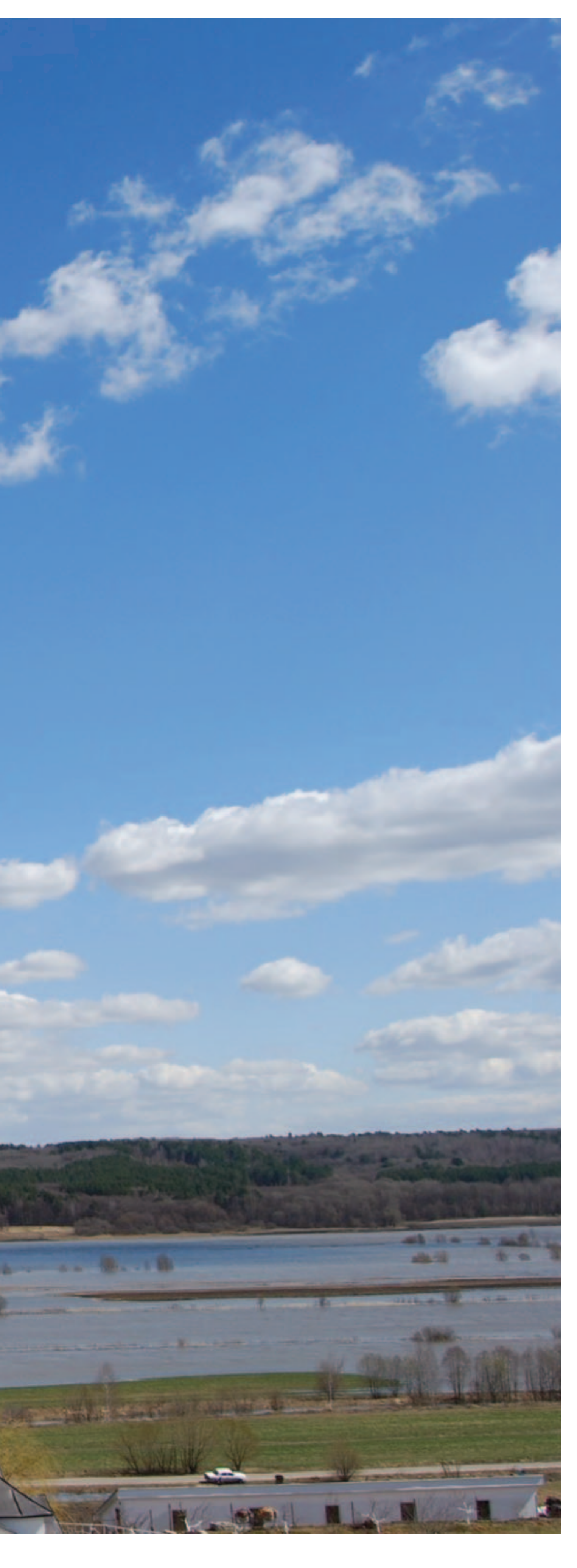

и вне человека, одна беда – недосуг. Поужинать было некогда, потому что обед пропустили, а от завтрака дела оторвали. Поэтому, Gott sei dank, парламентаризм нас миновал, республиканизм особенно смешон стал в XX веке, сражения вокруг этих бумажных тигров так и остались литературными, просто маскирующими главное: чем выше человек забирается в иерархии (любыми способами – хоть выборы, хоть назначения), тем хуже становятся зрение и слух, человечишки становятся маленькими, голоса у них – тоненькими, умишки – ничтожными и т. п. Сражения на ниве просвещения становятся всё более кровопролитными, а пресловутая обратная связь между иерархами и населением

никак после Цинь Шихуанди и Солона не образовывается. Вот тут-то пропустившая в своё время Возрождение и Просвещение Россия и пригодилась. В ней сформировалось то, без чего, как оказалось, не обойтись: челобитные (вместе с приказами) как государствообразующий институт: вот уж где обратная связь, ничего организовывать не надо, сами текут, сиди да думай. Они и раньше были, и позже не перестали, но только здесь и теперь, после 1480 года, вместе с приказами они явили миру чудо: представительства нет, а расцвет страны в XVII веке есть.

Переделки мира во все времена, повороты и перевороты здорово напоминают те перемены, что произошли через сто лет после 1380 года. Сто лет понадобилось для того, чтобы даже после победы набраться сил, подготовиться к пониманию: «А как это – не платить дань? Что, совсем, вообще не платить? А разве можно? А они не обидятся?»

Совершенно неожиданно оказалось, что для того, чтобы перейти к поискам нового способа организации несправедливости в мироустройстве, понадобилось всего-то и навсего, что решить, сказать и встать, «конно, людно и оружно» всем войском при впадении реки Угры в Оку. Но, правда, незадолго до того пал под турками Царьград, Зоя стала Софьей, супругой Иоанна III, государственная и духовная жизнь дозрели до Сергия Радонежского, Пафтутия Боровского, до споров Нила Сорского и Иосифа Волоцкого. Эта государственная жизнь выпрасталась из-под деревянных щитов для пира, под которыми лежали вполне ещё живые князья к началу празднования татарами победы над русскими. Не десятилетиями, веками готовилась эта победа без битвы. Решили, сказали, встали. Но были готовы. И это стало понятно противной стороне. Лучше жить без дани, чем лечь прямо тут.

После XVII века опять навалился псевдоморфоз, за триста лет накопивший столько покалечений с разных сторон, что впору вспомнить о натиске, теперь уж с Запада: «И чего они все на нас рыпаются...» («Любовь и голуби»). И правда, и чего это они...

Жаль, не у кого спросить.

Как звали предков в XI веке? А в I веке? Они ведь были 20–30– 40 поколений назад. Многие смутно, но помнят прабабушек, то есть четвёртое вспять поколение, которые родились полторы сотни лет назад. Четвёртое из 20. Одну пятую или одну седьмую или одну десятую, смотря кто как рожал. Имена редко сохраняются, но доказательства того, что они были, есть и в наши дни. В этом сомнений нет, иначе не было бы кому писать и читать эти буквы.

Из этого простого обстоятельства вытекает много выводов, упомянем некоторые.

Почти все отличаются от наследников Цицерона и Карла Мартелла только тем, что имена их предков не уцелели. И это ужасно, потому что неизвестно, кого любить. Ближайших – двоих, четверых и так далее до четвёртого поколения – ясно, а потом уже нет. А всё, что известно о ближайших, это то, что вся

жизнь, всё, что есть, было и будет, состоит из безвозвратных долгов перед ними, родными и неродными; они – дали, мы – насладились, а им не вернули и толики, потому что они не могут взять, как бы мы ни были щедры. И пятое, одиннадцатое, двадцать третье и тридцать первое поколение были, наверное, не хуже, чем ближние, они все создали нас, а неизвестно, кого помянуть.

Не у кого спросить.

Надо как-то узнавать самостоятельно, не для того, чтобы установить родство с Буддой, Мохаммедом или Конфуцием, а для того, чтобы присвоить и их наследие, воспользоваться и насладиться и их опытом, который немыслимо быстро растаивает, исчезает, оказывается ненужен тем, кто не устаёт со всеми возможными мучениями заново открывать и придумывать то, что было известно уже фараонам.

И – странный силлогизм: для этого надо переписывать историю. Потому что если в ней, в истории, есть маленькая или большая неправильность, то опыт предков ускользает. Вот ты спрашиваешь бабушку, как звали её бабушку, а она отвечает: «Ездундокта». Ясно, что неправда, они с дедом родом из Рязанской и Липецкой губернии, из крестьян, там про этих «Фтотатит» слыхом не слыхивали. Уж и не важно, отчего выдумывает, и где она только нахваталась этой пошлости, однако же имя-то не появилось из небытия, и про жизнь ее деревенскую ни одного самомалейшего фактика не образовалось. Вот это-то и бесит. И в истории есть многодесятилетние или многостолетние провалы, где одни потёмки и муть, ничего не понятно, хотя видно, что что-то случалось очень важное, большое: до этого была одна страна, потом – другая, вот где-то примерно тут что-то щёлкнуло, с неба свалилось, оземь ударилось и превратилось, глядь – другая жизнь. А что щёлкнуло-то? Что? Непонятно.

Вот – главное слово.

Чтобы воспользоваться тем, что предки оставляли, надо понять. Знать-то – само собой, главное – понять.

Со школьной скамьи слышали про старообрядчество, Никона и церковную реформу, исправление книг и Аввакума. А самосожжения стали понятны? А промышленная и купеческая успешность староверов? Это не лакуна в понимании истории, а пропасть, дыра. Потому что те, кто тогда понимали, промолчали, а теперь спросить не у кого, надо самостоятельно.

Почему Николай и два Александра, потом тихий несчастный алкоголик Николай II презирали и даже брезговали такими глупостями, как парламентаризм и конституция, у них ведь просвещённости хватило бы на двоих Питтов с Чемберленом и Черчиллем впридачу; что в XVII и XVIII веках случилось такого, что призрак коммунизма, шатавшийся по Европе в XIX веке, столь убедительно растоптал в XX сами принципы народовластия как идеи государственного устройства в том или ином национальном исполнении повсюду, от тинга до хурала, от совета до конгресса, рады или думы.

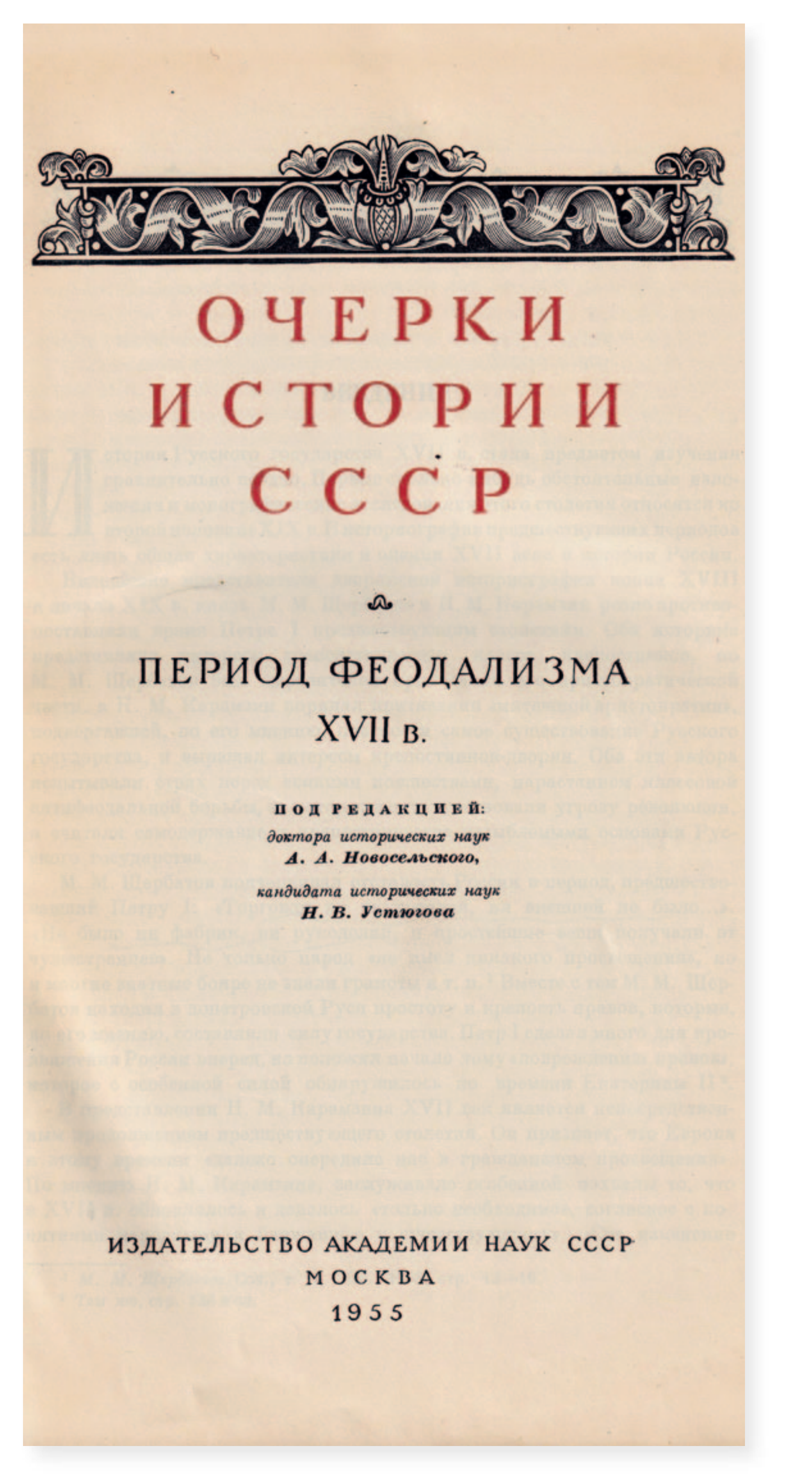
Маленькая, короткая, слишком поспешная история, лишённая ещё и понимания, превращается в скопище анекдотов. Будущий крупный военачальник и государственный деятель, угодив в метель, несколько часов слышал от замёрзшего возничего повторение одного слова: «Nothing, nothing». Оказывается, это Бисмарку говорил заснеженный кучер с облучка: «Ничего-ничего…»; и впрямь, ничего, выбрались, а то не было бы никакой единой Германии, околели бы в снегах. У него и застряла эта фонетика в памяти, и он в затруднительных положениях не раз себе под нос бормотал: «Nitschewo-nitschewo…». Приблизительный ситуативный перевод – «Macht nichts…» Язык Бисмарк знать не стал, но что-то про Россию узнал.

У понимания есть мощный эвристический потенциал. Если понять, что заставляет мигать лампочку в цепи постоянного тока с конденсатором и катушкой, можно начинать думать о сетке триода, а там уже недалеко и до технологии в 6 нанометров. Но если цепь собрать неправильно, сколько ни бейся, проку не будет. Не мигает, и всё тут.

Когда в понимание истории встраивается негодный кирпичик, большой или малый, прочность страдает. Стена красивая и прямая, но хлипкая, прочности нет, жить нельзя, «не мигает». Уничтожение института патриаршества в общем движении к секуляризации на рубеже XVII–XVIII веков, приведшем уже при Екатерине II к лишению монастырей экономической основы существования, оценивается скорее положительно, хоть и с оговорками разной этиологии; про Нила Сорского и Иосифа Волоцкого никто и вовсе не вспоминает, а суть-то та же в споре, и через сотни лет. Чтобы деятельно помогать, надо иметь силу, или только правды достаточно? А уметь помогать надо, или уж как получится? Без понимания жизнеустроительной роли церкви в истории XVII века, в рамках только государственного строительства, внешней политики и событийной истории ничего нельзя уловить, связать, выстроить, объяснить. И тут же надо не забыть о земских соборах, которые ни с какой стороны не похожи ни на какие парламенты, но функционально они идентичны и парламентам, и учредительным собраниям, растянутым во времени на целый век.

Очерки можно делать рукой мастера, сознавая, что нельзя объять необъятное, и всё, на что может надеяться взрослый исследователь – наметить самые общие, в самых главных чертах, толстыми линиям, без тонкой детализации картины, которые впоследствии будут доисследоваться, развиваться, конкретизироваться и так далее. Написать просто «История СССР» или «История России» авторы не могли, во-первых, потому что сознавали ограниченность своих сил и возможностей, во-вторых, историческое «мясо» им приходилось нанизывать на скелет, уже окаменевший под перьями «классиков марксизма-ленинизма», поддерживая его не такой уж могучий хребет своими мышечными усилиями, утверждая историей верность обществоведческой схемы. Потомкам не составляет труда отжать из канвы повествования ссылки и рассуждения о классовой борьбе, прочую муть про классы и производящие силы, у которых под ногами болтаются производственные отношения, но автонасилие, которое произвели над самими собой авторы, оказалось небезобидно. Как ни целься из ружья с кривым стволом, попасть в цель невозможно, даже если сталь превосходна. Заранее известная формационная схема (пять

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ СССР

ПЕРИОД ФЕОДАЛИЗМА
XVII в.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ:
доктора исторических наук
А. А. Новосельского,
кандидата исторических наук
Н. В. Устюгова

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА
1955

ВВЕДЕНИЕ

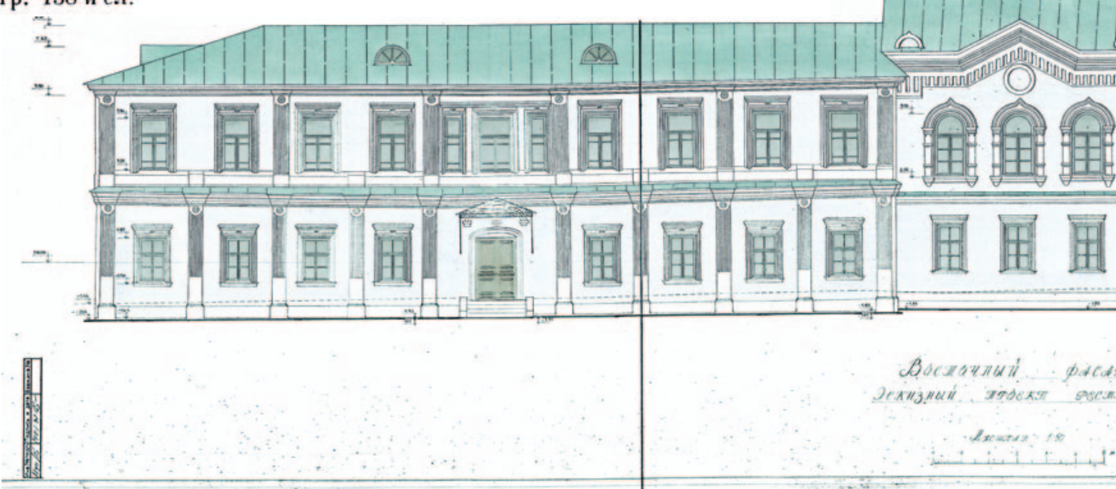
История Русского государства XVII в. стала предметом изучения сравнительно поздно. Первые сколько-нибудь обстоятельные изложения и монографические исследования этого столетия относятся ко второй половине XIX в. В историографии предшествующих периодов есть лишь общие характеристики и оценки XVII века в истории России.

Виднейшие представители дворянской историографии конца XVIII и начала XIX в. князь М. М. Щербатов и Н. М. Карамзин резко противопоставляли время Петра I предшествующим столетиям. Оба историка представляли интересы господствующего класса крепостников, но М. М. Щербатов был выразителем притязаний его аристократической части, а Н. М. Карамзин порицал притязания «мятежной аристократии», подвергавшей, по его мнению, опасности самое существование Русского государства, и выражал интересы крепостников-дворян. Оба эти автора испытывали страх перед всякими новшествами, нарастанием классовой антифеодальной борьбы, за которыми они чувствовали угрозу революции, и считали самодержавие и крепостничество незыблемыми основами Русского государства.

М. М. Щербатов подчеркивал отсталость России в период, предшествовавший Петру I: «Торговли ни внутренней, ни внешней не было...». «Не было ни фабрик, ни рукоделий, и простейшие вещи получали от чужестранцев». Не только народ «не имел никакого просвещения», но и многие знатные бояре не знали грамоты и т. п.[1] Вместе с тем М. М. Щербатов находил в допетровской Руси простоту и крепость нравов, которые, по его мнению, составляли силу государства. Петр I сделал много для продвижения России вперед, но положил начало тому «повреждению нравов», которое с особенной силой обнаружилось ко времени Екатерины II[2].

В представлении Н. М. Карамзина XVII век является непосредственным продолжением предшествующего столетия. Он признает, что Европа к этому времени «далеко опередила нас в гражданском просвещении». По мнению Н. М. Карамзина, заслуживало особенной похвалы то, что в XVII в. обновлялось и делалось «только необходимое, согласное с понятиями народными и ближайшее к существующему». «Сие изменение

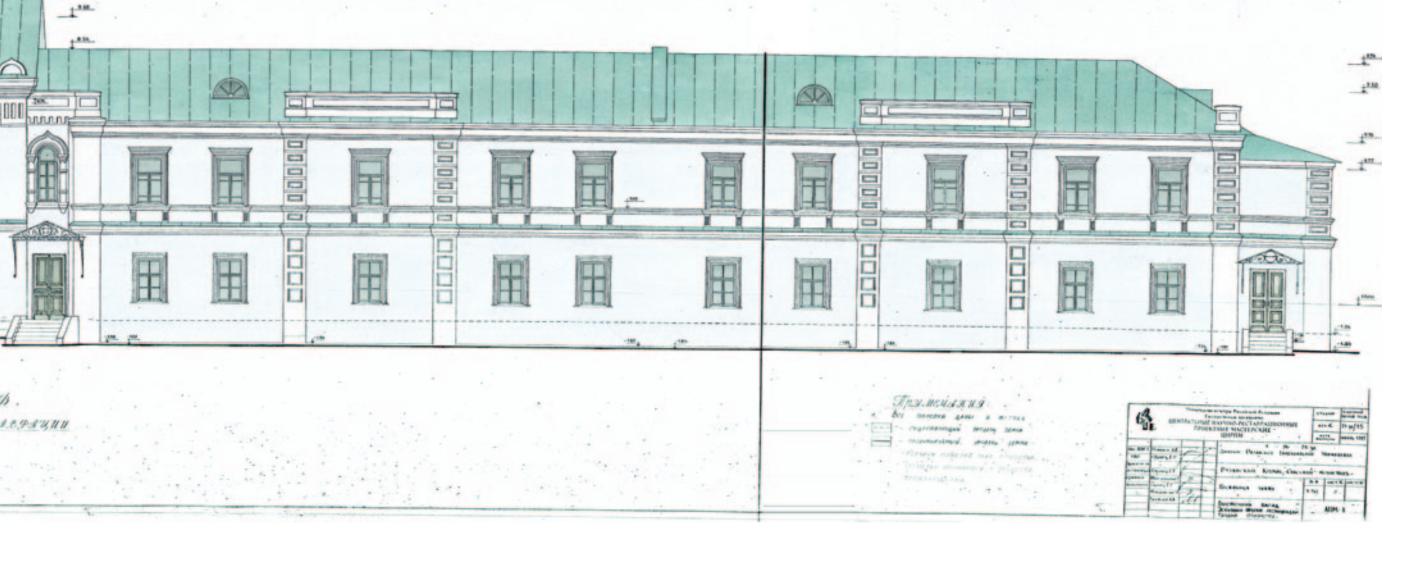
[1] *М. М. Щербатов.* Соч., т. II, СПб., 1898, стр. 13—16.
[2] Там же, стр. 138 и сл.

штук от первого быта до коммунистов) не позволяет сформулировать простые вопросы, а именно они, точнее, ответы на них, дают наиболее интересные, крупные результаты. Силы и время, потраченное на социологию, не просто отняты у исторического повествования, они, словно надетые лыжи, не дают делать определенные повороты там, где надо, и прямиком ведут по проложенным колеям в тупики логики или к неправдивым, вымученным выводам. Например, важнейший идейный пласт про старообрядчество вошёл в раздел про бесконечно усиливающуюся, нарастающую и прямоведущую к прогрессу классовую борьбу.

Привычная общая схема изложения не даёт делать промахи, от природных и географических условий к хозяйству, там поблизости всякая торговлишка с товарными отношениями, недалеко до угнетения и крепостного права, у которого до 1861 года на триста лет есть только одна характеристика – умение усиливаться беспредельно, до состояния полной нестерпимости после достижения невыносимости, когда уже вообще невтерпёж подступает к горлу. Действительно уродливое явление должно было иметь какие-то не только отвратительные черты, чтобы сохраняться веками, но о них ничего не известно. Классовая борьба, войны и внешняя политика, организация управления в центре и на местах, местные особенности, побольше про культуру и платье – рецепт беспроигрышный. Том – как пишут сами авторы – это первый опыт созидания общего представления об истории XVII века, и надо признать, черты, прочерченные в очерках, глубоко врезались в ткань не только исторической науки, они отпечатались во всех без исключения отраслях и областях мира идей и знаний. Изваянные ими (авторами) бетонные глыбы лежат в основе любого представления о XVII веке, от начально-школьного до академически-докторского, независимо от специализации, из созданных знанием теорем и плодов размышлений упомянутые черты превратились в неколебимые постулаты, в ленточный фундамент глубокого залегания, выйти за габариты которого никакой этаж историографии не может; блоки эти играют роль той опоры, которую если убрать или хоть поколебать – не хочется думать, что и станется, какая-то катастрофа апокалиптической беды со страшным ужасом.

Даже таких огромных историков, как А.А. Новосельский, Н.В. Устюгов и А.А. Зимин, подстерегла ловушка качества. После отжатия обществоведческой избыточной жидкости собственно исторический материал безошибочно и доказательно свидетельствует, что история XVII века, широкими мазками обрисованная ими, – время географического взрыва, пышного расцвета и государства, и страны, и народа, и экономики, и культуры; что эти 60–70 лет в середине столетия подобия по непрерывному поступательному развитию за десять веков не имеют. И именно этот именно расцвет таковым они назвать не могут, поскольку не велит сложившаяся общественная, научная, социологическая традиция. Великие Реформы Великого Петра величием своим очаровали всех без исключения пишущих и думающих людей в XVIII и XIX веках, с него, если хорошенько подумать, и вовсе началась настоящая история России, и не в первый, и не в последний раз пришлось отряхивать прах прошлого с ног, всё вообще строить заново и с нуля, потому что «Страна у нас большая, порядка в ней лишь нет» (А.К. Толстой, «...от Гостомысла...»). В этот раз «прахом прошлого» пришлось стать истории XVII века: весь смысл истории должен был подвести к необходимости преобразований: свет нового светит ярче, если тьма прошлого гуще. Ловушка сработала: профессионально доказан расцвет России в XVII веке, но социологическая ложка дёгтя испортила целую бочку исторического мёда, теперь нужна процедура химического вышелушивания, чтобы отделить плевательное от поедательного.

делалось постепенно, тихо, едва заметно, как естественное возрастание, без порывов и насилия»; Петр I «мощною рукою схватил кормило государства. Он сквозь бурю и волны устремился к своей цели, достиг, и все переменилось!». Вводя иностранные обычаи, Петр I «искоренял древние навыки». В этом, как говорит Карамзин, заключается «вредная сторона его блестящего царствования»[1].

Таким образом, Щербатов и Карамзин, будучи идеологами дворянства, искали в старине обоснования своих реакционных воззрений.

Новый этап в развитии русской историографии вообще и во взглядах на историю XVII в. представляют воззрения декабристов. Декабристы проявляли глубокий интерес к истории России и в ее трактовку внесли новые и передовые для того времени идеи. Будучи идейными преемниками Радищева, декабристы страстно критиковали и решительно отвергали крепостничество. Они единодушно осудили реакционную феодальную идеологию Карамзина и других дворянских историков. Не умея правильно оценить прогрессивное значение государственной централизации и восставая против самодержавия, декабристы первыми отметили роль сословно-представительных учреждений в истории России XVI — XVII вв., хотя и расходились в оценке этой роли. Очень важно также, что декабристы настойчиво подчеркивали связь XVII века с эпохой петровских реформ, чем значительно опережали официальную историографию[2].

Декабрист А. О. Корнилович в своем исследовании «Известия об успехах промышленности в России и особенно при царе Алексее Михайловиче» довольно подробно описал экономическую политику правительства в XVII в., подготовившую реформы Петра I[3].

Славянофилы, подобно Щербатову и Карамзину, резко противопоставляли Московскую Русь новому периоду, начинающемуся эпохой Петра I. Наиболее отчетливо эта точка зрения высказана К. С. Аксаковым. Московская Русь, по утверждению Аксакова, была воплощением начал самобытного развития русского народа. Она была сильна, говорит Аксаков, «добровольным союзом и отношениями» земли и государства, причем «внешняя правда» была присвоена государству, а «внутренняя правда — земле; неограниченная власть — царю; полная свобода жизни и духа — народу; свобода действия и закона — царю, свобода мнения и слова — народу». К. С. Аксаков утверждал, что «до Петра помещичьи и вотчинниковы крестьяне были люди свободные и полноправные», что «крепостное состояние есть дело преобразованной России». При Петре I «переломлен был весь строй русской жизни, переменена была самая система»[4].

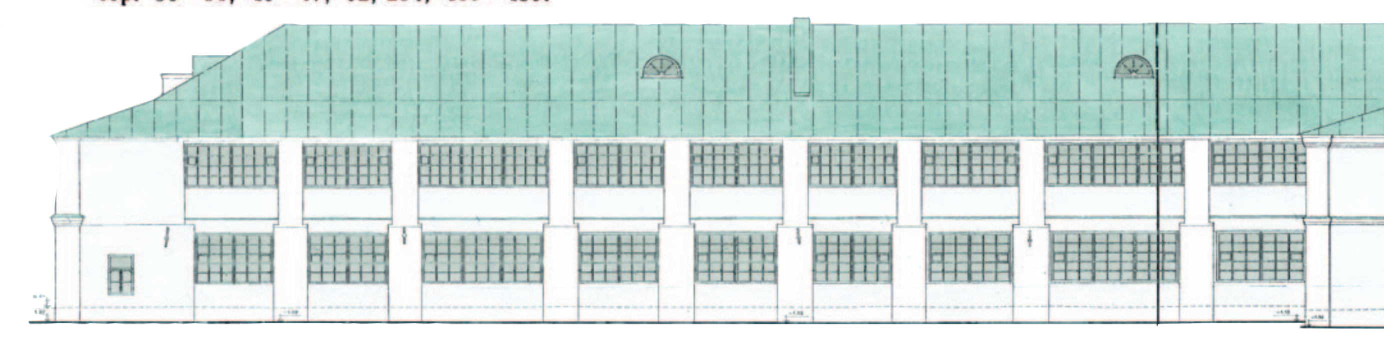
---

[1] *Н. М. Карамзин.* Записка о древней и новой России. СПб., 1914, стр. 21—24.

[2] *С. С. Волк.* Исторические взгляды декабристов.— «Вопросы истории», 1950, № 12, стр. 38, 47—48, 51, 56 и др.

[3] *Н. П. Макухина.* Исторические взгляды декабриста А. О. Корниловича. М., 1954, стр. 24, 30, 64—65 и др. (Рукопись).

[4] *К. С. Аксаков.* Сочинения исторические.— Полное собр. соч., т. I, М., 1889, стр. 30—31, 46—47, 62, 284, 488—489.

Строки Введения, написанные примерно в 1954 году, пугают современностью звучания. Чем серьёзнее мина, с которой авторы произносили шутку, тем уморительнее был эффект. М.М. Щербатов и Н.М. Карамзин очень опасались усиления антифеодальной борьбы и за всякими новшествами нехорошими прозревали грозу революции, почитая самодержание и крепостничество основами государственности. Смысла в этих строках мало, но начальственный слух ласкает: как же, крепкая государственность грозу революции должна отвести непременно, хотя революция и есть единственный способ прогрессирования общества, страны и государства, но в дебрях диалектической логики не всем по силам разобраться.

Главное уже прозвучало, уже вкралось, уже есть как данность, как природа и погода: «отсталость России в период, предшествовавший Петру I»; доказательства не нужны, все же и так знают. Даже прямая неправда М.М. Щербатова про то, что и народ, и бояре поголовно обходились без просвещения, осталась без опровержения. По М.М. Щербатову, крепость неповреждённых Петром нравов – единственное достоинство истории XVII века. Так себе комплимент, можно сказать, сомнительный: крепость дурного нрава ничуть не украшает того, кто крепок. И Н.М Карамзин далеко от князя не ушёл: хватающая весло власти мощная рука Петра в неизреченной премудрости своей переменила непросвещённость народов к лучшему одним махом, сразу и удачно, прервав постепенные эволюции медленно зреющих перемен, скорее ленивых, чем нужных, но естественно растущих, не привнесённых ниоткуда. Это предвосхищение через умолчание: если взглянуть на точку зрения Н.М. Карамзина глазом, уже видевшим О. Шпенглера с его псевдоморфозом, близость окажется несомненной. Главное – разрыв, который Н.М. Карамзин оценивает с восторгом, а О. Шпенглер – с изумлением, с разумной пытливостью. Для чего понадобилось первому императору плавность перемен за шиворот тащить скорее вперёд, сшибая древние устои с ног, калеча и увеча, – только ли для ускорения и перестройки (гласность тоже приветствовалась), для улавривания титулом «Отец отечества»? Неужели дело в неуёмном темпераменте, переходящем временами в неутешительный диагноз? Для О. Шпенглера разрыв традиции, прерывание de la longue durée удивительно ненужностью, избыточностью понукания того, что и так происходит, пусть чуть помедленнее, чем кому-то хочется, он не готов терять то, с чем Н.М. Карамзин легко расстаётся, и это не вопрос вкуса или темперамента.

Одни и те же первые буквы – не всё, что объединяет вольтерьянство и вольнодумство. И первое, и второе под собою имеют одно основание – чувство собственного достоинства, иначе называемое тогда «честь». Заблудиться в закоулках толкований понятия «честь» нетрудно, например, честно ли стрелять на площади с выстроенными войсками в героя войны генерала М.А. Милорадовича, или это подлое, предательское событие, даже если об этом договорились единомышленники, полагающие республиканское устройство заведомо лучшим, чем самовластное? Res publica – общее дело; как общественное превратить в государственное, то есть общественный институт превратить в государственное учреждение? Чем избираемый временный государь лучше потомственного? Как ни крути, получается, что узаконивающей силой становится время: кто устоял, тот и прав, и чем дольше, тем правее. А превращение части общества во власть – ничем не хуже, надо просто придумать, выдумать, заставить го-

Решительную борьбу со взглядами дворянско-крепостнических историков, представителей официальной историографии, вели революционные демократы.

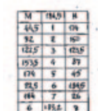
Разбирая книгу Жеребцова по истории цивилизации в России, Н. А. Добролюбов подверг критике всю систему славянофильских взглядов на историю. Критикуя взгляды Жеребцова на историю русской цивилизации, Н. А. Добролюбов пишет: «Во взгляде этом прежде всего поражает нас искусственная точка зрения. Берутся свои отвлеченные принципы, и под них подводится живое народное развитие». «Прежде всего ставят над народом собственные условные идейки и затем смотрят только на то, в какой степени удовлетворяет он этим идейкам. И какой мертвечиной схоластики веет от самых идеек этих!»[1] «К счастью, положения г. Жеребцова совершенно ложны, с начала до конца, и едва ли могут ввести в заблуждение читателя, имеющего хоть какое-нибудь понятие о естественном ходе истории»[2]. Славянофильские взгляды на русскую историю лишены всякой научности и представляют собой навязывание прошлому того, чего там не было, но что вытекало из реакционной идеологии славянофилов[3].

С наибольшей полнотой взгляды революционных демократов на XVII столетие выражены Н. А. Добролюбовым в его рецензии на сочинение Н. Г. Устрялова «История царствования Петра Великого»[4]. Н. А. Добролюбов не дает периодизации русской истории вообще и характеристики XVII в. как особого периода. Но разбор сочинения Н. Г. Устрялова и оценка им деятельности Петра I дали Н. А. Добролюбову повод высказать ряд суждений о предшествующем периоде.

Критика труда Н. Г. Устрялова, данная Н. А. Добролюбовым, направлена против государственной школы в целом. «У самого Карамзина мы находим,— пишет Н. А. Добролюбов,— что вся история народа пожертвована строгому и последовательному проведению одной идеи — об образовании и развитии государства Российского». «Государственным воззрениям» историков Н. А. Добролюбов противопоставляет свои и с большой глубиной доказывает, что история должна быть историей народа, если только она имеет «притязание на серьезное ученое значение»[5].

Н. Г. Устрялов утверждал, что «светлой» стороной древней России было «зрелое, самобытное развитие государственных элементов».

---

[1] *Н. А. Добролюбов.* Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым.— Полное собр. соч., т. III, М., 1936, стр. 236, 240—241, 253.

[2] Там же, стр. 260.

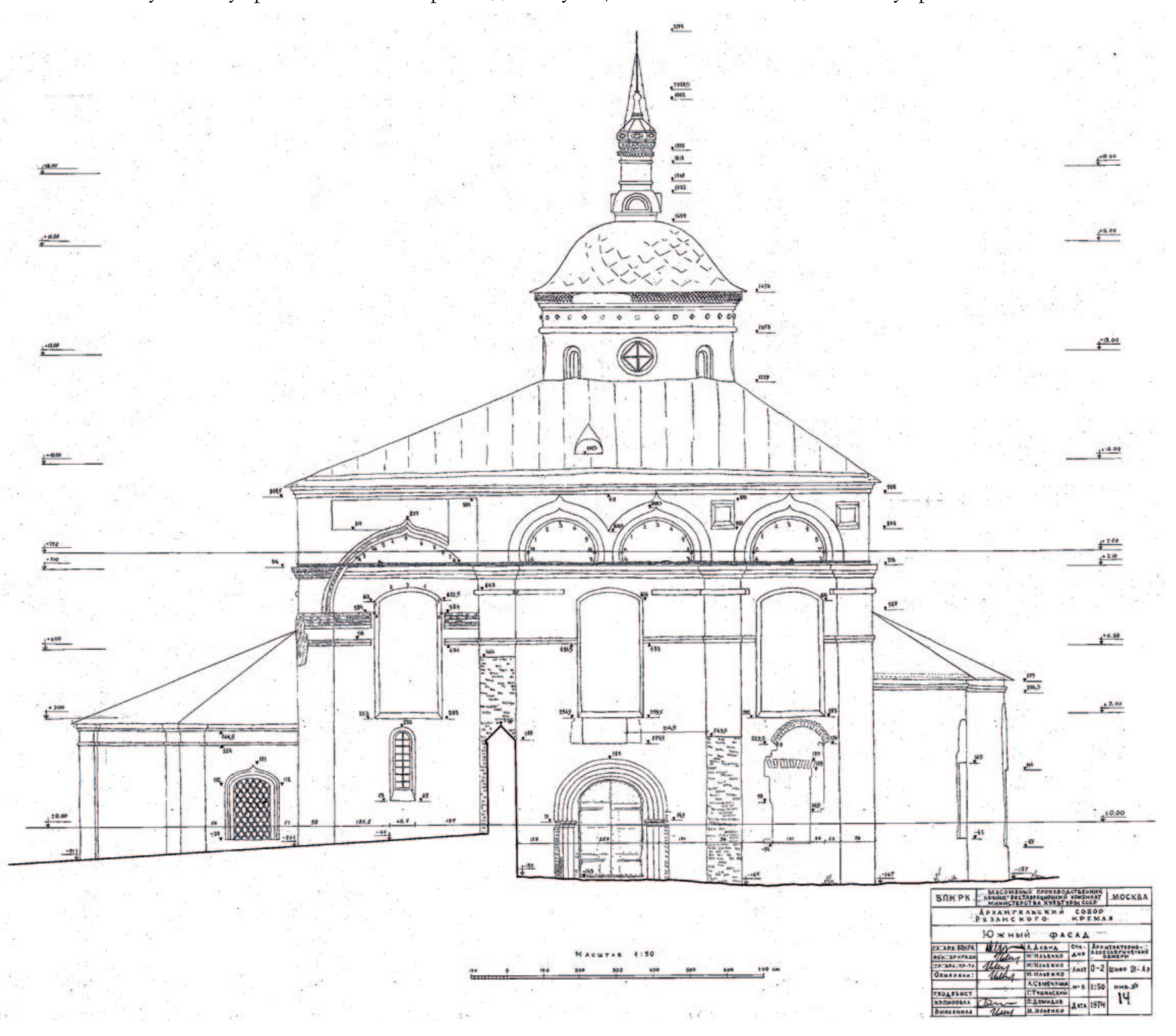
[3] Там же, стр. 254: «С этакими господами нечего уже делать: их не урезонишь, потому что они не хотят убеждения, не хотят правды, а видят и знают только то, что им выгодно».

[4] *Н. А. Добролюбов.* Первые годы царствования Петра Великого. (История царствования Петра Великого. Н. Устрялов. СПб., 1858, три тома).— Полное собр. соч., т. III, стр. 114—212.

[5] Там же, стр. 120—121.

лову думать над формами, то есть над способами формирования государственных институтов, более или менее отвечающих общественным институтам и интенциям: как-то надо научиться периодически подтверждать право распоряжаться собранными с общества налогами и прятать главные источники несправедливости за привлекательными, доступными общему, даже детскому уразумению несложными или изощрёнными схемами. Одной из первых была схема полумонархической республики (=полуреспубликанской монархии): после декабристов в теоретической мысли появилась тема сословно-представительной монархии как подготовительно-промежуточно-предварительного этапа становления парламентской демократии скорее республиканского типа, в котором осваиваются и маскируются главные формы организации несправедливости в обществе: ловкость промышленного менеджера состоит в том, чтобы организовать технологии производства так, чтобы недоплата сотрудникам была не только незаметна, наоборот, вся прелесть постмодернизма и послепромышленного этапа развития человечества состоит в умении убедить всех вообще в том, что главное слово для обеспечения всеобщего благоденствия – это «управление». Государственный менеджмент отличается от корпоративного только управляемыми ресурсами, к каждому замочку надо просто подобрать свой ключик – от ремесленной мастерской, состоящей из отца и сына, до трансконтинентальных предприятий и государственных союзов. Соблазнительность этого управленческого рая рождена просветительскими идеями, когда про экспоненциальные кривые знали только редкие математики, а скорость решения любых задач казалась зависящей только от силы ума и размера таланта, помноженных на кнут или умение управителя. Некая равнодействующая сила от взаимодействия управителей и са-

«Благотворное развитие основных элементов» Н. Г. Устрялов усматривал в «правлении крепком, единодержавном, заботливо охранявшем неприкосновенность закона»; в церкви, находившейся «в наилучших отношениях к миру и к верховной власти»; в «дворянстве знаменитом, блестящем, не уступавшем никакому другому доблестью и заслугами»; в «единстве веры, языка, управления», составлявших основу «могущественной державы, готовой по первому мановению царя восстать на своих врагов» и т. п.

Против этой официальной «теории» — «самодержавие, православие, народность» — Н. А. Добролюбов и направил всю силу своей критики, поскольку это допускали цензурные условия. «Часто мы видим в истории,— говорит он,—что или государственные интересы вовсе не сходятся с интересами народных масс, или между государством и народом являются посредники, вроде каких-нибудь сатрапов, мытарей и т. п., не имеющие, конечно, силы унизить величие своего государства, но имеющие возможность разрушить благоденствие народа». Н. А. Добролюбов разоблачает идеализацию старины, «основных элементов», благотворным развитием которых восторгается Н. Г. Устрялов, и рисует картину невежества высших и низших слоев общества, самоуправство и лихоимство властей, плохое устройство войска, косность и закоренелую спесь правящих кругов и т. п. Только снаружи все было благополучно, «внутри все было расстроено, искажено, перепутано, лишено всякой чести и справедливости»[1]. «Предшественники Петра старались поддержать старину и, видя зло, думали поправить его, починивая кое-где старую систему. Несмотря на то, старая система все падала, все становилась хуже, все более и более возбуждала негодование народа, который чувствовал необходимость нового, но не знал, где и как его искать»[2]. Ход дела угрожал «страшным, беспорядочным взрывом, предвестием которого служило все царствование Алексея Михайловича»[3].

Таким образом, Н. А. Добролюбов своей критикой разоблачал всяческие реакционные взгляды на историю и развивал новые передовые взгляды на историческую науку как историю народа, как правдивое исследование прошлого русского народа.

Передовой характер исторических воззрений революционных демократов становится особенно очевидным из сопоставления их со взглядами крупнейших буржуазных историков второй половины XIX в.

Изложение истории Русского государства XVII в., данное С. М. Соловьевым, было основано на новом документальном материале, что представляло для того времени значительное научное достижение.

С. М. Соловьев рассматривает XVII век как период подготовительный к эпохе преобразований Петра I. «При первых трех государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований». Эти преобразования захватывают различные стороны жизни: войско, торговлю,

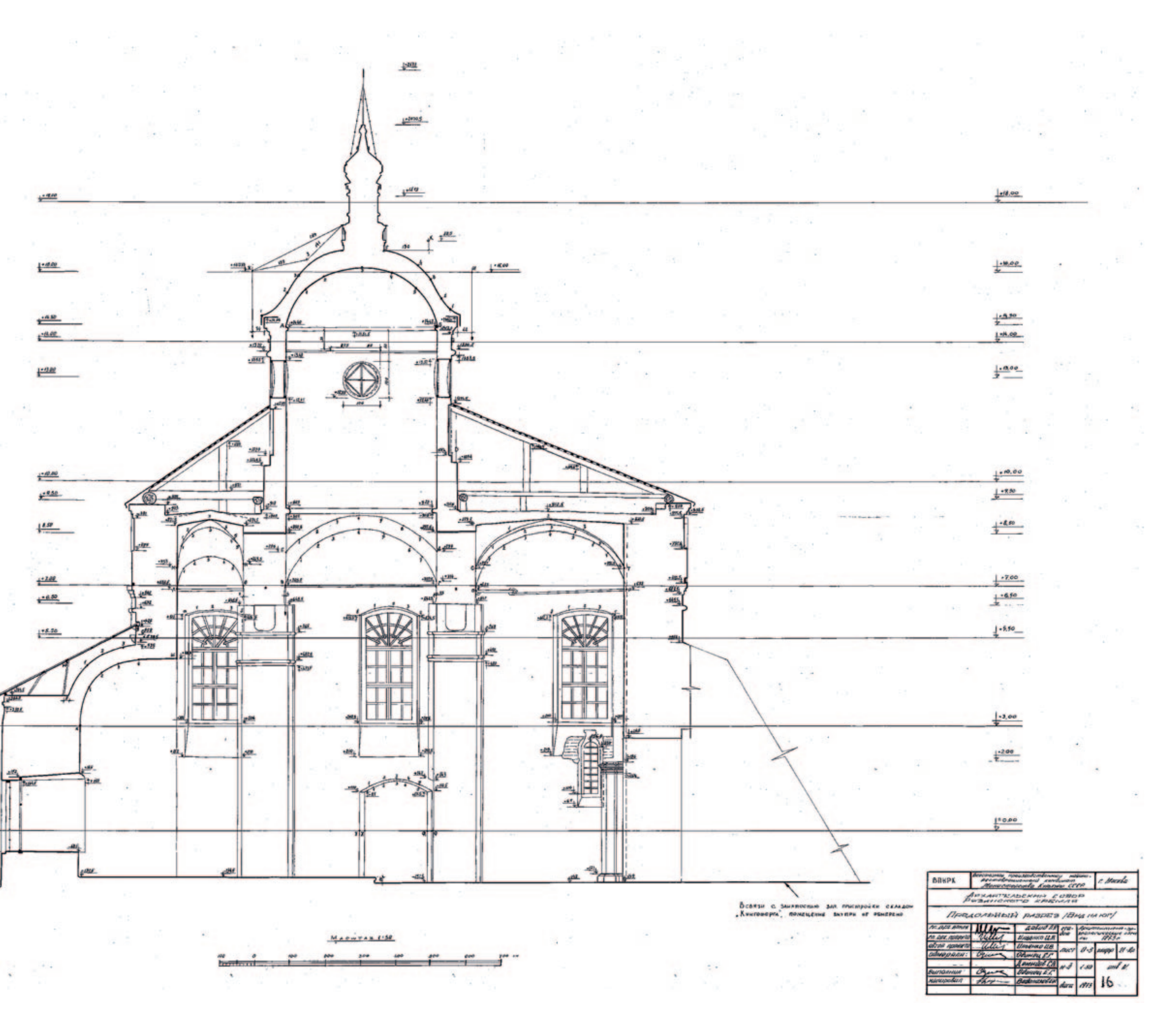
[1] *Н. А. Добролюбов.* Указ. соч., стр. 123—127.
[2] Там же, стр. 136.
[3] Там же, стр. 127.

модеятельных интенций всё время перемещается от власти к публике и обратно. Кажется, что в последние столетия торсион скручивается в сторону власти и управления больше, чем в обратную; если это иллюзия, то Просвещение сыграло в её формировании здесь большую роль, помимо собственной воли утвердив мысль, что управление может быть улучшено – то ли в сословно-представительной монархии, то ли в республике с выборными представителями в парламентах. Отличие вольнодумства от вольтерьянства в том, что Фернейский отшельник знал про оборотную сторону оптимизма знаний – знал, но помалкивал.

А.А. Новосельский и Н.В. Устюгов (или А.А. Зимин, который тоже редактировал том «Очерков») рассуждения о Н.А. Добролюбове поместили сразу после А.К. Аксакова вряд ли случайно. Гнусный стиль высказываний Н.А. Добролюбова подсказывал читателю «Очерков», что его инвективы должны быть обращены против него самого: «И какой мертвечиной схоластики веет от самих идеек этих!». Тезисы А.К. Аксакова и Н.Г. Устрялова, словно скалы, омываются ядами критики то революционных демократов, то более поздних придумывателей общественного устройства, нимало не страдая от мелкой ряби волн разоблачительной критики и весьма новых передовых взглядов на историческую науку. Исполнение ритуальных заклинаний и плясок вокруг прогрессивного костра революционной демократии позволили авторам показать, что в заочном несинхронном споре Н.М. Карамзина и О. Шпенглера последний имеет больше сторонников среди профессионалов-историков, что как только речь заходит о сложно-

промышленность. Новый вид принимают внешние сношения, сознается необходимость просвещения. «Преобразователь воспитывается уже в понятиях преобразования, вместе с обществом приготовляется он идти только далее по начертанному пути, докончить начатое, решить перешенное. Так тесно связан в нашей истории XVII век с первою половиной XVIII: разделить их нельзя»[1].

Правильно отмечая наличие связи XVII в. с периодом реформ Петра I, С. М. Соловьев в характеристике этого столетия оставался на идеалистических буржуазно-либеральных позициях. Для него XVII век был временем утверждения надклассового государственного начала. Классовую борьбу, столь характерную для XVII в., он рассматривал как проявление противогосударственных сил. Носителем этого противогосударственного начала было прежде всего казачество как пережиток «богатырского» периода русской истории. С. М. Соловьев не видит в крестьянстве основной движущей силы народных восстаний XVII в. Крестьяне, по его мнению, были способны лишь к пассивному сопротивлению, выражавшемуся в побегах. Возбудителем же восстаний были казаки, «богатыри древности», не желавшие подчиняться государственному, «земскому» началу[2]. С. М. Соловьев, будучи идеалистом, не видел и не мог видеть, тем более правильно определить характер экономических сдвигов и классовой борьбы, происходивших в стране в XVII в. Даже его замечания о связи XVII в. с эпохой Петра I сводятся в основе своей к чисто идеалистическому утверждению, что «сознание экономической и нравственной несостоятельности» подготовляло реформы Петра I[3].

Наиболее резкое выражение взгляды историков буржуазно-либерального направления нашли в работах Б. Н. Чичерина. По мнению Б. Н. Чичерина, только «с XV в. начали развиваться понятия государственные», и можно говорить о государстве на Руси[4]. «До того времени это общество—гражданское общество, если хотите, но имени государства ему нельзя дать...»[5].

Государство — это надклассовая и благодетельная сила, которая со времени своего возникновения начинает творить историю России. «Образование государства, — говорит Б. Н. Чичерин,— вот поворотная точка русской истории...»[6].

Первой и основной задачей возникшего государства было обуздание «всеобщего брожения». Государство прежде всего стало приковывать

[1] *С. М. Соловьев.* История России с древнейших времен. Изд. «Общ. польза», кн. 1, стб. 5—6.

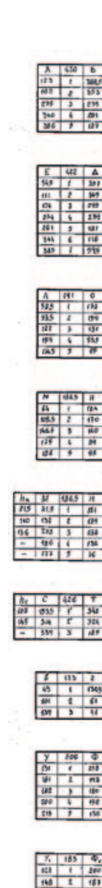
[2] Там же, кн. 3, стб. 661—663.

[3] Там же, стб. 733, 758.

[4] *Б. Н. Чичерин.* Обзор исторического развития сельской общины в России.— В кн.: «Опыты по истории русского права», М., 1858, стр. 26—27.

[5] *Б. Н. Чичерин.* Еще о сельской общине (Ответ г. Беляеву).— Там же, стр. 70.

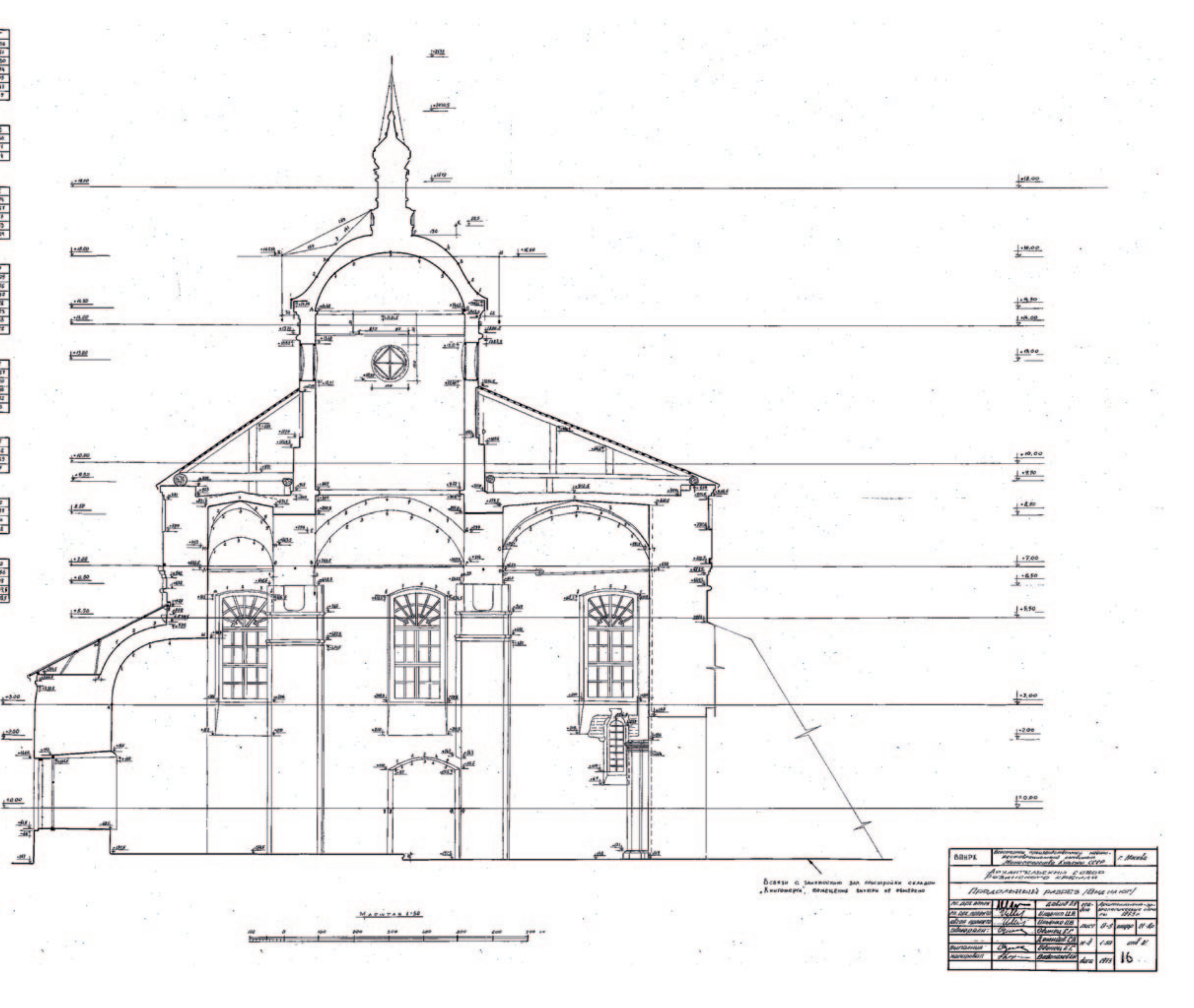
[6] *Б. Н. Чичерин.* Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей.— Там же, стр. 380—381.

стях и подробностях, о погружении в понимание истории, а не о примитивных прогрессистских схемах («взял чужое, убил своё, осовременил отсталое, потому что был на стороне хорошего нового против дурного старого»), так сразу повествование приобретает трагический оттенок – отвергутый императором мир привлекателен, интересен, ярок, и, пожалуй, более справедливо устроен, чем новопостроенный; даже когда вопрос о цене прогресса не ставится, в оценке эпохи новое не всегда побеждает старое – оно симпатично, вкусно, близко, свежо, привлекательно, хорошо пахнет кофе. Босомордый ничуть не краше мохнорылого, ферязь и полукафтанье в здешнем климате удобнее нового платья, и ещё неизвестно, в чём больше дурости – в запрете каменного строительства по всей стране, или в запрете челобитных вместе с отменой патриаршества. Вот как-то сто лет патриарх был нужен, а тут стал ненужен, обошлись, хватит и одного православного министерства.

У С.М. Соловьева отношение к Петру и его преобразованиям приобретает чеканность современных формулировок. Бетон фундамента с залитыми якорями застывает навеки в недвижимых формулировках. «При первых трёх государях новой династии мы видим уже начало важнейших преобразований». То есть Михаил, Алексей и Фёдор (к последнему стоит прибавить и Софью). Это три разные не эпохи, не цивилизации, – вселенные! Привычность этой бессмысленной фразы затмевает её бессодержательность. Надо специально заставить себя остановиться, встряхнуться, потрясти головой, чтобы осознать: всё, что случилось потом, подготовлено тем, что было до того, иначе бы оно не случилось; если эпохи, предшествовавшие преобразованиям, определять через эти преобразования, как подготовку, предвосхищение, создание предпосылок, созре-

все сословия к государственному тяглу Если рассматривать закрепощение крестьян «в связи с другими явлениями жизни, в связи с предыдущей историей, мы убедимся, что в этом не было ничего исключительного и несправедливого. Это было укрепление не одного сословия в особенности, а всех сословий в совокупности; это было государственное тягло, наложенное на всякого, кто бы он ни был. Все равно должны были всю свою жизнь служить государству, каждый на своем месте: служилые люди на поле брани и в делах гражданских, тяглые люди — посадские и крестьяне, отправлением разных служб, податей и повинностей, наконец, вотчинные крестьяне, кроме уплаты податей и отправления повинностей, также службою своему вотчиннику, который только с их помощью получал возможность исправлять свою службу государству»[1]. Итак, по мнению Чичерина, государственность на основе всеобщего закрепощения — вот основное достижение древней Руси.

В XVII столетии с наибольшей полнотой «высказалась старая Россия; после страшного напряжения сил в эпоху междуцарствия она показала на деле все, что она могла произвести собственными средствами». Однако в том же XVII столетии уже обнаруживаются и черты нового; это столетие «стоит на рубеже между тем, что обыкновенно называют старою Русью, и новою, между исключительно-национальным развитием и перенесением на отечественную почву европейского образования». В это время имеются налицо «все черты эпохи переходной», «смесь разнородных элементов, столкновение старого с новым, прошедшего с будущим». Словом, Русь XVII в. — «рассыпанная храмина»[2].

Антинаучность воззрений Б. Н. Чичерина заключается прежде всего в том, что он сводит всю историю к истории государства, что государство в его представлении носит надклассовый характер. Для понимания реального смысла исторических взглядов Б. Н. Чичерина необходимо связать их с его политическими взглядами, а эти взгляды заключались в том, что он, будучи умеренным либералом, допускавшим совместимость монархической власти с выборными законодательными органами, был в то же время сторонником сильной власти и яростным врагом социализма; вследствие этого вся система взглядов Б. Н. Чичерина приобретала реакционное значение.

В. О. Ключевский — крупный буржуазный историк — делает шаг вперед по сравнению с предшествующей буржуазной историографией в оценке и характеристике истории России XVII в. Он больше, чем его предшественники, уделяет внимания экономическому развитию и признает наличие классовой борьбы в Русском государстве в XVII в.

В. О. Ключевский называет XVII век «эпохой народных мятежей в нашей истории». Самый значительный из них — «мятеж Разина на поволж-

[1] *Б. Н. Чичерин*. Холопы и крестьяне в России до XVI в.— В кн.: «Опыты...», стр. 191, 227—228.

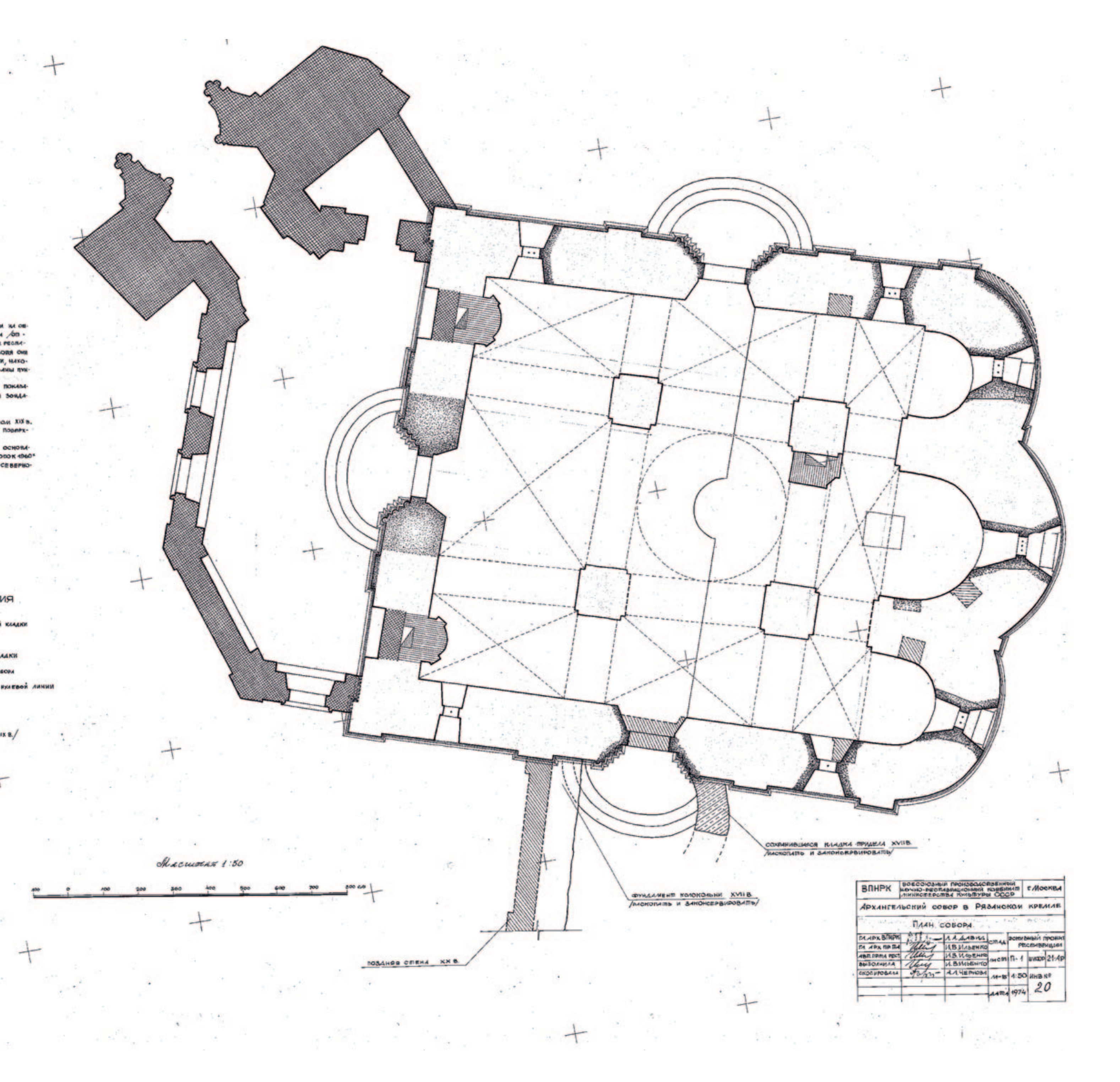
[2] *Б. Н. Чичерин*. Духовные и договорные грамоты... — Там же, стр. 376, 386.

вание и ожидание, то посрамлённый рассудок должен устыжённо удалиться, эпоху до компьютера нельзя описать в терминах компьютера, хотя там, конечно, что-то зрело. Содержание XII века не в том, что готовился XIII, никто пришествия чингизидов не чаял. Дошло даже до «сознания экономической и нравственной несостоятельности» в XVII веке. Откуда она взялась, да ещё и «осознанная», судить трудно. Она понадобилась только для того, чтобы создать вакуум, втягивающий петровские преобразования, алкающий их и наконец счастливо узревший восстановление нравственной состоятельности через превращение возросшей в разы коррупции в способ экономической деятельности.

Б.Н. Чичерин и В.О. Ключевский напоминают, что эпоха – переходная, своего содержания и потому наименования не имеет, и после того авторы тома (А.А. Новосельский, Н.В. Устюгов, А.А. Зимин) переходят к убедительной демонстрации глупейших способов прикрепления обществоведческих схем к любой истории. Каждый из них знал цену слову и случайно прозевать (втроём) такие шуточки не могли. Излагая точку зрения В.О. Ключевского, они пишут, что народное движение народному движению – рознь, и

ском юго-востоке, зародившийся среди донского казачества, но получивший чисто социальный характер, когда с ним слилось им же возбужденное движение простонародья против высших классов»[1]. В. О. Ключевский отличает народные движения XVII в. от народных движений XVIII в. В XVII в. это были «мятежи», направленные против правительства, бояр, воевод и приказных людей. В XVIII в. «они принимают социальную окраску, идут против *господ*»[2]. Очевидно, что признание социального характера народных движений XVII в. не было доведено В. О. Ключевским до отчетливой оценки их как классовой борьбы и было противоречивым.

Повторяя идею, давно усвоенную в русской историографии, В. О. Ключевский считает весь XVII век «эпохой, подготовлявшей преобразования Петра Великого». Развивая эту правильную мысль, Ключевский доводит ее до необоснованного утверждения, будто начертанная в XVII в. программа преобразований в некоторых отношениях шла дальше преобразований Петра I[3].

Н. П. Павлов-Сильванский, буржуазный историк периода кризиса буржуазной историографии, делает шаг вперед в определении этапов развития Русского государства. Он определяет историю России от середины XVI до XIX в. как период сословного государства, распадающийся на две эпохи: эпоху московской сословной монархии и петербургского абсолютизма. Эпохе московской сословной монархии свойственны, как и на Западе, сословно-представительные учреждения — наши земские соборы, в которых государственная власть искала опоры в моменты затруднений. «И там и здесь, как только власть достаточно окрепнет, она, идя к абсолютизму, отбрасывает ставшую ей ненужной подпору представительных собраний»[4]. Сословной монархии соответствует «социальный феодализм» в виде сеньориального права крупных феодалов.

Оценка XVII века, данная Н. П. Павловым-Сильванским, носит формально-юридический характер и не вскрывает развития производительных сил и производственных отношений.

Состояние полного кризиса буржуазной историографии в начале XX в. с наибольшей силой выразилось в трудах Н. А. Рожкова. Марксизм уже давно произвел переворот в науке. Россия сделалась родиной ленинизма. В. И. Ленин и И. В. Сталин в своих трудах дали ряд конкретных указаний, осветивших многие этапы русского исторического процесса. Между тем Рожков, заимствуя из нового круга идей отдельные понятия и формулы, продолжал традицию уже пережившей себя буржуазной историографии.

Н. А. Рожков в своей работе «Город и деревня в русской истории (Краткий очерк экономической истории России)» указывает чрезвычайно

[1] *В. О. Ключевский*. Курс русской истории, ч. III, М., 1937, стр. 258.
[2] Там же, стр. 13.
[3] Там же, стр. 386, 393—394.
[4] *Н. П. Павлов-Сильванский*. Феодализм в древней Руси. СПб., 1907, стр. 124, 140, 147 и др.

XVII век – это не то, что XVIII. Одно дело, мятеж отсталого XVII века против правительства, бояр, воевод, приказных людей; и совсем уж другое дело, когда они в XVIII веке «идут против *господ*». Не заметить, что таким манером правительство, бояре, воеводы и приказные люди перестают быть господами для того, чтобы впоследствии мятежи могли приобрести «отчётливый социальный характер» (что бы это ни значило), – невозможно. Глумление приобретает звонкость пощёчины, когда приходится объяснять, как же именно готовились реформы Петра Алексеевича, в чем со-

важную перемену в хозяйственной жизни Руси второй половины XVI и XVII вв., заключавшуюся в том, что «система натурального хозяйства», господствовавшая в предшествующие периоды русской истории, «стала подтачиваться и разрушаться: на смену ей зарождалось и все более выдвигалось вперед денежное хозяйство, когда значительная часть населения работает уже не для собственного потребления, а для продажи»[1].

Правильно отмечая хозяйственные сдвиги, происшедшие в стране в XVII в., Н. А. Рожков недооценивает роль классовой борьбы и тем самым становится на позиции экономического материализма. Кроме того, он повторяет неправильные теории В. О. Ключевского о происхождении крепостного права, Б. Н. Чичерина о закрепощении сословий, П. Г. Виноградова о феодализме как политическом порядке и т. п.

В позднейших работах Н. А. Рожков под влиянием «школы» М. Н. Покровского углубил свои ошибки.

По утверждению Н. А. Рожкова, к середине XVI в. совершилось падение русского феодализма под действием развития «торгового капитализма». «Гегемоном восточно-европейского торгового капитализма» стало дворянство как более приспособленное, чем феодальная аристократия, к новым экономическим явлениям. Весь период с середины XVI в. до конца первой четверти XVIII в. Н. А. Рожков и определяет как период «дворянской революции». Дворянство шло к власти, проводя политику всеобщего закрепощения сословий, в том числе и собственного «самозакрепощения»[2].

Представление о «торговом капитализме» как особом историческом этапе сближает Н. А. Рожкова с М. Н. Покровским. Н. А. Рожков дает в корне неправильное представление о классовом строе всего периода, не видит основного деления общества — крепостников-помещиков и крепостных крестьян[3], классовая борьба между которыми «...составляет основную черту феодального строя»[4], повторяет старую теорию тяглого строя Русского государства.

Неправильным, антимарксистским представлением о XVII веке как эпохе «торгового капитализма» и «дворянской революции» объясняются нечеткие и противоречивые характеристики народных движений у Рожкова. В XVII в. «новый государственно-дворянский закон» (Уложение 1649 г.) столкнулся со стариной, «пошлиной», «феодальными юридическими преданиями». Внешним выражением этого противоречия были «злоупотребления власть имущих, не отвыкших еще от феодальной старины, и происходившие отсюда бунты, восстания народных масс»[5].

[1] *Н. А. Рожков.* Город и деревня в русской истории. СПб., 1902, стр. 31—35, 40, 45—46 и др.

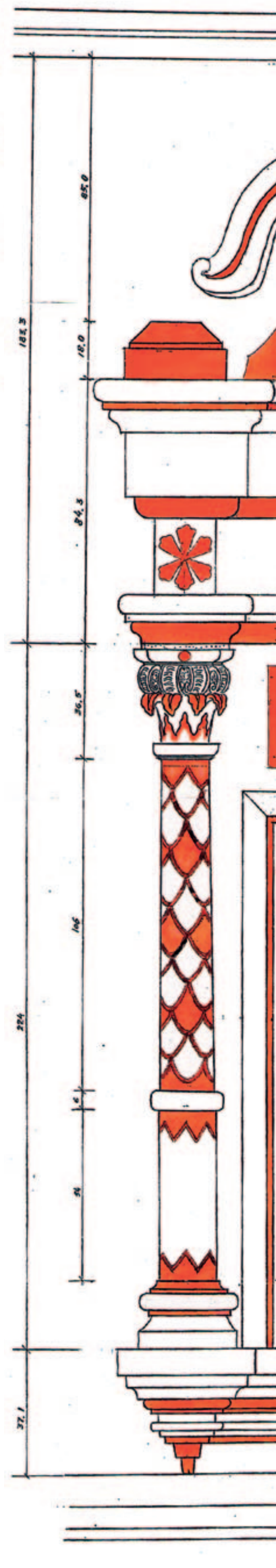
[2] *Н. А. Рожков.* Русская история в сравнительно-историческом освещении, т. IV, ч. 1, Пг., 1923, стр. 66, 81, 229—230; т. V, Пг., 1923, стр. 269, 272.

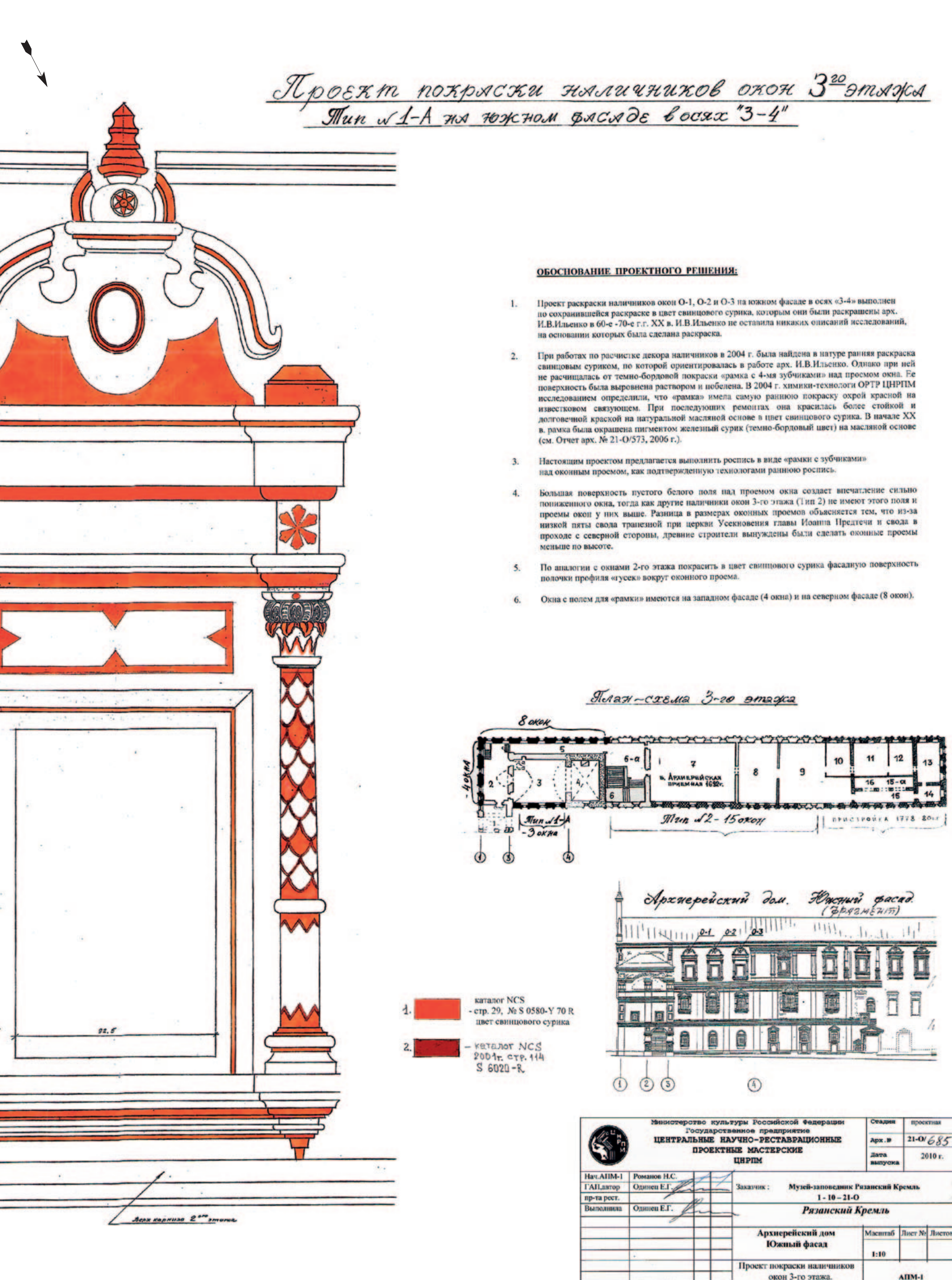
[3] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 29, стр. 438.

[4] См. «История ВКП(б). Краткий курс», Госполитиздат, 1955, стр. 120.

[5] *Н. А. Рожков.* Указ. соч., т. IV, ч. 1, стр. 292—293.

Проект покраски наличников окон 3го этажа
Тип № 1-А на южном фасаде в осях "3-4"
ОБОСНОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО РЕШЕНИЯ:
1. Проект раскраски наличников окон О-1, О-2 и О-3 на южном фасаде в осях «3-4» выполнен по сохранившейся раскраске в цвет свинцового сурика, которым они были раскрашены арх. И.В.Ильенко в 60-е -70-е г.г. XX в. И.В.Ильенко не оставила никаких описаний исследований, на основании которых была сделана раскраска.
2. При работах по расчистке декора наличников в 2004 г. была найдена в натуре ранняя раскраска свинцовым суриком, по которой ориентировалась в работе арх. И.В.Ильенко. Однако при ней не расчищалась от темно-бордовой покраски «рамка с 4-мя зубчиками» над проемом окна. Ее поверхность была выровнена раствором и побелена. В 2004 г. химики-технологи ОРТР ЦНРПМ исследованием определили, что «рамка» имела самую раннюю покраску охрой красной на известковом связующем. При последующих ремонтах она красилась более стойкой и долговечной краской на натуральной масляной основе в цвет свинцового сурика. В начале XX в. рамка была окрашена пигментом железный сурик (темно-бордовый цвет) на масляной основе (см. Отчет арх. № 21-О/573, 2006 г.).
3. Настоящим проектом предлагается выполнить роспись в виде «рамки с зубчиками» над оконным проемом, как подтвержденную технологами раннюю роспись.
4. Большая поверхность пустого белого поля над проемом окна создает впечатление сильно пониженного окна, тогда как другие наличники окон 3-го этажа (Тип 2) не имеют этого поля и проемы окон у них выше. Разница в размерах оконных проемов объясняется тем, что из-за низкой пяты свода трапезной при церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи и свода в проходе с северной стороны, древние строители вынуждены были сделать оконные проемы меньше по высоте.
5. По аналогии с окнами 2-го этажа покрасить в цвет свинцового сурика фасадную поверхность полочки профиля «гусек» вокруг оконного проема.
6. Окна с полем для «рамки» имеются на западном фасаде (4 окна) и на северном фасаде (8 окон).
План-схема 3-го этажа
8 окон
4 окна
Архиерейская приемная 1692г.
Тип № 1-А - 3 окна
Тип № 2 - 15 окон
пристройка 1778 80-х
Архиерейский дом. Южный фасад (фрагмент)
О-1 О-2 О-3
1. каталог NCS - стр. 29, № S 0580-Y 70 R цвет свинцового сурика
2. - каталог NCS 2004г. стр. 114 S 6020-R
Верх карниза 2-го этажа
Министерство культуры Российской Федерации
Государственное предприятие
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ
ЦНРПМ
Стадия проектная
Арх. № 21-О/685
Дата выпуска 2010 г.
Нач.АПМ-1 Романов Н.С.
ГАП,автор Одинец Е.Г.
пр-та рест.
Выполнила Одинец Е.Г.
Заказчик : Музей-заповедник Рязанский Кремль
1 - 10 – 21-О
Рязанский Кремль
Архиерейский дом
Южный фасад
Масштаб 1:10
Лист №
Листов
Проект покраски наличников окон 3-го этажа. Тип № 1-А в осях «3-4»
АПМ-1

Восстание под предводительством С. Т. Разина для Рожкова было восстанием казацкой голытьбы. Это был «бунт, прямое продолжение восстания Болотникова, направленный против крепостного права и государства и во имя казацкого идеала», не лишенный и старообрядческой идеологии [1].

Вся система взглядов Н. А. Рожкова на XVII век (период «дворянской революции» и «торгового капитализма») должна быть отвергнута полностью; она явно противоречит определению, данному В. И. Лениным XVII веку как новому этапу развития все той же феодальной формации.

М. Н. Покровский, окончательно сформулировавший свои взгляды уже после Великой Октябрьской социалистической революции, создал «школу», которая принесла большой вред исторической науке и была осуждена партией и советской общественностью.

М. Н. Покровский считал XVII век временем «укрепления торгового капитализма», который определял собой развитие страны во всех отношениях. Торговый капитализм в XVII в., по утверждению М. Н. Покровского, вырастал на примитивной экономической основе. «Натуральный оброк, казавшийся вымирающим явлением за сто лет раньше, как нельзя быть более обычен в имениях середины XVII века» [2]. «Первые три четверти этого века,— говорит М. Н. Покровский,— носят в этой области определенно выраженный реакционный или, если угодно, реставрационный характер. Последний термин лучше подходит, ибо суть дела заключалась именно в реставрации, в возобновлении старого, в оживлении и укреплении таких экономических черт, которые веком раньше казались отжившими или, по крайней мере, слабеющими» [3]. Это утверждение М. Н. Покровского находится в полном противоречии с конкретным историческим материалом [4]. М. Н. Покровский дает искаженную картину состояния торговли в XVII в.: значение внешней торговли он преувеличивает, а внутренней в такой же степени преуменьшает. «Эпоха торгового капитализма» в схеме М. Н. Покровского оказалась в XVII в. без торгового класса [5]. Определяющее значение отводит М. Н. Покровский торговому капитализму и в сложении самодержавной монархии и всего аппарата централизованного государства [6]. В различные периоды своей деятельности М. Н. Покровский изменял отдельные формулировки, но основное содержание его взглядов на ведущую роль торгового капитала в эконо-

---

[1] Там же, стр. 171, 313—314.

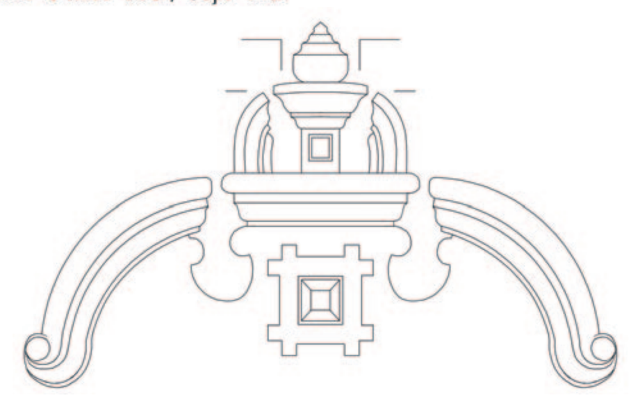
[2] *М. Н. Покровский*. Русская история с древнейших времен, т. II, М., 1933, стр. 78.

[3] Там же, стр. 77.

[4] *К. В. Базилевич*. «Торговый капитализм» и генезис московского самодержавия в работах М. Н. Покровского.—Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. 1, М.—Л., 1939, стр. 162.

[5] Там же, стр. 167—170.

[6] *М. Н. Покровский*. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1933, стр. 70; *К. В. Базилевич*. Указ. соч., стр. 172.

стояла подготовка и пресловутое предвосхищение того, чего ещё нет, но оно уже дало о себе знать. Всё-таки вот тут, говорят они, В.О. Ключевский дал слабину – плохо, недостаточно обосновал утверждение, что «начертанная в XVII веке программа преобразований в некоторых отношениях шла дальше преобразований Петра I». Вот, оказывается, как надо готовить преобразования и их предвосхищать: придумать заранее то, чего хватит и его потомкам, куда дальше того, до чего он сам додумался. Такая передовая отсталость завелась, по мнению В.О. Ключевского, в России – но эту ценную мысль он худо обосновал и потому повторяет зады историографии насчёт эпохи подготовки и предвосхищения.

Ну что делать – так написано. В 1955 году. Дальнейшие рассуждения о Н.А. Рожкове и М.Н. Покровском приводят на память заседания Пиквикского клуба и Ярослава Гашека. России крупно повезло в XIX и XX веках, потому что «марксизм уже давно произвёл переворот в науке», и она «сделалась родиной ленинизма». А Н.А. Рожков, уже получив целый ряд конкретных указаний, осветивших многие этапы русского исторического процесса, заимствуя отдельные понятия и формулы, продолжает традицию уже пережившей себя буржуазной историографии. Как только не стыдно. Да и М.Н. Покровский подливает масла на мыльницу, прямо в огонь.

Как же они, должно быть, потешались, выписав: «Россия сделалась родиной ленинизма»; или наоборот, радовались, что нашли, наконец, такую форму, которая удовлетворит главлитчиков. Страна разрешилась от бремени, ребёночек здоров, мамаша чувствует себя хорошо. Это не просто «славно сказано!» Это удар молотка в судебном заседании: Приговор окончательный, лучше не пытаться обжаловать. Чем чаще произносятся (вслух или про себя) эти слова, тем гаже они становятся, отвратительнее, пошлее, бессмысленнее. Зато авторы обрели свободу. После этих камланий и ритуальных сотрясаний копий можно писать почти свободно. «Почти» – потому что эти ядовитые полоскания совсем бесследно не проходят: яд работает, даже если его не глотать, острые камни не порезали ноги, их обошли слева и справа, но и дорога повела не туда, куда могла бы.

Итог самого краткого обзора историографии, сделанного авторами тома – борьба с дальними раскатами петровского пропагандистского грома только начинается, задача внутреннего определения сути истории XVII века даже не поставлена, что уж говорить о решении. XVII век собственного содержания не имеет, если не считать анекдотического ярлыка «бунташный». Архаическое употребление словообразовательного суффикса «-аш» делает название запоминающимся, но не смысловым. Положим, в определении «Чинквеченто» собственное содержание тоже не сразу просматривается, только для людей, получивших образование и что-то знающих о гуманизме и Возрождении, но оно сразу направляет память туда, куда следует. В то же время материала накоплено более чем достаточно.

Нет самой малости: надо «отвязать» определение от фигуры и деятельности Петра I. Последние сорок лет его жизни, начиная с 1682 года, наполнены такими событиями, которые не вычеркнешь из истории России. Засорять его жизнеописание панегириками или хулой так же бесцельно, как глуп страстный спор, какой цвет лучше – синий или красный, они есть, и это достаточное оправдание их существования. Пётр – был. Но когда бы не было Петра с его преобразованиями – как же нам судить о XVII веке? Отталкиваться вспять-то не от чего.

Уж если XVII век для нас белое пятно и потёмки, то как вглядываться в отечественную античность, то есть ещё древнее?

Надо, пора начинать присматриваться.

Первое, что надо сделать – отказаться от разговоров о подготовке перемен. XV век готовил XVI. Без Иоанна III нет Иоанна IV. XVIII век готовил XIX. Без Екатерины II нет Александра I. И так далее хоть вниз, хоть вверх.

Второе – забыть об умственных попытках, они обречены. Что не выросло само, химически не собрать, генетически не вырастить.

Третье. Надо отталкиваться от бесспорного и общепринятого:

– За век география дошла до Тихого океана на востоке и до Киева на западе.

– Век прошёл при патриархах (восстановлено уже в XX веке).

– В государственном управлении вырос собственный вариант сочетания отраслевой и территориальной системы иерархических лестниц – приказная система.

– Право кодифицировано в середине века Соборным уложением, финальным Актом растянутого по времени более чем на сто лет конституционного (учредительного) со-

мическом развитии Русского государства в XVII в. и в сложении государственного аппарата сохранилось в неизменном виде.

В изложении истории XVII в. в своей «Русской истории с древнейших времен» М. Н. Покровский полностью опустил восстание под предводительством С. Т. Разина, что отражает влияние буржуазной схемы, воспринятой им у В. О. Ключевского[1]. В «Русской истории в самом сжатом очерке» М. Н. Покровский коротко говорит о восстании С. Т. Разина, но характеризует его как восстание «казацко-крестьянское», причем более казацкое, чем крестьянское. Восстание это М. Н. Покровский связывал «с развитием торгового капитала» и отрицал обусловленность его нарастанием крепостнического угнетения. Таким образом, в оценке XVII века и, в частности крестьянских восстаний, М. Н. Покровский стоит на позициях экономического материализма и дает восстаниям трактовку, идущую вразрез с классическими характеристиками крестьянских движений В. И. Ленина и И. В. Сталина[2].

Краткий обзор домарксистской историографии мог лишь бегло затронуть основные направления исторической мысли, касающиеся XVII века как особого периода русской истории. Рассмотрение этих направлений скорее учит тому, чего надо избегать, чем дает пример того, чему надо следовать при изучении истории XVII в. Большее значение имеют написанные в досоветский период монографии. Среди них преобладают монографии по истории государства и его учреждений и отчасти истории социальной—истории крестьянства, городов и дворянства. Слабо разрабатывалась экономическая тематика; вопиющий пробел представляет тематика по истории классовой борьбы и истории народов России.

Советская историческая наука, исходя из указаний классиков марксизма-ленинизма, на основе изучения нового конкретного материала поставила и исследовала в той или иной степени ряд коренных проблем истории СССР XVII в.

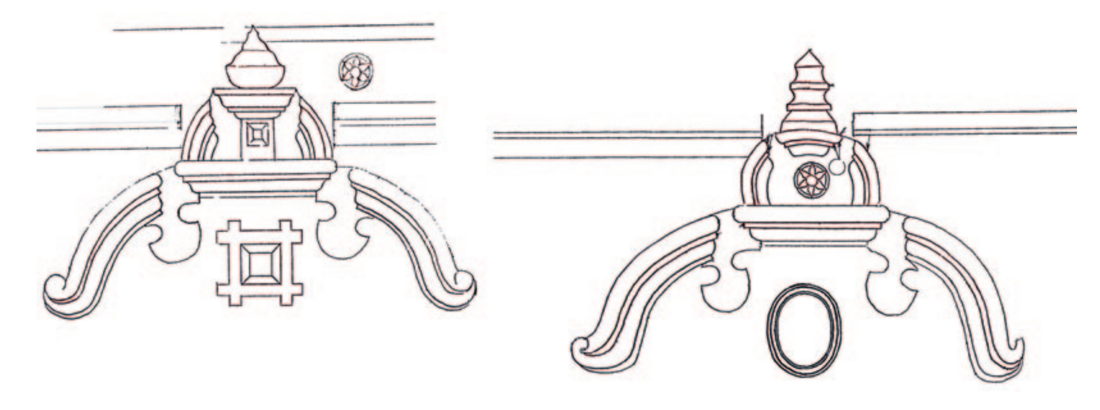
Прежде всего советские историки остановили свое внимание на изучении развития производительных сил и производственных отношений. Большие успехи были достигнуты в области исследования истории промышленности, в меньшей степени — в области истории земледелия. Появились капитальные исследования по истории крестьянства и посадских людей и их классовой борьбы. На этой основе достигнуто более глубокое понимание проблемы складывания всероссийского рынка.

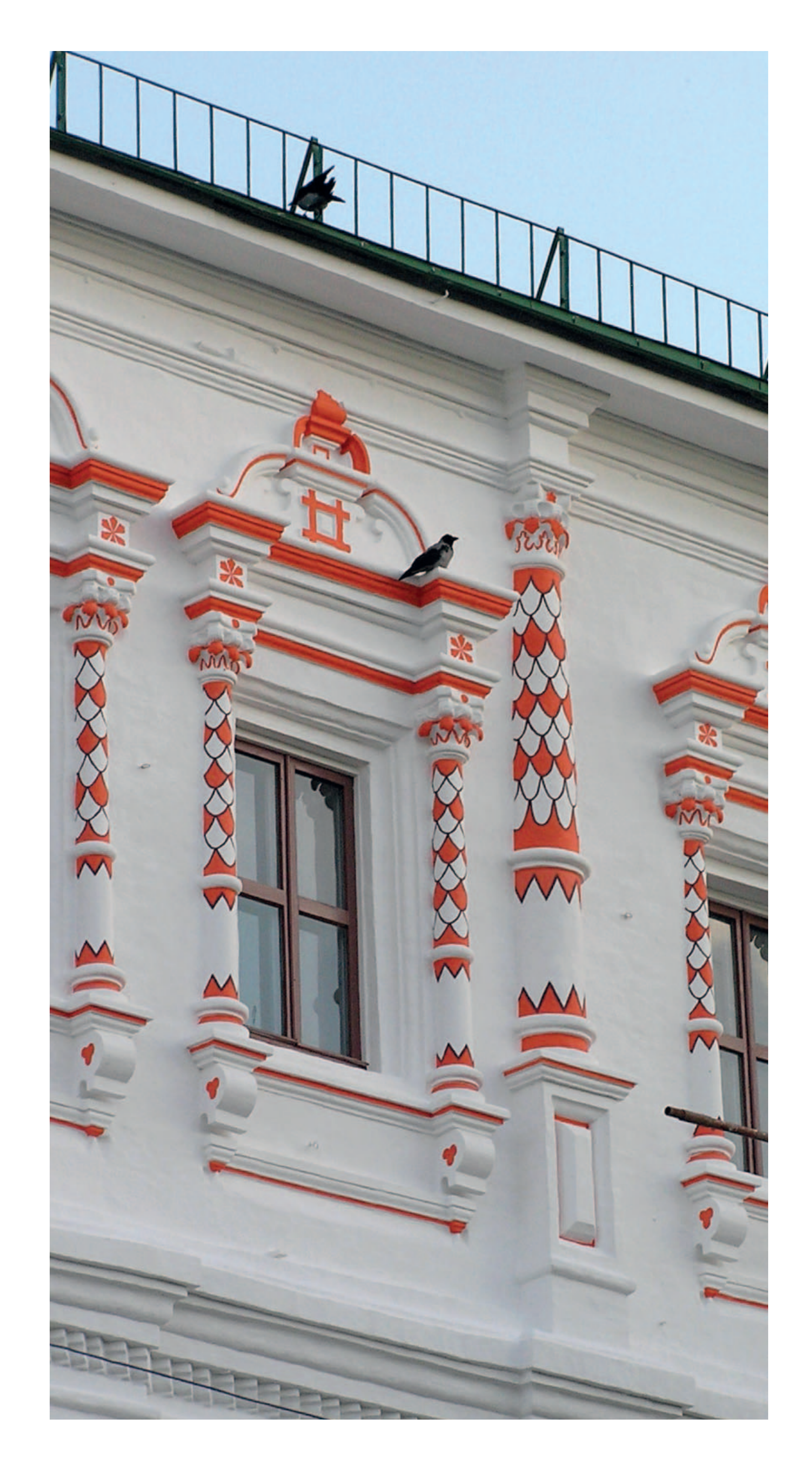
Некоторых успехов в виде отдельных монографий и обобщающих трудов советская историография достигла в области изучения внешней политики. Появились отдельные работы по истории культуры.

---

[1] *М. В. Нечкина*. Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М. Н. Покровского.— Сб. «Против исторической концепции М. Н. Покровского», ч. 1, стр. 245—246.

[2] *М. Н. Покровский*. Русская история в самом сжатом очерке, стр. 59—60; *М. В. Нечкина*. Указ. соч., стр. 247—255.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СТРОЙ

1

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ в XVII в.

На протяжении всего XVII в. внутренняя политика феодально-крепостнического государства была направлена на расширение и укрепление экономической основы господства феодалов — феодальной собственности на землю, усиление закрепощения и эксплуатации крестьянства и подавление протестов и недовольства угнетенных классов.

При всем единстве и последовательности классовой линии во внутренней политике следует различать три этапа. Первый период — от начала правления Михаила Федоровича до городских восстаний 1648 г. и Уложения 1649 г. Второй период имеет своим рубежом Крестьянскую войну 1670—1671 гг. под предводительством С. Т. Разина. Третий период начинается после подавления Крестьянской войны. От этапа к этапу в связи с укреплением экономического господства класса феодалов, с усилением государства внутренняя политика приобретает все более резко выраженный характер диктатуры, и мероприятия, обеспечивающие эту политику, становятся все более разносторонними.

Коренной вопрос внутренней политики правительства царя Михаила Романова — усиление закрепощения крестьян и подавление их сопротивления — находился в тесной связи с политикой правительства по расширению и укреплению феодальной собственности. По этому последнему вопросу с самого начала обнаружились довольно резкие расхождения между различными прослойками господствующего класса. Ведущую роль при избрании нового царя играли дворянские круги и представители городов. Однако при новом правительстве, в особенности до возвращения из польского плена Филарета в 1619 г., окружавшие престол родственные новой династии фамилии — «зятья», «племянники» и «шурья» царя и некоторые из представителей знати использовали свою близость к двору в своих интересах, что наиболее ярко обнаружилось в произведенных ими земельных захватах. Кроме того, в нарушение постановлений 1580 и 1584 гг. правительство Романовых не только поддержало земельные приобретения монастырей, имевшие место после указанных постановлений,

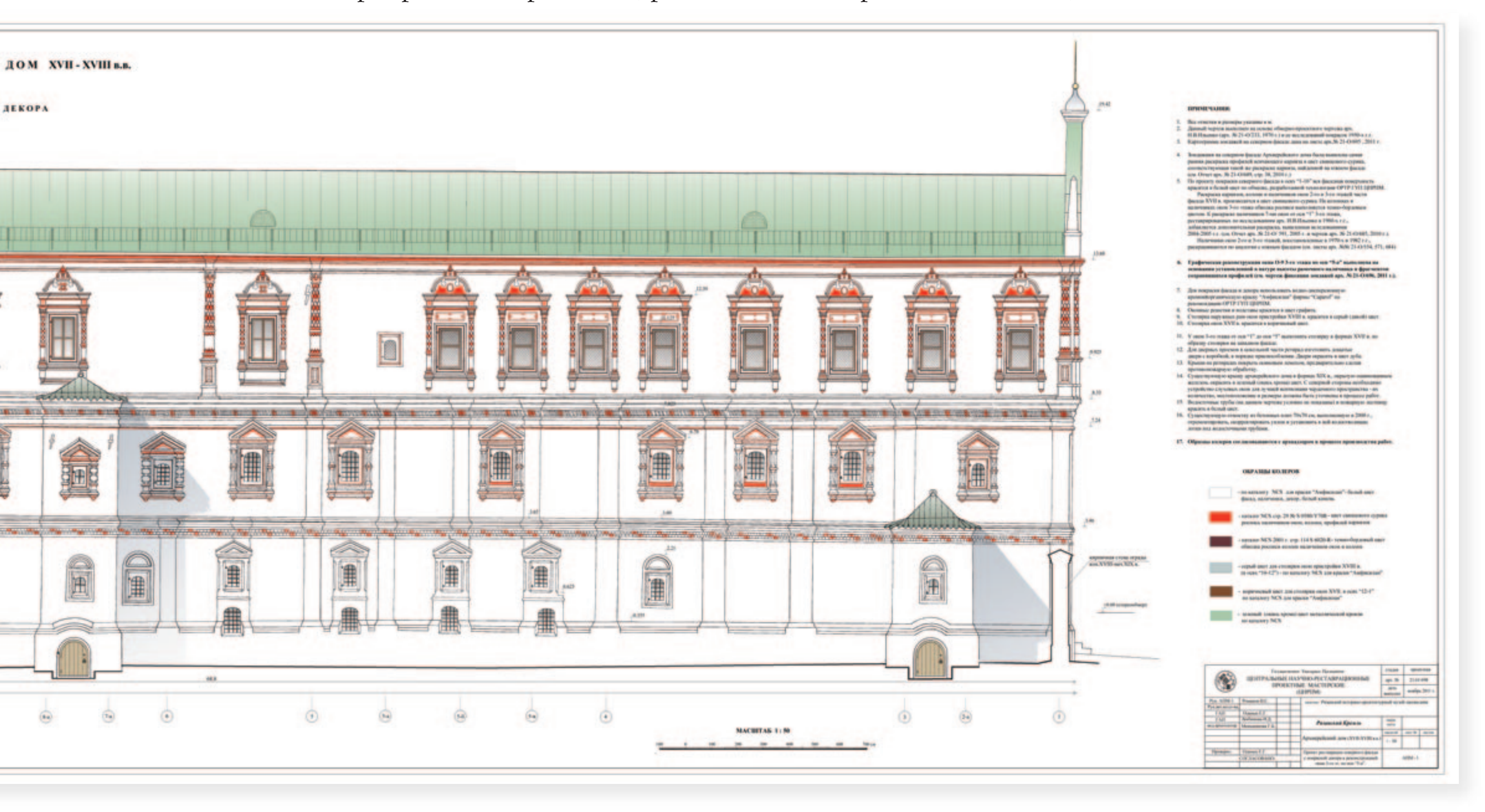
брания в виде Земских соборов – не недоразвитых аналогов парламентов, а совершенно обычных «Советов всей земли», превосходно выполнявших свои задачи.

Республиканско-парламентско-демократические теории не приживались и не приживаются толком в России не потому что она «не доросла», а потому что «переросла». Количество и продолжительность бедствий после пришествия чингизидов так изменили на три века общественную жизнь, что вера в то, что собрание представителей будет обсуждать и решать за общество важные вопросы, не могла ни к чему прикрепиться – чуть ли не каждодневные события давали отрицательные подкрепления: надеяться не на кого.

Непарламентский характер любого общественного и государственного устройства сложно, но крепко связан с вопросом о роли церкви в истории страны. Можно даже сказать, синхронизирован. Рассматривать одну особенность (несклонность к устройству говорилен) в отрыве от другой (патриархи в политической и экономической жизни) нельзя, надо искать в этой параллельной тематике; пример: старообрядчество как многовековой феномен имеет много объяснений, из несомненных – воля (во всех оттенках смысла слова) приверженцев ходьбы вокруг аналоя посолонь, а не противосолонь, была ущемлена действиями патриарха Никона, направлеными на укрепление и институционализацию как раз той сферы ответственности церкви, которая пересекается с декларационными задачами парламентаризма, то есть защитой интересов тех, кто отстранён от любой иерархии. «Печаловаться о слабых мира сего» – право и обязанность пастыря, и если для этого надо приобрести силу и сравняться со светской властью – что ж, придётся, да и примеров немало. Едва ли не на каждой иконе написано – «... Царь Иудейский», «Царь Славы», синедрион судил его именно за властные поползновения; в борьбе за представительную демократию третье сословие в Европе в своё время встало на первую ступеньку той лестницы, которую давно прошла церковь. Ища власти, Никон обронил волю, за неё вступился Аввакум, а спор решил Пётр. Совсем. Воля – это не «Что?», это «Где?».

Взлёт древнерусской архитектуры описывается целиком одним словом: ликование.

Всё, что описано авторами «Очерков» в главе про государственный строй – неопровержимо. После идентификации чужеродных социологических заплаток как разноцветного конфетти они не перестают веселить, не потому что нынешний читатель стал умнее, а потому что таково было намерение авторов. В контексте и по привычке не сразу заметишь, что начальная фраза, часто по необходимости блистательно бессмысленная, просто чтобы начать с чего-то, приобрела несколько гротескные черты, преувеличенно-с-выпученными-глазами правоверные. «Солдат должен иметь вид бравый и придурковатый». Для пущей марксистскости и ленинистскости вся внутренняя политика власти направилась на расширение собственности на землю, удушение крестьянства и наведение порядка среди тех, кто под гнётом. Так ли было? Безусловно. Но про суть внутренней жизни и внутренней политики власти ни слова не сказано, и это не может не увести изложение в прекрасные горизонты, реальность которых несомненна, но все ноги и колёса

но разрешало новые вклады в монастыри и само довольно щедро жаловало монастыри вотчинами из дворцовых земель.

Дворянство в период до Уложения многократно выступало с коллективными челобитными, а также и на земских соборах против злоупотреблений «сильных» и «владущих» людей, против их земельных захватов, укрывательства беглых крестьян и других насилий над рядовыми дворянами и детьми боярскими.

С организацией нового правительства началось жадное расхищение фондов дворцовых и черных земель. Естественно, что близкие к престолу и правительству лица первыми добивались земельных пожалований. Рядовым и мелким служилым людям, наиболее пострадавшим в предшествующие годы, трудно было в индивидуальном порядке получить земельные владения. Дворянство могло осуществить свои требования только путем коллективных выступлений. В приговоре 30 июня 1611 г. дворянство впервые заявило свою программу. После освобождения Москвы от интервентов дворяне и дети боярские сразу же добились от правительства распоряжения о массовой раздаче дворцовых и черных земель в ряде уездов. Далее дворяне и дети боярские, действуя через земские соборы, почти непрерывно заседавшие в Москве до 1619 г., а позднее через коллективные челобитья производили на правительство давление в том же направлении. Наряду с крупными земельными пожалованиями происходило массовое испомещение рядовых дворян и детей боярских на небольших земельных участках, и, пожалуй, эти мелкие раздачи сыграли не менее значительную роль в поглощении черных и дворцовых земель, чем крупные пожалования. Законодательство о землевладении, направленное против незаконных земельных захватов и на обеспечение земельных фондов за уездным дворянством и расширение прав помещиков на их владения, несмотря на некоторую противоречивость, с несомненностью подтверждает в целом дворянский его характер. Как показано выше[1], уездные служилые люди сами упорно стремились проникнуть в среду столичных чинов и не отрицали прерогативы правительства жаловать кого-либо по своей воле из принципа — «всяк велик и мал живет государевым жалованьем».

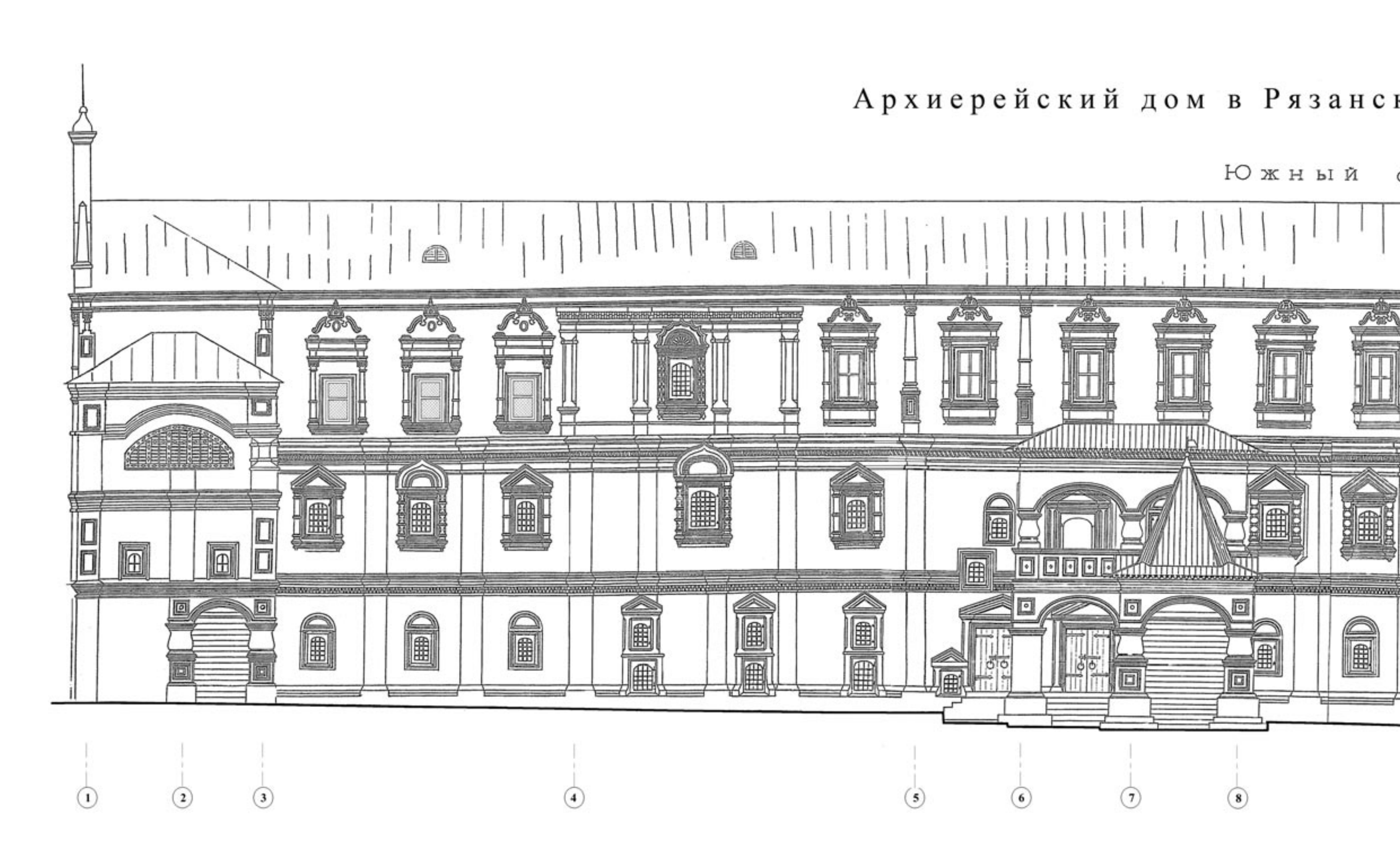
Гораздо более глубокое противоречие было скрыто в правительственной политике по вопросу о крестьянском закрепощении. Нет оснований приписывать противодействию боярских кругов затяжку на несколько десятилетий, до Уложения 1649 г., отмены «урочных лет» и законодательного утверждения вечной и потомственной крепостной зависимости крестьян от их владельцев. Эти меры по закрепощению крестьян соответствовали интересам класса феодалов в целом. Проявленная в этом вопросе настойчивая инициатива дворянства объясняется тем, что оно острее чувствовало ущерб от крестьянских побегов и свозов и гораздо больше, чем крупные феодалы, нуждалось в усилении средств борьбы с ними.

[1] См. главу I, § 5 настоящего издания.

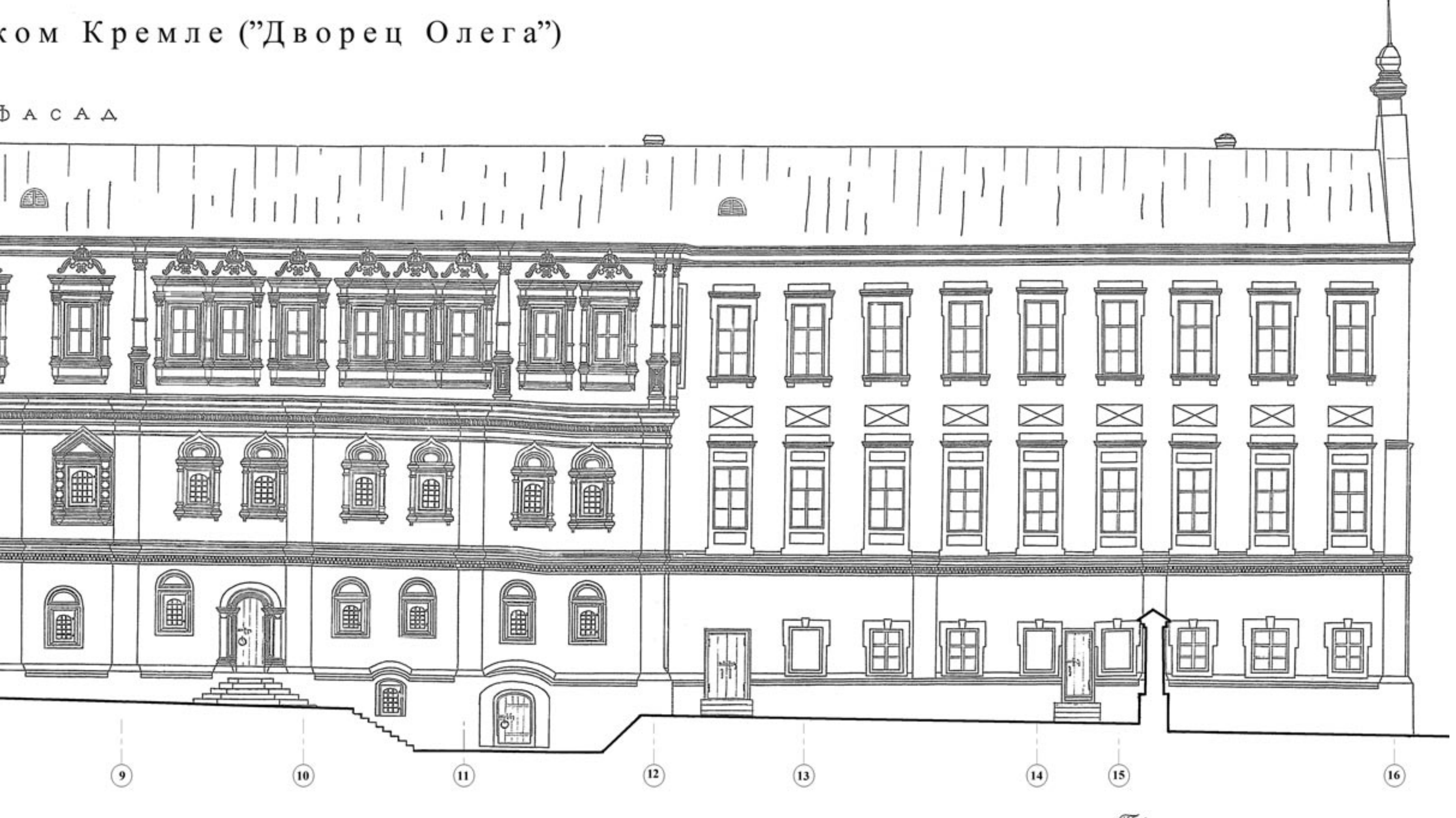

Вид на северный фасад Архиерейского дома в осях «5а-1». Наличники окон 2-го и 3-го этажа раскращены. Фото нач. 1960-х г.г. из личного архива И.В.Ильенко

Архиерейский дом в Рязанск
Южный
1
2
3
4
5
6
7
8
Проект реставрации с воссозда
Масштаб

Примечание

1. Корректировка выполнена на основе проекта реставрации южного фасада (Арх. № 21-О/517), разработанного архитектором, автором проекта реставрации Ильенко И.В. в 1970 г. и не включившего в себя центральное крыльцо, а также по натурным исследованиям 1994-95 г.г.
2. Воссоздание крыльца и проект реставрации портала 2 этажа разработаны по натурным и археологическим исследованиям, проведённым в 2004-2005 г.г. под руководством гл. архитектора проекта Одинец Е.Г. и гл. архитектора проекта Любимовой И.Д.

нием центрального крыльца

400

7 8 9 10 10м

Министерство культуры Российской Федерации Государственное предприятие ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ЦНРПМ		Стадия	Проект реставрации	
		Арх. №	21-О/576	
		Дата выпуска	2005 г. июль	
Нач.АПМ-1	Романов Н.С.	Заказчик: Музей-заповедник Рязанский Кремль 1 - 05 - 21-О		
ГАП	Одинец Е.Г.			
Авторы	Одинец Е.Г.			
пр.реставр.	Любимова И.Д.	*Рязанский Кремль*		
Соавтор	Меньшикова Г.Б.			
Выполнила	Одинец Е.Г.	Архиерейский дом	Масштаб	Лист № / Листов
	Любимова И.Д.		1:100	
		Корректировка проекта реставрации южного фасада с воссозданием центрального крыльца	АПМ-1	

Правительство имело основания опасаться нового обострения отношений в деревне, когда угроза интервенции еще не была устранена окончательно. Огромные раздачи в частные руки дворцовых и черных земель означали распространение закрепощения на новые массы крестьян. Еще не исследован в достаточной степени вопрос о том, как реагировали крестьяне на передачу их во владение дворян и детей боярских. Во всяком случае дело не обошлось без активного сопротивления и увеличения числа побегов крестьян; правительству приходилось иногда силой подавлять сопротивление крестьян новым владельцам. Наличие многочисленной казачьей вольницы, накопившейся в годы Крестьянской войны и интервенции, требовало осторожной политики. Так, например, соединение движения казачьей вольницы, связанного с именем Балаша, в годы Смоленской войны (1632—1634) с антифеодальными выступлениями крестьян в ряде уездов представляло серьезную угрозу.

Именно опасность обострения классовой борьбы и вынуждала правительство затягивать петлю закрепощения медленнее, чем оно этого хотело бы, и тормозить отмену «урочных» лет. Можно предполагать, что самая практика «урочных» лет для сыска беглых была новостью, так как раньше, по утверждению дворян и детей боярских, крестьяне были крепки своим владельцам по писцовым книгам и другим документам без всяких сроков. В законодательстве об «урочных» годах, несомненно, сказалось сдерживающее влияние недавней крестьянской войны под предводительством Болотникова[1].

Фискальная политика правительства была направлена на восстановление источников средств, необходимых для содержания государственного аппарата и войска, т. е. в первую очередь на жалованье дворянам и детям боярским. По сравнению с концом XVI в. правительство царя Михаила примерно удвоило тяжесть налогов, которые должны были уплачивать крестьяне и посадские люди. Расстройство фискального аппарата и хозяйственное разорение вынудили правительство к составлению новых писцовых описаний государства и некоторых технических изменений в системе сошного обложения. Все эти меры преследовали цель устранить вопиющее расхождение между тяжестью государственных налогов и платежеспособностью разоренного населения и восстановить аппарат, при помощи которого можно было осуществлять эксплуатацию крестьян и посадских людей в пользу феодально-крепостнического государства и класса феодалов.

В области хозяйственной политики практиковались старые испытанные меры по распространению земледелия путем построения и заселения новых городов. Усиление феодального гнета гнало население из центра на окраины страны. Распространение земледелия на новые территории было обязано неистощимой инициативе и трудолюбию самого населения. Для внутренней политики правительства в рассматриваемый период показательны

[1] *А. А. Новосельский.* К вопросу о значении «урочных лет» в первой половине XVII в.— Сб. «Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия», М., 1952, стр. 178—183.

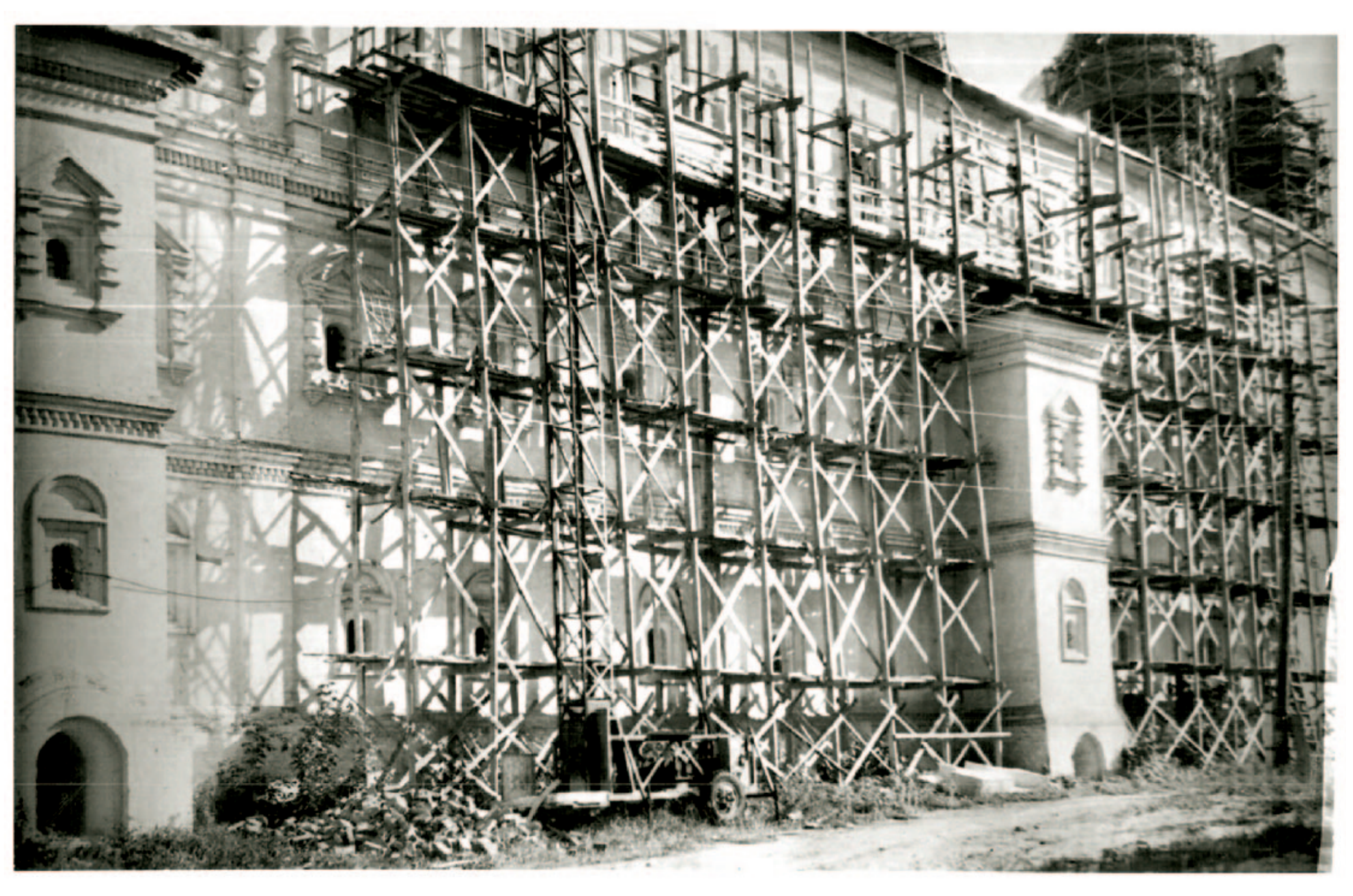
самих тогдашних участников исторического процесса смотрели на другую дорогу, которая под ногами, и которая про феоды, эксплуатацию, классовую борьбу как силу, что-то продвигающую, не давала вовсе никаких сведений, всё это прокрустовы рельсы, проложенные не туда, куда надо путнику, а туда, где что-то красивое мнится за горизонтом.

Люди, получавшие земельные владения за службу (помещики) или в наследство (вотчинники), путаются и перемешиваются в обе стороны, прирастая числом и размером владений. Это верно, но ни о чём не говорит. 24 577 выпускников высших учебных заведений пополнили рынок труда в таком-то году. Больше, чем в прошлом году, на 229 штук. И..? Это свидетельствует только от том, что было напечатано и заполнено столько же дипломов о высшем образовании. Ничтожный факт, косвенно свидетельствующий о количестве преподавателей высшей школы – и только. Ни про рынок труда, ни про потребности предприятий, ни про экономику вообще – ни слова. Стеснительно спрашивать, какого качества выпускники жадно ищут высоких зарплат. Отчего же тогда расширение числа источников существования сословия служилых людей и вотчинников составляет суть внутренней политики, сколько бы в ней ни было этапов, никак с этим расширением не связанных?

Сказать, что именно было такой сутью, не возьмёмся.

Но чуть-чуть, перышком, попробуем подвинуть приколоченные к шпалам рельсы вместе с локомотивами и составами к более простым, понятным и привычным направлениям, во всяком случае, больше говорящим о жизни в те времена, чем классовая борьба, синьоритеты и баналитеты.

Великий государь патриарх Филарет по возвращении из Польши помимо прочих дел озаботился таким пустяком, как изготовление и рассылка по городам и уездам образцовой государевой окованной осьмины под гребло (1624 г.). Похожая мера была уже предпринята ещё Иоанном IV (1550 г.), но с той поры много воды утекло, решили восстановить норму. Осьмина – дубовый бочонок, в который входит три пуда ржи (раньше, вероятно, была осьмина на два пуда – в Смуту мерили меньшими мерами от нужды), полуцентнером оперировать в торговле сподручнее, один человек ещё может поднять, и меньше возни с количеством мест при больших объёмах торговли. Оковка по верху бочки железом много говорит о нравах, особенно в сочетании с греблом. Подчёркивалось, что гребло железное, а не деревянное. Нравы у купцов не меняются столетиями

Фрагмент северного фасада в процессе реставрации.
Леса устанвлены для реставрации оставшихся невосстановленными 7 окон 3-го этажа. Фото 1982 г.

установление особого порядка возврата беглых крестьян из окраинных уездов и законодательство, охранявшее мелкое землевладение приборных служилых людей от поглощения его крупным землевладением.

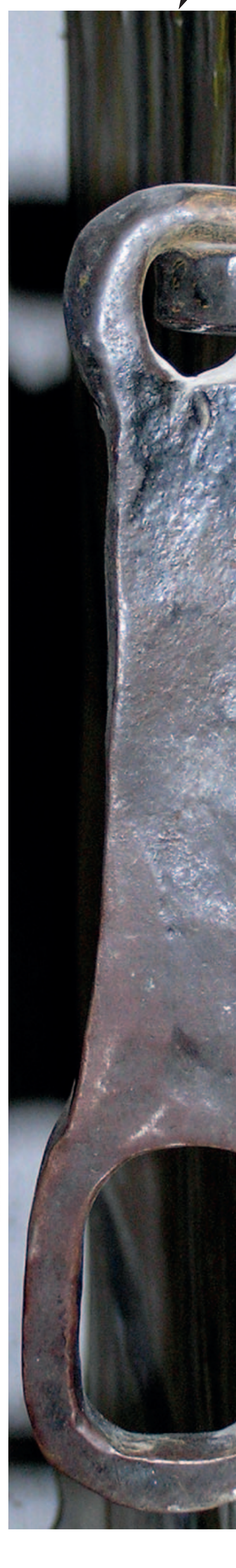
Феодально-крепостническое правительство, рассматривая торгово-промышленное население городов как источник доходов, непрерывно увеличивало налоговое бремя, нимало не заботясь об интересах городского населения в целом. Крупные феодалы, увеличивая количество принадлежавших им «белых» дворов на посадах и беломестных слобод, ставили посадское население во все более и более трудное положение. Правительство не хотело жертвовать интересами крупных феодалов и шло лишь на частичные уступки требованиям посадских людей об уничтожении конкуренции обеленного торгово-промышленного населения. Противоречие между интересами посадского населения и крупных феодалов все более обострялось. Посадское население, принесшее большие жертвы в борьбе с интервенцией, остро почувствовало феодальный гнет и первым поднялось на борьбу с ним в 1648—1650 гг. Восстание 1648 г. в Москве и других городах вынудило правительство пойти на более или менее решительную реформу и в известной мере удовлетворить требования верхушки посадского населения.

Вместе с тем в политике правительства в рассматриваемый период необходимо указать довольно отчетливо наметившийся курс на сближение с верхушкой торгово-промышленного класса. В правительственной деятельности патриарха Филарета отмечена его постоянная связь с представителями высших и наиболее богатых категорий торговых людей и вовлечение их в сферу правительственной деятельности. Уже с 20-х годов правительство начало уступать, хотя и медленно, требованиям купечества в вопросе о сокращении торговых привилегий иностранных купцов. Наблюдается сращивание интересов верхних групп торгово-промышленных людей с интересами класса феодалов.

Для государственного строя в первой половине XVII в. характерна важная роль, которую играли в нем земские соборы. Они сильно помогли центральной власти окрепнуть, особенно в первые годы царствования Михаила. В это время земские соборы составляли как бы часть правительственного аппарата. Но и позднее, когда аппарат центральных учреждений был полностью восстановлен, земские соборы, как важнейшее учреждение сословно-представительного строя, продолжали занимать видное место в системе высших органов власти.

Таким образом, в первой половине XVII в. сословно-представительная монархия сохраняет еще в полной силе свои наиболее характерные черты. В то же время наблюдается явное усиление централизации. Воеводская власть становится общей формой управления на местах. Приказы, по наблюдению некоторых историков, переживали пору своего расцвета. Царская власть крепла. Усилилось руководство со стороны царя важнейшими правительственными делами и решение их по совету с доверенными «палатными» людьми помимо Боярской думы.

(не исключено, что тысячелетиями). Греблом смахивают верхний излишек после насыпания зерна в бочку; если природа, быстрый ум или время придали греблу некоторую кривизну с обеих сторон, почти незаметную глазу, сделав его чуточку дугоподобным, то прежде чем сгрести, надо задаться вопросом: «А мы продаём или покупаем?» Если продаём, то мгновенным движением руки дугу надо повернуть вниз, чуть уменьшив количество насыпанного (а на сотой мере уже появится сама собой новая, лишняя осьмина), а если покупаем, не грех себе и с горкой отмерить – та же сотня, а дома-то зерна откуда ни возьмись – больше на бочку. И мерную бочку если взять неокованную – то на третьей сотне измерений от нажима греблом она станет пониже, полгорсти зерна – да поменьше. Такая классовая борьба в виде мелкого жульничества может считаться и великим торговым мастерством, умением творить барыши из воздуха; в данном случае почему-то простая математическая операция округления всегда ведёт к увеличению длины окружности. Упорядочивание и облегчение торговых операций – это, конечно, проявление классовой борьбы, но и чего-то ещё, в результате чего Ростов или Ярославль во второй половине века становятся архитектурными садами, наполненными окаменевшими цветами, чарующими взоры десятков поколений и сотен языков – их строили торговые люди, которые конечно, точно, наверняка, стопроцентно знали об этих (и сотнях других) ухватках, и применяли их; но след в истории купцы оставили не злонравием и корыстолюбием, а Спасом на Сенях и Николой Мокрым.

Страшно вымолвить: укрепление феодального землевладения, очень сильное закрепощение крестьян, подавление бунтов и даже казнь Степана Разина отлично выглядят внутри марксистских и ленинских построений. И пусть там и остаются. Построения безупречны, верны и точны, с ними не поспоришь. Но искать понимание истории XVII века можно не только там.

К примеру, в исследованиях того же А.А. Новосельского про вотчинное хозяйство (публикация 1929 г., М.–Л.) московский двор стольника А.И. Безобразова, состоявший из двух–трёх десятков душ получал со своих деревень в разных уездах столько съестного в месяц, что после всех раздач, уплат, продаж, засолки на хранение, подарков и случайных утрат для внутреннего потребления вместе с хозяевами оставалось каждый осенний месяц несколько пудов, например, баранины (а ещё говядина, рыба, куры снулые и живые, яйца сотнями, свиные половинки и уже солёные окорока, грибы, ягоды, словом, всё, что ныне составляет рекомендуемый рацион здорового питания, с балансом по жирам, белкам и углеводам). Пусть у стольника был хлебосольный гостеприимный дом, в котором всегда рады любому количеству гостей – задача каждый день извести в хозяйстве три–четыре килограмма мяса – не всякому повару по плечу. Две пары сапог на ноги одновременно не натянешь, что-то должно было доставаться и дворовым людям. Может, и не жировали, но и не бедовали. Не стоящий от голода на ногах конюх никому не нужен, здоровый работник наработает больше, чем горький пьяница и лентяй.

А.И. Безобразов оказывается личностью исключительно типической, как говорили в классическом литературоведении: не очень богатый, но и не бедняк, не родовит, но и не босяк, в родственниках ходит сам дьяк Василий Семенов, глава Разрядного приказа, от службы не бегает, но и пупа на ней не рвёт, любимейшее местечко – имение Тельчье в Калужском уезде с дивно устроенными рыбными ловлями в выкопанном и благоустроенном пруду. Карьера оборвалась трагически от упорного нежелания ехать на службу на Терек – связался с ворожеями, чтобы отвести эту напасть, а беда оттуда-то и пришла, за связь с ними и казнили, а архив через эту опалу и уцелел, для следствия собрали и сохранили.

Черты характера по переписке определить трудно, но кое о чём судить можно. Ясно, что грамотой владел, раз переписывался собственноручно. Но в нём обнаруживаются и такие качества, которые нельзя было предположить в замшелом вотчиннике с замашками Обломова.

Вот письмо из 1680 года.

В сложном и долгом процессе изготовления пива есть операция сушки солода (пророщенных семян) перед приготовлением напитка. В белёвской вотчине приказчик со старостой решили использовать нижние помещения хозяйского дома, да и сожгли его, очень огорчив стольника. После сообщения о печальной новости, в ответном письме стольник, излив накипевшее и припомнив в отчаянии нелестные характеристики родителей неосмотрительных приказчиков и крестьян, далее высказывает не только недюжинные знания процесса строительства, но и навык пространственного и проектного мышления, делающего честь любому и каждому архитектору и инженеру-строителю.

* * *

Уложение 1649 г. — важный этап в истории внутренней политики; оно завершает предшествующий и открывает новый период внутренней политики. Уложение удовлетворило основные требования дворянства, оформив вечную и потомственную крепостную зависимость крестьян, укрепив и расширив права феодалов на их поместья и вотчины, наложив запрет на дальнейший рост церковного землевладения. Уложение сплотило господствующий класс феодалов. Уложение пошло на крупную уступку требованиям посадов постановлением об отписке «белых» дворов и беломестных слобод, принадлежавших крупным духовным и светским феодалам, и тем усилило вес и влияние верхушки торгово-промышленного класса, открыв ей более широкое поле деятельности, увеличив посадское население численно и еще более ограничив привилегии иностранного купечества. Введя систему жестоких кар за всякое выступление против самодержавно-крепостнического строя и правопорядка, Уложение укрепило его и дало в руки господствующего класса новые и еще более сильные средства угнетения и подавления эксплуатируемого большинства.

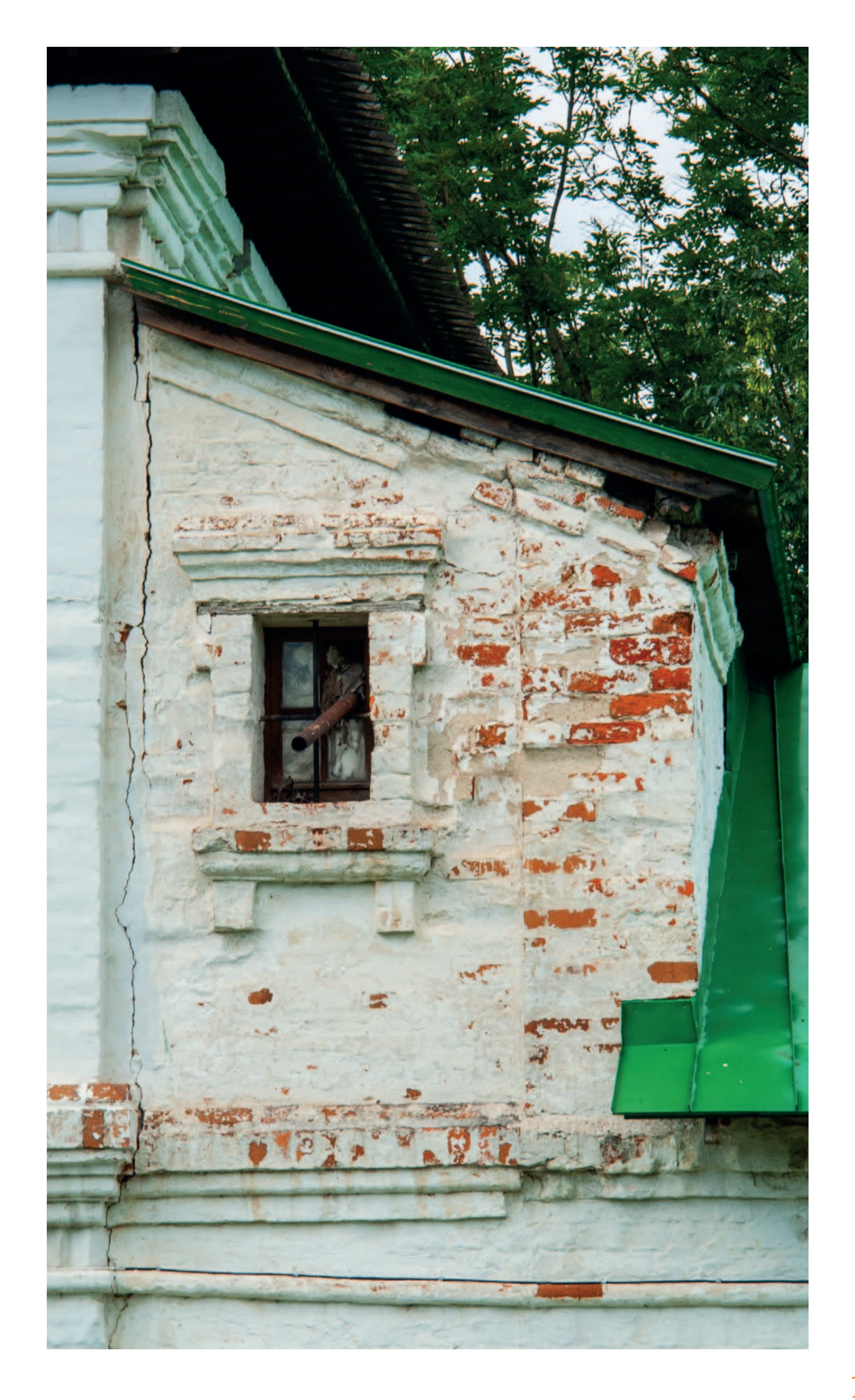
Все последующее развитие внутренней политики отражает влияние перечисленных постановлений Уложения 1649 г.

Непрестанно и весьма значительно возрастал как частновладельческий гнет феодалов, так и фискальный гнет государства. Рост налогов обнаруживается, например, очень наглядно в значительном увеличении крупнейшего из налогов — стрелецкого. Введение медных денег особенно тяжело поразило крестьян и посадских людей. В нашем распоряжении недостаточно документов, характеризующих частное феодальное хозяйство, но общая тенденция увеличения оброков и барщины в период после Уложения, т. е. усиление феодальной эксплуатации, не подлежит никакому сомнению. Правительство, вотчинники и помещики действовали так, подгоняемые ростом товарно-денежного хозяйства, потребностями обороны в широком смысле слова — реорганизацией войска и тяжелыми и длительными войнами.

Этот непрестанно возраставший нажим вызывал все более энергичный и усиливавшийся отпор со стороны эксплуатируемых классов. Классовая борьба достигла небывалой силы. Можно очень наглядно проследить, как крестьянские побеги становятся более массовыми, принимающими все более активные формы. В середине 50-х годов, совпадающих с началом войны с Польшей, правительством были изданы свирепые указы о казни через повешение холопов, разбегавшихся от бояр, дворян и детей боярских, находившихся в походе. Со второй половины 50-х и в течение 60-х годов правительство организовало массовые сыски беглых крестьян на обширнейшей территории государства. Никогда еще правительство не вступало в столь ожесточенную борьбу с крестьянскими побегами.

Эти меры не сломили нарастания антифеодального движения, вылившегося в 60—70-е годы в восстание в Москве, в Крестьянскую войну под

предводительством С. Т. Разина, в Соловецкое восстание и др. Тогда правительство пустило в ход крупные военные силы для кровавого подавления восстания угнетенных масс. Систематические, крутые и кровавые приемы подавления антифеодальных движений — характерная черта внутренней политики правительства после Уложения, заметно отличающая этот период от предшествующего.

Период после Уложения 1649 г. характеризуется отмиранием одного из самых основных признаков сословно-представительной монархии — земских соборов и началом перехода к абсолютизму. Главной причиной происходившего в государственном строе изменения был подъем классовой борьбы. Для удержания за собой господства классу феодалов необходимы были сильная власть и централизованный аппарат. Борьба с народными движениями ускоряла превращение сословно-представительной монархии в абсолютную, которая лучше обеспечивала охрану классовых интересов феодалов, чем правительство предшествующего периода, постоянно вынужденное искать опоры в земских соборах[1].

Период от Уложения до Крестьянской войны отмечен значительным укреплением правительственного аппарата. Самодержавие уже располагало достаточными средствами, чтобы обходиться без обращения к земским соборам.

В столице были созданы новые стрелецкие и выборные солдатские полки, поставленные в привилегированное положение и пользовавшиеся особенно заботливым покровительством самого царя Алексея Михайловича. Царь хотел создать из них послушное орудие против народных восстаний, особенно в Москве. И действительно, в 1662 г. эти войска по царскому приказу рубили на смерть и ловили живыми участников городского восстания. В дальнейшем стрельцы стали иногда выступать против правительства.

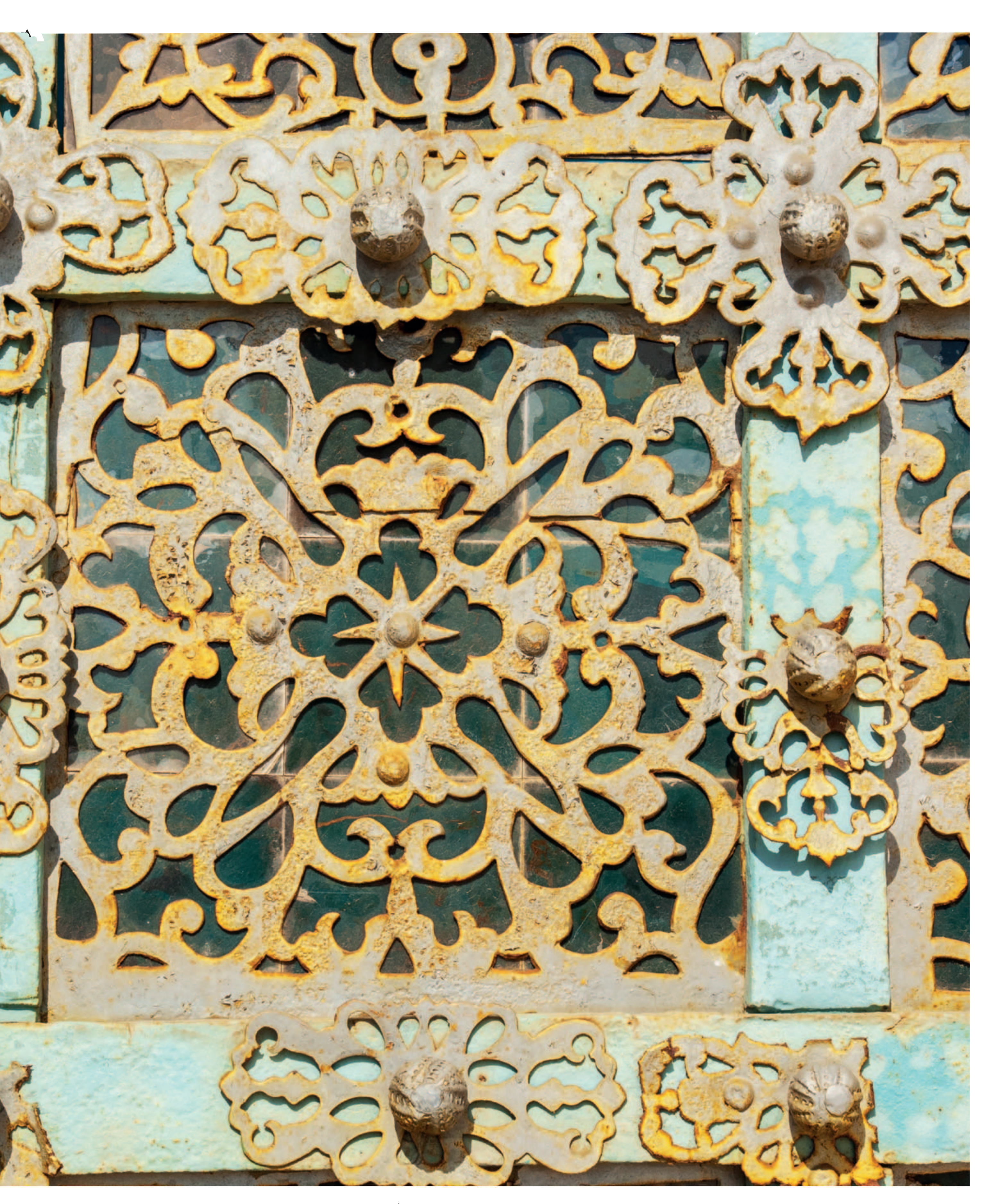
Реорганизация войска, проводившаяся в течение длительного времени, дала в распоряжение правительства полки нового строя, новую военную силу, более дисциплинированную, лучше организованную и вооруженную не только для действий на войне, но и против восставшего народа во время Крестьянской войны; известно, насколько важным для правительства оказалось участие полков нового строя в решающие моменты Крестьянской войны.

Для постепенного перехода к абсолютизму характерно ясно намечавшееся изменение в приемах управления. В соответствии с абсолютистскими представлениями о своей власти царь Алексей Михайлович создал особое учреждение — Приказ тайных дел, через посредство которого он хотел проявлять свою инициативу в обход действовавшей правительственной системы. Приказ прекратил свое существование со смертью Алексея Михайловича, но самое появление органа, стоявшего над всей системой прави-

[1] *С. В. Юшков.* К вопросу о сословно-представительной монархии в России.— «Советское государство и право», 1950, № 10, стр. 44, 49, 51.

Никакой «автокад» или подобные программы проектирования не помогут проложить дорогу от измышленной формы к номенклатуре и сортаменту деталей деревянных хором, поскольку форму-то он не нарисовал никаким наброском, эскизом, чертежом. Всё, для чего понадобились тёс, доски, брусья, брёвна, дубовые (!) и сосновые, от четырёхметровых до одиннадцатиметровых, и прочего добра, держалось в голове в момент

тельственных учреждений и осуществлявшего бесконтрольно личную волю царя, характерно для развития самодержавия в направлении к абсолютизму.

Как весьма важная черта внутренней политики рассматриваемого периода должна быть отмечена успешная борьба светской власти с церковью (дело патриарха Никона) и победа, хотя и не полная, одержанная над последней, что вело к превращению церкви в покорное идеологическое орудие самодержавно-крепостнической власти.

В экономической правительственной политике отчетливо выступали черты меркантилизма и протекционизма. Развитие рыночных отношений зашло уже настолько далеко, что в нем оказались заинтересованными многие представители господствующего класса, которым надо было реализовать на рынке продукты вотчинного и поместного хозяйства. Виднейшие из бояр (Б. И. Морозов, князь Я. К. Черкасский, И. Д. Милославский и др.) и лица более низкого ранга в 50—60-х годах втянулись в производство или скупку поташа, смольчуга, пеньки и сбыт их на внутреннем и внешнем рынке. В 1662 г. торговые люди жаловались, что «ныне всякими большими и лучшими промыслами и торгами владеют и промышляют духовный, и воинский и судебный чин, оставя и презрев всякое государственное правление»[1].

Государство по необходимости стало больше учитывать интересы торгово-промышленного класса, точнее — его верхов (гостей, гостиной сотни и др.), оказывая ему покровительство в конкуренции с иностранными капиталами, в более рациональной организации таможенных пошлин, в привлечении представителей купечества в состав правительственных кругов.

* * *

Общее состояние Русского государства после Крестьянской войны толкало господствующий класс на путь реформ, необходимых для укрепления феодально-крепостнического строя. Без реформ господство класса феодалов не могло быть прочным. Попытки таких преобразований дают основание назвать последнюю четверть XVII в. периодом предреформенным.

Попытка аристократической части боярства в 1681 г. обеспечить за собой на будущее время первенство в управлении страной встретила отпор со стороны дворянства и потерпела неудачу. Последовавшая в самом начале 1682 г. отмена местничества, тесно связанная с событиями предшествующего года, была весьма важной мерой, характерной для развития внутренней политики в интересах дворянства. Дальнейшие меры по реорганизации войска содействовали разрушению старинного «чиновного» строя служилого сословия и ослаблению роли дворянской конницы в составе вооруженных сил.

[1] *К. В. Базилевич.* Элементы меркантилизма в экономической политике правительства Алексея Михайловича.— «Ученые записки МГУ», вып. 41, История, т. I, М., 1940, стр. 6.

Опираясь на дворянское ополчение, правительство Софьи подавило в 1682 г. притязания стрелецкого войска и аристократической группы боярства, пытавшейся использовать в своих интересах стрелецкое восстание. В 1689 г. дворянство не поддержало правительства Софьи, что предопределило его падение. Во всех этих случаях дворянство выступало в качестве решающей силы, на которую опиралось крепнувшее самодержавие.

Крупные правительственные пожалования из поместий в вотчины в 70—80-х годах, распространившиеся на все слои класса феодалов, означали быстрое поглощение поместного землевладения вотчинным. Происходило значительное расширение прав распоряжения поместьями и фактически признание права наследования поместий по указу 1684 г. В 80-х же годах была предпринята, правда, неудавшаяся, попытка валового описания и межевания земель, показывающая, как далеко простирались притязания дворянства. После Крестьянской войны были сняты запреты, ограничивавшие проникновение крепостнического землевладения в южные уезды государства, и эти территории стали ареной новых земельных захватов со стороны вотчинников и помещиков.

Дворянство решительно отмежевалось от приборных служилых чинов, все более сближавшихся с тяглыми сословиями. С другой стороны, введение подворного обложения в 1679—1681 гг. означало не только применение еще более жестких форм фискального гнета, но и значительный шаг по пути унификации положения различных категорий закрепощенного сельского населения.

В организации управления наблюдается тенденция к дальнейшему усилению централизации, выразившаяся в слиянии ряда приказов и сосредоточении управления группами приказов в одних руках.

2

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ И БОЯРСКАЯ ДУМА

После ликвидации интервенции продолжалось развитие сословно-представительной монархии. Земские соборы, как наиболее характерный признак этой формы верховной власти, в первой половине XVII в. достигли своего расцвета. Во второй половине столетия земские соборы отмирают и начинается переход к абсолютной монархии. Однако для установления абсолютизма необходима была ликвидация политического влияния не только земских соборов, но и Боярской думы, которая в период сословно-представительной монархии в известной мере разделяла власть с царем[1]. Наличие рядом с царем в XVII в. Боярской думы представляет собой от-

[1] *С. В. Юшков.* Указ. соч., стр. 44; *С. С. Ротенберг.* Монархия с боярской думой (К вопросу об установлении самодержавия в России).— «Ученые записки Моск. гос. педагог. ин-та им. В. И. Ленина», т. XXXV, кафедра истории СССР, вып. 2, М., 1946, стр. 69—70.

написания письма. То есть стольник видел, глядя умственным взором в окошко или в стену, будущие хоромы, и записывал, сколько, какого и чего именно понадобится на стройке. Таких прорабов днём с огнём не сыскать в любую эпоху в любой местности, а в письме его нет никаких признаков гордости по поводу уникального знания и умения, и, надо полагать, получив письмо, приказчик и крестьяне, засучив рукава, высекли в лесу 120 одиннадцатиметровых дубовых брёвен. Начиная от 60 тонн сырым общим весом. Да девятиметровых 110 штук, да восьмиметровых 90, и ещё одиннадцатиметровых дубовых понадобилось 70 и потом сосновых опять 120. Тут уже тонны пошли сотнями. И под конец, чуть не забыл, две сотни сосновых по 11 метров, и 120 штук по тринадцать метров. Ну, по мелочи, десяток колод на двери и десяток на окна, лавки всякие, на чердаки что надобно. Ладно, он – гений, уместивший проект в несколько десятков строк, они-то ведь его поняли, и, надо думать, принялись за дело, одним строительным сезоном хотя бы материал заготовили, привезли, положили правильным образом эти тонны сушить, или сразу сырое срубили под усадку с запасом на окнах и дверях.

Пусть крепостное право страшно усилилось, пусть его кодифицировали в Соборном уложении в 1649 году и отменили «урочные лета», сделав сыск беглых бессрочным, пусть восстания под гнётом эксплуататоров были неизбежны, часты и жестоко подавляемы. Всё же люди, умеющие понять и воспринять это письмо как руководство к действию, и «исполнить предначертанное» – это «какие-то особенные люди, какие-то не такие, как все», они способны оперировать полутонным бревном десятиметровой длины без экскаватора и подъёмного крана, античные герои, ловкие и высокоразвитые, как воспитанники Платона, вернувшиеся со стадиона, они не могут быть описаны в терминах крепостного права, угнетения и феодализма, это просто другие люди. Они очень хорошо знают, что такое барщина и оброк, они платят подати и выполняют обязанности крепостных, но их жизнь больше, чем эти тенеты, сложнее, глубже, интереснее, ярче. Словом, в рамки крепостного состояния помещается больше, чем принято считать.

личительную черту русского самодержавия XVII века с Боярской думой и боярской аристократией[1].

Слагавшийся в XVII в. абсолютизм носил далеко не завершенный характер. Еще во многом притязания русского царизма в XVII в. были далеки от действительного воплощения в жизнь. В частности, эта незавершенность абсолютизма обнаруживается во взаимоотношениях царизма с церковью. Притязания последней на превосходство над светской властью или на равенство с нею («Премудрая двоица») потерпели поражение, но сила церкви как самостоятельной организации и мощь ее огромного землевладения еще сохранились.

По идее только царю принадлежали право законодательства и вся полнота исполнительной власти. Царь был верховным судьей. Он командовал всеми вооруженными силами. Вся приказная система в принципе была основана на предположении личного участия царя в управлении. В действительности, однако, реализация этих теоретических принципов самодержавия и единовластия далеко не была обеспечена соответствующей системой бюрократических учреждений.

* * *

Развитие самодержавия в XVII в. в направлении абсолютизма выразилось и в том, что на новую династию, хотя она имела источником своей власти «избрание» царя Михаила Федоровича «всей землей», было очень быстро перенесено старое, давно выработанное идеологическое обоснование царской власти. Идеология феодальной монархии XV—XVI вв. держалась на двух положениях: божественном происхождении власти и ее преемственной передаче в роде российских «скиптродержавцев». Выбранные цари тотчас после занятия престола спешили восстановить старое представление о «богоизбранном» государе, получающем власть от «своих прародителей» в силу родственных связей с законной династией Рюриковичей. Идеологи новой династии Романовых постарались истолковать акт избрания на царство Михаила Федоровича на Земском соборе как проявление воли божьей. «Грамота утвержденная об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова» — литературно-публицистическое произведение официального происхождения — доказывает, что только Михаил Федорович Романов мог быть избран на престол.

С наибольшей полнотой апология самодержавия была развита в «Новом Летописце», появившемся около 1630 г. и описывающем события конца XVI — начала XVII в. В этом произведении источником власти царя объявляется божественная воля; отсюда делается вывод о наследственности самодержавной власти и избранной династии. Всенародное признание (через Земский собор) лишь подтверждает решение божественного промысла.

[1] См. *В. И. Ленин.* Соч., т. 15, стр. 308.

Царь Алексей Михайлович. Портрет маслом работы С. Лопуцкого, 1657 г.
Государственный Исторический музей

Таким образом, «Новый Летописец» нисколько не скрывает, а, напротив, очень ярко показывает классовую природу самодержавия, говоря о том, что последствием пресечения законной династии было движение социальных низов, направленное против своих господ: «Пострадахом и убиени быхом ни от неверных, но от своих раб и крестьян поругаеми и убиваеми». «Боярский человек» и «пашенный мужик» стали выступать претендентами на царский престол. Иноземное вторжение — это второй вид божьей кары. Освободительное движение рассматривается в «Новом Летописце» как борьба за православие, феодально - асболютистский режим и восстановление законной династии[1].

В написанной дьяком Федором Грибоедовым в конце 60-х годов «Истории о царях и великих князьях земли Русской» обосновывается преемственность царей новой династии от династии Рюриковичей. В этом сочинении особенно подчеркивалось, что царь Михаил приходился внучатым племянником первой жене Ивана Грозного Анастасии Романовне, чем подтверждаются кровные связи Романовых со старой династией. Отсюда царь Иван IV был объявлен «прадедом» царя Алексея Михайловича. В окончательной редакции «Истории» было выброшено замечание, имевшееся в первоначальном варианте о пресечении «царского корени» со смертью Федора Ивановича. Таким образом, «История о царях и великих князьях земли Русской» перенесла старую концепцию Степенной книги эпохи царя Ивана Грозного на династию Романовых и установила непрерывную династическую линию от князя Владимира Святославича, «сродника Августа, кесаря Римского», до царей из дома Романовых[2].

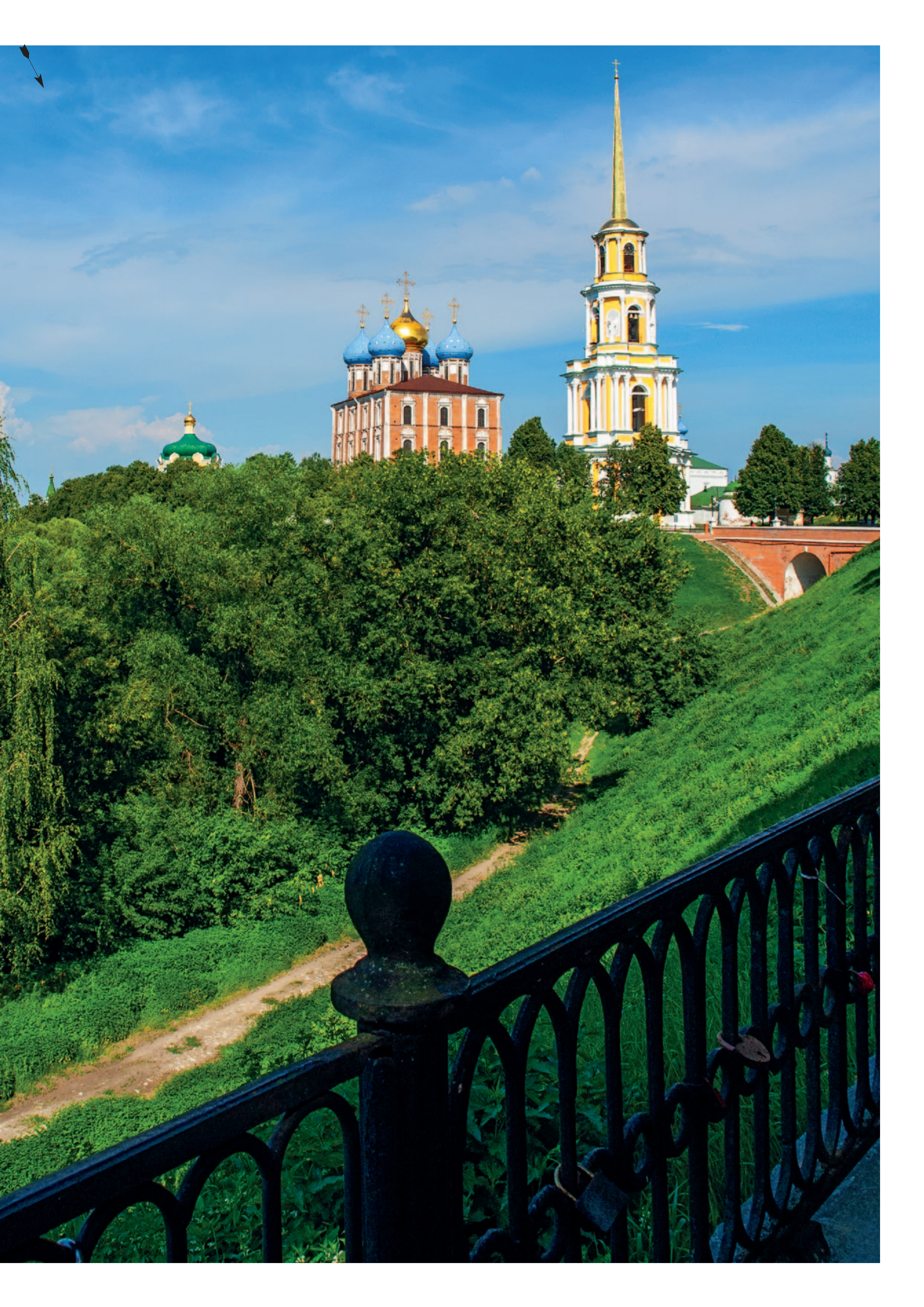
Царь Алексей Михайлович широко пользовался теорией божественного происхождения царской власти. В письме к князю Г. Г. Ромодановскому

[1] *Л. В. Черепнин.* «Смута» и историография XVII в.— «Исторические записки», № 14, стр. 83—84 и др.

[2] *Ф. Грибоедов.* История о царях и великих князьях земли Русской.— «Памятники древней письменности», вып. CXXI, СПб., 1896.

Прием иностранных послов царем Алексеем Михайловичем в Грановитой палате Московского кремля. Рисунок из альбома Пальмквиста, 1674 г.

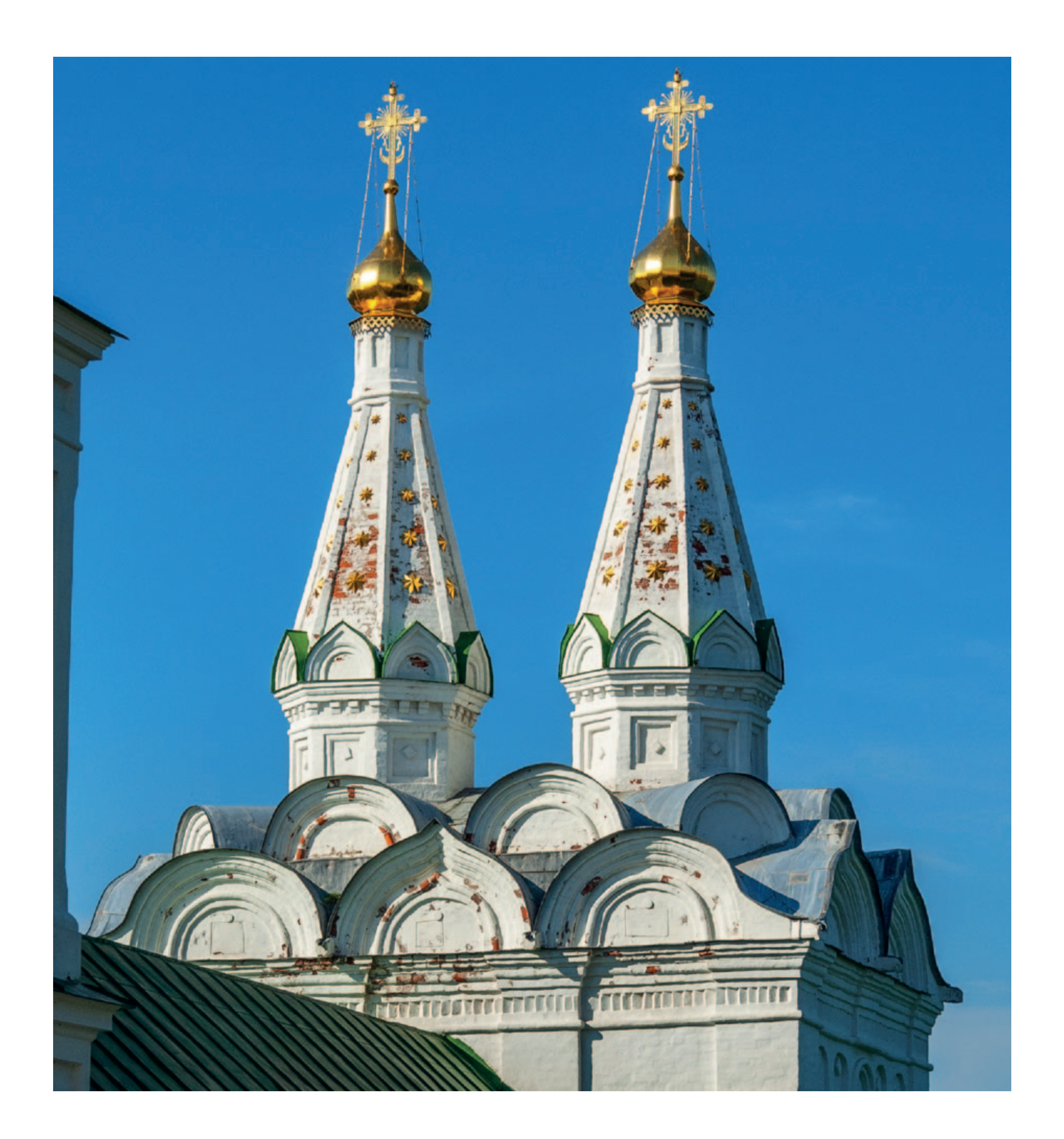
он писал: «бог ...благословил и предал нам, государю, правити и разсуждати люди своя на востоке, и на западе, и на юге, и на севере в правду, и мы божия дела и наши, государевы, на всех странах полагаем, смотря по человеку...» [1]. Идеалом для царя Алексея Михайловича в этом отношении был Иван IV.

Образ жизни царя, лишь в редких торжественных случаях появлявшегося перед народом в окружении пышного великолепия, должен был поставить его в глазах подданных на недосягаемую высоту. С еще большим великолепием, демонстрировавшим власть и богатство московского государя, происходил официальный прием иностранных дипломатических представителей. Необычайно пышный титул, усвоенный Алексеем Михайловичем, свидетельствовал о больших притязаниях царя на внешнеполитическое влияние.

В Соборном Уложении царской власти посвящены особые главы. Глава II («О государевой чести»), трактовавшая об охране жизни и чести царя, не делала никакого различия между преступлениями против государства и действиями, направленными против личности государя; и то и другое подводилось под одно понятие «государева дела и слова». Глава III

[1] «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археол. об-ва», т. II, СПб., 1861, стр. 774.

189-г(о) [1680] году декабря в 1 де(нь). Роспис(ь), что высечь на Тельчи кокова лесу и вывозить прикащику и крестьянам против старых хором, что сожгли вы воры, бл...дины дети. На потклеты б высечь дубовава лесу хорошева и не тонкова и не кривово петисаженнова 120 бревен. Да четырехсаженнова с лохтем 110 бревен дубовых. Да на потолоки в потклеты 100 пластин вытесат(ь) четырех сажен с полусажен(ь)ю дубовых, а чтоб пластины б были не кривые и не уские б, чтобы пластины были широкие и премые. Да на подсен(ь)я дубова лесу надобна четырехсаженнова 90 бревен. Да на подсен(ь)я же надобна дубова лесу петисаженнова 70 бревен. Да на подсен(ь)я же надобна дубова лесу трехсаженнова 80 бревен. Да на сени на мосты надобна 50 пластин дубовых четырех сажен, а будет старые пластины сенные целы, ина пластин на сени не рубит(ь), разве малая что нарубит(ь). Да на сени жа надобна 25 пластин дубовых получетверть сажени. Да на сени жа надобна 25 пластин трех сажен с лохтем. Да на горницы соснова лесу высечь петисаженнова 120 бревен, четырехсаженнова с лохтем 110 бревен. Да в хоромы на потолоки сосновых 100 пластин вытесат(ь) четырех сажен с полусаженье. Да на сени надобна 100 бревен сосновых четырех сажен. Да трехсаженнова 100 бревен сосновых. Да на сени жа надобна сосновава лесу 60 бревен пятисаженнова. В хоромы на десетеры двери колоды высечь сосновые, чтобы сучка не было и красны бы были и широки, таковы б были, что саж[г]ли. Да на десет(ь) окан красных колоды

устанавливала охрану порядка внутри царского двора или вблизи местопребывания царя. Строго воспрещалось появляться на царском дворе с оружием—пищалями и луками. Виновный в ношении оружия подвергался наказанию батогами и недельному заключению в тюрьму. Если же кто-либо в присутствии царя обнажал оружие, хотя не действовал им, то подвергался более суровому наказанию: у виновного отсекалась рука. За убийство или ранение в присутствии царя или на его дворе виновный подвергался смертной казни. В этой же главе вводилось понятие особой «чести государева двора». За оскорбление кого-либо словами (брань) в присутствии государя виновный подлежал двухнедельному заключению в тюрьме, причем пострадавший сохранял право требовать с оскорбителя штраф за бесчестие.

* * *

Боярская дума, выросшая из совета «бояр введенных» удельного периода, при своем возникновении была феодальной курией великого князя. Но феодальная курия была мало пригодна для обслуживания потребностей образовавшегося к концу XV в. централизованного государства. Поэтому в течение XVI в. Боярская дума превратилась в правительственный орган сословно-представительной монархии. Попытки боярства превратить Боярскую думу в орган, ограничивавший царскую власть, запоздали и реального значения иметь не могли.

В состав Боярской думы входили думные люди четырех степеней: бояре, окольничии, думные дворяне и думные дьяки. Все они назначались царем пожизненно, но думные люди низшей степени, также по воле царя, могли переходить в высшую. Представители первостатейной знати входили в Думу прямо в боярском чине, менее знатные — в чине окольничего, рядовое дворянство получало чин думного дворянина. Из разрядных и боярских книг, сохранившихся, впрочем, не в полном составе, видно, что к первому боярскому слою Думы в XVII в. принадлежали 23 фамилии, из которых 18 происходили от потомков князей из рода Рюрика или Гедимина (князья Воротынские, Мстиславские, Голицыны, Куракины и др.) и пять — от старых московских боярских родов (Романовы, Морозовы, Шереметевы, Шеины и Салтыковы), т. е. княжеских фамилий среди первостепенного боярства было 78%. В течение XVII в. аристократические роды занимали еще видное положение в Думе, хотя и были несколько потеснены вследствие выдвижения неродовитых родственников цариц, Стрешневыми, Милославскими и Нарышкиными, а также другими царскими фаворитами.

Вторая степень думных чинов — окольничество — в XVI в. заполнялось потомками московских бояр. По подсчетам В. О. Ключевского, среди окольничих в этот период было только 23% лиц с княжеским титулом[1].

[1] *В. О. Ключевский.* Боярская дума древней Руси. П., 1919, стр. 220.

же высечь сосновые, чтобы были гладкие ж, сучка ж бы не было. Да на десе[те]ры двери да на десетеры окан красных досок же б натесят(ь) сосновых широких длиною по полутары сажени, надобна 50 досок. Да на чердаки высечь лесу соснова сто дватцат(ь) бревен штисаженнова с лохтем. Да на чердаки ж соснова лесу надобно двести бревен пети сажени. Да 100 досок натесят(ь) сосновых в чердаки четырех сажен с лохтем, а чтоб доски были хороши и глатки и не уски б были. Велет(ь) сосновава брус(ь)я натесат(ь) полупеты сажени 40 брусов хороших широких, что[бы] были широки, а не добре б толсты, толшиною б были вершков в шесть или в семь. Да соснова же брус(ь)я велет(ь) натесат(ь) шти сажен 40 брусов.

А как крестьяня станут плостье дубовое колот(ь) и сосновое, и им то плостье велет(ь) правит(ь) на лесу для това, что легче им возит(ь) будет.

Лавок высеч(ь) сосновых 10 лавок полупеты сажени да 10 лавок четырех сажен да 10 лавок трех сажен да 10 лавок двух сажен.

120 пятисаженных брёвен. Во-первых, это не всякий нынешний трейлер увезёт, нужен длинномерный прицепной лесовоз. Во-вторых, сажень = 216 см. Пять – 10 м 80 см. Положим (только предположим), стена высотой 3 м, по 0,3 м средним диаметром (на самом деле гораздо больше, до 0,5) – десяток брёвен. Как ни крути, куда ни поворачивай – а выходит или две комнаты по 60 м², или четыре по 30. Считая длину стен лавками, получаем 10 десятиметровых лавок, 10 девятиметровых, и ещё шестиметровые и четырёхметровые. Маленькие – ладно, как-нибудь раскидаем, а куда пристроить 20 лавок

Но в XVII в. и здесь преобладали потомки удельных князей (Барятинские, Львовы, Лыковы, Пожарские и др.). По данным разрядных книг и боярских списков, из 56 фамилий, посылавших своих представителей в Боярскую думу в чине окольничего, 29 фамилий, т. е. более половины, были княжеские.

Боярин Н. И. Одоевский. Портрет маслом работы неизвестного художника, XVII в.
Государственный Исторический музей

С первой половины XVI в. в состав Думы, в целях противодействия политическим притязаниям родовой знати, стали вводиться дети боярские и дворяне. Таким «думным дворянином» начал свою карьеру Алексей Адашев. Думные дворяне представляли собой выходцев из рядового дворянства, получавших свое высокое звание обычно в силу личных заслуг. Так, Л. Т. Голосов получил чин думного дворянина после 30 лет службы дьяком и думным дьяком; В. М. Тяпкин имел за собой 30 лет военной и дипломатической службы и т. д. Думные дворяне обладали административной опытностью. В XVII в. не было ни одного думного дворянина с княжеским титулом. Большинство думных дворян заканчивало свою карьеру в этом звании, и лишь немногие, как А. Л. Ордин-Нащокин или А. С. Матвеев, достигали боярского чина. Думные дворяне все вышли из мелкого дворянства, по подсчету за XVII в.,—из 85 дворянских родов.

Думные дьяки назначались из выслужившихся приказных дьяков. При царе Михаиле их было три-четыре, потом число их постепенно увеличивалось и доходило до 13 думных дьяков одновременно. Всего за XVII в. думных дьяков было 45—46. В аристократическом окружении Боярской думы думные дьяки вместе с думными дворянами представляли собой бюрократический элемент. Значение их было велико, так как по многим делам они были докладчиками и, кроме того, формулировали решения Думы. Некоторые из думных дьяков достигали высоких чинов, как, например, И. А. Гавренев, получивший окольничество, и С. И. Заборовский, окончивший свою карьеру в чине боярина.

Общее число членов Боярской думы в течение XVII в. менялось, причем постепенно увеличивался удельный вес думных дворян и думных

чуть меньше и чуть больше десяти метров? Их ведь по диагонали не поставишь – ходить неловко. Стало быть, где-то нашлось двадцать стен по десять метров с (технологическими) перерубами (или это в двух этажах?). И столько же на горницы (второй этаж – уже гора, а ещё чердаки), и про подсенье не забыть, про десять дверей и столько же окон. Никакая дизайнерская изворотливость не позволит сто метров лавок воткнуть в помещения площадью меньше четырёхсот метров. При высоте дубовых стен в 3 м (или больше) периметр (без перегородок) составит около 259 м в первом этаже. Перерубы, соединение «в лапу» несколько метров съедят легко, но всё равно остаётся 230–240. Примерно. Принимая за рабочий модуль помещение в 50 м^2 (длина 10, ширина 5 м), площадь первого этажа поместится в 300–500 квадратных метров. Вместе с сенями, горницами, чердаками – далеко за тысячу. Чтобы протопить зимой, потребуется несколько печей, больше трёх, запасы дров – десятки, если не сотни возов.

Соборное уложение – недооценённый из-за обществоведческих пристрастий документ. Это далеко не только фиксирующий новое юридическое состояние крепостного права свиток, вместе с Новоуказными статьями это конституция России на полторы (если не две) сотни лет – до Полного собрания законов Российской империи XIX века. Прекраснодушная попытка Екатерины II (Наказ Уложенной комиссии) осталась литературным фактом, как и вдохновивший императрицу «Дух законов» Ш.Л. де Монтескье.

На этот конституирующий характер Соборного уложения давно обратили внимание, так же давно приметили, что после него Земские соборы как явление внутренней политической жизни быстро угасли и уже в петровскую эпоху нельзя себе вообразить даже

дьяков. По переписным книгам 1678—1679 гг., в Боярской думе числилось 97 человек, из них 42 боярина, 27 окольничих, 19 думных дворян и 9 думных дьяков[1].

Видное место, которое занимала в Боярской думе боярская аристократия, не противоречило беспрерывному в течение XVII в. усилению царской власти, так как положение боярства в Думе значительно изменилось. Знать XVII в. уже не была похожа на боярство времен Грозного. В течение второй половины XVII в. наплыв в Думу лиц невысокого происхождения, из числа преимущественно родственников цариц, и назначение большого числа думных дворян несколько снизили аристократический характер Думы, но этот процесс прервался при Петре, который сохранил в числе бояр представителей высшей знати и мало пополнял состав думного дворянства до упразднения Думы вообще.

Думные чины давались («сказывались») от имени царя, формально ничем не ограниченного в своих назначениях. Однако обычай требовал, чтобы сан боярина или окольничего предоставлялся преимущественно представителям известных аристократических родов. Представителя рода Голицыных или Шереметевых нельзя было назначить думным дворянином или окольничим. Зато царь был волен неугодного ему человека совершенно не пускать в Думу, даже если за ним числились значительные служебные заслуги. Так, князь М. В. Прозоровский в 1615 г. был стольником, воеводствовал в Торопце, Вятке, Переяславле-Рязанском и Вязьме, а в 1649 г. все еще оставался в звании стольника и так и не дождался назначения в Думу; другой князь Прозоровский, Петр Семенович Меньшой, также состоял в звании стольника 24 года и умер в этом звании и т. д.

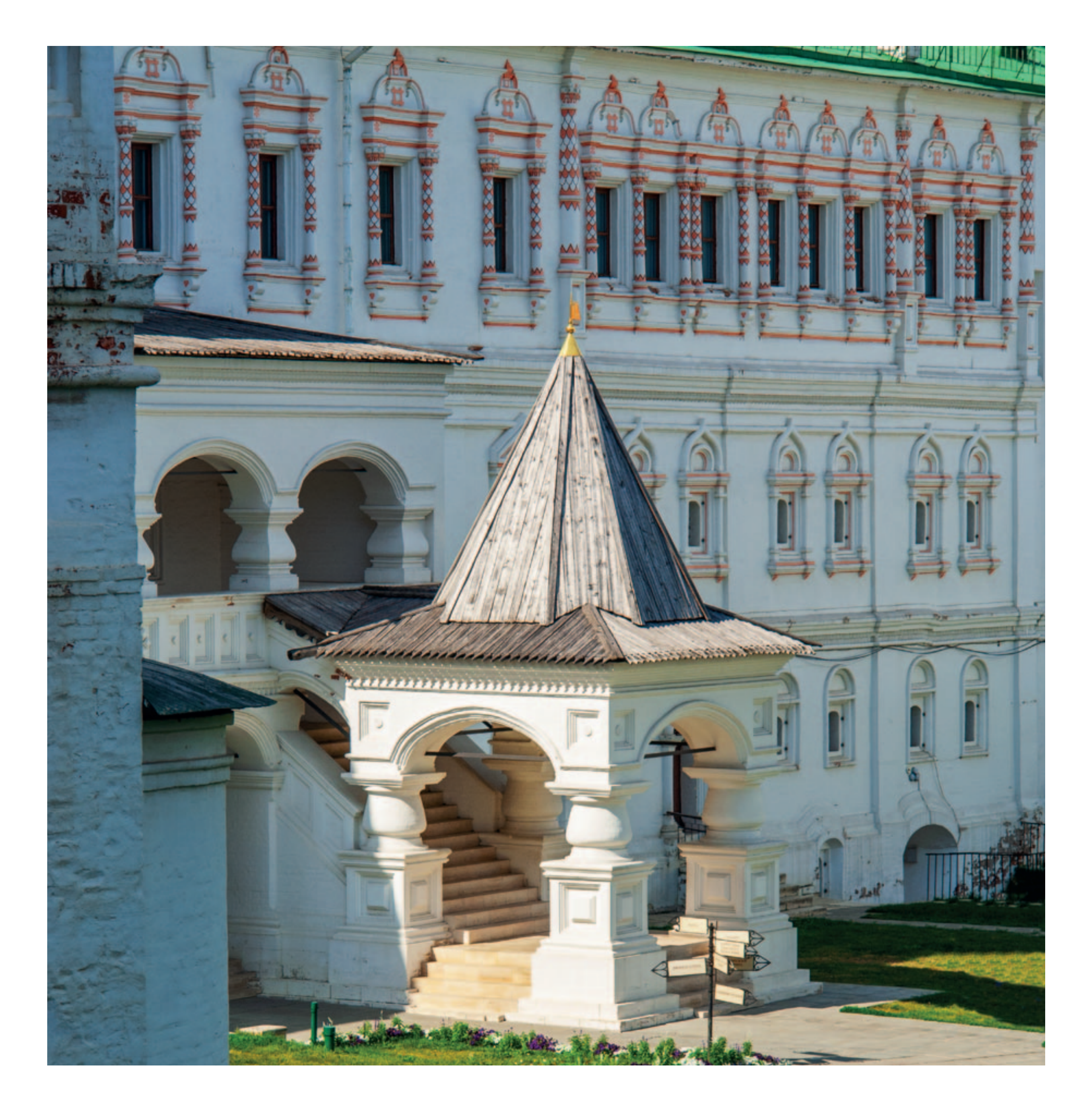
Думный чин часто давался лишь после продолжительной службы. Для родственников цариц и фаворитов этот срок был гораздо короче. Если большинство представителей первостепенной знати должно было ждать пожалования в бояре 10—15 лет, то отец царицы К. П. Нарышкин через год после пожалования в думные дворяне был сделан окольничим, а еще через год и боярином; его сын И. К. Нарышкин получил боярство в возрасте 22 лет. А. С. Матвеев в пять лет прошел через думное дворянство и окольничество до боярского чина. От воли царя зависело дать боярство второстепенному дворянину даже с нарушением последовательности прохождения чинов. Так, в 1682 г. боярство было «сказано» стольнику М. Л. Плещееву, между тем как из многочисленного рода Плещеевых не было ни одного, который в XVII в. имел хотя бы низший думный чин.

Лишение думных людей их звания было явлением редким и случалось в порядке царской опалы за преступления политического характера.

На заседаниях Боярской думы обыкновенно присутствовали не все пожалованные в думные чины. Значительная часть их находилась не-

[1] *А. А. Новосельский.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. — «Исторический архив», т. IV, М.—Л., 1949, стр. 89.

тень мысли о каком-либо представительстве и судоговорении. Между тем в связке «соборы и Уложение» много возможностей отойти в сторону от проложенных путей, буквально переменить точку зрения, чтобы увидеть то, что раньше, при другой точке зрения, было сокрыто, только из-за точки зрения. Упорные поиски черт схожести между западным парламентаризмом и хоть каким-нибудь представительством чего-нибудь в России породили миф о сословно-представительной монархии как этапе, предшествовавшем абсолютизму. Теоретическая зыбкость самого понятия «абсолютизм» бросила тень недоверия и на сословно-представительную монархию. Абсолютизм находится в ряду таких слов, как деспотизм, тоталитаризм, авторитаризм, самодержавие и собственным содержанием не обладает, поскольку имеется в виду просто сильная, крепкая, устойчивая власть; если монарх хорошо учился и начитан, возможны варианты, похожие на просвещённый деспотизм, наличие или отсутствие развитой или недоразвитой бюрократии факультативно, не в ней дело. Абсолютизм просто придуман как стадия сильной власти, чтобы объяснить развитие того, что не было сословно-представительной монархией, но какие-то перемены были, причём именно в сторону ужесточения, закрепления и затягивания устоев, гаек и узлов, вплоть до смыкания самовластья с самоуправством. В конце XVI – начале XVII века власть была какой угодно, только не сильной, даже во времена Федора Иоанновича и Б. Годунова, до них уязвлённая великим горем мощь сына Елены Глинской разметала институты государства вместе с государством так яростно, что периоды просто покоя воспринимались как благо господне, наконец поданное свыше. Между прочим, Б. Годунов – из тех немногих, именем которых описывают архитектурные стили; при том, что сам он для архитектуры был только потребителем, что-

редко вне Москвы, выполняя различные служебные поручения — на воеводствах в более значительных городах, выезжая за границу в посольствах и т. д. Но большое число думных людей было занято в Москве в приказах и в то же время заседало в Боярской думе, так что иногда заседание Думы превращалось в собрание начальников приказов. Все это могло быть только во второй половине XVII в., так как в XVI в. и в первой половине XVII в. важнейшие приказы находились под управлением недумных чинов. При Алексее Михайловиче и его преемнике думные чины управляли почти всеми приказами, что было одним из проявлений централизации управления.

Заседания Боярской думы происходили в кремлевском дворце под председательством царя или наиболее родовитого из бояр. Начиналось заседание летом с восходом солнца, а зимой еще до восхода солнца и продолжалось с перерывами иногда до позднего вечера. Когда царь выезжал из Москвы в подмосковные дворцовые села или монастыри, и его сопровождало много думных людей, то заседания устраивались и вне Москвы, где находился царь. На заседаниях Боярской думы происходили нередко горячие и длительные прения[1].

Большинство дел, восходивших в Боярскую думу, возникало по инициативе центральных правительственных учреждений, которые не знали, как решить то или другое дело по отсутствию соответствующего закона, неясности его, сложности и запутанности самого казуса и т. д. Дело могло возникнуть и по жалобе частного лица на решение приказа. Приговор Думы в дальнейшем служил прецедентом при разборе в приказах аналогичных дел, и потому некоторые приговоры имели такое прибавление: «да и впредь бояре приговорили...». Таким образом, приговор Думы являлся законом или разъяснением закона. По инициативе царя Боярская дума разрабатывала законодательные акты, обсудив их самостоятельно или вместе с царем.

Было бы ошибкой полагать, что деятельность Думы при всем ее разнообразии имела только законодательный характер. Дума очень часто выступала как учреждение распорядительное, действовавшее по поручению верховной власти, даваемому не на каждый отдельный случай, но на целый круг дел. Дума была и высшим контрольным учреждением в государстве. Она могла собирать сведения о служилых людях, начиная от простого рейтара до боярина, следить за приказными расходами, интересоваться даже тем, сколько в приказе затрачено на свечи, чернила и дрова и т. д. Дума могла исполнять функции распорядительного учреждения по военным делам, т. е. она часто и глубоко входила в дела Разрядного приказа.

Большую роль играла Боярская дума в области дипломатических сношений. Поэтому во главе Посольского приказа почти всегда стоял не боярин, а думный дьяк как секретарь Думы по внешним сношениям. Через Думу проходила дипломатическая переписка. Для переговоров

[1] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 407—408, 416—422.

то в его правлении (до и после воцарения) было такое, что составило целое время. Даже его трагическая фигура лишь подтверждает мысль о том, что за полвека до 1613 года словно громадный бешеный пёс вцепился в Россию и терзал её и так, и сяк в надежде потешиться свежей убоиной, а она всё никак и никак, не помирает, и всё тут.

Именно в эти полвека появились земские соборы (аналог вселенских соборов чуть ли не от античных времён) и патриаршество как институт власти не только духовной. Степень деструкции власти была такой, что самыми крепкими оказались символы и слова. Первый царь при рождении был ещё Великим князем, хотя деда его уже иногда именовали Rex, второму досталось всего 14 лет, новые династии посыпались чехардой, покуда добрались до Романовых, только символ и остался. В Кремле не было ни одного целого каменного здания, где бы мог переночевать новоизбранный М.Ф. Романов. Власть, пусть и по праву, и по закону, и по избранию «Собора всей земли» подобрал царь Михаил, но именно подобрал, с пола, отряхнул и понёс. Едва ли не главное обвинение Земским соборам («отчего они не парламенты?») состоит в отсутствии законной процедуры и норм избрания и представительства, и это совершенно полноправная инвектива, не было и мысли о правильной периодичности избрания, о функциях, о ещё не придуманном разделении властей, о бюджете и ответственном правительстве, словом, ни одного признака живого нормального парламента в земских соборах нет, как ни ищи. Зато есть полное совпадение с другим институтом, от длящихся бед и нехватки сил рас-

с иностранными послами Дума выделяла из своей среды бояр в «ответную» палату — временную комиссию, докладывавшую Думе о ходе переговоров и получавшую от нее инструкции.

Круг деятельности Боярской думы намечен двумя законодательными актами. В Судебнике 1550 г. значится: «А которыя будут дела новые, а в сем Судебнике не написаны, и как те дела, с государева докладу и со всех бояр приговору, вершатся, и те дела в сем Судебнике приписывати»[1]. Статья 2 главы X Уложения гласит: «А спорныя дела, которых в приказех зачем вершити будет не мощно, взносити из приказов в доклад к государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии и к его государевым бояром и окольничим и думным людем. А бояром и окольничим и думным людем сидети в палате, и по государеву указу государевы всякия дела делати всем вместе»[2]. Государев доклад — это запрос приказа на имя государя, как надо решать то или другое дело, подробности которого приводятся в этом запросе с обычной формулой: «и о том великий государь как укажет?». На докладе ставилась помета (резолюция), решать ли запрос боярам с царем или боярам самостоятельно. Упоминаемое в статье Уложения: «по государеву указу», относится именно к помете. Вместо пометы о направлении дела могла быть помета о разрешении вопроса государем единолично.

Наиболее важные вопросы обсуждались большею частью на совместных заседаниях царя с Думой, в таких случаях решение начиналось формулой: «царь указал и бояре приговорили». Если царь считал дело для себя ясным и не нуждался в совете опытных лиц или же ограничивался советом близкого лица, то указ издавался без упоминания об участии бояр в его составлении. Нечто среднее между формулами «царь указал и бояре приговорили» и «царь указал» была формула «царь, слушав с бояры, указал». В 1622 г. из разоренных русских областей многие крестьяне и посадские люди бежали в Литву. На воеводской отписке относительно одного случая бегства была наложена такая помета: «Указал государь о том доложити себя, государя, на Москве при боярех, да и об иных таких поговорити, чем то в городех унять»[3]. Можно предположить, что царь, выслушав мнение Думы, вынес свое решение не тотчас, а через некоторое время, может быть, посоветовавшись еще с кем-либо из доверенных лиц. Указанная формула, повидимому, близка к такой, которая была в ходу при царе Михаиле: «бояре приговорили: что государь укажет», т. е. приговор, вынесенный боярами без царя, передавался ему на его усмотрение.

Формула «бояре приговорили» совсем не значит, что Боярская дума без царя могла выносить постановления, имевшие силу закона; боярский приговор имел значение проекта постановления, который подлежал дальнейшему обсуждению. Бояре выносили окончательные постано-

[1] «Царский Судебник», ст. 98.—АИ, т. I, СПб., 1841, № 153, стр. 249—250.
[2] «Уложение 1649 г.», гл. X, ст. 2.
[3] «Акты Московского государства», т. I, СПб., 1890, № 152, стр. 177.

вления, но только по особому распоряжению царя, что могло выражаться формулой: «по указу великого государя бояре приговорили». Если, выполняя такое поручение, бояре находили, что по каким-либо причинам им вынести своего постановления «немочно», то за решением обращались к царю. Обо всех распоряжениях Думы царь ставился в известность согласно присяге, приносимой думными чинами: «самовольством без государева ведома никаких дел не делати».

Обширная и еще сохранившая в основном аристократический характер Дума не могла вполне удовлетворить потребности развивавшегося абсолютистского государства, которое нуждалось в небольшом по числу членов и бюрократическом по существу центральном органе. При первых Романовых наравне с Думой «всех бояр» действовала «ближняя» или «тайная» дума из немногих доверенных лиц по приглашению царя, иногда даже не облеченных думным званием. Ближняя дума, первоначально не имевшая определенного состава, начала формироваться в учреждение во второй половине XVII в., когда стало практиковаться пожалование бояр «в комнату»[1].

В случае выезда из Москвы царь назначал временную комиссию из членов Думы разных степеней под председательством одного из старших по службе и родовитости бояр. Эта комиссия следила за текущими делами, получала отписки от городовых и полковых воевод, самостоятельно решала мелкие дела, а о более серьезных посылала за указаниями к царю «в поход». С 1681 г. начала действовать единственная постоянная комиссия Думы — Расправная палата, в состав которой входило 11 или более членов Думы. Это была высшая инстанция по гражданским судебным делам, уже рассмотренным в приказах или воеводских избах, но обжалованным одной из тяжущихся сторон. С некоторыми перерывами Расправная палата просуществовала до марта 1694 г., когда был издан указ, предписывавший дела невершенные и спорные рассматривать боярам всем, т. е. в Боярской думе[2].

Как бы ни изменялись состав Боярской думы и взаимоотношения ее с царской властью в течение XVII в., Дума представляла собой власть крупных феодалов. Боярская дума действовала нераздельно с царем, который сам был крупнейшим землевладельцем. Вместе с царем она осуществляла политическое господство класса феодалов над эксплуатируемыми массами. По росписи, составленной на основании переписных книг 1678 г., видно, что 88 бояр, окольничих и думных дворян владели 45 тыс. крестьянских дворов. В дворцовых владениях, которыми управлял царь, было 88 тыс. крестьянских дворов[3]. Необходимость для

[1] *А. И. Заозерский.* Царская вотчина в XVII в. М., 1937, стр. 283 и сл.

[2] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 429—433; *С. К. Богоявленский.* Расправная палата при Боярской думе.— «Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому», М., 1909, стр. 409—426.

[3] *А. А. Новосельский.* Роспись крестьянских дворов..., стр. 88.

концентрированном, размазанном по времени и по задачам, всегда не имеющим никакой законной процедуры, потому что он является источником законности процедур вообще: этот институт – Генеральные штаты, Конституанта, Учредительное собрание, потом полномочное парламентское большинство (хотя это, конечно, не совсем то, что нужно). Нигде и никогда, начиная от вечерней поверки первобытного племени, не существовало законной процедуры создания первого органа власти, избрания вождя, назначения правительства, избрания судьи, принятия решения о военном походе и т. д. Всё придумывалось, создавалось людьми и утверждалось временем – или устоялось, или заменилось по тысяче причин. Чтобы появилась фраза «как наши отчичи и дедичи делали» – надо, чтобы отчичи и дедичи придумали и начали, создали и утвердили, тогда уж можно и ссылаться, было бы на что. А как они придумали, где они собирались, – в зале для игры в мяч или где пришлось – дело десятое.

Кроме того, как забыть о фразе «Нет власти на земле, аще от Бога». Это так удобно, что грех отказываться. Слово всегда помогало символам, иногда и становилось символом, как со словами патриархов Иова и Гермогена – их молитвами собрали воинскую силу для отпора полякам и самозванцам, их землеустроительная роль в истории не меньше, а больше мирского закона и мирских слов, и только через это, через память митрополитов Петра, Феогноста, Алексия, Филиппа и четырёх первых патриархов можно вернее понять роль первых соборов – им разрешили и повелели устраивать жизнь в меру их скромных сил, советом и рассуждением, а вовсе не ограничением власти государя, никакой «обратной связи» от низов как реакции на управительные интенции власти не было и в помине, соборы учреждали и спасали иерархию, подпирая её своим авторитетом, санкционируя её, как правило, уже запланированные теневыми или дневными кабинетами действия. Представительство здесь – только формула созыва тех, на кого можно опереться, чтобы сказать: «Это – законно», потому что мы так решили. Кто «мы» – неважно. Мир. Все. Земля.

Учредив государство своими писанными актами, земские соборы в 1649 году приняли Конституционный акт и постепенно сошли на нет. Они не стали парламентом – потому что и не собирались им становиться, на такие мелочи соборы не разменивались, они решали более важные задачи.

Для «обратной связи» был другой проверенный инструмент, куда более тонкий и позволящий настраивание на самые разные, любой сложности задачи. Это система при-

царской власти опираться на Боярскую думу, в которой аристократический элемент был еще силен, свидетельствует о незавершенном еще развитии абсолютизма, а также о живучести остатков сословно-представительного строя.

В первые годы самостоятельного правления Петра I Боярская дума изменила весь свой облик и превратилась в чисто бюрократический орган. Это превращение связано с возникшей в 1699 г. Ближней канцелярией — контрольным финансовым органом, подобным Счетному приказу времени Алексея Михайловича. Ближняя канцелярия сделалась местом заседаний Боярской думы и ее канцелярией. Лица, съезжавшиеся в Ближнюю канцелярию, составляли совет, который сам Петр называл «конзилией министров»; это был узкий круг сановников, иногда не имевших никакого думного чина. «Конзилия министров» действовала большею частью в отсутствие царя, выполняя распорядительную функцию по делам внутреннего управления [1].

* * *

Самодержавие в XVII в. вступало в столкновение с неизжитыми еще притязаниями церкви на преимущество духовной власти перед светской. Особой остроты этот вопрос достиг во время патриаршества Никона.

Царь Алексей, несмотря на то, что он сам разделял представления Ивана Грозного о царской власти и готов был считать себя «самодержцем» всего «православного Востока», стремился усилить авторитет нового патриарха ввиду чрезвычайной важности предстоявших церковных нововведений [2].

Русское правительство стремилось прикрыть реформу авторитетом не просто патриарха — «потаковника» светской власти, но патриарха — «великого государя», занимавшего самостоятельное положение в государстве.

Деятельность Никона не ограничивалась церковной реформой. Став патриархом, он приобрел огромную власть и значение также и в делах государственных. Как патриарх Филарет, он носил титул «великого государя». Он безраздельно царил в патриаршей области и других епархиях церкви. В его руки перешло назначение митрополитов, епископов и архимандритов, бывшее до него исключительно делом царя. Во время военных походов царя Никон, находясь в Москве, самостоятельно решал гражданские и военные дела. В приговорах по этим делам появляется даже формула: «...святейший патриарх указал и бояре приговорили». Боярская дума в отсутствие царя находилась фактически в подчинении у патриарха. Наконец, Никон значительно расширил пределы патриаршей области за счет ближайших епархий. Он увеличивал, подчас вопреки существовавшему законодательству (Уложение 1649 г.), и личное свое хозяйство

[1] *В. О. Ключевский.* Указ. соч., стр. 438—448.

[2] О сущности церковной реформы см. главу II, § 8 настоящего издания.

казов и система челобитных. Челобитные как явление вообще бессмертны, во времени меняется только формуляр, в который вписываются пожелания и мольбы о пожаловании милости по великой доброте руки дающего, не устающей... и так далее вплоть до грантов как системы подачек надоедливым просителям денег и прочих благ, ими явно незаслуженных, но так и быть.., лишь бы отстали от деньгоподателя, уже давно утомлённого своей щедростью.

Система же приказов – институт управления, которому суждено великое будущее, потому что им присуща двоичность, дихотомия, разделённость на противоположное, как источник жизненного напряжения и преображения нынешнего способа организации несовершенства в будущие. Всякое управление колеблется между двумя полюсами: сосредоточить главные силы на понимании территории и на понимании процессов, то есть создавать территориальные инструменты управления, или отраслевые. Сибирь пришла под государеву руку в XVI веке – надо создать Сибирский приказ, чтобы собирать, получать, учитывать, распределять ясак. Но одно дело Сибирь сразу за Камнем, и совсем другое – Даурия и Приморье: между ними расстояние преодолевается хорошо если за год. С пушниной ясно сразу, а вот нельзя ли где ржи посять для прокорма? Или рудознатцев направить? Или рыбы наловить побольше невиданной да заморозить? И ведь Посольский приказ не поручишь тем, кто всю жизнь татей да воров ловил, за мостами, пьяницами да погорельцами следил. И книги печатать не первый встречный станет, дело не простое. Казна опять же своей бухгалтерии требует.

Приказ как учреждение может быть и министерством для отрасли, и отделом для территории, в нём может быть пять сотрудников и двести, он и школа, и университет, и пенсионный фонд, кузница кадров и пожарный департамент для нежданных положений. Он гибок структурно и функционально, потому что создан не по плану развития государственности, а от нужды, для решения задач, имеющих конечный срок. Нет нужды производить во множестве наконечники для стрел, когда в ходу уже у всех пищали.

Глядя издалека, хорошо вооружённым прищуренным глазом, страна, государство и его строй-структура выглядят классическим треугольником. Широкое миллионное основание крестян, посадских людей, чуть повыше и поуже купечество, тут же духовенство, потом чиновничество и вообще начальство, воеводы в городах и уездах, приказы, Боярская дума и наконец государь. Куда здесь вставить парламент, что заменить на? Земские соборы аккумулировали вековой опыт государственного строительства в Соборном уложении, с исполнением законов справляются Боярская дума и приказы, в случае чего вступается государь или коллективные челобитные. Депутатам тут заняться нечем, это было бы стадо бездельников, зря едящих свой хлеб. Нет такого количества

пути к проведению активной восточной политики. Кроме Никона, был и еще один сторонник такой политики — А. Л. Ордин-Нащокин, который, склоняясь к миру и объединению с Речью Посполитой, полагал, что греки, молдаване, волохи, не разъединяемые больше враждебной Польшей, могли скорее отложиться от турок и слиться в многочисленный христианский народ под покровительством московского царя. Такие мысли Ордин-Нащокин неоднократно развивал впоследствии перед царем Алексеем[1]. Отсюда и несомненное его сочувствие к Никону как единомышленнику. Никону удалось увлечь и царя, только что вернувшегося из победоносного похода, мыслью о союзе с поляками, подкрепленной возможностью получения Алексеем Михайловичем польской короны. Но мир с Польшей означал одновременно и войну со Швецией.

В мае 1656 г. русское правительство объявило о разрыве «вечного докончанья» со Швецией. Неудача под Ригой и тяжелое внутреннее состояние Русского государства заставили царя Алексея отказаться от завоевания Ливонии и выходов к Балтийскому морю.

В такой обстановке в течение 1657 и 1658 гг. подготовлялось падение патриарха Никона. В правительственных кругах, в среде большинства русского боярства война со Швецией 1656—1658 гг. не встречала одобрения. Основная линия внешней политики при царях Михаиле и Алексее направлялась против Польши, за воссоединение Украины и Белоруссии. Сторонников войны со Швецией в это время было весьма немного. Наиболее яркий их представитель А. Л. Ордин-Нащокин не пользовался авторитетом у большинства московских деятелей[2].

Возлагая ответственность за неудачную войну со Швецией на Никона, члены правительства (Милославский, Стрешнев, Одоевский, Трубецкой, Салтыков и др.) и рядовое боярство сводили счеты с властным временщиком, высокомерно и грубо обращавшимся с ними в предшествующее время, когда царь «положил свою душу и всю Русию на патриархову душу»[3]. На Никона возводились обвинения в стремлении стать выше царской власти, в нарушении законов и в корыстолюбии, в том, что он отнимал вотчины и принимал беглых холопов и крестьян, облагал тяжкими сборами духовенство и жестоко расправлялся с ослушниками. Властный и нетерпимый характер патриарха в конце концов вызвал недовольство и царя. Началось постепенное охлаждение Алексея Михайловича к своему «собинному другу». Царь стал избегать патриарха. Никона все реже приглашали во дворец и все более отдаляли от участия в делах.

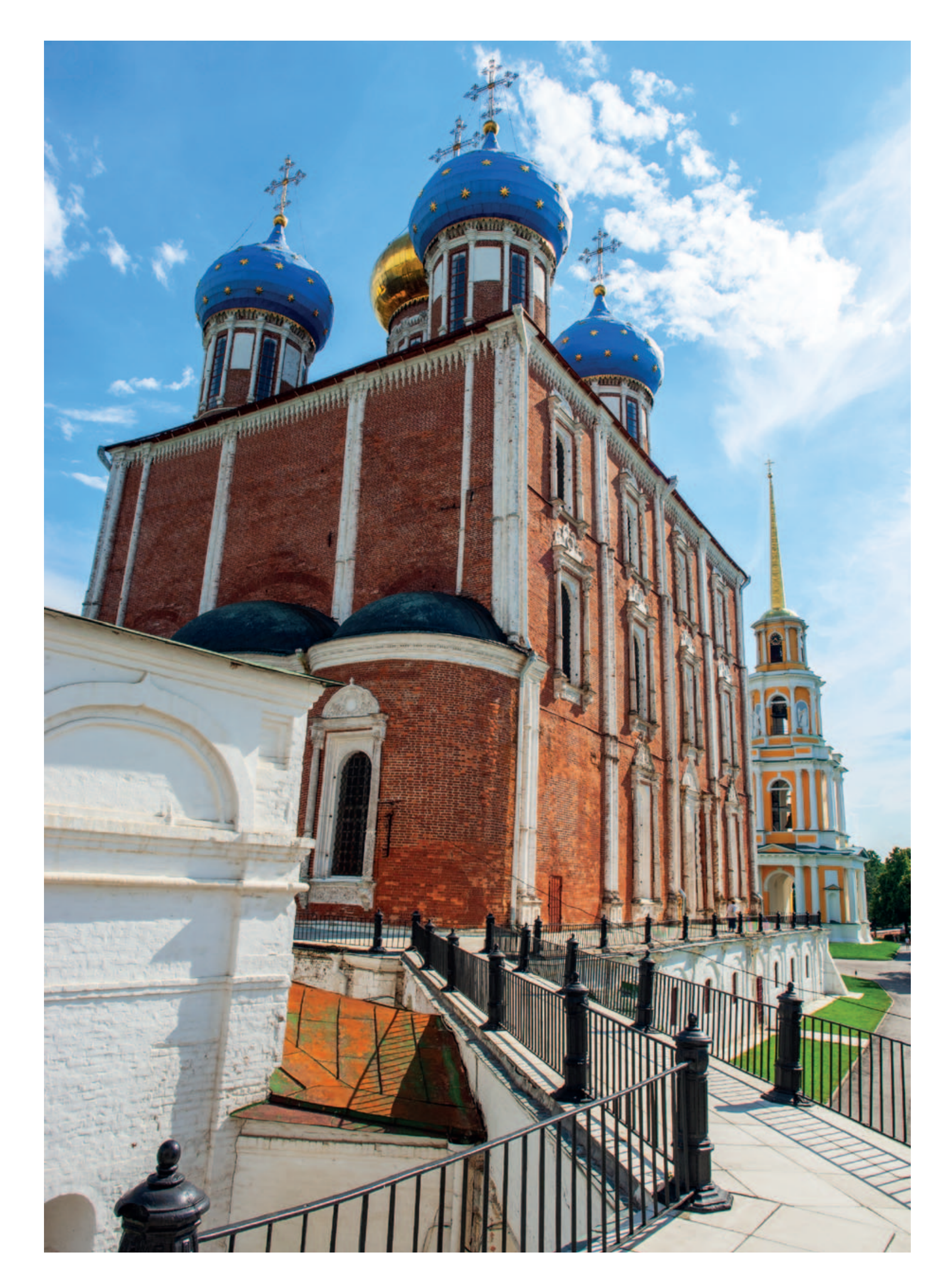
Напряженные отношения царя и патриарха завершились в июле 1658 г. открытым разрывом. 10 июля в Успенский собор явился князь Ю. Ромодановский и объявил Никону о «гневе» царя на патриарха за

[1] *В. С. Иконников*. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин. — «Русская старина», 1883, октябрь, стр. 44—46.

[2] *С. М. Соловьев*. История России, кн. 3, стб. 62—63, 173, 389—390.

[3] Письмо Ивана Неронова к Стефану Вонифатьеву от 2 мая 1654 г.— «Материалы для истории раскола за первое время его существования», т. I, М., 1875, стр. 91—92.

ежедневных или ежегодных дел, с которым нельзя справиться в рабочем порядке, устоявшейся системой государственного управления.

Забавно, что Пётр Алексеевич, за полтора года отсутствия на родине ловко приметивший в Европе городские советы в Голландии и Германии, оценил их полезность в деле управления, и потащил образцы в Россию, чтобы скопировать. Получился курьёз: учреждение, не родившееся из местных условий, назвали ратушей, не довольно хорошо уловив разницу в языке между городским советом и зданием для совета – Stadtrat и Rathaus. Построить здание и населить его людьми с поручениями – не так трудно, как выпестовать городское самоуправление. Во-первых, нужны века, во-вторых, события,

в созданных им монастырях—Воскресенском (под Москвой), Иверском (в Новгородском уезде) и Крестном (на побережье Белого моря). За их стенами, как, впрочем, и в патриаршей области, Никон был полновластным феодалом, творившим суд и управу, нередко «мучительски», над многочисленными своими подданными — духовными и светскими. Все это было несовместимо с принципами развивавшегося в XVII в. абсолютизма и противоречило новым формам государственной власти. Самовластная политика московского патриарха вызывала скрытое недовольство царя Алексея Михайловича и его окружения и в конце концов привела к падению Никона. Сильно скомпрометировало патриарха и неудачное направление вдохновлявшейся им внешней политики.

Патриарх Никон.
Портрет маслом работы Д. Вухтерса,
около 1660 г.

Фонды Московского областного музея

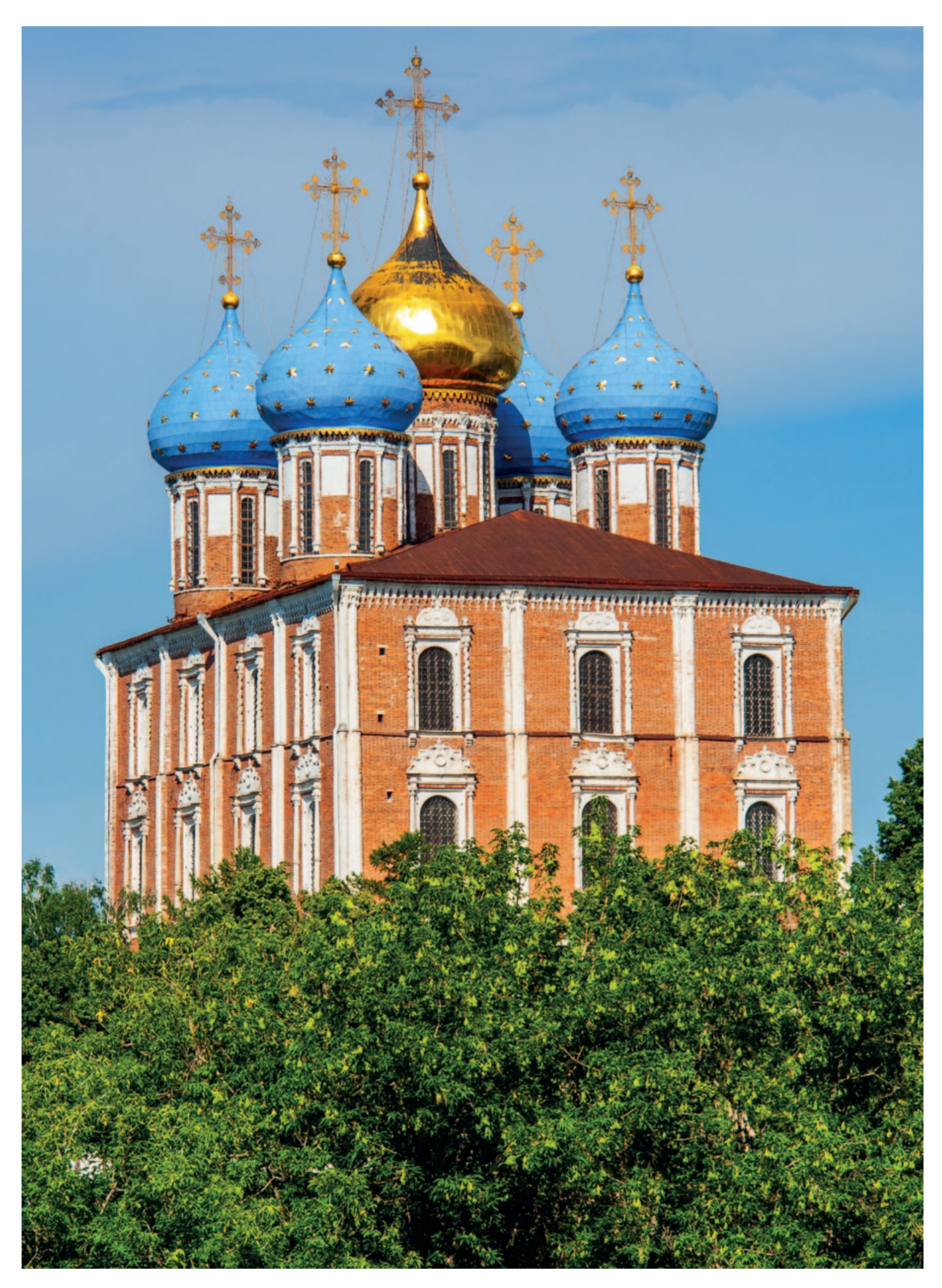
В мае 1654 г. началась война с Польшей из-за Украины, воссоединившейся с Русским государством. Войне с Речью Посполитой придавался характер и религиозной борьбы «православия» с католичеством.

В результате военных успехов Русского государства, а также вступления в войну Швеции, захватившей Варшаву и Краков, Польша уже к осени 1655 г. начала искать мира с русским правительством. В октябре 1655 г. прибыли в Москву в качестве посредников представители Священной Римской империи — послы Аллегрети и Лорбах, которые выдвинули идею союза христианских государей (православных и католиков) для борьбы с Турцией и Крымом[1]. Идея такого объединения с обессиленной и, казалось, уже не опасной Речью Посполитой увлекла Никона. Объединение христианских государей, казалось Никону, могло раскрыть новые

[1] «Памятники дипломатических сношений с Римской империей», т. III, СПб., 1854, № XVII, стр. 386.

23*

история борьбы, геройство и жертвы. Вот из-за этого «не довольно хорошо» все беды: не совсем то, не там, не тогда, не так, не туда, не того качества. А так – ратуша как ратуша, стоит, хлеба не просит. И из Bürgermeister может вырасти только бурмистр. Это не просто другое звучание и произнесение, это другое существо, описать которое может только М.Е. Салтыков-Щедрин, поместив органчик прямо в череп городского головы поверх совершенно настоящего пуза, потому что пиво он поглощает только настоящее, чешское или немецкое, на что и расходуются все городские ресурсы. Ровно также тянется в Россию и то, что ей не приличествует, покуда само не вырастет – парламент. Если над ними ничего нет – то ничего и не рухнет, если кубик убрать, система управления не пострадает. Приказы возьмут на себя все те крохи полезности, которые, может быть, рождаются в пределах голов государственных думателей, зато ответственность

пути к проведению активной восточной политики. Кроме Никона, был и еще один сторонник такой политики — А. Л. Ордин-Нащокин, который, склоняясь к миру и объединению с Речью Посполитой, полагал, что греки, молдаване, волохи, не разъединяемые больше враждебной Польшей, могли скорее отложиться от турок и слиться в многочисленный христианский народ под покровительством московского царя. Такие мысли Ордин-Нащокин неоднократно развивал впоследствии перед царем Алексеем[1]. Отсюда и несомненное его сочувствие к Никону как единомышленнику. Никону удалось увлечь и царя, только что вернувшегося из победоносного похода, мыслью о союзе с поляками, подкрепленной возможностью получения Алексеем Михайловичем польской короны. Но мир с Польшей означал одновременно и войну со Швецией.

В мае 1656 г. русское правительство объявило о разрыве «вечного докончанья» со Швецией. Неудача под Ригой и тяжелое внутреннее состояние Русского государства заставили царя Алексея отказаться от завоевания Ливонии и выходов к Балтийскому морю.

В такой обстановке в течение 1657 и 1658 гг. подготовлялось падение патриарха Никона. В правительственных кругах, в среде большинства русского боярства война со Швецией 1656—1658 гг. не встречала одобрения. Основная линия внешней политики при царях Михаиле и Алексее направлялась против Польши, за воссоединение Украины и Белоруссии. Сторонников войны со Швецией в это время было весьма немного. Наиболее яркий их представитель А. Л. Ордин-Нащокин не пользовался авторитетом у большинства московских деятелей[2].

Возлагая ответственность за неудачную войну со Швецией на Никона, члены правительства (Милославский, Стрешнев, Одоевский, Трубецкой, Салтыков и др.) и рядовое боярство сводили счеты с властным временщиком, высокомерно и грубо обращавшимся с ними в предшествующее время, когда царь «положил свою душу и всю Русию на патриархову душу»[3]. На Никона возводились обвинения в стремлении стать выше царской власти, в нарушении законов и в корыстолюбии, в том, что он отнимал вотчины и принимал беглых холопов и крестьян, облагал тяжкими сборами духовенство и жестоко расправлялся с ослушниками. Властный и нетерпимый характер патриарха в конце концов вызвал недовольство и царя. Началось постепенное охлаждение Алексея Михайловича к своему «собинному другу». Царь стал избегать патриарха. Никона все реже приглашали во дворец и все более отдаляли от участия в делах.

Напряженные отношения царя и патриарха завершились в июле 1658 г. открытым разрывом. 10 июля в Успенский собор явился князь Ю. Ромодановский и объявил Никону о «гневе» царя на патриарха за

[1] *В. С. Иконников*. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин. — «Русская старина», 1883, октябрь, стр. 44—46.

[2] *С. М. Соловьев*. История России, кн. 3, стб. 62—63, 173, 389—390.

[3] Письмо Ивана Неронова к Стефану Вонифатьеву от 2 мая 1654 г. — «Материалы для истории раскола за первое время его существования», т. I, М., 1875, стр. 91—92.

Церковь Сошествия святого Духа – диамант изумрудно-яхонтовый.
Северный фасад – праздник асимметрии; для уравновешивания северо-южной ориентации четверика (два на три кокошника) апсиды перевытянуты с востока на запад; антилопатки скрадывают сдвиг окна и портала к востоку.

присвоение им титула «великого государя». Никон отвечал, что он называется «великим государем» не самовольно, а в соответствии с царской волей[1]. По окончании обедни Никон обратился к народу с речью, закончив ее словами: «от сего де времени не буду вам патриарх», после чего сложил символ своего сана — посох. Из собора он ушел на подворье Воскресенского монастыря (на Ильинке), а затем уехал из Москвы в Воскресенский монастырь[2].

Казалось, все кончалось благополучно и в интересах правительства, желавшего и подготовлявшего уход Никона, который по своей воле отказывался от патриаршества и благословлял на избрание нового патриарха. В Воскресенском монастыре бывший патриарх всецело погрузился в заботы о монастырском хозяйстве и не вмешивался в церковные дела. Однако вскоре он заговорил совсем иным языком. Началось так называемое «дело Никона», которое тянулось около восьми лет, прежде чем правительству удалось добиться нужных для себя результатов.

За время своего патриаршества, особенно в 1652—1656 гг., принимая непосредственное и неограниченное участие в деятельности правительства, Никон приобрел широкие связи на Украине и на Востоке. Он был не только московским патриархом, но и патриархом, как бы со «вселенским» значением, как того, впрочем, в свое время желало и правительство царя Алексея. Поэтому смещение Никона необходимо было мотивировать перед международным (в пределах «православного» Востока) мнением. Свое «вселенское» значение прекрасно учитывал и Никон; он нарочито подчеркивал его в «послании» царю в 1659 г.

«Послание» 1659 г. было вызвано тем, что царь и правительство распорядились произвести просмотр переписки и вещей Никона, остававшихся у него в Москве. Тогда же был ограничен допуск к Никону посторонних лиц.

«Послание» 1659 г., написанное с большой горячностью и злобной раздраженностью, вместе с критикой правительственных распоряжений впервые раскрывает взгляды Никона на самого себя, сложившиеся, несомненно, в результате выдающегося положения, созданного для него русским правительством. «Дивлюся о сем, — писал Никон царю Алексею, — како вскоре в таковое дерзновение пришел еси, иже иногда страшился еси на простых церковных причетников суд наносити... ныне же всего мира иногда бывша аки пастыря восхотех грехи и таинства видети». Вспоминая пользу, какую он принес государству и, в частности, царю во время своего патриаршества, Никон убеждал Алексея Михайловича в неосновательности гнева на него, вследствие чего он вынужден был покинуть свою кафедру[3].

---

[1] Письмо патриарха Никона к цареградскому патриарху Дионисию.— «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археол. об-ва», т. II, стр. 515.

[2] «Дело о патриархе Никоне», СПб., 1897, стр. 21, 16—18.

[3] Там же, стр. 6—12.

за принятые решения неотвратима – она, как птичка, спархивает и улетает уже на третьем уровне передачи распоряжения или информации, а если их семь? Заместитель Секретаря Секции Подотдела Отдела Комиссии Комитета Думы Собрания?

Недостаточность, неуниверсальность привычной социологической схемы имеет много объяснений, к этому непосчитанному множеству можно добавить ещё одно. Между производительными силами и производственными отношениями, между настройками и фундаментами, формациями, стадиями, классами, стратами и прочими хорошими понятиями нет места для помещения счастья. Для ужасов, войн, борьбы, несчастий, хворей, мучений, преодолений и прочих причин героизма и подвигов – сколько угодно простора. А большинство людей, помнящих не только детство, без труда назовут много людей из ближнего и дальнего окружения, которые умудрились в самом, быть может, чудовищном государственном и общественном устройстве испытать истинное счастье, вдохновение самой высшей пробы, творческий взлёт невиданной никем высоты, иные временные состояния души, без которых описание истории эпохи неполно, недостаточно, даже ложно. Эти личные вершины никак не детерминированы, не обусловлены ни производительными силами, ни производственными отношениями, ни заботой надстройки, ни давлением её. И именно эти вершины, в целом и в частности, составляют описание сути эпохи, они передвигают состояние общества в новые сферы и эпохи. Чтобы понять эпоху, важнее не баланс сил и отношений, а постижение, как люди могли становиться и становились счастливыми. Как горевали и бедовали, мы более или менее уяснили, тут марксизм незаменим и полновластен, потому что верен. С другой, мгновенной историей, марксизм бессилен. Озарения необъяснимы и неуловимы, неуложимы в теорию и схему. Geistesgeschichte важнее и интереснее истории монет. «Все преходящее нам лишь мерещится», только к недостижимым целям стоит стремиться. Вот как раз марксизм – из области преходящего, а стремиться надо к большему, недостижимому и трудноопределимому.

Да, конечно, XVII век был и смутным, и мутным, и бунташным, и свирепым, и невыносимо тяжёлым со страшными страданиями и мучениями. Но если остановиться только на мучениях, дремучести, да пусть даже отсталости и замшелости в некоторых местах, то окажется, что такое вместилище пороков и изъянов пригодилось только Петру Алексеевичу в качестве причины реформ. Чтобы рассказать о нём правдиво, надо ухитриться рассказать, как люди умели становиться, быть или хоть какие-то мгновения быть счастливыми. Кто-то, построивший в XVII веке церковь во имя Усекновения главы Иоанна Предтечи, закрыв южную или северную выходную дверь в готовом соборе, и отойдя шагов на двести, оборотившись на дело рук своих, не мог не вздохнуть в ошеломлении: «Однако, изрядно вышло!» Он не мог ни сказать, ни даже подумать, но все потомки, видевшие живьём Предтеченский храм в Толчкове, знают наверняка: он – богоподобен, поскольку созданная, сотворённая им небывальщина совершенна, прекрасна, почти как то, над чем едва ли не целую неделю трудился Он. Хотя… Ещё пять лет назад тут такого не было. Ну да ладно, это не он и не своим умом, господь сподобил и надоумил.

Вот это, такое понимание истории никак не помещается за ненадобностью в любую обществоведческую схему. Да даже и не в этом дело, не в неполноте схемы. Хочется сказать «всё», но лучше выразиться аккуратнее, огромная часть достижений создана в состоянии восторга и вдохновения. Вдохновенно придумать лейденскую банку можно, а вдохновенно построить баррикады – нет, тут больше пригодится исступление и остервенение. Вот в этом, кажется, всё дело: страдательно-оборительную сторону жизни и истории марксизм описывает очень убедительно, не поспоришь, а зачем в этих процессах нужна Элеуса или Дмитриевский собор во Владимире, или Всенощная С. Рахманинова – неясно. А ведь все они – не накипь на бульоне, а сам бульон. Сделанное Максимом Греком или Дионисием с сыновьями нельзя сравнить с двигателем внутреннего сгорания

В феврале 1660 г. царь созвал собор русских епископов для решения вопроса об избрании нового патриарха и о суде над Никоном. В беседе со стольником М. С. Пушкиным, посланным к патриарху царем, Никон объяснил, что он оставил лишь московский патриарший престол, но от патриаршества как сана не отрекался. Он не возражал против избрания нового московского, местного, патриарха, но лишь с его, Никона, благословения. Никон сам должен поставить нового патриарха. Совершив это поставление, он уйдет в монастырь[1].

Собор не посчитался с претензиями Никона и постановил лишить его патриаршей кафедры и архиерейства и избрать нового патриарха[2]. Однако это соборное решение оспорил крупный богословский авторитет Епифаний Славинецкий, который не нашел канонического оправдания соборному решению в части, касавшейся лишения Никона архиерейства. Вопрос остался нерешенным, и собор не смог приступить к выборам нового патриарха[3].

Положение оставалось неопределенным до 1664 г. К этому времени относятся выступления Никона против Соборного Уложения 1649 г., главным образом по вопросу о подсудности духовенства светскому суду и установлении контроля светской власти над хозяйственной деятельностью церкви, осуществляемого вновь созданным Монастырским приказом[4].

К 1662—1663 гг. относятся и рассуждения Никона о взаимных отношениях «царства и священства», светской и церковной властей. Никон сравнивает власть архиерейскую с солнцем, которое светит днем, а власть царя — с месяцем, который светит ночью. Поэтому «священство всюду пречестнейше есть царства». Подкрепляя библейскими примерами правильность своих рассуждений, Никон отрицал утверждения своих противников, что царь ему «вручи... досматривать всяких судеб церковных», потому что «не от царей начальство священства приемлется, но от священства на царство помазуются..., яко священство царства преболее есть»[5].

Из теоретических рассуждений Никона о преимуществах «священства» над «царством» видно, что он уклонился от византийского идеала «Премудрой двоицы», построенного на равном значении власти царя и патриарха в «священном царстве». Русское правительство, разумеется, не могло принять такой трактовки взаимоотношений духовной и светской властей, какую давал Никон, и не могло быть речи о его возвращении на патриаршество.

[1] «Дело о патриархе Никоне», стр. 18—20.

[2] Там же, стр. 62—63; *Н. Ф. Каптерев.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович, т. II, Сергиев Посад, 1912, стр. 262.

[3] «Дело о патриархе Никоне», стр. 88—111.

[4] «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археол. об-ва», т. II, стр. 423—498.

[5] *Н. Ф. Каптерев.* Указ. соч., т. II, стр. 181—185 и далее; *Макарий.* История русской церкви, т. XII, СПб., 1883, стр. 418. Пересказ Н. Ф. Каптерева заимствован из рукописи Моск. духовной академии, № 218; пересказ Макария — из рукописи Воскресенского Новоиерусалимского монастыря.

или холодильником, а марксизм всё время норовит свернуть поближе к ДВС. Церковь рода Милославских в селе Подолец полнее описывает историю XVII века, чем медный бунт или восстание Степана Разина. Бунт – не более чем пример скудоумия финансовых властей, восстание – не более чем пример более всеобъемлющего скудоумия. А Троицкая церковь в селе Подолец – застывшая с неба упавшая модель жизни в XVII веке: если к обиходу старосветских помещиков Пульхерии Ивановны и Афанасия Никитича прибавить потёмкинской стати (стольника Петра Потёмкина) и увидеть их поднимающимися по лестнице на огромное каменное гульбище Троицкой церкви, и услышать их речи о повседневных заботах, исторический материализм вместе с диалектическим, а также политической экономией и ещё какой-то мутью про составные части чего-то превращаются в окаменевшую вековую паутину на вечно закрытой двери в подцерковье. А настоящая жизнь – только в их речах и заботах.

* * *

Понять, даже постичь феномен старообрядчества или староверчества никак не удаётся, если пытаться это сделать, опираясь на привычный опыт, если почитать, кто что про это писал, почитать собственные сочинения старо- и новообрядцев, может быть, кто из иноземцев что-нибудь высмотрел и записал, и так далее. Увы, самое подробное, старательное прилежание и усердие дают плоды скорее унылые, чем насыщающие любопытство. Словно большая рыба ласково провела хвостом по рукам ловца и ушла опять в глубину. Исправление книг от накопившихся ошибок – важное дело; вокруг аналоя ходить при крещении и других таинствах против солнца, а не наоборот – тоже, третий палец превращает при крестном знамени двоеперстие в щепоть – ну и что в этом худого; Иисус, а не Исус – да хоть Иешуа, Степан или Ефим, какая разница! Что именно от каких нападок оборонял Аввакум, да так, что наказан был многолетним изгнанием и кончил дни в яме на Севере? Чем так мерзки были нововведения, что староверы десятками предпочитали смерть в огне – жизни по никоновским порядкам? Объяснения в виде обвинений в серости, узколобости, мракобесности и отсталости не годятся: тысячелетиями великовозрастные совсем малообразованные болваны никак не стремятся к самосожжению, а процветают на зависть умникам, и в ус не дуют.

Тут какое-то такое потребно объяснение, которое жило недолго только в их головах и никаких по себе следов не оставило. Это должно быть что-то ужасно важное, что лишение его было настолько болезненно, что жизнь становилась немила, и отступиться от него – хуже, чем умереть. Найти объяснение, которое не оставило следов – невозможно; но причина была, потому что последствия очень уж заметные. А раз нельзя найти – можно попробовать придумать правдоподобно, чтобы известные последствия не противоречили придумкам. У такого способа много достоинств (фантазия границ не знает, думай, как хочешь) и недостатков (сказки да побасенки, всё враньё), но есть и одна привлекательная особенность: придуманное нельзя доказать – но нельзя и опровергнуть, сказанное будет жить, пока кто-то не придумает лучше, логичнее, краше.

Солотча. Братские кельи.
Нечастый образец гражданской архитектуры с поздними примесями

Чтобы покончить, наконец, с делом Никона, решено было созвать собор с участием восточных патриархов. Такое решение признавал единственно возможным и приемлемым и сам Никон. Однако пригласить в Москву восточных патриархов в ближайшее время правительству не удалось. Среди высшего греческого духовенства было немало сторонников Никона, пытавшихся примирить его с царем (например, иерусалимский патриарх Нектарий и константинопольский Дионисий); отсюда проистекали колебания части греческого духовенства, притом наиболее авторитетного, в оказании содействия русскому правительству. Для участия в деле Никона удалось уговорить лишь двух патриархов: антиохийского Макария и александрийского Паисия. Оба патриарха могли прибыть в Москву лишь в ноябре 1666 г.

В феврале 1665 г. Никон в грамоте константинопольскому патриарху Дионисию мрачными красками описывал положение народа и церкви в Русском государстве, «злобство, вражду и лжу» по отношению к нему и т. п.[1]. Грамота эта, перехваченная по дороге, сильно раздражила царя и правительство, заботившихся о том, чтобы критика Никона и подробности его дела не получили огласки, особенно вне государства, и не повредили международному престижу русского царя.

Когда, наконец, приехали восточные патриархи, дело Никона разбиралось на трех заседаниях. В качестве главного обвинителя выступил сам царь. На первый пункт обвинения о самовольном оставлении патриаршества Никон заявил, что он ушел от царского гнева, так как, гневаясь на него, царь перестал посещать церковные службы. Но от патриаршества как сана он не отказывался: «То де на меня затеяли», — прибавил Никон. Вторым обвинением против Никона была его грамота к Дионисию, в которой, по мнению судей, возводились хула на русскую церковь и «бесчестие» на государя. Здесь против некоторых обвинений Никон молчал, некоторых же не отрицал, но старался доказать свою правоту. Приговор в окончательной форме был объявлен 12 декабря 1666 г. Никон был признан виновным в оставлении кафедры, в оскорблении церкви, царя, собора и «всех православных христиан», восточных патриархов и в самовольном, без собора, свержении (в 1654 г.) коломенского епископа Павла. Тогда же был совершен и обряд низложения Никона, после чего бывший патриарх под охраной стрелецкого отряда был отвезен в Ферапонтов монастырь. На этом кончилась карьера Никона: бывший «великий государь» и «пастырь всего мира» простым монахом отправлялся в далекую ссылку. Патриархом собор избрал архимандрита Троице-Сергиева монастыря Иоасафа[2].

Но этим не окончилась борьба самодержавной власти за подчинение церкви в складывавшемся абсолютистском государстве

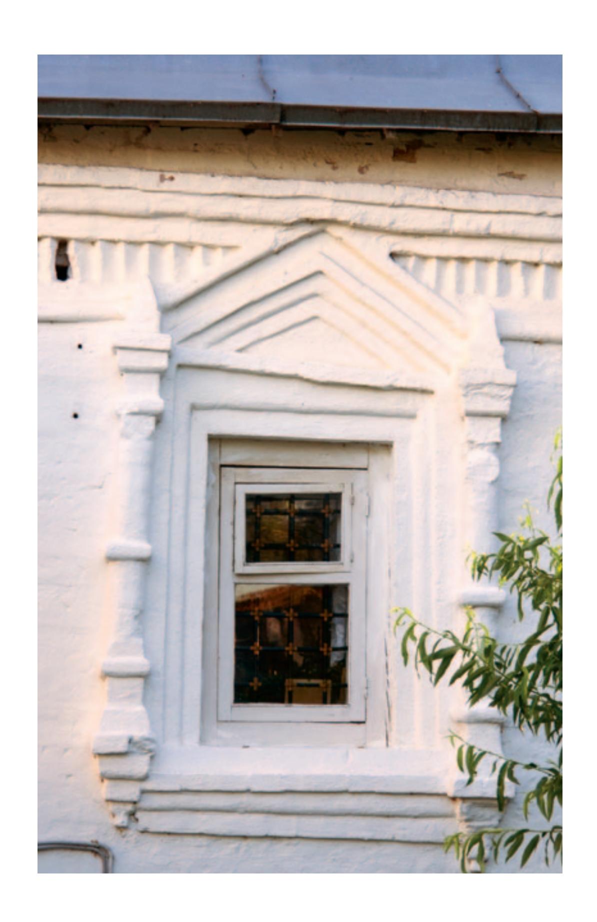
---

[1] «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археол. об-ва», т. II, стр. 510—530.

[2] «Дело о патриархе Никоне», стр. 438—453; *Н. Ф. Каптерев.* Указ. соч., т. II, стр. 323—352; *Н. А. Гиббенет.* Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. II, СПб., 1884, стр. 1042—1092.

Не считая страданий, мучений и болезней, есть только Одно (более широкой, старшей категории придумать не получается, поэтому оставим без определения, просто с прописной буквы – Одно), утрата чего может лишить воли к жизни. Это Воля. Не только как свобода и толчок к деятельности, борьбе и т. д. Воля больше свободы, потому что легко соглашается с ограничениями, сохраняя себя внутри несвободы, больше пружин и торсионов любопытства, голода, влечений, позывов и прочих причин падений в бездны и взлётов к звёздам. Рядом с Волей полноправно стоит только творчество, это две ноги, без которых ни туловище, ни руки, ни голова, что бы под ними ни подразумевалось в таких сопоставлениях, далеко не ушагают. Но созидание того, чего не было раньше – удел немногих (в связи с воздействием множества причин, большая часть которых относятся к достоинствам самого произведения как итога творческого процесса), а вот волю можно проявить даже в ослином хождении вокруг ворота, годами поднимающего воду или руду. Но всё-таки воля к созиданию – конечная причина едва не всего, созданного после Творца.

Не тут ли собака, которую кто-то всё время зарывает?

Не воли ли лишали новообрядцы во главе с Никоном староверов, ведомых когда-то Аввакумом??

Ведь если припомнить, что уже Филарета именовали Великим государем, наравне с Михаилом Фёдоровичем, что Никон и Алексей Михайлович тоже были и великими, и государями, что Никон почти закончил формирование второго государственного аппарата при собственной персоне, почти повторявшего кесарев двор с приказами, казной, судом и прочими институциями, выглядевшими вполне «взросло» и вовсе не бездельничавшими, то обязательно надо попробовать взглянуть на это не только с точки зрения их взаимоотношений и долгих борений, вплоть до полуторадесятилетней ссылки Никона в Ферапонтов и Кириллов монастыри, но и с точки зрения «простых» староверов, с земли, снизу: при Иване, Феодоре, Борисе и даже Василии власть была хоть и страшная порой, но одна, а тут, при Никоне, вдруг наросла вторая, ещё одна, да похлеще первой, с таким «ндравом» и деловой хваткой, что «бедному крестьянину и совсем уж некуда стало податься» – урочные лета касались только тех, кто «в крепости», да и тех после смерти хозяина отпускали на волю, а эти до всех православных готовы добраться, и до черносошных, и до беглых, и до поморов, нигде спасения нет, мало ли что Писание запрещает брать процент – со второго года пятую часть прибавь к долгу монастырю, и не горюй. Вот тут-то так Лазаря запоёшь, что и отпевать не надо, пепел сразу уходит в землю, первым дождём.

Если талант и страсть Аввакума попробовать описать несколькими словами, и, хоть это и неверно, применить математический термин «по модулю», то есть сняв вообще всю тематику «верю» – «не верю», без щепоти, без посолонь и противосолонь и т. д., то, пожалуй, можно будет сказать, что он «возвысил голос» в защиту справедливости, понимаемой как сплав права и правды с жизнеустройством от первого до последнего дня.

Когда несправедливо – тогда нет воли, нет созидания, нет жизни, есть костёр или ледяная яма. Вероятно, староверы в преобразованиях Никона видели отнятие воли, что приравнивалось к слому справедливого жизнеустройства, их истинная Вера предполагала только своё, самостоятельное и потому справедливое жизнеустройство. Для них Вера = Справедливость = Самостоятельность, у этого организма три сердца, одинаково необходимых и незаменимых, вынул одно – погибли все.

В ряду Никон – Иоаким – Софья – Пётр – Екатерина – Ильич со товарищи все звенья цепи равно ненавидели и не понимали Самостоятельность, потому что с Верой хорошо

Солотча. Настоятельские покои. Правое окно
Нетривиальная геометрия объяснима небезупречным ремонтом, упрёки которому тают, если приметить, как сверху плавно и нетрещиновато опускается линия стены

Чтобы покончить, наконец, с делом Никона, решено было созвать собор с участием восточных патриархов. Такое решение признавал единственно возможным и приемлемым и сам Никон. Однако пригласить в Москву восточных патриархов в ближайшее время правительству не удалось. Среди высшего греческого духовенства было немало сторонников Никона, пытавшихся примирить его с царем (например, иерусалимский патриарх Нектарий и константинопольский Дионисий); отсюда проистекали колебания части греческого духовенства, притом наиболее авторитетного, в оказании содействия русскому правительству. Для участия в деле Никона удалось уговорить лишь двух патриархов: антиохийского Макария и александрийского Паисия. Оба патриарха могли прибыть в Москву лишь в ноябре 1666 г.

В феврале 1665 г. Никон в грамоте константинопольскому патриарху Дионисию мрачными красками описывал положение народа и церкви в Русском государстве, «злобство, вражду и лжу» по отношению к нему и т. п.[1]. Грамота эта, перехваченная по дороге, сильно раздражила царя и правительство, заботившихся о том, чтобы критика Никона и подробности его дела не получили огласки, особенно вне государства, и не повредили международному престижу русского царя.

Когда, наконец, приехали восточные патриархи, дело Никона разбиралось на трех заседаниях. В качестве главного обвинителя выступил сам царь. На первый пункт обвинения о самовольном оставлении патриаршества Никон заявил, что он ушел от царского гнева, так как, гневаясь на него, царь перестал посещать церковные службы. Но от патриаршества как сана он не отказывался: «То де на меня затеяли», — прибавил Никон. Вторым обвинением против Никона была его грамота к Дионисию, в которой, по мнению судей, возводились хула на русскую церковь и «бесчестие» на государя. Здесь против некоторых обвинений Никон молчал, некоторых же не отрицал, но старался доказать свою правоту. Приговор в окончательной форме был объявлен 12 декабря 1666 г. Никон был признан виновным в оставлении кафедры, в оскорблении церкви, царя, собора и «всех православных христиан», восточных патриархов и в самовольном, без собора, свержении (в 1654 г.) коломенского епископа Павла. Тогда же был совершен и обряд низложения Никона, после чего бывший патриарх под охраной стрелецкого отряда был отвезен в Ферапонтов монастырь. На этом кончилась карьера Никона: бывший «великий государь» и «пастырь всего мира» простым монахом отправлялся в далекую ссылку. Патриархом собор избрал архимандрита Троице-Сергиева монастыря Иоасафа[2].

Но этим не окончилась борьба самодержавной власти за подчинение церкви в складывавшемся абсолютистском государстве

[1] «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археол. об-ва», т. II, стр. 510—530.

[2] «Дело о патриархе Никоне», стр. 438—453; *Н. Ф. Каптерев.* Указ. соч., т. II, стр. 323—352; *Н. А. Гиббенет.* Историческое исследование дела патриарха Никона, ч. II, СПб., 1884, стр. 1042—1092.

справлялось Просвещение, что такое Справедливость – сильно зависит от того, кто обьясняет, что это такое; а вот Самостоятельность – «пакостнее и придумать ничего нельзя», потому что разговорами об этом трудноопределимом предмете, по мнению причастных к процессу специалистов, население просто отвлекают от приятной и полезной уплаты налогов, такие размышления вредят бюджетированию как бизнесу.

Вот с таким прочтением староверчества трудности понимания XVII века уменьшаются: отдельно друг от друга ни светская, ни духовная истории не уловимы, не противопоставив старую веру светской, в частности, власти, не удаётся уловить, качество, так сказать, светской власти, отсутствие или зародышевый возраст третьего сословия, парламентаризм как блестящая игрушка, отчего-то совершенно неинтересная населению, и не от неведения, а от воплощения принципа Стива Джобса за триста лет до него – «Думай иначе», то есть не как голландцы, англичане и прочие немцы, а точно так же, как они, «Делай, как я, это значит – не надо за мной». Собрать полтысячи душ в одном месте, чтобы поговорить, и убедить себя, что эти полтысячи могут и вправду что-то решать за других! Да это задача, нерешаемая в пределах одной деревни. Иерархия, выстроенная любым способом, с применением рассудка и традиции, в сочетании с действующим механизмом получения сведений о неисправностях и нуждах (=челобитные для решения всех вопросов, в том числе служебных, при возникновении необходимости потока информации снизу вверх), с работающей системой приказов, выполнявших и судебные обязанности, – и парламенты нужны, только если есть застарелая вредная привычка к ним, от которой так же трудно избавиться, как бросить курить, перестать пить спиртное по утрам или отучиться сквернословить.

Больше того, духовное к светскому и наоборот, светское к духовному подходят как ключик к замочку: те задачи, для решения которых после просветителей парламенты начали триумальное шествие по Земле, решались в России в XVII веке институтом, придуманным на полторы тысячи лет раньше. Главное в мироустройстве – не справедливое общественное и политическое устройство, а Вера большей части населения в то, что жизнь устроена честно и справедливо. Верная вера – чуть ли не перевод «православия»,

Солотча. Церковь Сошествия святого духа. 1689 с ремонтами

В начале XVII в. земские соборы созывались в обстановке напряженной классовой борьбы и тяжелого международного положения Русского государства. Движение против интервентов, начавшись на севере, постепенно расширялось, захватывая все новые и новые области. Города вступали в оживленные сношения между собой, призывая друг друга «быти со всею землею в любви и в совете и в соединенье и против врагов... польских и литовских людей. со всею землею стояти заодин»[1]. Руководящими органами в этих сношениях являлись городовые «советы». В них участвовали «разных чинов люди Московского государства»[2].

В составе «совета всей земли» легко различаются два элемента: с одной стороны, представители высших слоев светских и духовных феодалов, с другой — выборные люди. Первые, хотя и не в одинаковом составе, — необходимый элемент «совета всей земли» и в ополчениях и при избрании Михаила Федоровича.

Впервые решение созвать в Москву выборных «изо всех чинов по человеку» для избрания царя было принято боярским правительством в 1610 г. Тогда этот призыв, по признанию самого правительства, не нашел отклика в стране. Позднее каждое правительство, имея в виду ту же самую задачу и вместе с тем желая поднять свой авторитет, хотело иметь под руками выборных людей и было готово уже в небольшом числе их, с присоединением столичных чинов, видеть «совет всей земли», или просто «землю». Такой смысл имеет, например, термин «земля» в приговоре 30 июня 1611 г., где в действительности ему соответствует группа выборных служилых людей из ополчения. Полнее «совет всей земли» — во втором ополчении. Д. М. Пожарский еще из Нижнего-Новгорода просил города и волости прислать дворян и детей боярских и земских лучших людей из всех чинов по человеку. Потом он повторил свою просьбу из Ярославля, увеличив число выборных до двух и до трех человек «изо всяких чинов». Присутствие в нижегородском ополчении представителей городовых дворян и разных служилых групп, а также посадских людей с несомненностью удостоверяется подписями под грамотой Пожарского от апреля 1612 г., и только остается под сомнением присутствие крестьян[3]. В совете, образовавшемся при соединенном ополчении Трубецкого и Пожарского, посадских представителей не видно; там участвовали, повидимому, представители одних служилых людей. Но с исключительной полнотой провинциальные служилые и земские люди были представлены на соборе 1613 г. На собор призывали по 10 человек от каждого города с уездом «из ыгуменов, и ис протопопов, и ис посадцких и из уездных людей, и из дворцовых сел [и] ис черных волостей десяти человек лутчих и разумных и постоятельных людей»[4].

---

[1] ААЭ, т. II, СПб., 1836, № 189, стр. 327.

[2] *П. Г. Любомиров*. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939, стр. 42, 54 и др.

[3] Там же, стр. 126—135; ААЭ, т. II, № 203, стр. 256.

[4] *П. Г. Любомиров*. Указ. соч., стр. 178—201; *С. Б. Веселовский*. Акты подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. М., 1911, № 82, стр. 99.

западное наименование – ортодоксальная церковь, старая, та, что была до великой схизмы, а раньше единое, общее христианство заботилось о том, на что позже замахнулись говорильни едва ли не во всех странах. И намёки на эту роль церкви не надо специально искать, во многих местах написано вполне отчётливо: «Царь иудейский», «Царь славы», «Иисус в силах», формулировка официального обвинения – посягновение на власть Кесаря и Храма.

Церкви и религии где-то всегда рядом с властью, то поближе, то подальше, а уж уговаривать умеют так, что власти и не снилось, особенно когда дело касается веры в справедливость, в честность, во всё то, о чём в течение всей избирательной кампании говорит каждый будущий парламентарий.

То есть Никон попытался придать институциональный характер главной христианской интенции, ему воспротивился Алексей, из вполне «шкурных» соображений («А я?»). В этой революционной затее самого Никона после поражения отправили в «Горки ферапонтовские», но дело его не погибло.

Социология – может быть, и не враг истории, но точно помеха. Схемы, измышленные обществоведами, подобны рельсам, на которые трудно взгромоздить только первый трамвай, потом составы сами покатятся, надо только первый толкнуть. Лейбниц, Вольф, Монтескьё, потом Екатерина и декабристы с Герценом, чуть попозже всевозможные демократы и вольнодумцы, недалеко уж и до урождённого, как известно, в России ленинизма, – каждому достались свои километры, и никто не видел общего пути, в итоге –

Солотча. Церковь Сошествия святого Духа. Кудреватая барочная симметрия очельев наличников как средство сделать красоту аппликацией, прилагательным

«Совет всей земли» в период борьбы с иноземными захватчиками приобрел значительный авторитет. В его составе именно выборные люди были носителями единства «земли». От своих избирателей они получали «полные и крепкие достаточные приказы» (наказы), как предписывала призывная грамота Трубецкого и Пожарского, и, имея, таким образом, за собой «мир», могли говорить «о государственном деле», по выражению той же грамоты, «вольно и бесстрашно».

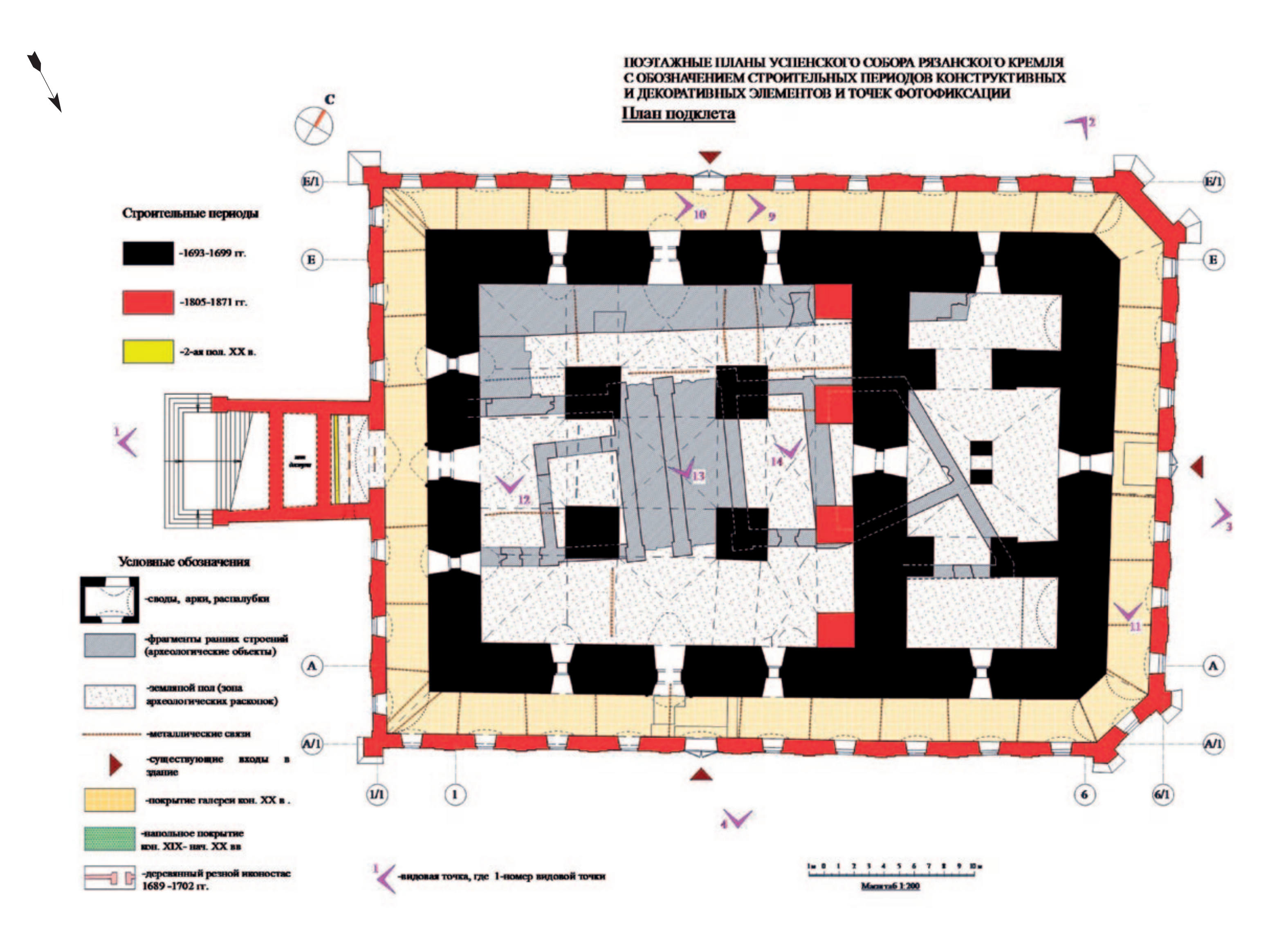
В первые годы царствования Михаила Федоровича соборы имели большое значение в жизни государства. Иногда они даже официально ставились рядом с носителем верховной власти: в царских грамотах того времени нередко можно встретить ссылку на «всенародный приговор». В эти годы, до 1619, земские соборы выполняли обязанности постоянной распорядительной власти. Слабость центральной власти в первые десятилетия после ликвидации интервенции вынуждала царскую власть обращаться к земским соборам, в которых основная опора правительства — дворянство и посадские люди — играла решающую роль. С большой яркостью эта мысль выступает в Окружной грамоте от 5 июля 1619 г., где говорится, что по возвращении патриарха Филарета из плена Михаил Федорович «с отцем своим и богомольцем святейшим патриархом... и с митрополиты, и... со всем освященным собором, и с бояры, и с окольничими, и с думными людьми, и со всеми людьми Московского государства, учиня собор, о всех статьях говорили, как бы то исправить [разные недостатки в управлении] и земля устроить». Для этого решено было вызвать в Москву выборных от населения: «А из городов изо всех, для ведомости и для устроенья, указали есмя взять к Москве, выбрав из всякого города из духовных людей по человеку, да из дворян и из детей боярских по два человека,... да по два человека посадских людей, которые б умели разсказать обиды и насильства и разоренье», чтобы правительству «всякия их нужи и тесноты и разоренья и всякие недостатки были ведомы»[1].

Соборы созывались по преимуществу в тех случаях, когда появлялась опасность войны, и у правительства возникал вопрос о сборе людей и средств. Таковы соборы 1618, 1621, 1632, 1634, 1639, 1642, 1651 и 1653 гг.

Однако далеко не все земские соборы в первой половине XVII в., в пору наибольшего их расцвета, являлись правильно организованными сословно-представительными собраниями. Можно признать несомненным присутствие выборных людей — «из городов выборные люди» или «из городов всякие выборные люди», «дети боярские всех городов», «торговые люди всех городов» и т. п. на соборах 1613—1614, 1616, 1621, 1636, 1648—1649, 1651 и 1653 гг. Напротив, на соборах 1618, 1619, 1632, 1634, 1639 и 1642 гг. не было такого рода выборных представителей с мест от служилых и посадских людей. Эти последние соборы созывались экстренно для разрешения

[1] СГГиД, ч. III, М., 1822, № 47, стр. 209—210.

что получилось, то и получилось. Как ни старайся себя убедить, что можно сохранить свободу и силу мысли даже пребывая в одеждах «верного искровца», рельсы всё же важнее вагоновожатого, они ведут туда, куда надо тем, кто прокладывал рельсы. Теперь, когда так очевидна связь между никонианством, старообрядчеством, отсутствующим парламентаризмом, общей замшелостью и каким-то «особым» путём России, когда путаница распутывается и появляется понимание, что к чему, можно и задать вопрос: как же так, почему за двести лет историографии никто не нащупал этот путь, почему историки и мыслители, которые не нам чета, не соединили земские соборы в конституционное собрание, челобитные в систему обратной связи в разы лучше парламентаризма, приказы и думу в институционально гибкую иерархию?

Ответов на этот вопрос, вероятно, много, надо не забыть два первых:

– слом общественного устройства Петром I сопровождался пропагандой, нацеленной больше на будущее, чем на современность. Нерукотворный памятник Петру – не то, что он оставил потомкам, а он сам, его светлый образ просвещённого преобразователя всего, доброго брадобрея и нежного зубодёра;

– двести лет движения по социологическим рельсам (считая от Радищева примерно) даром не проходят, глаза сами привычно фокусируются на страданиях, войнах, гонениях, подвигах, нечестной отмене крепостного права, а потом и вообще строительство «Боярки» для закалки стали навсегда, и церковь, изгнанная Петром из общественной жизни на две с лишним сотни лет – ну никак не может быть фактором, отменяющим парламентаризм напрочь. Этой дихотомии, этого противостояния, этого целезамещения и ролевытеснения не может быть, они в плоскостях, которые не пересекаются нигде, даже у Лобачевского, этого «нет, потому что нет никогда», рассудок не может смириться с тем, что и око уже видит, и на зуб можно попробовать.

* * *

Заседание Земского собора 1613 г. Миниатюра из рукописной книги «Избрание на царство М. Ф. Романова», 1672 г.
Оружейная палата

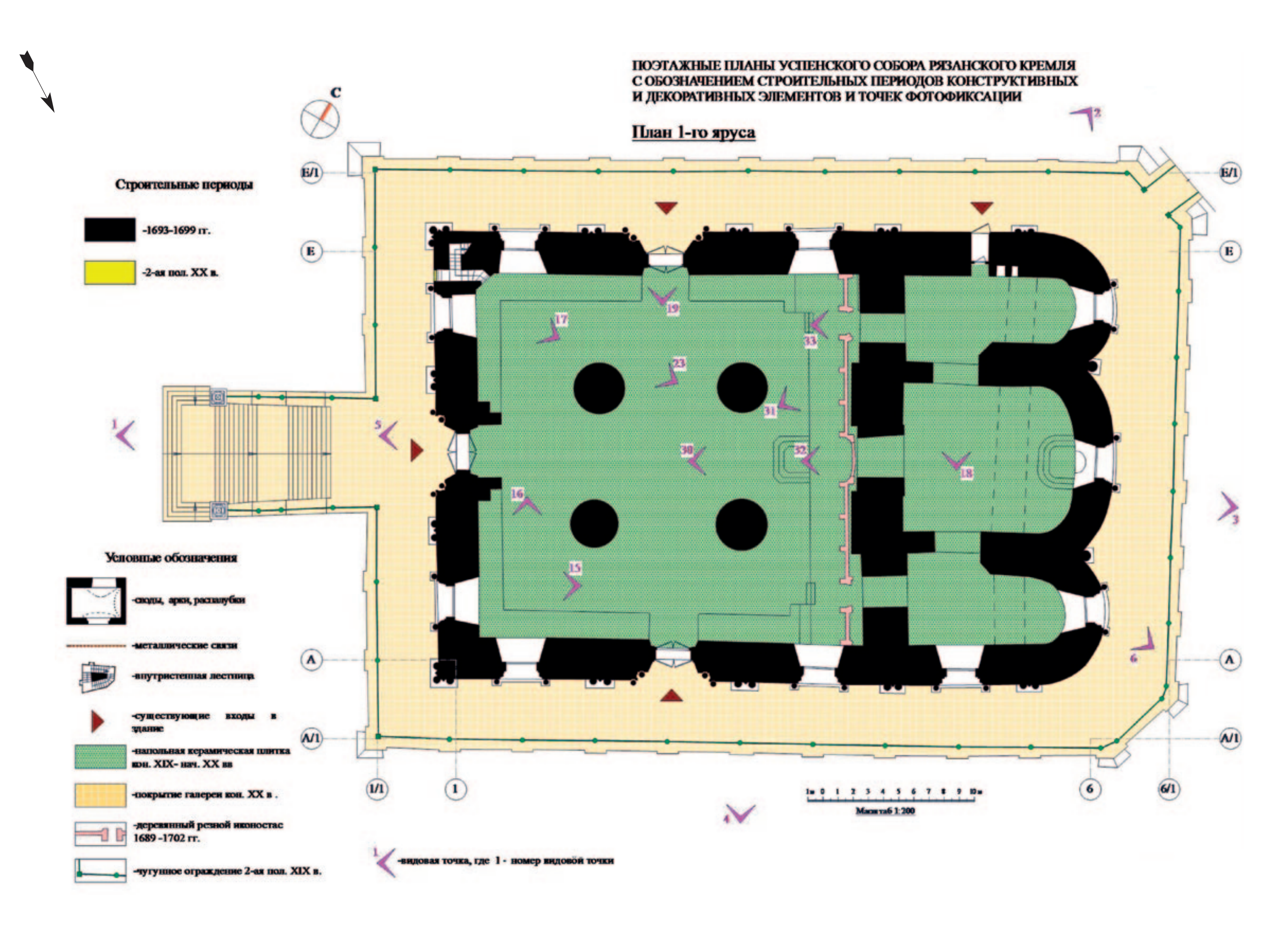
спешных вопросов. Так, в 1634 г. 28 января царь указал быть собору, а 29 января собор уже состоялся[1]. В 1639 г. 7 июля бояре по государеву указу приговорили созвать собор для рассмотрения вопроса о насилиях над русскими посланниками в Крыму; 19 июля собор уже состоялся[2]. Собор об Азове 1642 г. состоялся в тот же день (3 января), когда созыв его был назначен. В 1648 г. 10 июня был решен созыв собора, который и состоялся уже 16 июля. Очевидно, во всех этих случаях не могло быть и речи об организации выборов представителей с мест. Соборы такого типа составлялись из Освященного собора, Боярской думы и представителей московских чинов служилых людей, городовых служилых людей, находившихся в тот момент в Москве, гостей, гостиной и суконной сотен и тяглецов московских черных сотен и слобод.

Особых законодательных актов, определявших принципы формирования состава земских соборов, не было. Этот недостаток, повидимому, осознавался более вдумчивыми из современников, и они пробовали ставить вопрос о правильной организации выборного представительства на земских

[1] *А. П. Заозерский.* К вопросу о составе и значении земских соборов.— ЖМНП, 1909, № 6, стр. 328.

[2] *А. А. Новосельский.* Земский собор 1639 г.— «Исторические записки», № 24, стр. 24, 26.

Алексей Михайлович был на 24 года моложе патриарха Никона. Только по снисходительности последнего они как два Великих государя могли стать «собинными друзьями». В первые годы правления не юный, но молодой Алексей Михайлович, конечно, смотрел на перешагнувшего сорокалетний рубеж патриарха снизу вверх, и где-нибудь в проходных покоях Теремного дворца легко вообразить краткий разговор двух придворных на бегу: «Царя не видал? – Да где-то тут был только что, вон у патриаршего слуги спроси». В конце сороковых–пятидесятых годах Никон при молодой супруге Алексея Марии Ильинишне, искреннее озабоченной производством наследника, вольно и невольно должен был усвоить роль наставника, старшего товарища, мягкого, но всё-таки регента при царе, хоть и вошедшем уже в возраст, но всё ещё подверженным не только царским забавам и увлечениям.

Алексей Михайлович очень любил Саввин Сторожевский монастырь под Звенигородом, построил в этой мужской обители не очень просторное жильё (двухэтажный поначалу дворец) для себя и напротив за Рождественским собором уютные и приветливые покои для царицы, крыльцо прибавил к собору с зимним переходом в свои помещения. В Кремле как-то руки у Алексея Михайловича не дошли заняться строительством, да и неловко как-то: патриарх так размахнулся, что и не угнаться, мало того, что по всей стране несколько монастырей начал строить, включая (шутка сказать!) Новый Иерусалим под Истрой, так ещё и рядом с Успенским собором в Кремле поднялись Патриаршие палаты с Мироваренной палатой и церковью Двунадесяти апостолов. Палаты очень ладные и стройные, от гульбища только один обрывочек проковылял больше трёх веков, а большая часть здания уцелела, чтобы выставить на всеобщее обозрение самую заметную особенность, которую не так уж часто замечают. На главах у православных крестов не восемь окончаний (считая от нижнего), а семь, верхнего вертикального кусочка нет как нет. Это Кийский крест, парочка таких же из кипариса Никон заказал в старом Иерусалиме, один и поныне в Москве, другой, как будто, на Кий-острове.

Необычность крестов требует какого-то объяснения. Отсутствие верхней вертикали делает вершиной короткую верхнюю перекладину, где-то в том месте по высоте, где по-

соборах. Таков проект преобразования Земского собора, представленный в 1634 г. стряпчим Иваном Бутурлиным. Бутурлин проектировал распространение выборного начала на все чины, в том числе и на московские, из которых предлагал выбирать «против городов», а с другой стороны, сделать Собор постоянным учреждением, установив годичный срок для полномочий выборных, или «как городом выберут», и обеспечив их в столице квартирами [1].

Поголовный созыв столичных чинов становился все более неосуществимым ввиду увеличивавшегося их количества и в то же время мог вызывать неудовольствие провинции, посылавшей своих представителей по выбору. Вскоре правительство начало переходить и в отношении к высшим чинам на выборную систему.

Впервые такой опыт был произведен на Соборе 1642 г. По краткости срока собравшимся чинам был объявлен государев указ — тут же выбрать представителей из всех находившихся тогда в Москве налицо пропорционально их количеству: из стольников, дворян московских и жильцов — от семи до 20 человек, а от дворян и детей боярских из городов — от двух до пяти человек, а затем, уже с этими выборными говорить о деле в присутствии Боярской думы. Выборных от посадских людей из городов на Соборе 1642 г. не было.

После окончания интервенции постепенно назревал острый конфликт между массой среднего дворянства и посадскими людьми, с одной стороны, и представителями крупного феодального землевладения, стоявшими у власти, — с другой. Все более открыто и резко заявляли свое недовольство служилые и посадские люди. У тех и у других оно было направлено против «сильных людей» — бояр и столичных чинов, с одной стороны, и приказных дельцов — с другой. Недовольные и обиженные ждали, «что на сильных на Москве сделается», как писал в 1641 г. из Москвы один дворянин своему родственнику в провинцию. Перемена надвигалась, потому что «за то земля встала»[2]. Дворяне обращались с коллективными челобитными непосредственно к верховной власти, как было в 1637 и 1641 гг. Отголоски борьбы проникали и в Столовую избу, где заседал Земский собор.

На Соборе 1642 г. было предложено выборным из служилых чинов, обсудив вопрос, подать по чинам же свои «мнения» в письменном виде. Излагая свои мнения о том, следует ли Русскому государству принимать Азов под свою власть от захвативших его казаков, некоторые представленные на Соборе группы не удержались от высказывания по наболевшим вопросам. Интересы столичных дворянских кругов выразили в своем мнении московские дворяне Желябужский и Беклемишев. Сравнивая положение московских и городовых дворян, они находили, что все преимущества

---

[1] *А. К. Кабанов.* «Государево дело» стряпчего Бутурлина о злоупотреблениях в Московском государстве.— «Действия Нижегор. ученой архивной комиссии», сб. VIII, Нижний-Новгород, 1909, стр. 68.

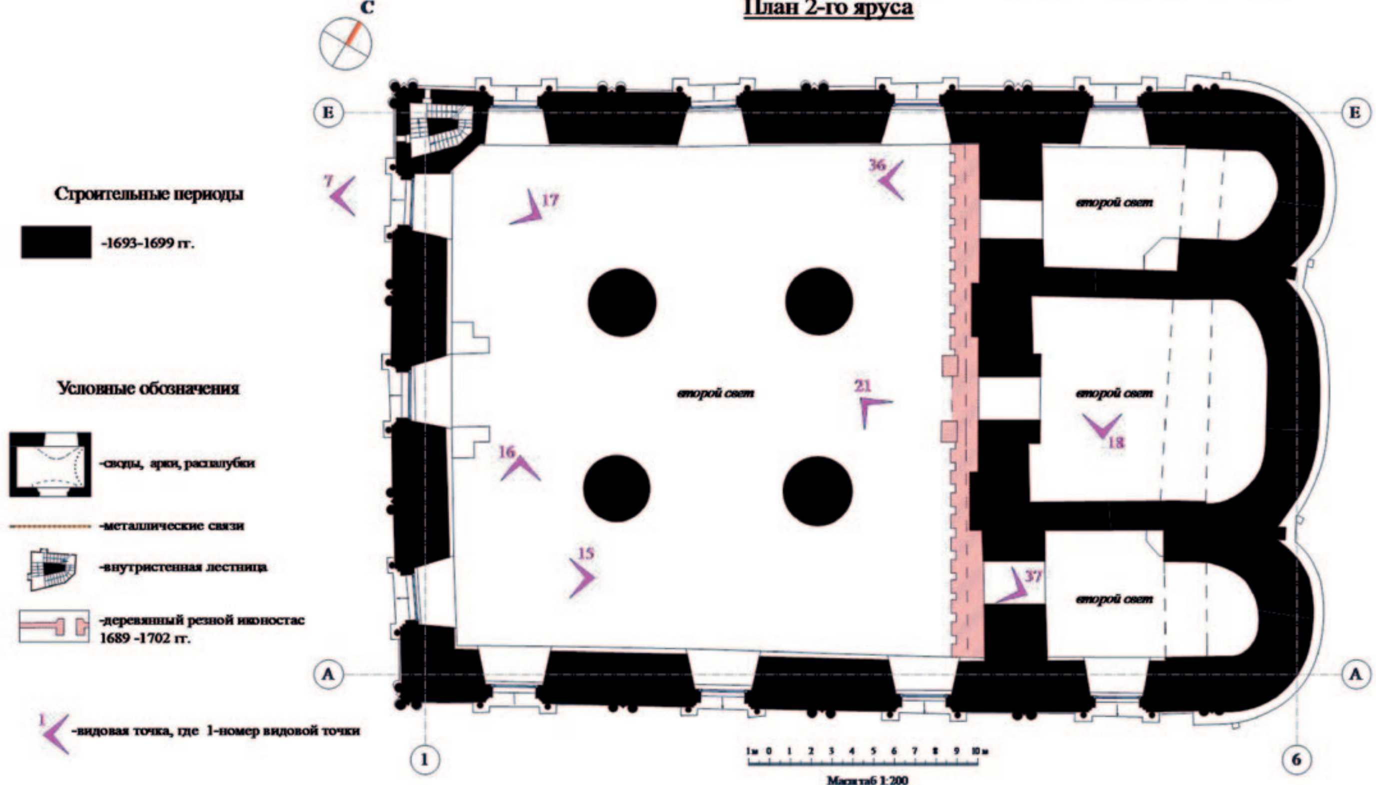
[2] *А. Н. Зерцалов.* Сыск про «грамотку» Прохора Колбецкого.— «Чтения ОИДР», 1894, кн. 2, отд. III, стр. 13.

ПОЭТАЖНЫЕ ПЛАНЫ УСПЕНСКОГО СОБОРА РЯЗАНСКОГО КРЕМЛЯ
С ОБОЗНАЧЕНИЕМ СТРОИТЕЛЬНЫХ ПЕРИОДОВ КОНСТРУКТИВНЫХ
И ДЕКОРАТИВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ И ТОЧЕК ФОТОФИКСАЦИИ

План 2-го яруса

мещалась глава Иисуса, и вот тут-то и собралась вся никоновская задумка. Нет одной вершины, есть две, как два Великих государя, царь и патриарх, они оба вершины иерархии, равноправные и равновеликие, и каждый занят своим делом. Только время от времени царю приходится получать благословение у патриарха, а наоборот – никак нет, патриарх перед царём шапки не ломает, хоть иногда, хоть ненадолго, а священство всё-таки превыше царства.

Идея настолько чудная, что трудно поверить.

Есть подтверждение, с которым трудно спорить: слева и справа от вертикальной оси в крест встроены несколько десятков частиц мощей, разделённых на две группы, одна – по происхождению от лиц духовного звания, другая – от светского (речь, конечно, о Кийских кипарисовых крестах, в тех, что наверху, на главах, никаких частиц нет). Добро бы вперемешку, через одного, но нет, эти – здесь, те – там.

В этой его задумке собралась вся суть, всё понимание и объяснение такого далёкого и трудноуловимого XVII века, нить, струна, сеть с крючьями и поплавками.

Целеполагание непостижимо человеком, сколько может – устраивает царь со всеми своими структурами и конструктами, а когда уже не сможет – есть тот, кто лучше разумеет цели, кто поближе к целеполагателю, так, вдвоём, они, помогая друг другу и поправляя, с подданными и паствой свои пути и пройдут, обладая сопоставимой силой, инструментами, держа людей за разные верёвочки и балансируя без гнева и пристрастия. Этот блаженный идеализм не лучше и не хуже всех иных проповедей, от античных демократий и первых христиан до парламентаризма и социализма, но Никон зашёл в своих мечтания дальше прочих, дальше первых мучеников и страстотерпцев, дальше гуманистов и вольнодумцев, даже разных депутатов, делегатов и большевиков с пятилетками. Не ломая светскую старую власть и не руша её, не беря за образец и не развивая ничьи теории, мысли, достижения и свершения, патриарх делом строил новую параллельную структуру власти или иерархии, тратя на это немалые ресурсы, вызывая непонимание, недоумение и ярость противников, веривших не в его, а в свои силы, умения, старания, опыт и дела предков, «как у дедичей и отчичей было».

Итог обычен и привычен: Алексей Михайлович вошёл в силу, мысли и дела Никона забрал себе, его самого сослал в Ферапонтов монастырь, так и не получив от него благословения. Знамя, выпавшее из рук Никона, подобрали не только Алексей Михайлович, но и те, кто уловил суть: для дела нужна структура, своя иерархия, власть состоит из институтов, которые с неба не падают, молитва помогает, когда руки дело знают.

на стороне последних: московские дворяне постоянно несут всякие государевы службы «с городовыми людьми в равенстве»; но в то время как те «живут по вотчинам своим и по поместьям», «московские люди...на Москве живут без съезду», непрерывно занятые исполнением всякого рода поручений и повинностей; «а городовые люди, — заключают авторы, — всего того не знают»[1]. У городовых дворян своя, и совершенно противоположная, оценка положения. По их мнению, наоборот, служилые люди московских чинов, всеми способами уклоняясь от службы, стремились лишь к обогащению: «Наша братья, — пишут они, — не хотя тебе, государю, служить и отбываючи твоей государевы службы, писались по московскому списку и в иные твои государевы чины и, будучи... у твоих государевых дел, отяжелели и обогатели большим богатеством». Поэтому не столичные чины, а они, «бедные холопи государевы, разореные, и беспомощные, и беспоместные, и пустопоместные, и малопоместные», должны быть взысканы государскою милостью — «поместным и денежным жалованьем». Торговые люди (гости, торговые люди гостиной и суконной сотен и черных московских сотен и слобод) громко жаловались на свое обнищание и оскудение от «государевых воевод» и на разорение своих торгов «от их же воеводского задержанья и насильства в проездех» и требовали устранения воевод от административных функций и передачи суда в руки губных старост и посадского самоуправления[2].

Во время московского восстания 1648 г. посадские люди и дворянство снова предъявили те требования, которые созрели и были формулированы уже давно. Земский собор 1648—1649 гг., завершивший свою работу составлением Уложения, отличался также большой полнотой состава и перевесом в нем представителей от провинциального дворянства и посадов[3].

За Собором 1648 г. последовали соборы 1650, 1651 и 1653 гг. Повидимому, они были созваны по образцу Собора 1648 г., т. е. по одинаковой с ним системе выборов, с тем же перевесом провинции над столицей.

Собор 1653 г. можно считать и последним.

Практика земских соборов по существу прекратилась в середине XVII в. Земские соборы отмерли, потому что они сыграли свою роль в развитии централизованного феодального государства. Дворянство добилось в 1649 г. удовлетворения своих основных требований, а угроза крестьянской войны заставляла его теснее сплотиться вокруг самодержавного правительства, в котором оно видело более надежную защиту своих классовых интересов.

Впрочем, принцип обращения к представителям сословий исчез не сразу. Правительство и после 1653 г. в затруднительных случаях обращалось к выборным от отдельных сословий, заинтересованных в решении тех

[1] СГГиД, ч. III, № 113, стр. 387.

[2] Там же, стр. 391, 395.

[3] Подробнее о Земском соборе 1648—1649 гг. см. главу II, § 2 настоящего издания.

Ярославль. Церковь Иоанна Златоуста.

или иных вопросов. В 1660 и 1662/63 гг. гости и выборные от тяглых людей Москвы были призваны на совещание с боярами по поводу денежного кризиса; в 1672 и 1676 гг. уже с одними гостями совещаются об армянском торге шелком. В 1681/82 г. созываются две комиссии: одна — из служилых людей — обсуждала вопросы военной организации, другая, из посадских людей — податного обложения.

В 1682 г. дворцовая партия, посадившая на престол малолетнего Петра, сочла необходимым обратиться ко всех чинов людям государства, собранным на скорую руку на дворцовую площадь. Но это собрание ни в каком случае не может быть признано земским собором, хотя оно и признало провозглашение Петра царем.

Когда в следующем, 1683 г. перед правительством царевны Софьи, еще не чувствовавшей себя достаточно прочной у кормила власти, возник вопрос о необходимости получить одобрение предполагавшегося заключения «вечного мира» с Польшей со стороны широких общественных кругов, ограничились созывом представителей одного только служилого сословия. Правда, выборы представителей от служилых людей различных городов «для поставления вечного мира и о союзе с польским королем» производились тем же самым способом, как и при выборе их на земские соборы; в выборах приняли участие служилые люди «приборных чинов» (рейтары, копейщики, солдаты, стрельцы и др.), ранее не призывавшиеся на соборы; тем не менее односословность выборных представителей явно свидетельствует о вырождении самой идеи земского собора как выразителя мнения «всей земли»[1].

Собор 1683/84 г. о «вечном мире» с Польшей был последним отзвуком былой практики созыва земских соборов. Сословно-представительная монархия, как она сложилась в XVI в., переходила во второй половине XVII в. в монархию абсолютную, опиравшуюся на армию и бюрократию; при новом абсолютистском режиме уже не могло быть места для учреждений сословно-представительных.

4

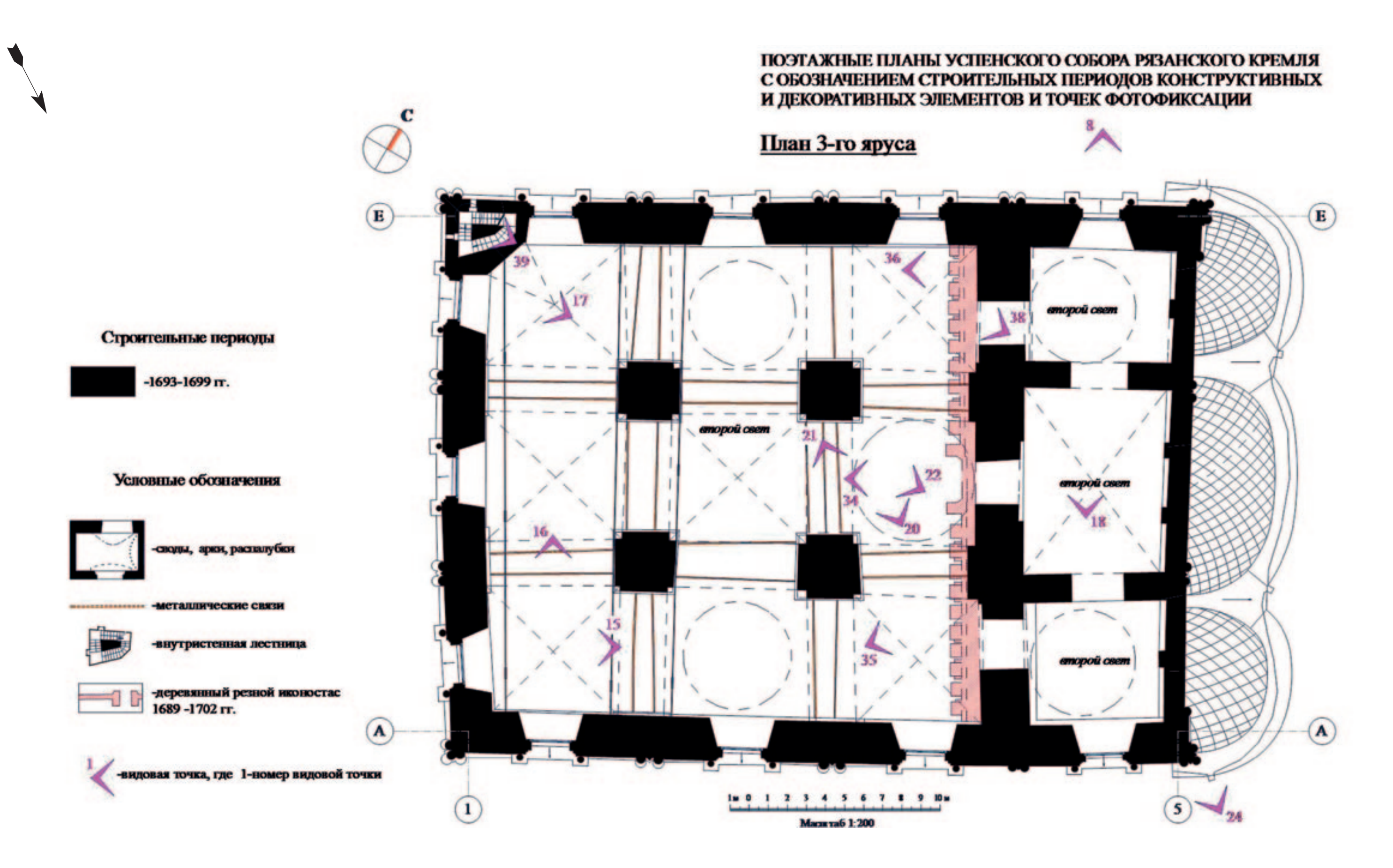
ЦЕНТРАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. ПРИКАЗЫ

Приказы, центральные правительственные учреждения, начали слагаться в определенную систему управления одновременно с образованием централизованного Русского государства. Порой расцвета приказов был XVII век, когда они разрослись численно, и внутренняя их организация достигла полного развития. Всего в течение XVII в. действовало до 80 приказов. Многие из них были учреждениями временными, существовавшими

---

[1] *В. К. Никольский.* Земский собор о вечном мире с Польшей 1683—84 г.— «Научные труды Индустриально-педагог. ин-та им. К. Либкнехта», Соц.-эконом. серия, вып. 2, М., 1928, стр. 18—25, 30, 42—52.

Строительство параллельных, вытесняющих старые структур – вряд ли изобретение Никона, оно тысячи раз повторено до и после, только у Никона есть доказательства правоты, которым могут позавидовать если не все, то многие преобразователи вселенных. Фёдор Алексеевич, славившийся и тонким умом, и, не в пример младшему брату, образованностью, поняв задумку ссыльного патриарха лучше батюшки, вернул его из Кириллова монастыря. В планах у государя было учреждение в России двенадцати равночестных, без иерархии одной над другой, патриархий, что просто и автоматически решало вопрос об отношениях светской и несветской власти: Царь – один, Патриархов – дюжина, и хорошо, что они за населением приглядывают и его жизнь устраивают, в такой-то обширной стране.

Первым, правда, по старинке, без титула патриарха, был Иона Сысоевич, митрополит Ростовский и Ярославский, поставленный в середине века ещё Никоном. Возвращавшийся водным путём из Кириллова немощный патриарх кончил дни в Ярославле, на притоке Волги Которосли (истоки её верстах в 20 северо-восточнее Ростова, ближе к Гаврилову Яму). Входить в Которосль он мог в 1681 году только с Волги, с севера, и недалеко продвинулся до Никольской церкви в Тропинской слободе, в устье, на стрелке не мог не видеть построенный в 1654 году храм Иоанна Златоуста с Владимирской церковью (возведённой через полтора десятка лет).

Антиминс для обоих храмов выдавали с позволения митрополита Ионы. Они не виделись много лет. В самом Ярославле, проплывая внизу под высоким берегом, он вряд, глядя направо, мог видеть результаты строительной деятельности Ионы, да и на левом берегу Толгский монастырь за лесом почти не разглядеть, но уж главы Иоанна взором не минуешь. Таких церквей во всём свете не россыпью набросано, одно окошко в центральной апсиде чего стоит.

Такой прощальный поклон (вместе со строителями братьями Неждановскими) отдал Иона своему благодетелю. Почти сорок лет митрополит потратил на претворение в жизнь в своей епархии того, что не удалось Никону во всей стране. Все видимые нами архитектурные чудеса в Угличе, Улейме, Борисоглебском, Ростове, Романове, Ярославле и других местах появились на свет не только при жизни, но и при прямом руководстве и попечении митрополита Ионы. Необъятная по широте епархия хранит плоды его трудов, что кажется чудом. Первые 100–150 лет храмы стояли, потому что были крепко поставлены, потом понадобились реставраторы, но они к тому времени ещё не поняли, что они – отдельный род деятельности и профессии такой не появилось. Из «жалетелей ста-

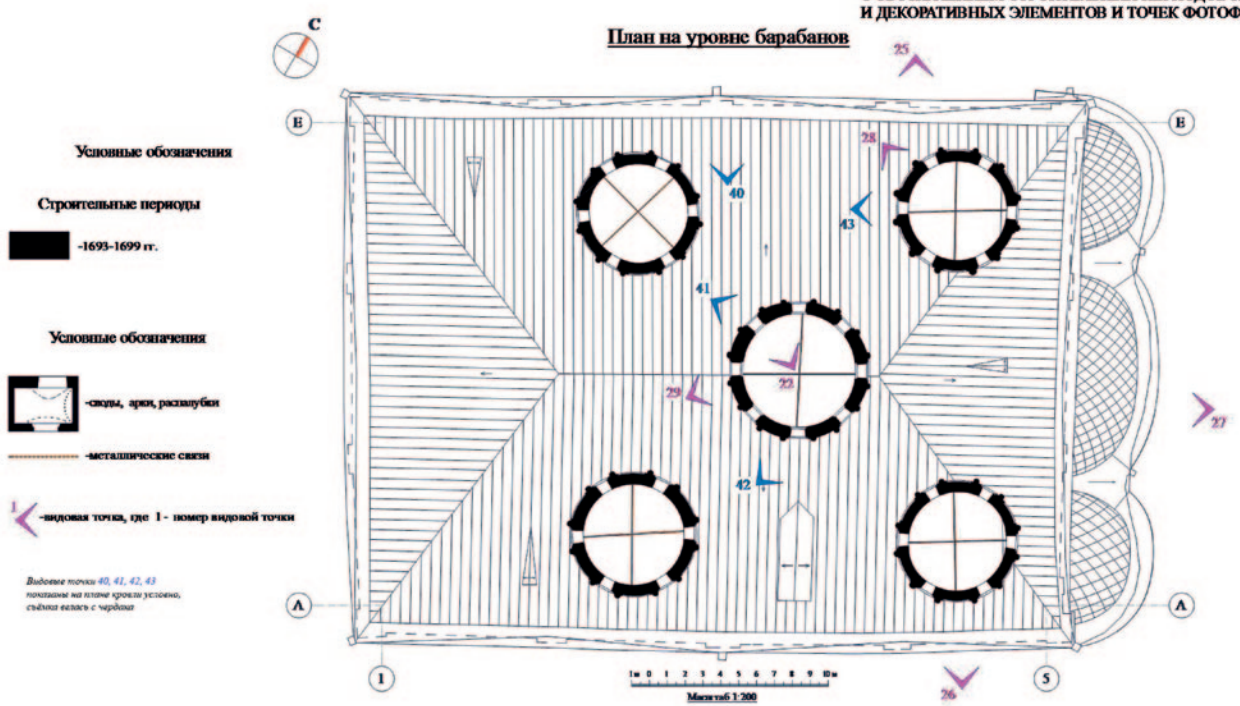
Сцена в приказе. Деталь иконы, XVII в.

часто только несколько лет. Постоянных приказов в XVII в. можно насчитать до 40. Ведомства приказов переплетались между собой. Наряду с приказами, ведавшими отдельными отраслями управления в общегосударственном масштабе, существовало немалое число приказов, ведавших определенными территориями. Территории эти иногда не были сплошными, а чересполосными. Такое большое количество центральных правительственных учреждений, часто с параллельными функциями, объясняется их происхождением и назначением. Система приказов отражала рост первоначальной централизации управления в рамках единого Русского государства. Приказы заняли среднее положение между органами верховного управления и местным управлением.

Объединение территорий бывших феодальных княжеств и упразднение областничества как пережитков феодальной раздробленности сопровождалось уничтожением крупных областных делений. Вследствие этого управление городов с уездами осуществлялось непосредственно из центра. Власть на местах была подчинена мелочному надзору и руководству из центра. Приказы в центре подавили всякую самостоятельность органов местного управления, что с наибольшей полнотой было осуществлено в XVII в.[1]

[1] См. об этом главу III, § 5 настоящего издания.

рины» в XIX веке самые известные – Николай I и Н.В. Гоголь. Но ни полновластие, ни власть над умами не берегли древности досточно хорошо: в середине века весь ростовский кремль, где построенный, где перестроенный Ионой, с палатами, со звонницей, со Спасом на сенях, с крыльцом Успенского собора, с надвратными церквями, со стенами и прочим, едва продали с молотка на слом, на кирпич, за двадцать шесть тысяч рублей. Сумму не собрали.

Иона остался бы в истории как уникальный созидатель, если бы за почти сорок лет инвеституры возвёл один ростовский Архиерейский дом (Дом больше, чем кремль и монастырь). Но то, что в Ростове – меньше того, что за Ростовом. Почему? Потому что он внял Никону, он строил не дома, а институции, и у него достало сил на всё, потому что равной его власти в течение десятков лет в епархии не было. Назначенный царём, Думой или приказом воевода сидел в своих хоромах весь срок, мог его продлить не раз, могли и жители попросить продлить, а потом всё равно вместе с чадами, с мебелью, со своими дровами и сеном уезжал к себе в имение. А срок-то был – год, до следующей челобитной в приказ, с объяснением-отчётом, куда и почему его хорошо бы назначить на следующий год. И как ему тягаться в митрополитом, который десятки лет сидит на своём месте? Кто посмеет ему перечить? Был и Судный приказ (остатки его всё ещё есть в Доме), и Красные палаты, которым может позавидовать любое присутственное место, и, главное, желание формировать пространство общества, села, города и епархии не прямо, не в лоб, приказами и указами, а более эффективно, исподволь, создавая те рельсы, по которым и не хочешь – а покатишься, создавая среду. Без криков, революций и металлических памятников. Разве что колокол («Сысой») – вот это памятник!

Духовенства много, разных видов, чёрное, белое, низшее, среднее и высшее, в приходах и монастырях, кое-кто в миру, в клобуках, камилавках и тюбетейках. И никаких попыток церковной демократии, никакого самоуправления, выборных, палат для обсуждения и принятия законов. Есть только собрания раз в несколько лет, одобряющие деятельность начальства, и строжайшая иерархия подчинения и соподчинения, которой армейские могут только позавидовать как недостижимому светлому идеалу. Почему так? Потому что дело нешуточное. Как только всерьёз, народовластие побоку, единоначалие не просто эффективнее, оно только одно и возможно.

Успешный опыт Ионы Сысоевича мог быть и не единичным. Рязанский архиерейский дом не так огромен, как Ростовский, но всё же...

* * *

В отношении высших органов управления — царя и Боярской думы, наоборот, приказы заняли строго подчиненное положение, не получив какой-либо самостоятельности, определенной законом. Вся система приказного управления исходила из предположения личного участия в нем царя. Во всяком затруднительном случае приказ был обязан докладывать дело царю. В XVI и XVII вв. существовало положение: «А которого дела за чем вершить не мочно, и о том деле, выписав, докладывать царя и бояр». Ввиду отсутствия в то время разграничения области верховного управления от управления подчиненного, деятельность приказов была в такой же мере подчинена принципу централизации, как и управление местное. Царское самодержавие через посредство приказов стягивало в свои руки всю власть в стране.

Организованное таким образом управление представляло собой значительный успех централизации.

Приказы слагались постепенно в течение длительного времени, а не создавались в соответствии с какой-либо системой. Вследствие этого описание приказного строя представляет большие трудности, и всякая их классификация заключает в себе значительную долю условности. Однако приказы охватили полностью все стороны управления, и ими выполнялись обе основные функции государства: «...внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств»[1].

Приказы, осуществлявшие задачи внутренней политики, можно разделить на две подгруппы: а) приказы общегосударственной компетенции и б) приказы с областной компетенцией.

Среди приказов с общегосударственной компетенцией могут быть выделены приказы административные, финансовые и судебные.

* * *

К административным приказам с общегосударственной компетенцией следует отнести Разряд, Поместный приказ, Ямской, Каменных дел, Монастырский и Тайных дел.

Р а з р я д вел учет служилых людей, составлял их списки как по Москве, так и по уездным городам. Когда дети служилых людей «поспевали в службу», т. е. достигали 15 лет, их «верстали» в службу. Время от времени Разряд проверял боевую готовность служилых людей на местах. Специальные лица «разбирали» служилых людей, т. е. выясняли, какое они имеют вооружение и снаряжение, каково их материальное положение и какую службу они могут нести. Результат «разбора» заносился в особые списки, которые назывались «разборными десятнями». Количество служилых людей, назначаемых ежегодно на службу, и место, куда

[1] *И. Сталин.* «Вопросы ленинизма», изд. 11-е, Госполитиздат, 1952, стр. 644.

Южный портал Архангельского собора.

Беглый, невнимательный, нестроительский взгляд легко замечает следы многих переделок, которые сообщили собору несвойственную ему изначально кубоватость и массивность: главное – отсутствующие закомары, заменённые намёком на них, очень маленькими кокошниками под плоской крышей, число и конфигурация их не продиктована никакими эстетическими намерениями, просто «так вышло»; второе – чудо бесцеремонности и диспропорциональности: большой собор венчает ничтожная главка с мандаринными дольками в основании, как пимпочка на детской шерстяной шапке, – а это не шапка, это шлемоподобная кожаная кепка вместо нормальной луковицы, окончательно убивающая, укорачивающая высотную составляющую; портал, окна четверика, высота апсид просят стройности, безнадёжно утраченной в оплывшем без закомар силуэте, ведь пропорции портала безупречны и должны быть конгруэнтны абрису, апсиды не зря так поднимали, окна не вдруг сделали «прорезанными». Несохранность форм и принципиальная деликатность реставраторов не позволила им безжалостно отнестись к трудам поновителей XVII–XIX веков, но результатом стал нынешний облик храма, загадочный и некрасноречивый, заставляющий пожалеть, что не виден первоначальный замысел формы.

они должны направиться, определялись Разрядом. Разряд ведал назначением служилых людей и на гражданскую службу[1].

Поскольку одной из основных обязанностей Разряда являлось ежегодное назначение служилых людей для обороны южной границы, то города, расположенные на этой границе, находились в ведении Разряда. Разряд для них являлся высшей административной и судебной инстанцией, в него же поступали и все доходы, собираемые с этих городов.

Таким образом, основная функция Разряда — управление служилыми людьми: определение их на службу и назначение им жалованья, денежного и поместного.

Поместный приказ зародился в конце XV в. вместе с возникновением системы поместного землевладения. Упразднен он был в XVIII в., вскоре после формального слияния поместного землевладения с вотчинным. Территория, которой ведал Поместный приказ, сложилась еще в XVI в. и охватывала центральные области государства, где было по преимуществу сосредоточено феодальное землевладение. На этой территории Поместный приказ ведал только частновладельческими землями, т. е. поместными и вотчинными (светских и духовных феодалов). В XVII в. были изъяты из ведения Поместного приказа посады.

Разрядный приказ лишь определял «оклад» поместного жалованья, т. е. размер земельного владения, на который мог рассчитывать служилый человек по своему служебному положению. Поместный приказ осуществлял фактическое наделение служилого человека землей, т. е. ведал «дачей» земли. Это фактическое наделение землей обычно сильно расходилось с поместным «окладом». «Дача», как правило, была меньше оклада. Вместе с тем Поместный приказ оформлял и регистрировал все сделки на поместные земли и на крестьян, которые были разрешены помещикам («мены» и «сдачи»), а также контролировал все изменения в вотчинном землевладении. В XVII в. Поместный приказ сделался судебным учреждением по всем спорным земельным делам дворянства.

Поместный приказ в XVII в. был центром составления писцовых и переписных книг по подведомственной ему территории. Писцовые и переписные книги были важнейшими документами, на основании которых производился сбор налогов, и в то же время — эти документы свидетельствовали о закреплении крестьян за помещиками и вотчинниками. Поэтому Поместный приказ принимал самое непосредственное участие в борьбе с крестьянскими побегами и был организатором общих сысков беглых, которые производились во второй половине XVII в.

Таким образом, Поместный приказ был учреждением специально обслуживавшим господствующий класс феодалов по самым коренным для него вопросам — феодальной собственности и закрепощенного крестьянства.

На обязанности Ямского приказа лежало обеспечение транспорта по казенной надобности. Ямскому приказу были подчинены ям-

[1] См. главу I, § 5 и главу III, § 8 настоящего издания.

ские слободы и «строельные ямы», где жили ямщики, дававшие подводы по казенным подорожным. За это ямщики получали царское жалованье и прогоны. На содержание ямской гоньбы взимался с тяглого населения особый налог—ямские деньги, поступавшие в Ямской приказ[1].

Приказ каменных дел ведал казенным каменным строительством и заготовкой необходимых для него материалов. В ведении Приказа каменных дел находились записные ремесленники — каменных дел подмастерья, обжигальщики, каменщики, кирпичники и подвязчики[2].

Монастырский приказ был создан по Соборному Уложению в 1650 г. для управления монастырями, митрополичьими, архиепископскими и епископскими кафедрами и населением их вотчин по хозяйственным делам, а также для сбора налогов с монастырских людей и разбора судебных дел между ними[3]. До Уложения все эти дела находились в ведении Приказа Большого дворца. Учреждение Монастырского приказа свидетельствовало о подчинении церковных корпораций общей системе государственного управления и укреплении позиций дворянства.

Монастырский приказ просуществовал до 1677 г. и был восстановлен в 1701 г.

Тайный приказ, или Приказ тайных дел, руководимый непосредственно самим царем, осуществлял контроль за деятельностью высших государственных учреждений, послов и воевод. Появление Тайного приказа характерно для развития монархии по пути абсолютизма. Приказ был создан в 1654 г. и просуществовал до смерти царя Алексея в 1676 г. С 1663 г. в обязанности Тайного приказа входило управление обширным царским хозяйством Алексея Михайловича[4].

* * *

Единого финансового приказа с общегосударственной компетенцией в Русском государстве XVII в. не было. С некоторыми оговорками три приказа можно назвать финансовыми.

На первое место среди них следует поставить Приказ Большого прихода, ведавший сбором главным образом таможенных доходов. В ведении Большого прихода находились Московская таможня и наблюдение за правильностью мер и веса во всем государстве[5]. Если в XVI в. в Приказе Большого прихода был сосредоточен сбор прямых и косвенных

---

[1] *И. Я. Гурлянд.* Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII ст. Ярославль, 1900; *М. М. Богословский.* Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в., т. II, М., 1912, стр. 92—95.

[2] *А. Н. Сперанский.* Очерки по истории Приказа каменных дел Московского государства. М., 1930.

[3] «Уложение 1649 г.», гл. XIII.

[4] *А. И. Заозерский.* Царская вотчина XVII в., стр. 234—306.

[5] ЦГАДА. Приказные дела старых лет, 1675 г., д. 84, лл. 154—156, 177—184.

налогов со значительной части территории Русского государства[1], то в XVII в. его компетенция была менее широкой, в частности с 1665 г. таможни южных городов перешли в управление Разряда[2].

Близким по характеру и содержанию своей работы к Приказу Большого прихода был Приказ Новой четверти, или Новой чети. Новая четь ведала кабацкими сборами с Москвы и южных городов. Кроме того, она вела борьбу с незаконной продажей вина и табака. В 1665 г. управление питейным делом городов южной украйны было изъято из Новой чети и также передано в Разряд[3].

Третий из финансовых приказов — Приказ Большой казны — ведал государственным хозяйством в широком смысле этого слова: казенной промышленностью и торговлей, а также гостями, гостиной и суконной сотен торговыми людьми. Приказу Большой казны был подчинен Денежный двор, где производилась чеканка денег. Наконец, по указу от 22 октября 1680 г. в Приказ Большой казны были переданы таможенные и кабацкие сборы[4], которые до этого времени находились в управлении разных приказов.

* * *

Почти все приказы, имевшие в своем управлении те или иные группы населения, являлись высшей судебной инстанцией для этих групп. Тем не менее можно назвать несколько приказов, созданных специально для отправления судебных функций. Такие приказы не решали административных вопросов, а их финансовая деятельность ограничивалась лишь сбором судебных пошлин.

Уголовным судопроизводством ведал один приказ — Разбойный, которому были подведомственны дела об убийствах, разбоях и кражах на всей территории государства, кроме столицы — Москвы, где уголовные дела находились в ведении Земского приказа[5]. На местах органами Разбойного приказа были губные избы, возглавляемые губными старостами, а с отмиранием губных учреждений, воеводское управление.

Политические преступления и преступления по должности рассматривались в разных приказах. В период существования Тайного приказа важнейшие политические преступления входили в сферу его компетенции. Но политическими преступлениями ведали и другие приказы. Преступления по должности рассматривались в тех приказах, каким было подчинено должностное лицо.

---

[1] *П. А. Садиков.* Московские приказы-«четверти» во времена опричнины (1565—1584 гг.).— «Исторические записки», № 10, стр. 147—148.

[2] *А. И. Заозерский.* Указ. соч., стр. 275—276.

[3] Там же.

[4] АИ, т. V, СПб., 1842, № 125, стр. 214.

[5] «Уложение 1649 г.», гл. XXI, ст. 1—2.

24*

Строительный нагель (*игла* по-немецки) – круглая деревяшка лиственных пород для прочного соединения деревянных строительных деталей. Для понимания исторического исследования, связывания и прочности деталей он очень полезен; из источников его не выстругать, как ни пыжься. Долгое продление или длительная продолжительность, часто практикуемые для подобных задач во Франции и не только, тоже не помогают, потому что la longue durée теряет «укорачивание истории». Ярче многих об этом писали пушкиноведы и знатоки истории первой половины XIX века (про количество рукопожатий до Лунина). Состарившиеся вожжи короче только что сотканных – сели и усохли после многих стирок, дождями, потом и снегами. Зато стали крепче, задубели. Только с этим укорачиванием можно попробовать понять, как связана матушка Ивана IV Васильевича и возрождение страны после Смуты. Что такого она сделала, начала – что помогло через сто лет?

Тут даже и источники есть, но чтобы их понять, проинтерпретировать, нужен нагель, ибо это общая беда источников XVII века: чёртова уйма, но все 3954 страницы однообразны, меняются только имена, то Ивашка, то Сенка привез окольничему ноября в восьмой день 36 снулых кур индейских да пять рыбин живых стерлядок – и что?

Гражданское судопроизводство также было распределено между многими приказами, и у каждого был свой круг подсудных лиц. В Соборном Уложении 1649 г. прямо подчеркивается, что каждый, имеющий нужду в судебном разбирательстве, должен подать челобитную в тот приказ, «кто в котором приказе ведом»[1]. Но были два специальных судебных приказа для решения судебных дел между представителями правящего класса — дворянства: Владимирский судный и Московский судный. Верхние слои класса феодалов — думные и московские чины — судились по преимуществу во Владимирском судном приказе[2].

Совсем иной характер и содержание имела деятельность Приказа Холопьего суда, который тоже следует рассматривать как судебный приказ. Он занимался делами о несвободных людях, обеспечивал дворянству возможность закабалять свободных людей, эксплуатировать труд несвободных людей и подавлять их сопротивление. В Приказе Холопьего суда оформлялись служилые кабалы[3]. Всякие споры о холопах и сыски беглых холопов тоже входили в компетенцию Приказа Холопьего суда[4]. Житейские записи, заключавшиеся на определенный срок, как и служилые кабалы, подлежали проверке и регистрации в Приказе Холопьего суда[5].

Здесь же регистрировались акты об отдаче несостоятельных должников кредиторам «в зажив головою до искупу», т. е. до отработки долга[6].

К числу судебных приказов с общегосударственной компетенцией следует отнести и Челобитный приказ. В нем судились должностные лица приказов — судьи, дьяки, подьячие, сторожа. Но Челобитный приказ был высшей апеляционной инстанцией для судебных дел, производившихся во всех других приказах. Человек, не получивший удовлетворительного решения своего дела в том или ином приказе, имел право обратиться в Челобитный приказ. Такой апелляционный характер деятельности Челобитного приказа подчеркнут в Соборном Уложении[7].

* * *

К числу приказов с областной компетенцией нужно отнести четверти, приказы Казанского дворца и Сибирский и, наконец, Земский приказ.

Основная задача четвертей — сбор налогов с определенной территории, т. е. это — финансовые приказы. Кроме того, в четвертях были сосредоточены вопросы управления и суда по отношению к населению

[1] «Уложение 1649 г.», гл. X, ст. 20.

[2] *С. К. Богоявленский.* Приказные дьяки XVII в.— «Исторические записки», № 1, стр. 232.

[3] «Уложение 1649 г.», гл. XX, ст. 7—8.

[4] Там же, гл. XX, ст. 9—18, 49—60.

[5] Там же, ст. 43—46.

[6] Там же, ст. 39—40.

[7] Там же, гл. X, ст. 20.

Будущие столбы-бочки крыльца
можно проверить на правильность подбора числа лекальных кирпичей для достижения запроектированной высоты таким простым способом – дюймовые досочки, бросовый материал, как раз в толщину горизонтального растворного шва, позволяют произвести «пробную сборку».

определенной территории. Собирая деньги с определенной территории, четверти расходовали собранные средства на общегосударственные нужды. В частности, крупнейшей статьей расхода четвертей была выплата денежного жалованья служилым людям. Отсюда название служилых людей — «четвертчики», т. е. получающие жалованье из четверти.

Всего было пять четвертей: Владимирская, Галицкая, Костромская, Новгородская, называемая иногда Нижегородской, и Устюжская. Ни одна из четвертей не управляла сплошной территорией. Города центра находились в ведении по преимуществу Владимирской, Галицкой и Костромской четвертей, окраинные — Новгородской и Устюжской.

В подчинении городов отдельным четвертям наблюдалась большая чересполосица. Соседние города оказывались в подчинении разных четвертей. Например, Можайск и Руза — Устюжской, Боровск и Калуга — Владимирской, Алексин и Малый Ярославец — Костромской, Кашира и Мещовск — Галицкой. Четверти назывались по важнейшим городам.

Наиболее крупной и по территории и по размерам доходов являлась Новгородская четверть, ведавшая важными экономическими районами. Суммы, собираемые в одной Новгородской четверти, значительно превышали доходы всех остальных четвертей, вместе взятых.

С конца 20-х годов XVII в. Владимирская и Галицкая четверти были, повидимому, объединены в одном управлении. Во всяком случае с 1627 г. и до конца века они управлялись единой судейской коллегией, т. е. имели одних и тех же лиц в качестве управляющих приказами[1].

Приказ Казанского дворца был создан для управления новыми территориями, приобретенными Русским государством в XVI в. на Востоке: землями бывших царств Казанского, Астраханского и Сибирского. В 1637 г. был учрежден Сибирский приказ, специально для управления Сибирью, которая была изъята из ведения Приказа Казанского дворца. После этого под управлением Приказа Казанского дворца остались лишь Казань и «понизовые города», т. е. города и уезды, расположенные по Средней и Нижней Волге, и Башкирия.

Ни в Приказ Казанского дворца, ни в Сибирский не поступали денежные средства, собранные с населения подведомственной территории. Эти денежные доходы, собираемые в городах, расходовались на месте. В Москву присылались лишь натуральные сборы с населения, главным образом меха. Эти меха сосредоточивались в Сибирском приказе и расходовались по царским указам.

В ведении приказов Казанского дворца и Сибирского находились и служилые люди, отбывавшие свою службу в понизовых и сибирских городах.

Земский приказ, или Земский двор, тоже следует отнести к административно-финансовым приказам с областной компетенцией. В этом приказе

[1] *С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, стр. 36—42.

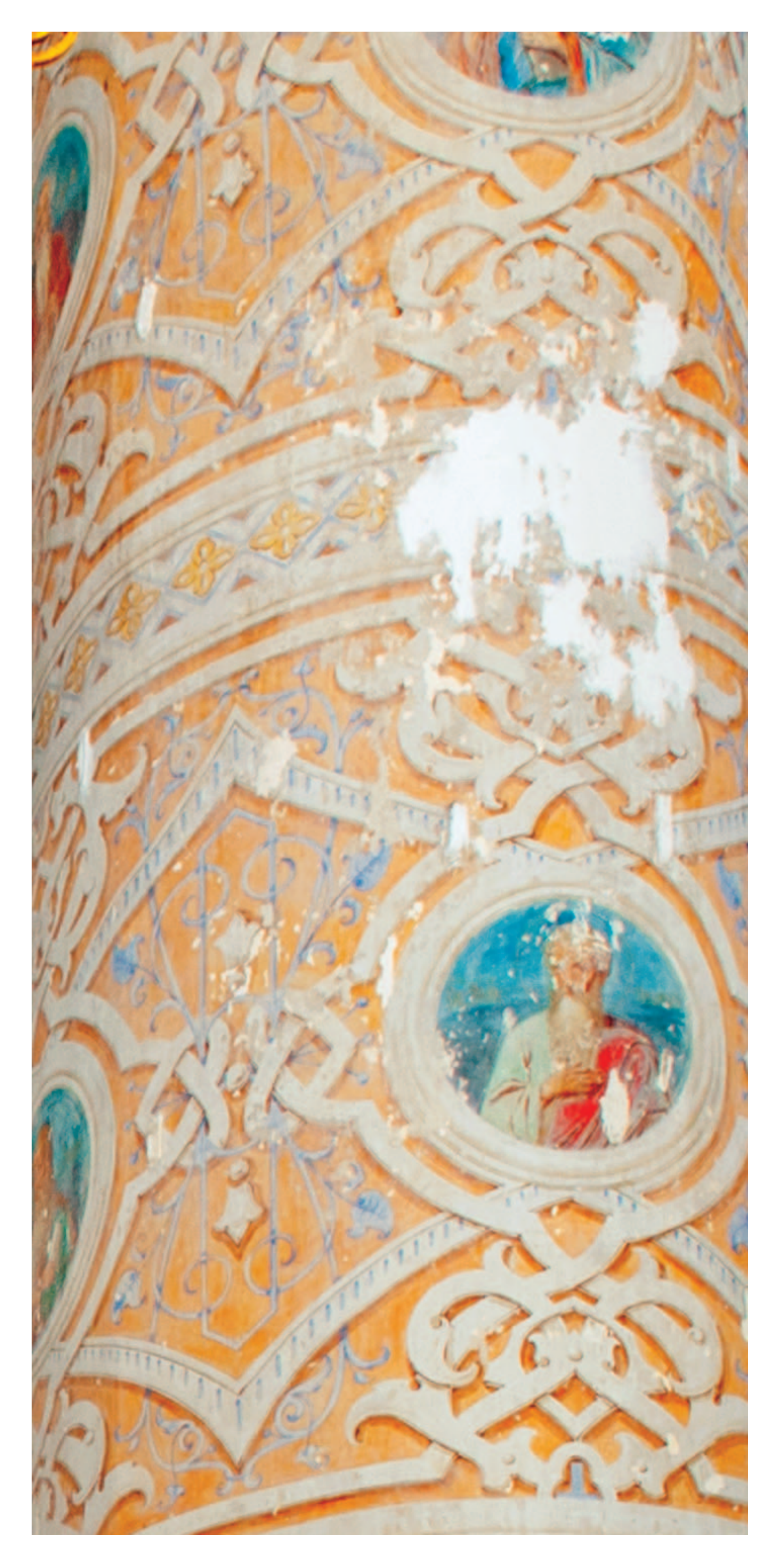

Рисунок на столпах
нового Успенского собора
скорее всего, поздний, но изрядный,
близок и к затейливой резьбе иконостаса,
и к образцам модерна, и к просечному металлу на дверях

Печать Земского приказа, XVII в.
Государственный Исторический музей

было сосредоточено управление столицей — Москвой, сбор налогов с ее тяглого населения и судебные дела этого населения. Судебная компетенция Земского приказа была шире компетенции четвертей: суд по уголовным преступлениям, совершенным в Москве, принадлежал не Разбойному, а Земскому приказу[1]. На обязанности Земского приказа лежали и полицейские функции: он следил за порядком и благоустройством в столице. В частности, из Земского приказа посылались объезжие головы, которые следили в летнее время, чтобы население не топило домов и бань во избежание пожара. В случае пожара Земский приказ должен был организовать борьбу с огнем.

* * *

В административной практике Русского государства XVII в. часто встречались такие дела, которые по своему характеру, содержанию, а иногда и объему не укладывались в привычные рамки распределения дел между постоянно действовавшими высшими государственными учреждениями—приказами. В таких случаях правительство создавало временные учреждения, которые по существу являлись комиссиями—поручениями для выполнения определенной работы. Такие временные учреждения назывались с ы с к н ы м и п р и к а з а м и. Иногда правительство не создавало новых сыскных приказов, а поручало частную работу персоналу одного из существовавших приказов[2].

Сыскных приказов в течение XVII в. было много, и сфера их деятельности была разнообразна. Сыск посадских людей — закладчиков, покинувших свое тягло, беглых крестьян, пересмотр жалованных грамот, отписка частновладельческих слобод на посадах, расследование разного рода политических преступлений —вот далеко не полный круг вопросов, для решения которых назначались сыскные приказы.

---

[1] «Уложение 1649 г.», гл. XXI, ст. 2.
[2] *С. К. Богоявленский.* Приказные судьи XVII в., стр. 172, 192, 193.

* * *

Свою внешнюю функцию — расширение территории и защиту границ от нападения соседей — Русское государство в XVII в. осуществляло через военные приказы и Посольский.

Хотя Разряд управлял служилыми людьми и выполнял внутреннюю функцию государства, он в то же время был одним из важнейших приказов, ведавших обороной государства. Служба служилых людей — прежде всего военная служба. Полки служилых людей ведались в Разряде. Разряд назначал их в походы. Он же руководил и боевыми операциями. Таким образом, вопросы обороны занимали в деятельности Разряда существенное место.

Кроме Разряда, в Русском государстве XVII в. было еще несколько военных приказов, ведавших специальными родами войск: Стрелецкий, Пушкарский, Иноземский, Рейтарский и Казачий.

Эти приказы, как и Разряд, выполняли не только внешнюю, но и внутреннюю функцию государства. Вооруженная сила, которой управляли военные приказы, использовалась не только для обороны страны, но и для подавления антифеодальных выступлений трудящихся масс. Особенно это следует сказать о Стрелецком приказе. В нем было сосредоточено управление стрелецкими полками — пехотными частями русской армии XVII в., несшими полковую и гарнизонную службу. Сбор стрелецкого хлеба на жалованье стрельцам был сосредоточен в Стрелецком приказе. Если стрелецкий хлеб собирался не в натуре, а переводился на деньги, то эти денежные суммы, собранные соответствующими приказами (главным образом четвертями), тоже поступали в Стрелецкий приказ. С 1672 г. сбор стрелецких денег был передан непосредственно в Стрелецкий приказ[1]. После налоговой реформы 5 сентября 1679 г.[2]. Стрелецкий приказ сделался основным финансовым приказом, ведавшим сбором важнейшего из прямых налогов, сохранившего прежнее название «стрелецкие деньги». Но Стрелецкий приказ недолго выполнял функции по сбору налогов: в 1683 г. сбор стрелецких денег был возвращен в четверти.

Кроме финансовых, Стрелецкий приказ, наряду с Земским, выполнял и полицейские обязанности в Москве.

Иноземский приказ — тоже по преимуществу военный приказ. В его ведении находились служилые иноземцы, большинство из которых отбывало военную службу.

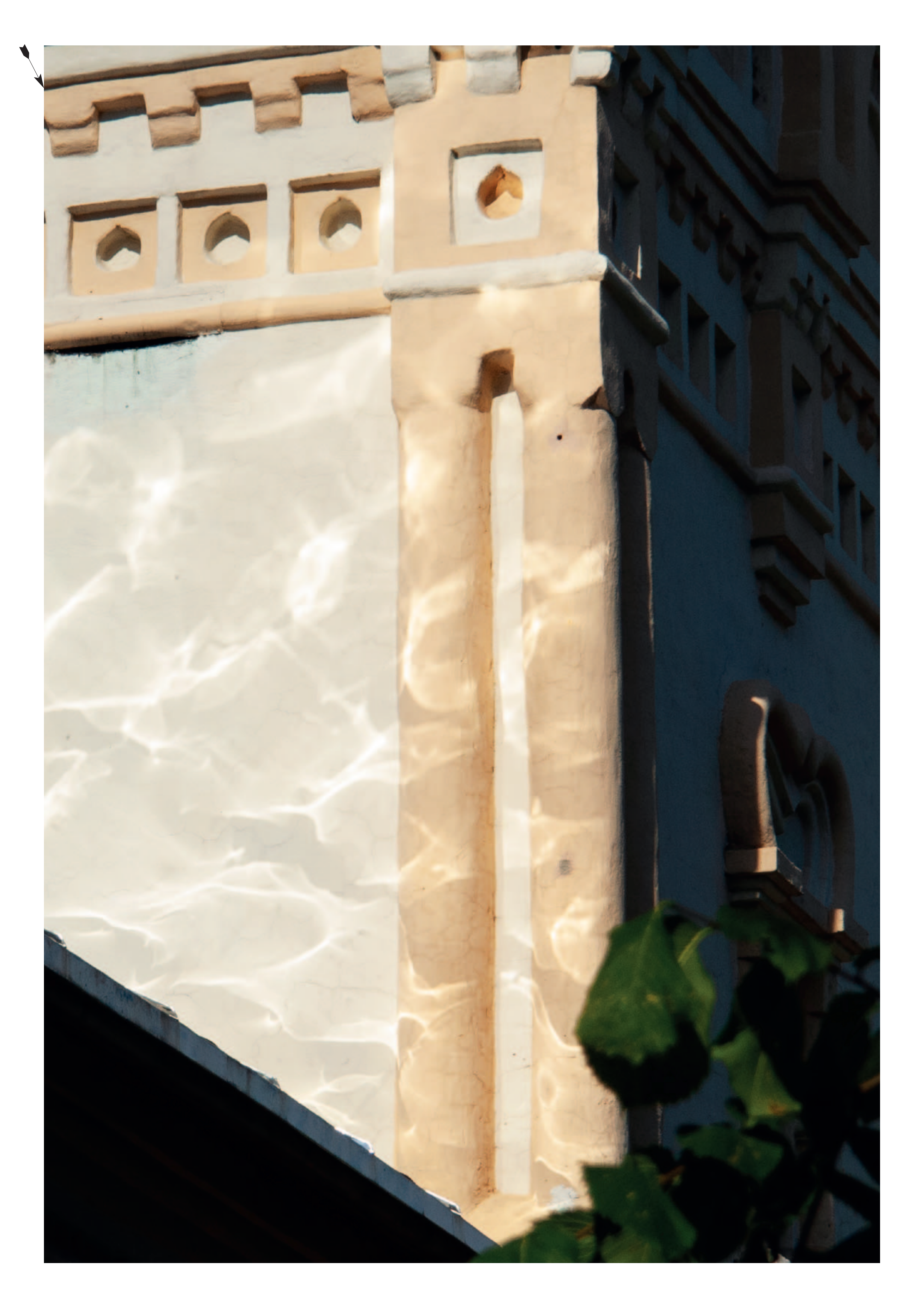
Рейтарский приказ управлял полками нового строя, которые стали создаваться в Русском государстве с середины XVII в.

Кроме того, были приказы, ведавшие производством оружия. Среди них следует особенно выделить Оружейную палату, где изготовлялось холодное и ручное огнестрельное оружие, и Пушкарский

[1] ААЭ, т. IV, СПб., 1836, № 189, стр. 243—244.

[2] См. об этом подробнее в § 7 настоящей главы.

приказ, имевший в своем управлении Пушечный двор и наблюдавший за производством пороха[1]. Кроме того, Пушкарский приказ ведал артиллерией и управлял обслуживавшими ее пушкарями, затинщиками, зелейными (пороховыми) мастерами, казенными кузнецами и плотниками.

Важнейшим из приказов, ведавших дипломатическими сношениями, был Посольский приказ.

Сношения с иностранными государствами, отправка русских посольств, прием посольств иноземных, все дела с торговыми иноземцами, находившимися в Русском государстве, и суд по их делам — таков круг основных вопросов Посольского приказа, разрешаемых, конечно, после обсуждения их в Боярской думе. Кроме того, в Посольском приказе был сосредоточен сбор полоняничных денег со всего государства, т. е. средств на выкуп пленных. Посольскому же приказу были подведомственны донские казаки, а также служилые татары, перешедшие на русскую службу после присоединения Казани, Астрахани и Сибири и получившие поместья во внутренних уездах государства. Вследствие этого города, в уездах которых были такие поместья — Романов, Касимов и Елатьма, находились в ведении Посольского приказа.

Наконец, в Посольском приказе хранились государственные печати — большая и малая, которые прикладывались к грамотам, направляемым в иностранные государства, и к актам внутреннего управления. Поэтому в Посольском приказе был сосредоточен сбор печатных пошлин, взимавшихся при приложении печати. Иногда Печатный приказ выделялся в особое ведомство во главе со специальным печатником.

Посольскому приказу были подчинены приказы, создаваемые для управления вновь присоединенными территориями: Малороссийский, Великия России, Княжества Смоленского. Некоторым исключением являлся Приказ Литовских управных дел, подчиненный Устюжской четверти, но и он в конце века перешел в ведение Посольского приказа.

* * *

Наконец, следует назвать еще одну группу приказов — дворцовые приказы, на обязанности которых лежало обслуживание царского двора. Но порой функции этих приказов расширялись до общегосударственных.

Важнейшим из дворцовых приказов являлся Приказ Большого дворца, в котором было сосредоточено все управление большим и сложным дворцовым хозяйством как в самой Москве, так и в дворцовых селах и волостях, разбросанных по всей территории страны. С 1663 по 1676 г. часть дворцовых сел и волостей находилась в ведении Тайного приказа, а затем вновь была возвращена в ведение Приказа Большого дворца. Этот приказ являлся высшим административным, финансовым и судебным органом для людей, служивших в дворцовых учрежде-

[1] Более подробно о производственных предприятиях Пушкарского приказа и Оружейной палаты см. главу I, § 3 настоящего издания.

Русское посольство в Англию в 1662 г. во главе с боярином С. И. Прозоровским
Портрет маслом работы неизвестного художника XVII в.
Государственный Исторический музей

виях, и населения дворцовых вотчин. В ведении Приказа Большого дворца находились дворы Хлебный, Кормовой, Житенный и Сытенный, ведавшие продовольствием царского дворца.

Крупное значение имел Казенный приказ, или Казенный двор. По существу — это хранилище царской вещевой казны.

Самый глубокомысленный вывод из почерпнутой информации: есть вероятность, что питались среди прочего индюшатиной и рыбой, служившей источником не только белка, но и полиненасышенных кислот, незаменимых в небогатой общей структуризации медианной алиментарной нутриции всех без исключения страт населении, не говоря уж об имущих (bzw неимущих) классах, принимая во внимание то немаловажное обстоятельство, что с углеводами дело обстояло не так трагично, что, в свою очередь, не может не свидетельствовать о чём-то ещё, не менее, а гораздо более существенном.

После Смуты в переславскую губную избу были переданы сохранённые на стороне сшитые тетради с описями поместных дач здешним служилым людям, числом ровно столько же, сколько прошло лет после учреждения губных изб правительством Елены Глинской в структуре местного земского самоуправления. Губная изба – это отдел полиции с надзором за состоянием дорог, застав и мостов. Зачем губному старосте понадобились поместные дачи служилых людей? Просто для регистрации, что чьё? Как БТИ? Пока сказать трудно, но ясно, что дело было настолько важное, что без начатых при Елене Глинской тетрадей дело восстановления порядка после Смуты не пошло, а ведь целый век минул.

Без вот этого нагеля – ну никак! Никак не соединить Ивана III и расцвет XVII века, и выудить из источника с заунывной описью документов приказной избы Переславля хотя бы попытку понимания причин и взаимосвязей короткой длинной истории трёх веков (XVI, XVII, XVIII) никак не удаётся без воображения, фантазии, реконструкции, без выдумывания новой линии объяснения известных событий XVII века, которая могла бы обнять и то, что известно наверняка и давно, и то, что выдумано прямо из головы, без ссылки на источники, потому что их нет. Как у Д.И. Менделеева: из понимания Периодической таблицы вытекает, что на этом месте должен быть элемент. Его нет, но он есть. То есть он есть, но его пока нет. Будет, когда откроют, даже через двести лет. Или триста.

Но порой и этот приказ выполнял общегосударственные задачи, например готовил меха и шубы «для крымской клади», т. е. для подарков («поминков»), ежегодно посылавшихся крымскому хану и его приближенным.

Конюшенный приказ ведал дворцовым выездом. В его управлении находились царские конюшни и мастерские, изготовлявшие кареты, сани и упряжь. Одно время в Конюшенном приказе был сосредоточен сбор конских пошлин, т. е. пошлин, взимаемых при продаже и покупке лошадей на всей территории государства.

К числу дворцовых приказов относился Аптекарский. Он управлял аптекой и медицинским персоналом, состоявшим из иноземных лекарей и русских учеников. Во второй половине XVII в. он стал государственным центром здравоохранения, сыгравшим большую роль в организации военно-медицинской службы[1].

Дворцовыми же приказами являлись и Мастерские палаты — царева и царицына. Они занимались изготовлением царского платья и белья. Царицына мастерская палата, где было сосредоточено полотняное производство, иногда называлась Постельным приказом.

Оружейная палата с подчиненными ей Золотой и Серебряной палатами хотя формально считались приказами, но по существу были дворцовыми производственными предприятиями[2].

Этот обзор характера и содержания деятельности приказов Русского государства XVII в. показывает, что они не составляли в своей совокупности стройной системы.

* * *

Внутренняя структура приказов была единообразной. Во главе приказа стояли «начальные люди», называемые судьями приказов, поскольку большинство из приказов в той или иной мере являлось судебными учреждениями. В качестве начальных людей обычно назначались служилые люди думных или московских чинов и дьяки. Делопроизводство приказа вели подьячие. Кроме того, в штате приказа были пристава, выполнявшие полицейские функции, и сторожа.

Наиболее важные из приказов возглавлялись боярами и окольничими, менее важные — думными дворянами, стольниками, дворянами московскими. Но это положение требует оговорки. Во главе таких важных приказов, как Разряд, Поместный и Посольский, на протяжении почти всего XVII в. стояли думные дьяки, которые иногда дослуживались до чина думного дворянина, а затем и окольничего. Посольским приказом, как правило, управляли думные дьяки.

---

[1] *В. В. Томашевский.* Аптекарский приказ в XVII в. (Автореферат канд. диссертации). Л., 1952.

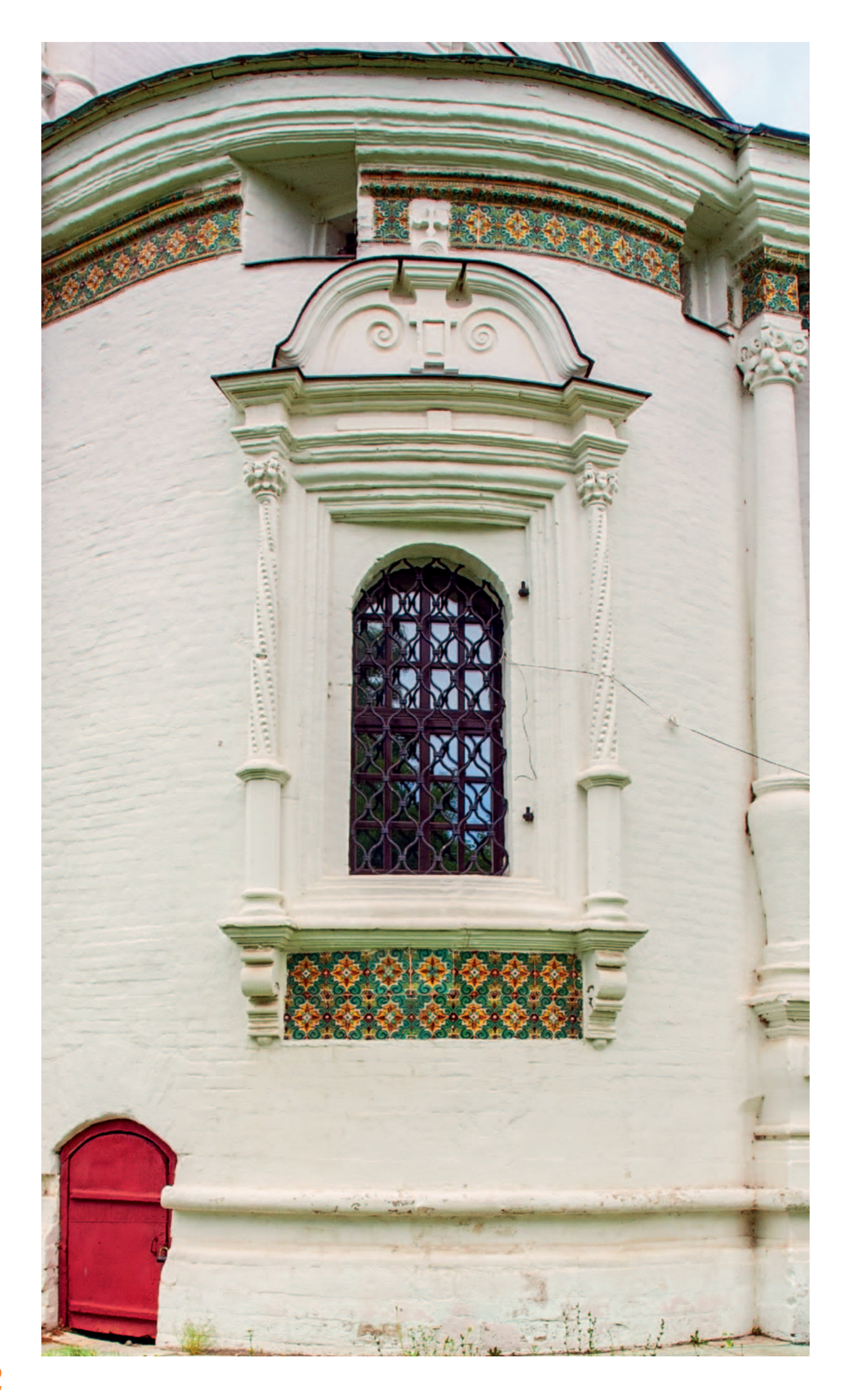
[2] О производственной деятельности Мастерских, Оружейной, Золотой и Серебряной палат см. главу I, § 3 настоящего издания.

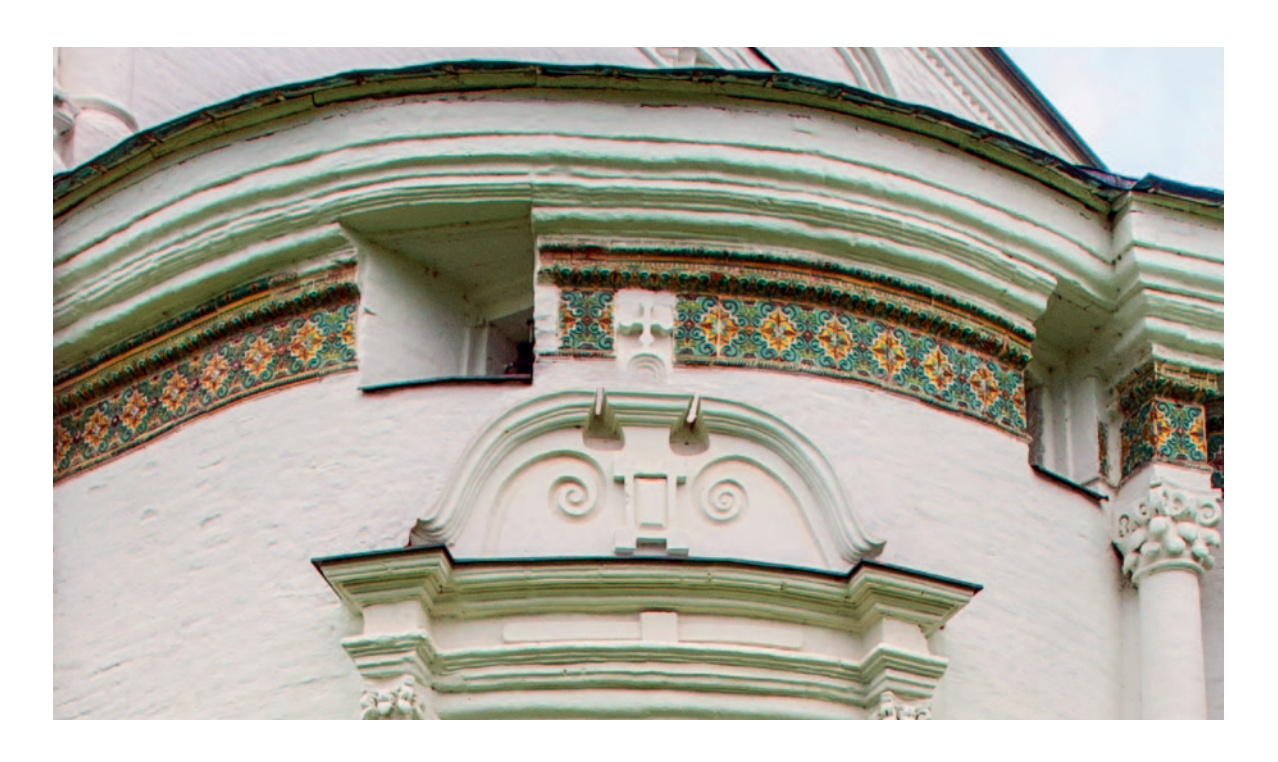

Всё очень просто, привычно, обычно и временами глаз скользит по этим закруглениям, не вникая даже на поверхностном уровне в то, что видится. Вот просто часть апсиды, южная, стало быть дьяконник (сосудохранительница). Изразцовые коврики под окном и под карнизом хорошо вычинены и промыты, кронштейны под подоконником наличника целые, фигуристые, на месте, столбики наличника с развивающимися в разные стороны спиралями выпуклых бусин, капители сильно коринфские, суриком крашеная дверь слева снизу до пола не достаёт, так может, она и не должна доставать, для чего-то же её тут прорубили, и сводик кирпичный сверху выложили. Всё как всегда, не за что и глазу зацепиться.

Но если всё-таки споткнуться и притормозить, хоть на пару минут, и пошевелить не только глазом, но и мозгом, к уважительному поклонению придётся добавить восторг перед изящной изобретательностью строителей. И изящество – не случайно получившееся, а нарочитое. Даже худшая половина человечества знает, что горизонтальные полоски в платье не помогают стройности, наоборот. А здесь очелье наличника собрано так, что к глубокому, очень глубокому окошку со оконницей (не для того, чтобы убрать деревянное обрамление стекол или слюды подальше от снега и дождя – для этого лучше годится ныне пропавшая ставенька) дать сущую корону из мелко нарезанных растущих кнаружи полосок, потом карнизик, И потом то, что сейчас выглядит как шапка из-за жестяного крашенного обрамления. Две прорези вверху устроены не для того, чтобы пустить воду и снег в две капельки, а чтобы сделать пьедестал для креста чуть повыше, уже внутри изразцового пояса, и тогда окно ставится законченным, правильным. И треуголка наполеоновская сгинула. Сказано не

в укор тем, кто накрывал – им лишь бы укрыть, спасти, но и за красотой тоже надо послеживать по возможности, ведь ради неё при строительстве пожертвовали целостностью изразцового пояса, и получилось наоборот хорошо, смело, подчеркнули и общую высоту, и завершение. Высоко, глубоко, широко, стройно, а перспектива какая! А всего-то окошко.

За строителями надо признать и наличие ещё одного знания или умения. Они знали, что взор не будет оскорблён наличием трёх дыр в поясе. Одна – для креста, ещё две – для света. Голова сама продолжит отсутствующие в ряду квадраты, логически подставит их на нужные места, и изъян окажется неважен. В изъяне, и в том, и в другом надо присмотреться к углу. Левая дыра под окно проделана не перпендикулярно внешней изогнутой поверхности, а повёрнута внутрь круто направо. При такой глубине стены, с таким поворотом, с такой высоты, с таким наклоном – летнее солнце в нужный час включало прожектор, лучом светивший в потребное место и без электричества, и без свечей, и без лучин. Хитрость подстать древнеегипетской храмовой, да ещё двойная, не только светло, но время указано, когда пора. И правая дыра включала часы-прожектор пораньше, к своему часу, хоть и в эдаком неудобье, почти в углу, за столбиком. Вот тебе

Последовательно слева направо:
апсиды Преображенского, Богоявленского и (за ветвями) Успенского соборов

и проектанты, и архитекторы, и инженеры с дизайнерами, вот тебе тут и автокад, и рисунок, и чертёж с электричеством.

Конечно, не Софийский собор в Царьграде, но всё же Успенский собор Якова Бухвостова в Рязани размерами заметен – это огромная толстая книга на крепкой подставке, страницы которой перелистывать надо с усилием, они тяжелые и большие, очень разнообразные. Поначалу, издалека, на подходе, вся церковь кажется удручающе малоинтересной – вытянутый вверх кирпичный кубик с башенками и куполами на крыше, большой, ровный и скучный, силуэт отсутствует, рисунка, живописности нет, есть одна геометрия и высота, которую хочется скорее назвать длиной вверх. Чуть поближе становится уже интереснее – эту махину ещё и приподняли над землёй здоровенным фундаментом, у которого к обычной функции прибавили вторую, он и основание, и открытое гульбище. Другое такое есть в Троице, тоже открытое, и там тоже ширина перекрытия измеряется в метрах двузначным числом. Гульбище, которое начинается после высокой лестницы – вторая ступень возвышения человека, дальше дверь, порог, трапезная, потом солея, куда доступ не всем, алтарная преграда, Царские врата, престол и Горнее место. Долгий путь, как античный круг знаний, чем больше узнаёшь, тем лучше понимаешь. Так и Успенский собор – чем больше читаешь книгу, тем больше удивления, уважения, любопытства, переходящего понемногу в восторг, и уже на выходе – облегчение и отдых от работы. И чем тише впечатление на входе, тем громче получается на выходе, и каденция как избавление. Никакая простота у Якова Бухвостова не проста.

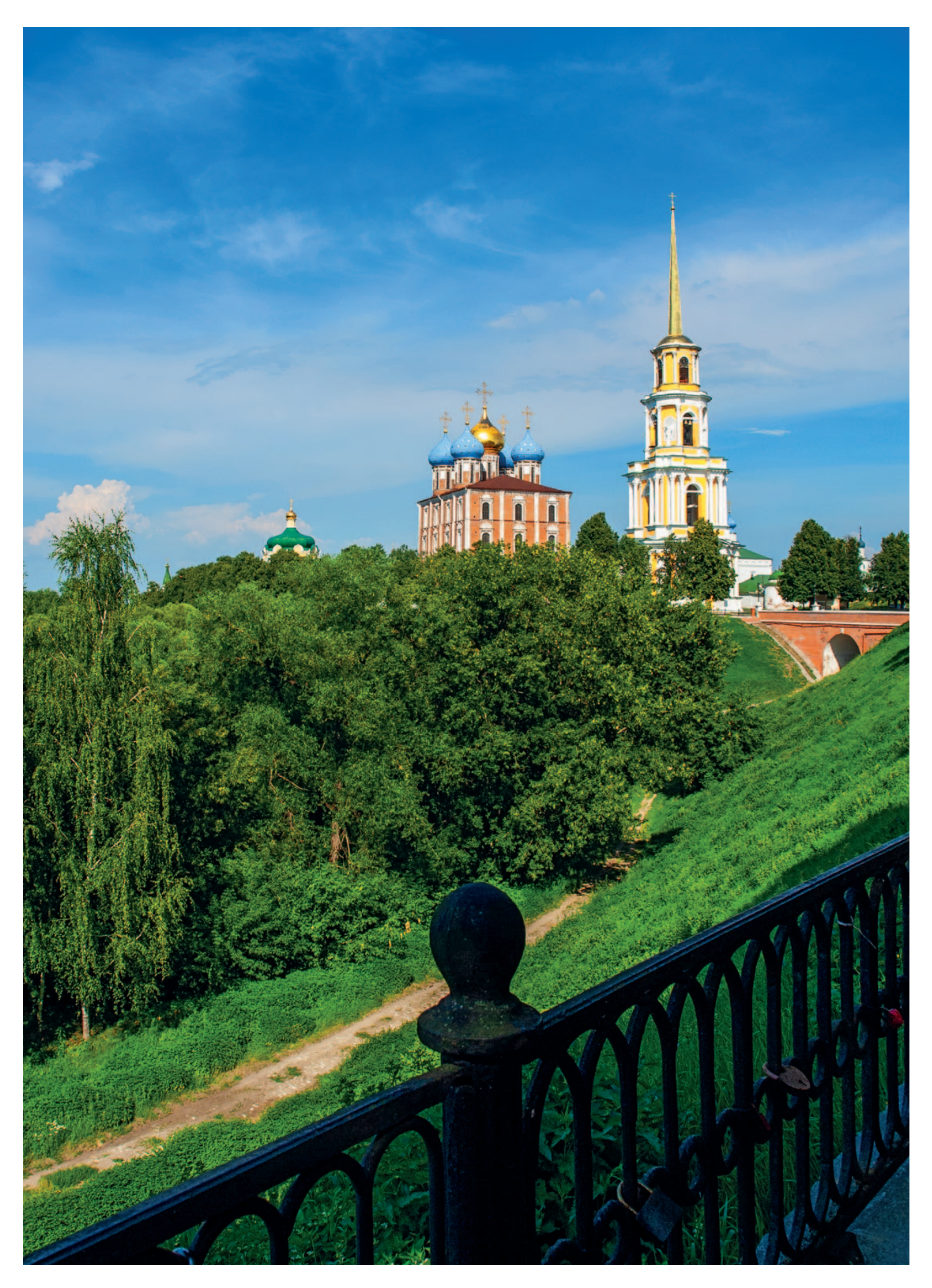
Шахматисту положено думать на несколько шагов вперёд. По сравнению с архитектором, то есть подмастерьем каменных дел, чемпион мира – не более чем предивный головастик. В его руках всего-то несколько пешек и фигур на поле, а архитектор свою крышу должен увидеть задолго до первого камня в основании, и фигур в руках – несколько тысяч, не считая пешек.

Формально вот эти белые палочки на кирпичном фоне – белокаменные колонны наличников на кронштейнах. Что же центральные так криво прилепили к апсиде? Наклон градусов пять, когда не семь.

Недолгое размышление заставляет припомнить, что особенность проекта – тонкие стены, не стоящие сами по себе, своей толщиной и тяжестью, как бывалыча, метра по два–три, а висящие на конструкционных связях разного рода на чудовищных стол-

Кронштейн наличника окна апсиды Богоявленского собора
на фоне пляшущих колонн над кронштейнами окон апсид Успенского собора

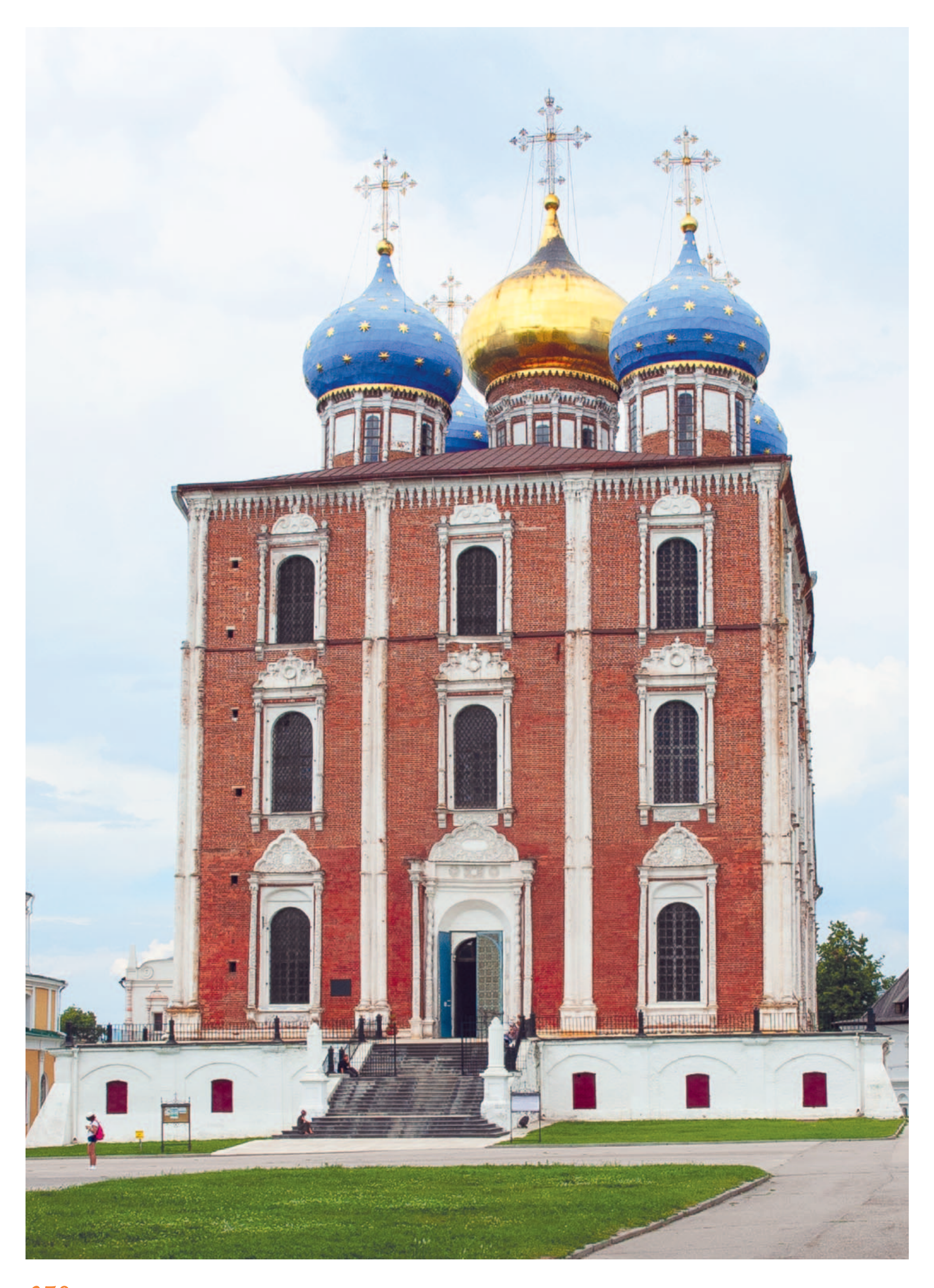

пах внутри здания. Внутри-то висят, а в апсидах? Они ведь высотой вполовину с основным кубом. Утилитарно там хватило бы метров четыре–пять с нормальными окнами и такими же наличниками. И такая высота понадобилась автору только по эстетическим соображениям, таков был образ; центральная апсида стала контрфорсом, а наклон можно приметить только если показать пальцем. Теперь, со стороны глядя, проникнув собственным высокоумием в замысел автора, легко анализировать и делать выводы. А когда стоит один фундамент, вокруг ямы с известью и сотни возов со свежим кирпичом, железо на связи нужной марки, строевого леса тысячи кубических саженей (как они их считали?), бесчисленные строители разных специальностей, которых надо накормить, уложить спать, дать передохнуть и заставить работать, дослеживая, чтобы уклон как был, так и оставался бы те самые шесть градусов на всю высоту – как тут за всем уследить и умом охватить? И строит-то крестьянин, ни Альберти, ни Скамоцци не читывал и не видывал.

Высота гульбища, то есть приподнятость всего здания, создают ещё один эффект, который не должен ускользнуть от внимания – эффект ширмы или стены, усиленный более поздними постройками. Успенский собор благодаря низким, а местами отсутствующим валам почти закрывает и скрывает всю более раннюю начинку Архиерейского дома, и гражданские строения, и церкви XVI и начала XVII века. Образ Кремля, формирующийся на входе и укрепляющийся при последнем прощальном взгляде, состоит из Великокуба, заурядной колокольни в духе И.Ф. Мичурина и Д.В. Ухтомского, а также жёлтого западного фасада, который напоминает фанерные ярмарочные балаганы конца XIX века в Нижнем – «шикарно, но прилично». Причём высота колокольни не пересиливает массивности стены, обойти собор нетрудно, но функции загородки он выполняет, замыкая собой собрание драгоценностей внутри. Эта приписываемая Якову Бухвостову прозорливость так же недоказуема, как и важна: что спорить, хотел или не хотел, получилось – так. Три света по горизонтали, три прясла по вертикали – ритмы тоже превращают вытянутое в высоту здание в растянутое и по ширине сооружение, гульбище расширяет, высота устройняет.

Уж наверное, Яков Бухвостов не хуже нашего знал про закомары, бочки, бегунцы, про купола, повторяющие округлости каменных покрытий под ними, и прочие стилистические особенности древней архитектуры. А всё же ничего такого делать не стал, но храм не выбивается из ряда старых церквей! Примитивный кубический геометризм (или наоборот), некстати приводящий на память конструктивизм, авангардизм и торжество негнущихся линий в постройках инженеров, позабывших позвать архитектора – возмущает разум, закипающий в попытке понять, откуда взялась в этой церкви стилистика, она ведь есть!

Простая наблюдательность не открывает секрета. Западный фасад без лазерной рулетки не измеришь, но и так видно: почти ровный квадрат. Про визуальные искажения, перспективы, парфеноны и наклоны уже младенцы впитывают с молоком матери, дальше меньше, ближе больше, чтобы стоять ровно, надо научиться вечно падать ещё при строительстве. Хитрость не ах какая, но работает который век: окна третьего света самые низкие, а количество висящих над ними сталагмитов, оканчивающихся крестиками на кирпиче, разное между полуколоннами, по краям по восемнадцать штук, а в серединке – девятнадцать. Неважно, что там исказилось, толщина крестиков, прогалы между ними или наклонность полуколонн – с боков меньше, посередине больше, и вертикальность правой и левой граней всей фасадной стены не вызывает сомнений. Бросим взгляд за угол, чтобы убедиться, что и там стена стоит вертикально. Но нет. Вертикальность вертикальности рознь. Тут, чтобы стена стояла ровно, надо её погнуть, она и загнулась внутрь разными способами, то карниз отступил внутрь, то столбик, то кирпичик,

глядишь, стена ушла где на локоть, а где и на два. Вот где проявился зодческий шик, удаль Я. Бухвостова.

Кирпичная стена такой высоты сама собой стоять не будет, если её не делать толщиной, сопоставимой с высотой, целиковой, не полой. То есть в данном случае метров тридцать-то, да будет, да ещё купола сверху давят. Кирпич на известковом растворе – не напряжённый железобетон, один к четырём, ну хотя бы к пяти, толщину надо дать. Выходит, стена в пять–семь метров толщиной? Это где ж такое видано? А окна? Трубочками в точку должны светить раз в день? Чушь какая-то. Подпереть снаружи, как во всём свете делают? Контрфорсами с ухищрениями? Рёбра жёсткости, конечно, добавляют, но когда торчат наружу – красоту убавляют, как ни хитри, даже аркбутаны. И изнутри не поставишь – места жалко. А вот наклонить можно, если есть на что опереть. Отсюда в соборе чудовищной толщины столпы – на них через потолок опираются, даже висят на них стены. Трудно судить о новизне решения, но получилось убедительно, а главное – просто. И сила, и красота собора снаружи видна и ясна только тому, кто даст себе труд поразмыслить: а как, собственно, это здание вообще стоит? И не опасно ли по этому гульбищу ходить – вдруг именно ты окажешься той соломинкой, которая наконец переломила хребет верблюду, и вся махина осыпется горкой вниз, погребая под собою всё и всех?

Изощрённость и ухищрённость имеют что-то общее, что-то связанное с хитростью, и сами по себе знака не имеют, ни хорошо, ни плохо, но вот в формообразовании если хитрость не соединяется с простотой, добра не жди. Озарительное решение, сошедшее

2
3
4
5
6

с небес, с воздетыми руками, с интонациями «Ай да Пушкин! Ай да...!» всегда где-то в основе имеет простой смысл, даже пользу, легко и всеми улавливаемую; и наоборот, когда витиеватость и сильная красивость позабывает о простых и внятных смыслах, вся изобретательность становится унылой, эпигонской и неуместной, даже когда безмерная одарённость автора прямо брыжжет со стен, золотыми потоками обрушиваясь на прохожего, ближайший пример – жёлтый дом к северу от Успенского собора. Никто в XIX веке не сказал передельщикам собора: «Аркадий, не говори красиво», а они так хотели, чтобы было красиво... И обязательно, чтобы ещё была лепота. И получилось то, что получилось, диво дивное, один раз увидишь – придётся лечится от нервного расстройства и пупырьев на коже. А ведь хотели как лучше, по мере разумения. В том-то и дело, что с разумением вышла незадача – эта неуловимая субстанция легко в руки не даётся, и от хитроумия бежит первой.

Христорождественский собор – кафедральный. В нём кафедра Архиерея. И никого не беспокоит, что он на редкость зрительно обиден. Иногда во избежание нареканий невнятную и бесстильную коллекцию неталантливостей нарекают эклектизмом, и этот клёкот прекрасно выполняет задачу – лезущая в глаза нищета духа покорно укладывается в научно обозначенную классификацию, якобы законно занимая своё место. Синее и красное, плохое и хорошее меняются местами, и дурное приобретает право на жизнь вместо того, чтобы быть исправлено на хорошее. Это вообще центральная непонятность реставрационного дела.

Чтобы объяснить эту непонятность, надо изобрести новое слово, амальгаму, соединяющую «Что?» и «Как?» следует спасти. «Качто, Чтак?» На какое время? Древность почтенна, но ветха, порой это просто воспоминание, рисунок на иконе или фреске. То, что есть – отражает ум, чувство и талант пополам с благосостоянием недавних поновителей, набравшихся отчаянной смелости поправить не только предков, но само время, именно так распорядившееся с памятником. Старое ухватить не за что, а новое – отражает уровень эпохи и само является памятником (как правило, памятником недостаточной компетентности). Сторонники сбережения последнего и предпоследнего, потому что нет следов первого, тихо соглашаются с корневым родством слов Древнее–Дряхлое–Дрянное–Dreck. Вот что есть – за то и надо держаться. Редко-редко у кого хватает отваги не только задать себе вопрос, но и ответить: «Кто талантливее – тот, кто изгото-

На с. 278–279 ↓. Надпись на фронтоне (фото 1914 г.): «Дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней». Стилистика семантики имманентно конгруэнтна более позднему

вил каменный топор, или тот, кто сочинил карьерный экскаватор? Тот, кто написал Элеусу, или Чёрный квадрат?» Ответ на первый взгляд прост: спасай всё, в чём есть след таланта. Вот тут-то беда и притаилась. Их как было мало, так и осталось. Чтобы усмотреть талант, надо иметь талант, желательно не равный тому, про который принимается решение, а ещё и огромнее. И чтобы реставратор, получивший пять камушков, мог сначала вообразить, а потом доказать, а потом и в натуре показать, что стена могла быть такой и только такой, и логику стены восстановить, оказывается, можно, понять по пяти камням и, проявив деликатное упорство, проникнуть в голову тех, кто строил пятьсот лет назад, понять и логику, и людей, смириться с тем, что и они могли где-то схалтурить, потому что следили за главным – но для этого надо понять, в чём оно, главное. Поэтому реставратор – это дважды художник: за себя и за того парня, с ответственностью на века – как ты понял, таким тот парень и предстанет перед потомками, они же не очень обязаны поголовно разбираться в Венецианской хартии.

Так и никаких талантов не напасёшься. Вот за неимением гербовой – пишем на той, что придётся, причём особенно успешно – последние три века, XVIII, XIX и XX.

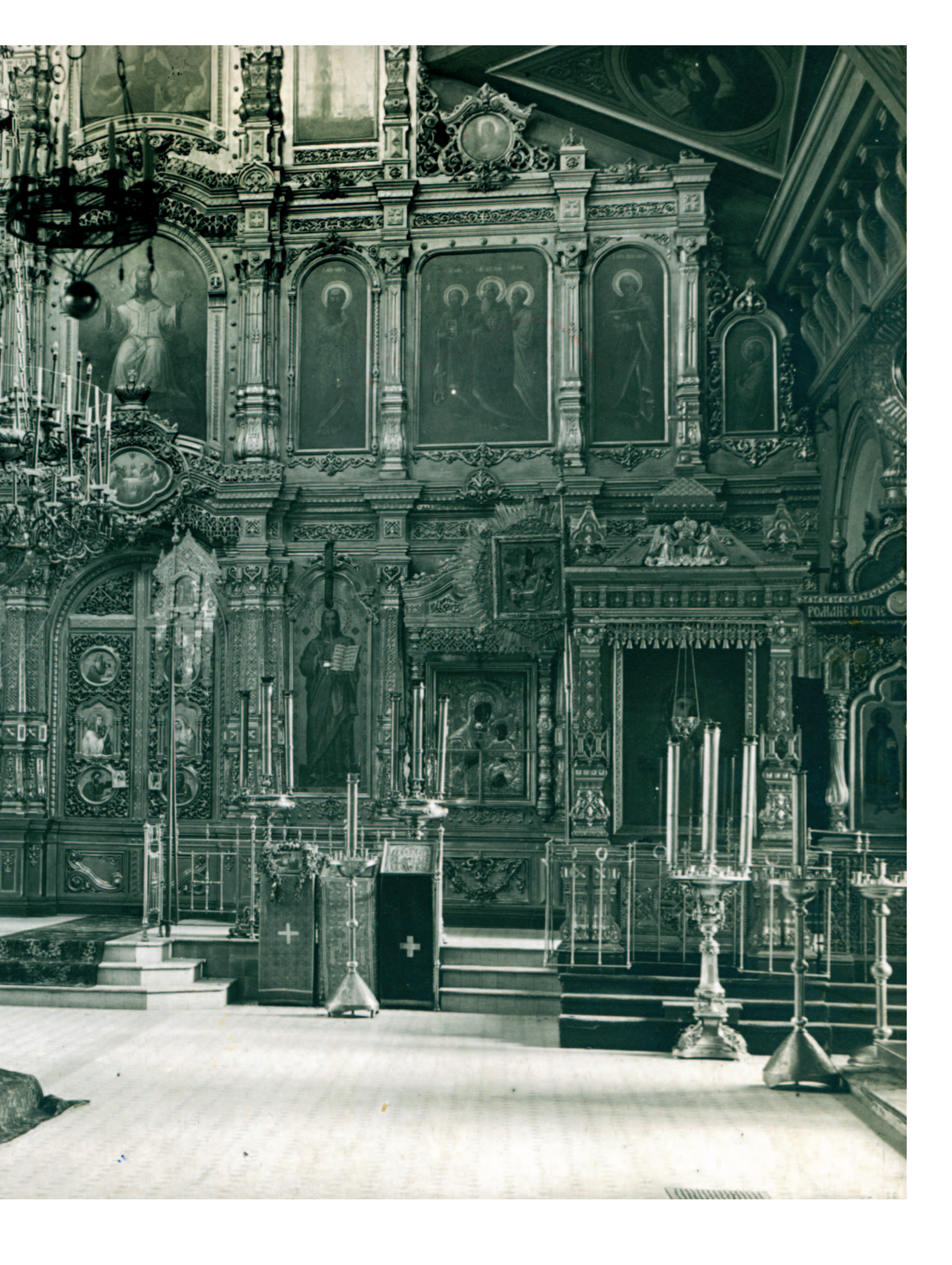
Публика с глазами идёт в Христорождественский собор и посредством посредственности становится посредственностью; человек не может ничего испытать и пережить, увидев собор, он может только заставить себя смириться с разочарованием – ну что ж, какой есть, такой есть, и это те, которые увидят, а ведь гораздо больше тех, которые ничего в голове не отметят, а импринтинг состоится, образ отпечатлеется и раз за разом будет ломать психику и логику. Симметричный ритм, часто после XVII века восторгающий наблюдателей, свидетельствует только о виртуозном владении линейкой с одинаковыми делениями. Сам по себе ритм не хорош и не плох, в нём ещё нет эстетики. Расчёска красива лишь тогда, когда она – гребень, когда есть что-то ещё, кроме ровных или неровных зубьев. Для чего стоят колонны в портале Христорождественского собора? Какое пространство они создают или ограждают, что поддерживают, для какой нужды трехчастный фронтон с чертежом вертикального разреза куполов взгромоздился на эти подпорки? Как можно чудовищных размеров юрту с окнами наверху увенчать вишенкой на торте? Это не глава, не купол, не маковка, не луковица, не завершение даже, это – шишак, смешной и неуместный. Весь предмет, рождённый совместными усилиями архитекторов XVIII и XIX веков, прячет в себе собор XIV века.

«Народ и партия едины», или «Да здравствует нерушимое» что-нибудь,
что и подтверждено ликованием восторженной публики, собранной поблизости и поодаль.

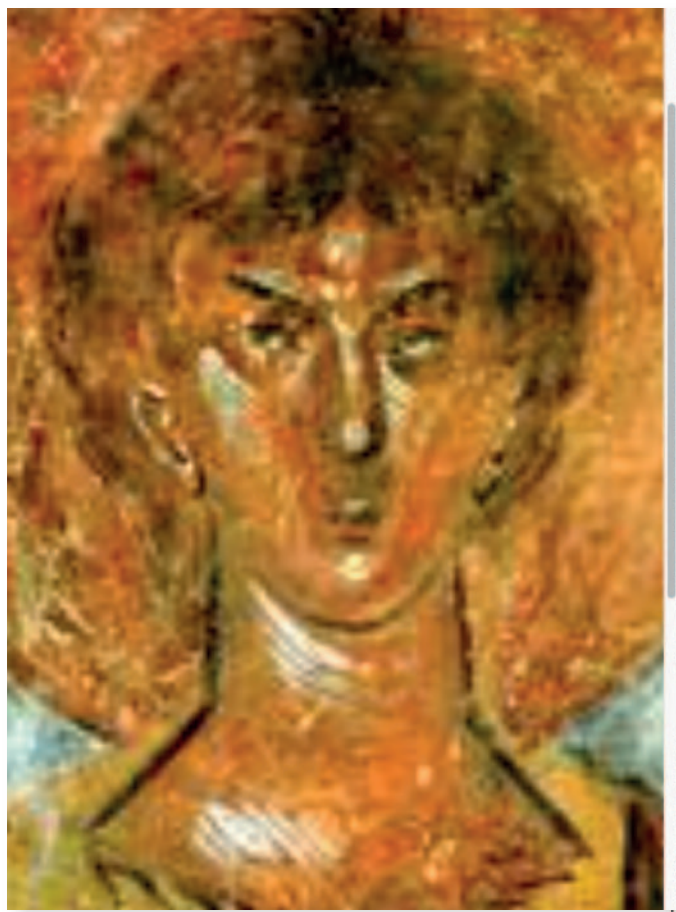

ДОМУ ТВОЕМУ ПОДОБАЕТЪ

ГДИ ВЪ ДОЛГОТУ ДНІЙ.

Алтарная преграда Христорождественского собора

XIV.

Самую малость позже Дмитрия Донского. В Америку ещё пока плавали только норманны, папа Колумба ещё не начал ухаживать за его мамой, а Успенский тогда собор уже стоял. Не очень давно обнаружили сохранившиеся каменные блоки в алтаре. Не за что хвататься, чтобы восстановить.

В барабане церкви Спаса на Ильине Феофан Грек написал образ Авеля. В барабане – значит ни для кого, кроме себя и редких рабочих, которые изнутри с лесов или снаружи с крыши увидят фреску раз в 50 или 150 лет. Поэтому Пантократора или Столпников ещё видели и помнят, а про Авеля и помина нет, его знают по плохим изображениям в книгах, только. А разница не пустячная. На фотографии начала XXI века изображён капризный бездельник со склонностью к полноте, на фото 30-х годов XX века – юноша, уже много тысяч лет спрашивающий: «За что?».

Это не разное качество фотографий, это разные люди и разворот всей истории. За убийство левого Каину не надо было бы раскаиваться, чуть ли не наоборот. А струна правого, тронутая вскоре после сотворения мира, звучит посейчас. Ровно то же получилось и в Успенском, ныне Христорождественском соборе. За шесть столетий из скорбного торжества успения не вышло Торжества Рождения, вышла... эклектика, только поименованная так.

РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ. ХРИСТОРОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОБОР.

ЮЖНЫЙ ФАСАД.

ВАРИАНТ 2

ой
"

ома)

ый цвет

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Все отметки даны в м.
2. Данный лист см. совместно с листами арх. №№21-Хр/
3. Крест, главу и подзор позолотить.
4. Данный лист выполнен на основании эскизного проекта алтаря (см. лист арх. № 21-Хр/45, 2002 г.)

МАСШТАБ 1 : 100

2 0 2 4 6 8 10 м

Министерство культуры Российской Федерации Государственное предприятие ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ЦНРПМ				Стадия	проектная
				Арх. №	21-ХР/
				Дата выпуска	08. 2008 г.
Нач.АПМ-1	Романов Н.С.			Заказчик: Министерство культуры РФ 1 - 08 - 21 - ХР	
Автор пр-та рест.					
ГАП	Одинец Е.Г.				
Соавтор	Меньшикова Г.Б.			Рязанский Кремль	
Выполнила	Меньшикова Г.Б.				
				Христорождественский собор	Масштаб 1 : 100 / Лист № / Листов
				Южный фасад. Проект покраски. Вариант 2.	АПМ-1

РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ. ХРИСТО

План.

СТРОИТЕЛЬНЫЕ ПЕРИОД

Е
Д
Г
В
Б
А
13,55м
5,39 м
1
2
3

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Данный чертеж см. совместно с картограммами расположения зондажей на фасадах (арх. №№ 21-Хр/   ).
2. В 2002 г. при производстве шурфов (№ 2 и № 3) в алтаре на глубине 1,38 м и 1,45 м от уровня пола были обнаружены засыпанные песком белокаменные апсиды (северная и южная). Апсиды относятся к самому раннему Успенскому собору кон.XIV-нач.XVв.в.
3. Шурфы №1, № 2 и № 3 см. лист арх. № 21-Хр/50
4. В помещениях притвора (оси “Б - Д”) внутренние поверхности стен зондажами не обследовались.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ:

- реконструкция утраченных фрагментов

- срубленная поверхность кладки 1598-1606 г.г.

ОСНОВНЫЕ СТРО

- кон.Х

-1598-1

-1753-1

-1781 г.

-1826 г.

-1873 г.

- 1895-

…ОРОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОБОР

…ы

…ОИТЕЛЬНЫЕ ПЕРИОДЫ:

…IV в.-нач.XV в.

…606 г.г.

…778 г.г.

…

…

…

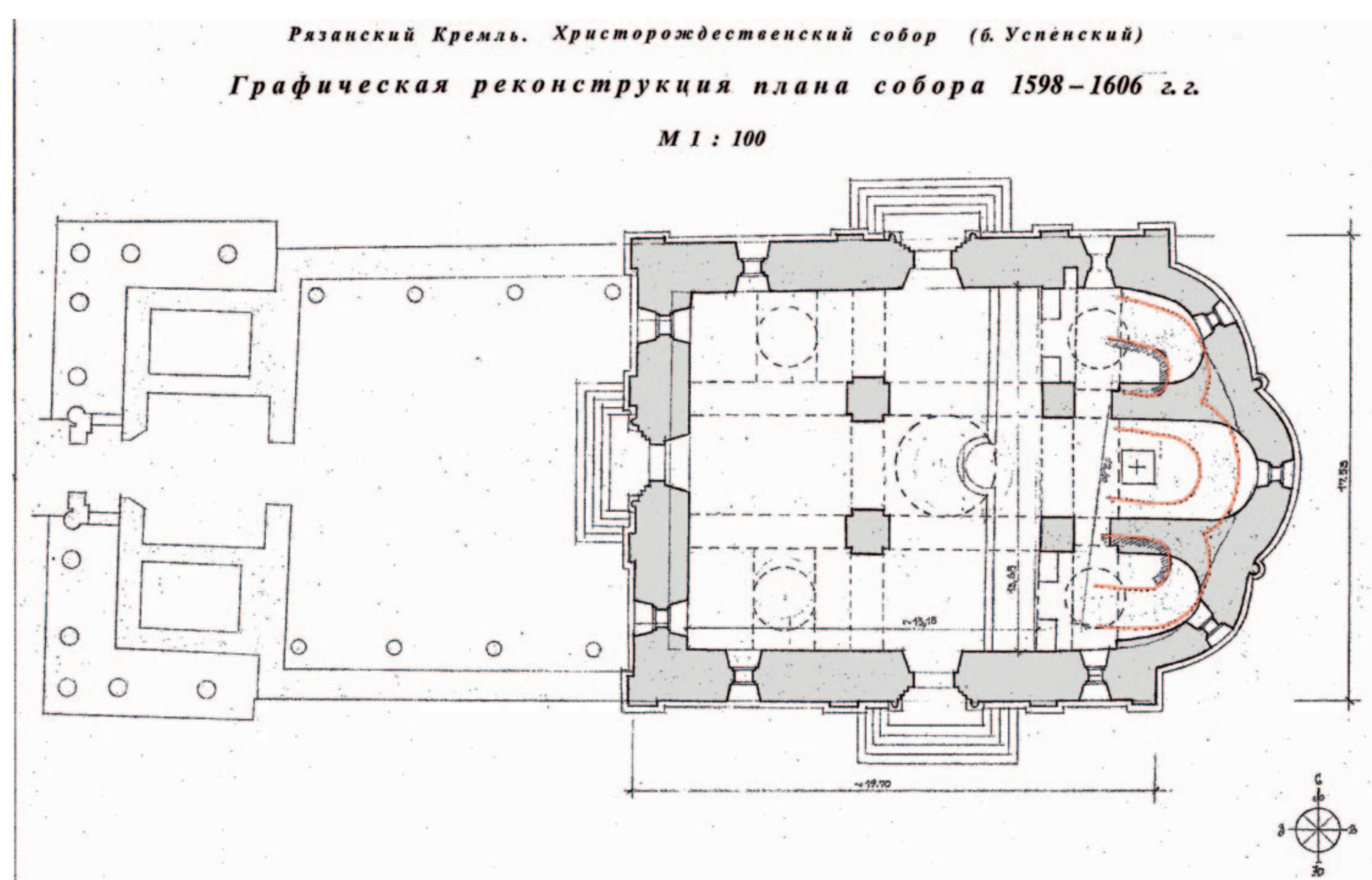
…1913 г.г.

МАСШТАБ 1 : 100

1 0 1 2 3 4 5 м

Государственное унитарное предприятие культуры ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦНРПМ)		Стадия	исследования и изыскания
		Шифр Арх. №	21-ХР/
		Дата выпуска	08. 2009 г.
Нач.АПМ-1	Романов Н.С.	Заказчик: Министерство культуры РФ 1 - 09 - 21 - ХР	
Рук.авт.колл-ва,			
ГАП	Одинец Е.Г.		
Соавтор	Меньшикова Г.Б.	**Рязанский Кремль**	Марка листа
Выполнила	Меньшикова Г.Б.		
		Христорождественский собор	Масштаб 1 : 50 / Лист № / Листов
Проверил	Одинец Е.Г.		
СОГЛАСОВАНО:		План Строительные периоды.	АПМ-1

И всё же, несмотря ни на что, получается только по входной молитве: «Молитвами святых отец...» Полтысячелетия люди старались, бились, разбирали, собирали, надкладывали и подстраивали, и тоже думали, что вот они-то именно правильно и понимают, что к чему, что только в их головах собралась вся истина. Святость – не святость, но, как умели, люди старались, помогали, украшали, не для выпячивания себя (хотя и такое бывало), а для увеличения количества гуманности в мире, как бы она, гуманность ни именовалась, какие бы обличья ни принимала. Вот это и подлежит спасению, эта мотивация, это движение и старание ума, его надо беречь как зыбкую и хрупкую субстанцию. И в XVIII, XIX и XX веках жили не одни только двуногие недоразвитые крокодилы. Alltrotzdem создавалось то, из чего состоит всё.

Поэтому – Париж стоит мессы, и в эклектике стоит разобраться, хотя бы чтобы понять, неужели и тут проявился талант, где же он притаился. Кроме того, просто интересно, как можно Успенский собор превратить в эклектику, как это делается и из чего она состоит.

Лучше всех в этом разобралась архитектор-реставратор Е.Г. Одинец, Записка которой ниже и приведена.

О Христорождественском соборе

Христорождественский собор (б. Успенский) – старейший памятник архитектуры на территории Рязанского кремля.

Сооружение в Переяславле Рязанском (так называлась Рязань до 1778 года) первого белокаменного Успенского собора относится ко времени правления знаменитого Рязанского князя Олега, современника Дмитрия Донского. Сама идея постройки в городе, тогда уже являвшемся столицей Рязанского княжества, собора в честь Успения Богородицы возникла у Олега Рязанского и его сына Фёдора, женатого на дочери Дмитрия Донского Софье, возможно, вскоре после примирения Рязани с Москвой в 1386 году и в подражание Москве, в которой тогда уже существовал каменный Успенский собор.

Время построения Успенского собора в Рязанском кремле точно неизвестно. Но, очевидно, что к 1402 году, дате смерти князя Олега, собор еще не был окончательно построен, т.к. Олег был погребён в Солотчинском монастыре.

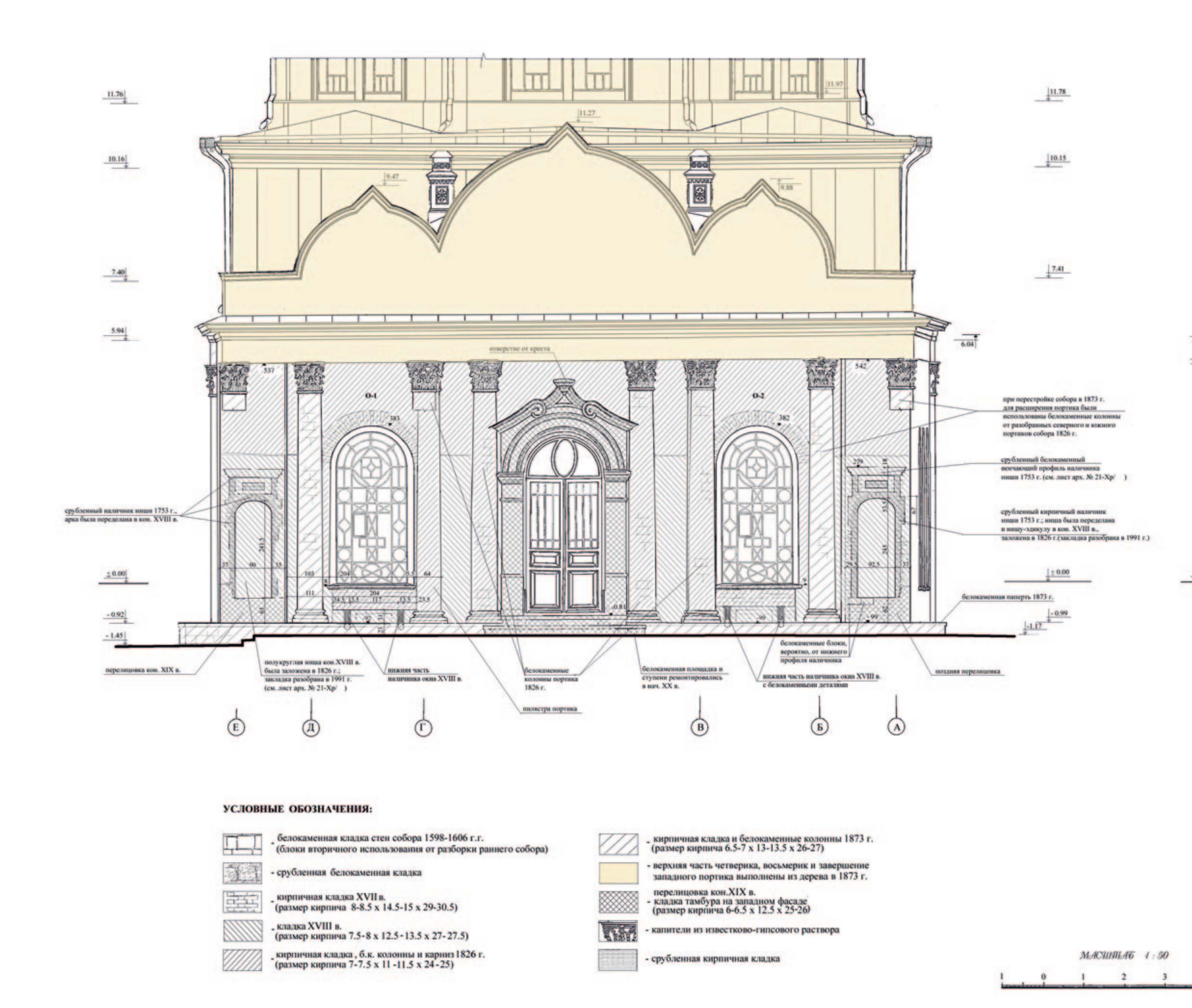
Графическая реконструкция собора 1598–1606 гг.

Белый камень, вырубленный и отёсанный в конце XIV века в апсидах второго собора

ЗАПАДНЫЙ ФАСАД.

КАРТОГРАММА ЗОНДАЖЕЙ

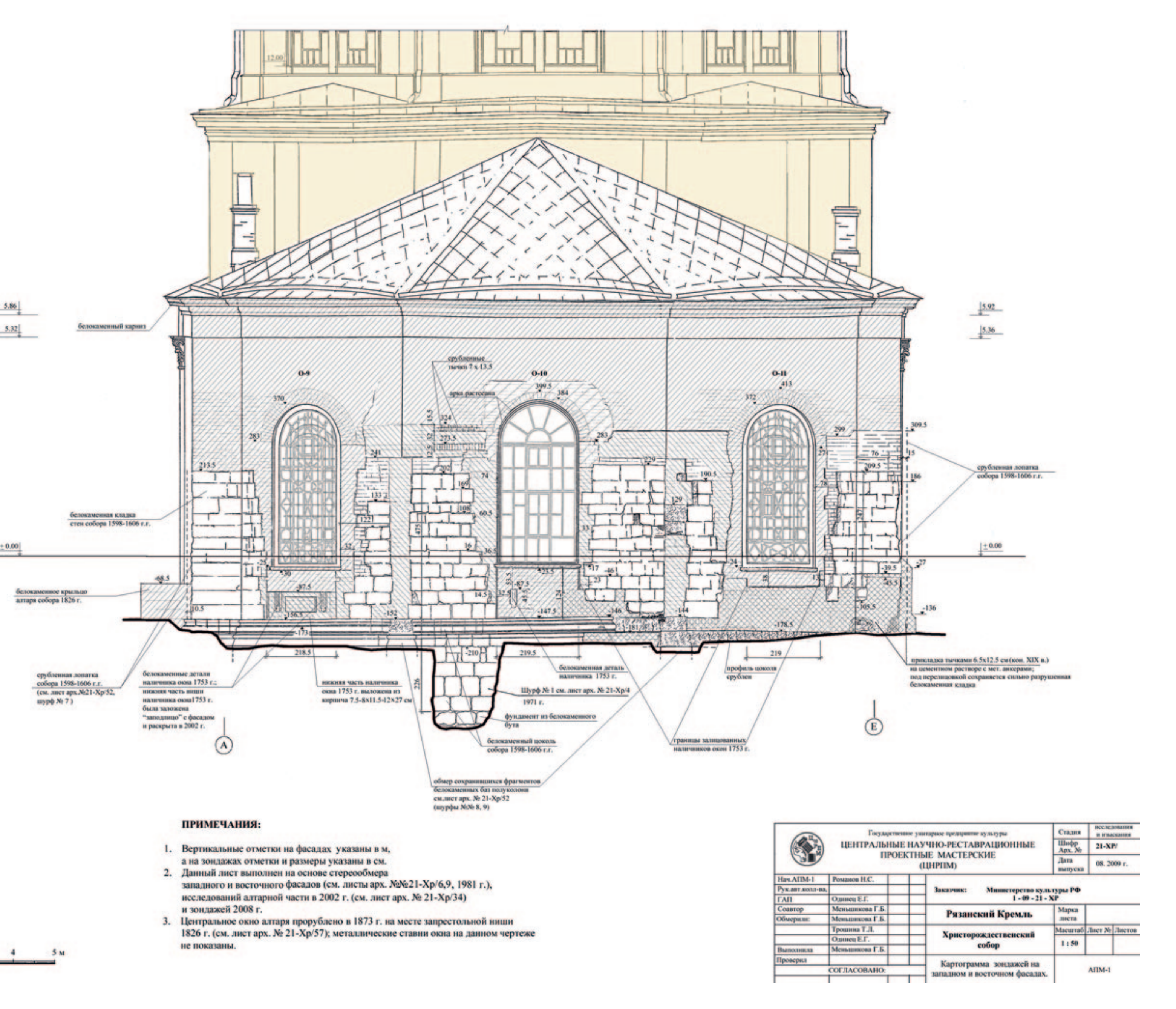
При сыне князя Олега Фёдоре, а также при епископе Рязанском и Муромском Сергии (Азакове), собор был достроен и освящён. Об этом свидетельствует и то, что помимо главного алтаря в нем был устроен придел в честь Фёдора Тирона, небесного покровителя великого князя Рязанского Фёдора Ольговича.

В 1427 году умирает сын князя Олега Федор и его хоронят в уже существующем новом соборе. Итак, самый конец XIV века и начало XV века – вот временные границы, когда строился собор.

Этот собор просуществовал до конца XVI века, продолжая служить усыпальницей Рязанских князей.

Кроме пяти великих князей, погребённых после князя Фёдора, в соборе покоятся три княжны: супруга Фёдора Ольговича, Софья Дмитриевна – дочь Дмитрия Донского, Анна Васильевна – дочь Василия Тёмного и Анны. Все эти женщины оставили заметный след в истории.

В 1564 г. Рязанский кремль становится резиденцией Рязанского архиепископа, и уже в конце XVI века была задумана перестройка Успенского собора, не устраивавшего церковные власти своими небольшими размерами.

Вернее, это была не перестройка. Древний небольшой белокаменный одноглавый собор разобрали и на его месте возвели новый более просторный пятиглавый.

Строительство было осуществлено в период с 1598 по 1606 годы, о чем известно из описи Григория Вельяминова, составленной в 1598 году, в которой сказано: «Перед Епископли вороты церковь Соборная во имя Успения Пресвятыя Богородицы каменная новая», сооружает её архиепископ Митрофан с приделом Фёдора Тирона.

В 1609 году в собор были перенесены мощи Святителя Василия из церкви Бориса и Глеба.

По описи 1638 года этот Успенский собор представляется в следующем виде: «Церковь Успения Пречистыя Богородицы каменна, о пяти верхах, крыта немецким железом; кровля ветха; кресты обложены белым немецким железом; над дверьми в сводах образа с переди и с полудни и с севера писаны стенным письмом, над ними киоты крыты немецким железом. Перед троими дверьми три рундука о пяти ступенях без папертей, церковные трои двери железныя. Придел Фёдора Тирона. У правого столпа место Архиепископле каменное; за столпом пять гробниц каменных, почивают Великие Князья Рязанские… по стороне северных дверей гробница каменна, а в ней почивает епископ Василий… на левом клиросе столп же каменный, да за столпом три гробницы Великих Княгинь».

В Сборнике сведений о Рязанской епархии, составленном в 1863 году архимандритом Макарием, есть данные о дальнейших переделках и перестройках собора:

«В 1651 г. Успенская Соборная церковь крыта Московскими плотниками, опаиваны кресты красною медью и позолочены. При Преосвященном Иларионе в 1668 г. замечено, что в Соборной церкви длиннику и поперечнику по шести саженей. Прошло 70 лет со времени построения Успенскаго Собора, построеннаго Преосвященным Митрофаном и Феодотом, и в нем оказались ветхости. Митрополит Иосиф в 1677 г. доносил Царю Алексею Михайловичу не только о ветхостях, но и малопоместительности его: «Соборная церковь обветшала и мала, от городовой стены к Трубежу в трех саженях. В ней лежат мощи перваго Рязанскаго Епископа Василия и восемь гробниц Княжеских. А между столпами и гробницами проходу только в аршин, а в дому Пречистыя Богородицы деньгами скудно». Прося Царя о построении новой Соборной церкви, Митрополит писал: «чтобы повелено было старой Соборной снять половину, и над гробницами Княжескими свесть своды и построить теплую церковь». Из записей 1683 и 1692 годов видно, что в Соборной церкви производились поделки, были укрепляемы стены со стороны р. Трубежа, берега коего подмывала вода, и подводились быки к притвору от Трубежа. В 1692 г., по указу Преосвященного Митрополита Авраамия, на старой Соборной церкви, сверх прежних сводов, стены подняты и построена глава на церкви. В смете, учинённой в 1727 году при Преосвященном Гаврииле сказано: «на старом Успенском Соборе на кровлю тёсу 700, гвоздей однотёсных 1400, двоетёсных 2800». В 1753 г. Преосвященный Димитрий Сеченов каменные столбы разобрал, окна прибавил, на место каменных Княжеских гробниц поставил деревянные, сделал трапезу с накатным потолком и переименовал его во имя Рождества Христова».

В Москве Борис Годунов раздаёт зерно голодающим,
а здесь пару лет назад положили именно эти камни в основание апсид нового собора

Собор был переименован по причине того, что рядом с ним уже стоял новый Успенский собор, построенный знаменитым зодчим Яковом Бухвостовым в 1693–1699 годах.

В ведомости о ветхостях Соборных церквей, составленной около 1756 года при Преосвященном Димитрии, есть запись о Рождественском соборе следующего содержания:

«При оной же Соборной Рождественской церкви, в каменном здании ветхостей в алтаре, в сводах, в двух странах и в трёх окнах, да в горнем месте седины [трещины], во алтаре и в церкви в полу лещадь ветха, также три рундука каменные ветхи, и кругом оной церкви разселины и водомоины, во многих местах надлежит, пробрав, заделать, вновь подмазать и облить. В иной же Соборной церкви в алтаре и трапезе в одиннадцати окнах оконницы ветхи, вместо которых надлежит вновь сделать мерою каждая в вышину по два аршина с четвертью, в ширину по полтора аршина. На оной же Соборной Рождественской церкви в трапезе и алтаре древянная кровля ветха, надлежит вновь накрыть». Для исправления прописанных ветхостей исчислено 874 руб. 58 коп. Нет сомнения, что при Преосвященном Палладии, бывшем на Епархии 20 лет, означенные ветхости Собора исправлены. При нем же в настоящем храме обрушились своды, и деревянные гробницы Княжеския разрушены; оне более уже не возобновлялись. Но Собор по падении весь возобновлён при Преосвященном Паладии, как сказано в донесении Кафедральнаго Протоиерея с братиею, поданном Преосвященному Симону 31 июня, 1778 года, вскоре по прибытии его на Епархию. По случаю перестройки покоев Архиерейских, Преосвященный Симон в 1780 году вознамерился состоящую в Архиерейском доме церковь Предтечи и Крестителя Иоанна перенесть в теплую Рождества Господа Соборную церковь. По сему, согласно составленному г. Архитектором Волковым плану и фасаду, он устроил в 1781 г. в трапезе приделы: один во имя Рождества Предтечи, а другой во Всех Святых, пристроил палатки для сторожей. Из предложения Преосвященнаго Консистории ноября 3 дня, 1781 г. с распоряжением о надзоре за целостностью Рождественскаго Собора, видно, что возобновление его приводилось к окончанию, украшение его было отлично, стены его были расписаны малеванными картинами, устроен вызолоченный иконостас; он существует доселе».

Через пятьдесят лет Рождественский собор опять обветшал внутри и снаружи. И это стало поводом для очередной его переделки.

Как писал Преосвященный Филарет (Амфитеатров) в распоряжении о возобновлении собора от 30 декабря 1825 года «Всякому из благочестивых граждан известно, что тёплый Рождественский Собор, по внутреннему и внешнему устроению, приходит уже в ветхость, стенное писание все облиняло, крыша и потолки становятся ветхи, сам же по себе он очень низок, тёмен и стеснён приделами; от чего в торжественные дни иные из граждан, по причине тесноты, не бывают впущаемы в настоящий Собор, а другие, стоя за приделами, не могут слышать отправляемаго Богослужения». Преосвященный Филарет, Епископ Рязанский, и Ст. Совет. Гавриил Васильевич Рюмин, желая, чтобы каждый сын Церкви мог видеть и слышать Священнослужение, положили, с Божьяго благословения, возобновить оный Собор на сумму, от доброхотных дателей собираемую, для удобнейшаго помещения народа, и лучшим и полезными находили вынуть приделы, возвысить стены, поднять пол, распространить окна и дать храму сему вид, соответствующий наименованию Собора». Согласно с сим предположением составлен план Архитектором Стефенгагеном.

Итак, в 1826 году архитектор Стефенгаген кардинально переделывает собор в модном тогда стиле ампир. Стены были подняты надстройкой на два с половиной аршина. Тяжёлое каменное пятиглавие было разобрано и заменено на деревянный глухой барабан с куполом в виде ротонды. Расширена на запад трапезная.

У входов появились портики с колоннами. При растёске окон уничтожены наличники 1753 года, в результате чего окна получили полуциркульные завершения. В интерьере храма были разобраны два придела, затесняющие его. По причине возвышения стен верхняя часть иконостаса была прибавлена.

Как выглядел Христорождественский собор 1826 года, можно увидеть на архивных фотографиях.

В архиве РГИА г. С.-Петербурга найдены чертежи северного фасада, плана и разрезов Христорождественского собора архитектора Стефенгагена, составленные архитектурным помощником И. Стопычевым по натурному состоянию собора в 1873 году.

Архитектура Христорождественского собора времени 1826 года дошла к 1863 году без изменений. У архимандрита Макария в его описаниях собора сказано, «Рождественский собор остаётся в том же виде, как он возобновлён в 1826 году». На странице 119 этого же источника производятся данные о размерах собора и его внешнем виде:

«В длину от западных дверей до восточной стены алтаря 51½ аршин, ширина храма 21 арш., а алтарь в ширину имеет от 18 до 20 арш., так как восточная стена кругловидная; в высоту 10 арш. 12 вершк., потолок поддерживается 12 колоннами, стены храма толщиною три аршина. Вверху храма кумпол деревянный, обитый железом, и одна глава, обитая также железом. В храме три входа с рундуками или крыльцами. С западной стороны пристроены две комнаты для сторожей и поклажи.»

Алтарь собора.
Фото А.И. Петухова,
1985 г.
(из архива И.В. Ильенко)

Относительно интерьера собора сказано, что «только в 1840 году устроены железные решётки около солеи, а в 1860 году возобновлена живопись и Царские врата».

По прошествии почти пятидесяти лет интерьер собора перестал удовлетворять амбиции рязанских Архиереев. Будучи кафедральным, собор имел иконостас меньших размеров, по сравнению с рядом стоящим Новым Успенским собором.Четверик собора был низок и недостаточно освещён, деревянная глухая ротонда сильно обветшала.Эти обстоятельства и послужили к началу последней крупной перестройки Христорождественского собора.

В 1873 году был разработан проект на замену деревянной глухой ротонды на новый восьмигранный также деревянный купол с восьмигранным деревянным барабаном, прорезанным шестнадцатью окнами. Проект принадлежит архитектору Звенову. Чертежи проекта выполнены архитектурным помощником И. Стопычевым.

Проект подвергся резкой критике со стороны Технического Строительного Комитета Министерства внутренних дел. Комитет не возражал относительно замены старого купола на новый. Однако, что касается самого проекта, то Комитет нашёл его составленным неустойчиво, а потому на особом чертеже назначил другую конструкцию купола.

Деятельное участие в пересмотре Комитетом своего решения относительно конструкции купола принял известный художник, академик живописи, выпускник Академии Художеств С.-Петербурга Николай Васильевич Шумов. Шумов, бывший родом из-под Рязани и проживший в ней более сорока лет, успешно работал для Русской Православной Церкви как в Рязани, так и в других городах России.

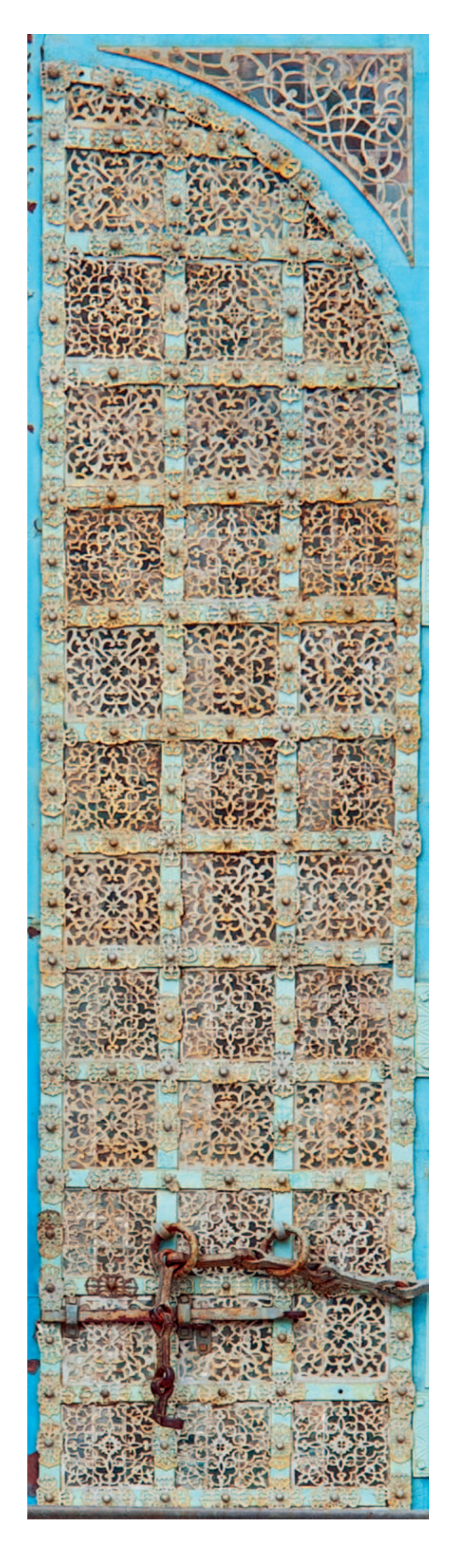
В Рязани Н.В. Шумов имел художественно-живописную мастерскую по изготовлению иконостасов и церковной утвари. И естественно, что проект нового иконостаса для Христорождественского собора был заказан именно ему. В связи с этим Шумов активно сотрудничал с архитекторами в выработке плана переделки собора, собственноручно выполнил проект нового иконостаса.

Когда проект переустройства купола подвергся жёсткой критике, Николай Васильевич Шумов поехал в С.-Петербург, использовал свои старые связи в правительственных кругах и сумел доказать специалистам полную осуществимость проекта, добился его одобрения и строительства.

По проекту 1873 года, кроме переделки завершения собора, были разобраны портики над южным и северным порталами. Разобранные колонны боковых портиков использовали для расширения западного портика, который увенчали новым деревянным фронтоном, в виде трех плоских кокошников. На северном и южном фасадах трапезной, ближе к четверику заложили по одному окну1826 года. Заложили боковые ниши, имитирующие окна с северной и южной сторон алтаря.

С постройкой нового купола в тяжёлых псевдо-византийских формах; западным портиком с коринфской колоннадой, увенчанной деревянным фронтоном в виде трёх кокошников; фасадами, сохранившими черты архитектуры ампира 1826 года, собор приобрёл вид эклектичного сооружения и некоего провинциального архитектурного курьёза.

Священник Иоанн Добролюбов, составитель «Историко-статистического описания церквей и монастырей Ря-

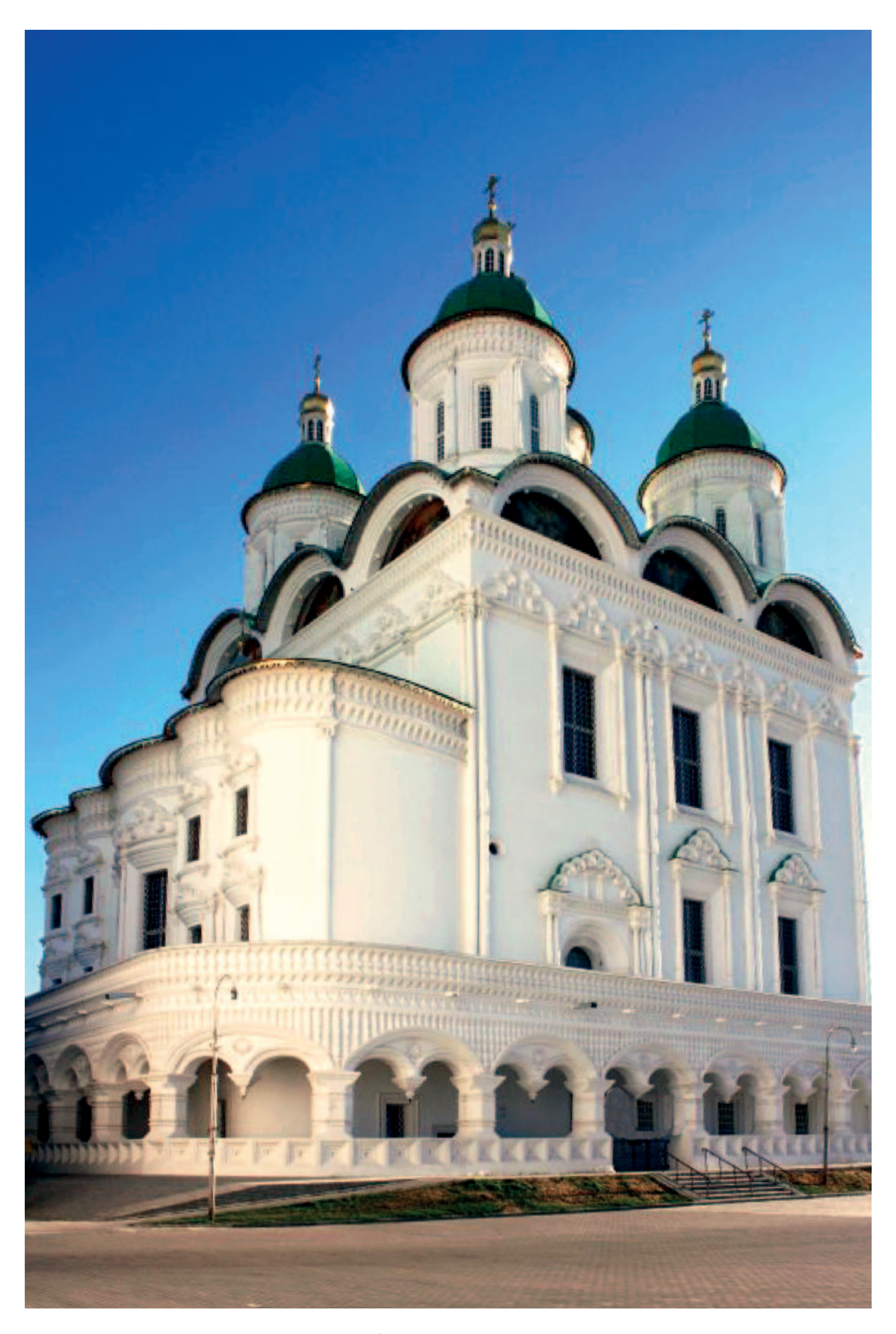
В(с)ход

занской епархии» за 1884 год характеризовал собор таким образом: «Многократно перестраиваемый собор этот совершенно утратил характер древности».

Представление об отделке интерьера собора могут дать обнаруженные в рязанском Архиве ГАРО чертежи, выполненные архитектором Звеновым в 1873–1874 гг. В отделке поверхностей стен широко использовался искусственный мрамор разного цвета. Например, колонны трапезной были зеленоватого цвета с позолоченными капителями. Панели стен более тёплого розоватого цвета. Карнизы и оконные проёмы богато декорированы сложной профилированной лепниной.Откосы окон, поверхности стен трапезной, четверика и восьмерика покрыты орнаментальной масляной росписью с тематической живописью в медальонах и отдельных композициях.

Потолок купола представлял из себя «звёздное небо».

Кроме иконостаса, Н.В. Шумовым были написаны основные живописные композиции собора.

К наиболее удачной художественной работе Шумова относится запрестольная икона воскресшего Господа, нарисованная на стекле, подсвеченная электрическим светом и производящая на молящихся неотразимое, чарующее впечатление.

Из Описи собора «по обновлении его в течение 1873–1874 годов» известно, что: «…в алтаре одна дверь, три окна и одна печь.» И далее: «…в окне, на Горнем месте, цельное, толстое матовое, весом 12 пудов, стекло, в золочёной раме, с изображением во весь рост Господа нашего Иисуса Христа, благославляющего десницею и шуйцею».

На архивных чертежах на месте центрального окна находилась большая запрестольная ниша. Очевидно, её превратили в окно, когда Н.В Шумовым была задумана установка в этом месте иконы на стекле.

В Описи 1873–1874 гг. имеются также сведения о наружном и внутреннем виде собора: «Рязанский кафедральный Христорождественский собор есть каменное здание, имеющее форму продолговатаго прямоугольнаго четыреугольника, с деревянным изнутри и снаружи оштукатуренным кумполом – снизу четырёхгранным, а кверху осьмигранным, с алтарём, имеющим форму трёх соединённых между собой полуовалов, двумя при западных дверях его комнатами, разделёнными одна от другой коридором, и портиком при тех же дверях с 12 колоннами: 8-ю на запад, 4-мя на север и 4-мя на юг. Собор снаружи имеет высоты 16 саж. 2 арш., длины 18 саж. и ширины 8 саж. 1 арш., внутри же высота его 2 саж. 1 арш., длина 12 саж 2 арш. и ширина 6 саж. 1½ аршина, Высота алтаря снаружи 5 саж. 2 арш., ширина 7 саж. И глубина 3 саж. 2 арш.; совнутри высота 3 саж. 1 арш. Ширина 6 саж. И глубина 3 саж. Пристроенныя к собору комнаты с корридором имеют снаружи высоты 3 саж. ½ арш., ширины 6 саж. 2 арш. и глубины 2 саж. 1 арш. Храм разделяется аркою на два отделения – первое составляет храм главный, а второе трапезный, в первом по стенам северной и южной протянуты карнизы, а в последнем потолок поддерживается 8 колоннами – 4-мя с северной стороны и 4-мя с южной. Во всём храме 20 окон и 3 дверей 6 западныя, северныя и южныя. Печей – 2».

Изменения в архитектуре Христорождественского собора происходили и в последующие годы, но уже не столь значительные, как перестройка 1873–1874 гг.

В 1895 году к празднованию 800-летия основания Рязани в соборе были расширены окна в первом ярусе.

В 1910 году была составлена страховая оценка Рождественского собора.

О наружных стенах сказано, что они оштукатурены и окрашены масляной краской; крыша окрашена зелёной масляной краской [медянка].

Об окнах церкви (без алтаря и купола) сказано: «…всех окон церкви со сторожкою 12-ть, высот. по 5 ар; шир. по 3 арш; в 4-х из них оконныя рамы 8 железныя». Из этой цитаты делается ясным, что северный и южный порталы ещё не были превращены в окна, иначе окон было бы не 12, а 14 штук. Далее говорится, что только 4 окна имели железные рамы. Ими могли быть только окна четверика, по одному окну с каждой стороны порталов. Очевидно старые деревянные рамы собора пришли в негодность и их заменяли на железные двойные постепенно.

На фото 1910 года, выполненном С.М. Прокудиным-Горским, видно, что наружный декор собора имеет коричневато-бордовую раскраску. На западном фронтоне в кокошниках изображения святых, написанных маслом.

Эта раскраска фасадов также может быть отнесена нами ко времени празднования 800-летия основания Рязани в 1895 году. Рязанская епархия прибегала не раз стремилась придать Христорождественскому собору «благолепный вид» к особо торжественным датам . Так, например, к празднованию 300-летия Дома Романовых и к посещению Рязани Николаем II, кокошники западного фронтона были сплошь покрыты декоративной и тематической живописью, выполненной на холстах, прикреплённых гвоздями к фронтону. Во всю ширину портика появилась надпись назидательного содержания. Портал главного входа также был украшен масляной росписью.

У окон притвора по бокам портала кресты в рисунке металлических рам имели цветное остекление.

В 1913 году на полы собора была положена новая керамическая плитка. Тогда же у северного и южного порталов заложили нижние части, превратив их в окна.

В 1929 году Христорождественский собор был передан окружному архиву и обращён в архивохранилище документов по истории Рязанского края, вследствие чего регулярные Богослужения в нем были прекращены.

Архив (ГАРО) находился в помещениях собора чуть более 70 лет. Все эти годы собор не отапливался, кроме алтаря, где находилась дирекция. Отопление алтаря было печное.

В 1977 году проводились косметические реставрационные работы под руководством архитектора Ирины Валентиновны Ильенко (ЦНРПМ). На западном фронтоне под штукатуркой были найдены остатки росписей на холсте, относящихся к 1913 г.

В апреле 2002 года Христорождественский собор был освобождён от архива и передан в совместное использование Рязанскому историко-архитектурному музею-заповеднику и Рязанскому епархиальному Управлению, возглавляемому Митрополитом Рязанским и Касимовским Симоном.

В июле 2002 года Патриарх Русской Православной Церкви Алексий II освятил собор и провёл Торжественное Богослужение. Тогда же Христорождественскому собору был возвращён статус кафедрального собора г. Рязани.

В 2006 году Христорождественский собор был окончательно передан Русской Православной Церкви.

Е.Г. Одинец

Контрфорс

В вертикальной стенке раскопа проросли семена трав;
это сегодня ветром надуло – или семенам несколько сотен лет?

Плоская, или, лучше сказать, скатная крыша очень мало служит к украшению Успенского собора. Конечно, при высоте в 13 саженей со ступеней, ведущих на гульбище, никакую крышу на верхотуре не различишь, но, говорят, собор в ясную погоду виден за полтора десятка километров, и уже при взгляде от колокольни крыша участвует в формировании образа, и что-нибудь округло-закомарно-кокошниковое, вторящее каплям глав выше, просится, как что-то уместное, само собой разумеющееся, естественно вырастающее над городками под карнизом, должно что-то быть ещё, это же не кубик, в самом деле.

Так было. Да не стало. В последнем году XVIII века опять решалась судьба собора – спасти или разобрать на кирпич. Кирпич-то годен. А собор – ещё неизвестно. В те поры катастрофы ощущались буднично, без трагедии, скорее привычно: несколько десятилетий спустя в Ростове Великом не собрали достаточно денег, а то бы и тамошний Архиерейский дом разобрали «по кирпичику». Смели же стены серпуховского кремля для метро в Москве. В Рязани тогда нашлись купцы, спасли от разборки, но крышу устроили, как смогли, или на что средств хватило, и спасибо на том. А то был бы... каток.

Но тогда неправильно говорить: «Памятник построил Яков Бухвостов». Это большой фрагмент. Вообразите, что у Венеры Каллипиги в результате невиданного злодеяния или случая сохранилась только поясная фигура. Изгиб локтя, особенности конструкции плечевого пояса, глаза и уши, даже затылок прекрасны, но бессмысленны. Так, некий фрагмент Венеры, хотя, конечно, памятник.

Но стенания по поводу завершения – это так, слёзы. Главная беда ниже.

Покровская церковь на восточной Нерли под Суздалем построена так, что её даже утрата гульбища не сильно испортила, его отсутствие не только не мешает, но и вовсе не портит вид, даже тем, кто знает: церковь стоит на возвышении, которое само играет

роль гульбища или постамента, подвышение есть всегда и так. Гульбище как променад есть и в Троице, плоское, вокруг торжественного зального здания церкви; но там всё так затеснено, что что-нибудь пустое прямо-таки радует (к слову сказать, изначально и там верх здания был иной, В.В. Кавельмахер, который бывал там на чердаках, нашёл остатки малых форм завершения фасадов). Гульбище сгинуло при Анне Орловой и в Острове, оставив только вид снизу и с воды. Но понять величие Преображенской церкви всё ещё можно (даже после колокольни М.Д. Быковского), как и у других церквей в Теряеве, и в Белопесоцком, в Больших Вязёмах и Высоцком монастыре и в прочих местах без числа. Гульбище – это семантически не кружева на платье, а само платье, не коврик перед входом, а прихожая уже внутри. Оно процедурно, богослужебно и бытово так же необходимо, как северный и южный выходы после западного входа. Как без него прийти в церковь, не заходя в неё?

Не то дело в Рязани. Тут отсутствие гульбища криминально, невозможно, вопиюще. У церкви-королевы не только изменена корона, но и оборван подол платья вместе с кринолином, осталось одно исподнее. В 1728 году построенное Яковом Бухвостовым гульбище обрушилось, и его восстановили как смогли. Вообще, плохие были времена после Петра Алексеевича. Даже в Новом Иерусалиме рухнул каменный шатёр Воскресенского собора, недавно достроенный после смерти Никона Фёдором Алексеевичем. Бухвостов на несколько метров поднял над землёй пол гульбища, ему это было важно, ведь из того материала, что ушёл на этот подъём, можно ещё один собор выстроить. 13 саженей высоты собора – это от уровня гульбища, а от уровня земли все 15 получится. 12–15 процентов общей высоты, заполненных не прозрачным воздухом, а чем-то таким, какого мы никогда не увидим, можно только аналоги по очереди подставлять и прикидывать – подошло или не очень. Что ни приставь – всё будет лучше, чем ничего. Но в кирпичной стене нет ни следа от примыкания, ни намёка на свод. Что разрушилось в 1728 году?

Вот в Астрахани Успенский собор тоже огромной высоты и с обходом по периметру, конечно, там густо с восточными мотивами и орнаментами, но всё же... Если отъять у него гульбище – досадное будет зрелище, хорошо и высоко, но не то, не то...

Спрятанное скатной крышей основание центрального барабана опирается на внутренние сектора столпов, и то, что на крыше выглядит как чудовищная громада, внизу, на полу собора между столпами смотрится как просто просторное помещение. Это ещё одно открытие Якова Бухвостова: «Высота заслоняет всё и побеждает всё». Оно не оценёно из-за недалёких по времени технологических перемен, позволяющих перешагнуть 30-метровый рубеж высоты почти без усилий; а после 70-ти архитектура становится ненужной – всё равно никто не увидит, кроме редких птиц, но от них трудно дождаться восторгов или порицаний. Надпись под куполом Ивана Великого не прочтёт даже тот, кто знает, что она там есть. После некоторого уровня высота не просто становится важнее протяжённости вдоль и поперёк, но и увлекательнее любого содержания, заполнения протяжения: окна, прясла, пилястры, карнизы, бегунцы и откосы, тектоника и резьба, фактура материала и качество обработки – всё неважно по сравнению с высотой. Разве кто-то черпал вдохновение в очертаньях очелья наличника на надстроенной при Б. Годунове колокольне Ивана Великого? А окна там вообще есть? Не взглянув, и не ответишь.

Так, всё началось с ордера, развивающегося по горизонтали, и угасло на ритме, малоинтересном после числа пять. 6 этажей в здании, или 7 – для эстетики здания это безразлично, не говоря уж про 60 или 70.

Первое, что можно сказать об Успенском соборе, – он большой, высокий. Размер дарования Якова Бухвостова позволил к этой характеристике добавить другие, многажды описанные, тройное членение ввысь и вширь, каменная резьба, вписывание в местность, конструктивная новизна и пр. – всё вместе поставило точку в истории древнерусской архитектуры, открыв направления развития для появившихся позже технологий, но и поставив этому развитию пределы. Архитектура кончается на высоте нескольких десятков метров, дальше идёт инженерно-строительная ловкость, дизайн, противопожарная изворотливость, когда в описаниях сооружениий пропадает желание использовать слово «красота», что для огурца в Лондоне, что для челюсти в Москве, что для иглы в Питере – это не «Ах!» и не «Боже мой!», для опознания достаточно, и хватит. И в этом смысле Яков Бухвостов сказал не только последнее слово в древнерусской архитектуре, но и первое в недревней, закончив старое и намекнув на предбудущее, причём Врубель с модерном в этом направлении отсутствует, а Веснины с конструктивизмом присутствуют.

Крыльцо

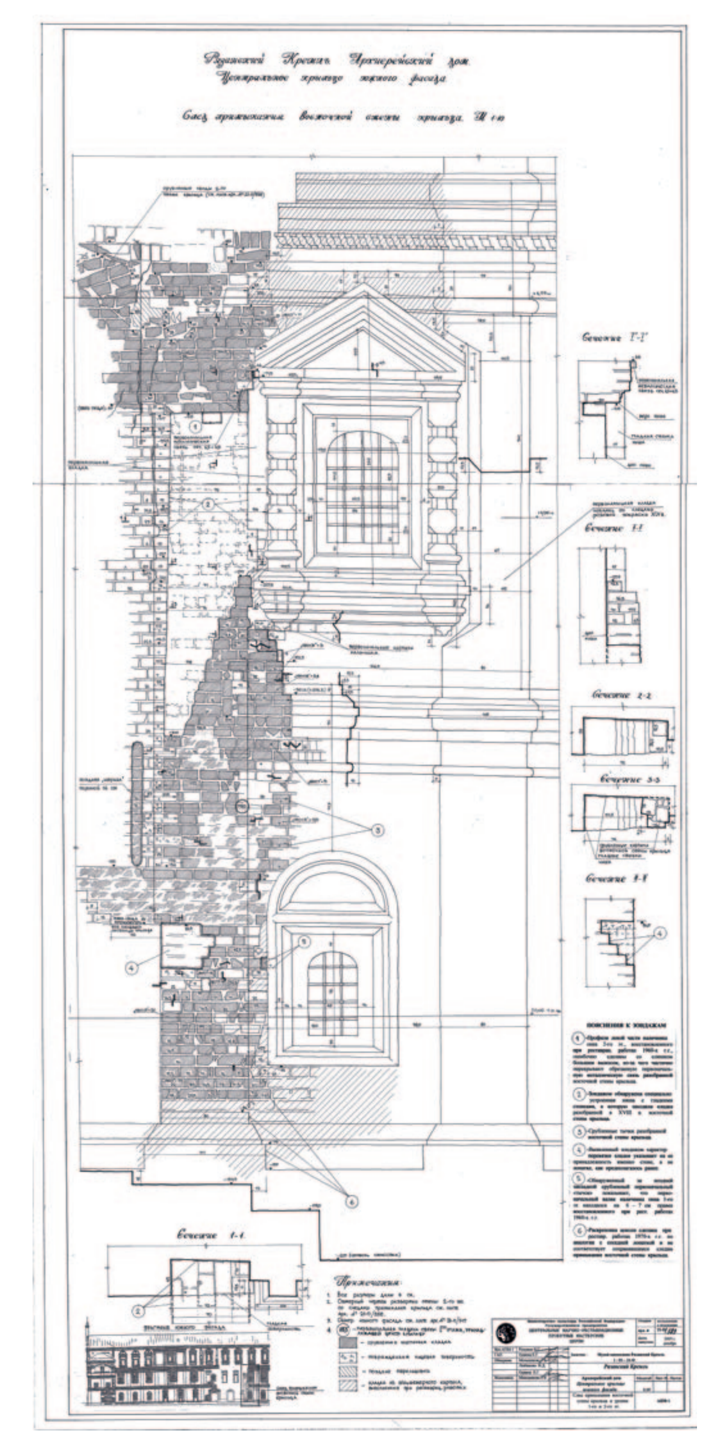
Рязанский Кремль. Архиерейский дом.
Центральное крыльцо южного фасада.

След примыкания восточной стены крыльца. М 1:10

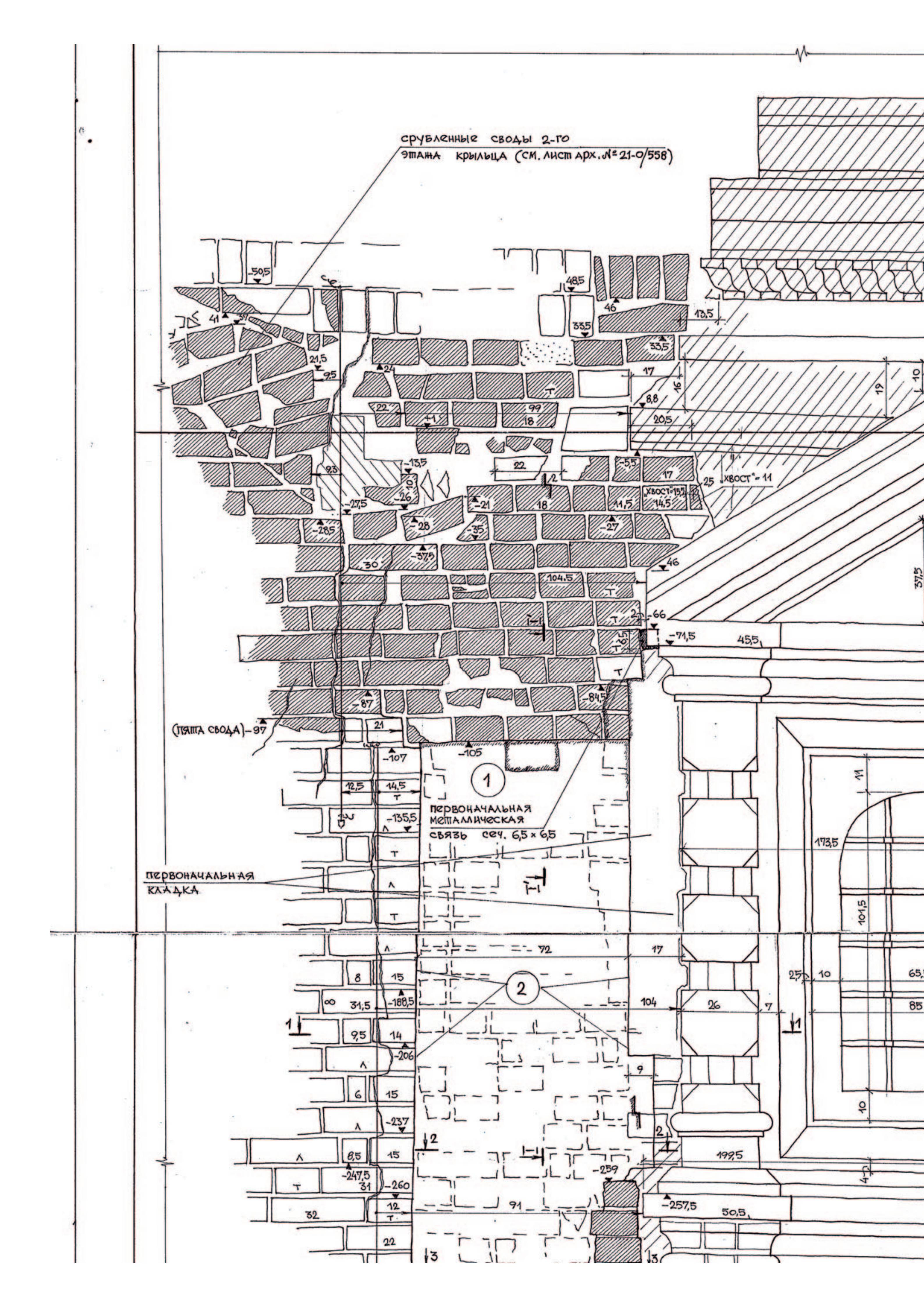
Ну вот, как всегда, самое главное напечатано так мелко, что и не разобрать.

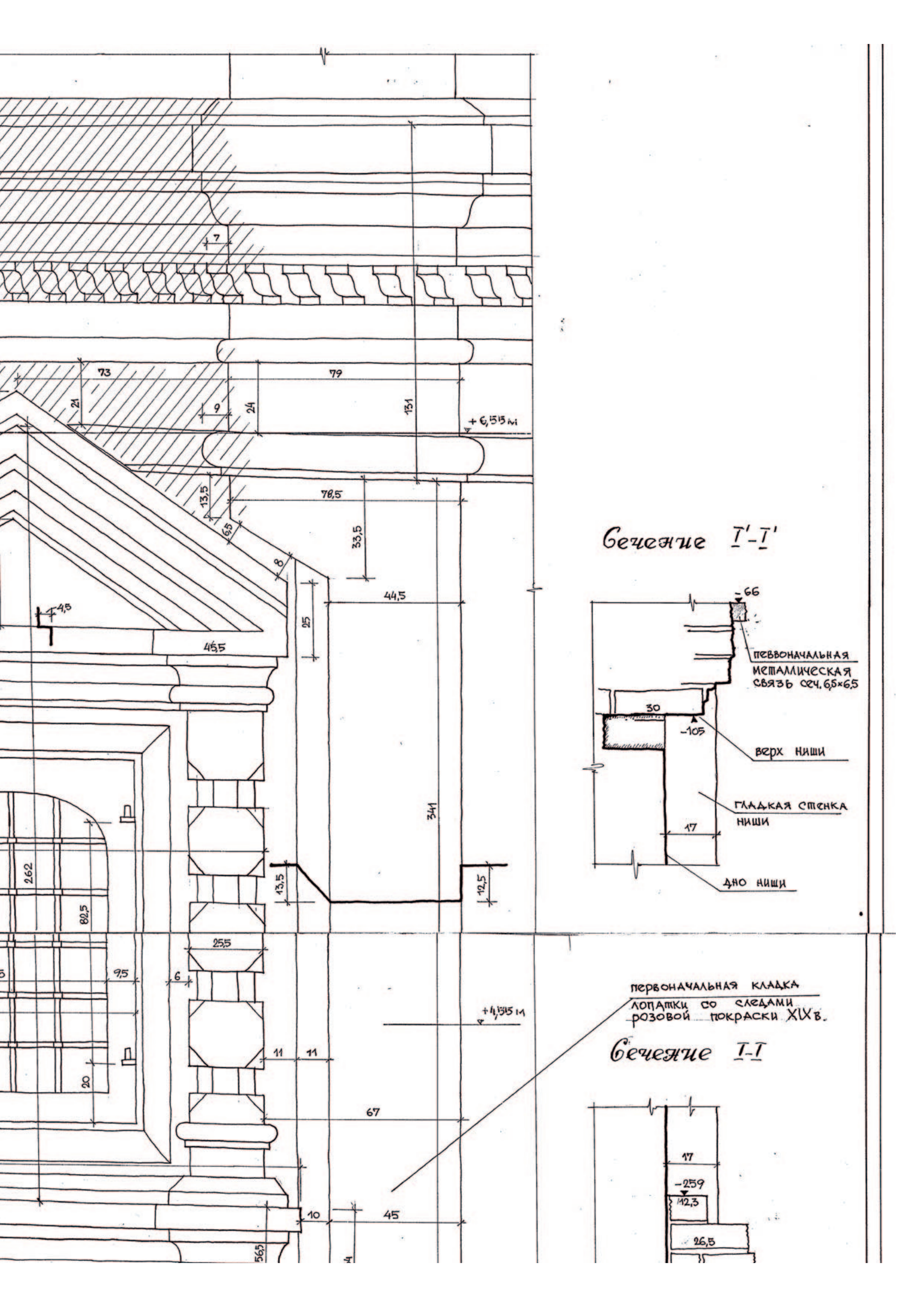
А разобрать надо, потому что не найдя «Пяты свода промежуточной площадки лестницы крыльца», нельзя почти ничего понять, нет возможности уловить, да где же оно, мастерство реставраторов, в чём оно, где доказательства того, что ныне существующее крыльцо не выдумано, не взято с потолка, (опираясь на сведения «о крыльцах вообще», некоторые из них приведены ниже), а прикреплено к невидимым остаткам преждебывшего крыльца. Скульпторы тоже работают с камнем, только они отсекают от глыбы лишнее, а всё остальное – их произвол, в замысле аромат образа уже бодрит ноздри автора, Венера уже видна, с руками и ногами, головой и причёской. Реставратору хуже: образа нет, из тысяч составлявших предмет кусочков осталось четыре сломанных, восемнадцать надорванных, два десятка под землёй и мелкая россыпь в культурном слое. И образ будущего крыльца надо не увидеть, не вынюхать, не выдумать, а вырастить из того, что есть, чтобы детали, находившиеся на расстоянии шести метров, подошли друг другу, как детская формочка и мокрый песок, в ней сформованный, и никакого произвола, всё придётся доказать. Прежде всего надо уяснить, о чём идёт речь в четырёх родительных падежах: у крыльца есть какая-то промежуточная площадка лестницы (ну допустим, на то оно и крыльцо, для всхода), а вот где у площадки свод? Да ещё с пяткой?

Логически свод – это одно из возможных перекрытий над каким-то пространством (балка, плита, вообще всё, что ограничивает пространство сверху). Негоризонтальные, под уклоном марши лестницы надо укрыть от дождя и снега, а

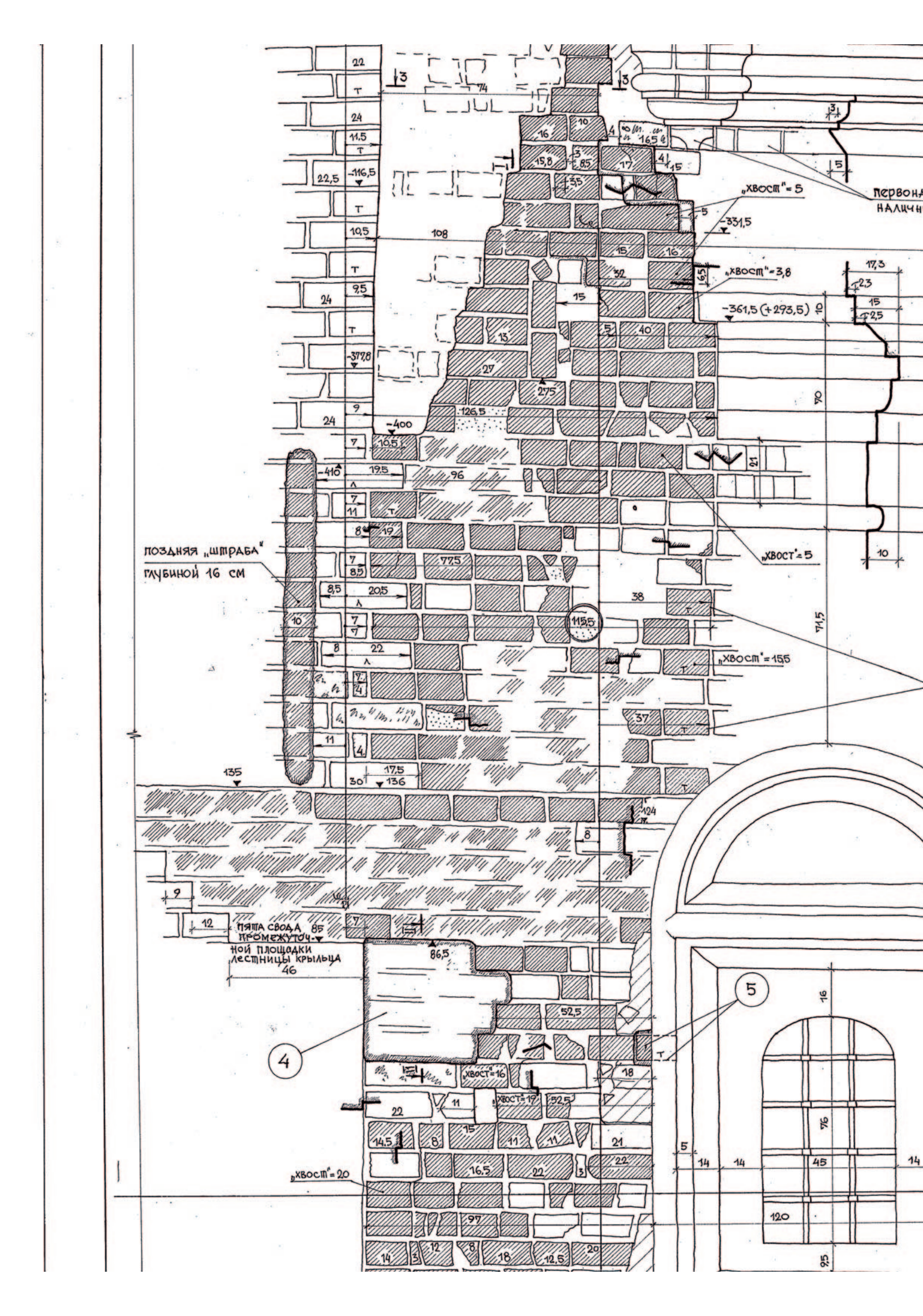

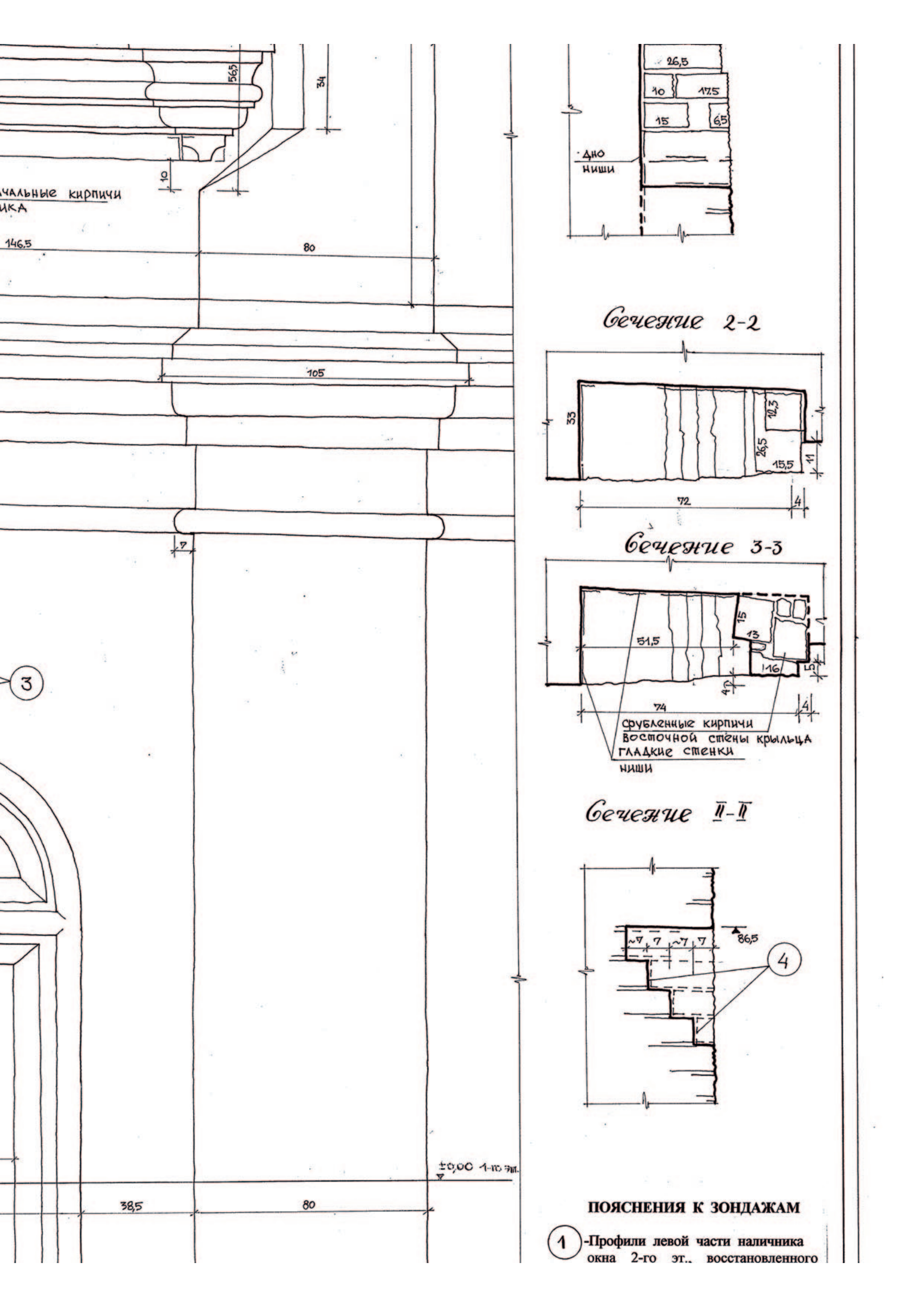
Тот же след крупнее
чуть ниже

срубленные своды 2-го
этажа крыльца (см. лист арх. № 21-0/558)
первоначальная
металлическая
связь сеч. 6,5 × 6,5
первоначальная
кладка
(пята свода) -97
хвост = 11
хвост = 15,5

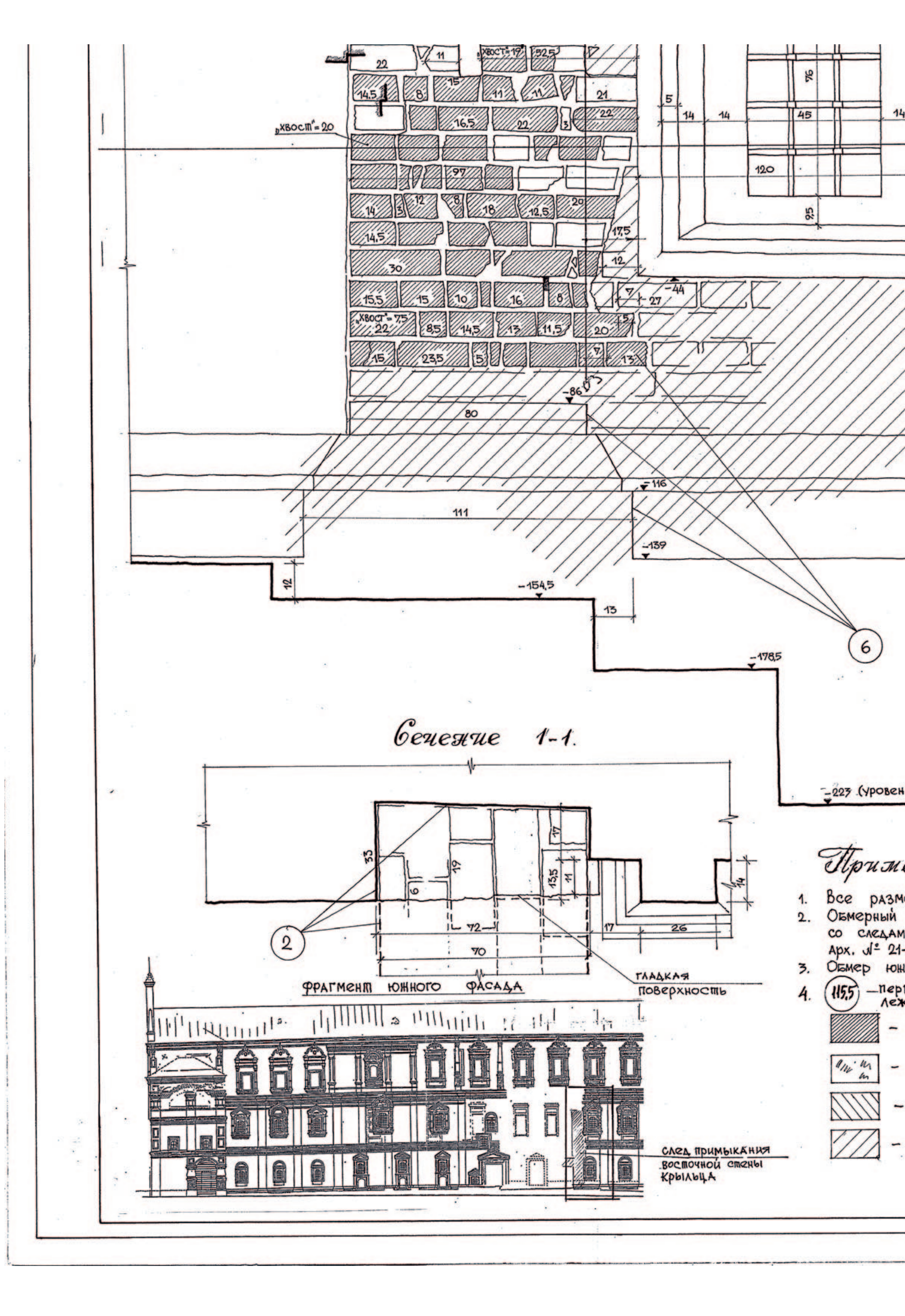
Сечение I'-I'
-66
первоначальная
металлическая
связь сеч. 6,5×6,5
30
-105
верх ниши
гладкая стенка
ниши
17
дно ниши
первоначальная кладка
лопатки со следами
розовой покраски XIX в.
Сечение I-I
17
-259
12,3
26,5
+6,515 м
+4,515 м
73
79
21
24
9
7
131
78,5
13,5
6,5
33,5
8
44,5
25
45,5
341
262
13,5
12,5
82,5
25,5
9,5
6
11
11
20
67
10
45
56,5

ПОЗДНЯЯ „ШТРАБА"
ГЛУБИНОЙ 16 СМ
ПЯТА СВОДА 85
ПРОМЕЖУТОЧ-
НОЙ ПЛОЩАДКИ
ЛЕСТНИЦЫ КРЫЛЬЦА
„ХВОСТ"= 5
„ХВОСТ"= 3,8
„ХВОСТ"= 15,5
„ХВОСТ"= 20
ХВОСТ=16
ХВОСТ=19
ПЕРВОНА
НАЛИЧН
-361,5 (+293,5)
-331,5
-377,8
-400
-410
-116,5
4
5

ПОЯСНЕНИЯ К ЗОНДАЖАМ

(1) -Профили левой части наличника окна 2-го эт., восстановленного

„хвост"=19
„хвост"=20
„хвост"=7,5
-44
-86
-116
-139
-154,5
-178,5
-223 (уровен
6
Сечение 1-1.
2
гладкая поверхность
Фрагмент южного фасада
след примыкания восточной стены крыльца
Примі
1. Все разм
2. Обмерный
со следам
Арх. № 21-
3. Обмер юж
4. (115,5) —пер
леж

±0,00 1-го эт.

385

80

ь отмостки)

ПОЯСНЕНИЯ К ЗОНДАЖАМ

(1) -Профили левой части наличника окна 2-го эт., восстановленного при реставрац. работах 1960-х г.г., ошибочно сделаны со слишком большим выносом, из-за чего частично перекрывают обрезанную первоначальную металлическую связь разобранной восточной стены крыльца.

(2) -Зондажом обнаружена специально устроенная ниша с гладкими стенками, в которую заходила кладка разобранной в XVIII в. восточной стены крыльца.

(3) -Срубленные тычки разобранной восточной стены крыльца.

(4) -Выявленный зондажом характер перевязки кладки указывает на ее принадлежность именно стене, а не лопатке, как предполагалось ранее.

(5) -Обнаруженный за поздней закладкой срубленный первоначальный «тычок» показывает, что первоначальный валик наличника окна 1-го эт. находился на 6 – 7 см правее восстановленного при рест. работах 1960-х г.г.

(6) -Раскреповка цоколя сделана при реставр. работах 1970-х г.г. по аналогии с соседней лопаткой и не соответствует сохранившимся следам примыкания восточной стены крыльца.

ечания:

еры даны в см.

чертеж развертки стены 2-го эт.

и примыкания крыльца см. лист

0/558.

ного фасада см. лист Арх.№ 21-0/517

вoначальная толщина стены 1го этажа, принад-

лащей центр. крыльцу

срубленная кирпичная кладка

поврежденная лицевая поверхность

поздние перелицовки

кладка из большемерного кирпича,

выполненная при реставрац. работах

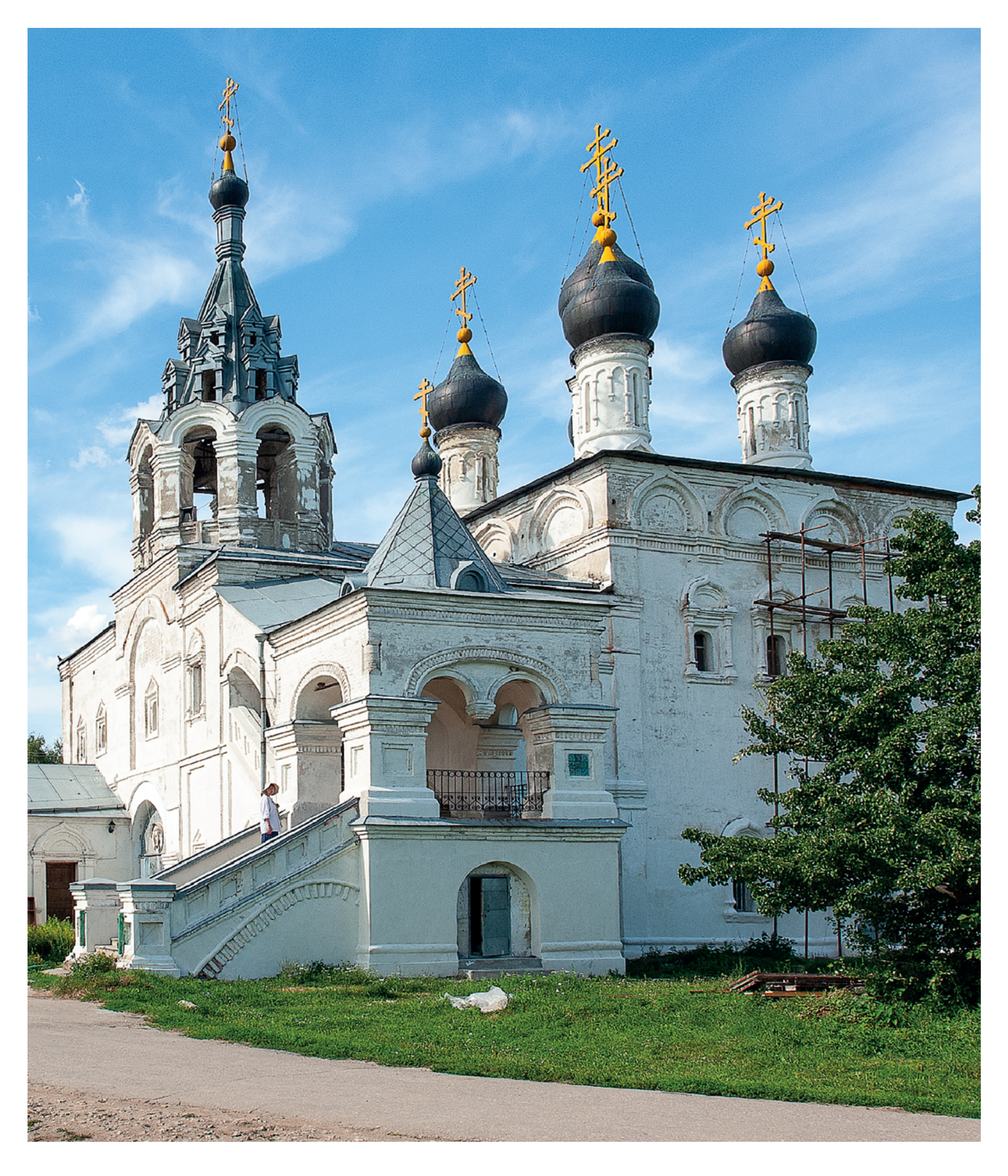

		Министерство культуры Российской Федерации Государственное предприятие ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ ЦНРПМ		Стадия	исследования и изыскания	
				Арх.№	21-0/583	
				Дата выпуска	2005 г. декабрь	
Нач.АПМ-1	Романов Н.С.					
ГАП	Одинец Е.Г.	Заказчик : Музей-заповедник Рязанский Кремль 1 - 05 – 21-О				
Обмерили:	Меньшикова Г.Б.					
	Любимова И.Д.	*Рязанский Кремль*				
	Одинец Е.Г.					
Выполнила	Меньшикова Г.Б.	**Архиерейский дом** *Центральное крыльцо южного фасада*		Масштаб	Лист №	Листов
				1:10		
		След примыкания восточной стены крыльца в уровне 1-го и 2-го эт.		АПМ-1		

неизбежный наклон перекрытия при переменной нагрузке (снег то падает, то нет) заставит эту крышу сползать вниз, как её ни подпирай. Выход был найден ещё, вероятно, египтянами или ассирийцами, но из-за особой, прямо-таки нарочитой нелюбви и даже презрения здешних архитекторов к симметрии (она не была признаком красоты или благолепия), очень часто делали ползучие арки или своды. То есть нормальный архитектор внизу, у первой ступеньки поставил бы два столбика высотой до верхней ступеньки, положил горизонтальные двутавры, над всей лестницей устроил бы изящную ровную полукруглую арку, или вытянул равнобедренный треугольник строгого фронтончика, и

Крыльцо Палат Марии Ильиничны
в Саввином Сторожевском монастыре

вышло бы просто на славу. Только вот ветер да снег зимой превратили бы лестницу в сугроб – уж очень входной портал просторный, из-за подъёма арки на входных столбах. Ползучая арка как нельзя лучше справляется с защитной задачей, соединяя в себе, казалось бы, несочетаемое: она и плавная, и крутая, в ней долгое сокращается, а высокое понижается, гнутое выправляется, а прямое извивается. Или арки переменной кривизны, когда ближе к опорам радиус закругления существенно меньше, чем в верхней точке, свод воспринимается тем, кто снизу, не как ровная гробовая доска, перекинутая с опоры на опору, а как небо, даже если макушка достаёт до кирпича несильно. Хлопот с

Крыльцо в Исадах.
Ползучая арка под нижним маршем лестницы подкачала – заложена

Дворец Олега. Фото 1960-х годов.
Из архива И.В. Ильенко.

На месте крыльца – изысканный навес XIX века, над ним – изящные окна XVIII века.
Будущее кажется невозможным

ней, разумеется, при строительстве больше, чем со столбами, полукружьями и треугольниками, но итог получается колдовской – так сложенные камни оживают, приглашают, ведут и заманивают, крыльцо функционально превращается в лицо: оно и смотрит, и видит, и приветствует, и приглашает, разве что словами не говорит.

Отличие от «нормального» архитектора у здешнего «подмастерья каменных дел» не только в напоминающем японский этикет преувеличенном самоуничижении («Да мы уж.., где уж.., нам уж.., мы же ж.., что же ж.., нам ли.., это вот они, а уж тем более Вы...»), привычном, но несправедливом, определить его и назвать нелегко, оно местами напоминает стихосложение: скупыми средствами, от любых причин скудными, вымолвить столько и так, что редкая монография на полтысячи страниц сможет, и до того ловко, что иначе теперь и не скажешь, только так и можно.

Крыльцо постепенно из архитектурного элемента, предназначенного для пущего удобства захода в помещение, превращается в сооружение, придающее архитектурную

Большие Вязёмы. Ровные арки наверху сомнительны, без них силуэт ярче, а вот крыльцо с неровными арками настоящее .

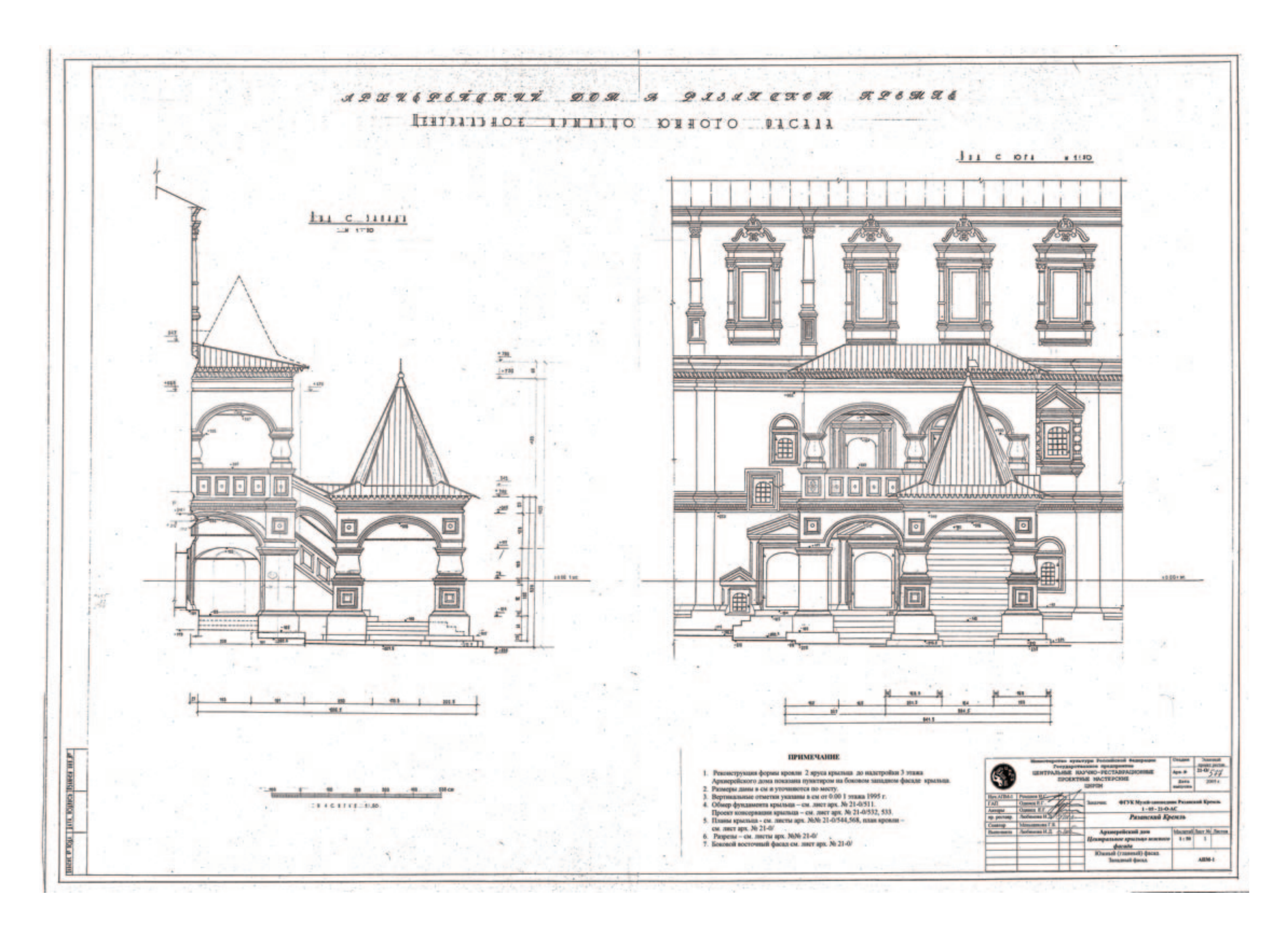
осмысленность всему зданию вообще. Если крыльца нет, а просто двери, то фасад (однокоренное слово – лицо) обращает на себя внимание ртом, через который происходит engouffre внутрь; для зданий в два–три этажа (без Erdgeschoß) крыльцо и окна с наличниками создают облик всего здания, лопатки, тяги, антаблементы, поребрики и прочие украшения играют вторые скрипки в звучании оркестра; крыльцо, ступени, вход, портал, дверь – вот что видит входящий по мере приближения. Чего стоят Белая, Красная палаты, Спас на сенях, надвратная церковь Иоанна Богослова в Ростове Великом – без своих крылец? Сказать «ничего» – значит ничего не сказать, без крылец каждое здание немо и слепо, просто некое вместилище для неизвестных нужд. Обширное, просторное крыльцо – это ещё и немножко гульбище, даже две ступени надо одолеть, стать выше, после лестничного марша – ещё выше, потом ещё порог, потом в церкви и солея, и Царские врата – весь путь только кверху.

Красная слобода. Крыльцо давно восстановили и всё побелили, но здесь видно конструкционное совершенство и прочность правильно выстроенных ползучих арок.

Троице-Сергиева лавра. Западное крыльцо Больничных палат.

Поставь на место дворца Олега Парфенон – выйдет смешно и глупо, и, главное, некрасиво, пусто, неуместно, холодно и ненужно. А Певческий корпус рядом – как младший брат, переговаривается и вторит. У «подмастерья» как-то выходит видеть главное и не обращать внимание на пустяки, образование той формы, за которую он отвечает, заранее, заведомо вставлено в ту более широкую форму, на которую он не может повлиять, которая ему дана природой, климатом, географией, населением, погодой, богатством или нищетой деньгополателей; эту большую форму не стоит пересиливать, ломать, улучшать и совершенствовать по собственному разумению, лучше соответствовать ей, вписываться, слышать её, и своё слово в уже звучащую песню вставлять с деликатностью и правильной громкостью. Последнее очень зависит от ума и таланта, но эти субстанции не растут произвольно.

Хорошо услышанная реставраторами песня – первый шаг на пути к восстановлению каменной или деревянной (глинобитной) формы, и воссоздание её – это не только исправление ошибок и преступлений прошедшего времени, значение реставрационной деятельности далеко выходит за пределы восстановления правды: воссоздавая малую форму, каменную или деревянную, реставратор немного поправляет и большую, попутно исправляя ошибки времени и даже искупая преступления людей, оживляя ту мысль и красоту, которая когда-то была явлена urbi et orbi.

При наличии способности к воображению наслаждаться путешествием можно и наблюдая одну географическую карту достаточного разрешения. Конечно, Телецкое или Кенозеро бумагой не заменить, зато фантазия способна на большее, чем подробное тактильное изучение муравейника: простор нельзя объять, но можно себе представить. Так и внедрение в чертёж открывает бездны, которые не помещаются в голове.

Первое недоумение – ну у кого хватило терпения проделать этот адский труд по увидению (долгому увидыванию) всего, что начерчено. Второе – как это у них зрение оказалось ультразвуковым, сканирующим внутрь непрозрачных материалов на глубину то метр, то полметра. Третье – что должно накопиться в памяти, чтобы реставратор при-

обрёл право и умение экстраполировать. От свода общей массой 5 т остался ряд обломков кирпичей в стене на своём месте, общей массой 15 кг, и ничего больше. Если не представить себе крыльцо, то его и не построить, а оно всё – сплошная экстраполяция. Крыльцо – это не просто воссоздание, это ещё и модель, как у В. Высоцкого, «Делай, как я, Это значит – Не надо за мной». Каждое крыльцо неповторимо, как отпечаток пальца, даже когда они устроены в одно время у одного здания – меняется рельеф, меняется само здание, меняется этажность и вид на сооружение издалека слева или вблизи справа. Два ближайших примера – Троица (чертоги с 14-метровым перекрытием) со стороны непарадной изнанки на втором этаже в ряду окон имеет вдруг проём, который иначе как дверной не опознаётся, в Саввино-Сторожевском монастыре дворец Алексея Михайловича со стороны, обращённой к центру, имеет (то есть не имеет, остались одни основания) три крыльца, одно из которых верхним переходом было соединено с собором. И в том, и в другом случае отсутствие крылец обескураживает; сам собой рождается вопрос: что лучше, без устали рассказывать под барабанный бой победивших рыцарей науки и правды, что здесь должны были бы быть бесподобные крыльца, или так же неутомимо объяснять, что крыльца восстановлены подмастерьями каменных дел начала XXI века так, как «зодчему мера и глаз указали», по подобию, да, вот тот самый «новодел»? Почему Дрезден, Токио и Сталинград с Петербургом и окрестностями можно восстановить, а крыльца нет?

Точнее, чем генерал Бурдун («День выборов радио») не сформулировать нипочём: «Вот точно такой же, только немного другой». Не это, но такие крыльца должны избавить дворец Алексея Михайловича от внешнего вида, напоминающего скорее общежитие уездной съезжей избы в руинированном после эсеровского мятежа состоянии, а Троицкие чертоги от соблазна шагнуть изнутри через дверной проём в бездну, не предполагая такой несуразицы – крыльцо быть должно, но его нет, всё недосуг, да и экстерьер с интерьером никак не согласуются.

Флорищева пустынь. Костыли (замки, затычки, фиксаторы) в металлических связях внутри стен делал тот, кт

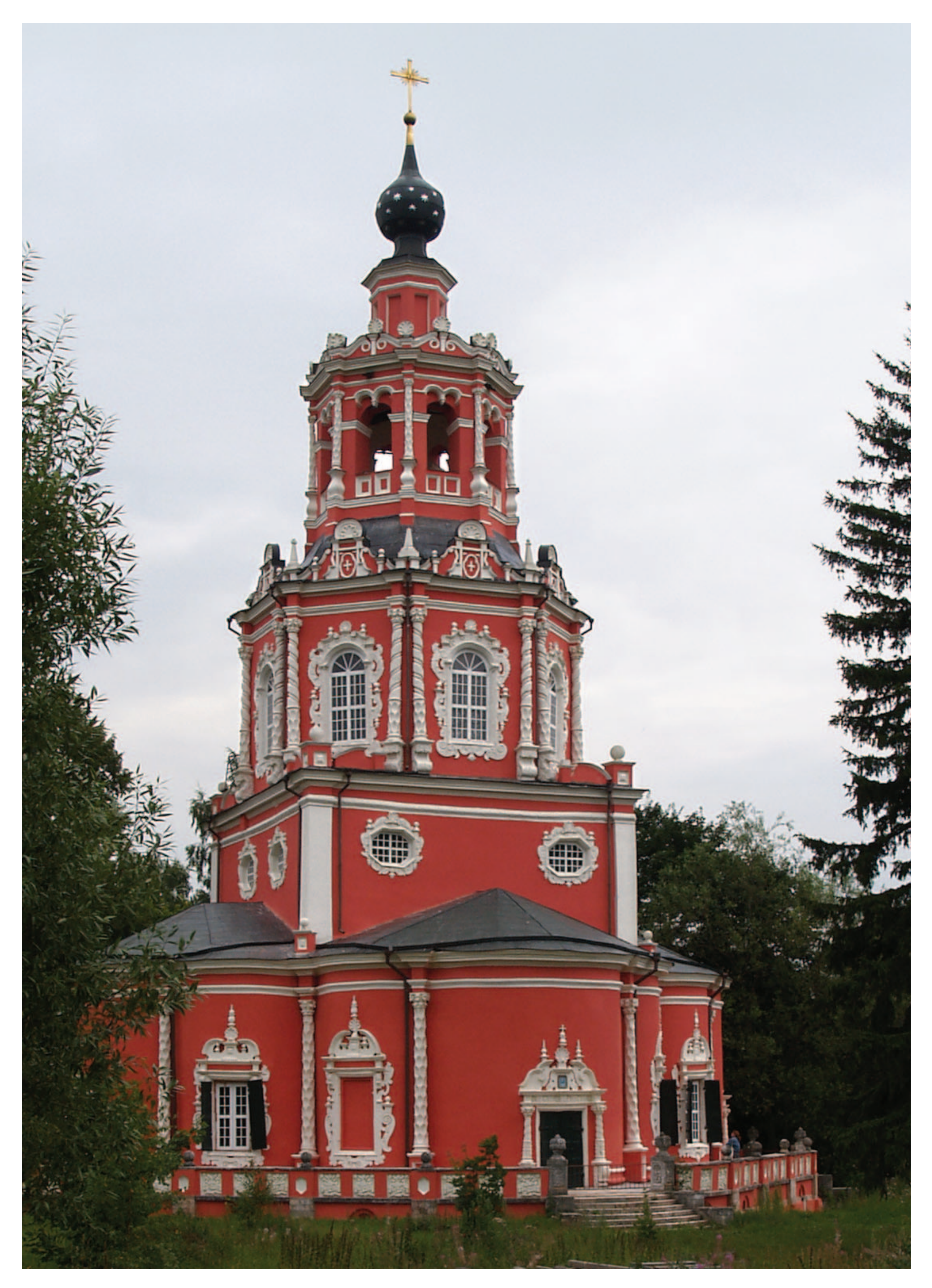

то видел Успенский собор в Московском кремле. Или Фёдор Алексеевич подсказал, он здесь был частый гость.

Борисоглебский. Южный вход в надвратную церковь монастыря, крыльцо в которую ведет уже изнутри стен с запада.

Уборы. Крыльцо-всход на ещё аутентичное гульбище.

В самом недопустимом случае, даже когда и если все недостающие старые крыльца у церквей, монастырей и гражданских сооружений будет восполнены точно такими же, модельными, образцовыми крыльцами Дворца Олега – будет лучше, чем пустота. Даже стеклянный невидящий глаз на месте живого лучше отверстой раны или чёрной заплатки.

Но по трезвому размышлению и эти ламентации надо отменить, выбросить, забыть и перестать горевать.

Нельзя отреставрировать историю.

Ну вот сколько осталось, столько осталось. Космический размер утрат можно описывать словами, но нельзя себе представить, образ несоздаваем, что есть, то есть. Утраты также неповторимы и неисправимы, как смерть. Даже полное клонирование – ложь, а полностью никому и никогда не удастся. Поэтому и существует реставрация как отдельный вид деятельности, только, строго и исключительно – если остались в стене остатки срубленного родного кирпича, если белый камень врос в культурный слой и так далее. Тем и фантастически ценна работа реставраторов. Оживить плоть нельзя, а сознание можно, потому что деятельность оставляет следы – и на холсте, и на бумаге, и на камне, и даже в людской памяти как фольклор, передаваемый из уст в уста. Гильгамеш окончательно умрёт только тогда, когда разобьются все таблички, сгниют все книги, исчезнет вся память со всех носителей и уйдёт из жизни последний из поколений студентов, даже через полвека помнящих: «О зачем ты снимаешь дощечки...». Реставраторы не дважды

Ростов. Успенский собор. Многослойное украшение узлов решётки: под металлом следы слюды, а под ней – остатки красной ткани; украшение горело и без солнца, при свете свечи.

равны творцам, а трижды: поняв мысль автора по остаткам, они оживили эту мысль в камне, не испортив её современными технологиями. А третья итерация – они создали новое правдивое знание, не поддавшись соблазну уподобления. Увы, статуи Будды, взорванные талибами, погибли, как сгинули неисчислимые памятники, которые могли и должны были бы не просто ласкать взор, а формировать мировоззрения получше любых воспитателей. Подвиг честности – выше жалостного подражательного геройства, поверхностного потакания рыданиям демоса. Поэтому у настоящей реставрации всегда есть характеристика «Научности» без кавычек. Только физику, химику, историку и прочим надо ещё сообщить о своей работе научному миру через разные способы опубликования, а результат реставрации открыт всем ветрам и всем взорам, сразу после окончания.

И тут есть аспект, зря остающийся без внимания. Отчего-то у реставраторов нет учёных степеней. Искусствоведение и прочее – не то, никакой чистый искусствовед или историк, даже директор института и доктор наук, даже академик архитектуры не сможет отреставрировать недавно открытую чешую в Троице. Это другой комплекс знаний и навыков исследования,

Почти все детали декора южного фасада Архиерейского дома, даже ползучая арка (кроме лопаток, ступеней и покрытий; и ставни неизвестно как выглядели).

АРХИЕРЕЙСКИЙ ДОМ В РЯЗАНСКОМ КРЕМЛЕ
("ДВОРЕЦ ОЛЕГА")

Центральное крыльцо южного фасада.

Разрез 2-2

Разрез 3-3

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Размеры даны в см и уточняются по месту.
2. Вертикальные отметки даны в см от +0.00 1 тажа (1995 г.)
3. Данный лист см. совместно с листами арх. №№ 21-О/584,577, 580, 586

Масштаб 1:50

ПЛАН 2-ГО ЭТАЖА

Министерство культуры Российской Федерации
Государственное предприятие
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ
ЦНРПМ

Стадия	Проектная
Арх. №	21-0/
Дата выпуска	2005 г.

Заказчик: Музей-заповедник Рязанский Кремль
1- 05- 21-0

Рязанский Кремль

Архиерейский дом ("Дворец Олега")

Масштаб	Лист	Листов
1 : 50	6	6

Центральное крыльцо южного фасада. Разрезы 2-2,3-3

АПМ-1

Звучащая дверная ручка в Спасе на сенях.

+610
+587
+520
+395
+208
-140
-185
-175
-202.5
220
191
-227.5

От графита грифеля не так уж далеко до белого камня и обожжённой глины.
Вот только зачем верёвку около стены забыли?

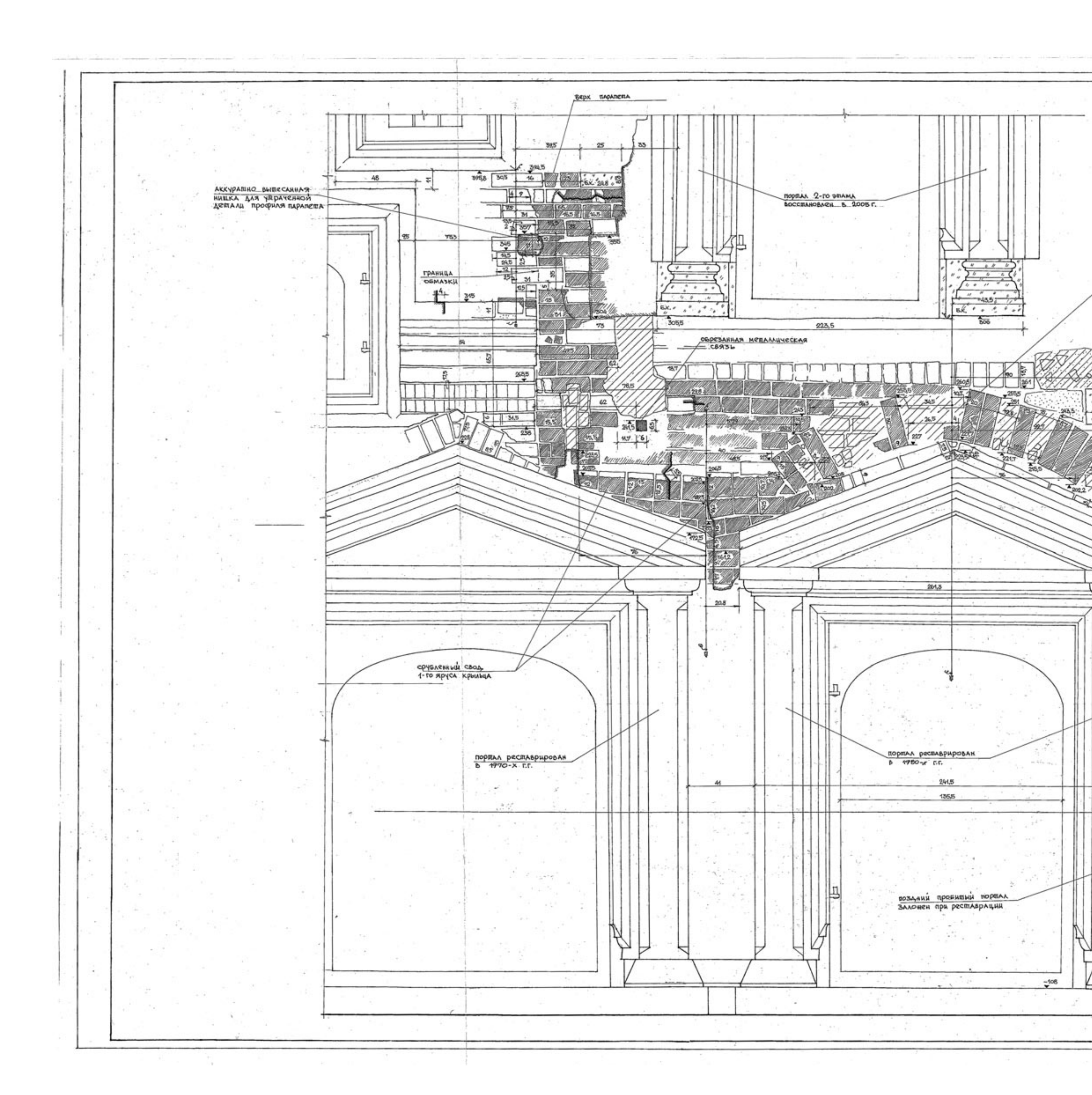

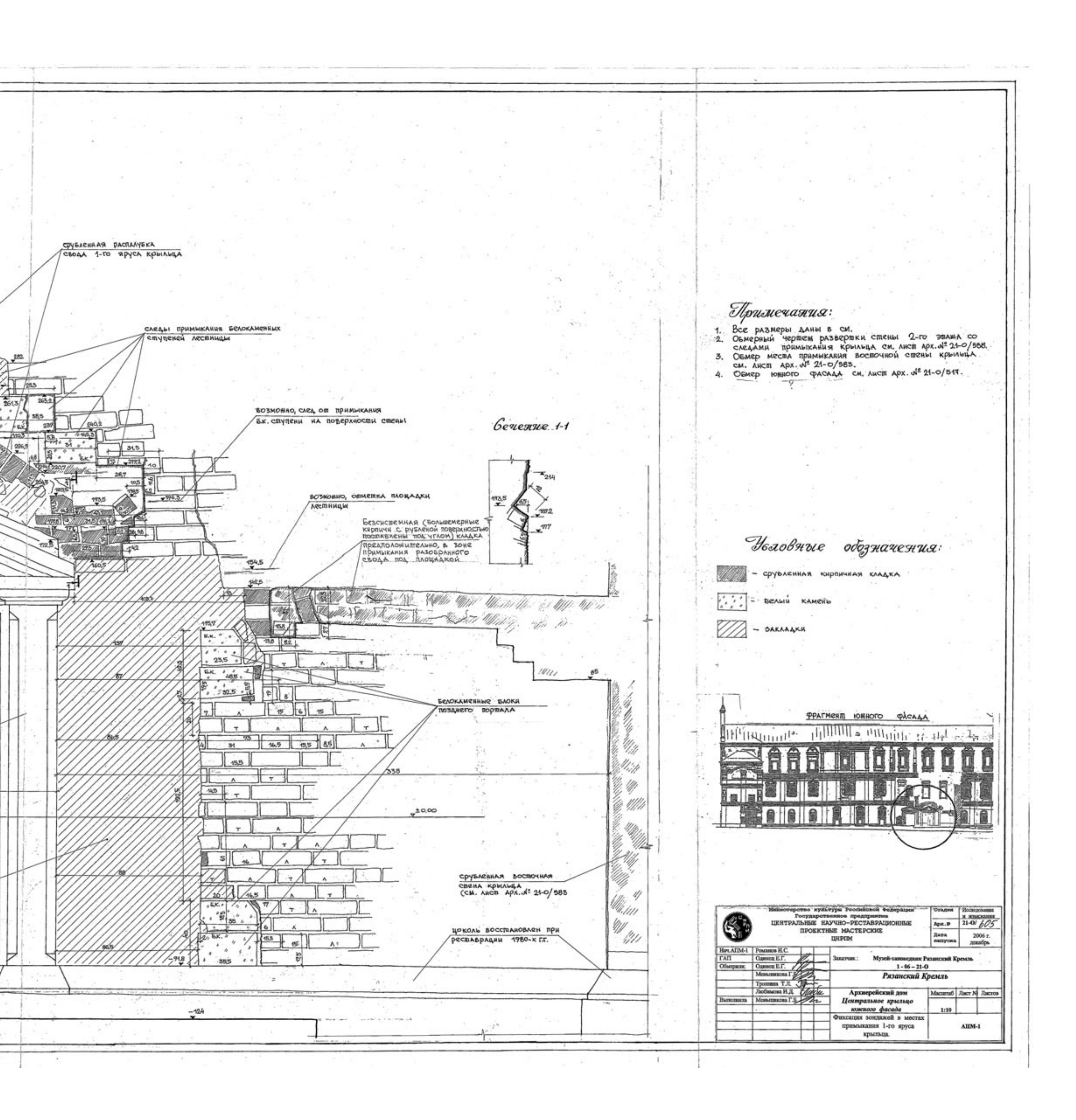

Преображённый внутренний двор:
справа сзади за наблюдателем – третье крыльцо (консисторское).

верх парапета
аккуратно вытесанная ниша для утраченной детали профиля парапета
портал 2-го этажа восстановлен в 2005 г.
граница обмазки
обрезанная металлическая связь
срубленный свод 1-го яруса крыльца
портал реставрирован в 1970-х г.г.
портал реставрирован в 1980-х г.г.
поздний пробитый портал заложен при реставрации

Фиксация зондажей в местах примыкания 1-го яруса крыльца

Ещё не топтанные ступени: здесь не ступала нога человека. Только нога реставратора.

в котором каждое колебание мысли выглажено оселком научности, шаг влево-вправо приравнивается к побегу. Попытка объяснения этого, вероятно, всегда или давно сводится к одному: нет возможности объяснить – не потому что объясняющий нехорош, а потому что нет возможности объяснить тому, кто... ЦНРПМ работает по лицензии. А лицензии выдают какие-то юнцы в правительстве, которые про веснушчатую Агриппину Саввишну слыхом не слыхивали. А академия стала конгрегацией экспертов. Деспоты, сатрапы, кровопийцы, злодеи и дураки двести лет понимали, что на свете нет лучшего способа организации науки – а теперь годна стала только на экспертизу того, что взбредёт кому-то в голову. При советской власти за кандидатскую степень полагались лишние метры жилплощади, а после войны кандидат мог на свои купить «Победу». Но тут надежды мало. Чудо, что есть хотя бы то, что есть. Жаль, что про научность реставрации что-то понимают только сами реставраторы, им бы пригодилась поддержка научного сообщества. 20, 30, 40 иногда лет уходит на приобретение нужной для дела квалификации, а уж когда она появится, тратить время на скачки вокруг степеней кажется смешно, никакая диссертация не сравнится с обводами настоящей бочки около фасада или ползучей арки на всходе под крышей.

И это при степени ответственности, чаще всего неведомой исследователям-историкам, причём такой ответственности, которая наступает почти моментально, через неделю или через минуту. Положим, к примеру, решили за 363 км отсюда пореставрировать церковь XVI века, скажем, пол углубить, освободив от культурного слоя, проверить фундамент столпов; зашурфились под левый, а он возьми и поплыви на водяной линзе, которая просто от шурфа ожила, стояла-стояла триста лет, а на волосок тронули – она и ожила. Подумаешь, столп, их там то четыре, то шесть, редко два, чай, остальные удержат! А если не чай? И не просто вниз пойдёт, а ещё и вбок, на стену или соседний столп? А своды на-

верху на чём порхать останутся? На крыльях? С одной, стороны, лопатой ковырнули. С другой стороны – последствия, как от бабочки миллион лет назад, вплоть до фашистской диктатуры.

Оборотная сторона ответственности реставратора – понимание, что уже через четверть века, через полвека не только технологический, но и научный инструментарий вырастет настолько, что нынешняя виртуозность потомкам будет казаться проявлением чудесной талантливости, а не досконального знания, основанного на тех научных дисциплинах, названия которым сегодня ещё даже не придуманы. Археологам-то хорошо – они просто Старую Рязань копают как можно ленивее, чтобы меньше успеть напортить, но у них товар не такой скоропортящийся, как у реставраторов: уж если семьсот

лет пролежало, пусть ещё двести–триста полежит; а реставраторы не только воссоздают, они в первую очередь спасают от неминуемой гибели, как лекари от стремительной болезни, увечья или кончины.

Количество знаний, необходимых для начала осторожных раздумий, как подступиться к самым первым прикосновениям с целью реставрации, – бесконечно. Нижняя граница – пара-тройка сотен лет до строительства здания, верхней – нет. Даже в материалах, тысячу раз намозоливших глаза десяткам исследователей, можно обнаружить то, что не было усмотрено ранее. Об этом писал в своё время И.Э. Грабарь, который советовал ученикам исходить из внимательного анализа самих зданий, рассматривая их въедливым, подробным, детальным, но и широким взглядом, сдерживая фантазию и умеряя смелость предположений, но и не забывая, что для того, чтобы умерять воображение, надо для начала его иметь. Хотя бы для того, чтобы представить себе, что если с благими намерениями из-под висячего фронтона выштробить весь ряд кирпичей, то фронтон может просто повалиться. Физико-геометрическое зрение воспитывается и опытом, и осторожностью, и всё-таки в основе фантазии и воображения лежит талант, неведомый толчок под локоть, стук по затылку, самоход карандаша, цистерна пролитого пота или минутный полёт падающего листа осенью.

Связи крыльца уже аккуратно покрашены, а газонов ещё нет. Везут.

Нынче эти чудесные углы выбелены, их фантазийность немного скрыта, но всё же и они, и сам собор ярко свидетельствуют об ускользании формообразования из умонастроений подмастерья каменных дел и при задумке храма, и уж тем более во время переделки храма в XIX веке, когда от пятиглавия осталась одна, когда появилась скатная крыша, лишившая смысла даже те намеки на кокошники, которые остались. Это могло иметь много причин, от экономики до личных предпочтений, но движение к примитивизации облика, к упрощению способов воздействия на зрителя от изощрённости к изворотливости, – всё говорит о том, что ликование на рубеже веков (построен в 1702 году) начинает сникать, всё-таки умение, ставшее навыком, что-то по дороге теряет, что-то становится ненужным, необязательным, инженерной ловкостью заменённым.

И ведь строится одновременно с Успенским новым, отсюда и комбинация белого камня и кирпича, бочки под перекачанными икроножными мышцами, напоминающими бутылки, а не амфоры, хотя форма близка к амфорам; их выводил в белом камне тот, кто смотрел на крыльца Архиерейского дома, хотя псевдозамковые камни ни конструктивно, ни эстетически не обусловлены, хотя белокаменные треугольники и подпирают массивные кирпичные полуколонны наверху, всё вместе поразительно антитектонично, когда бы кирпичи не были перевязаны со стеной, угол обязан был бы обрушиться, настолько всё сделано «ни к чему»,

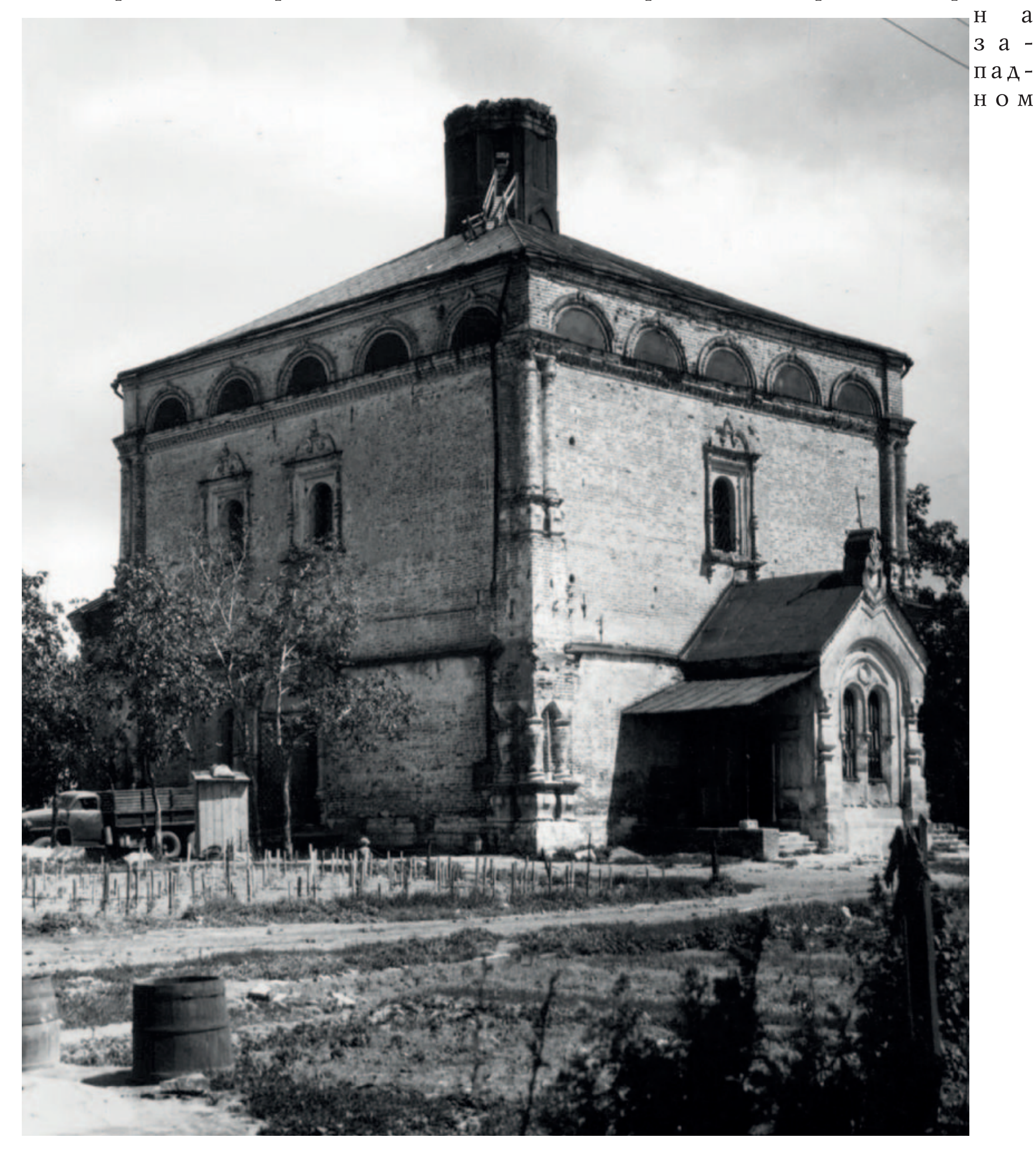
Преображенский собор Спасского монастыря. Фото С.М. Прокудина-Горского ↓

«кое-как», это порождение фантазии неофита, недавно научившегося превращать возы кирпичей в стены и, «поелику возможно, даже делать красиво». Невеликую сноровку строителя подтверждает и то, что была допущена «детская» ошибка при проектировании: бутылочные ноги не нашли центра постамента, встали несколько правее, потому что так «исторически сложилось» Так же, с такой мотивацией, появились и окна, и наличники, и общий объём, и сомкнутый свод. Рисунок получился невыразительным, потому что выражать было нечего, несмотря на такое посвящение церкви, ни мысль, ни глаз ничего инженерам в XIX веке «не указали». Наглядевшись на виденные где-то «ценинные» шедевры, мастер XVII века переоценил значение изразцовых полотенец под окнами, сам не додумался, и ему никто не подсказал, что декор, не участвующий в архитектонике, в формировании общей картины, теряется и требует дополнительных объяснений, подчёркиваний, надавливаний на него, он может только увеличить или уменьшить, подчеркнуть или затушевать, но не создать. Даже самые-распресамые образцы, арабские, индийские, камбожийские, китайские, японские орнаменты хороши только там, где уместны. И в данном случае, в Преображенском соборе, изразцы настолько хороши, что становятся ужасны, потому что они... единственное украшение церкви, и настолько заметное, что оно лишь подчеркивает невнятную незаметность того, к чему прикреплены. Если их укрепить на стене забора – будет ровно такое же впечатление; можно ещё окна дорисовать углём.

Собор к концу XIX века получился выдающимся по своей обычности, чтобы не сказать заурядности. Сомкнутый свод – есть, затейливые сандрики над наличниками – есть, изразцовые коврики под окнами подвешены, преизящный кирпичный сарайчик на западном

До реставрации 1957 г. Студебеккер на севере, красивое на западе
Постепенно убрали и то, и другое; дошла очередь и до главы

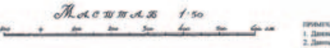

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР
ЮЖНЫЙ ФАСАД
Масштаб 1:50
ПРИМЕЧАНИЕ:
1. Данный лист см с листами1,2,4-8
2. Данный лист выполнен на основании обмерного чертежа инв.№ 21пр./16
3. За отметку 0.00 принят уровень пола четверика.
4. Водосточные трубы условно не показаны
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ
Заказчик: Министерство культуры РФ
Рязанский Кремль
Спасо-Преображенского монастыря
СОГЛАСОВАНО:
Южный фасад
1 : 50
4
8

ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

СЕВЕРНЫЙ ФАСАД

Масштаб 1:50

ПРИМЕЧАНИЕ.
1. Данный лист см с листами1,3,4-6
2. Данный лист выполнен на основании обмерного чертежа инв.№ 21пр./34
3. За отметку 0.00 принят уровень пола четверика.
4. Водосточные трубы условно не показаны

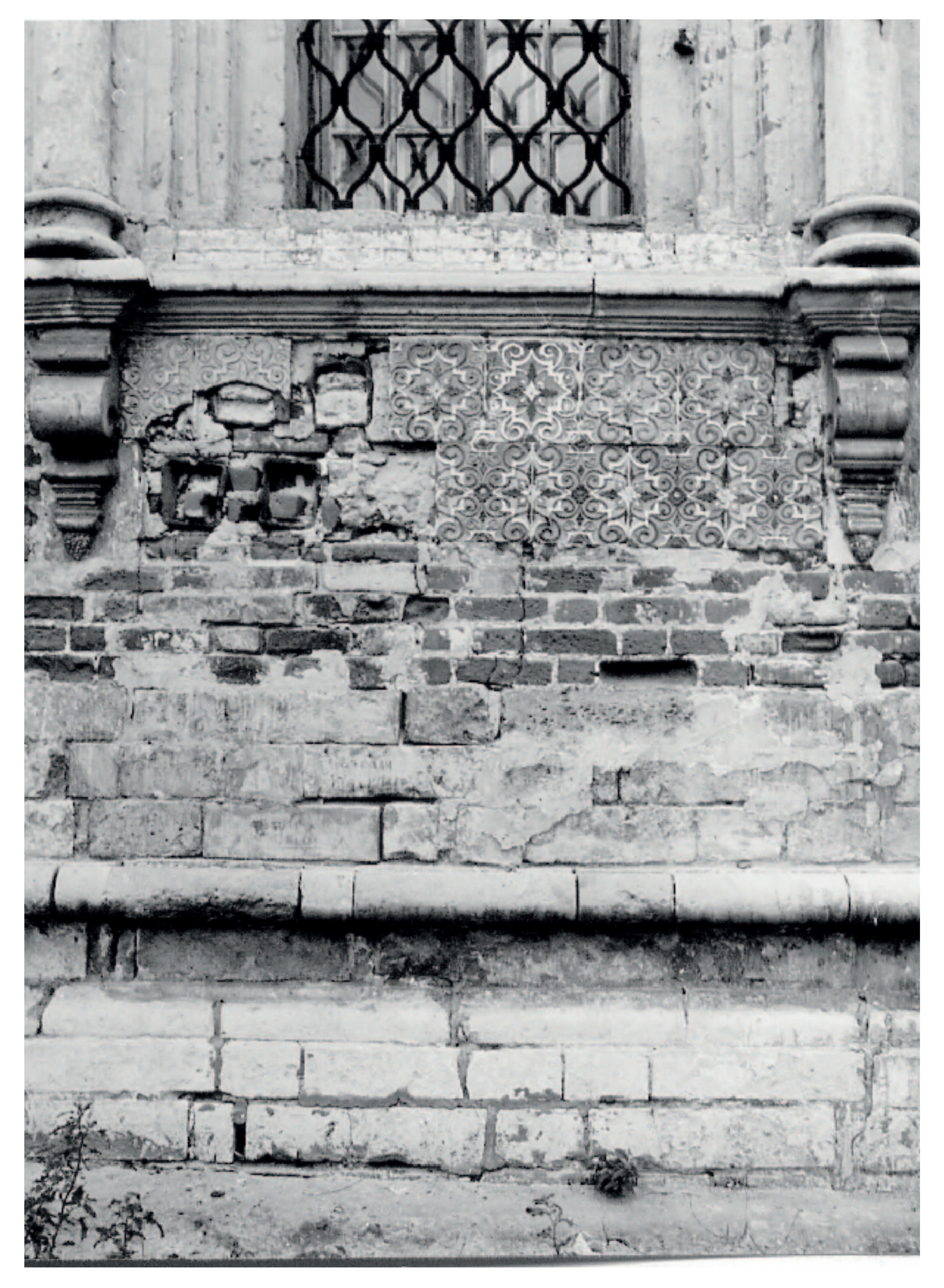
Государственное унитарное предприятие культуры ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦНРПМ)	Стадия	рабочий проект
	Шифр Арх. №	21-пр
	Дата выпуска	10. 2009 г.

Нач.АПМ-1	Романов Н.С.	Заказчик: Министерство культуры РФ 1 - 09 - 21 - пр
ГАП	Любимова И.Д.	*Рязанский Кремль*
Выполнила	Логинова И.Н.	Преображенский собор Спасо-Преображенского монастыря
Проверил	Любимова И.Д.	Северный фасад Проект покраски. Вариант
СОГЛАСОВАНО		

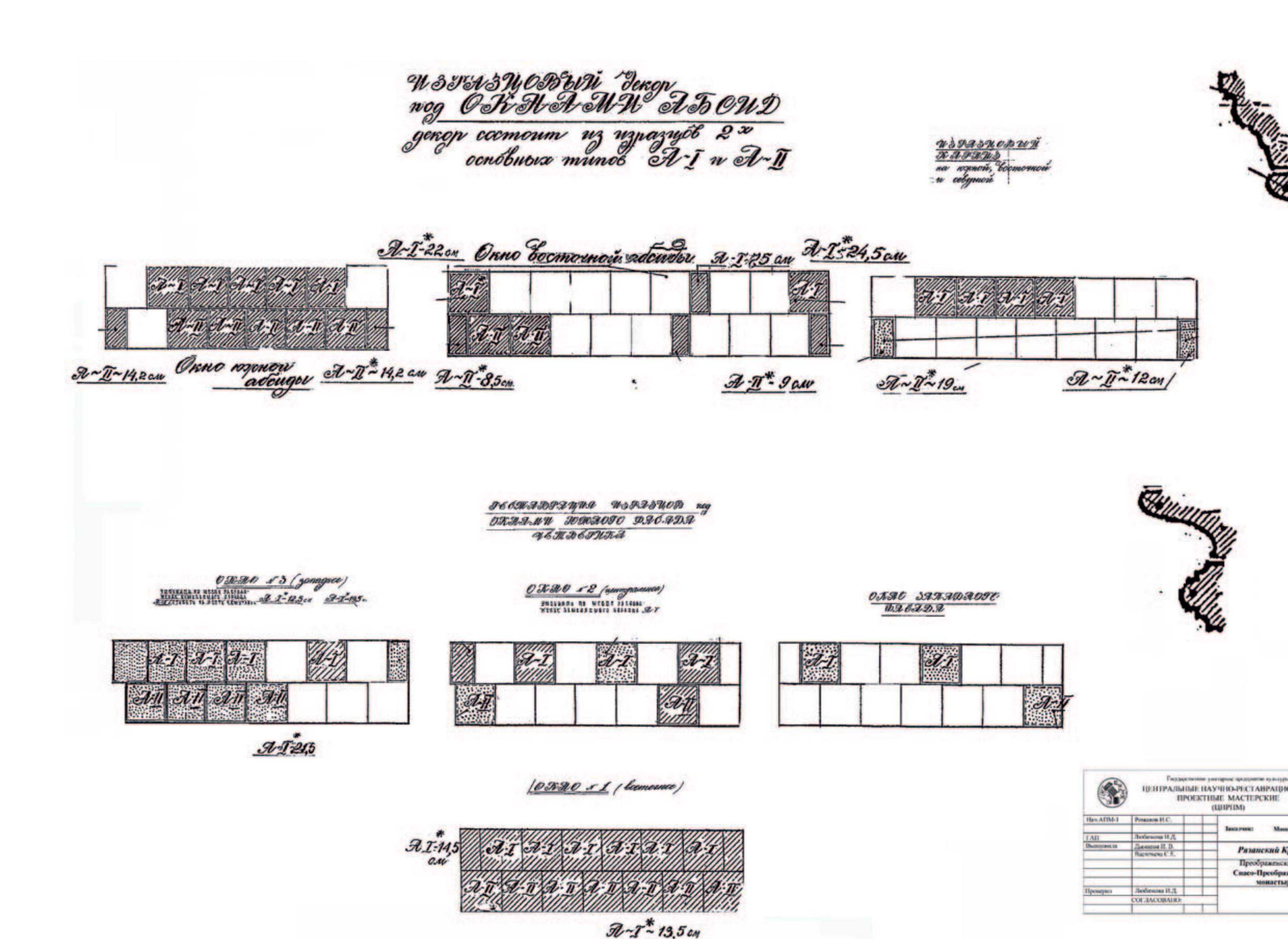
Марка листа		
Масштаб	Лист №	Листов
1 : 50	1	
АПМ-1		

1926 г.
(«Какой большой ветер   Напал на наш город...»)

Изразцы сами никогда не падают. Им помогают ценители ценинного дела, то камнем, то пулей.

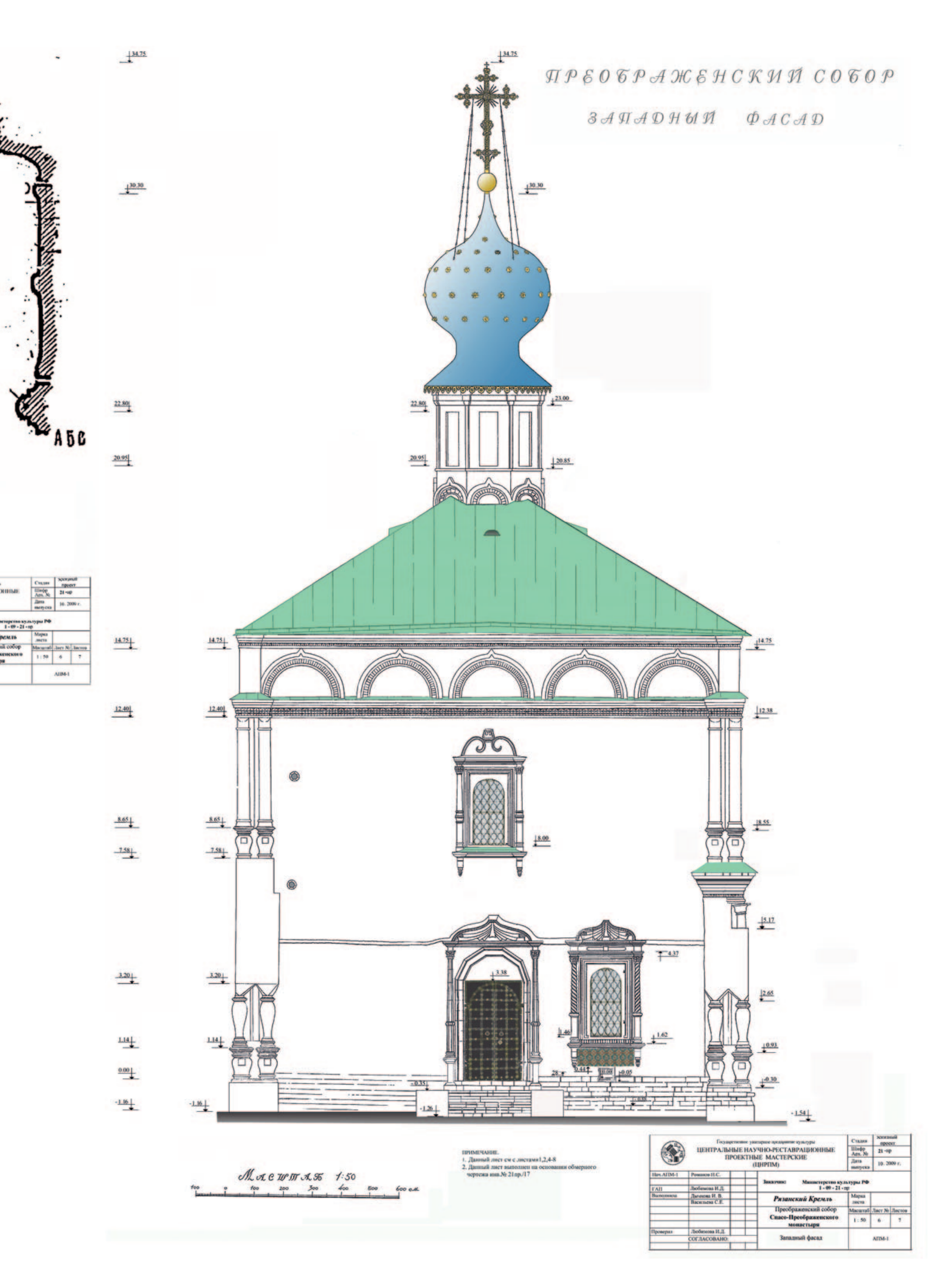
входе прилеплен, всё – есть, и хорошо. «Кузьмич, ты мужественный человек? – Ну, присутствует».

Он теперь неповторим тем, что был повторен тысячу, может быть, раз, только 999 повторов – пропали, а он спасся, он – такой, какой должен быть, вот он и они создают среду, которая воспроизводит людей, хотят они того, или нет, надёжнее, чем Уставы, Уложения, Установления и Конституции. Банально? Да, бесконечно. Почти уже пóшло, надоело – конечно. Но перестать можно только тогда, когда те 95% будут востановлены

Из устоявших под воздействием оптимизаторских стараний – сохранение одного (западного) входа и двух (северного и южного) выходов; главу снабдили нововведением, которое постепенно стали называть одним из двух признаков некоего «украинского барокко» (примитивный кубический силуэт должен быть увенчан главой на тонком горлышке, чем тоньше шейка, тем выше мастерство автора). Несуразность, несообразность этих стебельков скрадывается, когда их много (пять штук – уже лес), а в одноглавом исполнении они пугают зрителя так сильно, что он не в силах приметить нелепость силуэта: психологическая защита автоматически блокирует зрение и оно перестаёт участвовать в формировании образа: «Надувной шарик? – Странно, что не качается. Должен же качаться на ветру, так было бы красиво и живенько».

В Преображенском соборе эта особенность не так сильно лезет в глаза, как в соседней церкви, но порча всё-таки уже состоялась, и через четырёхскатную крышу, и через три «е» в слове «тонкошеее».

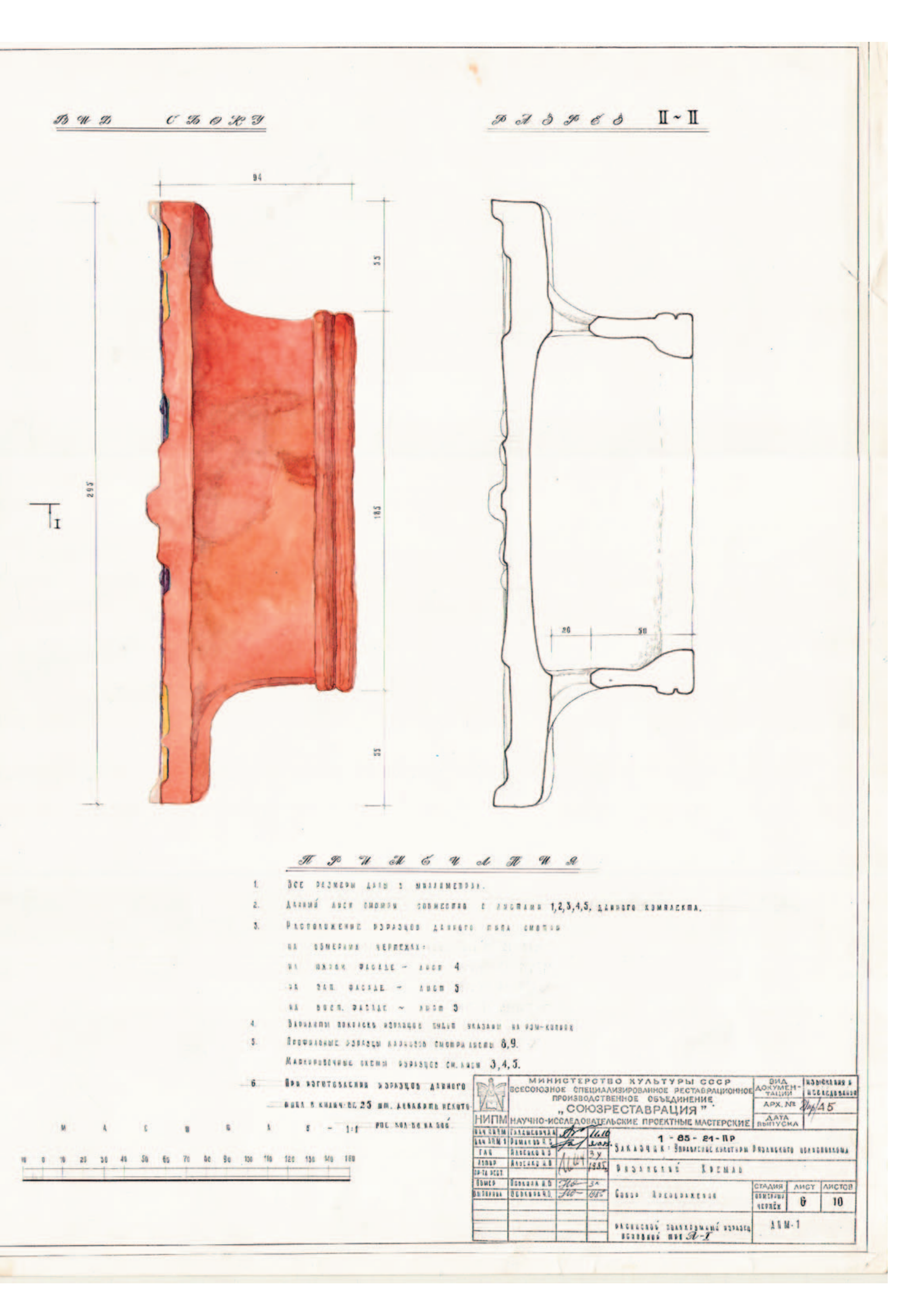
Всё в совокупности свидетельствует о том, что реставраторам из Преображенского собора уходить рано.

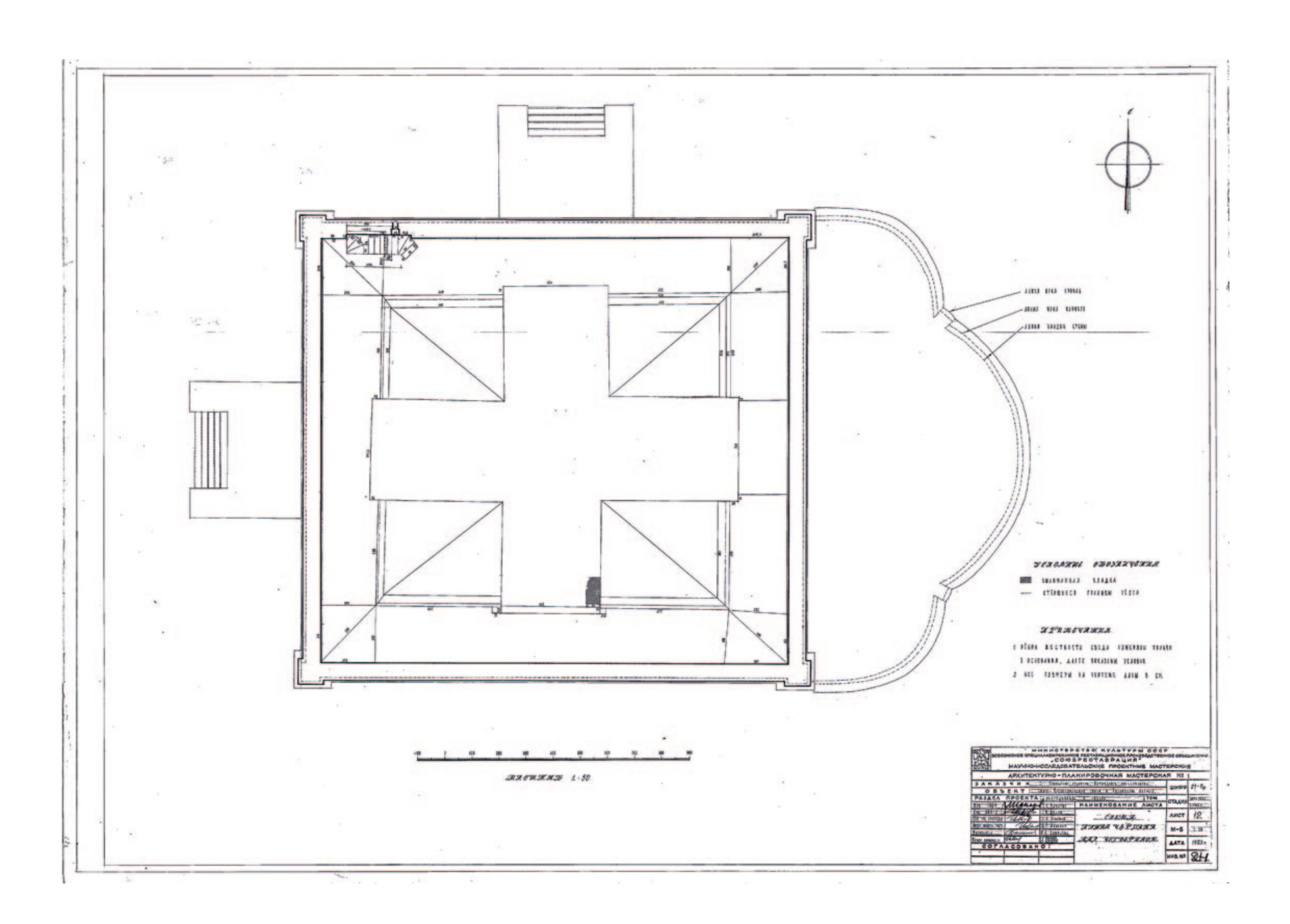
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР
ЗАПАДНЫЙ ФАСАД
34.75
30.30
23.00
22.80
20.95
20.85
14.75
12.40
12.38
8.65
8.55
8.00
7.58
5.17
4.37
3.38
3.20
2.65
1.62
1.46
1.14
0.93
0.00
-0.05
-0.30
-0.35
-1.16
-1.26
-1.54
МАСШТАБ 1:50
ПРИМЕЧАНИЕ.
1. Данный лист см с листами1,2,4-8
2. Данный лист выполнен на основании обмерного чертежа инв.№ 21пр./17
Государственное унитарное предприятие культуры
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦНРПМ)
Стадия
Эскизный проект
Шифр Арх. №
21 -пр
Дата выпуска
10. 2009 г.
Нач.АПМ-1
Романов Н.С.
ГАП
Любимова И.Д.
Выполнила
Дымова И. В.
Васильева С.Е.
Проверил
Любимова И.Д.
СОГЛАСОВАНО:
Заказчик:
Министерство культуры РФ
1 - 09 - 21 - пр
Рязанский Кремль
Марка листа
Преображенский собор Спасо-Преображенского монастыря
Масштаб
Лист №
Листов
1 : 50
6
7
Западный фасад
АПМ-1
АБВ

«При изготовлении изразцов данного вида в колич-ве 25 шт.

добавить некоторое кол-во на бой». И в начале XVIII века, и в 1985 году.

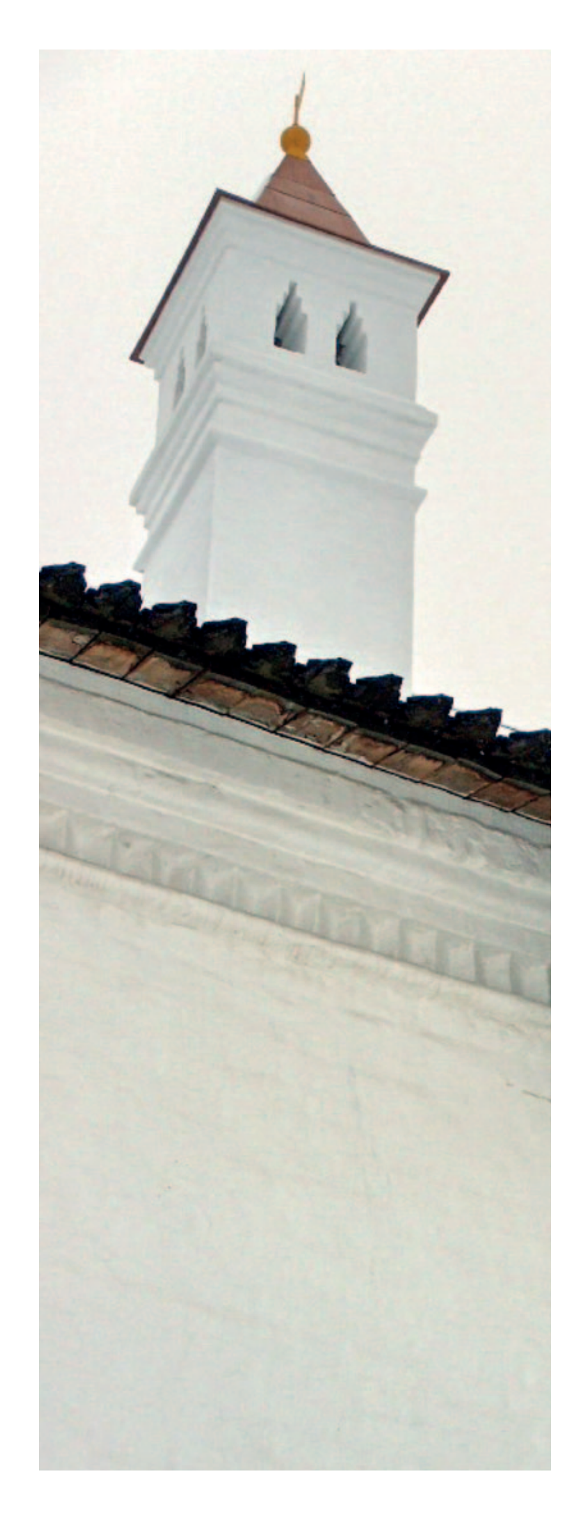

План чердака.

Корпус для пения и для казны

Или наоборот, для казны и для пения. Казначей, живший тут, иногда пускал певчих в свои какие-то покои, чтобы не позорились сразу в церкви, а порепетировали заранее, в укромном месте, и скорее всего присутствовал при спевках, если ухо было настроено. Вряд ли он для исполнения обязанностей бухгалтера удалялся из дому в контору, чтобы там костяшками счётов стучать. А тут можно и послушать, и за порядком последить, глядишь, самому разумному из певчих можно поручить иной раз и страшную обедню сочинить к двунадесятому празднику. Самые важные ценности хранились в ризнице, а на текущие расходы мошна пряталась в сундук или ларь где-то прямо в этом жилом строении. Оно тем и интересно, что это самое обычное гражданское (в смысле, не невоенное, а нецерковное) строение, не сильно отличавшееся от одно- и двухэтажных деревянных сооружений.

И в дереве, и в камне крыльцо или всход принято было делать снаружи по понятным соображениям. Пользуешься им, то есть находишься на нём, от силы десять минут в день, всё-таки от дождя или снега перед дверью укрыться надо, да и подъём одолеть под крышей. Какая-никакая, но лестница нужна, и если её сделать изнутри, придётся топить помещение, по которому только бегаешь, и то недолго. Для здешнего климата внешнее крыльцо, особенно на второй этаж – это не блажь для благолепия, а сбережение дров. Именно из-за обычности дома для жилья, а не для прочих надобностей, плохо сохранились. Чего их беречь-то, когда они все такие же кругом стоят! Стояли-стояли, а потом махом и пропали, с переменой технологии и, главное, образа жизни. А теперь найти неиспорченный трёхсотпятидесятилетний дом – редкая удача, речь вряд ли идёт о тысячах, если не считать спрятанные фундаменты.

Западный фасад Певческого корпуса с пристроенным в XIX в. тамбуром на месте древнего крыльца. Вид до 1958 г.

Изменения, произошедшие во внешнем облике и внутренних помещениях дома в XVIII и XIX веках, заставляют, не путаясь в оценках этических и профессиональных колебаний их авторов, описать их достижения как путь деградации архитектурной мысли в сторону примитивизации, проистекшей из лени, общественной растерянности и скудости разнообразных ментальных и материальных ресурсов.

Волны оскудения накатывались и позже, но ближе ко второй половине XX века привычный героизм реставраторов чаще стал теснить остывание интереса к важнейшим жизненным основаниям, начиная с И.В. Ильенко, а позже Е.Г. Одинец, И.Д. Любимовой, Г.Б. Меньшиковой.

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

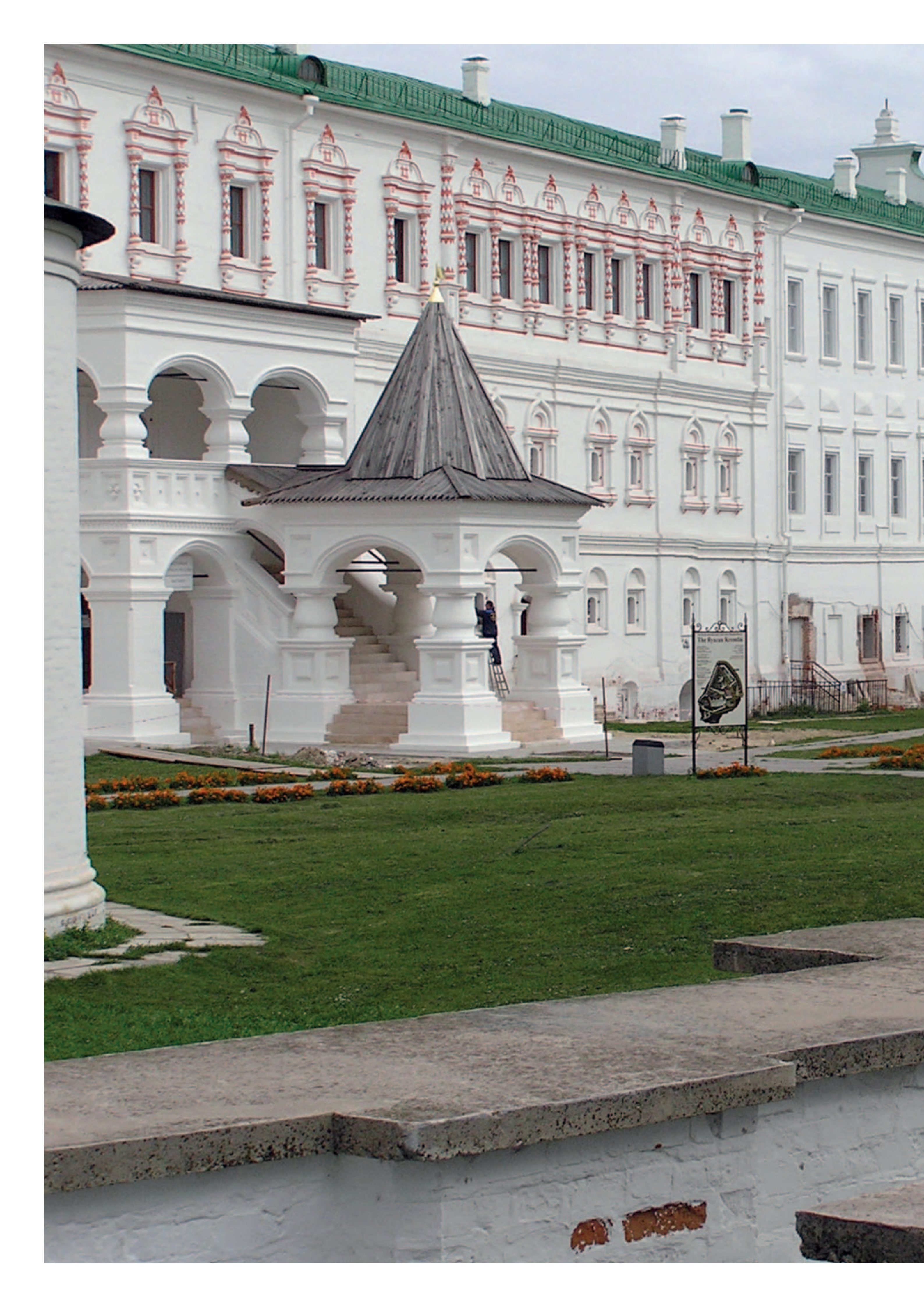
I. Общие сведения

Проект реставрации фасадов Певческого корпуса (XVII – XIX в.в.) составлен на основании контракта № [...] от 24.10.2011 г., заключенного между ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник» (директор О.С. Кречетова) и ГУП ЦНРПМ МК РФ (директор В.Н. Фатин).

Данный проект выполнен с учетом современных требований к проектной документации и вносит корректировки в проект реставрации фасадов 1970-х гг., разработанный архитектором И.В. Ильенко.

Стена ограды конца XVIII – начала XIX вв. между Певческим корпусом и Архиерейским домом также включена в данный проект реставрации.

По проекту архитектора И.В. Ильенко в середине 1970 гг., силами Рязанской СНРПМ были проведены реставрационные работы по фасадам и интерьерам. Восстановлен древний декор фасадов, внутренняя планировка, дверные и оконные проемы, а также двухярусное кирпичное

Западный фасад Певческого корпуса в Рязанском Кремле. Вид после реставрации 1970-х г.г. (крыша еще не восстановлена). автор проекта реставрации арх. И.В. Ильенко.

Певческий корпус в Рязанском Кремле. Вид с юго-запада на крыльцо, воссозданное в 1970-х г.г. арх. И.В.Ильенко. Фото 1984 г..

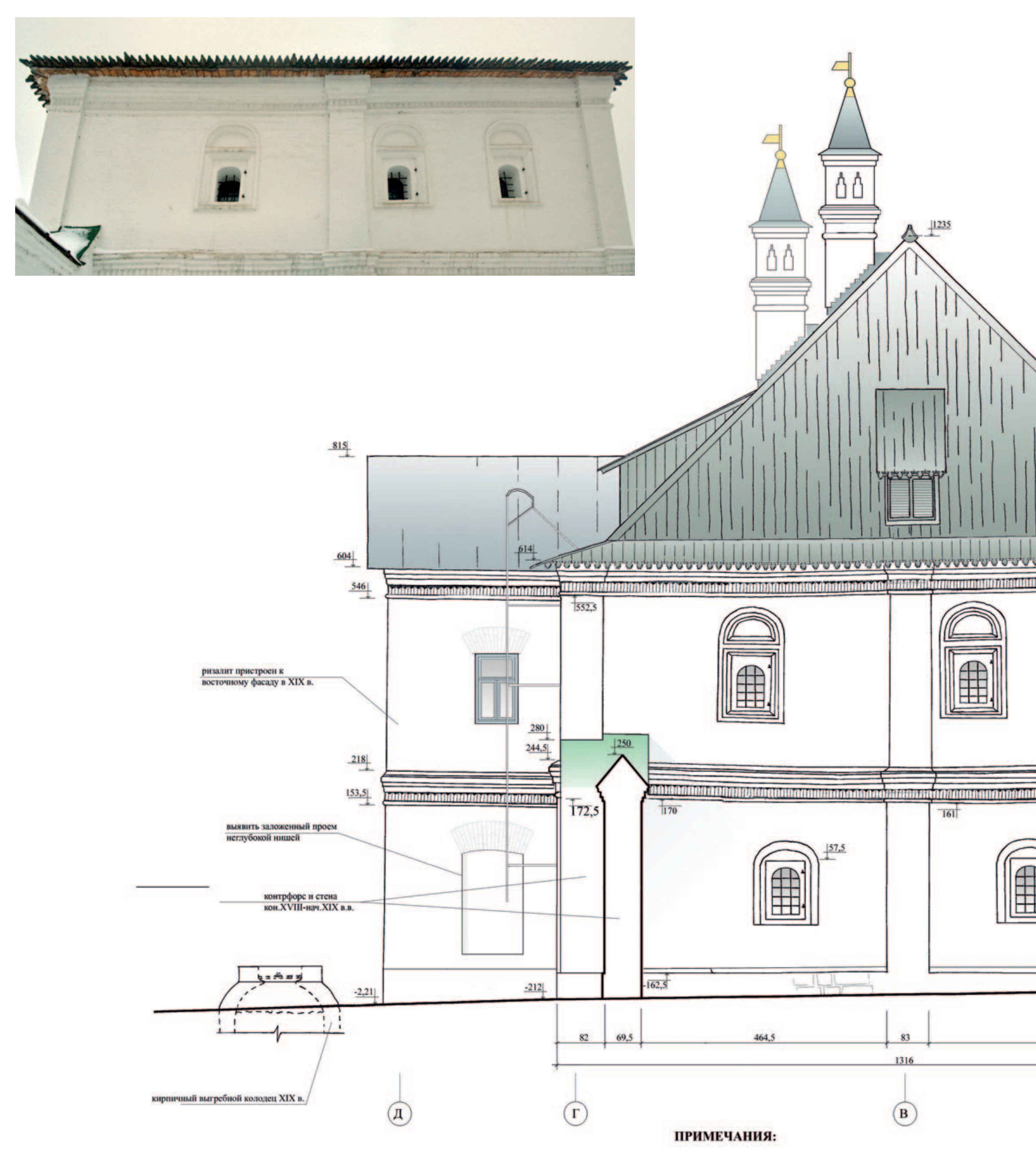
Вид западного фасада Певческого корпуса после воссоздания высокой тесовой кровли в 1979-80 г.г. Не восстановлены дымники и нет пик на полице. У крыльца без согласования с арх. И.В.Ильенко пристроено нижнее ограждение лестницы с тумбой.

Фото 1980 г.

Певческий корпус.
План-схема 1-го этажа

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Все размеры указаны в см.
2. Проект реставрации западного, южного и восточного фасадо
3. Белокаменный цоколь очищается от загрязнений и биопораж по рекомендациям технологов ОРТР ГУП ЦНРПМ.
4. Поверхность фасада и стены ограды кон.XVIII-нач.XIXв крас кремнийорганическая краска "Амфисилан" фирмы "Caparol"
5. Столярка окон XIX в. красится в серый (дикой) цвет.
6. Решетки и подставы окон XVII в. красятся в цвет темного гр
7. Медное окрытие дымников покрасить в цвет полуды (серебр
8. Прапоры, шары и конусы позолотить.
9. Окрытие стены ограды кон.XVIII - нач.XIX в. красится в зел поверхности конрфорса будет решен в процессе производств
10. Тесовая (из осиновых досок) кровля Певческого корпуса не к
11. Металлическая кровля ризалита на восточном фасаде (б.рети
12. Пожарная лестница красится в белый цвет.

РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ. ПЕВЧЕСКИЙ КОРПУС

СЕВЕРНЫЙ ФАСАД. М 1 : 50
Проект реставрации с покраской

в см. листы арх. №№ 21-п/154, 156, 157
ений и обрабатывается спец.гидрофобизирующим составом

сится в белый цвет по обмазке; используется водно-дисперсионная
(белый цвет по каталогу NCS для краски "Амфисилан").

афита
исто-серый).

еный (окись хрома) цвет; вопрос о металлическом окрытии наклонной
а работ.
расится.
рада) красится в цвет полуды (серебристо-серый).

МАСШТАБ 1 : 50

100 0 100 200 300 400 500 600 700 см

Государственное Унитарное Предприятие ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦНРПМ)			стадия	исследования и изыскания
			арх. №	21-п/155
			дата выпуска	декабрь 2011 г.
Рук. АПМ-1	Романов Н.С.	заказчик: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник		
Рук.авт.колл-ва,				
ГАП	Одинец Е.Г.			
ГАП	Любимова И.Д.	*Рязанский Кремль*	марка листа	
вед.архитектор	Меньшикова Г.Б.			
выполнила	Меньшикова Г.Б.	Певческий корпус	масштаб / лист № / листов	
			1 : 50 / 2 / 4	
Проверил	Одинец Е.Г.	Северный фасад. Проект реставрации с покраской	АПМ - 1	
СОГЛАСОВАНО:				

План Кремля города Рязани. Чертёж втор. пол. XVIII в.
(Найдена арх. Одинец Е.Г. в архиве С-Петербурга.)

крыльцо с деревянным шатровым завершением на главном (западном) фасаде. Крыша на корпусе оставалась в формах XIX в. – низкая, окрытая железом, с поздними печными трубами, хотя по проекту архитектора И.В. Ильенко она должна была быть высокой, тесовой, с дымниками.

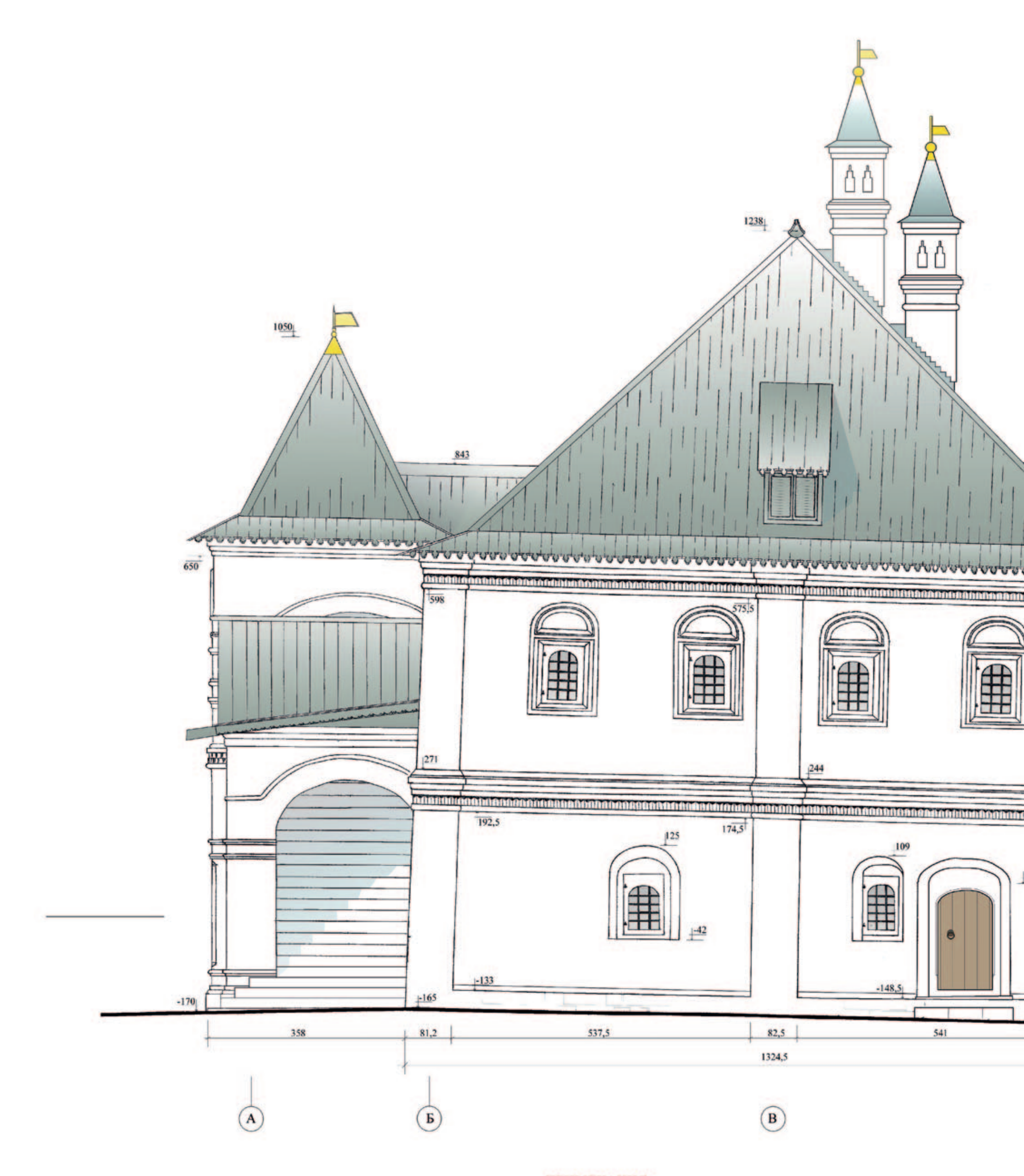
Конструкции деревянной кровли были разработаны инженером А.И. Дьячковым под руководством Г.Н. Ровинского в 1978 г. (инж. отдел В/О «Союзреставрация», ныне ГУП ЦНРПМ МК РФ). Тогда же проект высокой деревянной кровли с дымниками был согласован [с] Министерством культуры СССР.

Однако этот проект долгое время не осуществлялся из-за отсутствия финансирования, все эти годы на Певческом корпусе сохранялась металлическая кровля в редакции XIX в.

В 2004–2005 гг. по откорректированным инженерным чертежам проекта реставрации 1970 годов была восстановлена высокая тесовая кровля из осиновой доски. В 2010 г. над кровлей восстановили дымники в формах XVII в. Аналогией для разработки рабочего чертежа на дымники послужили формы дымников Певческих палат XVII века Новодевичьего монастыря в Москве. Работы выполнялись по указаниям и чертежам авторского надзора.

[...]

Дымники восстановлены как рабочие. Их расположение связано с существующими печными каналами, идущими от восстановленных в интерьерах изразцовых печей XVII в.

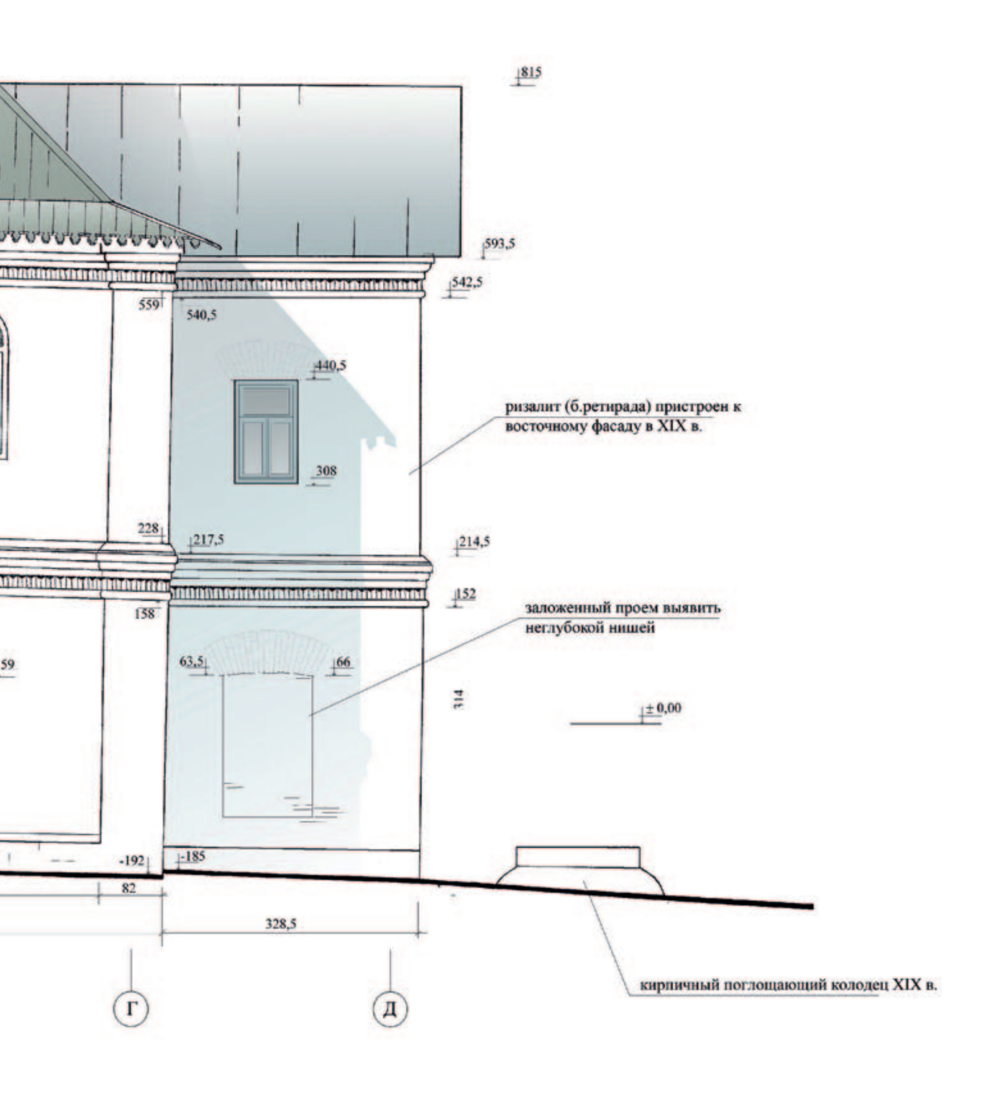
ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Все размеры указаны в см.
2. Обмерный чертеж южного фасада см. лист арх. № 21-п/153
3. Проект реставрации восточного, северного и западного фасадов см. листы арх
4. Белокаменный цоколь очищается от загрязнений и биопоражений и обрабаты по рекомендациям технологов ОРТР ГУП ЦНРПМ.
5. Поверхность фасада красится в белый цвет по обмазке; используется водно-д кремнийорганическая краска “Амфисилан” фирмы “Caparol” (белый цвет по к
6. Столярка окон XIX в. красится в серый (дикой) цвет.
7. Решетки и подставы окон XVII в. красятся в цвет темного графита
8. Медное окрытие дымников покрасить в цвет полуды (серебристо-серый).
9. Прапоры, шары и конусы позолотить.
10. Дверь красится в коричневый цвет. Цвет подбирается в присутствии арх.надзо
11. Металлическая кровля ризалита на восточном фасаде (б.ретирада) красится в
12. Тесовая (из осиновых досок) кровля Певческого корпуса не красится.

РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ. ПЕВЧЕСКИЙ КОРПУС

ЮЖНЫЙ ФАСАД. М 1: 50

Проект реставрации с покраской

МАСШТАБ 1 : 50

100 0 100 200 300 400 500 600 700 см

. №№ 21-п/154,155,156
вается спец.гидрофобизирующим составом

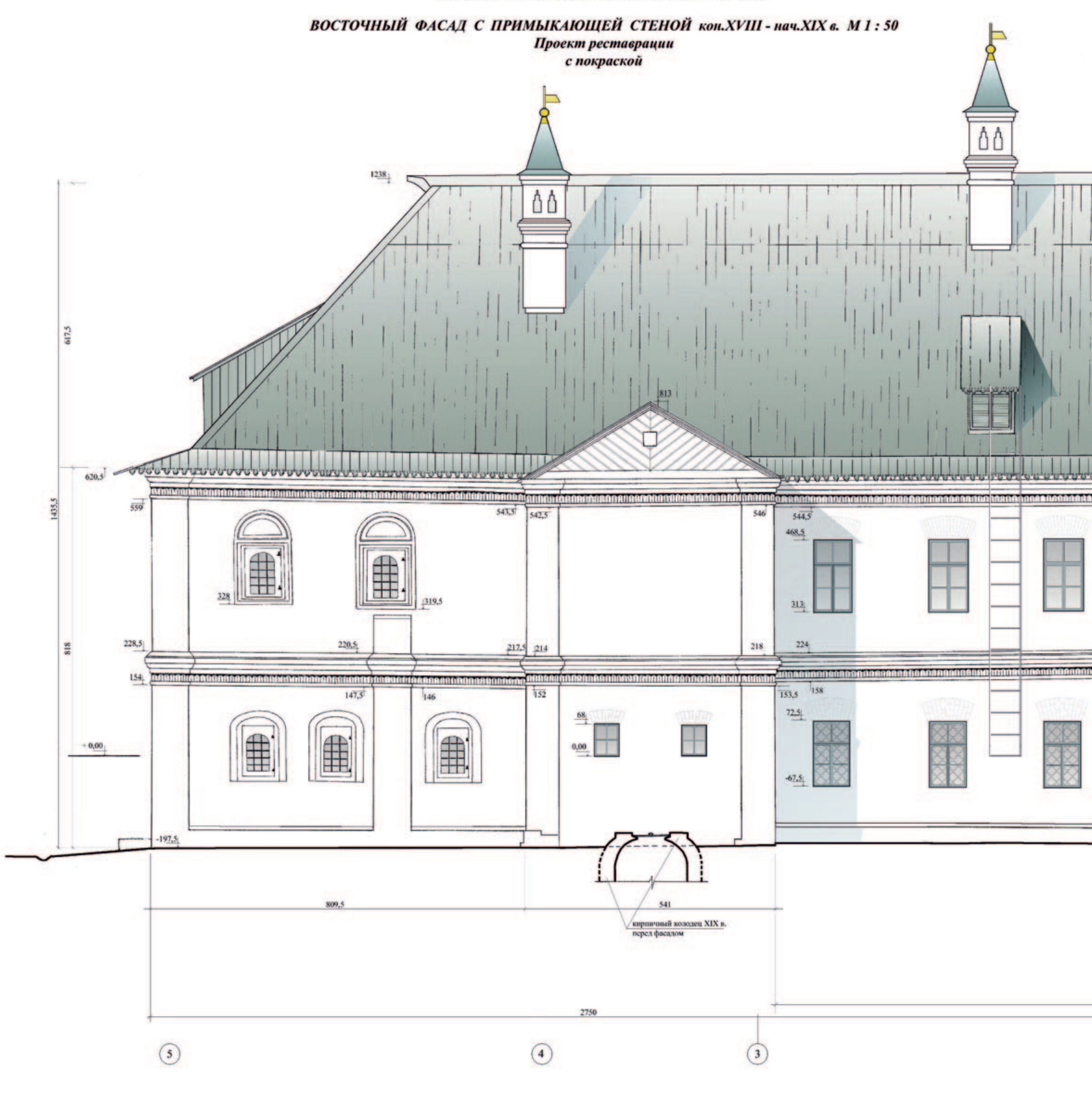
исперсионная
аталогу NCS для краски “Амфисилан”).

ра.
цвет полуды (серебристо-серый).

Государственное Унитарное Предприятие ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦНРПМ)				стадия	проектная	
				арх. №	21-п/157	
				дата выпуска	ноябрь 2011 г.	
Рук. АПМ-1	Романов Н.С.			заказчик: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник		
Рук.авт.колл-ва,						
ГАП	Одинец Е.Г.					
ГАП	Любимова И.Д.			*Рязанский Кремль*	марка листа	
вед.архитектор	Меньшикова Г.Б.					
выполнила	Меньшикова Г.Б.			Певческий корпус	масштаб	лист № / листов
					1 : 50	4 / 4
Проверил	Одинец Е.Г.			Южный фасад. Проект реставрации с покраской	АПМ - 1	
СОГЛАСОВАНО:						

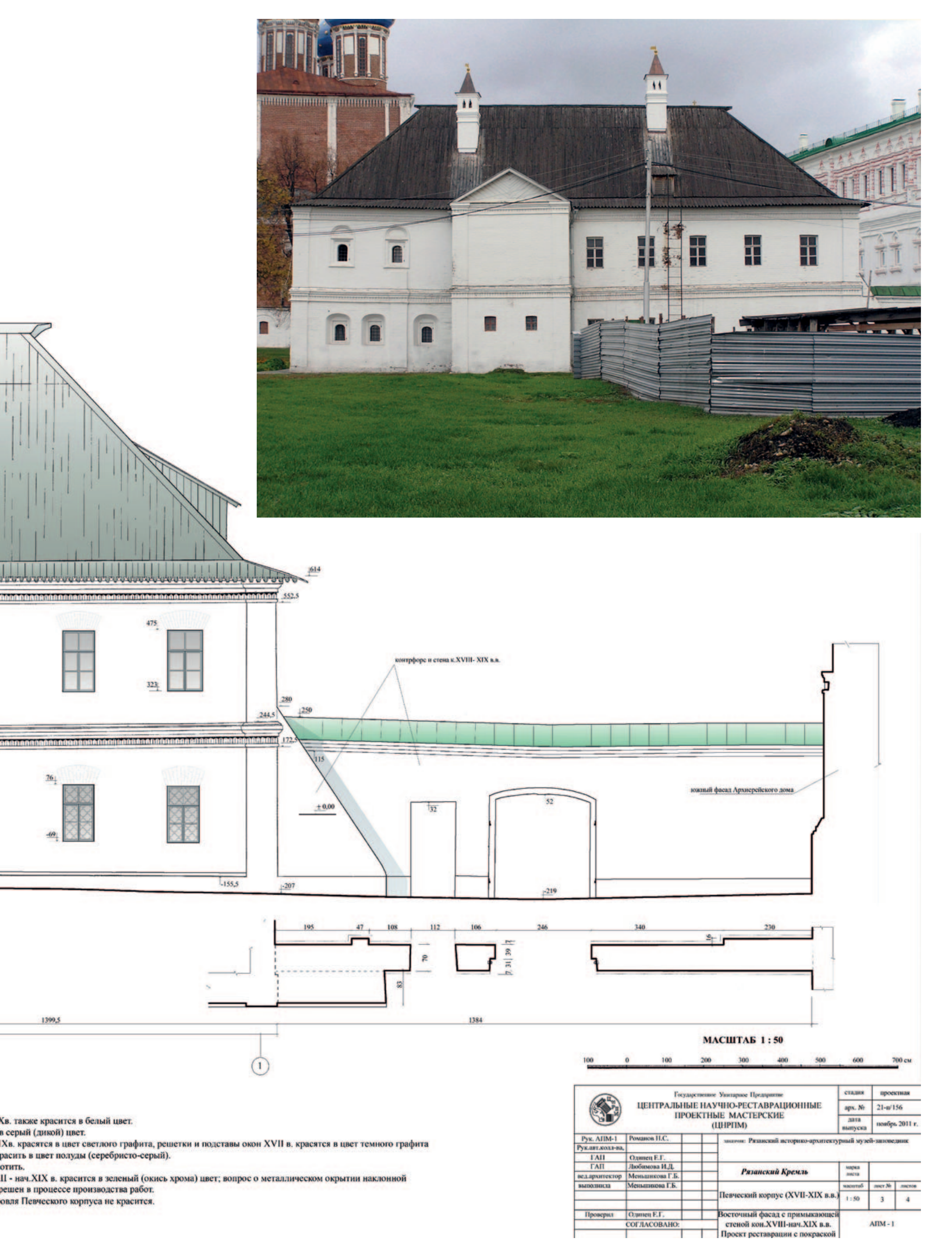
РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ. ПЕВЧЕСКИЙ КОРПУС

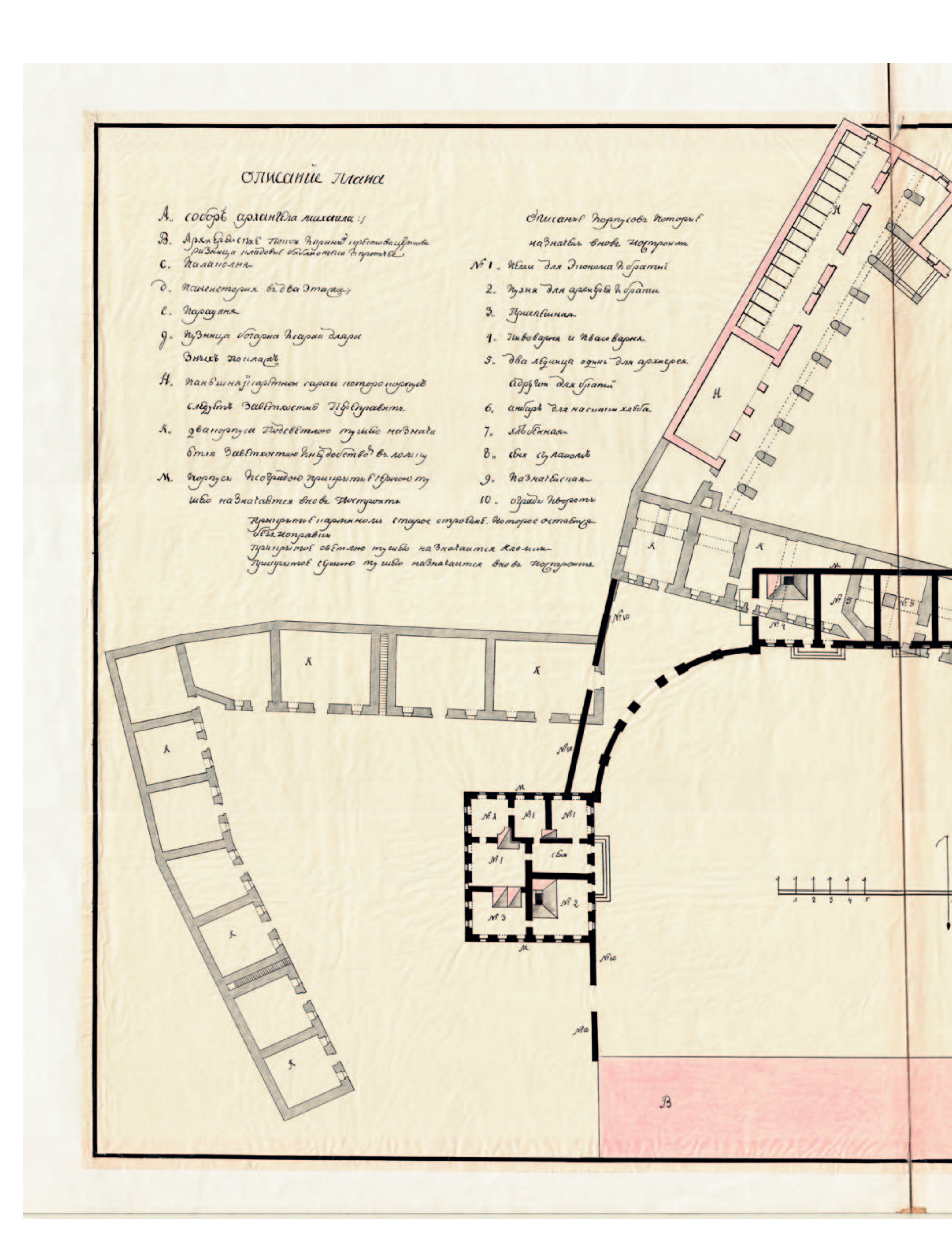
ВОСТОЧНЫЙ ФАСАД С ПРИМЫКАЮЩЕЙ СТЕНОЙ кон.XVIII - нач.XIX в. М 1 : 50
Проект реставрации
с покраской

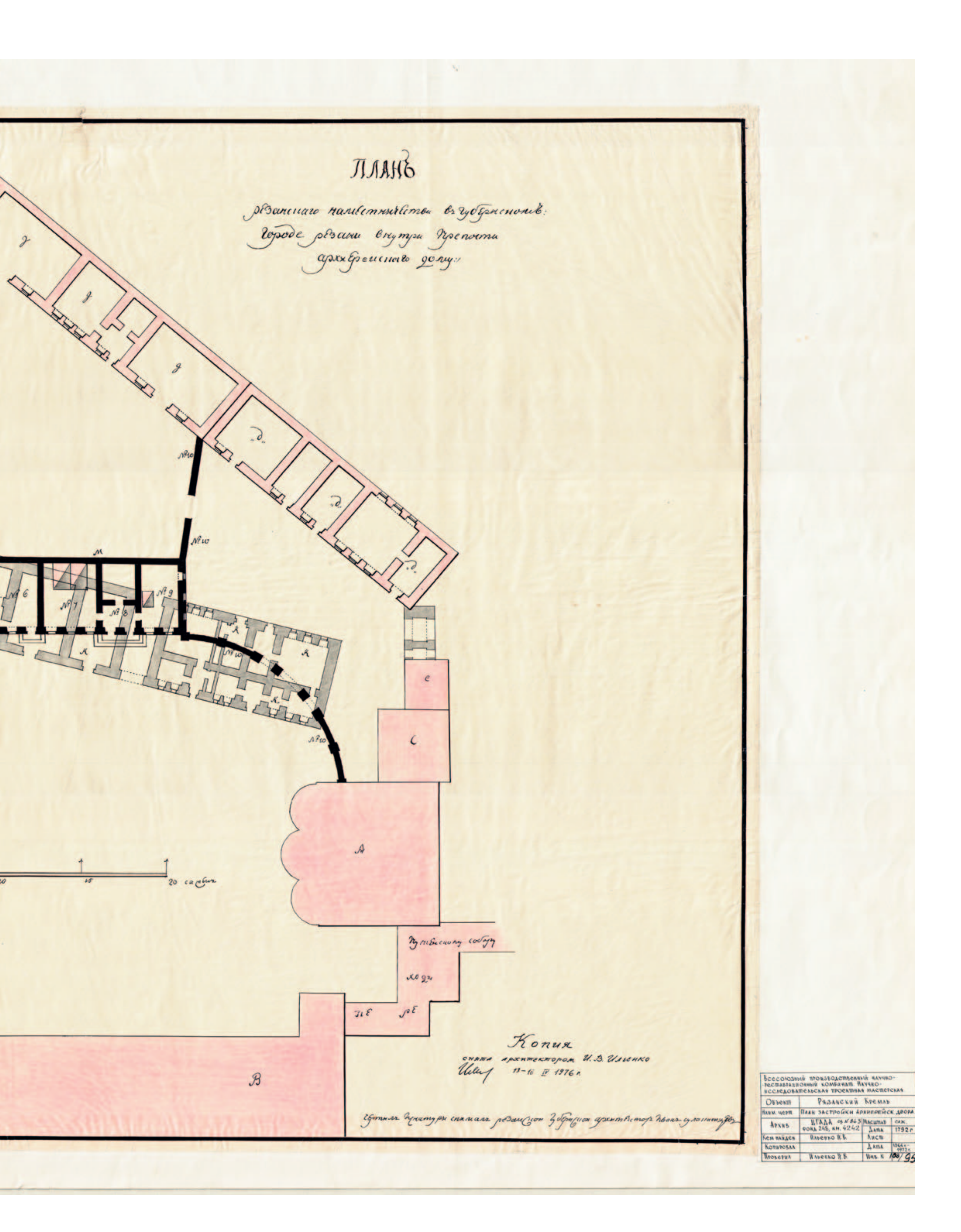

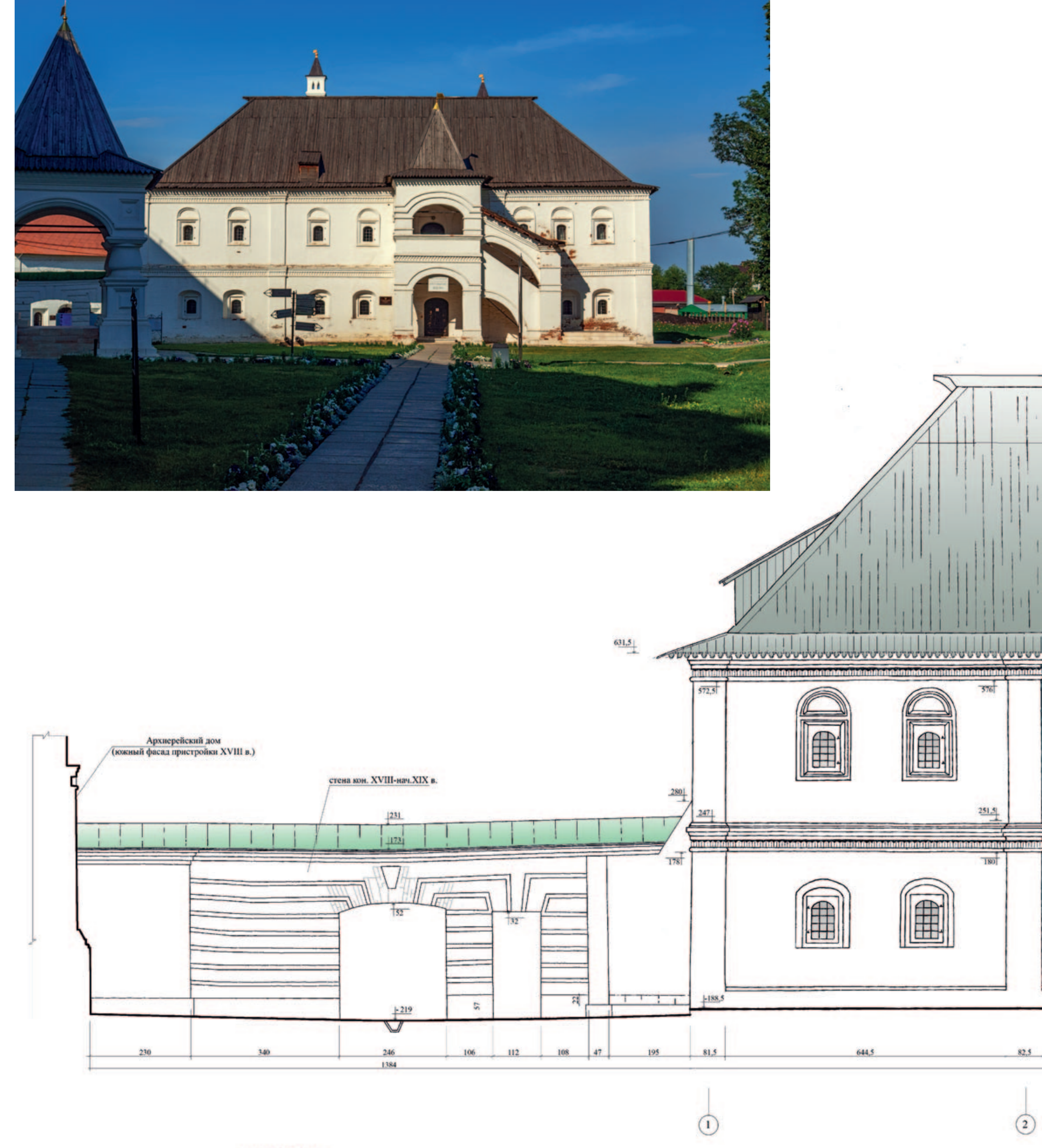
ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Все размеры указаны в см.
2. Обмерный чертеж восточного фасада см. лист арх. № 21-п/152 , 2011 г.
3. Проект реставрации южного, северного и западного фасадов см. листы арх.№№ 21-п/154, 155, 157
4. Белокаменный цоколь очищается от загрязнений и биопоражений и обрабатывается спец.гидрофобизирующим составом по рекомендациям технологов ОРТР ГУП ЦНРПМ.
5. Поверхность фасада и стены ограды кон.XVIII-нач.XIXв красится в белый цвет по обмазке; используется водно-дисперсионная кремнийорганическая краска "Амфисилан" фирмы "Caparol" (белый цвет по каталогу NCS для краски "Амфисилан").
6. Дощатый фронтон ризалита XI
7. Столярка окон XIX в. красится
8. Решетки между рамами окон X
9. Медное окрытие дымников пок
10. Прапоры, шары и конусы позол
11. Окрытие стены ограды кон.XV
поверхности контрфорса будет
12. Тесовая (из осиновых досок) кр

контрфорс и стена к.XVIII- XIX в.в.
южный фасад Архиерейского дома
МАСШТАБ 1 : 50
100 0 100 200 300 400 500 600 700 см
Хв. также красится в белый цвет.
в серый (дикой) цвет.
IXв. красятся в цвет светлого графита, решетки и подставы окон XVII в. красятся в цвет темного графита
расить в цвет полуды (серебристо-серый).
отить.
II - нач.XIX в. красится в зеленый (окись хрома) цвет; вопрос о металлическом окрытии наклонной
решен в процессе производства работ.
овля Певческого корпуса не красится.
Государственное Унитарное Предприятие
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦНРПМ)
стадия проектная
арх. № 21-и/156
дата выпуска ноябрь 2011 г.
Рук. АПМ-1 Романов Н.С.
Рук.авт.колл-ва,
ГАП Одинец Е.Г.
ГАП Любимова И.Д.
вед.архитектор Меньшикова Г.Б.
выполнила Меньшикова Г.Б.
Проверил Одинец Е.Г.
СОГЛАСОВАНО:
заказчик: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
Рязанский Кремль
марка листа
Певческий корпус (XVII-XIX в.в.)
масштаб 1 : 50
лист № 3
листов 4
Восточный фасад с примыкающей стеной кон.XVIII-нач.XIX в.в.
Проект реставрации с покраской
АПМ - 1

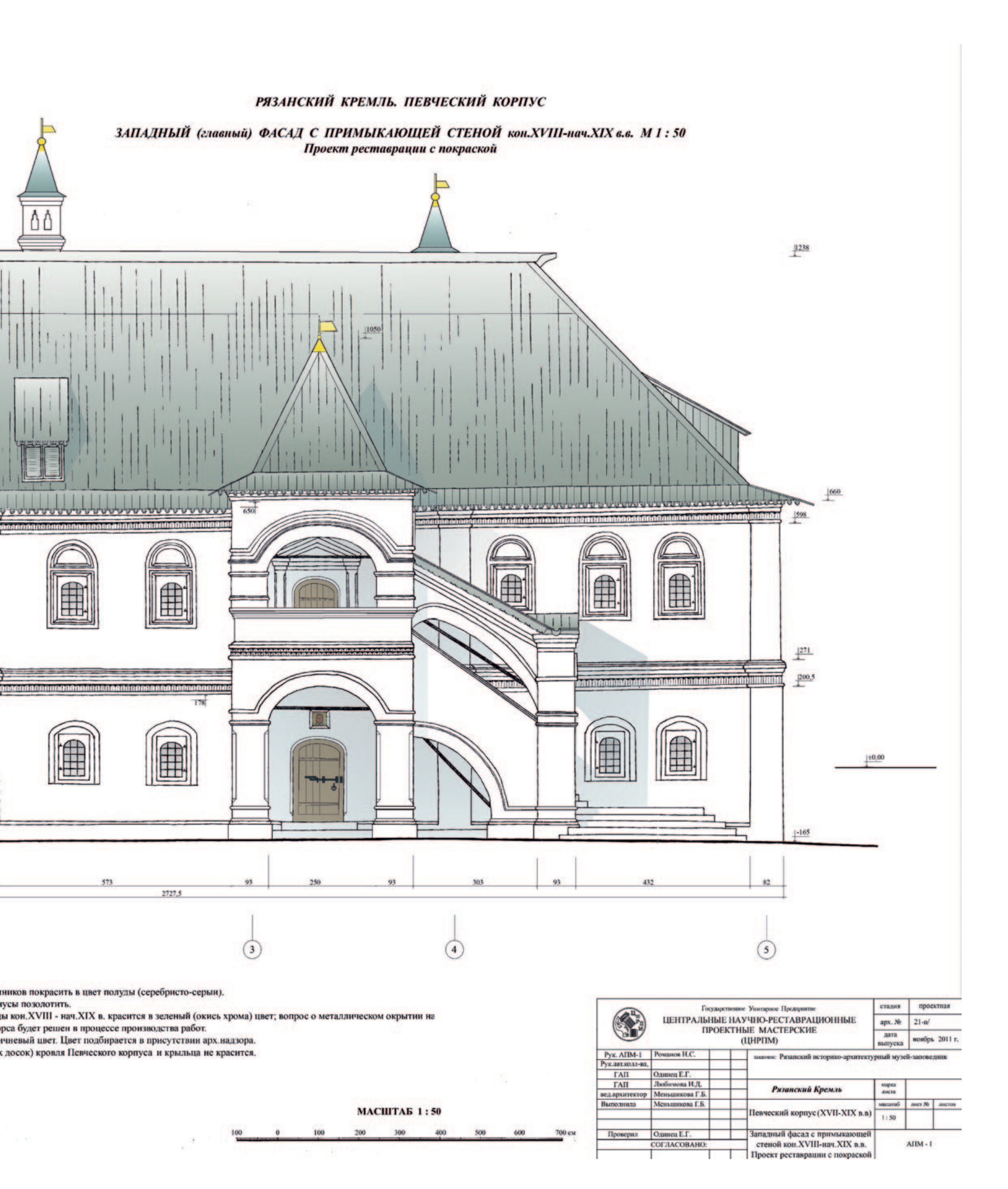

Описаний плана
А. соборъ архангела михаила
Описание корпусовъ которые назначены вновь построить
№ 1.
2. Кухня для архиерея и братии
3. Приспешная
4. Пивоварня и квасоварня
5. два ледника одинъ для архиерея а другой для братии
6. анбаръ для насыпки хлеба
7. хлебенная
8. сени с чуланомъ
9. Казначейская
10. ограда и ворота
прикрытое кармином старое строение которое оставляется безъ поправки
прикрытое светлою тушью назначается к ломке
прикрытое серою тушью назначается вновь построить
Н
К
М
№ 10
№ 1
№ 2
№ 3
№ 5
В
1 2 3 4 5

Планъ
А
В
С
е
Копия
снята архитектором И. В. Ильенко
13–16 IV 1976 г.
Всесоюзный производственный научно-реставрационный комбинат. Научно-исследовательская проектная мастерская
Объект
Рязанский Кремль
Наим. черт.
План застройки архиерейск двора
Архив
ЦГАДА оп. № 863 фонд 248, кн. 4242
Масштаб
саж.
Дата
1792 г.
Кем найден
Ильенко И. В.
Лист
Копировал
Дата
1966–1972 г.
Проверил
Ильенко И. В.
Инв. N
100/95

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Все размеры указаны в см.
2. Проект реставрации южного, северного и восточного фасадов см. листы арх.№№ 21-п/
3. Белокаменный цоколь очищается от загрязнений и биопоражений и обрабатывается спец.гидрофобизирующим составом по рекомендациям технологов ОРТР ГУП ЦНРПМ.
4. Поверхность фасада и стены ограды кон.XVIII-нач.XIXв красится в белый цвет по обмазке; используется водно-дисперсионная кремнийорганическая краска "Амфисилан" фирмы "Caparol" (белый цвет по каталогу NCS для краски "Амфисилан").
5. Решетки и подставы окон XVII в. красятся в цвет темного графита.
6. Медное окрытие ды
7. Прапоры, шары и ко
8. Окрытие стены огра
поверхности контрф
9. Двери красятся в кор
10. Тесовая (из осиновы

РЯЗАНСКИЙ КРЕМЛЬ. ПЕВЧЕСКИЙ КОРПУС
ЗАПАДНЫЙ (главный) ФАСАД С ПРИМЫКАЮЩЕЙ СТЕНОЙ кон.XVIII-нач.XIX в.в. М 1 : 50
Проект реставрации с покраской
1238
1050
660
650
598
271
200,5
178
±0,00
-165
573
2727,5
93
250
93
303
93
432
82
3
4
5
ников покрасить в цвет полуды (серебристо-серый).
усы позолотить.
ды кон.XVIII - нач.XIX в. красится в зеленый (окись хрома) цвет; вопрос о металлическом окрытии на
рса будет решен в процессе производства работ.
чневый цвет. Цвет подбирается в присутствии арх.надзора.
 досок) кровля Певческого корпуса и крыльца не красится.
МАСШТАБ 1 : 50
100
0
100
200
300
400
500
600
700 см
Государственное Унитарное Предприятие
ЦЕНТРАЛЬНЫЕ НАУЧНО-РЕСТАВРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ (ЦНРПМ)
стадия
проектная
арх. №
21-п/
дата выпуска
ноябрь 2011 г.
Рук. АПМ-1
Романов Н.С.
Рук.авт.колл-ва,
ГАП
Одинец Е.Г.
ГАП
Любимова И.Д.
вед.архитектор
Меньшикова Г.Б.
Выполнила
Меньшикова Г.Б.
Проверил
Одинец Е.Г.
СОГЛАСОВАНО:
заказчик: Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
Рязанский Кремль
марка листа
Певческий корпус (XVII-XIX в.в)
масштаб
лист №
листов
1 : 50
Западный фасад с примыкающей стеной кон.XVIII-нач.XIX в.в. Проект реставрации с покраской
АПМ - 1

Работы по кровле и дымникам выполнялись ЗАО «Рязанское научно-реставрационное управление» (ген. директор В.В. Тюнин, начальник участка № 1 О.А. Карцев).

В настоящее время отделка фасадов обветшала и требует возобновления, имеются просадочные трещины, требуется замена столярки, подводка фундамента со стороны восточного и южного фасадов, вычинка белокаменного цоколя.

В 2010 г. по заданию ФГУК РИАМЗ специалистами-технологами ООО «Рестек» были выполнены исследования состояния фасадов, подтвердившие их крайне неудовлетворительное состояние, а также разработаны «Технологические рекомендации для проведения реставрационных работ на фасадах Певческого корпуса».

II. Краткая историческая записка

Певческий корпус в Рязанском Кремле построен в середине XVII в., предположительно, в 1658 г. Автором его, возможно, был архитектор «каменных дел подмастерье» из Москвы «загужской слободы теглец» Ю.К. Ершов.

Своё название Певческий корпус получил от проводимых здесь спевок певчих, в выделенной для них специальной палате. Основное же назначение здания было иное. В нём находились жилые помещения для архиерейских служителей – эконома и казначея. В юго-восточной палате 1-го этажа располагалась приёмная эконома.

Корпус представляет собой двухэтажное кирпичное здание гражданской архитектуры. В нём применена, можно сказать, «типовая» жилая секция XVII в., состоящая из холодных сеней и примыкающих к ним под прямым углом теплых сеней, как в первом, так и во втором этажах. Две двери из теплых сеней ведут в две изолированные палаты, расположенные рядом и имеющие окна, выходящие, в основном, на главный фасад. В противоположной главному входу стороне холодных сеней пристроена небольшая двухэтажная палатка-ретирада. В 1 этаже по другую сторону от жилья, со входом непосредственно из холодных сеней, располагалась небольшая кухня. Соседняя с кухней приемная эконома имела отдельный вход с улицы. В приёмной сохранились значительные фрагменты уникальных первоначальных настенных орнаментальных росписей.

В XVIII веке здание сильно обветшало и одно время даже намечалось к полной разборке; для эконома на другом месте в восточной части Архиерейского двора планировалось возведение нового корпуса — см. копию с чертежа рязанского губернского архитектора И. Сулакадзева 1792 г. Однако в конце XVIII века здание всё же было отремонтировано с изменением архитектуры фасадов в новом виде. Тогда же разобрали и 2-ярусное крыльцо западного фасада. Были переделаны все оконные и дверные проемы, кроме 3, которые сохранились почти полностью. Очевидно, тогда же между северным фасадом и Архиерейским домом появилась стена ограды с воротами и калиткой.

В XIX в. пристроена новая ретирада на месте древней и перестроена северо-восточная часть стены дворового (восточного) фасада, крыша была понижена и покрыта железом.

В конце XIX в. на месте основной части древнего двухэтажного крыльца был построен одноэтажный каменный тамбур, который был снесен в 1958 г. архитектором З.И. Васильевой. После сломки наружного крыльца в XIX в. в главных сенях была устроена внутренняя деревянная лестница, ведущая на 2 этаж, при этом первоначальный свод был частично сломан.

При реставрационных работах 1970-х гг. под руководством архитектора И.В. Ильенко на месте поздних окон на западном, южном и северном фасадах и южной части восточного фасада были восстановлены окна в формах XVII в., разобрана верхняя надстроенная часть венчающего карниза. По натурным следам – фундаментам и следам примыкания на стене – восстановлено кирпичное крыльцо на западном фасаде. Тогда же по проекту инженера Н.А. Маколова производилась подводка фундамента.

В интерьере восстановлена древняя планировка палат XVII в. с учетом их приспособления как для выставок из фондов музея, так и для размещения сотрудников, ведущих научную работу.

По проекту арх. И.В. Ильенко были восстановлены изразцовые печи на своих исторических местах. В юго-восточной палате 1 этажа (бывшая приемная эконома) была обнаружена уникальная первоначальная роспись стен и частично – сводов. Такой росписи середины XVII в. в постройках гражданской архитектуры России почти не сохранилось.

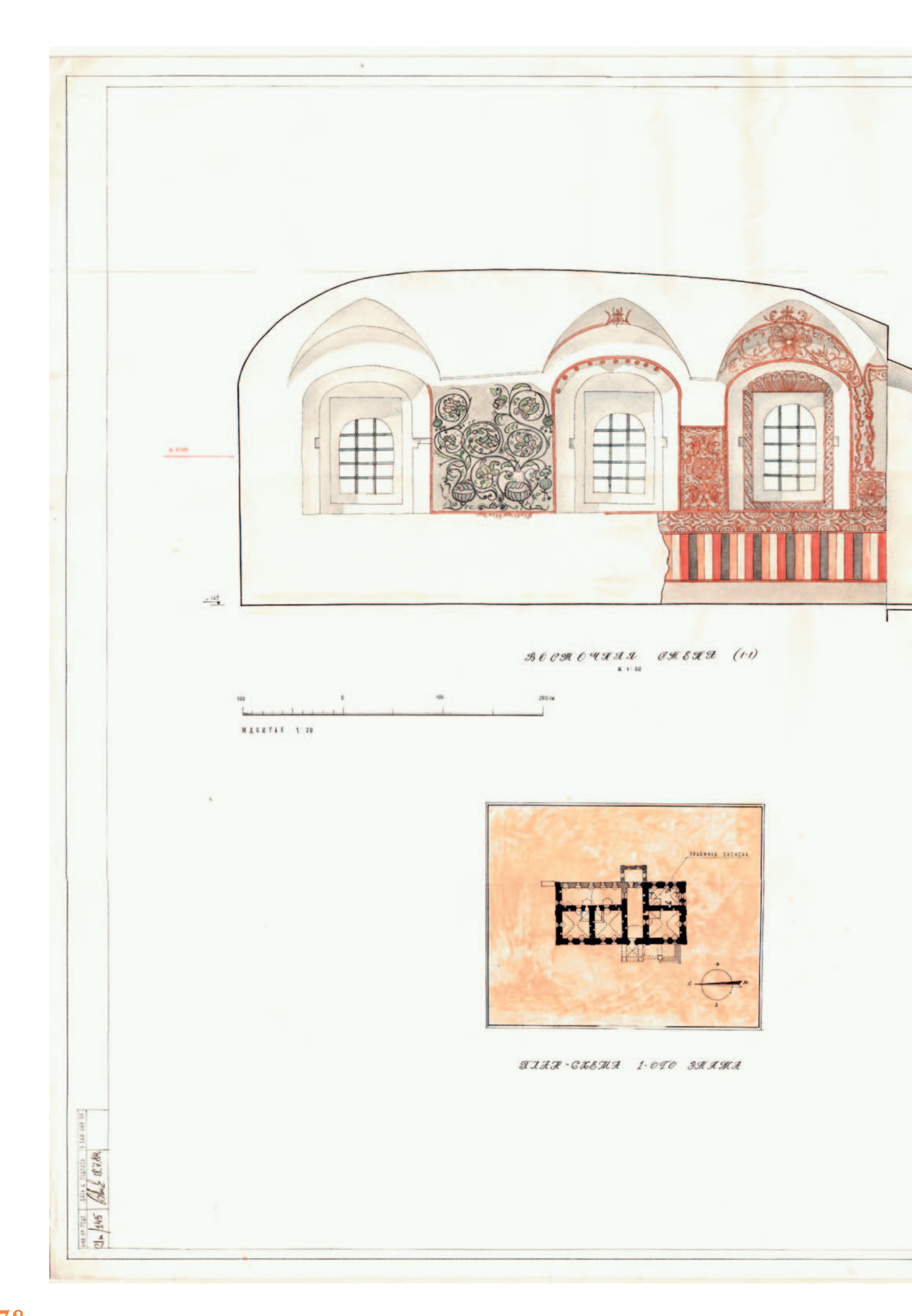
Реставрацией росписи занимались художники-реставраторы высшей квалификации Георгий Евгеньевич Брягин и его дочь Татьяна Георгиевна Брягина.

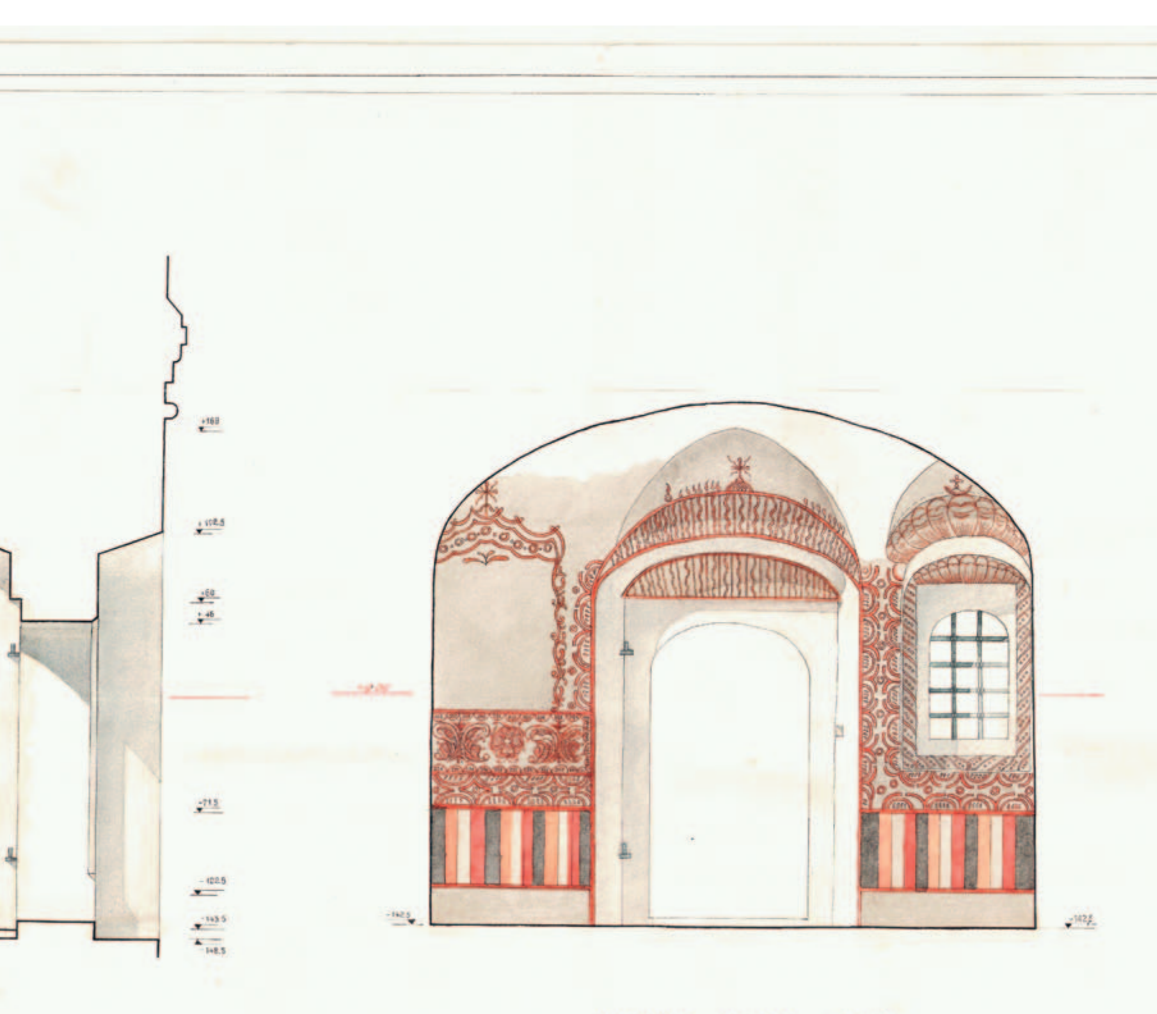
III. Пояснения к проекту реставрации фасадов

Проектом реставрации предусмотрено сохранение декора фасадов, восстановленных в формах середины XVII в. по проекту архитектора И.В. Ильенко, выпущенному в 1970-х годов Необходимо отреставрировать декор, имеющий утраты.

Певческий корпус
Фрагмент сохранившейся живописи XVII в. на западной стене приемной эконома
План-схема 1-го этажа
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
ВСЕСОЮЗНОЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОЕ РЕСТАВРАЦИОННОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
„СОЮЗРЕСТАВРАЦИЯ"
НИПМ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ПРОЕКТНЫЕ МАСТЕРСКИЕ
ВИД ДОКУМЕНТАЦИИ
АРХ. №
21н/144
ДАТА ВЫПУСКА
1-81-21-П
Рязанский кремль
Певческий корпус
СТАДИЯ
ЛИСТ
ЛИСТОВ
4
7

ВОСТОЧНАЯ СТЕНА (1-1)
М 1:20
100
0
100
200 см
МАСШТАБ 1:20
ПЛАН-СХЕМА 1-ОГО ЭТАЖА

Южная стена (2-2)

М 1:20

Примечание

1. Данный чертёж представляет собой фиксацию внешнего вида южной и восточной стен приёмной эконома после проведённой реставрации оконных и дверных проёмов, а также живописи на стенах.
   Красная орнаментальная роспись – 1-ый слой живописи XVII в; полихромная роспись – 2-ой слой живописи кон. XVII в.
2. Данный лист см. совместно с листом арх. № [illegible], где показаны план палаты, рисунок пола, развертки зап. и сев. стен, а также внешний вид восстановленной изразцовой печи.
3. Обмерный чертёж с развертками стен (без росписи) см. лист арх. № [illegible]

НИПМ

Министерство культуры СССР
Всесоюзное специализированное реставрационное производственное объединение
„Союзреставрация"
Научно-исследовательские проектные мастерские

Вид документации	Исполнительн. чертеж
Арх. №	21к/145
Дата выпуска	

Нач. НИПМ	[signature]	Макаров	
Рук. АПМ-1	[signature]	Белов	
ГАП	[signature]	Шуленко	
Авт. пр. рестав.	[signature]	Шуленко	
Исполнитель	[signature]	Любимова	16.1.84

1-83-21-П

Заказчик: Управление культуры Рязанского облисполкома

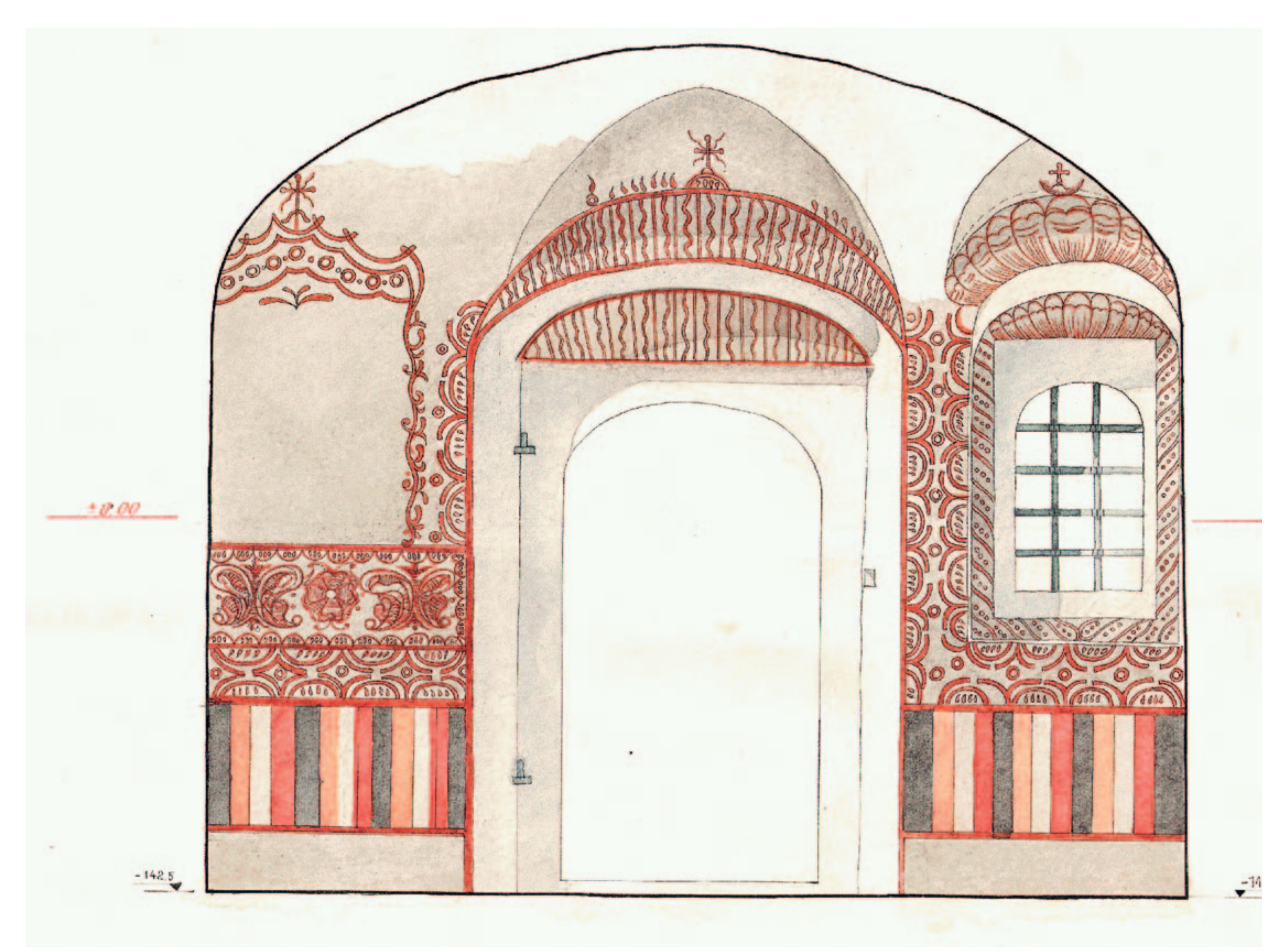
Рязанский кремль

Певческий корпус

Стадия	Лист	Листов
Исп. чертежи	3	7

Южная и восточная стены приёмной эконома после реставрации (развертка с росписью)

Архитектурно-планировочная мастерская №1

На восточном фасаде [...] окна сохраняются в редакции XIX в. Столярка в окнах заменяется и наружные рамы красятся в серый цвет. В окнах XIX в. 1 этажа кубчатые решетки, поставленные изнутри, заменяются на фигурные решетки по образцу XIX в.

У окон XIX в. необходимо выполнить окрытия подоконников.

У пристройки XIX в. места закладок поздних дверных проемов обозначить швом с подсечкой по контуру.

На крыше пристройки сделать разжелобку с выводом в водосточные трубы.

На южном фасаде изготовить наружную дверь в формах XVII в.

В данный проект включена примыкающая к северному фасаду стена XIX в. с воротами и калиткой. По воротам и калитке в дальнейшем будут разработаны рабочие чертежи на металлические навесные створки, если это потребуется для музея.

Проект реставрации учитывает современные технологические рекомендации для реставрационных работ по фасадам, разработанные в 2010 г. и переданные заказчику. В соответствии с указанными рекомендациями существующая шелушащаяся известковая побелка удаляется. Реставрируется обмазка фасадов с последующей покраской в белый цвет кремнийорганической вододисперсной краской «Amphisilan».

Белокаменный цоколь красится известью с добавлением алюмокалиевых квасцов с предварительной обработкой гидрофобизирующим составом. Решетки красятся в цвет тёмного графита.

Крыша на пристройке и окрытие дымников окрасить в цвет полуды (серебристо-серый). Окрытие контрфорса и примыкающей стены ограды между Певческим корпусом и Архиерейским домом окрасить в зелёный цвет (окись хрома).

Тесовая кровля не окрашивается. Прапоры на дымниках и шатре крыльца вызолотить.

Пожарную лестницу и водосточные трубы у ризалита окрасить в белый цвет специальной долговечной краской по металлу.

Главный архитектор проекта *Е.Г. Одинец*

Консистория

Как и положено, здание Консистории хорошо уворачивается от съёмки. Откуда ни глянь, оно неприметное, неважное, всегда что-нибудь более заметное перевешивает, а оно лишь краешком, уголочком, верхушкой, с краю и чуть-чуть.

Настоящий административный центр, доступ отовсюду, всё поблизости, рядом, но не в серединке, дворец Олега – рукой подать. «А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!» – «Сей секунд!».

И то, что консистория похожа на жилое здание, особенно благодаря крыльцу, восстановленному тоже И.В. Ильенко, хорошо помогает прятаться. Когда здание строилось, оно как-то иначе именовалось, но это не очень важно, важно назначение, наличие жилых и нежилых покоев; что делали в жилых, в первом приближении понятно – вероятнее всего, там жили. А в нежилых – не жили. Отправляли какие-то управленческие обязанности, в Ростове так и говорили – Судный приказ, и не только в Ростове, и тоже внутри стен Архиерейского дома, и неподалёку от жилых покоев митрополита.

Жизнеустроительная функция церкви требовала своих институций, а те – своих зданий. Поэтому малозаметен, но неопровержим факт: огромное большинство жилого и нежилого гражданского зодчества сосредоточено в монастырях и архиерейских домах, которые от обычных монастырей отличаются не тем, что есть резиденция архиерея, а тем, что есть административные здания, приспособленные и специально построенные для исполнения управленческих функций.

Вот как надо управлять! И между прочим, без каких бы то ни было рассуждений о свободе и демократии. Это похоже на закономерность. Как только речь заходит о действительно необходимой иерархии, о начальниках и подчинённых, две сферы работают без ужимок и гримас – армия и церковь, болтовня про демократию не то что не приветствуется – её нет! Вовсе. И это нимало не тревожит, потому что только так и можно, если интересует достижение цели, а не разговоры о ней.

«Все люди созданы равными», или равноправными. Какая разница! Неверно и то, и другое. У всех разные длина, цвет, вес, роговица, отпечатки, способности, продолжительность, болезни, стартовые возможности, характеры и ещё 15000 характеристик. Это так очевидно, что человечеству понадобилось много тысяч лет, чтобы сначала сформулировать, а потом привыкнуть к этой соблазнительно простой, но неверной, неправильной идее. Каждый неравен, нетождественен, даже неконгруэнтен никому, кроме себя, и неравноправен. А понадобилась эта простая идея для того,

чтобы «оштучить», превратить во множество вещей «по модулю» большие и малые массы людей: играть в домино можно только если все костяшки белые или чёрные, но одинаковые, имеющие равные рубашки, а вся индивидуальность, кто «дубль-шесть», а кто «пусто-пусто» – должно быть скрыто до поры; для игры и для управления они должны утратить индивидуальность, превратиться в «штуки людей». Для повсеместного утверждения этой мысли пришлось отделить несколько королевских голов от королевских же тел, «возвысить» низших до права избирать и быть избранными, «унизить» высших до костюми-

рованной одинаковости со всеми и разговорами о праве демоса на кратию заморочить головы до того, что население и впрямь перестало замечать, что иерархия никогда, просто никогда не формируется с участием выборных процедур. Даже когда процедуры сложны, урегулированы избирательными законами, публичны, разыграны по нотам и освящены вековой традицией, отчего-то результаты их известны заранее, причём с точностью непревзойдённой – что на выборах вождя племени в Джибути, что на выборах в Нижнюю палату того, что имеет ещё и Верхнюю.

Преимущества естественного освещения в присутственном месте:
второй этаж, значит, свечи нужны только в ночи.

Инженерно-строительная ловкость: было шесть сооружений на пятачке.

Иерархия совсем не зависит от настроений избирающих масс, сохраняется веками в лице представителей одних и тех же семей, принадлежность к ней передаётся от прапрадедов к праправнукам таинственнейшими путями, а влезающие в неё временами чужеродные выскочки уже в третьем поколении приобретают черты «наследственной аристократии», даже если прадедушка торговал окурками на улице, а правнук неустанно руководит банками. Герцог Мальборо всегда останется герцогом, даже если придётся менять партии, как перчатки по сезону и при нужде постреливать по аборигенам в колониях, что блистательно продемонстрировал не один только сэр Уинстон Черчилль, а у генерала контрразведки обязательно отыщется прадедушка из Чека, на худой конец из МИ-6.

Парламентаризм давно стал ветхой ширмой в бродячем театре народовластных политических устройств, где язык дан для сокрытия мыслей, а не для их обнародования, потому что даже если и когда мысль у парламентария есть, уж лучше её спрятать, чем ею размахивать, истово убеждая слушателей, читателей и зрителей в ничтожности порождений малого неопытного ума, мнящего себя вершителем судеб десятков, нет, лучше сотен тысяч и миллионов избирателей, окормляемых только его щедростью, душевной широтой и неподдельной правдивостью.

Все до единого собрания разговаривающих, от племенного совещания до конституанты оформляют и утверждают то, что задумано, обдумано, придумано и додумано другими людьми задолго до того, как в зале зажгли свет, открыли двери, утвердили регламент и учредили многовековую традицию, связанную с производством вороха никому не нужных бумаг, даже уничтожать которые приходится с применением механических устройств с электродвигателем.

Консистория – собрание для совещаний. Главная заслуга патриарха Никона – попытка институционализировать разделение властей. Только не просвещенческое разделение, на законодательную, судебную и исполнительную, эта придуманная трихотомия хороша только как благородное пожелание, как попытка мысли, разбивающаяся в мелкие клочья тотчас после появления при наличии хоть каких-нибудь знаний. Назначить себе зарплату депутат может, но кто её платит? Откуда привозили раньше мелко нарезанную бумагу, а теперь просто шлют цифры по проводам и оптоволокну? Оттуда, где они есть, где собираются налоги и хранится казна, из правительства. Признаться, и независимые судьи – точно так же. Неукоснительно. А разделение, балансировка и юстировка – для тех, кто увлечён яркостью, расцветкой, фасоном, моделью и разводом караулов, желательно конных.

Никон же тем так напугал своего младшего товарища Алексея Михайловича Романова, что в самом деле, всерьёз удумал не просто «окормлять паству», а участвовать в общественном и страновом жизнеустройстве. Не у него только одного, эти размышления заняли примерно полтысячелетия – от Ивана III Великого до восстановления патриаршества в начале XX века, и сейчас вряд ли окончены. В самом кратком виде дихотомия выглядит так: «Богу – богово, а кесарю – кесарево». Как всегда, суть коренится в пустячном вопросике – «Как?» Как разделить тому того, а этому его? Самоуправление Елены Глинской, контроверзы между Иваном IV и митрополитом Филиппом, учреждение патриаршества при Борисе Годунове и уничтожение его при Петре Алексеевиче, два патриаршества Филарета и ссылка Никона в Ферапонтов монастырь – всё вокруг этого гадкого вопроса: как исполнить пастырский долг, не вмешиваясь в полномочия государя? Самый остроумный ответ – конечно за Филаретом, он не чинясь сам стал именоваться Великим государем, равным царю и распоряжался государскими делами как своими. Никон чуть попозже тоже попытался, но у Алексея Михайловича (а, может быть, и у Марии Ильиничны, она была на пару лет старше) характер был не тот, бровь полезла вверх, да так там и застряла – двум медведям в одной берлоге не зимовать.

Никон совсем серьёзно располагался на соседнем троне, косвенно об этом свидетельствует его внимание к символам. Два кипарисовых креста Кийской модели, не здесь сляпанные, а заказанные в Иерусалиме, не имеют восьмого (считая от нижнего) окончания, вертикальной верхушечки. Заметить это можно в московском Кремле, в церкви Двунадесяти апостолов над Патриаршими палатами. А дворца Алексея Михайловича в Кремле нет,

только в Саввино-Сторожевском, да и поскромнее. У Никона главная резиденция – аж Новый Иерусалим, в котором царит Царь славы, и в едином комплексе и кувуклия, и Воскресенский собор, и Константино-Еленинская церковь.

Конечно, Новоиерусалимский монастырь – это не про переопределение православия, исправление обряда и т.п., это про переназначение роли православия, здесь – центр не духовной власти, а центр всего вообще сущего, и помазанник божий – тут не первый, а равный. Поэтому Пётр так остервенело боролся с патриаршеством, видел его мощь, его содержательную обязанность быть неизмеримо выше всех комбинаций однокоренных слов с основой «свет»: светлое светское просветительство и Просвещение опасается легко завязнуть в мелкоте своих озарений и просто обязано предъявить истинному знанию и опыту обвинение в мракобесии и обскурантизме, только для того, чтобы опуская другое знание, возвысить своё. И когда бы Вольтер знал по-русски, он бы, перед тем как «идти искать великое 'быть может'», согласился бы с тем, что и «познание умножает скорбь», и «во многая мудрости много печали».

Частично воплотить в жизнь намерения Никона удалось его младшему единомышленнику митрополиту Ростовскому Ионе Сысоевичу на огромном пространстве, от Углича до Ярославля и дальше. Примерно сорок лет он устраивал жизнь в своей епархии как единственный, кроме Бога и Государя, хозяин. Он был хозяйственным цементом, скреплявшим подвластные земли. Других скоб, канатов и веревок, кроме языка и церкви, не было. Все до единого другие центры иерархии, власти – были неизмеримо меньше по полновластию, по территории и по времени. Воевод по городам сменяли раз в два года или чаще, уездные приказные люди, губные и прочие старосты смотрели на Митропотита как мышь на слона, а он за почти сорок лет построил чуть ли не больше, чем Никон, соревновался с ним только Фёдор Алексеевич.

Архиерейский дом – не другое название кремля, а прежде всего центр власти и организующей силы, если у иерея хватает образования понять это. А консистория – его приказная палата, его администрация, правительство и суд. Чудные и малопонятные слова, толпами приглашённые в Россию Петром Алексеевичем, оказались очень удобны для тех, кто умеет ими пользоваться. Инструменты социальной политики перестают быть вожжами общественного управления, если их так переназвать. И приказная изба митрополита оказывается куда более осанистой, если её отрекомендовать консисторией, тут уж шутки как-то перестают быть уместны.

А уж если к ней пристроить правильное крыльцо, она и вовсе расцветает и прихорашивается, как невеста на выданьи.

Ещё раз, покороче

Что-то не то с колченогой историей XVII века. Во всех краях он немного вылезает из последовательности соседних столетий, но нигде его не считают ущербным, застрявшим в прошлом, прямо алкающим модернизации; есть надежда, что и в России перестанут. Эта перемена не обещает быть решительной и революционной: люди меняются мало и медленно, и сегодняшние ни капельки не умнее прошлых; чтобы огранённый за триста или четыреста лет алмаз заискрился, его надо шевельнуть самую малость, совсем чуточку поменять угол зрения – и так же, как с изношенностью народа, станет ясно: «Ну да, так и есть, как же раньше не приметили». Когда есть воля – искрится, нет – потухает.

От Елены Глинской и её юного сына берут корни основания самоуправления в русском государстве как одной из основ власти – губные избы и старосты; чуть позже появляются от необходимости соборы – церковные и берущие с них пример земские, и те, и другие занимаются страноустроением, уже в XVI веке соперничая в успешности именно землеустроительной деятельности, как Филипп и Иоанн; в начале XVI века Сигизмунд Герберштейн примерял латинский титул rex, то есть царь и император, к батюшке Иоанна Васильевича, а в конце века появилось патриаршество как альтернатива светскому заступничеству и представительству, ничтожность которого явлена была во второй половине царствования, поэтому деятельность Гермогена до смерти в польском плену оказалась такой успешной, что на Красной площади над памятником князю и старосте должна была бы возвышаться трагическая фигура старца с патриаршим посохом; поэтому начиная с Филарета патриархов именовали точно так же, как и царей, Великими государями, и поэтому Никон так возвысил Кийский крест (7-конечный с верхней перекладиной без вертикального завершения): две главы у земли и народа, две равнополновластные, оттого и никакое иное представительство (светское, от сословий и городских советов к парламентаризму) не только немыслимо, но и не нужно; вот это было отнято у старообрядцев – воля, самоорганизация, опора на свои силы, самостийность, а вовсе не вариации в обрядах; опознать в старообрядчестве отсутствующую тенденцию к самоуправлению, к городским и сельским свободам, к самоуправлению сословий – не так-то просто, но только она всё скрепляет и объединяет, а земские соборы, растянувшиеся на столетие – просто размазанное во времени конституционное собрание, завершённое актом 1649 года; так объяснённая, так понятая история всего XVII века ко времени Фёдора Алексеевича и Софьи Алексеевны подходит как выстроенный трамплин для скорого и мощного развития; что это так, косвенно, но очень убедительно свидетельствует Иона Сысоевич, митрополит гигантской ростовской епархии: за почти сорок лет вокруг Ростова и Ярославля и севернее его митрополичьей беспредставительской властью создана эпоха в архитектуре и общем устройстве жизни, равной которой нет по сей день. Поэтому и В.О. Ключевский считал Никона самой интересной личностью в истории XVII века, и отсюда идут такие далёкие волны истории, до закрытия монастырей при Екатерине II, до миропониманий Александра I и Николая I, до ложнорусского стиля и модерна, до дум, конгрессов, рейхстагов, рад и советов как эрзацпарламентов, умерших во младенчестве из-за нежизнеспособности, до комедийно-макабрической ничтожности самой идеи народного представительства в любом исполнении, от тинга до хурала.

Ясно, что доказать это нельзя. Понадобилось бы десять томов, штат помощников, должность придворного историографа с содержанием чиновника второго класса и многолетняя привычка считать себя способным на регулярное производство мыслей, достойных хотя бы первого прочтения.

Вместо ссылок на источники и литературу с указанием автора, названия, места и года издания, номера тома и страницы для подтверждения правдоподобия написанного – эмоционально ненейтральные изображения церквей и монастырей XVII века, которые все вместе и по одному заставляют задуматься: чем они отличны от тех, что родились раньше и позже и как они слепляются с тем миром, который был описан чуть выше, они подходят к нему – или противоречат, не могут там быть.

Почему Рязань?

Кроме самого правильного, но самого дурацкого ответа «Потому что красиво» надобно упомянуть государствообразующую роль этого времени. Надо специально постараться и заставить себя понять, что посол Священной Римской империи германской нации Сигизмунд Герберштейн, оставивший «Rerum Moscoviticarum», был в первый раз сопровождён к московскому Великому князю от границы всего через сорок лет после Стояния на реке Угре, впадающей в Оку как раз на месте Стояния. В это время (первая четверть XVI века) берега реки то ли ещё, то ли уже именовались так: левый – русский, правый – татарский. Причем правый стал татарским не потому что там жили татары, а потому что там бывали татары. Регулярно, с оружием, конные, для поживы людишками и их животами. Бывали настолько часто и эффективно, что сами крымчаки дивились – «да остались ли ещё жители в русских землях, уж мы ими торгуем-торгуем, гоним их сюда полоном, гоним, а им всё конца-края нет». И совсем пресеклась эта татарская опасность для русских земель страшно сказать, когда – при Екатерине II, с присоединением Крыма. А Пётр I для татар и турок знаменит был в основном тем, что они его едва в плен не взяли, на волоске висел. Освоение и заселение этих земель началось ещё в X–XI веках, и продолжилось после катастрофы XIII века по естественным и обычным причинам (нужны земли, угодья и т. п.), но подстёгнуто было варварским обыкновением степняков грабить соседей дальних и ближних, вообще жить за их счёт. Такое случилось предвосхищение капитализма в условиях, далёких от капитализма как небо и земля: и степняк, и капитализм могут существовать, только расширяясь, только в экспансии, только отнимая чужое – можно землицу и людишек, можно прибавочную стоимость обработанного людишками товара. Китайцы в таких условиях построили Великую стену, у русских людской ресурс был малочисленнее, но за века сделали то же, что и Стена: монголы меньше, маньчжуры совсем растворились в побеждённых народах, а уйгуры так и вовсе не обеднили, а обогатили культуры тех краёв, куда их занесла судьба. Как именно это происходило – видно на Оке.

Даниил Гранин говорил, что главное в истории, даже самое главное – чувства и внутренняя мотивация людей, побуждающие их к действиям; они совсем не отражаются в документах, ни в актах, ни в воспоминаниях, даже когда вспоминающий старается быть честным. Увидеть чувство в живописи или скульптуре – уже непросто, а в архитектуре и вовсе его, кажется, быть не может, одна математика и геометрия. Но дух захватывает не от формул и линий, не от сечений и проекций, а от облика, сразу, картинкой в глаз. И застревает в голове именно чувство, восторг, ликование, изумление, теплота, сладостность, радость. Архитектура не требует доказательств, объяснений, она либо чувствуется, либо нет, она удивляет уродством и восторгает гармонией. Именно поэтому архитектуру можно использовать в исследовании – как инструмент проверки логики, конструкций и выводов, как правильные решения, приведённые в конце задачника по арифметике на постоянно открытых страницах, как то, что помогает движению, а не только украшает его.

В «Соборах.ru» есть фотография Белёва или Болхова от 26 сентября 1942 года.

Она была выставлена на аукционе древних фотографий, что естественно. Продававшие никакого отношения к снимавшему не имели, правильное отношение к нацистскому прошлому выработали. Тот, который снимал, подозревал, что на месте кирпичных куч рядом с устоявшими стенами была какая-то красота, надо хоть так запечатлеть. А из этого неминуемо следует, что все эти нахлынувшие на Россию миллионы чуяли, что они не приказ выполняют, а чинят неслыханное зло, что они не нажимают на курок, а втыкают вилы в бок, с удовольствием поворачивая, причём каждый, даже последний снабженец. Участники войны говорят, что они простили, что они могут говорить с бывшим врагом и сидеть за одним столом. А кто-то из нынешних – нет, не стрелял, но простить

не может. Броситься оземь и кататься в отчаянии, выть от бессилия, съедая собственные зубы, – хотел тот историк, кто думал о русской истории до монголов. И верно, Старая Рязань – тем больше, чем молчаливее; чем сильнее историк, тем больнее отчаяние и страшнее безвозвратность утраты, размеры которой могут себе представить себе лишь археологи. След, оставленный западными ордынцами в русской истории, глубже, чем тот, что оставлен восточными кочевниками. Вся занятая территория стала Старой Рязанью, уцелели единицы, спасены единицы, восстановлены единицы, вроде псковских и новгородских церквей. И Болхов – зияет, как отсутствующий зуб в оскале. Найти славные страницы в его истории можно, но нет желания. Ну вот отшибло, и всё, как и в случае с Муромом. Дивный, говорят, город. Но вот не лежит туда путь, словно троицкий чеснок на дороге рассыпан.

Пусть эти лакуны остаются.

Соблазнительно было бы придумать заранее и огласить какие-нибудь проверочные способы, ухватки, приёмчики для проверки всей этой нагельной конструкции, приёмчики и логические, доопытные, и позволяющие по-иному (неважно, по-новому или по-старому) взглянуть на источники, чтобы они сказали другие слова и оказались смазкой в новом механизме. Например: в каких-нибудь патриарших или местных документах увидеть подтверждения земле- и страноустроительные размышлений и действий, вроде рассылки по монастырям повеления патриарха изготовить и сдать в казну с такого-то монастыря столько-то бердышей, топорков и копий, отдельно пищалей, штук троицкого чеснока, и зелья; или участие духовной власти в усовершенствовании метрической системы (без метров пока, конечно) – изготовление в одном месте и рассылка для образца по уездам окованной осьмины с греблом, прямизна которого не вызывала бы сомнений хоть несколько лет. Или в документах монастырей что увидится, или ещё где. Но тут заранее не угадаешь.

Нагельная конструкция имеет не так много составляющих:

– наличие самоуправления;

– челобитные как способ обратной связи для власти и повседневное жизнеустройство для крестьян и посадских, и воевод, и стрельцов, и бояр, и окольничих, и городовых дворян, для всех;

– наследственная самодержавная власть как ценность для всего населения;

– патриаршество и митрополичество как жизнеустроительная инстанция и интенция;

– земские соборы как долгое учредительное собрание;

– староверие как сосуд, сохраняющий волю в двух смыслах; неясно пока, можно ли говорить о том, что старая вера распространена была преимущественно в незакрепощённых землях, в черносошных или государевых; если здесь просмотрится какая-то корреляция, это подкрепит тезис о воле;

– отсутствие парламентов и их зачатков в России – это не признак отсталости, а признак здравомыслия: парламент не нужен, вреден во всех случаях, потому что малосведущим людям поручаются требующие великого ума затеи; умы и так-то встречаются редко, а уж великие – искать устанешь.

Людям опять кажется, что ещё чуть-чуть, и они нащупают новый лик рецепта счастья и правильного государственного устройства, когда всё само собой устроится, стоит только применить новое знание или понимание, и вот уже не надо объяснять рабу, почему у него такая рабская судьба, крестьянину и так будет ясно, почему три дня в неделю надо работать на дядю, отчего рабочему из прибавочной стоимости товара, созданного его трудом, достаются слёзы, словом, та самая буржуинская тайна, которую надо держать втайне ото всех. Например, в XX веке ещё нельзя было рассчитать всё на свете, а теперь-то появились компьютеры с невиданными возможностями, поведение стало предсказуемо и индивидуальное, и массовое. Надо только прикинуть количество каши и лохмотьев, достаточное для тихого поведения тех, кто по-прежнему не догадывается, что его надувают, теперь вот высокотехнологично, и безо всяких методов внеэкономического принуждения. А главный секрет, как всегда, в другой стороне.

Как сделать узду жёсткой сверху, чтобы иерархичность выстраивалась безупречно, а в обратную сторону – соответственно наоборот, какие сигналы ни посылай, обратной связи не дождёшься, да и ждать перестаёшь, Главное – согласовать строгость узды и достаточное количество материальных благ для усыпления рассудка.

То, что долго ошибочно именовалось свободой, должно переопределиться вообще – это самостоятельность, самостийность, воля. Воля как независимость летящего по степи

коня с развевающейся гривой, без узды и без всадника, и воля как упрямый упругий ствол молодого дерева, знающего своё главное дело – расти и расти, ввысь, вверх, на ветру и против дождя, с собственной мотивацией, своими внутренними силами, с конституцией, которая в голове, а не на бумаге.

Если принять такое толкование свободы, что-то в истории выстраивается в более разумную картину.

Институционально обратная связь раньше называлась религией: заступничество – главная обязанность Царя Славы.

Главное во власти – иерархия, сформированная любым способом; демократия и парламентаризм – абсурдный, нечестный, даже идиотский способ убедить население в том, что оно причастно к формированию иерархии, к решению главных задач, убедить население в том, что одна из целей власти – забота о людях, попечение о них. Нередко встречается оскюморонный термин – общественное государство, для совсем уж оскудевших умом: когда state не для социума, нет причин для его существования. Поэтому так запоминаются редкие случаи действительной заботы и попечения – вроде Странноприимного дома графа Шереметева или античного водопровода в городе Ниме.

Для парламентаризма и демократии обязательно понимание населения, что без иерархии власти жизнь невозможна. Об этом раньше только мечтали, когда приходилось сакрализировать царя как средоточие власти. «Нет власти, аще от Бога». Торжество рационализма как квинтэссенция эпохи Просвещения по лозунгом «écrasez l'infâme» легко обеспечило победу над всеми этими заступничествами, левыми щеками, добросердечиями долготерпения. Собрались разумные люди, хорошенько подумали, придумали новое государственное устройство, и призадумались: неужели кто-нибудь поверит, что двести человек что-то могут знать об интересах миллионов людей, что кто-то станет платить им зарплату из налогов просто за то, что они, выбранные, научатся (не все) носить умные лица и стремиться попасть в настоящую иерархию, сформированную никому не ведомыми способами.

Торжество разума оборотилось праздником для хитрецов и болванов. Просветители хотели простого и объяснимого, а получилось непостижимое и необъяснимое. Как могла родиться в голове мысль, будто одному человеку, депутату, можно доверить интересы хоть пяти, хоть пятидесяти тысяч избирателей. Безмерную глупость эту оправдывает только то, что почти во всём мире в выборах участвуют от четверти до трети (редко половины) избирателей. А большинство чувствует подвох, и, ничего не пытаясь объяснить, просто голосует ногами. Прочь от немереного неумия.

Очевидная тенденция к увеличению роли власти как комплекса государственных институтов в жизнеустроительной деятельности обязана превратиться в обратную тенденцию: хорошо работает только тот механизм, в котором начальник нужен раз в месяц, проверить, все ли подшипники смазаны. Государство тогда оказывается не группой людей, присвоивших себе право распоряжаться собранными с населения налогами в меру своего разумения, не ставящей сама себе цели группой, более или менее удачно добивающейся этих целей, а иерархией помощников общества, детали которого сами разумеют, «камо грядеши». И способ формирования такой конгрегации оказывается решительно неважен.

Миллионы сломанных в борьбе за свободу и демократию копий и жизней оказываются принесёнными в жертву «фальшивой Елене»», как писал в конце XVIII века И.Г. Гердер. Республиканско-парламентский способ формирования иерархии людей, знающих, кто кому подчиняется, кто отдаёт, а кто исполняет распоряжения – вот непризнанное дитя эпохи Просвещения, растоптавшее всех законных наследников этой эпохи. Давно уже только грустную улыбку вызывают священные когда-то слова «свобода, равенство, братство». Воля жить сменилась свободой умирать, равенство измеряется вершками, саженями, сантиметрами, фунтами, милями, и тысячами годового дохода, братство звучит и живёт только в симфонии Л. ван Бетховена (Ода на стихи Ф. Шиллера).

Выстраданный поколениями просветителей разных стран комплекс идей и ценностей, словно верблюд об веточку, споткнулся о ничтожное препятствие: самонадеянность. Раздавить гадину предлагали те же люди, что хотели изобрести религию, если бы её не было. Свободу жаждут там, где её нет. Мысль о всесилии разума посещает тех, кто думает, будто разум можно усыпить. А чудовища рождаются лишь в мозгу. Научный путь познания не лучше и не хуже иных путей, он просто не единственный. И ни один психолог не может объяснить, почему работают его методики, он просто ими поль-

зуется, как чёрным ящиком – если сделать так, то будет так. А почему – кто ж его знает. «Про то ведает токмо един Бог!»

Поэтому так гадки беспомощные максимы У. Черчилля про демократию, которая отвратительна, но безальтернативна. Это не так. Альтернатива есть, надо просто отказаться от фетишей, снять шоры. Наитием, наощупь, но ищется то, что и так открыто глазу. Ничего сильнее творчества нет, оно создаёт всё. То, что помогает творчеству, – должно быть, остальное – по желанию, причём творчество – это не только сочинение стихов и знатное малевание сцен Страшного суда, но и римская штукатурка, луноход и секрет жареной картошки.

Беспарламентская жизнь – не ущербность, а другой способ организации связи снизу вверх: не россказни про разделение властей (которые на деле разделить нельзя, потому что это всё – одна всепроникающая иерархия), а признание существующего порядка вещей и его обустройство.

Нельзя двигаться дальше, не признав, что никонианство, движение к которому началось ещё при Иване и Филарете, – это действительно ансамбль светской и духовной власти, и духовная – институционно и содержательно заменяла собой именно парламентаризм, а заступничество и представительство – одно из главнейших содержаний эпохи Ивана Грозного, где же ещё искать корни трагедии митрополита; все четверо первых патриархов – герои именно антипросветительской беспарламентской жизни, поскольку убожество именно парламентского устройства они провидели не хуже нас, да и Иоаким от них далеко не ушёл. И здесь же роль Земских соборов, просто поразительно совпадающих по времени: начались при Иване, закончились при Фёдоре, и играли роль размазанного тонким слоем на целый век Учредительного собрания, завершившегося Соборным уложением и новоуказными статьями. И отсюда же роль Петра с закрытием патриаршества. «Бей своих, чтоб чужие боялись». То устройство жизни, которое он тянул в Россию, связано с самоуправлением и парламентаризмом накрепко: оставив там в земле корешки, он насаждал здесь ботву от моркови, а она упорно вяла, как он её ни порол, как ни ругал, как ни уговаривал. Уничтожив патриаршество как институциональный противовес самодержавию, он первым делом запретил челобитные на имя государя: вы, подданные не можете ничего знать и не смеете думать о законах, судах и исполнении моих указов, я лучше знаю, как надо жить, и у меня тоже есть железная метла для загона человечества к счастью. И парламентаризм умер навсегда, а патриаршество по сей день не смеет и помыслить о заступничестве и представительстве, довольствуясь тем, что дают.

Русский язык избавился от артиклей, чтобы приобрести взамен стальную углеродистую упругость, звонкую силу, которая в немецком образуется иными средствами, не наитием, а надавливанием, силой логики, а не силой крыла. Слово ‘der‘ может быть переведено как ‘который‘ или ‘что‘, но в немецком складе языка это изобилие артиклей не замедляет темп, а уточняет, регулирует; по-русски это не просто связь между словами, а гораздо длиннее, целое объяснение. По-немецки неважно, ein Theil der Kraft, или ein Theil jener Kraft, которая без числа творит добро, но если заменить ‘die‘ на ‘welche‘, что правомерно, то сила сдувается, темп пропадает. Сохранить эту силу в переводе – важнее, чем следовать за словами, теряя силу мысли. Это улучшение Гёте в шекспировском духе: уже и так хорошо, но можно короче, точнее, сильнее. Когда три слова точнее передают смысл, чем семь, надо использовать их. Ещё лучше было бы два, но не втискивается мысль.

Так кто ты есть?

Я – злой творец добра,
И вольный, и невольный.

А если переставить знаки на пороге, то добрые злодеи логически нам все ещё мостят дороги? И как нам быть тогда? Всем бросить вёсла и на них смотреть?

Ответ – в начале книги.

Im Anfang war das Wort.
или der Sinn?
или die Kraft?
или die Tat?

И всем ли подобает разбрасывать вопросы?
Аки тать в нощи?

Игорь Николаевич Кузнецов

О РЯЗАНСКОМ КРЕМЛЕ:

ЛИКУЮЩИЙ XVII ВЕК

Издательство
Памятники исторической мысли
Валентиновка, улица Надежды К.К., 10/1

Сдано в набор: 11.01.2021;
подписано в печать: 25.12.2022;
ф-т 70×100 1/8; п. л.: 49,021447721765;
усл п. л., приведённых к ф-ту 60×90 1/16: 64,9;
бумага мелованная матовая; печать пороховая

Отпечатано и переплетено в России,
у Александра и Любови,
t6

О РЯЗАНСКОМ КРЕМЛЕ

О РЯЗАНСКОМ КРЕМЛЕ